БЕСѢДЫ НА ПРОРОКА
ІЕЗИКІИЛЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА,

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ.

Архимандритомъ Климентомъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КАЗАНЬ.
Типографія М. Шогина и К.
1863.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

—

Листы

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Послѣ Бесѣдъ на Евангелія иже во святыхъ отца нашего Григорія Двоеслова, переведенныхъ мною съ латинскаго языка на русскій, и изданныхъ въ 1860 году, при помощи Божіей я перевелъ еще бесѣды на Пророка Іезекіиля того же Святителя.

Со стороны переводчика требуется вѣрность перевода и ясность; и я съ своей стороны употребилъ все стараніе о достиженіи той и другой цѣли. Но достигъ ли я ихъ, предоставляю судить другимъ.

Впрочемъ не могу не обратить вниманія судей на то, чтобъ они были безпристрастны; и если замѣтятъ какія либо невѣрности, то должны показать, какъ, по ихъ мнѣнію, было бы вѣрнѣе, съ предоставленіемъ мнѣ права, или согласиться съ ними, или обстоять вѣрность моего перевода въ томъ же самомъ журналѣ, въ которомъ будутъ замѣчены (если будутъ замѣчены) какія либо невѣрности. Голо-

словныхъ отзывовъ—безъ доказательствъ—я не желалъ бы ни слушать, ни читать. Что касается ясности, то она, какъ въ латинскомъ подлинникѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ, относительная; потому что Святитель изъяснялъ пророчество Іезикіиля, которое, какъ извѣстно, темнѣе всѣхъ пророчествъ.

Читателей предваряю, чтобъ они не ожидали изъясненія на всю книгу Пророка Іезикіиля. Святитель изъяснилъ только первыя три главы Пророка съ четырьмя стихами четвертой главы, и главу сороковую, безъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Изъясненіе первыхъ трехъ главъ составляетъ у него первую книгу, а изъясненіе сороковой главы—вторую.

Архимандритъ Климентъ.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА (ВЕЛИКАГО),

ЕПИСКОПА РИМСКАГО,

двѣ книги

БЕСѢДЪ НА ПРОРОКА ІЕЗЕКІИЛЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возлюбленнѣйшему брату, Епископу Маріану, Епископъ Григорій, рабъ рабовъ Божіихъ.

За многими настоятельными заботами, я долго оставлялъ въ забвеніи бесѣды на святаго Пророка Іезекіиля, написанныя такъ, какъ я говорилъ ихъ предъ народомъ. Но послѣ осьми лѣтъ, по прозьбѣ братіи, я позаботился отыскать записки нотаріевъ, и пересмотрѣвъ ихъ при помощи Господней, я

исправилъ ихъ на столько, на сколько было можно по тѣснотѣ обстоятельствъ. Поэтому любовь твоя потребовала, чтобы я прислалъ тебѣ эти бесѣды для прочтенія; но я подумалъ, что весьма не прилично черпать достойную презрѣнія воду тому, о комъ извѣстно, что онъ непрестанно піетъ чистыя и свѣтлыя воды изъ источниковъ блаженныхъ отцевъ, Амвросія и Августина. Но съ другой стороны подумавъ, что часто среди ежедневныхъ наслажденій пріятны бываютъ и дешевыя кушанья, послалъ читающему лучшее свое худшее, для того, чтобы онъ, принявъ какъ бы съ отвращеніемъ грубую пищу, съ большею алчностію возвращался къ утонченнымъ наслажденіямъ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Святый учитель, намѣреваясь изъяснять Пророка, излагаетъ предварительныя понятія о временахъ и о способахъ пророчества.

1. Съ благословенія всемогущаго Бога намѣреваясь говорить о Пророкѣ Іезикіилѣ, я считаю своимъ долгомъ предварительно указать на времена и способы пророчества, дабы по указаніи на пріемы его, яснѣе познать силу. Временъ пророчества

три; именно: прошедшее, настоящее и будущее. Но надобно знать, что въ двухъ временахъ пророчество теряетъ свое значеніе. Такъ какъ пророчество потому и названо пророчествомъ, что прорекаетъ будущее: то, говоря о прошедшемъ или настоящемъ, оно лишается основанія на свое наименованіе, потому что не предсказываетъ, что будетъ, но или припоминаетъ о томъ, что прошло, или говоритъ о томъ, что есть. Впрочемъ объ этихъ трехъ временахъ пророчества мы вѣрнѣе будемъ говорить, когда покажемъ основанія для нихъ изъ свидѣтельствъ Св. Писанія.

Пророчество о будущемъ есть слѣдующее: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына* (Ис. VII, 14). Пророчество о прошедшемъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1. 1). Ибо человѣкъ сказалъ о томъ времени, въ которое не было человѣка. Пророчество о настоящемъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Апостола Павла: *аще вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, и истязуется отъ всѣхъ: и сице тайная сердца его явлена бываютъ: и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистину Богъ съ вами есть* (1 Кор. XIV, 24—25). Итакъ когда говорится: *тайная сердца его явлена бываютъ*, тогда ясно открывается, что чрезъ этотъ

способъ пророчества духъ не открываетъ будущаго, а обнаруживаетъ, что есть въ настоящемъ (времени). По какому же праву называется духомъ пророчества тотъ духъ, который не открываетъ ничего будущаго, а обнаруживаетъ настоящее? Въ этомъ дѣлѣ надобно замѣтить, что это пророчество справедливо называется пророчествомъ, не потому что предсказываетъ будущее, но потому, что обнаруживаетъ сокровенное (настоящее). Потому что, какъ въ будущемъ какой либо предметъ скрываютъ отъ нашихъ взоровъ времена, такъ въ настоящемъ скрываетъ его отъ нашихъ взоровъ причина. Ибо событіе будущее скрывается въ будущемъ времени, а настоящій помыслъ скрывается въ лукавомъ сердцѣ. Еще есть пророчество настоящее, когда какое либо дѣло скрывается не отъ духа, но по отдаленности мѣста, а духомъ обнаруживается. Духъ пророчествующаго присущъ и тамъ, гдѣ нѣтъ его тѣла. Ибо Гіезій далеко былъ отъ Пророка, когда принималъ дары отъ Неемана Сиріанина, и не смотря на то, этотъ Пророкъ говоритъ ему: *не ходило ли сердце мое съ тобою, и видѣхъ, егда возвращашеся мужъ съ колесницы своей въ срѣтеніе тебѣ* (4 Цар. V. 26)?

2. Еще надобно знать, что времена пророчества взаимно себя поддерживаютъ въ доказатель-

ствѣ, такъ что иногда будущимъ доказывается прошедшее, а иногда прошедшимъ будущее. Ибо Моисей сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1). Но кто повѣрилъ бы, что онъ вѣрно говоритъ о прошедшемъ, если бы онъ не сказалъ чего либо и о будущемъ? Поэтому онъ въ концѣ этой самой книги, въ началѣ которой говорилъ о прошедшемъ, присовокупилъ отъ Іакова одно пророчество о будущемъ, говоря: *не оскудѣетъ Князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему* (доколѣ не пріидетъ Тотъ, Кто будетъ посланъ): *и Той чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). И самъ отъ себя пророчествовалъ руководимому имъ народу о Томъ же будущемъ Посланникѣ, говоря: *Пророка отъ братіи твоея, якоже мене возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, Того послушайте. И человѣкъ той, иже не послушаетъ словесъ его, елика возглаголетъ Пророкъ оный во имя мое, азъ отмщу ему* (Второз. XVIII, 15. 19). Итакъ для чего онъ къ прошедшему присовокупилъ будущее, если не для того, чтобы чрезъ исполненіе предсказанія о будущемъ доказать и то, что онъ истину говорилъ и о прошедшемъ?

3. Итакъ узнавъ, какимъ образомъ прошедшее доказывается пророчествомъ о будущемъ, намъ остается теперь еще показать. какимъ образомъ въ

самомъ духѣ пророчества доказывается будущее изъ прошедшаго. — Извѣстно, что Царь Вавилонскій, увидѣвъ сонъ (Дан. 11, 2), послалъ за волхвами и чародѣями, и созвалъ всѣхъ Вавилонскихъ мудрецевъ, не за тѣмъ только, чтобы вывѣдать отъ нихъ истолкованіе сновидѣнія, но и вспомнить о самомъ сновидѣніи, именно для того, чтобъ изъ прошедшаго заключить, вѣрно ли будетъ ихъ предсказаніе о будущемъ. Когда они рѣшительно ничего не могли сказать (о прошедшемъ); тогда выставленъ на середину Даніилъ, который на вопросъ о сновидѣніи, не только отвѣчалъ на то, о чемъ былъ вопрошаемъ, но и повторилъ самое сновидѣніе, говоря: *помышленія твоя* (царю) *на ложи твоемъ взыдоша, чесому подобаетъ быти посихъ* (тамъ же, ст. 29). И нѣсколько послѣ: *ты, царю, видѣлъ еси: и се тѣло едино, веліе тѣло оно* (тамъ же, ст. 31) и проч. Разсказавъ въ порядкѣ сновидѣніе его, Даніилъ тотчасъ открылъ и то, что слѣдовало за нимъ въ будущемъ. Итакъ обсудимъ порядокъ пророчества. Отъ помышленій оно переходитъ къ сновидѣнію, а отъ сновидѣнія переходитъ къ будущему. Слѣдовательно разсказавшій, такъ сказать, о самомъ корнѣ сновидѣнія рѣшительно доказалъ изъ прошедшаго, сколь истинно было то, что онъ говорилъ о будущемъ. Но пророчество настоящаго времени

не имѣетъ надобности въ подтвержденіи какъ прошедшаго, такъ и будущаго; потому что когда сокровенная вещь открывается словами пророчества, тогда за истину его ручается самая вещь открываемая.

4. Итакъ, сказавъ о временахъ пророчества, остается намъ еще нѣчто сказать о способахъ и качествахъ его. Потому что духъ пророчества не всегда, и не однимъ и тѣмъ же способомъ соприкасается къ душѣ Пророка. Ибо иногда духъ пророчества входитъ въ соприкосновеніе съ душею пророчествующаго изъ настоящаго, и отнюдь не касается ея изъ будущаго; иногда же касается ея изъ будущаго, но не касается изъ настоящаго. Иногда касается изъ настоящаго и будущаго; иногда же изъ прошедшаго, настоящаго, равно какъ и изъ будущаго, касается души пророчествующаго. Иногда духъ пророчества касается изъ прошедшаго, и не касается изъ будущаго; иногда же касается изъ будущаго, и не касается изъ прошедшаго. Но иногда въ настоящемъ (времени) частію касается, а частію не касается; иногда въ будущемъ частію касается, а частію не касается. Это самое мы по возможности подтвердимъ свидѣтельствами Св. Писанія въ предположенномъ порядкѣ.

5. Ибо духъ пророчества касается души про-

рочествующаго изъ настоящаго, и не касается изъ будущаго. На примѣръ: Іоаннъ Креститель, видя грядущаго Господа, говоритъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). Но не задолго до своей смерти чрезъ посланныхъ учениковъ спрашивалъ, говоря: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Мат. XI, 3)? Этими словами показывается, что хотя (Іоаннъ) зналъ, что на землѣ явился Искупитель, но сомнѣвался въ томъ, снизойдетъ ли Онъ Самъ Собою въ адъ для отверстія его узилищъ. Ибо изъ настоящаго пришелъ въ соприкосновеніе съ духомъ пророчества тотъ, кто, видя человѣчество Ходатая, и разумѣя Божество Его, исповѣдалъ Его Агнцемъ, долженствующимъ уничтожить грѣхи міра; но не былъ въ соприкосновеніи съ Нимъ изъ будущаго, потому что не зналъ о сошествіи Его (Агнца) въ адъ.

6. Но иногда духъ пророчества входитъ въ соприкосновеніе съ душею пророчествующаго изъ будущаго, и не входитъ въ соприкосновеніе изъ настоящаго. На примѣръ: исторія книги Бытія ясно свидѣтельствуетъ, что когда Исаакъ послалъ Исава, сына своего на ловлю (Быт. XXVII, 3 іслѣд.), тогда Реввека подставила ему на благословеніе младшаго сына, который, будучи одѣтымъ въ козлиныя кожи, представилъ отеческому осязанію тѣло брат-

нее. Онъ (Исаакъ) этому младшему сыну далъ благословеніе, какъ старшему, и предсказалъ, что эти благословенія исполнятся въ дали будущности, но не могъ знать, кто стоялъ предъ нимъ. Слѣдовательно, духъ пророчества прикасался къ душѣ пророчествовавшаго изъ будущаго, и не прикасался изъ настоящаго, когда отецъ съ закрытыми глазами предсказывалъ будущее, а не зналъ настоящаго сына.

7. Иногда касается (духъ пророчества) души пророчествующаго изъ настоящаго, равно какъ и изъ будущаго; что мы ясно видимъ изъ той же самой книги Бытія (глав. XLVIII). Потому что въ ней написано, что, когда Іаковъ приближался уже къ концу своей жизни, и велѣлъ Іосифу представить къ себѣ двухъ его сыновъ для того, чтобъ они пользовались благословеніемъ его въ далекой будущности, тогда (Іосифъ) представилъ старшаго къ правой, а младшаго къ лѣвой рукѣ (тамъ же, 10) Онъ (Іаковъ), по слѣпотѣ глазъ отъ старости, ни какъ не могъ по человѣческому зрѣнію отличить, кто изъ внуковъ его старшій, и кто младшій, скрестивъ руки, возложилъ правую руку на младшаго, а лѣвую на старшаго. Когда сынъ хотѣлъ было это поправить, говоря: *не тако, отче: сей бо есть первенецъ:* тогда услышалъ: *вѣмъ, чадо, вѣмъ: и сей будетъ въ люди. и сей вознесется: но братъ его меньшій бо-*

лія его будетъ. (тамъ же, ст. 18. 19). Слѣдовательно, духъ пророчества равно соприкасался къ душѣ пророчествовавшаго, какъ изъ настоящаго, такъ и изъ будущаго, когда Іаковъ и будущее предсказывалъ, и духомъ различалъ поставленныхъ предъ нимъ тѣхъ, которыхъ тѣлесными очами не могъ видѣть. Такъ духъ пророчества дѣлалъ прикосновенія изъ настоящаго и будущаго къ душѣ Пророка Ахіи, когда сей при слѣпотѣ глазъ и ту, которая притворялась быть другою, наименовалъ женою Іеровоама, и предсказалъ, что съ нею будетъ, говоря: *вниди, жено Іеровоамова, почто ты тако странноявляешися; азъ бо есмь посланникъ къ тебѣ жестокъ. Шедши рцы Іеровоаму: сія глаголетъ Господь Богъ Іизраилевъ: излукавствовалъ еси, еже творити паче всѣхъ, елицы быша предъ лицемъ твоимъ, и пошелъ еси, и сотворилъ еси себѣ боги чужды, и сліяны, еже раздражити мя, и отверглъ мя еси назадъ себе. Сего ради се Азъ навожду злая на домъ Іеровоамовъ* (3 Цар. XIV, 6. 9. 10). Ибо изъ настоящаго, равно какъ и изъ будущаго, была въ соприкосновеніи (къ духу) душа пророчествовавшаго, который могъ и входившую обличить, и предсказать ей будущее.

8. Но иногда душа пророчествующаго имѣетъ соприкосновеніе (къ духу) изъ прошедшаго, равно

какъ изъ настоящаго и будущаго. На примѣръ: Елисавета, взирая на грядущую къ ней Марію, узнала, что Сія носила во чревѣ воплотившееся Слово, и наименовала Ее уже Матерію Господа своего, говоря: *откуду мнѣ сіе, да пріиде Мати Господа моего ко мнѣ* (Лук. 1, 43)? О зачатіи Его и чрезъ Ангела говорится Іосифу: *рождшееся бо въ Ней отъ Духа есть Свята* (Матѳ. 1, 20) Это именно сказала Елисавета: *блажена вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголаннымъ ей отъ Господа* (Лук. 1, 45). Ибо говоря: *блаженна вѣровавшая*, она ясно показываетъ, что по духу знала о словахъ Ангела, сказанныхъ Маріи; а присовокупляя: *яко будетъ совершеніе глаголаннымъ ей отъ Господа*, она предвидѣла, что должно было послѣдовать съ Нею въ будущемъ. Слѣдовательно, въ одно и тоже время была въ соприкосновеніи къ духу пророчества и со стороны прошедшаго, и со стороны настоящаго, и со стороны будущаго, та, которая знала и о вѣрѣ (Маріи) обѣтованіямъ Ангела, и разумѣла, что она носила во чревѣ Искупителя рода человѣческаго, именуя Ее Матерію (Его), и предсказывая, чему должно было быть, предвидѣла, что долженствовало послѣдовать въ будущемъ.

9. Но иногда духъ пророчества прикасается къ душѣ со стороны прошедшаго, и не прикасается

со стороны будущаго; что ясно открывается въ Апостолѣ Павлѣ, который ученикамъ говоритъ: *сказую вамъ, братіе, благовѣствованіе благовѣщенное отъ мене, яко нѣсть по человѣку. Ни бо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Іисусъ Христовымъ* (Гал. 1, 11. 12). Поэтому онъ и другимъ ученикамъ говоритъ: *по откровенію сказася мнѣ тайна* (Ефес. 111, 3). Не смотря на то, объ этомъ самомъ Евангеліи, которое узналъ чрезъ откровеніе, намѣреваясь проповѣдывать въ Іерусалимѣ, говоритъ: *азъ связанъ духомъ, гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ невѣдый* (Дѣян. XX, 22). Таинство Евангелія состоитъ въ томъ, что Единородный Сынъ Отчій воплотился и содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, Который, бывъ распятъ, мертвъ и погребенъ, въ третій день воскресъ; а въ сороковый день вознесся на небо, и сидитъ одесную Отца. Слѣдовательно, тотъ, кто по откровенію зналъ Евангеліе, имѣлъ соприкосновеніе къ духу пророчества со стороны прошедшаго; но поелику онъ не зналъ того, что долженъ былъ пострадать за это же самое Евангеліе, то безъ сомнѣнія не имѣлъ соприкосновенія со стороны будущаго. Ибо онъ говоритъ такъ: *точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ* (тамъ же,

ст. 23), ясно показывая, что другимъ открыто, что будетъ съ нимъ, но не ему самому о себѣ, такъ какъ о немъ чрезъ Агава говорится: *мужа, егоже поясъ сей, такѡ свяжутъ его во Іерусалимѣ Іудеи* (Дѣян. XXI, 11).

10. Иногда же духъ пророчества прикасается (къ душѣ) со стороны будущаго, но не прикасается со стороны прошедшаго. Такъ, на примѣръ, о событіи съ Елисеемъ написано, что когда одинъ изъ сыновъ пророческихъ сѣкъ дерева, тогда у него топоръ спалъ съ топорища, и потонулъ въ водѣ; поэтому онъ возопилъ: *о Господине! и сіе заемное. И рече человѣкъ Божій: гдѣ паде; и показа ему мѣсто: и отсѣче древо, и вверже е тамо: и всплыве желѣзо* (4 Цар. VI, 5—6). Въ этомъ именно событіи съ Пророкомъ познается, что отыскивавшій мѣсто, гдѣ упалъ (топоръ), зналъ, что намѣренъ былъ сдѣлать; однако же изъ отыскиванія видно, что онъ не зналъ, гдѣ упалъ топоръ. Слѣдовательно, духъ пророчества прикасался къ душѣ Елисеевой со стороны будущаго, но не прикасался со стороны прошедшаго; потому что онъ (Елисей) могъ знать и желѣзо, потонувшее въ водѣ, имѣя намѣреніе извлечь оное на поверхность, но рѣшительно не зналъ, гдѣ оно упало.

11. Но иногда духъ пророчества частію ка-

сается (души) въ настоящемъ (времени), а частію не касается. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія Апостола Петра, когда ему сказано было духомъ о воинахъ, посланныхъ къ нему отъ Корнилія; потому что написано: *рече ему* (Петру) *Духъ: се мужіе тріе ищутъ тебе. Сошедъ же Петръ къ мужемъ посланнымъ къ нему отъ Корнилія, рече: се азъ есмь, егоже ищете: кая есть вина, еяже ради пріидосте* (Дѣян. X, 19 .21)? Изъ этихъ словъ его видно, что онъ отъ Духа не слышалъ о той самой причинѣ, о которой спрашивалъ у воиновъ. Слѣдовательно, Духъ частію коснулся души Петра въ настоящемъ (времени), а частію не касался; потому что онъ сказалъ ему, что пришли воины, а за чѣмъ пришли, объ этомъ умолчалъ.

12. Иногда духъ пророчества частію касается со стороны будущаго, а частію не касается. Такъ, на примѣръ, дѣти пророческія говорятъ къ Елисею о вознесеніи Иліи: *разумѣеши ли, яко взимаетъ Господь днесь господина твоего верху главы твоея (отъ тебе)* (4 Цар. 11, 3. 5)? Но по вознесеніи его, разсѣеваются въ разныя стороны, и ищутъ его по горамъ и холмамъ. Слѣдовательно, со стороны будущаго духъ пророчества частію коснулся души ихъ, а частію не касался, когда они того, о вознесеніи котораго знали, отыскивали не

долженствовавшаго обрѣстися. Итакъ они частію были въ соприкосновеніи (къ духу), а частію не были; потому что и знали то, что могло быть возпесено, и не знали того, что не могло быть отыскано. И тотъже самый Елисей частію былъ въ соприкосновеніи къ духу пророчества со стороны будущаго, а частію не былъ, когда говорилъ Царю Израильскому: *удари на землю; и удари Царь трижды, и ста. И оскорбѣ человѣкъ Божій о немъ, и рече: аще бы ударилъ еси пятищи, или шестищи, тогда бы еси поразилъ Сирію до скончанія, нынѣ же побѣдиши Сирію трищи* (4 Цар. XIII, 18. 19). Итакъ онъ зналъ, что (Царь) столько разъ поразилъ бы Сирію, сколько разъ ударилъ бы на землю; но когда говорилъ ему: *удари на землю,* тогда не зналъ, сколько разъ онъ ударитъ на нее (потому-то онъ и оскорбился, когда ударено на землю только трижды); ясно, что со стороны будущаго частію былъ въ соприкосновеніи (къ духу), а частію не былъ тотъ, кто предсказалъ пораженіе Сиріи, но желалъ, чтобы ударенiй на землю было болѣе. Такъ и Самуилъ, когда былъ посылаемъ отъ Господа на помазаніе Давида, отвѣчалъ: *како пойду; и услышитъ Саулъ, и убіетъ мя* (1 Цар. XVI, 2)? Онъ помазалъ Давида, но не убитъ Сауломъ. Слѣдова-

*

тельно, со стороны будущаго душа Пророка частію была въ соприкосновеніи (къ духу), а частію не была, потому что онъ и зналъ, что Давида надобно было помазать на царство, и не зналъ, что ему не должно было быть убитымъ отъ Саула.

13. Еще надобно знать, что Пророки иногда становятся въ соприкосновеніе къ духу пророчества близко, и не становятся издали; иные же—издали, а не близко; другіе же какъ издали, такъ и близко. Ибо нѣкоторые становятся въ соприкосновеніе близко, и не становятся издали; такъ на примѣръ: Самуилъ зналъ о пропажѣ ословъ, предсказалъ отысканіе ихъ, и предвозвѣстилъ Саулу будущее царство (1 Цар. IX, 15. 20); предсказываетъ даже, что Давидъ будетъ его преемникомъ, но не предсказываетъ, что сей будетъ отцемъ Царя вѣчнаго (1 Царст. XVI, 12). А нѣкоторые становятся въ соприкосновеніе (съ духомъ) издали, и не становятся близко. Такъ на примѣръ, тотъ же Давидъ зналъ о воплощеніи Единороднаго Сына Божія, говоря о Сіонѣ: *человѣкъ и человѣкъ родися въ немъ, и той основа и Вышній* (Псал. 86, 5); разумѣлъ и то, что Онъ вознесется на небеса, и сядетъ одесную Бога Отца, говоря: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Псал. 109, 1); и однакоже не предвидѣлъ ближайшихъ событій. Изъ множества ихъ

скажу о немногихъ: онъ не зналъ о замыслѣ слуги Мемфивосоеова, Сивы, противъ господина своего (2 Цар. XVI, 3. 4); а Амессаю обѣщая говоритъ: *сія ми да сотворитъ Богъ, и сія да приложитъ, аще не будеши князь силы предо мною во вся дни, вмѣсто Іоава* (тамъ же, XIX, 13), именно по незнанію того, что должно было случиться; потому что этотъ Амессай не только не получилъ начальства надъ войскомъ вмѣсто Іоава, но и жизнь свою кончилъ чрезъ нѣсколько времени отъ Іоава (тамъ же XX, 10). А когда хотѣлъ построить храмъ Богу, то незная, что будетъ вблизи, вопросилъ о томъ другаго Пророка (тамъ же, VII, 3).

14. Но нѣкоторые (Пророки) становятся въ соприкосновеніе (къ духу) какъ издали, такъ и вблизи. Такъ Исаія пророчествуетъ о далекомъ событіи въ будущемъ, говоря: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (Ис. VII, 14). О Немъже онъ опять говоритъ: *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка, Начальникъ мира. И веліе начальство Его, и мира Его нѣсть предѣла* (Ис. IX, 6). И онъ же (Исаія), близко поставленный въ сопри-

косновеніе съ духомъ пророчества, предсказалъ Царю Езекіи, что сей выздоровѣетъ, и сколько еще лѣтъ проживетъ послѣ выздоровленія (Ис. XXXVIII, 5).

15. Иногда же и въ Пророкахъ не бываетъ духа пророчества; сей не всегда присущь душамъ ихъ; потому что, когда они не имѣютъ его, тогда во время наитія его сознаются, что имѣютъ его по дару. Поэтому Елисей, когда запрещалъ отроку Гіезію отревать плачущую Соманітяныню отъ ногъ своихъ, сказалъ: *остави ю: яко душа ея болѣзненна въ ней, и Господь укры отъ мене, и не возвѣсти мнѣ* (4 Цар. IV, 27). Еще, когда Іосафатъ вопрошалъ его о будущемъ, а духа пророчества въ немъ не было; тогда онъ велѣлъ привести пѣвца для того, чтобы чрезъ славу псалмопѣнія нисшелъ на него духъ пророчества, и сказалъ душѣ его о будущемъ (4 Цар. III, 11. 15). Ибо когда псалмопѣніе совершается съ напряженіемъ сердца, тогда чрезъ это приготовляется путь къ сердцу всемогущему Богу, для того, чтобъ, или сообщить напряженной душѣ тайны пророчества, или благодать сокрушенія. Поэтому написано: *жертва хвалы прославитъ мя: и тамо путь, имже явлю ему спасеніе мое* (Псал. 49, 23). Ибо что на Латинскомъ языкѣ (тоже и на Русскомъ) называется *спасеніемъ*, то на Еврейскомъ называется *Іисусомъ*. Слѣдо-

вательно, въ жертвоприношеніи хвалы устрояется Іисусу путь къ явленію; потому что, когда чрезъ псалмопѣніе вливается умиленіе, тогда устрояется у насъ въ сердцѣ путь, которымъ наконецъ доходятъ до Іисуса, такъ какъ Самъ Онъ о явленіи Своемъ говоритъ: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV, 21). Поэтому же написано: *воспойте Богу, пойте имени Его: путесотворите возшедшему на запады. Господь имя Ему* (Псал. 67, 5). Ибо Онъ *возшелъ на запады*, когда попралъ смерть воскресеніемъ. Когда мы воспѣваемъ Его, тогда устрояемъ путь, по которому Онъ пришелъ бы къ нашему сердцу, и воспламенилъ насъ благодатію любви Своей. Но что въ Пророкахъ не всегда присущъ духъ пророчества, это еще доказываетъ человѣкъ Божій, который, бывъ посланъ въ Самарію, возвѣстилъ о бѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть ее (3 Цар. XIII). Впрочемъ онъ, имѣя запрещеніе отъ Господа не ѣсть на пути, обманутъ убѣжденіемъ ложнаго пророка (тамъ же, XVIII, 19). Ложное слово не обмануло бы его, если бы онъ имѣлъ въ себѣ духа пророчества.

16. Еще надобно знать, что иногда святые Пророки, давая совѣты, по частому употребленію пророчества, произносятъ нѣчто отъ своего духа, и

думаютъ, будто они говорятъ это по духу пророчества; но поелику они святые, то скоро бываютъ исправлены отъ Святаго Духа тѣмъ, что слышатъ отъ Него истину, и укоряютъ самихъ себя за то, что сказали ложь. Ибо кто не знаетъ, что Пророкъ Наѳанъ былъ святый мужъ? Онъ и явно обличилъ Царя Давида въ преступленіи, и предсказалъ, что будетъ ему за это преступленіе; но когда тотъ же Давидъ спросилъ его, желая соорудить храмъ Богу, тогда онъ отвѣчалъ такъ: *вся, елика суть въ сердцѣ твоемъ, иди и твори, яко Господь съ тобою* (2 Цар. VII, 3). Но тамъ же тотчасъ присовокупляется о немъ слѣдующее: *И бысть въ нощи той, и бысть слово Господне къ Наѳану, глаголя: иди, и рцы рабу моему Давиду, сія глаголетъ Господь: не ты созиждеши Мнѣ домъ, еже обитати Мнѣ. Яко не обитахъ въ дому, отъ негоже дне изведохъ сыны Израилевы изъ земли Египетскія до дне сего* (тамъ же, ст. 4). И нѣсколько послѣ: *егда исполнятся дніе твои, и уснеши со отцы твоими, и возставлю сѣмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовлю царство его: той созиждетъ домъ имени Моему* (тамъ же, ст. 12. 13). Вотъ Пророкъ Наѳанъ, который прежде сказалъ Царю: *иди и твори*, самъ послѣ, наставленный духомъ пророчества, возвѣщая, что этого быть не можетъ,

противорѣчилъ и совѣтамъ Царю и словамъ своимъ; потому что призналъ ложнымъ то, что говорилъ по своему духу.

17. Въ этомъ дѣлѣ различіе истинныхъ Пророковъ отъ ложныхъ состоитъ въ томъ, что истинные Пророки, если иногда говорятъ что либо по своему духу, то исправляютъ это въ умахъ слушателей по внушенію Духа Святаго. А ложные пророки и предсказываютъ ложное, и будучи чужды Духа Святаго закоснѣваютъ въ своей лживости.

18. Итакъ, обсудивъ времена и способы пророчества, можно видѣть, какъ всемогущій Богъ распоряжается умѣреніемъ Своего гнѣва для усовершенствованія людей. Израильскій народъ беззаконновалъ противъ своего Создателя, и за это служилъ въ плѣну Царю Вавилонскому; но съ нимъ посылается въ плѣнъ Пророкъ Іезикіиль (Іезик. III, 11), котораго благодать Божія сдѣлала благоугоднымъ ей такъ, что чрезъ него предсказывала все будущее, и удостоила чести утѣшать народъ притѣсненный. Итакъ представимъ по возможности высокость любви верховной! Господь прогнѣвался на Свой народъ такъ, что будто бы рѣшительно не гнѣвался на него. Ибо, если бы Онъ не гнѣвался, то не предалъ бы народъ плѣну; а если бы рѣшительно гнѣвался, то не послалъ бы вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ

Своихъ избранныхъ. Но Божественное милосердіе устрояетъ это такъ, что однимъ и тѣмъже событіемъ плотскимъ (людямъ) даетъ вразумленіе, а духовнымъ предоставляетъ средство къ приращенію добродѣтели. И когда тѣхъ очищаетъ наказаніемъ, тогда этихъ побуждаетъ къ большимъ заслугамъ чрезъ общеніе съ наказуемыми. И на неправедныхъ Онъ гнѣвается такъ, что утѣшаетъ сердца ихъ общеніемъ съ праведными, для того, чтобъ утѣшать сердца ихъ общеніемъ съ праведными, дабы, при всѣхъ способахъ къ исправленію, никто послѣ виновности не имѣлъ возможности къ извиненію. Слѣдовательно, Онъ удерживая отталкиваетъ, и отталкивая удерживаетъ, когда вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ осуждаетъ, посылаетъ на наказаніе тѣхъ, которыхъ любитъ. Кто можетъ по достоинству оцѣнить эту искренность толикой любви? Господь и преступленія народа не оставляетъ безъ наказанія, и беззаконнующаго народа не отвергаетъ отъ себя рѣшительно. Такъ, когда Моисей послалъ въ обѣтованную землю двѣнадцать соглядатаевъ (Числ. XIII), изъ коихъ десять привели послѣ того народъ въ отчаяніе; тогда этотъ народъ во гнѣвѣ ропота жаловался, что онъ выведенъ Господомъ для того, чтобы положить свои трупы въ пустыни (Числ. XIV). Всемогущій Богъ прогнѣвавшись на

на него сказалъ, что ни одинъ изъ нихъ не войдетъ въ землю обѣтованную. Пораженные этимъ страхомъ, они сознались, что они поступили нечестиво, плакали, и вооружившись, тотчасъ начали наступать на непріятелей, чтобы послѣ слезъ войти въ землю обѣтованную (тамъ же, ст. 40). Но Господь чрезъ Моисея говоритъ имъ: *рцы имъ: не восходите, ниже ратуйте, нѣсмь бо съ вами, и да не будете сотрени предъ враги вашими* (Второз. 1, 42). Въ этомъ дѣлѣ надобно обратить вниманіе на то, что если Онъ не былъ съ ними, то почему запрещалъ имъ *восходить*, чтобъ они не пали? Если же Онъ былъ съ ними, то что значитъ слово Его: *нѣсмь бо съ вами*? Но по дивному распоряженію вразумленія и милосердія, Онъ и былъ съ ними, и не былъ съ ними. Не былъ съ ними, чтобъ они не одержали побѣды, но былъ съ ними, чтобъ они не погибли отъ враговъ. О неизреченная любовь! Преступленія наказываетъ, а преступниковъ бережетъ. Показываетъ себя гнѣвнымъ, но отъ враговъ защищаетъ. Такъ большею частію гнѣвается мать на шаловливаго своего малолѣтняго сына. Она обличаетъ его, бранитъ, сѣчетъ: но когда видитъ его идущаго на опасность, угрожающую ему смертію, тогда протягиваетъ руку и удерживаетъ его, и та, которая

какъ бы не любила, когда во гнѣвѣ била, любя удерживаетъ, какъ будто во гнѣвѣ не била.

19. Бесѣдуя объ этомъ въ предисловіи, мы произвели какъ бы опытъ нашего плаванія внутри порта, для того, чтобы послѣ распустить паруса, какъ на безпредѣльномъ морѣ, къ уразумѣнію таинствъ пророчества. Впрочемъ этого мы не предполагаемъ въ своей силѣ, но въ Томъ, Кто языки младенцевъ содѣлываетъ краспорѣчивыми; потому что *духъ Господень исполни вселенную, и содержай вся разумъ имать гласа* (Прем. Сол. 1, 7). Ибо всемогущій Богъ есть Слово всемогущаго Отца, и мы, желающіе говорить о Немъ, никакъ не будемъ въ Немъ нѣмы. Намъ даруетъ полезныя слова всемогущее Слово, Которое воплотившись ради насъ живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Изъясняются первые пять стиховъ пророчества Іезикіиля, по многообразному смыслу, преимущественно аллегорическому и нравственному.

1). Обыкновенная пророческая рѣчь состоитъ въ томъ, что прежде говоритъ онъ (Пророкъ) о лицѣ, времени и мѣстѣ, а потомъ начинаетъ говорить

о таинствахъ пророчества; потому что для прочнаго открытія истины прежде надобно утвердить корень въ Исторіи, а послѣ произвести плодъ духа въ знаменіяхъ и аллегоріяхъ. Поэтому Іезикіиль указываетъ на время своего возраста, говоря:

Іезик. I, 1. *И бысть въ тридесятое лѣто, въ четвертый мѣсяцъ, въ пятый день мѣсяца.*

И говоря о мѣстѣ, присовокупляетъ:

И азъ быхъ посредѣ плѣненія при рѣцѣ Ховаръ: и отверзошася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія.

Упоминаетъ и о времени, присовокупляя:

Ст. 2. *Въ пятый день мѣсяца, сіе лѣто пятое плѣненія Царя Іоакима.*

Чтобы подробно сказать о лицѣ, онъ повѣствуетъ и о родѣ, продолжая:

Ст. 3. *И бысть слово Господне къ Іезикіилю, сыну Вузіеву, священнику.*

2. Но у насъ раждается первый вопросъ: почему тотъ, кто еще ничего не сказалъ, начинаетъ такъ: *и бысть въ тридесятое лѣто?* Ибо частица *и* есть союзъ соединительный; а мы знаемъ, что послѣдующая рѣчь не иначе соединяется, какъ съ рѣчью предыдущею. Слѣдовательно, тотъ, кто ничего не сказалъ впереди, почему говоритъ: *и бысть*, когда нѣтъ впереди рѣчи, съ которою бы эта со-

единялась? Въ этомъ дѣлѣ надобно обратить вниманіе на то, что какъ мы видимъ тѣлесное, такъ пророческій духъ видитъ духовное; и для нихъ (Пророковъ) кажется видимымъ и то, что для нашего невѣденія кажется невидимымъ. Поэтому въ умѣ Пророковъ внутреннія мысли со внѣшними соединены такъ, что они тѣ и другія видятъ вмѣстѣ, и въ нихъ вмѣстѣ бываютъ,—и внутреннее слово, которое слышатъ, и внѣшнее, которое говорятъ. Поэтому ясно, почему тотъ, кто ничего не сказалъ впереди, началъ рѣчь свою словами: *и бысть въ тридесятое лѣто*. Потому что онъ эту рѣчь, которую произнесъ словомъ, соединилъ съ тою рѣчью, которую слышалъ внутри. Слѣдовательно, онъ продолжилъ слова внутренняго видѣнія; а потому и началъ, говоря: *и бысть*. Ибо онъ присовокупляетъ то, что начинаетъ внѣшнимъ образомъ говорить, къ тому, что какъ бы внѣшнее было и то, что онъ видитъ внутренно.

3. Но выраженіе, *въ тридесятое лѣто*—получилъ онъ духъ пророчества,—представляетъ намъ нѣчто назидательное; именно то, что по здравому смыслу не слѣдуетъ учить тому, кто не имѣетъ совершеннолѣтія. Поэтому и самъ Господь, имѣя двѣнадцать лѣтъ своего возраста, сидя во храмѣ среди учителей, благоизволилъ быть, не учащимъ, но

вопрошающимъ (Лук. 11, 46). Ибо для того, чтобы люди не смѣли проповѣдывать, не имѣя совершеннолѣтія, на землѣ на двѣнадцатомъ году своего возраста благоволилъ вопрошать людей Тотъ, Кто на небѣ по Божеству Своему всегда училъ Ангеловъ. Такъ какъ Онъ есть Божія премудрость, то Ангели чрезъ видѣніе пріемлютъ отъ Него то, что составляетъ для нихъ вѣчное блаженство. Этому учитъ и Моисей подъ таинствомъ иносказанія, говоря: *да не дѣлаеши первороднымъ тельцомъ твоимъ* (Второз. XV, 19). Ибо за первороднаго тельца мы принимаемъ доброе дѣланіе въ слабомъ возрастѣ нашего перваго времени. Въ этомъ возрастѣ орать не надобно; потому что въ первыя лѣта младенчества или юношества нашего намъ не слѣдуетъ проповѣдывать, чтобы сошникъ языка нашего не смѣлъ прорѣзывать земли сердца чужаго. Ибо, доколѣ мы слабы, дотолѣ должны держать себя внутри самихъ себя, для того, дабы не лишиться еще не утвердившихся благъ чрезъ поспѣшное обнаруживаніе ихъ; потому что и древесныя растѣнія, если не укоренятся прежде въ землѣ, скоро увядаютъ отъ прикосновенія руки; но если онѣ уже укоренились, тогда рука ихъ касается, и нимало не вредитъ имъ; бушуютъ вѣтры, и онѣ стоятъ невредимо. Равно какъ и вновь устроенныя стѣны отъ бури падаютъ, если преж-

де не будутъ высушены отъ влаги. Итакъ умъ, доколѣ не будетъ рѣшительно высушенъ отъ влаги своей кривизны, не долженъ прикасаться рукою чужаго языка, дабы не потерять своей твердости прежде, нежели вполнѣ поймется, дабы не пасть отъ напора, дабы не засохнуть подобно дереву безъ корней, когда сіе послѣднее потрясается болѣе, нежели сколько можетъ вынести. Итакъ въ примѣръ надобно выставлять одно только прочное. Ибо умъ долженъ прежде укрѣпиться, а потомъ уже проявлять себя въ пользѣ ближнихъ, когда онъ ни отъ похвалы не можетъ уже надмѣваться, ни отъ укоризны—бросать дѣло. Такъ какъ Тимоѳею хотя и говорится: *завѣщавай сія и учи. Никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 11. 12): однакоже надобно знать, что на священномъ языкѣ *юностію* иногда называется юношество. Поэтому написано: *веселися юноше въ юности твоей* (Еккл. XI, 9). Итакъ Пророкъ, для показанія авторитета его проповѣди, описывается совершеннолѣтнимъ, такъ какъ въ немъ все, потребное для проповѣди, согласуется съ жизнію и духомъ.

4. Противъ этого никто не долженъ возражать, что Іеремія (Іерем. 1, 5) и Даніилъ (Дан. XIII, 45) получили духъ пророчества въ юности; потому что чудесъ не должно представлять въ примѣръ дѣятельности. Всемогущій Богъ *и языки мла-*

денцевъ творитъ ясными (Прем. Сол. X, 21), и *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершаетъ хвалу* (Псал. VIII, 3). Но иное значитъ то, чему мы научаемся въ отношеніи употребленія и способа ученія, а иное—то, что мы знаемъ о чудѣ.

5. Но если уже требуется, чтобы въ самомъ даже обозначеніи возраста его (Пророка) было нѣчто таинственное: то прилично Пророку указать самымъ числомъ лѣтъ своихъ на Господа, о Которомъ проповѣдуетъ словами. На тридцатомъ году Пророка Іезикіиля отверзлись ему небеса, и онъ увидѣлъ *видѣнія Божія* при рѣкѣ Ховаръ; потому что около тридцатаго года своего возраста Господь пришелъ на рѣку Іорданъ. Тамъ отверзлись такъ же небеса; потому что Духъ сошелъ въ видѣ голубя, и голосъ прозвучалъ съ небеси, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мат. III, 17).

6. Но и самыя слова Еврейскія много способствуютъ намъ къ истолкованію таинства. Ибо *Ховаръ* значитъ тяготу, или тяжесть; *Іезикіиль* сила Божія; *Вузій*—презрѣнный или отверженный; *Халдеи*—плѣняющіе, или какъ бы демоны. Итакъ Іезикіиль приходитъ на Ховаръ; поелику же Ховаромъ называется тягота, или тяжесть, то что прилично означается рѣкою Ховаромъ, если не родъ человѣ-

ческій? Онъ течетъ отъ начала (своего) къ смерти, и тяжелъ самъ для себя грѣхами, которые и содѣваетъ и носитъ; потому что по Писанію, *неправда* есть *талантъ оловянъ вземляйся* (Зах. V, 7). Ибо всякій грѣхъ тяжелъ, потому что не дозволяетъ душѣ возвышаться къ горнему. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *сынове человѣчестіи, доколѣ тяжкосердіи* (Псал. IV. 3)? Но о Господѣ написано, что Онъ есть *Божія сила, и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 18). Итакъ Іезикіиль приходитъ на рѣку Ховаръ; потому что *сила Божія* чрезъ таинство своего воплощенія благоволила приблизиться къ роду человѣческому, несущему тяжести грѣховъ своихъ, и отъ начала своего ежедневно текущему къ смерти, такъ какъ о Немъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *и будетъ яко древо насажденное при исходищахъ водъ* (Псал. 1, 3). Онъ насажденъ при исходищахъ водъ, потому что воплотился при паденіи текущихъ народовъ. Но мы сказали, что Іезикіиль значитъ силу Божію, а Вузій — презрѣннаго. Но Іезикіиль сынъ Вузія, потому что Единородный (Сынъ) Божій благоволилъ воплотиться отъ того народа, который за виновность вѣроломства презрѣнъ отъ Господа. Итакъ сила Божія раждается отъ презрѣнія или отверженія; потому что Искупитель нашъ благоволилъ принять чело-

вѣчество отъ народа вѣроломнаго и презрѣннаго. Но онъ пришелъ въ землю Халдейскую. А Халдеи, какъ сказали мы, означаютъ плѣняющихъ или какъ бы демоновъ. Ибо нечестивые, и сами предаваясь нечестію, и другихъ чрезъ убѣжденіе склоняя къ нечестію, именно суть плѣняющіе. Они же правильно еще называются какъ бы демонами; потому что и тѣ, которые чрезъ убѣжденіе влекутъ другихъ къ нечестію, принимаютъ на себя служеніе демоновъ въ нечестіи, хотя по природѣ не демоны. Итакъ Сила Божія пришла въ землю Халдейскую; потому что Единородный Божій явился среди тѣхъ, которые и сами были преданы грѣху, и другихъ уловляя влекли ко грѣхамъ. Но пора слово изъясненія обратить къ личности Пророка.

Ст. 3. *И бысть на немъ* (а) *тамъ рука Господня.*

7. Рукою или мышцею Господнею называется Сынъ, потому что Имъ все сотворено. О Немъ и Псалмопѣвецъ говоритъ: *да будетъ рука Твоя еже спасти мя* (Псал, CXVIII, 173). Рука Божія по Божеству не сотворена, но рождена, а по человѣчеству сотворена, чтобы врачевать раны рода человѣ-

(а) По Вулгатѣ. Поелику на этомъ переводѣ Св. Отецъ основываетъ свои дальнѣйшія соображенія; то и въ переводѣ на руссій языкъ удержанъ смыслъ перевода Вулгаты.

вѣческаго. Итакъ Пророкъ позналъ воплощеніе Единороднаго тамъ, гдѣ видѣлъ надъ собою руку Господню. Но объ этомъ здѣсь присовокупляется:

Ст. 4.—*И видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера.*

8. Намъ должно обратить вниманіе на то, какой долженъ быть порядокъ рѣчи въ словахъ Пророка. Ибо онъ впереди о себѣ самомъ сказалъ: *отверзошася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія;* послѣ того, говоря какъ бы о другомъ, присовокупляетъ: *и бысть на немъ тамъ рука Господня.* А за тѣмъ, какъ бы возвращается къ себѣ, и говоритъ: *и видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера.* Что это значитъ, что иногда говоритъ Іезикіиль, иногда говорится объ Іезикіилѣ? Если бы онъ вездѣ говорилъ о себѣ самомъ, то вопросъ былъ бы неумѣстенъ (а). Если бы вездѣ говорилъ какъ бы о другомъ, то вопросъ бы такъ же неумѣстенъ. Итакъ что значитъ эта разнообразная рѣчь пророческая, въ которой иногда Пророкъ говоритъ о себѣ, а иногда кажется, что о немъ говоритъ другой? Но надобно знать, что тѣ, которые бываютъ исполнены духа пророчества, тѣмъ самымъ, что иногда ясно говорятъ о себѣ, а иногда

(а) По переводу 70-ти дѣйствительно неумѣстенъ.

о себѣ же говорятъ такъ, какъ будто о другихъ, показываютъ, что говоритъ не Пророкъ, а Духъ Святый чрезъ Пророка. Ибо о томъ, что говорится чрезъ нихъ, они говорятъ сами о себѣ; а о томъ, что они говорятъ по внушенію Духа Святаго, Тотъ же самый Духъ Святый говоритъ о нихъ чрезъ нихъже самихъ, по свидѣтельству Истины, Которая говоритъ: *не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (Мат. X, 20). Поэтому и Моисей говоритъ: *человѣкъ Моисей кротокъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли* (Числ. XII, 3). Ибо онъ не говоритъ: *азъ бѣхъ*, но *человѣкъ Моисей*, ясно показывая, что Тотъ, Кто чрезъ него говорилъ о немъ, было другое лице. Поэтому Іоаннъ говоритъ: *видѣ ученика, егоже любляше Іисусъ* (Іоан. XXI, 20). Поэтому и Павелъ, для показанія того, что не онъ говорилъ, сказалъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3). Итакъ, поелику въ рѣчи пророческой одинъ есть начальствующій, а другой повинующійся: то, когда Пророкъ о себѣ говоритъ, тогда онъ есть лице повинующееся; а когда чрезъ Пророка о Пророкѣ же говоритъ Духъ Святый, тогда показывается верховность Начальствующаго. Итакъ правильно и какъ бы о другомъ говорится: *и бысть на немъ тамъ рука Господня;* а о себѣ

Пророкъ тотчасъ присовокупляетъ: *и видѣхъ, и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера.* Итакъ теперь намъ остается рѣшить, что значитъ выраженіе: *и се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера, и облакъ великій.*

9. Потому, что сѣверный вѣтеръ стѣсняетъ холодомъ, не неприлично именемъ его обозначается оцѣпененіе злаго духа. О чемъ свидѣтельстветъ и Пророкъ Исаія, который возвѣщаетъ, что діаволъ сказалъ: *сяду на горѣ завѣта на странахъ сѣвера* (Ис. XIV, 13) (а). Ибо злой духъ сидѣлъ на *горѣ завѣта;* потому что чрезъ вѣроломство подчинилъ себѣ Іудейскій народъ, который получилъ законъ. Ибо когда діаволъ овладѣваетъ сердцами учителей, тогда сидитъ на *горѣ завѣта.* Онъ же сидитъ и *на странахъ сѣвера,* потому что овладѣваетъ холодными сердцами людей. Поэтому и голосомъ Жениха въ Пѣсни пѣсней говорится: *востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя* (Пѣсн. пѣсн. IV, 16). Ибо, когда по повелѣнію Господню холодный духъ отступаетъ, тогда теплый духъ занимаетъ души вѣрующихъ; онъ вѣетъ на садъ Божій,

(а) По Вулгатѣ. Замѣнить этотъ переводъ переводомъ 70-ти признано невозможнымъ потому, что на немъ основаны дальнѣйшія соображенія Св. Отца.

т. е. на святую Церковь, для того, чтобы доносить до свѣденія многихъ понятія о добродѣтеляхъ, какъ ароматы. Ибо по отступленіи сѣвера, т. е. злаго духа, Духъ Святый наполняетъ душу, какъ бы южный вѣтръ. Онъ, когда повѣетъ теплотворомъ, тогда тотчасъ текутъ ароматы добродѣтелей изъ сердецъ вѣрующихъ. Итакъ Пророкъ, предвидя то, что будетъ при кончинѣ (міра), видитъ духъ бурный, грядущіи отъ сѣвера; потому что злой духъ при кончинѣ вѣка страшно охватитъ души людей цѣпененіемъ своего холода. Поэтому написано: *горе живущимъ на земли и мори, яко сниде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдый, яко время мало имать* (Апок. XII. 12). Потому что древній врагъ съ особеннымъ напряженіемъ усилилъ замыслы своихъ искушеній въ душахъ человѣческихъ. Противъ его возрастающей гордости явилось смиреніе воплощеннаго Бога; и для уврачеванія въ родѣ человѣческомъ его слабости, великое могущество Врача явлено тогда, когда увеличилась слабость больнаго.

10. Но хорошо насланіе злаго духа называется воздвизающимся вѣтромъ. Потому что буря, потрясая строеніе, къ которому прикасается, разрушаетъ его. И всякое искушеніе древняго врага, производимое въ душѣ, есть бурный вѣтръ; потому

что потрясая ее пожеланіями, сворачиваетъ съ состоянія прямоты ея. Но мы умалчивая о томъ, что будетъ роду человѣческому отъ хитраго врага при кончинѣ, обратимъ слово къ одной Іудеи, изъ которой произошелъ Пророкъ, и который гибель предвидитъ пророчествуя. Она по воплощеніи Господа тѣмъ важнѣйшій понесла вредъ отъ сѣвернаго бурнаго вѣтра, чѣмъ упорнѣе оставалась по оцѣпененію души въ холодномъ вѣроломствѣ, падая, будучи совращена съ прямоты своей. Итакъ бурный вѣтръ нашелъ отъ сѣвера, когда злой духъ искушеніемъ потрясъ жизнь Іудейскаго народа. Поэтому справедливо присовокупляется тамъ же: *и облакъ великій.*

11. Потому что чѣмъ болѣе кто предался жестокости, тѣмъ болѣе заслужилъ ослѣпленія мракомъ своего невѣденія. Они (Іудеи), видя того Искупителя рода человѣческаго, Котораго по разумѣнію закона и Пророковъ ожидали, отвергли. Поэтому совершилось то, что умъ ихъ покрылся великимъ облакомъ ихъ невежества, дабы послѣ иша не познали Того, о Комъ прежде могли предвозвѣщать, и Котораго любить отказались. Ибо, когда они съ одной стороны смотрѣли на силы и чудеса Его, а съ другой—на страданія: тогда нашелъ великій облакъ отъ сѣвера на сердца невѣрующихъ; потому

что они въ хладѣ грѣха своего слѣпотствовали въ разборѣ слабости страданія Его и знаменій. А что послѣдовало за этимъ мракомъ великаго облака, присовокупляется, когда (Пророкъ) тотчасъ говоритъ: *и огнь блистаяйся.*

12. Именемъ огня, когда говорится о значеніи его, иногда означается Духъ Святый, а иногда—злоба души. О благомъ огнѣ написано: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49). Огнь низводится на землю, когда земная душа, навѣваемая жаромъ Св. Духа, выжигается отъ своихъ плотскихъ пожеланій. О зломъ же огнѣ говорится: *и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27), такъ какъ злое сердце истлѣваетъ отъ своей злости. Но какъ огнь любви возвышаетъ душу, такъ огнь злобы унижаетъ ее; потому что, какъ Духъ Святый воскриляетъ наполняемое Имъ сердце къ горнему, такъ и ярость злобы всегда клонитъ его къ преисподней. Итакъ Іудея, ослѣпленная облакомъ своего невѣдѣнія,—потому что тотчасъ проявилась въ нечестіи преслѣдованія,—была объята своимъ огнемъ, такъ какъ она запутала сама себя въ обязанности нечестія тою самою жестокостію, отъ которой пламенѣла. *Се духъ воздвизаяйся, грядяше отъ сѣвера, и облакъ великій въ немъ, и огнь блистаяйся*; потому

что она (Іудея), холодомъ своего оцѣпененія будучи доведена до мрака невѣденія, рѣшилась на злобу преслѣдованія. Поэтому и къ другому Пророку говорится: *что ты видиши?* Онъ тотчасъ отвѣчалъ: *конобъ поджигаемый (азъ вижду), и лице его отъ лица сѣвера* (Іер, 1, 13). Потому что Іудеи, ярящіеся въ преслѣдованіи, и въ жестокости злобы проявляющіе волны помышленій, чѣмъ другимъ были, какъ *не конобомъ поджигаемымъ? Лице его,* сказано, *отъ лица сѣвера;* потому что, если бы они чрезъ бузчувственность души не предались противному духу, то не пламенѣли бы толикою злобою противъ добрыхъ. Итакъ за облакомъ слѣдуетъ *огнь блистаяйся;* потому что за слѣпотою ума въ нихъ послѣдовала жестокость преслѣдованія. *Аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 11, 8). Но этотъ огнь въ одномъ мѣстѣ горѣлъ, а въ другомъ свѣтилъ. Ибо присовокупляется: *и свѣтъ окрестъ его.*

13. Тогда какъ въ Іудеи совершалось преслѣдованіе, святая проповѣдь Апостоловъ распространялась по всему міру, какъ говорятъ они сами: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46). Итакъ отъ жестокости злобы,

которая сожигала сердца Іудеевъ, всемогущій Богъ распространилъ свѣтъ на язычниковъ; потому что, когда тѣ преслѣдовали своего Искупителя и членовъ Его; тогда мы, сидѣвшіе окрестъ Іудеи во тьмѣ, чрезъ разсѣяніе святыхъ Апостоловъ по разнымъ странамъ, по дару небесной благодати увидѣли блескъ истиннаго свѣта. Поэтому написано: *живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы* (Ис. IX, 2). Итакъ этотъ огнь злобы, который изъ сердецъ Іудеевъ разливался въ преслѣдованіи, прежде нежели своею яростію опалилъ святыхъ Апостоловъ, сдѣлалъ пробу надъ Самимъ Виновникомъ и Искупителемъ рода человѣческаго. Поэтому и присовокупляется: *и посредѣ его яко видѣніе илектра посредѣ огня* (ст. 5).

14. Что означается видѣніемъ илектра, если не Іисусъ Христосъ, Ходатай Бога и человѣковъ (1 Тим. 11, 5)? Потому что илектръ состоитъ изъ золота и серебра. Въ илектрѣ, при смѣшеніи золота и серебра, серебро получаетъ большій блескъ, а золото тускнѣетъ. Итакъ, поелику въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ съ естествомъ Божества соединено наше естество: то въ этомъ соединеніи человѣчество прославлено, а Божество припаровлено къ видѣнію человѣческому съ умаленіемъ славы своея. Слѣдовательно, чрезъ это соединеніе естество чело-

вѣческое болѣе прославилось, какъ бы серебро получило большій блескъ отъ золота. А поелику Божество своею славою принаровилось къ нашему видѣнію, то оно какъ бы потускнѣло, подобно золоту отъ серебра. Ибо то̀ неизмѣняемое естество, которое, пребывая неизмѣняемымъ, все обновляетъ, если бы благоволило явиться намъ въ полной своей славѣ: то оно блескомъ своимъ попалило бы насъ болѣе, нежели возобновило. Но Богъ принаровилъ славу величія Своего къ нашему зрѣнію для того, чтобы, принаровляя славу Свою къ намъ, дать болѣе блеску нашей слабости чрезъ подобіе Ему въ Его славѣ, и чрезъ принятую благодать измѣнить, такъ сказать, цвѣтъ нашего свойства. Итакъ какъ бы илектръ въ огнѣ, Богъ былъ человѣкомъ въ преслѣдованіи. Далѣе слѣдуетъ: *и посредѣ яко подобіе четырехъ животныхъ.*

15. Что говорится *посредѣ* илектра или огня, это ни мало не препятствуетъ разумѣть, что четыре этихъ животныхъ означаютъ четырехъ Евангелистовъ, которые воплощеніемъ Того же Господа утверждены въ силѣ вѣры, и въ огнѣ преслѣдованія претерпѣли много напастей.

16. Если бы кому угодно было разумѣть о второмъ пришествіи Господа то, что мы сказали о первомъ: то онъ скоро долженъ согласиться, что

духъ пророчества часто въ одномъ, о чемъ говоритъ, видитъ вмѣстѣ многое. Ибо вѣтръ бурный идетъ отъ сѣвера; потому что именно виновность грѣховъ побуждаетъ, чтобы пришествіе Праведнаго Судіи потрясло всѣ стихіи вмѣстѣ. Ибо, какъ говорится, ужасъ послѣдняго смятенія приходитъ оттуда, откуда раждается. Поелику же судъ послѣдняго смятенія совершается для пораженія холодныхъ душъ грѣшниковъ; то справедливо онъ называется вѣтромъ бурнымъ, дующимъ отъ сѣвера. Это именно потрясеніе прилично называется вѣтромъ бурнымъ; потому что въ тотъ день потрясутся отъ необычайнаго страха сердца всѣхъ, которые доживутъ до него въ этомъ смертномъ тѣлѣ. Ибо, когда начнетъ приходить въ исполненіе то, что написано: *солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небеси, и силы небесныя подвигнутся* (Мат. XXIV, 29): тогда какое человѣческое сердце не вострепещетъ отъ ожиданія приговора вѣчнаго Судіи? Ибо тамъ въ это время представятся вмѣстѣ всѣ грѣхи; тамъ съ ужасомъ припомнятся всѣ беззаконія, учиненныя съ услажденіемъ; тамъ будетъ мракъ бѣднаго мышленія, происходящій отъ страха близкаго осужденія. Поэтому и присовокупляется: *и облакъ великій*. Потому что въ то время мракъ ослѣпленія вытѣснитъ

изъ памяти грѣшниковъ смыслъ ума, когда нечестивымъ не будетъ дозволено видѣть Единороднаго Сына Божія въ славѣ Божества. Ибо *воззрятъ на Нь, Егоже прободоша* (Іоан. XIX, 37. Зах XII, 10). И—*да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. XXVI, 10). Здѣсь и ясно присовокупляется: *и огнь блистаяйся.* Потому что тотъ огнь суда, который спалитъ мѣдяное небо и землю, не допуститъ уже грѣшниковъ къ исправленію ихъ гордости, но ослѣпитъ тѣхъ, которыхъ безъ сомнѣнія будетъ жечь въ состояніи ихъ осужденія.

17. *И свѣтъ окрестъ его.* Потому что, какъ молнія исходитъ отъ востока, и блистаетъ до запада; такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго (Мат. XXIV, 27). Тамъ никому въ это время нельзя будетъ таить что либо въ сердцѣ своемъ, потому что онъ будетъ проникнутъ самымъ свѣтомъ Судіи. Объ этомъ тотчасъ присовокупляется: *и посредѣ его яко видѣніе илектра посредѣ огня, и свѣтъ въ немъ.* Ибо тогда узрятъ въ страшномъ величіи Самаго Повелителя Ангеловъ и Архангеловъ и всѣхъ Силъ, Искупителя нашего, Который какъ бы на подобіе илектра пребылъ Единымъ изъ двухъ и въ двухъ естествахъ, какъ Богъ со Отцемъ, такъ и смертный съ людьми для нашего искупленія, и Ему огнь суда будетъ служить въ отмщеніи

нечестивымъ. Поэтому-то написано: *день явитъ, зане огнемъ открывается* (1 Кор. III, 13). Поэтому Псалмопѣвецъ говоритъ: *Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ, и не премолчитъ: огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣльна* (Псал. XLIX, 3). Поэтому и Апостолъ Петръ говоритъ: *пріидетъ день Господень яко тать въ нощи, въ оньже небеса убо съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся* (11 Петр. III 10). А поелику въ то время всѣ Святые, которые рѣшительно отреклись отъ міра, пріидутъ судіями: то прилично тотчасъ присовокупляется:

18. *И посредѣ яко подобіе четырехъ животныхъ.* Ибо что обозначается четырьмя животными, если не четыре Евангелиста? И справедливо четырьмя Евангелистами выражается число всѣхъ совершенныхъ; потому что всѣ, кто только достигъ въ Церкви совершенства, научились правильному вѣдѣнію о своемъ совершенствѣ по ихъ Евангеліямъ. *И посредѣ яко подобіе четырехъ животныхъ:* потому что тогда будутъ видимы соединенными съ Его (Спасителя) тѣломъ и участниками въ Его славѣ, и вмѣстѣ съ Нимъ судіями тѣ, которые только творили совершенныя дѣла по заповѣдямъ Евангельскимъ. Поэтому-то самимъ святымъ Апостоламъ говорится: *вы шедшіи по Мнѣ въ пакибытіе, егда*

сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома (Мат. XIX, 28). Поэтому Исаія говорить: *Самъ Господь на судъ пріидетъ со старѣйшины людей* (Ис. III, 14). Поэтому и Соломонъ о Церкви говоритъ: *славенъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея: внегда аще сядетъ въ сонмищи со старѣйшины жительми земли* (Прит. Сол. XXXI, 23). Итакъ, взглянувъ на это кратко, мы, слѣдуя порядку перваго пришествія, какъ начали, обратимся къ личности Евангелистовъ въ изъясненіи. Далѣе слѣдуетъ: *и сіе видѣніе ихъ, яко подобіе человѣка въ нихъ* (ст. 5).

19. Когда нѣсколько послѣ эти святыя животныя раздѣльно описываются подъ частными подобіями, такъ что одно называется подобнымъ человѣку, другое—льву, третье—тельцу, четвертое—орлу: то что значитъ, что въ этомъ мѣстѣ обо всѣхъ вмѣстѣ говорится: *подобіе человѣка въ нихъ?*—Но кто въ этомъ мѣстѣ описывается человѣкомъ, если не Тотъ, о Комъ написано: *Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Филип. 11, 6—7)? Итакъ эти животныя, чтобъ имѣть силу къ достиженію святости,

стремятся къ уподобленію этому человѣку. Ибо они не были бы святыми, если бы не имѣли подобія съ этимъ человѣкомъ; потому что все, сколько есть въ нихъ внутренняго благочестія, сколько есть въ нихъ ревности къ правдѣ, сколько есть въ нихъ попеченія о смиреніи, сколько есть въ нихъ пламени любви,—все это они заимствовали отъ самаго источника милосердія, отъ самаго корня смиренія, отъ самой силы правды, т. е. отъ Ходатая Бога и человѣковъ, Господа Бога. Славный Проповѣдникъ показываетъ, что онъ имѣетъ подобіе съ этимъ человѣкомъ, говоря: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Къ уподобленію Ему онъ и насъ побудить желаетъ, говоря: *первый человѣкъ отъ земли, перстенъ: вторый человѣкъ Господь съ небесе. И якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. XV, 47. 49). Ибо каждый Святый (человѣкъ) на столько возвышается до подобія сему Человѣку, на сколько подражаетъ жизни своего Искупителя. Разногласить съ Его заповѣдями и дѣлами, что другое значитъ, какъ не далеко уклоняться отъ уподобленія Ему? Но святые Проповѣдники наказываютъ жизнь нечестивыхъ: а о самой Главѣ нашей написано, что Онъ плакалъ объ Іерусалимѣ (Лук. XIX, 41). Тѣ радуются о добрыхъ дѣлахъ своихъ подчиненныхъ,

и любятъ праведно дѣйствующихъ: но объ Искупителѣ нашемъ написано, что когда нѣкоторый юноша сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея* (Мат. XIX, 20), тогда онъ болѣе возлюбилъ его. Святые Проповѣдники переносятъ нанесенныя имъ оскорбленія, и не воздаютъ взаимными оскорбленіями; но когда Искупителю нашему сказали: *бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48), тогда Онъ не воздалъ обидою за обиду, но кротко отвѣтствовалъ: *Азъ бѣса не имамъ* (тамъ же, ст. 49). Святые Проповѣдники имѣютъ пламенную ревность къ правдѣ; но Спаситель всѣхъ бичемъ отъ вервій выгналъ изъ храма продающихъ и покупающихъ, опрокинулъ столы продавцевъ голубиныхъ, и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ (Мат. XXI, 12. Іоан. 11, 15). Тѣ во всемъ, что совершаютъ съ усиліемъ, съ полнымъ вниманіемъ хранятъ смиреніе; но Спаситель нашъ говоритъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. XI, 29). Святые Проповѣдники любятъ даже своихъ гонителей; но Самъ Виновникъ всего и Искупитель въ самомъ страданіи ходатайствуетъ за своихъ мучителей, говоря: *Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Тѣ за братьевъ не жалѣютъ въ страданіи членовъ своихъ; но за жизнь избранныхъ даже смерти предалъ себя Виновникъ

жизни. Итакъ пусть говорятъ о святыхъ животныхъ, что въ нихъ есть подобіе человѣка; потому что, если есть въ нихъ что либо святаго, что либо дивнаго, все это въ нихъ есть образъ подобія, то есть, усилія въ подражаніи. Потому что глава всѣхъ насъ есть Искупитель нашъ. И чрезъ Соломона говорится: *мудраго очи его во главѣ его, а безумный во тмѣ ходитъ* (Еккл. 11, 14). Ибо мы имѣемъ очи свои во главѣ тогда, когда съ внимательнымъ размышленіемъ взираемъ на жизнь нашего Искупителя; когда все наше вниманіе бываетъ направлено на подражаніе Ему, дабы око ума, въ случаѣ пренебреженія со вниманіемъ смотрѣть на пути свѣта, тотчасъ не пало по слѣпотѣ во тьму заблужденія. Къ уподобленію сему человѣку спѣшилъ воспрянуть Пророкъ, когда говорилъ: *въ заповѣдехъ Твоихъ поглумлюся, и уразумѣю пути Твоя* (Псал. CXVIII, 15). Ибо кто молча въ умѣ разсуждаетъ о путяхъ Господа и спѣшитъ упражнять себя въ заповѣдяхъ Его, тотъ что другое начертываетъ въ самомъ себѣ, если не подобіе новаго человѣка? А посляку въ сердцахъ Святыхъ это совершается непрестанно; то справедливо теперь о животныхъ говорится: *подобіе человѣка въ нихъ.*

20. Но чрезъ это подобіе, которое нынѣ удерживается въ правахъ, со временемъ доходятъ до

подобія славы. Поэтому-то Іоаннъ говоритъ: *нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. III, 2). И тотчасъ присовокупляетъ, отъ чего это можетъ быть, говоря: *ибо узримъ Его, якоже есть* (тамъ же). Ибо бытіе Божіе есть вѣчное и неизмѣняемое. Потому что измѣняемое перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было; и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ не было; а бытіе Божіе всегда само себѣ равно. Потому къ Моисею говорится: *Азъ есмь Сый: и рече: тако речеши сыномъ Израилевымъ: Сый посла мя къ вамъ* (Исх. III, 14). И Іаковъ такъ же говоритъ: *у Негоже нѣсть премѣненіе, или преложенія стѣнь* (Іак. 1, 17). Итакъ чрезъ Іоанна говорится: *подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть;* потому что чрезъ то самое, что мы увидимъ сущность естества Его, мы, освободившись отъ нашей измѣняемости, содѣлаемся сообразными съ вѣчностію. Измѣнимся въ Томъ, Кого узримъ; потому что не будемъ имѣть смерти, пребывая съ жизнію, измѣняемость нашу оставимъ при переходѣ къ сожительству съ Неизмѣняемымъ. Не будемъ имѣть никакого повреждепія, живя съ невредимымъ.

21. Въ то время будетъ подобіе человѣка даже въ тѣлахъ нашихъ. Объ этомъ чрезъ Павла го-

ворится: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа: Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филипп. III, 20. 21). Итакъ въ то время тѣла избранныхъ будутъ сообразны славѣ тѣла Господня; онѣ, по естеству хотя и не имѣютъ равенства славы его, однако же по благодати будутъ имѣть подобіе преобразованія его. Итакъ, поелику нынѣ избранные носятъ подобіе Его въ нравахъ, а въ воскресеніи послѣдуетъ подобіе вѣчности въ умѣ, потому что узримъ Его, якоже есть; и поелику даже тѣла наши получатъ въ преобразованіи подобіе Его (тѣлу): то правильно должно сказать о святыхъ животныхъ: *подобіе человѣка въ нихъ.*

Этого въ началѣ изъясненія достаточно для насъ предвкусить, чтобы сила рѣчи, освѣженная молчаніемъ, болѣе укрѣпилась къ открытію таинствъ въ томъ, что за симъ слѣдуетъ. Ибо мы увѣрены, что помощникомъ имѣемъ Того Самаго, о Комъ говоримъ, Кто живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи со Св. Духомъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТІЯ.

Изъясняются четыре стиха, отъ шестаго до десятаго, о святыхъ Проповѣдникахъ и двоякой ихъ жизни, дѣятельной и созерцательной.

1. Четыре святыхъ животныхъ, которыя духомъ пророчества предвидятся въ будущемъ, описываются тонкимъ повѣствованіемъ, когда говорится: *четыре лица единому, и четыре крила единому* (Iезик. 1, 6).

Что выражается лицемъ, если не вѣденіе, и что крилами, если не летаніе? Потому что по лицу познаютъ всякаго, а посредствомъ крильевъ птичьи тѣла поднимаются вверхъ. Итакъ, лице указываетъ на вѣру, а крилья на созерцаніе. Ибо всемогущій Богъ знаетъ насъ по вѣрѣ, такъ какъ Онъ Самъ о своихъ овцахъ говоритъ: *Азъ есмь пастырь добрый: и знаю Моя, и знаютъ Мя моя* (Іоан. X, 14). И еще: *Азъ вѣмъ, ихже избрахъ* (Іоан. XIII, 18). А чрезъ созерцаніе мы, возвышаясь выше самихъ себя, какъ бы летаемъ по воздуху. Итакъ, *четыре лица единому;* потому что, если ты хочешь знать, что думаетъ Матоей о воплощеніи Господа, то онъ думаетъ тоже самое, что думаютъ: Маркъ, Лука и Іоаннъ. Если хочешь знать, что ду-

маетъ Іоаннъ, то безъ сомнѣнія тоже, что Лука, Маркъ и Матѳей. Если хочешъ знать, что думаетъ Маркъ, то-тоже, что Матѳей, Іоаннъ и Лука. Если хочешь знать, что думаетъ Лука, то-тоже, что думаютъ: Іоаннъ, Матѳей и Маркъ. Итакъ, *четыре лица единому;* потому что вѣдѣніе вѣры, по которой знаетъ ихъ Богъ, тоже самое въ одномъ, которое и въ четырехъ вмѣстѣ. Ибо что ты найдешь въ одномъ, тоже самое вѣрно найдешь и во всѣхъ четырехъ вмѣстѣ.

2. *И четыре крила единому;* потому что они (Евангелисты) всѣ вмѣстѣ согласно проповѣдуютъ о Сынѣ всемогущаго Бога, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и, возвышая умственныя очи къ Божеству Его, летаютъ на крильяхъ созерцанія. Итакъ лица Евангелистовъ придерживаются человѣчества Господня, а крилья—Божества; потому что они какъ бы обращаютъ лица на Того, на Кого смотрятъ тѣлесно. Но когда возвѣщаютъ, что Онъ по Божеству неописанъ и безтѣлесенъ: тогда они на крильяхъ созерцанія какъ бы поднимаются на воздухъ. Итакъ, поелику и вѣра въ воплощеніе Его едина во всѣхъ, и созерцаніе Божества Его одинаково въ каждомъ: то теперь правильно говорится: *четыре лица единому, и четыре крила единому.* Но что

была бы за святость, если бы Проповѣдники Его, имѣя и вѣру въ Господа, и созерцаніе Его, не имѣли святыхъ дѣлъ? Далѣе слѣдуетъ: *и голены ихъ правы* (Тамъ же).

3. Что обозначается голенями, если не шествіе дѣйствій? Итакъ четыре животныхъ описываются имѣющими *голени правыя* (прямыя); потому что дѣла святыхъ Евангелистовъ и всѣхъ совершенныхъ воспящены къ послѣдованію нечестію. Тѣ не имѣютъ правыхъ голеней (ногъ), которые уклоняются къ порокамъ міра, оставленнымъ ими. Объ этихъ (людяхъ) написано: *песъ возвращся на свою блевотину; и, свинія омывшися, въ калъ тинный* (Притч. XXVI, 11. 2 Петр. 11, 22). Знаменитый учитель жалѣлъ о нѣкоторыхъ потому, что они праводу ногъ возвратили вспять, и съ негодованіемъ говорилъ имъ; *какъ возвращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ и хотите снова поработить себя имъ? наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я у васъ трудился* (Галат. IV, 9—11). Другихъ увѣщеваетъ онъ, говоря: *ослабленныя руки и ослабленныя колѣна исправите; и стези правы сотворите ногами вашими* (Евр. XII, 12. 13). Но для показанія въ тѣхъ же самыхъ святыхъ Проповѣдникахъ важности, мужества и отличія, спра-

ведливо присовокупляется: *ступня ноги ихъ какъ бы ступня ноги вола* (Тамъ же) (а).

4. Что святые Проповѣдники называются именемъ воловъ, этому учитъ Апостолъ Павелъ, изъясняя свидѣтельство закона: *да не заградиши устенъ вола молотяща* (1 Кор. IX, 9. Второз. XXV, 4). Слѣдовательно, у святыхъ Проповѣдниковъ ступня ноги есть ступня вола, т. е. твердо ступающая, крѣпкая, и раздвоенная; потому что каждый Проповѣдникъ и благоговѣніе имѣетъ твердое, и мужество въ дѣлѣ, и раздвоеніе копыта въ разсужденіи. Ибо не удобно принимаютъ проповѣдь его, если онъ кажется легкомысленнымъ въ поведеніи. И ничего не будетъ значить кажущаяся твердость, если не будетъ сопровождаема мужествомъ на дѣлѣ противъ всѣхъ несчастій. Но заслугу добродѣтели мужество на дѣлѣ показываетъ тогда, когда бываетъ разбираемо разсудкомъ. Ибо вотъ мы читаемъ Св. Писаніе. Если все будемъ принимать буквально, то лишаемся добродѣтели разбирательства; и если все возводимъ къ духовной аллегоріи, то

(а) Въ подлинникѣ напечатано такъ: *planta pedis eorum quasi planta pedis vituli*, что и переведено такъ, какъ переведено. Но въ славянскомъ переводѣ этотъ текстъ переведенъ такъ: *и перматы ноги ихъ*. Объясненіе Св. Отца принаровлено къ смыслу латинскаго подлинника. Потому и въ переводѣ удержанъ тотъ же самый смыслъ.

подобнымъ образомъ связываемъ сами себя глупостію неразбирательства. Ибо святые Проповѣдники читаютъ священныя изреченія; и иногда въ исторіи принимаютъ буквальный смыслъ, а иногда по значенію буквальному отыскиваютъ смыслъ духовный. Иногда послѣдуютъ они добрымъ дѣяніямъ предшествовавшихъ отцевъ такъ, какъ разумѣютъ ихъ по буквальному смыслу; а иногда духовно разумѣютъ то, чему исторически нельзя послѣдовать, и стремятся къ совершенству. Слѣдовательно, святые Проповѣдники что раздвояютъ въ своемъ дѣланіи, если не копыто на ногѣ?—О нихъ еще справедливо присовокупляется: *и искры яко блистающаяся мѣдь* (Тамъ же ст. 7).

5. Мѣдный металлъ весьма звонокъ. И справедливо вѣщанія Проповѣдниковъ сравниваются съ мѣдью, потому что *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. XVIII, 5). Но хорошо называются и блистающеюся мѣдью, потому что жизнь Проповѣдниковъ звучитъ и блеститъ; блеститъ желаніемъ, звучитъ словомъ. Итакъ ревностная проповѣдь есть мѣдь блистающаяся. Но отъ блистающейся мѣди сыплются искры, потому что отъ ихъ увѣщаній пламенныя слова долѣтаютъ до ушей слушающихъ. Но справедливо слова Проповѣдниковъ названы искрами; потому что воспла-

меняютъ тѣхъ, коихъ сердца касаются. Еще надобно разсудить, что искры весьма тонки и малы; потому что, когда святые Проповѣдники говорятъ о небесномъ отечествѣ, тогда не столько могутъ открыть словомъ, сколько могутъ пламенѣть желаніемъ. Слѣдовательно, изъ языка ихъ долетаютъ до насъ какъ бы нѣкоторыя искры; потому что о небесномъ отечествѣ изъ ихъ языка познается едва слабое нѣчто, что впрочемъ любятъ они не слабо. Ибо они ни славы небесной могутъ видѣть въ такой степени, въ какой она есть, ни столько могутъ говорить, сколько видятъ. Итакъ блистающаяся мѣдь бросаетъ искры, когда Проповѣдникъ едва слабо можетъ говорить о томъ, отъ чего самъ сильно пламенѣетъ. Но Божественная благодать совершаетъ то, что отъ самыхъ этихъ малѣйшихъ искръ воспламеняется душа слушающаго; потому что есть нѣкоторые, которые, слыша малое, исполняются большимъ желаніемъ, и всецѣло горятъ любовію къ Богу отъ того, отъ чего получили едва малѣйшія искры словъ.

6. Слово проповѣди служитъ сѣменемъ въ сердцѣ слушающаго. И добрый слушатель въ послѣдствіи приноситъ великую жатву вѣденія отъ того, отъ чего прежде принялъ малое сѣмя слова. Это хорошо подтверждается чудомъ, которое Пророкъ

Елисей совершилъ для вдовицы, которая, чтобы не лишиться двухъ сыновъ по требованію заимодавца, повиновалась словамъ Пророка, и малое количество оставшагося у ней елея разлила по пустымъ сосудамъ, которые всѣ послѣ наполнились до верха, и ихъ-то полнотою женщина освободилась отъ требованія своего заимодавца (4 Цар. IV, 2 и слѣд.). Эта именно женщина кого другаго означаетъ, если не святую Церковь, матерь двухъ народовъ, т. е. Іудейскаго и языческаго, какъ бы двухъ сыновъ? Она изъ превратнаго дѣйствія по убѣжденію духовнаго врага взяла у заимодавца какъ бы нѣкоторую сумму грѣха, и страшилась лишиться двухъ сыновъ, которыхъ родила вѣрою. Но повинуясь словамъ Пророка, т. е. заповѣдямъ Св. Писанія, разлила малое количество имѣвшагося у ней масла по пустымъ сосудамъ; потому что, когда пустые умы многихъ слушаютъ изъ устъ одного проповѣдника нѣчто малое о любви Божества, тогда преизбыточествующею благодатію до верха наполняются елеемъ Божественной любви. И нынѣ уже многихъ сердца, которыя прежде были пустыми сердцами, полны помазанія Духа, по видимому только излитаго изъ малаго количества елея. Когда это сообщается тѣмъ и тѣмъ, и слушателями принимается вѣра; тогда Сарептская вдовица, т. е. Святая Церковь,

уже дѣлается свободною отъ долга своему заимодовцу. За тѣмъ слѣдуетъ: *и рука человѣча подъ крилами ихъ на четырехъ странахъ ихъ.*

7. Въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ четырехъ странъ можно разумѣть четыре страны свѣта, именно, востокъ, западъ, югъ и сѣверъ; потому что проповѣдь святыхъ по распоряженію Божію проникла во всѣ части міра.

8. Можно разумѣть подъ четырьмя странами и четыре главныхъ добродѣтели, отъ коихъ происходятъ и прочія добродѣтели, именно — мудрость, мужество, справедливость и умѣренность. Эти именно добродѣтели мы истинно стяжеваемъ тогда, когда соблюдаемъ порядокъ ихъ. Потому что первая добродѣтель есть мудрость, вторая — мужество, третья — справедливость, четвертая — умѣренность. Ибо какая польза можетъ быть отъ мудрости, если не будетъ мужества? Потому что знать кому либо что нибудь, чего онъ исполнить не можетъ, есть наказаніе болѣе, нежели добродѣтель. Но тотъ, кто мудро разумѣетъ, что надобно дѣлать и мужественно дѣйствуетъ въ томъ, что разумѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія справедливъ; но его справедливости должна сопутствовать умѣренность, потому что справедливость большею частію превращается въ жестокость, если не имѣетъ мѣры. Слѣдовательно,

самая справедливость истинно есть справедливость та, которая обуздывается умѣренностію, чтобы въ ревности, которою каждый кипитъ, быть и умѣреннымъ, дабы въ случаѣ излишества ревности не лишиться справедливости, которую соблюдать не умѣетъ умѣренностію.

9. Но у святыхъ Проповѣдниковъ двѣ жизни, именно, дѣятельная и созерцательная; но дѣятельная по времени предшествуетъ созерцательной, потому что изъ добродѣтели стремятся къ созерцанію. А созерцательная болѣе по заслугѣ, нежели дѣятельная; потому что послѣдняя трудится въ настоящемъ дѣланіи, но первая внутреннимъ чутьемъ предвкушаетъ уже будущее успокоеніе. Итакъ что означается *руками*, если не жизнь дѣятельная, и что *крилами*, если не жизнь созерцательная? Слѣдовательно, руки человѣка *подъ крилами*, т. е. добродѣтель дѣятельности подъ летаніемъ созерцанія. Это въ Евангеліи хорошо выражаютъ двѣ женщины, именно—Мароа и Марія. Ибо Мароа много заботилась объ угощеніи; а Марія сѣла у ногъ Іисусовыхъ и слушала слово Его (Лук. X, 39. 40). Слѣдовательно, одна была занята дѣятельностію, а другая созерцаніемъ. Одна служила дѣятельной жизни посредствомъ внѣшняго служенія, другая созерцательной посредствомъ углубленія сердца въ слово.

И хотя хороша дѣятельная (жизнь), однакоже созерцательная лучше; потому что та прекращается съ смертною жизнію, а эта въ безсмертной жизни полнѣе возрастаетъ. Поэтому говорится: *Марія благую часть избра, яже не отымется отъ нея* (Тамъ же ст. 42). Итакъ, поелику дѣятельная жизнь по заслугѣ менѣе, нежели созерцательная; то справедливо теперь говорится: *рука человѣча подъ крилами ихъ.* Ибо хотя мы посредствомъ дѣятельной (жизни) и дѣлаемъ что либо хорошее, однакоже къ небесному желанію возлетаемъ посредствомъ созерцательной. Поэтому и у Моисея дѣятельная жизнь называется рабствомъ, а созерцательная свободою.

10. И хотя та и другая жизнь должна быть даромъ благодати, однакоже, доколѣ мы живемъ среди ближнихъ, одна поставляется намъ въ необходимую обязанность, а другая предоставляется на волю. Ибо кто, познавая Бога, входитъ въ царство Его, если прежде не творитъ добрыхъ дѣлъ? Итакъ безъ созерцательной жизни могутъ входить въ небесное отечество тѣ, которые не пренебрегаютъ добромъ, которое могутъ сдѣлать; но безъ дѣятельной не могутъ входить, если пренебрегаютъ совершеніемъ добра, которое возможно. Слѣдовательно, дѣятельная жизнь поставляется въ необходимость, а созерцательная предоставляется произволу. Та по-

ставляется въ рабствѣ, а сія на свободѣ. Поэтому-то и къ Моисею говорится: *аще стяжеши раба Евреина, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ: въ седмое же лѣто отпустиши его свободна туне. Аще самъ единъ внидетъ, то единъ и изыдетъ: аще же жена внидетъ съ нимъ, то и жена отыдетъ съ нимъ. Аще же господинъ дастъ ему жену, и родитъ ему сыны или дщери, жена и дѣти да будутъ господину его, самъ же единъ да отыдетъ. Аще же отвѣщавъ рабъ речетъ: возлюбихъ господина моего, и жену мою и дѣти моя, не отхожду свободенъ: да приведетъ его господинъ предъ судище Божіе, и тогда приведетъ его предъ двери на прагъ, и да провертитъ ему ухо господинъ его шиломъ, и да поработаетъ ему во вѣки* (Исх. XXI, 2—7). Мы представили нѣсколько обширное свидѣтельство для того, чтобы показать различіе рабства и свободы въ той и другой жизни. Но не должно быть отяготительнымъ, если мы это (свидѣтельство) прослѣдимъ изъясненіемъ, которымъ подтвердимъ то самое, что сказали.

11. Ибо Еврей значитъ переходящій. И рабъ Евреинъ покупается тогда, когда каждый, мысленно уже переходящій отъ сего вѣка, предается въ рабство всемогущаго Бога. Ибо служить истинному Богу желаетъ тотъ, кто научился мысленно пе-

реходить отъ вѣка сего. Такъ Моусей перешелъ, чтобы видѣть видѣніе (Исх. III, 3). Такъ Давидъ, когда видѣлъ нечестиваго превозносящагося и высящагося яко кедры ливанскія, перешелъ, и сего не стало (Псал. XXXVI, 35). Потому что мы думаемъ о могуществѣ нечестивыхъ, будто оно есть что либо великое, если не перейдемъ мыслію къ непрестаемому вѣку. По купленному рабу Евреанину заповѣдуется служить шесть лѣтъ, такъ чтобы на седьмомъ году вытти ему на свободу даромъ. Ибо что означается шестеричнымъ числомъ, если не совершенство дѣятельной жизни? Что седмеричнымъ выражается, если не (жизнь) созерцательная? Итакъ шесть лѣтъ служитъ, а на седьмомъ (году) выходитъ на свободу тотъ, кто чрезъ дѣятельную жизнь, которую провелъ въ совершенствѣ, переходитъ въ свободу жизни созерцательной. И надобно замѣтить, что выходитъ на свободу *туне* (даромъ); потому что тѣ, которые послѣ всего содѣяннаго ими говорятъ, что они рабы неключимые (Лук. XVII, 10), безъ сомнѣнія какъ дѣятельную жизнь получили даромъ, такъ и созерцательную по благодати. Въ какой одеждѣ взошелъ, въ такой долженъ и вытти (а); потому что рѣшительно необходимо, чтобы каж-

а) Этой мысли въ славянскомъ переводѣ нѣтъ, но въ латинскомъ подлинникѣ она въ самомъ текстѣ выражена такъ: *cum quali veste intraverit, cum tali exeat.*

дый изъ насъ продолжалъ то, что началъ, и до конца дѣла не оставлялъ того вниманія, съ которымъ предпринялъ. Ибо тотъ хорошо переходитъ къ созерцательной (жизни), кто въ дѣятельной жизни одежду своего вниманія не перемѣнилъ на худшую. И есть нѣкоторые, которые любятъ упражняться въ добрыхъ дѣлахъ прежде нежели присоединяются къ святому обществу для служенія Богу. Но есть и другіе, которые учатся добрымъ дѣламъ послѣ того, какъ приступаютъ къ служенію всемогущему Богу. Итакъ кто и прежде, нежели приступилъ къ служенію Богу, домогался онаго, тотъ есть рабъ Евреанинъ, купленный съ женою.

12. И большею частію тотъ, кто таковъ, можетъ переходить къ созерцательной жизни, и не оставлять дѣятельной. Поэтому и присовокупляется тамъ: *аще жена внидетъ съ нимъ; то и жена отыдетъ съ нимъ*. И жена выходитъ на свободу съ нимъ тогда, когда перешедшій къ созерцанію не оставляетъ и во внѣ совершенія добрыхъ дѣлъ, когда можетъ быть полезнымъ для другихъ. *Аще же господинъ дастъ ему жену, и родитъ ему сыны или дщери, жена и дѣти да будутъ господину его, самъ же единъ да отыдетъ*. Купленному рабу господинъ даетъ жену тогда, когда каждый проповѣдникъ соединяетъ съ расположеніемъ къ добру

того, кого пріобрѣлъ въ собственность всемогущему Богу. Ибо и проповѣдники называются господами, какъ говорится Пророку Елисею о его проповѣдникѣ: *разумѣеши ли, яко взимаетъ Господь днесь господина твоего верху главы твоея* (4 Цар. II, 3)? А жена купленнаго раба раждаетъ сыновъ и дщерей, когда добродѣтель раждаетъ крѣпкіе и нѣжные плоды. Но жена, данная господиномъ, съ дѣтьми остается у тогоже господина, а самъ рабъ выходитъ на свободу; потому что доброе дѣло, или плоды тогоже добраго дѣла, вмѣняются въ награду проповѣднику. Самъ же (рабъ), продолжая напряженіе своего желанія, посредствомъ вышней благодати выходитъ на свободу къ созерцанію. *Аще же отвѣщавъ рабъ речетъ: возлюбихъ господина моего, и жену мою и дѣти моя, не отхожду свободенъ* (Исх. XXI, 5). Рабъ любитъ господина своего, когда тщательно хранитъ въ умѣ слова проповѣдника. И любя жену и дѣтей, отказывается отъ выхода на свободу, когда любя дѣятельную жизнь и плоды ея, не желаетъ переходить къ созерцательной жизни; потому что, разсуждая, что онъ имѣетъ добрыя дѣла въ рабскомъ своемъ служеніи, отказывается отъ перехода къ покою свободы. *Да приведетъ его господинъ его предъ судище Божіе, и тогда приведетъ его предъ двери на праъ, и да провертитъ ему*

ухо господинъ его шиломъ, и да поработаетъ ему во вѣки (Тамже, ст. 6). Ибо тотъ, кто рѣшился продолжать дѣятельную жизнь, приводится господиномъ предъ судилище Божіе, когда отъ проповѣдника своего напитывается изреченіями древнихъ отцевъ, которые для насъ на пути были священниками всемогущаго Бога. Приводится и предъ двери на прагъ, чтобы нѣчто явственнѣе слышалъ о входѣ въ небесное жилище, и основательно зналъ день страшнаго суда, дабы не желать нравиться людямъ чрезъ добрыя дѣла, которыя онъ творитъ. И такимъ образомъ ухо его провертывается шиломъ, когда душа его поражается основательнымъ страхомъ Божіимъ, чтобы, пронзенная остріемъ слова, посредствомъ всего, содѣваемаго ею, всегда умѣла обращать вниманіе на входъ въ царствіе, и носить ухо какъ бы приколотое къ двери и косяку храмины.

13. Онъ будетъ рабомъ во вѣки (въ продолженіе всей настоящей жизни), дабы имѣть возможность послѣ вѣковъ (настоящей жизни) быть свободнымъ. Ибо рабъ *во вѣки*, кто рѣшился служить людямъ посредствомъ дѣятельной жизни, чтобы послѣ настоящаго вѣка перейти къ истинной свободѣ. О сей-то свободѣ чрезъ Павла говорится: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII,

21). Ибо истинная свобода будетъ въ насъ тогда, когда наше усыновленіе достигнетъ славы чадъ Божіихъ. Но нынѣ не только дѣятельная жизнь въ рабствѣ, но и самое созерцаніе, чрезъ которое мы восторгаемся выше самихъ себя, не имѣетъ еще полной свободы души, но подражаетъ ей, потому что оное внутреннее спокойствіе кажется загадочнымъ. Впрочемъ, самое созерцаніе, въ какомъ бы стѣсненіи оно ни было, несравненно обширнѣе и выше дѣятельной жизни, потому что оно переходитъ къ нѣкоторой свободѣ души, не помышляя о временномъ, но думая о вѣчномъ. Итакъ, поелику созерцательная жизнь возлетаетъ къ высшему, и превышаетъ дѣятельную жизнь нѣкоторымъ, такъ сказать, достоинствомъ своей безопасности: то прилично говорится: *и рука человѣча подъ крилами ихъ*.

14. Но если въ этомъ мѣстѣ принять за человѣка Искупителя нашего: то *рука человѣка подъ крилами ихъ* потому, что если бы Богъ не содѣлался человѣкомъ, который возвысилъ умы проповѣдниковъ къ небесному, то тѣ животныя, которыя выставляются на видъ, не летали бы. Не безъ основанія говорится, что *рука человѣча подъ крилами ихъ*; потому что о томъже Спаситетѣ нашемъ написано: *Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси*

Его, нося же всяческая (Евр. 1, 3). Слѣдовательно, Его рука носитъ сердца наши; Его рука приподнимаетъ насъ въ созерцаніи. Ибо если бы, какъ сказано, всемогущее Слово не содѣлалось человѣкомъ ради человѣковъ: то человѣческія сердца не возлетали бы къ созерцанію славы Слова. Итакъ души человѣческія содѣлались возвышенными съ того пункта, съ котораго Богъ явился смиреннымъ среди людей. Итакъ пусть говорится о святыхъ животныхъ, пусть говорится: *и рука человѣча подъ крилами ихъ*. О нихъ еще присовокупляется: *и лица ихъ, и крила ихъ четырехъ держащаяся другъ друга.*

15. Животныя имѣютъ лица и крилья на четыре страны; потому что проповѣдники во всѣхъ частяхъ міра показываютъ не человѣчески то, что они думаютъ о Божествѣ нашего Искупителя. Потому что, повсюду проповѣдуя воплощеннаго Бога, показываютъ лица въ четырехъ частяхъ міра. И когда возвѣщаютъ, что Онъ едино есть со Отцемъ и Святымъ Духомъ, тогда повсюду летаютъ на крыльяхъ созерцанія. Ихъ крилья соединены одно съ другимъ потому, что вся ихъ добродѣтель, и вся ихъ мудрость, которою превышаютъ другихъ людей по летанію своего созерцанія, взаимно совокупляется въ мирѣ и единодушіи. Поэтому написано: *яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же*

мирна (Iак. III, 17). Поэтому Истина тѣмъ же самымъ Проповѣдникамъ говоритъ: *имѣйте соль въ себѣ, и миръ имѣйте между собою* (Марк. IX, 50). Итакъ крилья животныхъ соединяются одно съ другимъ потому, что добродѣтель и мудрость святыхъ Проповѣдниковъ имѣютъ взаимное общеніе въ мирѣ любви и согласія. Но крило одного было бы отдѣлено отъ другаго, если бы каждый отказался имѣть миръ съ другимъ въ томъ, о чемъ онъ мудрствуетъ. Далѣе слѣдуетъ: *лица же ихъ четырехъ не обращахуся, внегда ходити имъ: коеждо прямо лица своего хождаху* (ст. 9).

16. Пернатыя животныя, т. е. святые Проповѣдники, поступая впередъ, не возвращаются назадъ; потому что переходятъ отъ земныхъ дѣлъ къ духовнымъ такъ, что далѣе рѣшительно не уклоняются къ тому, что оставили. Ибо для нихъ душею итти къ лучшему значитъ какъ бы ступать впередъ по какому нибудь пути. Напротивъ о нечестивыхъ говорится, что они сердцемъ возвращались въ Египетъ (Исх. XIV, 3. 4). И сама Истина говоритъ: *никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. IX, 62). Потому что возложить руку на рало значитъ вскрыть землю своего сердца для приношенія плодовъ какъ бы нѣкоторымъ сошникомъ сокрушенія. Но назадъ

послѣ вспаханія озирается тотъ, кто послѣ начала добраго дѣла возвращается къ злу, которое оставилъ. Поелику этого съ избранными Божіими не случается, то правильно теперь чрезъ Пророка говорится: *не обращахуся, внегда ходити имъ.*

17. Почему они не обращаются, Пророкъ показываетъ далѣе, присовокупляя: *коеждо прямо лица своего хождаху.* Ибо впереди насъ вѣчное, а позади временное; потому что и то, шествуя постепенно, мы находимъ, и другое отступая оставляемъ какъ бы позади себя. Поэтому-то и великое оное пернатое животное, которое возлетало до таинъ третьяго неба, говорило; *едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія* (Филип. III, 13. 14). Простираясь впередъ, онъ забывалъ задняя; потому что, презирая временное, онъ домогался только того, что вѣчно. Итакъ *прямо лица своего* ходятъ святыя животныя; потому что и на то, что оставили, уже рѣшительно не озираются съ пожеланіемъ, и твердо идутъ къ вѣчному, котораго желаютъ, имѣя оное предъ очами своего созерцанія.

18. Итакъ кто уже рѣшился ходить *прямо лица своего,* тому съ великою разборчивостію надобно обдумывать, что иначе озираются назадъ дѣломъ, и иначе помышленіемъ. Ибо есть люди, ко-

торые основательно разсуждаютъ, и, сознавая грѣхи свои, рѣшаются раздать бѣднымъ многое изъ своего имѣнія, чтобы дѣлами милосердія искупить вину свою предъ очами Божіими. И уже начинаютъ приводить это въ исполненіе: по большею частію страхъ обнищанія тревожитъ духъ ихъ, когда они это дѣлаютъ, и они, страшась обнищанія, дѣлаются скупыми къ бѣднымъ, и прекращаютъ то доброе дѣло, которое начали. Эти-то люди, поступая впередъ, возвратились назадъ; потому что не захотѣли итти *прямо лица своего*. Противъ нихъ правильно чрезъ Соломона говорится: *поносимъ лѣнивый не усрамляется, такожде и заемляй пшеницу въ жатву* (Притч. XX, 4) (а). Ибо кто нынѣ по причинѣ страха и ужаса умственнаго небрежетъ о добрыхъ дѣлахъ, тотъ, когда какъ бы лѣтомъ возсіяетъ на судѣ солнце правды, нищенски будетъ просить жизни, но не получитъ, потому что ради ся не хотѣлъ творить добрыхъ дѣлъ. Другой, презрѣвъ пожеланія плоти, рѣшается все оставить и предаться въ рабство всемогущаго Бога, и хочетъ стѣснять самаго себя уздою воздержанія

а) Въ латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *propter frigus piger arare noluit, mendicabit ergo aestate, et non dabitur ei*, т. е. по причинѣ холода лѣнивецъ не хотѣлъ пахать, поэтому лѣтомъ будетъ просить милостыни, и ему не будутъ давать.

и чистоты; но когда видитъ, что другіе пали даже послѣ чистоты, боится исполнить то самое, на что рѣшался. А потому назадъ обращается помышленіемъ тотъ, кто, смотря впередъ, шелъ уже на высоту шагами ума. О немъ чрезъ Соломона хорошо говорится: *блюдый вѣтра, не сѣетъ, и смотряяй во облацѣхъ, не пожнетъ* (Еккл. XI, 4). Потому что подъ именемъ вѣтра разумѣется злой духъ, который обуреваетъ душу искушеніями, а чрезъ облако означается грѣшникъ, который движется по направленію искушенія. Итакъ кто обращаетъ вниманіе на вѣтеръ, тотъ не сѣетъ, и кто разсматриваетъ облака, тотъ не жнетъ; потому что, кто страшась искушеній отъ злаго духа, и смотря на надежды нечестивыхъ, отчаевается въ самомъ себѣ, тотъ какъ нынѣ не сѣетъ добрыхъ дѣлъ, такъ и послѣ ничего не получитъ отъ праведнаго воздаянія. Но есть люди, которые хотя и дѣлаютъ добро, которое они знаютъ, и дѣлая это рѣшаются на лучшее; но разсматривая лучшее, на которое рѣшались, перемѣняютъ (намѣреніе); и хотя дѣлаютъ добро, которое начали, но отъ лучшаго, на которое рѣшались, отказываются. Эти именно (люди) предъ судомъ человѣческимъ кажутся постоянными въ дѣлѣ, но предъ очами всемогущаго Бога пали въ размышленіи. Почему ихъ даже доброе дѣло большею частію быва-

етъ неблагоугодно Богу, потому что, когда нога ума дѣлаетъ шагъ къ лучшему въ размышленіи не твердо, тогда самое непостоянство въ размышленіи обвиняетъ оное. Но поелику всѣ совершенные смотрятъ на самихъ себя съ самою тонкою разборчивостію, дабы никогда не падать въ худшее ни дѣломъ, ни помышленіемъ, непрестанно взвѣшиваютъ, на сколько преуспѣли въ каждый день: то о нихъ справедливо говорится: *не обращахуся, внегда ходити имъ: коеждо прямо лица своего хождаху.*

19. Итакъ намъ между симъ можно обсудить то, кто мы, и откуда пришли, и до какихъ изслѣдованій таинъ священнаго изреченія возвышаемся. Извѣстно, что мы въ древнихъ предкахъ своихъ были чтителями идоловъ; но вотъ по духу благодати мы уже изслѣдываемъ слова небесныя. Откуда это намъ? Но Спаситель рода человѣческаго исполнилъ то, что предсказалъ чрезъ Пророка: *и пустыни плѣненныхъ агнцы поядятъ* (Ис. V, 17) (a). Потому что эти изреченія пророческія пустынями были у Іудеевъ, которые не хотѣли воздѣлать ихъ изслѣдованіемъ въ таинственномъ смыслѣ. Но для насъ

---

a) Этотъ текстъ въ латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *et deserta in ubertatem versa advenae comedent*, т. е. и пустыни превращенныя въ изобиліе снѣдятъ пришельцы. Къ этому-то смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

онѣ превратились въ изобиліе, потому что по исторіи видѣнія эти изреченія по милости Божіей для нашего ума имѣютъ духовный смыслъ, и мы уже пришельцы снѣдаемъ то, чего не хотѣли ѣсть граждане закона. Благодареніе Единородному, хвала вѣчной Премудрости, Которая живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ изъясненіи стиховъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго предлагаются многія нравственныя правила, преимущественно о непрестанномъ вниманіи къ Богу, и къ самимъ себѣ.

1. Пернатыя животныя подробно описываются Святымъ Духомъ пророчества для того, чтобы самая подробность описанія открывала намъ, что ими означаются лица Евангелистовъ, и чтобы слово Божіе не оставляло никакого сомнѣнія для нашего разумѣнія. Ибо вотъ говорится: *и подобіе лицъ ихъ, лице человѣчее, и лице львово одесную четыремъ, и лице тельчее ошуюю четыремъ, и лице орлее четыремъ* (ст. 10).

Что четыре этихъ пернатыхъ животныхъ означаютъ четырехъ святыхъ Евангелистовъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя начала каждой книги Еван-

гелія. Ибо, поелику Матоей начинаетъ съ рожденія человѣческаго, то справедливо означается человѣкомъ; поелику Маркъ начинаетъ гласомъ въ пустыни, то справедливо означается львомъ; поелику Лука начинаетъ жертвоприношеніемъ, то хорошо означается тельцомъ; но поелику Іоаннъ начинаетъ съ Божества Слова, то достойно означается орломъ. Сей говоря: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (1, 1), когда обращаетъ вниманіе на самое существо Божества, то по обычаю орла вперяетъ глаза въ солнце. Но поелику всѣ избранные суть члены Искупителя нашего, а Самъ Искупитель нашъ есть глава всѣхъ избранныхъ: то чрезъ изображеніе членовъ Его ничто не препятствуетъ допустить изображеніе во всѣхъ нихъ Его Самаго. Ибо Самъ Онъ, Единородный Сынъ Божій, содѣлался истиннымъ человѣкомъ; Самъ Онъ въ жертвоприношеніи нашего искупленія благоизволилъ умереть, какъ телецъ; Самъ Онъ силою своего могущества воскресъ, какъ левъ. Говорятъ еще, что левъ спитъ съ открытыми глазами; подобно сему Искупитель нашъ въ самой смерти, въ которой могъ спать по человѣчеству, бодрствовалъ по Божеству, пребывая безсмертнымъ. И Самъ Онъ послѣ воскресенія своего вознесясь на небеса, возлеталъ въ горняя, какъ орелъ. Итакъ все вмѣстѣ для насъ

Тотъ, Кто чрезъ рожденіе содѣлался человѣкомъ, чрезъ смерть тельцомъ, чрезъ воскресеніе львомъ, а чрезъ вознесеніе на небеса орломъ. Но поелику мы уже выше сказали, что этими животными означаются четыре Евангелиста, а чрезъ нихъ и всѣ вмѣстѣ избранные (бесѣд. III): то остается показать, какимъ образомъ каждый изъ избранныхъ изображается оными видѣніями животныхъ.

2. Ибо всякій избранный и совершенный на пути Божіемъ есть вмѣстѣ, и человѣкъ, и телецъ, и левъ, и орелъ. Ибо человѣкъ есть разумное животное. А телецъ обыкновенно закалается въ жертвоприношеніи, левъ же есть сильный звѣрь, какъ написано: *скименъ львовъ крѣпчае звѣрей, иже не отвращается, ни устрашается скота* (Притч. XXX, 30). Орелъ возлетаетъ на высоту, и открытыми глазами смотритъ на лучи солнечные. Итакъ всякій, кто совершенъ въ разумѣ, есть человѣкъ. А поелику онъ умерщвляетъ самаго себя для похоти міра сего, то телецъ. Поелику же самымъ своимъ добровольнымъ умерщвленіемъ онъ пріобрѣтаетъ мужество безопасности отъ всѣхъ несчастій, какъ написано: *праведный яко левъ уповая* (Притч. XXVIII, 1); то онъ левъ. Но поелику онъ высоко возлетаетъ къ тому, что есть небеснаго и вѣчнаго, то онъ орелъ. Итакъ, поелику каждый праведникъ по раз-

уму человѣкъ, по жертвоприношенію самоумерщвленія—телецъ, по силѣ безопасности левъ, а по созерцанію орелъ: то справедливо каждый совершенный можетъ быть означаемъ чрезъ этихъ святыхъ животныхъ. Посему то, что мы говоримъ, приложимъ къ каждому совершенному, какъ сказанное о четырехъ животныхъ.

3. Но важный для насъ раждается вопросъ о тѣхъ же самыхъ Евангелистахъ и святыхъ Проповѣдникахъ, почему говорится, что человѣкъ и левъ находятся съ правой стороны ихъ четырехъ, а телецъ съ лѣвой стороны ихъ четырехъ? Ибо дивно, почему говорится, что двое тѣхъ находятся съ правой стороны, а этотъ одинъ съ лѣвой. И еще надобно спросить, почему говорится, что орелъ находится, ни съ правой стороны, ни съ лѣвой, по верху ихъ четырехъ? Итакъ мы предложили себѣ два вопроса, которые надобно рѣшить по откровенію Господню. Итакъ сказано, что человѣкъ и левъ находятся съ правой стороны, а телецъ съ лѣвой. Ибо съ правой стороны мы имѣемъ радостное, а съ лѣвой печальное. Поэтому мы и называемъ лѣвымъ для себя то, что считаемъ непріятнымъ. Но впереди сказали мы, что человѣкомъ означается воплощеніе, тельцомъ страданіе, а львомъ воскресеніе нашего Виновника. Воплощенію же Единороднаго Сына,

Которымъ искуплены, обрадовались всѣ избранные; смертію же Его были опечалены самые первенцы изъ избранныхъ, святые Апостолы, которые опять обрадованы воскресеніемъ Его. Итакъ, поелику и рожденіе, и воскресеніе Его доставили радость ученикамъ, которыхъ опечалило страданіе Его: то человѣкъ и левъ представлены съ правой стороны, а телецъ съ лѣвой. Ибо сами святые Евангелисты радовались Его вочеловѣченію, и укрѣпились воскресеніемъ Его, будучи опечалены страданіемъ Его. Итакъ человѣкъ и левъ съ правой стороны потому, что воплощеніе Искупителя нашего оживило ихъ, а воскресеніе укрѣпило. Но телецъ съ лѣвой стороны потому, что смерть Его низвергла ихъ на нѣкоторое время до невѣрія. Но мѣсто орлу по описанію назначается не сряду подлѣ, но сверху, или потому, что этимъ означаетъ (Пророкъ) вознесеніе Его, или потому, что проповѣдуетъ Слово Отчее Богомъ у Отца, (Евангелистъ) возвысился надъ прочими Евангелистами силою созерцанія; онъ, хотя вмѣстѣ съ ними говоритъ о Божествѣ Его, однако же созерцаетъ оное утонченнѣе всѣхъ. Но если орелъ съ тремя другими называется однимъ изъ четырехъ животныхъ: то удивительно, какимъ образомъ онъ возвысился выше сихъ четырехъ, если онъ не возвысится и надъ самимъ собою тѣмъ, что видѣлъ

въ началѣ Слово (Іоан. I, 1). Итакъ, поелику онъ возвысился даже надъ самимъ собою; то былъ выше не только трехъ, но и, по присоединеніи къ нимъ себя, выше четырехъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и лица ихъ, и крила простерты свыше четыремъ* (ст. 11).

4. Лица и крилья описываются простертыми вверхъ; потому что все вниманіе и все созерцаніе святыхъ устремлено выше ихъ, чтобы получить то, чего желаетъ на небѣ. Ибо, бодрствуетъ ли оно надъ добрымъ дѣломъ, или надъ истиннымъ созерцаніемъ, то и другое истинно добро тогда, когда желаетъ благоугодить Тому, отъ Кого происходитъ. Кто по видимому дѣлаетъ добро, и чрезъ это желаетъ благоугодить не Богу, а людямъ, тотъ лице своего вниманія устремляетъ внизъ. И кто въ священномъ изреченіи созерцаетъ Божественное для того, чтобы чрезъ разумѣваемое имъ заниматься вопросами, потому что желаетъ не насыщаться сладостію отысканнаго блаженства, но казаться ученымъ: тотъ именно крилья своего разума не простираетъ вверхъ; но поелику бдительность смысла своего устремляетъ къ земному пожеланію, то тѣ крилья, которыя онъ могъ простерть вверхъ, и на которыхъ самъ могъ подняться, опускаетъ внизъ. Въ этомъ дѣлѣ надобно смотрѣть, чтобы всякое доброе дѣло, содѣваемое нами, по вниманію всегда возвышалось къ небес-

ному. Ибо тотъ, кто за добрыя дѣла желаетъ земной славы, опускаетъ крилья свои и лице свое внизъ. Поэтому-то чрезъ Пророка говорится о нѣкоторыхъ: *жертвы въ бездну сѣяли* (Ос. V, 2) (a). Ибо что другое суть наши молитвенныя слезы, если не жертвы нашего возношенія, какъ написано: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19)? И есть люди, которые изнуряютъ самихъ себя рыданіями на молитвѣ для того, чтобъ или пріобрѣсть земныя выгоды, или казаться предъ людьми святыми. Что они дѣлаютъ, если не сѣютъ жертвы въ бездну? Они жертву молитвы своей опускаютъ внизъ тѣмъ самымъ, что искомое ими внизу. Но избранные, которые и добрыми дѣлами желаютъ благоугодить всемогущему Богу, и благодатію созерцанія усиливаются уже вкушать вѣчное блаженство, простираютъ вверхъ и лица, и крилья.—Далѣе слѣдуетъ: *коемуждо два (крила) сопряжена другъ ко другу, и два покрываху верху тѣлесе ихъ* (ст. 11).

5. Сказано было: *и лица ихъ, и крила ихъ простерты свыше* (вверхѣ), и тотчасъ присовокуплено то, что мы прочитали, что *коемуждо два* (крила) *сопряжена другъ ко другу*. Здѣсь ясно, что крилья и вверхъ простирались, и соединялись, а два

---

a) Въ латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *victimas in profundum deserebant*.

крила прикрывали тѣла ихъ. Что же называется перьями животныхъ, если не крилья? Въ этомъ дѣлѣ намъ тщательно должно изслѣдывать, что за четыре крила Святыхъ, изъ коихъ два простертыя вверху соединяются, а два прикрываютъ тѣла ихъ. Ибо если мы внимательно смотримъ, то находимъ четыре добродѣтели, которыя возвышаютъ всякое пернатое животное отъ земныхъ дѣлъ, именно: въ будущемъ любовь и надежда, а въ прошедшемъ страхъ и покаяніе. Итакъ крилья, соединенныя одно съ другимъ, простираются вверхъ; потому что любовь и надежда святыхъ возвышаютъ умъ ихъ въ горняя. Онѣ хорошо еще называются соединенными; потому что избранные безъ сомнѣнія и любятъ небесное, котораго надѣятся, и надѣятся того, что любятъ. Но два крила прикрываютъ тѣла; потому что страхъ и покаяніе скрываютъ прошедшіе грѣхи ихъ отъ очей всемогущаго Бога. Итакъ два крила, какъ сказано, соединяются вверху, когда любовь и надежда возвышаютъ сердца избранныхъ въ горняя, прилепляютъ къ небесному. А два крила прикрываютъ тѣла, когда страхъ и покаяніе скрываютъ прошедшіе грѣхи ихъ отъ взора вѣчнаго Судіи. Ибо тѣмъ самымъ, что они, воспоминая о грѣхахъ своихъ, боятся и плачутъ, что другое совершаютъ, какъ не прикрываютъ тѣло? Они плотскія дѣянія

скрываютъ отъ строгаго испытанія новыми добрыми дѣлами. Потому что написано: *блажени, ихъже оставишася беззаконія, и ихъже прикрышася грѣси* (Псал. XXXI, 1). Ибо мы прикрываемъ грѣхи, когда добрыя дѣла кладемъ на верхъ злыхъ дѣлъ. Все прикрываемое кладутъ внизъ; а то, чѣмъ прикрываютъ, возлагаютъ на верхъ. Итакъ, когда мы отказываемся отъ злыхъ дѣлъ, которыя учинили, и рѣшаемся на добродѣтели, которыя должны дѣлать; тогда накидываемъ какъ бы нѣкоторое покрывало на то, отъ чего со стыда краснѣли.

6. Хотя и въ сей еще жизни есть святые мужи, однако же и они имѣютъ, что должны скрывать предъ очами Божіими; потому что рѣшительно невозможно, чтобъ они никогда не грѣшили, или дѣломъ, или словомъ, или помышленіемъ. Поэтому-то и блаженный Іовъ, который предъ людьми выставлялъ свои совершенства, слушая гласъ Божій, и укоряя самаго себя за самыя совершенства свои, говорилъ: *руку положу на устѣхъ моихъ* (Іов. XXXIX, 34). Потому что въ рукѣ дѣятельность, а въ устахъ слово. Поэтому положить руку на уста значитъ, грѣхи слова прикрыть дѣятельною добродѣтелію. Угодно ли, возлюбленнѣйшіе братіе, представить во свидѣтели этого дѣла Учителя языковъ, и посмотрѣть, какъ святое оное животное опирается

на четыре крила, изъ коихъ на двухъ возлетаетъ къ горнему, а двумя крилами прикрываетъ тѣло, потому что скрываетъ прошедшія дѣянія. Итакъ посмотримъ, коликая любовь возвышаетъ его къ небесному: *мнѣ еже жити, Христосъ: и еже умрети, приобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21). Познаемъ, съ какою надеждою стремится онъ къ горнему: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа* (Филип. III, 20). Взглянемъ, не страшится ли онъ еще и съ такими добродѣтелями: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX. 27). Дознаемъ, жалѣетъ ли онъ о злыхъ дѣлахъ: *азъ есмь мній Апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ, зане гонихъ церковь Божію* (1 Кор. XV, 9). Его словами что другое обвиняется, если не жестокость нашего сердца? Потому что онъ оплакиваетъ то, что сдѣлано имъ прежде крещенія, а мы много зла учинили даже послѣ крещенія, и однакожъ не хотимъ оплакивать этого. Итакъ святыя животныя имѣютъ четыре крила; потому что любовію и надеждою возлетаютъ къ небесному, а страхомъ и покаяніемъ оплакиваютъ свои непозволительныя дѣла.

7. Но поелику сказано: *коемуждо два сопряжени другъ ко другу*; то, можетъ быть, это надобно

разумѣть такъ, что онѣ соединяютъ не собственно возвышающія ихъ крилья, но крилья одного соприкосновены къ другому такъ, что простертыя вверхъ крилья взаимно находятся въ соединеніи. Поэтому раждается вопросъ: если два крила, простертыя вверхъ, означаютъ любовь и надежду, а два, прикрывающія тѣла, страхъ и покаяніе: то почему два, простертыя вверхъ, называются соединенными, а два прикрывающія тѣло, не называются? Но на это, по милости Господней, причина та, что два соединенныя крила святыхъ суть любовь и надежда, а два, прикрывающія тѣла, и не соприкасающіяся взаимно одно къ другому, — страхъ и покаяніе. Ибо Давидъ, страшась и раскаеваясь, сокрушается о плотскомъ паденіи (2. Цар. XII, 13). Петръ горько плакалъ о случаѣ отреченія отъ Господа (Мат. XXVI, 75). Павелъ оплакиваетъ свою жестокость въ прошедшемъ гоненія (1 Кор. XV, 9). Впрочемъ всѣ желаютъ единаго отечества, всѣ спѣшатъ притти къ единому Виновнику всяческихъ. Итакъ два крила каждаго соединены, а два не соединены; потому что по любви и надеждѣ у нихъ одно, чего они желаютъ, а по страху и покаянію различно, что они оплакиваютъ. Далѣе слѣдуетъ: *и коеждо прямо лицу своему идяше* (I, 11).

8. Впереди было сказано: *коеждо прямо лица*

своего хождаху, а теперь говорится: *коеждо прямо лицу своему идяще.* Итакъ самая мысль кажется повторенною. Но поелику *прямо* (предъ) мы говоримъ въ настоящемъ (т. е. имѣетъ значеніе настоящаго времени); то мы, изслѣдывая до тонкости, можемъ различать, что иное значитъ прямо лица ходить, а иное въ присутствіи. Потому что прямо лица ходить значитъ желать того, что впереди; а въ присутствіи ходить значитъ не быть въ отсутствіи отъ самаго себя. Ибо всякій праведникъ, который тщательно наблюдаетъ за своею жизнію, и прилежно разсматриваетъ, на сколько онъ каждодневно возрастаетъ въ добрѣ, или, быть можетъ, на сколько уклоняется отъ добра,—этотъ праведникъ, поелику поставляетъ себя предъ собою, ходитъ предъ собою, потому что онъ бдительно смотритъ, востаетъ ли онъ, или падаетъ. Но кто пренебрегаетъ стражею надъ своею жизнію, или не хочетъ, или не умѣетъ обсуживать то, что онъ дѣлаетъ, что говоритъ, что мыслитъ; тотъ не ходитъ предъ собою, потому что не знаетъ, каковъ онъ въ своихъ правахъ, или въ дѣлахъ. И не присущь самому себѣ тотъ, кто не заботится ежедневно обслѣдывать и познавать самаго себя. Но тотъ истинно поставляетъ *себя предъ собою, и присущь* самому себѣ, кто въ своихъ дѣлахъ разсматриваетъ себя, какъ другаго.

9. Ибо много грѣховъ, въ которые мы впадаемъ, но они не кажутся намъ важными потому, что мы, любя себя пристрастно, съ закрытыми своими глазами обольщаемся своимъ обманомъ. Отъ этого-то происходитъ, что мы легко судимъ о своихъ важныхъ грѣхахъ, и строго о маловажныхъ грѣхахъ ближнихъ. Потому что написано: *будутъ человѣцы самолюбцы* (2 Тим. III, 2). И мы знаемъ, что пристрастіе крѣпко закрываетъ глазъ сердца. Отъ этого происходитъ, что дѣлаемое нами мы не почитаемъ за важное, а дѣлаемое ближнимъ большею частію намъ кажется чрезвычайно отвратительнымъ. Но почему то, что въ насъ казалось маловажнымъ, въ ближнемъ кажется важнымъ, если не потому, что мы ни на себя не смотримъ, какъ на ближняго, ни на ближняго, какъ на себя? Ибо, если бы мы смотрѣли на себя, какъ на ближняго, то вѣрно видѣли бы свои укоризненныя дѣла. И на оборотъ, если бы мы смотрѣли на ближняго, какъ на себя, то никогда не казалось бы его дѣйствіе несноснымъ для насъ, которые, быть можетъ, часто дѣлали тоже, и не смотря на то, думали, что мы ничего несноснаго не сдѣлали для ближняго. Это худо раздѣленное сужденіе нашего ума Моисей старался исправить заповѣдію закона, когда сказалъ, что мѣра должна быть праведна, и вѣсы праведны (Левит. XIX, 36). По-

этому Соломонъ говоритъ: *въсъ великъ и малъ, и мъра сугуба, нечиста предъ Господемъ обоя* (Притч. XX. 10). Мы знаемъ, что въ двоякомъ вѣсѣ торговцевъ, одинъ большiй, другой меньшiй. Ибо одинъ вѣсъ имѣютъ они, которымъ взвѣшиваютъ для себя, а другой, которымъ взвѣшиваютъ для ближняго. Для продажи у нихъ готовы вѣсы легкiе, а для покупки тяжелые. Итакъ всякой человѣкъ, который иначе судитъ о поступкахъ ближняго, а иначе о своихъ дѣлахъ, имѣетъ *въсъ великъ и малъ*. Но *нечиста предъ Господемъ обоя;* потому что, если бы онъ (всякой человѣкъ) любилъ ближняго, какъ самаго себя, то любилъ бы его за добрыя дѣла, какъ самаго себя. И если бы на себя смотрѣлъ такъ же, какъ смотритъ на ближняго, то осуждалъ бы себя за злыя дѣла такъ же, какъ осуждаетъ ближняго. Итакъ мы должны внимательно смотрѣть на самихъ себя, какъ на другихъ, и поставлять самихъ себя, какъ сказано, предъ собою, чтобы непрестанно подражая пернатымъ животнымъ, знали то, что мы дѣлаемъ, всегда ходили предъ лицемъ нашимъ Но развращенные (люди), какъ нѣсколько выше было сказано, не ходятъ предъ лицемъ своимъ; потому что никогда не разсуждаютъ о томъ, что дѣлаютъ, стремятся къ погибели, забавляются дѣлами нечестивыми. О нихъ написано, что они веселятся *о злыхъ*, и радуются

о развращеніи злѣмъ (Притч. II, 14). Но часто праведникъ, который ихъ видитъ, плачетъ о нихъ, но сами они, подобно сумасшедшимъ, плачутъ и смѣются.

10. Другіе много даютъ нуждающимся изъ собственнаго имущества, но когда отыщутъ случай, притѣсняютъ бѣдныхъ, и тѣхъ, которыхъ могутъ, раззоряютъ хищеніями. Они представляютъ предъ взоръ свой добрыя дѣла, которыя совершаютъ, и не представляютъ самыхъ гнусныхъ дѣлъ, которыя себѣ дозволяютъ. Они именно не ходятъ предъ лицемъ своимъ; потому что, если бы они были присущи самимъ себѣ; то ясно видѣли бы все, что они дѣлаютъ, знали бы, какъ они теряютъ добрыя дѣла въ злыхъ дѣлахъ, какъ написано: *собираяй мзды, собра во влагалище дираво* (Агг. I, 6); потому что изъ дираваго влагалища выпадаетъ съ одной стороны то, что съ другой кладется въ него, такъ какъ безразсудные умы не видятъ того, какъ теряется отъ худаго дѣла та награда, которая заслуживается добрымъ дѣломъ. Другой сохраняетъ цѣломудріе тѣлесное, бодренно смотритъ за самимъ собою, чтобы не допустить чего либо совнѣ укоризненнаго, доволенъ тѣмъ, что у него есть, не похищаетъ чужаго; но можетъ быть, таитъ въ сердцѣ ненависть противъ ближняго. И когда написано: *всякъ нена-*

видяй брата своего, человѣкоубійца есть (1 Іоан. III, 15), тогда онъ разсуждаетъ, какъ онъ чистъ вовнѣ, въ дѣлѣ, а не думаетъ о томъ, какъ онъ жестокъ въ сердцѣ. Не отсутствующій ли отъ самаго себя тотъ, кто ходитъ во тмѣ сердца своего и не сознаетъ этого? Иной и чужаго не похищаетъ, и тѣло хранитъ въ чистотѣ, и чистосердечно любитъ ближняго, и сознавая прежніе грѣхи, молитвенными слезами очищаетъ себя; но по окончаніи молитвы, ищетъ веселости, которая обрадовала бы его въ мірѣ семъ, и нерадивую душу допускаетъ до временныхъ радостей, не заботясь о томъ, чтобы неумѣренная радость не превысила въ немъ мѣру слезъ; и бываетъ то, что онъ чрезмѣрнымъ смѣхомъ теряетъ то благо, которое приобрѣлъ плачемъ. Итакъ онъ не ходитъ предъ лицемъ своимъ, потому что не хочетъ видѣть вреда, который претерпѣваетъ. Ибо написано: *сердце мудрыхъ въ дому плача, а сердце безумныхъ въ дому веселія* (Еккл. VII, 5). Итакъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ мы прилежно должны осматривать самихъ себя со внутренней и внѣшней стороны, дабы, послѣдуя пернатымъ животнымъ, быть присущими при самихъ себѣ, и всегда ходить предъ лицемъ своимъ, имѣя помощникомъ единаго со Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ въ единеніи Святаго Духа, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Въ изъясненіи трехъ стиховъ,—отъ двѣнадцатаго до пятнадцатаго,—ученымъ образомъ разсуждается о Святомъ Духѣ, и Его побужденіи въ Святыхъ, движеніи и обитаніи.

1. О какъ дивна глубина глаголовъ Божіихъ! Стоитъ того, чтобы внимать имъ, стоитъ того, чтобы при руководствѣ благодати проникать во внутренность ея. Изслѣдывая ее разумѣніемъ нѣсколько разъ, что другое мы дѣлаемъ, какъ не входимъ въ тѣнь рощей, чтобы въ ихъ прохладѣ укрыться отъ жаровъ вѣка сего? Тамъ чрезъ чтеніе мы срываемъ самыя зеленыя травы мыслей, а чрезъ обсужденіе ихъ пережевываемъ. Въ той бесѣдѣ, которая третьяго дня произнесена къ вамъ, возлюбленнѣйшіе братіе, сказано, какимъ образомъ показанныя животныя означаютъ, или Искупителя нашего, или четырехъ Евангелистовъ Его, и всѣхъ совершенныхъ. Этихъ-то именно животныхъ еще тонѣе выражается добродѣтель, чтобы мы, даже слабые и презрѣнные, на сколько по милости Божіей можемъ, стремились къ подражанію имъ. Ибо вотъ говорится: *идѣже аще бяше духъ шествуяй, идяху* (ст. 12) (а).

а) Въ латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *ubi erat impetus spiritus, illuc gradiebantur*, т. е. куда было устремленіе духа, туда и шли. Къ этому смыслу текста приноровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

2. Въ избранныхъ и нечестивыхъ различны устремленія. Именно, въ избранныхъ устремленіе духа, въ нечестивыхъ устремленіе плоти. Потому что устремленіе плоти побуждаетъ душу къ ненависти, возвышенію, нечистотѣ, хищничеству, къ внѣшней славѣ, къ жестокости, вѣроломству, отчаянію, гнѣву, распрямъ, къ удовольствіямъ. Но устремленіе духа увлекаетъ душу къ любви, человѣколюбію, воздержанію, щедродательству, внутреннему возвышенію, къ дѣламъ благочестія, къ вѣрѣ вѣчному, къ надеждѣ будущей радости, къ терпѣнію, миру, къ обсужденію смертной жизни, къ слезамъ. Поэтому намъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ необходимо разсуждать, какое устремленіе увлекаетъ насъ; увлекается ли наше помышленіе устремленіемъ плоти, или устремленіемъ духа. Ибо любить земное, временное предпочитать вѣчному, внѣшнія блага имѣть не для необходимаго употребленія, но желать ихъ для удовольствія, желать мщенія врагу, радоваться паденію совмѣстника, значитъ увлекаться устремленіемъ плоти. А напротивъ, любить небесное, презирать земное, желать преходящихъ благъ, не для удовольствія, но для удовлетворенія необходимости, жалѣть о смерти врага, значитъ увлекаться устремленіемъ духа. Но поелику всѣ совершенные всегда исполняютъ эти добродѣтели; то теперь о святыхъ

животныхъ правильно говорится: *куда было устремленіе духа, туда и шли.*

3. Но намъ надобно знать, что часто плотское устремленіе прикрывается одеждою духовнаго, и то, что дѣлаетъ по плоти, самое помышленіе наше представляетъ совершающимся по духу. Ибо часто кто либо, побѣжденный внушеніями сердитости, воспламеняется противъ нечествующихъ ревностію мщенія правосудія болѣе, нежели сколько необходимо, и преступая въ отмщеніи предѣлъ правосудія дѣйствуетъ жестоко, думая, будто онъ дѣйствуетъ правосудно. Итакъ устремленіе плоти прикрыто бываетъ видомъ устремленія духовнаго, когда то, что признается дѣломъ правосуднымъ, не удерживается умѣренностію разсужденія. А что другой, желая быть чрезмѣрно кроткимъ, оставляетъ безъ вниманія пороки подчиненныхъ, и отказывается ревностно исправлять ихъ, умножая неисправленіемъ число ихъ до чрезмѣрности; и потому его кротость вредна, какъ для него самаго, такъ и для подчиненныхъ; онъ, почитая оцепенѣніе сердца своего за терпѣніе, устремленіемъ плоти удаляется отъ устремленія духа. Итакъ первая мысль должна располагать насъ къ тщательному осмотрѣнію нашего сердца, дабы къ чему либо, совершаемому нами не увлечься явнымъ устремленіемъ плоти, дабы душа, обольщенная не-

честивыми наслажденіями, знала зло, и не дѣлала его. А вторая забота должна содѣлывать насъ бдительными, чтобы устремленіе плоти тайно не представляло себя подъ видомъ устремленія духа, и совершаемыхъ нами преступленій не облекало видомъ добродѣтелей.

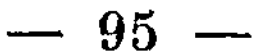
4. Но надобно знать, что преступленія, прикрытыя видомъ добродѣтелей, важнѣе другихъ; потому что эти послѣднія, ясно сознаваемыя, располагаютъ сердце къ сокрушенію, и побуждаютъ къ покаянію, а тѣ, не только не располагаютъ къ покаянію, но и надмѣваютъ сердце, будучи признаваемы за добродѣтели. Но то, что выше было сказано о святыхъ животныхъ, для большаго подтвержденія, опять повторяется: *идяху, и не обращахуся.*

5. Ибо всѣ избранные такъ стремятся къ добру, что къ содѣланію зла уже не возвращаются: *ибо претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мат. X, 22). И какъ чрезъ Соломона говорится: *путіе праведныхъ подобнѣ свѣту свѣтятся: предходятъ и просвѣщаютъ, дондеже исправится день* (Притч. IV, 18). Ибо въ душахъ ихъ доброе расположеніе и разумѣніе внутренняго свѣта составляютъ уже часть дня; но послику они подвизаются въ добродѣтели до конца жизни, то къ полному дню приходятъ тогда, когда, достигши царства небеснаго,

уже не будутъ имѣть ни малѣйшаго недостатка въ томъ свѣтѣ, котораго домогаются. Далѣе слѣдуетъ: *и посредѣ животныхъ видѣніе, яко углія огня горящаго, яко видѣніе свѣщъ* (ст. 13).

6. Видъ животныхъ уподобляется углямъ горящаго огня и свѣщамъ (а). Ибо кто прикасается къ углю, тотъ загорается; потому что кто имѣетъ частое общеніе съ святымъ мужемъ, тотъ отъ частаго свиданія съ нимъ, отъ собесѣдованія съ нимъ, отъ примѣра дѣятельности начинаетъ воспламеняться къ любви истины, къ удаленію отъ мрака грѣховъ своихъ, къ сильному желанію свѣта, и къ пламенной истинной любви, тогда какъ прежде сего столько былъ мертвъ по нечестію, сколько былъ холоденъ. Но свѣчи распространяютъ свѣтъ свой далѣе, и стоя на одномъ мѣстѣ, проливаютъ свѣтъ на другое. Ибо кто силенъ духомъ пророчества, словомъ ученія, благодатію чудесъ, того мнѣніе далеко и обширно свѣтитъ, какъ свѣча; и слушающіе его благія наставленія, возставая чрезъ нихъ къ любви небеснаго, тѣмъ самымъ, что въ себѣ отражаютъ добрыя дѣла, какъ бы освѣщаются свѣтомъ отъ свѣчи.

а) Въ латинскомъ подлинникѣ предыдущій текстъ читается такъ; *et similitudo animalium, et aspectus eorum quasi carbonum ignis ardentium, et quasi aspetcus lampadarum*, т. е. и подобіе животныхъ, и видъ ихъ, какъ горящихъ угольевъ огня, и какъ видъ свѣщъ. Къ этому смыслу принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

Итакъ, поелику святые мужи воспламеняютъ нѣкоторыхъ, находящихся въ близи ихъ, къ любви небеснаго отечества какъ бы чрезъ соприкосновеніе; то они угли. Но поелику нѣкоторымъ, вдали находящимся, свѣтятъ, указуя имъ путь, чтобъ они не падали во тму грѣха: то они свѣчи. Различіе между углями и свѣчами состоитъ въ томѣ, что угли хотя и горятъ, но не прогоняютъ тмы въ томъ мѣстѣ, на которомъ лежатъ; а свѣчи, издавая пламенный свѣтъ, прогоняютъ облежащую вокругъ нихъ тму.

7. Здѣсь надобно замѣтить, что есть много святыхъ, столь простыхъ и сокровенныхъ, и скрывающихся въ безмолвіи въ мѣстахъ уединенныхъ, что жизнь ихъ едва можетъ быть извѣстна другимъ. Итакъ чтожъ они, если не угли? Они хотя по горячности духа имѣютъ жаръ, но не имѣютъ пламени для примѣра. Они не разгоняютъ грѣховной тмы въ сердцахъ другихъ, потому что рѣшительно не хотятъ, чтобъ ихъ жизнь была извѣстна. Для самихъ себя они разжены, но другимъ не свѣтятъ своимъ примѣромъ. Но тѣ, которые и примѣры добродѣтелей являютъ, и показываютъ свѣтъ доброй дѣятельности идущимъ своею жизнію и ученіемъ, по справедливости называются свѣчами; потому что и горячностію желанія, и пламенемъ слова, разгоняютъ тму заблужденія въ сердцахъ грѣшниковъ.

Итакъ кто въ сокровенности живетъ хорошо, но не содѣйствуетъ преспѣянію другихъ, тотъ уголь. А кто, будучи поставленъ для показанія другимъ примѣра святости, показываетъ свѣтъ праведности другимъ отъ себя самаго, тотъ свѣча, потому что и самъ въ себѣ горячь, и другимъ свѣтитъ. Далѣе слѣдуетъ: *видѣніе свѣщъ сообращающихся посредѣ животныхъ, и свѣтъ огня, и отъ огня исхождаше яко молнія* (ст. 13).

8. Среди животныхъ видѣнъ распространяющійся огнь; потому что, если бы тѣ пернатыя животныя не принимали жара отъ огня истины, то онѣ не горѣли бы на подобіе углей и свѣчъ. Ибо именемъ огня обыкновенно означается Духъ Святый. О Немъ въ Евангеліи Господь говоритъ: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49)? Ибо, когда плотская душа принимаетъ Святаго Духа, тогда, будучи воспламенена духовною любовію, плачетъ о злѣ, которое содѣлала. И окружность горитъ, когда сердце грѣшника, будучи обвиняемо его совѣстію, загорается и пламенѣетъ отъ скорби покаянія. Поэтому еще написано: *Богъ твой, огнь потребляяй есть* (Второз. IV, 24). Поелику Создатель нашъ ту душу, которую наполняетъ, очищаетъ отъ ржавчины грѣховъ, то и называется и огнемъ, и потребляющимъ. Итакъ Свя-

тый Духъ называется свѣтомъ огня среди животныхъ, и отъ огня исходящимъ, яко молнія; потому что, наполняя всю Церковь, Онъ бросаетъ изъ себя пламя любви въ сердца избранныхъ, чтобы, подобно молніи, поразить ихъ страхомъ, и коснѣющія сердца воспламенитъ къ любви Его.

9. Но поелику Духъ святый есть Богъ, совѣчный прежде вѣковъ Отцу и Сыну; то надобно изслѣдовать, почему Онъ называется *разбѣгающимся* (discurrens)? Ибо всякій разбѣгающійся приходитъ на мѣсто, на которомъ его не было, и оставляетъ то, на которомъ былъ. Итакъ какимъ образомъ назовемъ мы Духа *расбѣгающимся*, когда все въ немъ, и нѣтъ мѣста, гдѣ бы Его не было? Какъ написано: *Духъ Господень исполни вселенную* (Премудр. I, 7). И еще, когда описывается похвала Премудрости, присовокупляется: *есть бо въ той Духъ разума святъ, единородный, многочастный, тонкій, благодвижный* (Тамъ-же, VII, 22). И нѣсколько послѣ: *человѣколюбивъ* (ст. 23).

10. Отъ этихъ словъ опять раждается для насъ важный вопросъ: почему тотъ Духъ, Который наполняетъ все, называется еще движимымъ и постояннымъ? Но если мы обратимся къ быту человѣческому, то скоро откроемъ смыслъ говорящаго. Потому что человѣкъ, который повсюду ходитъ въ

той странѣ, въ которой находится, безъ сомнѣнія повсюду находитъ встрѣчи, и вдругъ является тамъ, гдѣ о немъ и не думаютъ. Итакъ Всемогущій Духъ, для обозначенія вездѣприсутствія называется и движимымъ, и вмѣстѣ недвижимымъ. Недвижимымъ потому, что по естеству все содержитъ, а движимымъ потому, что повсюду является даже не вѣдающимъ Его. Итакъ, содержа все, Онъ называется недвижимымъ, а являя себя присутствующимъ при всѣхъ, называется движимымъ. Итакъ блескъ огня, и отъ огня исходящая молнія разбѣгается между пернатыми животными; потому что Духъ Святый присущъ всѣмъ вообще и каждому порознь, и воспламеняетъ тѣхъ, которыхъ касается, и освѣщаетъ тѣхъ, которыхъ воспламеняетъ, чтобъ они послѣ прежняго холода будучи зажжены горѣли, и огнемъ любви, который получили, показывали пламя примѣровъ. Потому что молнія, исходящая отъ этого огня, потрясаетъ закоснѣвающія души, и потрясеніемъ возбуждаетъ ихъ и воспламеняетъ, чтобы послѣ любви они горѣли и свѣтили. Поэтому въ другомъ мѣстѣ написано: *престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящъ* (Дан. VII, 9). Ибо тѣмъ, которые охраняютъ души, и приняли тяжелыя обязанности быть пастырями стада, не дозволяется перемѣнять мѣста. Но поелику они, пребывая въ

одномъ мѣстѣ, носятъ на себѣ присутствующее Божество и пламенѣютъ; то престолъ Божій называется пламенемъ огненнымъ. А тѣ, которые по любви къ Господу расходятся на проповѣдь, суть колеса этого палящаго огня; потому что, по желанію Его расходясь по различнымъ мѣстамъ, они какъ сами горятъ, такъ и другихъ воспламеняютъ.

11. Впрочемъ разлитіе и движимость Духа можно разумѣть и иначе. Потому что Онъ въ сердцахъ Святыхъ по нѣкоторымъ добродѣтелямъ всегда пребываетъ, а по нѣкоторымъ отходя приходитъ, и приходя отходитъ. Ибо въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и въ другихъ благахъ, безъ которыхъ нельзя достигнуть небеснаго отечества, напримѣръ, въ смиреніи, чистотѣ, правдѣ и милосердіи, Онъ не оставляетъ сердецъ совершенныхъ. Но въ дарѣ пророчества, плодовитости ученія, твореніи чудесъ, Онъ иногда присутствуетъ въ своихъ избранныхъ, а иногда отступаетъ отъ нихъ. Присутствуетъ для того, чтобы возвысить ихъ, а отступаетъ для того, чтобы смирить. Присутствуетъ, чтобы прославить ихъ проявленною силою; отступаетъ, чтобъ они, по отнятіи этой силы Его, познали самихъ себя. Присутствуетъ для показанія, что они чрезъ Него; отступаетъ, для явленія того, кѣмъ или каковыми они остаются безъ Него. Итакъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ,

безъ которыхъ нельзя достигнуть жизни, Святый Духъ постоянно пребываетъ въ сердцахъ своихъ избранныхъ; почему правильно называется неподвижнымъ. А въ тѣхъ, которыми показывается сила святости, иногда милосердо присутствуетъ, а иногда милосердо отступаетъ; почему правильно называется движимымъ. Итакъ Духъ называется разбѣгающимся и движимымъ потому, что не постоянно пребываетъ въ знаменіяхъ и чудесахъ по желанію каждаго. Но хорошо Онъ представляется разбѣгающимся между святыми животными. Потому что бѣганіе туда и сюда принадлежитъ скорости. Но между совершенными разбѣгается Духъ потому, что хотя отъ сердца ихъ отступаетъ на нѣкоторое время, однакоже скоро возвращается.—Далѣе слѣдуетъ: *и животныя течаху, и обращахуся, яко видѣніе везеково* (блистанія) (ст. 14) (а).

12. Когда впереди сказано: *идяху, и не обращахуся;* то какъ же теперь говорится: *животныя течаху, и обращахуся?* Это кажется чрезвычайнымъ противорѣчіемъ: *идяху, и не обращахуся, и теча-*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *et animalia ibant, et reuertebantur in similitudinem fulguris coruscantis*, т. е. животныя ходили и возвращались на подобіе блистающей молніи. Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

ху, и обращахуся. Но какъ это надобно разумѣть, мы скоро узнаемъ, если тщательно различаемъ двѣ жизни, именно, дѣятельную и созерцательную. Ибо держась первой, мы можемъ быть постоянными, но въ другой никакъ не можемъ держать напряженной души. Ибо, оставляя свое нерадѣніе, и возбуждая самихъ себя къ ревности доброй дѣятельности, куда мы идемъ, если не къ дѣятельной жизни?—Отъ этой жизни мы послѣ никакъ не должны возвращаться назадъ; потому что тотъ, кто послѣ оной возвращается къ цепенѣнію нерадѣнія, къ дѣламъ нечестія, которыя оставилъ, безъ сомнѣнія не умѣетъ быть небеснымъ животнымъ. Но когда мы отъ дѣятельной жизни возвышаемся къ созерцательной: то, поелику умъ не можетъ долго стоять въ созерцаніи, но все, что онъ видитъ въ вѣчности чрезъ зеркало и загадочно, видитъ это украдкою и мимоходомъ, самъ духъ, отраженный своею слабостію и безпредѣльностію толикой высоты, возвращается въ самаго себя. И по необходимости возвращается къ жизни дѣятельной, чтобы не отказаться отъ возможныхъ добрыхъ дѣлъ, когда умъ не имѣетъ силы возвышаться къ созерцанію небеснаго. И такимъ образомъ бываетъ, что сей, получивъ помощь отъ самыхъ своихъ добрыхъ дѣлъ, опять чрезъ созерцаніе воспаряетъ къ горнему, и пріемлетъ питаніе

любви отъ пищи созерцательной истины. Поелику самая слабость повреждения не можетъ долго держаться въ этомъ состояніи; то онъ опять возвращаясь къ добрымъ дѣламъ, услаждается памятію о сладости Божіей, и внѣшними дѣлами благочестія, а внутренно питается святыми желаніями. По этому-то о совершенныхъ мужахъ, возвращающихся въ себя послѣ созерцанія, говорится: *память множества благости твоея отрыгнутъ* (Псал. CXLIV, 7). Потому что они, предвкушая сладость внутренней пріятности чрезъ соприкосновеніе къ ней, гдѣ только могутъ, стараются всегда возобновлять памятованіе о ней, и отрыгать въ собесѣдованіи. Поэтому и Псалмопѣвецъ справедливо увѣщеваетъ насъ, говоря: *свѣтъ возсія праведнику, и правымъ сердцемъ веселіе. Веселитеся праведніи о Господѣ, и исповѣдайте память святыни Его* (Псал. XCVI, 11. 12). Онъ же еще говоритъ: *коль многое множество благости Твоея, Господи* (Псал. XXX, 20)! Этой именно благости, сколь она велика, никакъ нельзя было бы дознать, если бы онъ (Псалмопѣвецъ) по временамъ не вкушалъ ее созерцаніемъ. Поэтому онъ еще говоритъ: *азъ рѣхъ во изступленіи моемъ: отверженъ есмь отъ лица очію Твоею* (Псал. XXX, 23). Ибо, еслибъ онъ, возвышенный въ восторгѣ души, не зналъ сла-

дости вѣчной жизни; то, ниспустившись опять въ этотъ міръ, не сталъ бы разбирать, какъ далеко лежалъ онъ отверженнымъ.

Итакъ означенныя животныя идутъ, и не обращаются, и—идутъ, и обращаются; потому что святые мужи отъ дѣятельной жизни, на которую рѣшились, не обращаются къ нечестію, а отъ созерцательной, которой по тяжести выносить не могутъ, возвращаются къ дѣятельной. Ибо, какъ сказано, они, будучи побѣждаемы самою тяжестію своей слабости, отраженные возвращаются въ самихъ себя, чтобъ идя научались, чего желать должны, а возвращаясь знали, гдѣ они лежатъ. Идя должны разумѣвать, гдѣ ихъ нѣтъ еще, а возвращаясь должны понимать, что они.

13. Но какъ эти святыя животныя возвращаются, показывается далѣе, когда присовокупляется: *на подобіе блистающей молніи.* Благоговѣйныя животныя хорошо сравниваются съ блистающею молніею; потому что святые мужи, когда возвышаются къ созерцанію горняго, когда начатки своего духа прицѣпляютъ любовію къ небесному отечеству, но будучи отягчены тяжестію человѣческаго общенія возвращаются въ самихъ себя: тогда они пересказываютъ братіи о небесныхъ благахъ, которыя по крайней мѣрѣ чрезъ стекло мог-

ли видѣть, и располагаютъ души ихъ къ любви внутренней славы, которой ни видѣть не могутъ, какова она есть, ни пересказать то, что они видѣли. Но говоря, они своими словами и поражаютъ сердца слушающихъ, и воспламеняютъ ихъ. Слѣдовательно, какъ блистающія молнія возвращаются тѣ, которые, говоря о небесномъ и сіяя пренебеснымъ свѣтомъ, воспламеняютъ сердца слушателей къ любви небеснаго отечества. Итакъ подобно блистающей молніи, они говоря поражаютъ, разбрасываютъ огнь небеснаго желанія.

14. И другимъ еще образомъ святыя животныя *идутъ и возвращаются*. Ибо *идутъ*, когда посылаются на проповѣдь для внушенія благодати небеснаго дара, и для привлеченія къ вѣрѣ, творятъ дивныя дѣла предъ невѣрующими; но *возвращаются*, потому что, приписывая это силѣ всемогущаго Бога, не приписываютъ самимъ себѣ того, что совершили. Ибо, когда они совершаютъ чудеса, тогда бываютъ молніею, потому что потрясаютъ сердца зрителей, устрашаютъ, освѣщаютъ и воспламеняютъ. Поэтому написано: *во свѣтѣ стрѣлы твоя пойдутъ, въ блистаніи молній оружій твоихъ*. (Аввак. III, 11). Стрѣлы Господни суть слова святыхъ, которыя поражаютъ сердца грѣшниковъ. Но эти стрѣлы имѣютъ оружія. Ибо вы,

братіе, знаете, что ратные мужи стрѣлы бросаютъ, а оружіемъ защищаются. Итакъ, когда они (святые мужи) къ словамъ присовокупляютъ чудеса, тогда какъ бы оружіемъ защищаются, чтобы самимъ не быть пораженными: *во свѣтѣ стрѣлы твоя пойдутъ*, потому что слова Божіи дѣлаются явными. Но поелику ученіе святыхъ учителей должно сопровождаться чудесами; то справедливо присовокупляется: *въ блистаніи молній оружій твоихъ*; потому что, когда присовокупишь къ нимъ (словамъ) оружіе чудесъ, тогда умы преслѣдователей осіяваются такъ, что они не рѣшаются преслѣдовать ихъ (Проповѣдниковъ). Итакъ тѣ животныя идутъ и возвращаются, на подобіе блистающей молніи; потому что послѣ того, какъ святые совершаютъ чудеса среди людей, послѣ того, какъ распространяемымъ свѣтомъ просвѣщаютъ сердца слушающихъ, они возвращаются къ прославленію своего Виновника, чтобы воздать хвалу Тому, чрезъ Кого они могли совершить такія дѣла.

15 Такъ Петръ, когда изцѣленіемъ человѣка, хромаго отъ утробы матерней, совершилъ чудо, которому всѣ знающіе весьма удивлялись, сказалъ: *что чудитеся о семъ? или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити? Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковль,*

Богъ отецъ нашихъ, прослави отрока своего Іисуса (Дѣян. III, 12. 13). И нѣсколько послѣ: *о вѣрѣ имене Его сего, егоже видите и знаете, утверди имя Его* (ст. 16). Потому что совершеніемъ чуда, онъ свѣтомъ его поразилъ взоры видѣвшихъ, но сохраняя смиреніе, и воздавая хвалу Виновнику, онъ какъ бы возвращается туда, откуда пришелъ, потому что свѣтъ молніи показываетъ, откуда она произошла. Итакъ святыя животныя, когда идутъ на совершеніе чудесъ, и когда возвращаются въ себя самихъ для отдачи славы своему Виновнику, суть молнія; потому что, какъ явленіемъ чудесъ, такъ и представленіемъ примѣровъ смиренія, поражаютъ души видящихъ и воспламеняютъ.

16. Во всемъ, что они дѣлаютъ, всегда возвращаются къ прославленію Творца для того, чтобы навсегда устоять въ той силѣ, которую получаютъ. Ибо, если бы они приписали что либо самимъ себѣ, то не могли бы устоять въ томъ, что получили. Поэтому хорошо еще чрезъ Соломона говорится: *на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо тіи возвращаются ити* (Еккл. 1, 7). Ибо какъ по добродѣтелямъ, такъ и по ученію, что суть святые мужи, какъ не потоки, которые увлаживаютъ сухую землю сердца плотскихъ людей? Но они ско-

ро пересохли бы, если бы, какъ по дѣламъ, которыя совершаютъ, или по ученію, не возвращались тщательнымъ и непрестаемымъ вниманіемъ сердца къ тому мѣсту, изъ котораго вытекаютъ. Ибо, если они не возвращаются внутрь къ сердцу, и не привязываютъ себя узами желаній къ любви Создателя; то и рука ихъ бываетъ слаба для того, что совершала, и языкъ дѣлается сухимъ для того, что говорилъ. Но они всегда любовію возвращаются внутрь себя, и то, что основываютъ публично дѣлами и словами, втайнѣ черпаютъ изъ источника любви. Ибо они любовію научаются тому, что произносятъ въ ученіи. Итакъ потоки возвращаются къ тому мѣсту, изъ котораго вытекаютъ, дабы опять продолжать теченіе; потому что они всегда почерпаютъ воду премудрости оттуда, откуда течетъ она, дабы отъ безвозвратнаго теченія не изсохнуть. Итакъ чрезъ все, что мы дѣлаемъ, со тщаніемъ будемъ возвращаться къ источнику истиннаго свѣта. Воздадимъ Создателю нашему благодареніе за тѣ блага, которыя получаемъ, и въ простотѣ сердца скажемъ съ пророкомъ Исаіею: *вся воздалъ еси намъ* (Ис. XXVI, 12) Ибо наши добрыя дѣла суть дѣла Того, для любви Коего не достаточно возбудить насъ, если Онъ и Самъ не снизойдетъ къ намъ. Ибо, если бы совѣчный Отцу Богъ прежде вѣковъ

не содѣлался человѣкомъ во времени, то когда человѣкъ временный сталъ бы мудрствовать о вѣчномъ? Итакъ снисхожденіе истины содѣлалось возвышеніемъ нашего смиренія. Дадимъ славу, дадимъ хвалу Тому, Кто живетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Изъясняются стихи 15, 16, 17 до половины 18-го, съ направленіемъ смысла рѣчи пророческой къ похвалѣ Св. Писанія, а преимущественно Евангелія.

1. *Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ* (Псал. XVII, 12); потому что темно знаніе въ Пророкахъ. Но по свидѣтельству Соломона мы знаемъ, что *слава Царей скрывать слово, а слава Божія находить рѣчь, потому что и честь людей скрывать ихъ тайны, а слава Божія состоитъ въ открытіи таинствъ слова Его* (Прит. XXV, 2) (а). И сама Истина лично говоритъ ученикамъ: *еже гла-*

а) Это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *gloria regum celare uerbum, et gloria dei est inuestigare sermonem, quia et honor est hominum eorum secreta abscondere, et gloria Dei est mysteria sermonis ejus aperire.*

голю вамъ во тмѣ, рцыте во свѣтѣ (Мат. X, 27); т. е. ясно излагайте то, что слышите въ темнотахъ иносказаній. Но самая темнота глаголовъ Божіихъ очень полезна; потому что упражняетъ смыслъ, для расширенія его усталостію, и для того, чтобы ревностный получалъ то, чего не могъ получить лѣнивый. Она (темнота) имѣетъ и еще нѣчто большее, потому что разумѣніе Священнаго Писанія, которое было бы малоцѣнно отъ того, если бы во всемъ было просто, въ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ тѣмъ большую доставляетъ пріятность по отысканіи, чѣмъ большимъ трудомъ утомляетъ при отысканіи.

Ибо вотъ теперь голосомъ святаго Іезекіиля говорится: *и видѣхъ, и се коло едино на земли* (ст. 15) (а).

2. Но что значитъ колесо, если не Св. Писаніе, которое всякою частію обращается къ умамъ слушающихъ, и не задерживается на пути своего проповѣданія никакимъ угломъ заблужденія? Но обращается всякою частію, потому что среди пріятностей и непріятностей поступаетъ впередъ правильно и тихо. Потому что кругъ заповѣдей его

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *cumque aspicerem animalia, apparuit rota una super terram*, т. е. когда я взиралъ на животныхъ, тогда явилось одно колесо надъ землею.

иногда поднимается вверхъ, иногда опускается внизъ; что для совершенныхъ говорится духовно, то для слабыхъ сообразуется съ буквою; и то самое, что младенцы разумѣютъ по буквѣ, ученые мужи чрезъ духовное разумѣніе возводятъ вверхъ. Ибо кто изъ младенцевъ видитъ что либо, кромѣ исторіи священнаго чтенія, въ томъ событіи съ Исавомъ и Іаковомъ, что одинъ посылается на ловлю для полученія благословенія, а другой чрезъ подлогъ матери получаетъ благословеніе отца (Быт. XXVII, 3. 28)? Въ этой именно исторіи, когда разумѣніемъ нѣсколько тонѣе обсуживаютъ ее, видятъ, что Іаковъ не обманомъ похитилъ благословеніе первороднаго, но получилъ должное себѣ, такъ какъ по уступкѣ брата купилъ оное за данную чечевицу.

3. Но если кто, разумѣя выше, хочетъ разсмотрѣть дѣла того и другаго чрезъ тайны аллегоріи, тотъ тотчасъ отъ исторіи возвышается въ таинственность. Ибо что значитъ, что Исаакъ желаетъ кушать отъ ловли старшаго своего сына, если не то, что всемогущій Богъ желалъ питаться добрыми дѣлами Іудейскаго народа? Но когда тотъ замедлилъ, Ревека подставила младшаго; потому что, когда Іудейскій народъ искалъ добрыхъ дѣлъ внѣ, тогда матерь благодать научила языческій народъ, чтобъ онъ представилъ всемогущему отцу пищу доб-

раго дѣланія, и получилъ благословеніе старшаго брата. Онъ эту самую пищу представилъ изъ домашнихъ животныхъ; потому что языческій народъ, не желая благоугождать Богу внѣшними жертвоприношеніями, словами Пророка говоритъ: *во мнѣ Боже молитвы, яже воздамъ хвалы Твоея* (Псал. LV, 13). Что значитъ, что тотъ же Іаковъ прикрылъ руки, и плеча и шею козлиными кожами, если не то, что козелъ обыкновенно приносимъ былъ въ жертву за грѣхъ? И языческій народъ, хотя и заклалъ въ себѣ грѣхи плоти, однако же не краснѣя признавался, что онъ покрытъ плотскими грѣхами. Что значитъ, что онъ надѣваетъ одежды старшаго брата, если не то, что онъ въ доброй дѣятельности одѣлся въ заповѣди Св. Писанія, которыя были даны старшему народу? И меньшій дома пользуется тѣмъ, что старшій, выходя вонъ, оставилъ внутри; потому что языческій народъ содержитъ въ сердцѣ тѣ заповѣди, которыхъ Іудейскій народъ не могъ содержать, когда обратилъ вниманіе на одну только букву въ нихъ. И что значитъ, что Исаакъ не знаетъ того сына, котораго благословляетъ, если не то, что о языческомъ народѣ Господь сказалъ чрезъ Псалмопѣвца: *людіе, ихже не вѣдѣхъ, работаша ми; въ слухъ уха послушаша мя* (Псал. XVII. 44, 45)? Что значитъ,

что онъ предстоящаго не видитъ, и однако же видитъ то, что случится съ нимъ въ будущемъ, если не то, что всемогущій Богъ, когда чрезъ Пророковъ своихъ предсказывалъ язычеству желаемую благодать, въ то время не видѣлъ его по благодати, потому что оставилъ его въ заблужденіи, и не смотря на то, предвидѣлъ благодатію благословенія, что онъ нѣкогда соберетъ его къ себѣ? Поэтому тому-же Іакову, представляющему образъ языческаго народа, въ благословеніи говорится: *се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. XXVII, 27). Ибо какъ Истина въ Евангеліи говоритъ: *село есть міръ* (Мат. XIII, 38), и какъ языческій народъ, обращенный къ вѣрѣ, чрезъ избранныхъ своихъ благоухаетъ добродѣтелями въ семъ мірѣ; то воня сына есть воня нивы исполненны.

4. Ибо иначе пахнетъ виноградный цвѣтъ, потому что велика сила и важно ученіе Проповѣдниковъ, которое напаяетъ души слушающихъ; иначе цвѣтъ оливковаго дерева, потому что пріятно дѣло милосердія, которое, подобно оливѣ, подкрѣпляетъ и дѣлаетъ свѣтлымъ; иначе розовый цвѣтъ, потому что дивно благоуханіе, которое краснѣетъ и исходитъ отъ крови мучениковъ; иначе цвѣтъ лиліи, потому что красна жизнь плоти безъ нарушенія

дѣвства; иначе цвѣтъ фіялки, потому что велика добродѣтель смиренныхъ, которые, занимая мѣста послѣднія, не возвышаются по смиренію отъ земли на верхъ, и въ сердцѣ хранятъ порфиру царства небеснаго; иначе пахнетъ колосъ, когда созрѣваетъ, потому что совершеніе добрыхъ дѣлъ приготовляется къ насыщенію тѣхъ, которые алчутъ правды. Итакъ, поелику языческій народъ въ избранныхъ своихъ разсѣянъ повсюду въ мірѣ, и тѣми добродѣтелями, которыя совершаетъ, издаетъ запахъ добраго мнѣнія для всѣхъ, которые понимаютъ: то справедливо говорится: *се воня сына моего, яко воня нивы исполнены.* Но поелику эти добродѣтели онъ имѣетъ не самъ отъ себя, то присовокупляется: *юже благослови Господь.*

5. А поелику тотъ же народъ избранныхъ чрезъ нѣкоторыхъ возвышается даже къ созерцанію, а чрезъ нѣкоторыхъ тучнѣетъ дѣлами только дѣятельной жизни; то справедливо тамъ присовокупляется: *да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесныя, и отъ тука земли* (Быт. XXVII, 28). Ибо роса падаетъ сверху и тонко. И мы отъ росы небесной получаемъ столько, сколько чрезъ вліяніе внутренняго созерцанія тонко видимъ что либо изъ пренебеснаго. Поелику же добрыя дѣла мы совершаемъ даже чрезъ тѣло, то обогащаемся отъ тука земли.

6. Но что значитъ, что Исавъ медленно возвращается къ отцу, если не то, что Іудейскій народъ поздо возвращается къ благоугожденію Богу? Ему и это говорится въ благословеніи: *будетъ же (время), егда низложиши и отрѣшиши яремъ отъ выи твоея* (Быт. XXVII, 40). Потому что Іудейскій народъ освободится отъ рабства грѣховнаго на кончинѣ (міра), какъ написано: *дондеже исполненіе языковъ внидетъ. И тако весь Израиль спасется* (Рим. XI, 25—26).

7. Кого изъ дѣтей не займетъ самая Евангельская исторія о совершеніи чуда, когда Господь повелѣваетъ наполнить пустые сосуды водою, и эту самую воду тотчасъ претворяетъ въ вино (Іоан. 11, 7)? Но когда объ этомъ слышатъ люди болѣе наблюдательные, тогда они и священную исторію чтутъ вѣрою, и отыскиваютъ то, что она внушаетъ внутреннимъ смысломъ. Ибо кто могъ претворить воду въ вино, тотъ могъ и непосредственно наполнить пустые сосуды виномъ. Но Онъ повелѣваетъ наполнить сосуды водою; потому что сердца наши должны быть прежде наполнены исторіею священнаго чтенія. И воду Онъ претворяетъ для насъ въ вино, когда самая исторія премѣняется для насъ въ духовное разумѣніе чрезъ таинственность иносказанія. Итакъ колесо какъ бы по землѣ катится;

потому что простою рѣчью приноровляется къ дѣтямъ, а возрастнымъ внушая духовное (разумѣніе), какъ бы кругъ поднимаетъ ихъ вверхъ; и поднимается вверхъ, оттуда, гдѣ за нѣсколько прежде казалось касающимся земли.

8. Но поелику оно (Писаніе) повсюду назидаетъ, то какъ бы колесо катится кругомъ. Почему и въ законѣ написано: *да сотвориши свѣтильникъ отъ злата чиста, изваянъ да сотвориши свѣтильникъ: стебль его, и вѣтви, и чаши, и крузи, и кріны отъ него да будутъ* (Исх. XXV, 31. XXXVI, 17). Кто означается свѣтильникомъ, если не Искупитель рода человѣческаго? Онъ въ естествѣ человѣческомъ сіялъ свѣтомъ Божества для того, чтобы быть свѣтильникомъ міра, поколику во свѣтѣ Его каждый грѣшникъ долженъ былъ видѣть, въ какой тмѣ онъ лежалъ. За то, что Онъ принялъ естество наше, кромѣ грѣха, заповѣдуется сдѣлать свѣтильникъ для скиніи изъ чистаго золота. Но ковкимъ отъ біенія онъ дѣлается потому, что и Искупитель нашъ, который со времени зачатія и рождества былъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, понесъ болѣзни страданій, и такимъ образомъ достигъ славы воскресенія. Итакъ ковкій свѣтильникъ сдѣланъ былъ изъ самаго чистаго золота; потому что, хотя Онъ и не имѣлъ грѣха, однако же тѣло

свое довелъ до безсмертія чрезъ поруганія въ страданіи. Ибо Онъ по добродѣтелямъ души рѣшительно не имѣлъ того, за что могъ бы восходить къ совершенству чрезъ страданія. Но въ членахъ своихъ, т. е. въ насъ, Онъ ежедневно восходитъ къ совершенству; потому что, когда насъ бьютъ и оскорбляютъ, тогда Самъ Онъ преуспѣваетъ. О тѣлѣ Его написано: *изъ неяже* (главы) *все тѣло составы и союзы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Колос. II, 19). Потому что тѣло Его всѣ мы. Но тѣло связуется составами и связями; потому что, когда грудь соединена съ головою, мышцы съ грудью, съ мышцами руки, съ руками пальцы, и прочіе члены соединены съ другими членами; тогда все тѣло совершенно. А святые Апостолы, потому что были близки къ Искупителю нашему, соединены съ Нимъ, какъ бы грудь съ головою. Мученики, послѣдовавшіе имъ, были соединены съ ними, какъ бы мышцы съ грудью. Къ этимъ, когда присоединились добрыми дѣлами Пастыри и Учители, то приросли къ нимъ, какъ бы руки къ мышцамъ. Но все это тѣло нашего Искупителя ежедневно получаетъ помощь съ неба чрезъ составы и связи; потому что, когда избранныя души приводятся къ Нему туда, то присовокупляются къ Его членамъ. Объ этомъ хорошо го-

ворится: *подаемо и снемлемо, растетъ возращеніе Божіе*; потому что всемогущій Богъ, Искупитель нашъ, Который не имѣетъ въ Себѣ ничего, что можно было бы усовершать, доселѣ еще ежедневно имѣетъ приращеніе чрезъ своихъ членовъ. Поэтому еще написано: *дондеже достигнемъ вси въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13). Но подъ стеблемъ тогоже самаго свѣтильника должно разумѣть самую Церковь, которая есть тѣло Его, потому что среди всѣхъ превратностей свободна. Вѣтви же, исходящія отъ стебля, суть проповѣдники, которые произвели въ мірѣ пріятный звукъ, т. е. пропѣли пѣснь новую. Но чаши обыкновенно наливаются виномъ. Итакъ что суть умы слушателей, если не чаши, которыя отъ святыхъ Проповѣдниковъ наполняются виномъ вѣденія? Но что другое означаетъ кругъ, если не быстрое круговращеніе проповѣди? Ибо кругъ распространяется во всѣ стороны. И проповѣдь, которая ни непріятностію не можетъ быть удержана, ни отъ счастія гордиться, есть кругъ; потому что, и среди несчастій мужественна, и среди счастія смиренна, не имѣя угла ни страха, ни гордости. Итакъ она въ теченіи своемъ не можетъ зацѣпляться, потому что катится по всему съ быстрою круговращательностію.

9. Но чтобъ изслѣдывать то, что представили мы для примѣра, послѣ вѣтвей, чашъ и круговъ (сферъ), хорошо описываются на свѣтильникѣ *кріны* (лиліи); потому что за тою благодатію и быстрою вращательностію проповѣди, слѣдуетъ то зеленѣющее отечество, которое вѣчно зеленѣетъ святымя душами, т. е. вѣчными цвѣтами. Ибо круги (шары) относятся къ труду, а *кріны* къ воздаянію. Какъ у Моисея кругъ (шаръ) принимается за ученіе проповѣди; такъ здѣсь колесомъ означается самое Св. Писаніе. Итакъ Пророкъ, когда смотрѣлъ на святыхъ животныхъ, присовокупилъ: *тогда явилось одно колесо надъ землею.*

10. Здѣсь надобно замѣтить, когда ниже описываются колеса, то почему о явленіи одного колеса говорится прежде, если не потому, что древнему народу данъ только Ветхій Завѣтъ, который для наученія его вертѣлся подобно колесу? И хорошо говорится, что это самое колесо явилось надъ землею. Ибо согрѣшившему человѣку сказано: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Итакъ колесо явилось надъ землею; потому что всемогущій Богъ далъ законъ для сердецъ грѣшниковъ. Но поелику эти пернатыя животныя означаютъ, какъ сказано прежде, святыхъ Евангелистовъ; то какимъ образомъ прежде являются животныя, а потомъ од-

но колесо, тогда какъ Ветхій Завѣтъ былъ прежде, а за нимъ послѣдовали святые Евангелисты? Но здѣсь можно разумѣть такъ, что Пророкомъ были видимы прежде тѣ, которые по заслугамъ стоятъ выше. Ибо, на сколько святое Евангеліе выше Ветхаго Завѣта, на столько и проповѣдники его должны были быть предпочтены въ описаніи Пророческомъ.

11. Хотя должно быть еще нѣчто другое, на что въ этомъ описаніи надобно обратить вниманіе; потому что духъ пророчества соединяетъ въ самомъ себѣ вмѣстѣ и предшествующее и послѣдующее такъ, что языкъ Пророка не можетъ этого высказать послѣдовательно. Но видимое имъ необъятное онъ исчерпываетъ раздѣленными рѣчами, и иногда говоритъ о послѣднемъ послѣ перваго, а иногда о первомъ послѣ послѣдняго. Поэтому Пророкъ Іезикіилъ видитъ, подъ образомъ святой вселенской Церкви, и славу Евангелистовъ чрезъ подобіе четыремъ животнымъ, и однакоже неожиданно присовокупляетъ и то, что совершилось въ предшествующія времена, чтобы ясно показать, что онъ въ совокупности видѣлъ то, чего языкъ плоти высказать въ послѣдовательности былъ не достаточенъ. Но поелику мы сказали, что чрезъ четырехъ животныхъ означаются еще всѣ совершенные; то надоб-

но думать, что и прежде закона были нѣкоторые изъ святыхъ, которые проводили строгую жизнь по закону естественному, и благоугождали всемогущему Господу. Итакъ послѣ животныхъ описывается колесо; потому что многіе изъ избранныхъ были совершенны предъ всемогущимъ Господомъ даже прежде закона. Но если животныхъ принимать, какъ сказали мы, за однихъ только Евангелистовъ, то и въ этомъ случаѣ есть нѣчто, на что мы должны обратить вниманіе. Ибо святый Пророкъ видѣлъ, что эти самыя слова, которыя онъ произносилъ подъ прикрытіемъ темноты, ясны будутъ, не для Іудейскаго народа, а для язычниковъ. А говоря къ намъ, онъ долженъ былъ описать прежде животныхъ, а послѣ колесо; потому что мы, по милости Господней, приходя къ вѣрѣ, не чрезъ законъ учились Евангелію; а чрезъ святое Евангеліе закону. Но гдѣ, или какое колесо явилось, онъ присовокупляетъ, говоря: *на земли держащееся животныхъ четырехъ* (стр. 15). Гдѣ еще присовокупляется: *и видѣніе колесъ, и сотвореніе ихъ, яко видѣніе өарсіса, и подобіе едино четыремъ: и дѣло ихъ бяше, якоже аще бы было коло въ колеси* (стр. 16) (а).

а) Эти тексты въ Латинскомъ подлинникѣ читаются такъ. *juxta animalia habens quatuor facies*, т. е. *подлѣ жи-*

12. Что это значитъ, что впереди было сказано объ одномъ колесѣ, а послѣ присовокупляется: *яко аще бы было коло въ колеси*, если не то, что Новый Завѣтъ скрывался подъ иносказаніемъ въ буквѣ Ветхаго Завѣта? Поэтому тоже самое колесо, явившееся подлѣ животныхъ, описывается имѣющимъ четыре лица; потому что Св. Писаніе раздѣлено на четыре части по обѣимъ Завѣтамъ. Ибо Ветхій Завѣтъ состоитъ изъ закона и Пророковъ, а Новый изъ Евангелій и дѣяній и ученія Апостольскихъ. Но мы знаемъ, что куда мы обращаемъ лице, тамъ и видимъ то, что необходимо. Итакъ колесо имѣетъ четыре лица; потому что видитъ пресѣкаемое въ народахъ зло закономъ, потомъ видитъ тоже дѣлаемое чрезъ Пророковъ, далѣе чрезъ Евангеліе, и наконецъ прозрѣло то, что должно было быть чрезъ Апостоловъ истребляемо въ дѣлахъ человѣческихъ. Еще можно разумѣть четыре лица у колеса такъ, что Св. Писаніе благодатію про-

---

вотныхъ имѣющая четыре лица; и: *aspectus rotarum et opus earum quasi visio maris; et una similitudo ipsarum quatuor, et aspectus earum et opera, quasi si sit rota in medio rotae*; т. е *видъ колесъ, и дѣло ихъ какъ бы видъ моря, и одно подобіе у нихъ четырехъ; и видъ ихъ и дѣла, какъ бы было колесо въ колесѣ*. Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя.

повѣди сдѣлалось извѣстнымъ въ четырехъ частяхъ міра. Поэтому и хорошо описывается тоже колесо сперва явившимся подлѣ животныхъ, а послѣ имѣющимъ четыре лица; потому что если бы законъ не былъ согласенъ съ Евангеліемъ, то не былъ бы извѣстенъ въ четырехъ частяхъ міра.

13. За тѣмъ слѣдуетъ: *и видъ колесъ, и дѣло ихъ, какъ бы видъ моря.* Священныя изреченія справедливо уподобляются видѣнію моря; потому что въ нихъ великія книги мнѣній, кучи смысловъ. Священное Писаніе справедливо называется подобнымъ морю, потому что въ немъ мысли слова утверждаются таинствомъ Крещенія. Или навѣрное надобно думать, что мы на корабляхъ плывемъ по морю, когда стремимся къ вожделѣнной землѣ. Но чего мы желаемъ, если не той земли, о которой написано: *часть моя еси на земли живыхъ* (Псал. CXLI, 6)? Но какъ я сказалъ, тотъ на деревѣ носится, кто переплываетъ море. И мы знаемъ, что Св. Писаніе чрезъ законъ предсказываетъ намъ о деревѣ креста, когда говоритъ: *проклятъ есть отъ Бога всякъ висяй на древѣ* (Второз. XXI, 23). Это Павелъ относитъ къ Искупителю нашему, говоря: *бывъ по насъ клятва* (Галат. III, 13). И чрезъ Пророковъ возвѣщается древо, когда говорится:

Господь воцарися (отъ древа) (Псал. XCV, 10) (а). И еще: *вложимъ древо въ хлѣбъ его* (Iерем. XI, 19). А чрезъ Евангеліе ясно указывается на древо креста, тамъ, гдѣ объясняется самое страданіе Господа, о которомъ были пророчества. Чрезъ Апостоловъ же этотъ самый крестъ обносится и въ словахъ и дѣлахъ, когда Павелъ говоритъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14). И еще: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Iисуса Христа* (Тамъ же). Итакъ для насъ, стремящихся къ вѣчному отечеству, Св. Писаніе четырьмя своими лицами есть море. Оно проповѣдуетъ о крестѣ, потому что несетъ насъ на древѣ къ землѣ живыхъ. Если бы Пророкъ не взиралъ на Св. Писаніе, какъ на подобіе морю, то не сталъ бы говорить: *наполнися вся земля видѣнія Господня, аки вода многа покры море* (Ис. XI, 9). Далѣе слѣдуетъ: *и подобіе едино четыремъ: (и видъ ихъ) и дѣло бяше, якоже аще бы было коло въ колеси* (ст. 16).

14. Одно подобіе въ этихъ самыхъ четырехъ; потому что проповѣданное закономъ проповѣдано

а) Въ Славянскомъ переводѣ выраженія *отъ древа* нѣтъ. Но въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *Dominus regnabit a ligno* т. е. *Господь воцарится отъ древа.* Это чтеніе въ связи рѣчи Святителя умѣстнѣе, нежели переводъ Славянскій. Мы соединили тотъ и другой переводъ вмѣстѣ.

и Пророками; проповѣданное Пророками исполнено въ Евангеліи; что исполнено въ Евангеліи, о томъ въ мірѣ проповѣдали Апостолы. Итакъ одно подобіе въ этихъ самыхъ четырехъ; потому что Божественныя изреченія, хотя и раздѣлены по временамъ, однакоже соединены по смыслу.

15. (*И видъ ихъ*) *и дѣло бяше, якоже аще бы было коло въ колеси.* Колесо въ колесѣ, какъ сказали мы, есть Новый Завѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ; потому что предобразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ исполнено въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо, чтобъ изъ многаго сказать о немногомъ, что значитъ, что отъ сонпаго Адама творится Ева (Быт. II, 21, 22), если не то, что во время смерти Христа образуется Церковь? Что значитъ, что Исаакъ ведется на жертвоприношеніе, и несетъ дрова, возлагается на жертвенникъ, и остается живымъ (Быт. XXII, 6), если не то, что Искупитель нашъ, ведомый на распятіе, Самъ несъ на себѣ древо креста? И такимъ образомъ Онъ умеръ за насъ на жертвенникѣ по человѣчеству, пребывая впрочемъ безсмертнымъ по Божеству. Что значитъ, что убійца по смерти Первосвященника возвращается въ свою землю (Числ. XXXV, 25; Іисус. Нав. XX, 6), если не то, что родъ человѣческій, нанесшій самъ себѣ смерть грѣхомъ, послѣ смерти истиннаго Священника, т. е. Искупителя

нашего, разрѣшается отъ узъ грѣховъ своихъ, и опять готовится къ владѣнію въ раю? Что значитъ, что надъ очистилищемъ заповѣдуется устроить покровъ (Исх. XXV, 17), надъ которымъ поставляются два Херувима, одинъ на верху съ одной стороны, а другой на верху съ другой стороны, изъ чистаго золота, съ распростертыми крыльями, и прикрывающіе очистилище (прорицалище), которые взаимно смотрятъ на очистилище обращенными лицами, если не то, что оба Завѣта согласуются на Ходатаѣ Бога и человѣковъ такъ, что означаемое въ одномъ проясняется въ другомъ? Объ этомъ чрезъ Павла говорится: *Егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его* (Рим. III, 25). Но что означено двумя Херувимами, которые называются полнотою вѣдѣнія, если не два Завѣта? Изъ нихъ одинъ стоитъ на верху очистилища съ одной стороны, а другой на верху же съ другой; потому что начатое пророчествомъ обѣтованіе о воплощеніи Искупителя нашего въ Ветхомъ Завѣтѣ, вполнѣ исполнено въ Новомъ Завѣтѣ. Но два Херувима сдѣланы изъ самаго чистаго золота; потому что тотъ и другой Завѣтъ содержатъ въ себѣ чистую и простую истину. Но они (Херувимы) распростираютъ крилья, и прикрываютъ очистилище; потому что мы, составляя очистилище всемогущаго Бога,

прикрываемся отъ угрожающихъ наказаній назиданіемъ Св. Писанія. Когда мы внимательно смотримъ на мысли его, тогда на крильяхъ его возлетаемъ отъ заблужденія въ невѣденіи. Итакъ два Херувима взаимно смотрятъ на себя лицами обращенными къ очистилищу; потому что оба Завѣта ничѣмъ не противорѣчатъ другъ другу. И они какъ бы взаимно обращаютъ лица одинъ къ другому; потому что обѣщанное однимъ исполнено въ другомъ, когда они видятъ среди себя Ходатая Бога и человѣковъ. Херувимы отвратили бы лица другъ отъ друга, если бы въ томъ, что обѣщалъ одинъ Завѣтъ, другой отказывалъ. Но поелику они согласно говорятъ о Ходатаѣ Бога и человѣковъ, то Херувимы пристально смотрятъ на очистилище, чтобы взаимно взирать другъ на друга. Итакъ *колесо въ колесѣ*, потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ вмѣщается Завѣтъ Новый. И, какъ мы уже часто говорили,—что Ветхій Завѣтъ обѣтовалъ, то Новый исполнилъ; и что тотъ прикровенно предвозвѣщаетъ, этотъ ясно гласитъ объ исполненіи. Итакъ Ветхій Завѣтъ есть пророчество о Новомъ Завѣтѣ, а Новый Завѣтъ есть изъясненіе Ветхаго Завѣта. Далѣе слѣдуетъ: *на четыре стороны ихъ шествоваху: не обращахуся* (ст. 17).

16. Божественныя изреченія куда иначе шествуютъ, если не къ сердцамъ человѣческимъ? Но онѣ шествовали на четыре страны; потому что Св. Писаніе чрезъ законъ шествуетъ къ сердцамъ человѣческимъ, предъизображая таинство. Чрезъ Пророковъ шествуетъ нѣсколько яснѣе, пророчествуя о Господѣ. Чрезъ Евангеліе шествуетъ, представляя Того, о Комъ пророчествовало. Чрезъ Апостоловъ шествуетъ, проповѣдуя Того, Кого послалъ Отецъ для искупленія нашего. Итакъ колеса имѣютъ лица и пути; потому что священныя изреченія открываютъ вѣденіе заповѣдей съ выраженіемъ на дѣлахъ. И шествуютъ онѣ на четыре стороны; потому что по раздѣленію временъ, какъ сказали мы, говорятъ, или вѣрнѣе потому, что во всѣхъ странахъ міра проповѣдуютъ о воплотившемся Господѣ. О чемъ ясно тотчасъ присовокупляется: *не обращахуся, внегда шествовати имъ.*

17. Это выше было сказано о животныхъ; но не тоже самое можно разумѣть о колесахъ, что и о животныхъ. Потому что мы сказали, что колеса означаютъ Завѣты. И Ветхій Завѣтъ хотя и ходилъ, потому что чрезъ проповѣдь достигалъ до сердецъ человѣческихъ: но послѣ возвратился въ себя самаго, потому что по буквѣ въ своихъ заповѣдяхъ и жертвоприношеніяхъ не могъ быть испол-

нѣ исполняемъ. Ибо онъ не безъ измѣненія оставался, когда не доставало въ немъ духовнаго разумѣнія. Но когда пришелъ въ міръ Искупитель нашъ, тогда Онъ заставилъ разумѣть духовно то, что нашелъ неудобоисполнимымъ по буквѣ. Итакъ когда буква его разумѣется духовно, тогда всякое въ немъ буквальное выраженіе оживотворяется. А Новый Завѣтъ названъ Завѣтомъ вѣчнымъ на страницахъ даже Ветхаго Завѣта, потому что смыслъ его никогда не измѣняется. Итакъ хорошо говорится, что колеса шли, и не обращались, когда шли впредъ; потому что, когда Новый Завѣтъ неизмѣняемъ, когда и Ветхій исполняется по духовному разумѣнію, то они не возвращаются, пребывая неизмѣняемыми до кончины міра. Итакъ они идутъ, но не обращаются; потому что духовнымъ образомъ приходятъ къ сердцу нашему такъ, что ихъ заповѣди, или ученіе, болѣе уже не измѣняются. Далѣе слѣдуетъ: *и стояніе было въ колесахъ, и высота, и ужасающій видъ* (ст. 18) (а).

а) Это буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *statura quoque erat rotis, et altitudo, et horribilis aspectus*. Удержать въ переводѣ смыслъ этого текста признано необходимымъ потому, что къ нему вполнѣ примѣнено дальнѣйшее объясненіе Святителя. Славянскій же переводъ того же текста признанъ крайне не-

18. Что значитъ, что въ повѣствованіи объ изреченіяхъ Св. Писанія говорится, что въ немъ заключаются эти три свойства, такъ что упоминается, что онѣ имѣютъ *стояніе*, *высоту*, и страшный видъ, т. е. *ужасающій?* Намъ чрезвычайно нужно розыскать, что называется *стояніемъ* Божественнаго Писанія, что *высотою*, и что *ужасающимъ видомъ*. Итакъ надобно знать, что *стоять* свойственно жизни человѣка добродѣтельнаго. Поэтому чрезъ Павла говорится: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). Онъ и ученикамъ говоритъ: *тако стойте о Господѣ, возлюбленніи* (Филип. IV, 1). И Пророкъ, который видѣлъ, что онъ жизнію и нравами стоитъ предъ Господомъ, говоритъ: *живъ Господь силъ, Емуже предстою* (4 Цар. III, 14). Но *высота* означаетъ обѣтованіе небеснаго царства. До него достигаютъ тогда, когда уже всякое поврежденіе смертной жизни истребляется. Но *ужасающій видъ* есть страхъ геенны, которая безконечно мучитъ нечестивыхъ, и всегда сохраняетъ ихъ въ мученіи. Итакъ *стояніе* состоитъ въ прямотѣ проповѣди, *высота* въ возвышенности горняго обѣтованія, а *ужасающій видъ* въ угрозахъ

удобнымъ въ примѣненіи къ объясненію Святителя. Онъ читается такъ: *ніже хребты ихъ, и высота бяше имъ, и видѣх-то.*

*

и страхахъ будущаго наказанія. Итакъ Св. Писаніе имѣетъ *стояніе*, потому что направляетъ нравы къ стоянію, чтобы сердца слушателей не кривились къ земному пожеланію. Имѣетъ *высоту*, потому что обѣщаетъ радости вѣчной жизни въ небесномъ отечествѣ. Имѣетъ и *устрашающій видъ*, потому что всѣмъ нечестивымъ угрожаетъ наказаніями въ геенпѣ. Итакъ оно показываетъ *стояніе* свое въ назиданіи нравовъ; показываетъ *высоту* въ обѣтованіи наградъ; показываетъ *ужасающій видъ* въ страхахъ наказаній. Ибо оно прямо въ заповѣдяхъ, высоко въ обѣтованіяхъ, страшно въ угрозахъ. Оно имѣетъ *стояніе*, когда чрезъ Пророка говоритъ: *престаните отъ лукавствъ вашихъ. Научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу* (Ис. I, 16. 17). И еще: *раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7). Имѣетъ *высоту*, когда чрезъ тогоже Пророка говоритъ: *не будетъ тебѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже восходъ луны просвѣтитъ твою нощь, но будетъ тебѣ Господь свѣтъ вѣчный, и Богъ слава твоя* (Ис. LX, 19). Имѣетъ *ужасающій видъ*, когда, описывая преисподнюю, говоритъ: *день суда Господ-*

ня, и лѣто воздаянія суда Сіоня. И обратятся дебри его въ смолу, и земля его въ жупелъ. И будетъ земля его горящи яко смола днемъ и нощію, и не угаснетъ въ вѣчное время (Ис. XXXIV, 8—10). Эту преисподнюю описывая, и блаженный Іовъ говоритъ: *въ землю темну и мрачну. Въ землю тмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго* (Іов. X, 21—22). Оно имѣетъ *стояніе*, когда чрезъ него Господь обѣщаетъ свою близость, говоря: *якоже небо ново, и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо Мною, глаголетъ Господь: тако станетъ сѣмя ваше, и имя ваше* (Ис. LXVI, 22). Ибо тѣ истинно стоятъ предъ Господомъ, которые не разсѣеваютъ своей жизни въ нечестіи. Оно имѣетъ *высоту*, когда тотчасъ присовокупляется: *и будетъ мѣсяцъ отъ мѣсяца, и суббота отъ субботы, пріидетъ всяка плоть поклонитися предо Мною во Іерусалимѣ, рече Господь* (Ис. LXVI, 23). Ибо что значитъ мѣсяцъ, если не совершеніе дней? И что значитъ суббота, если не покой, въ продолженіе котораго не дозволяется дѣлать рабскаго дѣла? Итакъ *мѣсяцъ отъ мѣсяца* значитъ то, что живущіе здѣсь совершеннѣе переводятся туда къ совершенству славы. А *суббота отъ субботы* значитъ то, что престающіе здѣсь предаваться развращенію успокоеваются тамъ

въ небесномъ воздаяніи. Оно (Писаніе) имѣетъ и *ужасающій видъ*, когда тотчасъ присовокупляетъ: *и изыдутъ, и узрятъ трупы человѣковъ преступившихъ Мнѣ: червь бо ихъ не скончается, и огнь ихъ не угаснетъ* (Ис. LXVI, 24). Ибо что страшнѣе можно сказать, что помыслить, какъ принимать раны осужденія, и никогда не имѣть конца болѣзнямъ отъ ранъ! Объ этомъ *ужасающемъ видѣ* колесъ хорошо говорится чрезъ Софонію, когда жестокимъ сердцамъ предсказывается о приближеніи дня суднаго: *близъ день Господень великій, близъ и скоръ зѣло: гласъ дне Господня горекъ и жестокъ учинися. Силенъ день гнѣва, день той, день скорби и нужды, день безгодія и изчезновенія, день тмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и вопля* (Софон. I, 14—16).

19. Но поелику мы представили изреченія о внѣшнемъ колесѣ, то теперь мы должны еще сказать о *стояніи, высотѣ* и *ужасающемъ видѣ* внутренняго. Потому что внутреннее колесо имѣетъ свое *стояніе*, когда чрезъ Святое Евангеліе запрещаетъ намъ кривиться на земныя пожеланія, говоря словами нашего Искупителя: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими* (Лук. XXI, 34). Оно имѣетъ *высоту*, когда о томъ же Искупителѣ

даетъ обѣтованіе, говоря: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Ибо что можетъ быть выше этого права, что можно сказать выше этой высоты, на которой всякій сотворенный содѣлывается чадомъ Творца? Оно имѣетъ *ужасающій видъ*, когда о нечестивыхъ говоритъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мат. XXV, 46). Оно имѣетъ *стояніе*, когда Истина увѣщеваетъ учениковъ, говоря: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню. Сотворите себѣ влагалища неветшающа* (Лук. XII, 33). Оно имѣетъ *высоту* обѣтованія, когда говоритъ: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, въ царствіи небеснѣмъ* (Мат. VIII, 11). Имѣетъ *ужасающій видъ*, когда присовокупляетъ: *сынове же царствія изнани будутъ во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь, и скрежетъ зубомъ* (ст. 12). Этимъ еще Истина говоритъ: *умрете во грѣсѣхъ вашихъ* (Іоан. VIII, 21, 24). Оно имѣетъ *стояніе*, когда словами верховнаго пастыря говоритъ: *подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, во благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь* (2 Петр. I, 5. 6). Имѣетъ *высоту*, когда нѣсколько послѣ говоритъ: *сице бо обильно приподается вамъ*

входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спаса Іисуса Христа (ст. 11). Оно же еще даетъ обѣтованіе добрымъ пастырямъ, говоря: *явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. V, 4). Оно имѣетъ *ужасающій видъ*, когда говоритъ: *пріидетъ же день Господень, яко тать въ нощи, въ оньже небеса убо съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся* (2 Петр. III, 10). Если же все такимъ образомъ разрушится; то какими должно быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи, въ ожиданіи скораго пришествія дня Божія, въ которой воспламененныя небеса разрушатся, и раскалившіяся стихіи растаютъ? Оно имѣетъ *стояніе*, когда чрезъ Павла отвращаетъ насъ отъ земныхъ пожеланій, говоря: *умертвите уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоиманіе, еже есть идолослуженіе* (Колос. III, 5). Имѣетъ *высоту*, когда даетъ обѣтованіе, говоря: *животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (ст. 3). Имѣетъ *ужасающій видъ*, когда угрожаетъ, говоря: *въ откровеніи Господа Іисуса съ небесе, со Ангелы силы своея, во огни пламеннѣ, дающаго отмщеніе невѣдущимъ Бога и не послушающимъ благовѣствованія Гос-*

пода нашего Іисуса Христа: иже муку пріимутъ, погибель вѣчную отъ лица Господня, и отъ славы крѣпости Его (2 Солун. I, 7—9). Оно имѣетъ *стояніе,* когда увѣщеваетъ насъ, говоря: *блюдите, да никтоже зла за зло кому воздастъ: но всегда доброе гоните и другъ ко другу, и ко всѣмъ* (I Сол. V, 15. 16). Оно имѣетъ *высоту,* когда произноситъ обѣтованіе, говоря: *аще съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 11. 12). И еще: *не достойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18). Оно имѣетъ *ужасающій видъ,* когда произноситъ угрозы, говоря: *страшно нѣкое чаяніе суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27). И еще: *страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (ст. 31). Все это оно выражаетъ и въ краткой мысли, говоря: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота* (Ефес. III, 18). Такъ какъ любовь широка, потому что вмѣщаетъ въ себѣ и любовь къ врагамъ, и по той любви, которою всемогущій Богъ широко насъ любитъ, она великодушно терпитъ. Итакъ мы должны дѣлать для ближнихъ то, что, по нашему усмотрѣнію, дѣлаетъ Творецъ нашъ для насъ недостойныхъ. Итакъ *широта и долгота*

относятся къ *стоянію*; потому что любовію расширяетъ нравы, чтобы братская любовь великодушно переносила обиды. А *высота* означаетъ то воздаяніе вѣчныхъ наградъ, о неизмѣримости котораго говорится: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (I. Кор. II, 9). Итакъ оно имѣетъ на *высотѣ высоту*; потому что теперь вѣчныя радости святыхъ не могутъ быть постижимы никакимъ представленіемъ. *Глубина* же означаетъ то невыразимое осужденіе грѣшниковъ, по которому низвергаются въ преисподнюю тѣ, на которыхъ оно простирается. Въ этихъ мѣстахъ священныя изреченія имѣютъ *ужасающій видъ*; потому что наводятъ невыразимый страхъ на слушающихъ, когда говорятъ объ адскихъ мученіяхъ. Итакъ хорошо говорится: *и стояніе было въ колесахъ, и высота и ужасающій видъ*; потому что Св. Писаніе въ обоихъ Завѣтахъ, какъ въ увѣщаніяхъ прямо, такъ и въ обѣтованіяхъ высоко, и въ угрозахъ страшно.

Этого для насъ, возлюбленнѣйшіе братіе, достаточно для собесѣдованія въ нынѣшній день по милосердію Божію, чтобы, приготовившись на досугѣ, возвратиться къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго, при содѣйствіи Виновника всяческихъ и Господа нашего Іисуса Христа, Который живетъ и царству-

етъ со Отцемъ, въ единеніи Святаго Духа Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ.

Изъясняется стихъ 18 съ пятью за нимъ слѣдующими, преимущественно о пользѣ священнаго чтенія и объ исполненіи обязанностей любви, съ тою осторожностію, чтобы мы особенно были внимательны къ самимъ себѣ чрезъ покаяніе.

1. Вы знаете, возлюбленнѣйшіе братіе, что пророчество обыкновенно видитъ, то то, то другое, и вдругъ переноситъ слова съ одного на другое; такъ, на примѣръ, Давидъ, говоря о Господѣ: *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день. Аще не обратитеся, оружіе свое очиститъ, лукъ свой напряже, и уготова и, въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы своя сгараемымъ содѣла* (Псал. VII, 12—14), вдругъ присовокупляетъ: *зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе. Ровъ изры, и ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла* (ст. 15. 16). Вотъ онъ, говоря о правосудіи Господа, какъ бы не измѣняя рѣчи, вдругъ началъ говорить о виновности грѣшника. Этого одного для примѣра достаточно; потому

что, кто занимается чтеніемъ Пророковъ, тотъ знаетъ, что они дѣлаютъ это часто. Поэтому и теперь Пророкъ Іезикіилъ, сказавъ о колесахъ, присовокупилъ: *и все тѣло исполнено очесъ окрестъ самихъ четырехъ* (ст. 18). (а).

2. Ибо кто сказалъ, не *самыхъ*, но *самихъ* (*б*), тотъ ясно показываетъ, что рѣчь его вдругъ возвратилась отъ колесъ къ животнымъ. Чрезъ этихъ животныхъ означаются, какъ впереди было сказано, именно всѣ совершенные. Итакъ тѣла животныхъ описываются *исполненными очесъ* потому, что дѣйствіе святыхъ осмотрѣно со всѣхъ сторонъ сильнымъ желаніемъ добра, и осторожностію отъ зла. И это бываетъ очень трудно, чтобы умъ святыхъ бдительно наблюдалъ, дабы предъ очами ихъ зло не скрывалось подъ видомъ добра. Итакъ жизнь святыхъ есть жизнь осмотрительная, дабы не быть ей ни такъ свободною, чтобы гордиться, потому что часто гордость проявляется въ словахъ, и свобода

а) Опять это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *et totum corpus plenum oculis in circuitu ipsorum quatuor*. Но въ Славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *и плещы ихъ исполнены очесъ окрестъ четыремъ*. На смыслъ этого перевода Святитель обращаетъ вниманіе въ 7 пунктѣ этой же VII бесѣды.

б) Въ подлинникѣ: *non ipsarum*, т. е. *rotarum*, *sed ipsorum*, т. е. *animalium*.

чистоты желаетъ быть видимою; ни такъ смиренною, чтобы доходить до робости, потому что страхъ иногда стѣсняетъ духъ, и сей не рѣшается говорить правды, однакожe притворяется, будто онъ имѣетъ смиреніе въ самомъ робкомъ своемъ помышленіи. Она (жизнь святыхъ) не должна быть такъ бережливою, чтобы простираться до скупости; потому что скупость большею частію желаетъ считаться бережливостію, чтобы казаться по справедливости и необходимости удерживающею то, чего по милосердію не хочетъ издержать на бѣднаго ближняго. Не должна быть и такъ милосердою, чтобы простираться до расточительности; потому что иногда расточительность считается милосердіемъ. Ибо иное значитъ подавать ближнимъ необходимое по ревности къ благочестію, а иное — расточать имѣніе безъ ожиданія награды. Итакъ что дѣлается, то надобно обсуживать потому корню намѣренія, по которому оно обсуживается на судѣ Творца. Поэтому тотъ же Творецъ и говоритъ: *егда око твое просто будетъ, все тѣло твое свѣтло будетъ* (Лук. XI, 34). *Окомъ* называетъ Онъ именно намѣреніе, а *тѣломъ* дѣйствіе. Потому что, если намѣреніе наше будетъ предъ Богомъ просто, то наше дѣйствіе на судѣ Его не будетъ темнымъ. Итакъ, поелику святые мужи неусыпно бдятъ, чтобы со всѣхъ сторонъ осма-

тривать *себя*, и *вездѣ оберегать*, чтобъ или не пожелать зла ради его самаго, или не учинить его подъ видомъ добра, то есть, дабы обманчиво не допустить въ себя пороковъ, какъ добродѣтелей: то они имѣютъ все *тѣло исполненное очесъ* вокругъ; потому что всякое ихъ дѣйствіе и наполняется и окружаетъ предусмотрительностію заботливости.

3. Поэтому-то Апостолъ Павелъ, когда желалъ, чтобы Коринѳяне сжалились надъ нѣкоторымъ кающимся о содѣянномъ преступленіи, говоритъ: *емуже аще что даруете, и азъ: ибо азъ аще что даровахъ, васъ ради, о лицѣ Іисусъ Христовѣ, да не обидимы будемъ отъ сатаны; не не разумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 10. 11). Если нужно было пощадить, то почему знаменитый учитель по толикому смиренію соглашается съ волею учениковъ такъ, чтобы не казаться раздѣленными, ни ему съ учениками, ни ученикамъ съ нимъ, въ дѣлѣ сострадапія, если не потому, что онъ заботливымъ окомъ предусмотрительности обращаетъ вниманіе на то, что большею частію, когда одинъ даритъ, другой гнѣвается. И какая уже та жертва милосердія, которая приносится съ разногласіемъ ближняго? Поэтому (Апостолъ) правильно говоритъ: *да не обидимы будемъ отъ сатаны, не не разумѣваемъ бо умышленій его.* Потому что онъ (сатана)

обыкновенно насылаетъ зло на вздорное сердце другаго именно оттуда, откуда усматриваетъ, что другой исполнилъ обязанность благочестія. Ибо не совершенно то добро, которое совершается такъ, что не обращается вниманіе на то, дабы въ него не вкралось съ другой стороны какое нибудь зло, если нѣтъ вины не дѣлать того, что не можетъ быть сдѣлано безъ соблазна для кого либо.

4. Но это мы говоримъ для того, чтобы довесть до свѣденія любви вашей, что въ добромъ нашемъ дѣлѣ иногда надобно остерегаться соблазна ближняго, а иногда презирать его. Этому мы научились изъ примѣра Виновника нашего, Который, когда требовали съ Петра вывѣдываніемъ пошлины, прежде предложилъ притчу, чрезъ которую отвѣчалъ, что Онъ ничѣмъ не обязанъ, говоря: *Царіе земстіи отъ кіихъ пріемлютъ дани или кинсонъ; отъ своихъ ли сыновъ, или отъ чужихъ* (Мат. XVII, 25)? Когда ему отвѣтили: *отъ чужихъ*, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *убо свободни суть сынове* (ст. 26). Но послѣ того, какъ доказалъ, что Онъ свободенъ (отъ пошлины), дабы не подать кому либо соблазна, присовокупилъ: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имеши рыбу, возми: и отверзъ уста ей, обрящеши статиръ: той веземъ даждь имъ за мя и за*

ся (ст. 27). Но когда Онъ говорилъ, что *не входящее во уста скверинтъ человѣка: исходящее изъ устъ, то скверинтъ человѣка: тогда приступльше ученицы Его, рѣша Ему: вѣси ли, яко фарисее слышавше слово соблазнишася* (Мат. XV, 11. 12)? *Онъ же отвѣщавъ рече: всякъ садъ, егоже не насади Отецъ мой небесный, изкоренится. Оставите ихъ: вожди суть слѣпи слѣпцемъ* (ст. 13. 14). Вотъ поучительная Истина выдала пошлину, которой выдавать была не обязана, для того, чтобы не породить соблазна въ сердцахъ; и опять, когда видѣла, что раждается соблазнъ въ сердцахъ нѣкоторыхъ противъ истины, тогда дозволила имъ оставаться въ своемъ соблазнѣ.

5. Изъ этого примѣра намъ должно заключить, что мы должны избѣгать соблазна ближнихъ, на сколько мы можемъ это дѣлать безъ грѣха. Но если соблазнъ заимствуется отъ истины; то полезнѣе дозволять рождаться соблазну, нежели оставлять истину.—Итакъ тѣла животныхъ *исполнены очесъ*, такъ какъ онѣ со всѣхъ сторонъ осматриваютъ себя.

6. Но намъ надобно знать, что часто мы, обращая вниманіе на одни предметы, оставляемъ безъ вниманія другіе; и куда мы не обращаемъ вниманія, тамъ безъ сомнѣнія не имѣемъ глаза. Ибо, по

свидѣтельству Евангелія, мы знаемъ, что говорилъ тотъ фарисей, который взошелъ въ храмъ помолиться. Ибо онъ говоритъ: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю* (Лук. XVIII, 11). И онъ правильно благодарилъ Бога, отъ Котораго получилъ тѣ блага, которыя сотворилъ. Но онъ еще присовокупляетъ: *яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пощуся два краты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу* (ст. 11. 12). Вотъ фарисей имѣлъ око для воздержанія, для милосердія, для прославленія Бога, но не имѣлъ ока для стражи смиренія. И что пользы въ томъ, что почти весь городъ бдительно охраняется отъ нападеній враговъ, если оставляется одинъ открытый проходъ, чрезъ которой можно взойти въ него врагамъ? Что пользы въ стражѣ, которая почти повсюду ставится, когда врагамъ открытъ цѣлый городъ небреженіемъ объ одномъ мѣстѣ? Фарисей же, который выполнялъ посты, отдавалъ десятины, возсылалъ хвалы Богу, бодрствовалъ на стражѣ своего города, какъ бы почти со всѣхъ сторонъ. Но понеже онъ оставилъ безъ вниманія одинъ въ немъ проходъ гордости; то и пропустилъ врага тамъ, гдѣ небреженіемъ закрылъ око. Итакъ, понеже сердца святыхъ повсюду бодрствуютъ, осматривая вокругъ самихъ

себя, и во всякомъ своемъ дѣлѣ вращаютъ взоръ страха и опасенія, дабы, или не учинить зла, или не опустить заповѣданнаго добра, или по совершеніи добрыхъ дѣлъ не возгордиться въ своихъ помышленіяхъ, и не учинить тѣмъ болѣе тяжкаго грѣха, чѣмъ болѣе совнѣ кажутся праведниками, и не согрѣшать въ тайнѣ: то справедливо говорится: *все тѣло ихъ исполнено очесъ вокругъ.*

7. Еще надобно знать, что въ древнемъ переводѣ не говорится: *все тѣло ихъ исполнено очесъ вокругъ,* но говорится: *плещы ихъ исполнены очесъ.* Эта именно мысль не разногласитъ съ разумомъ назиданія. Ибо то, что предъ лицемъ, часто имѣютъ обыкновеніе сохранять даже грѣшные люди. Но о праведныхъ мужахъ говорится, что они имѣютъ глаза на плечахъ; потому что блюдутъ себя даже отъ того, чего не видно по прямому направленію и предъ лицемъ. Слѣдовательно тѣ, которые усматриваютъ и то, что сокровенно, и оберегаютъ себя отъ того, чего нельзя видѣть, дѣйствительно имѣютъ глаза на плечахъ. Впрочемъ это можно разумѣть и иначе; потому что находящееся предъ лицемъ нашимъ мы видимъ, а плечъ своихъ, видимыхъ у насъ другимъ, мы сами видѣть не можемъ. Но поелику святые мужи тщательно осматриваютъ себя въ томъ, въ чемъ могутъ быть осуждаемы другими, и вѣрно

видятъ себя, какъ часто бываютъ видимы отъ другихъ, которые въ себѣ не знаютъ даже того, что могли скрыть: то они на плечѣ носятъ свѣтъ. Далѣе слѣдуетъ: *и внегда шествовати животнымъ, шествоваху и колеса, держащеся ихъ: и внегда воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса.*

8. Шествуютъ животныя, когда святые мужи уразумѣваютъ изъ Св. Писанія, какъ надобно жить нравственно. Но воздвизаются животныя отъ земли, когда святые мужи возвышаются въ созерцаніи. И поелику каждый изъ святыхъ, на сколько самъ сдѣлаетъ успѣха въ Св. Писаніи, на столько же это Св. Писаніе произведетъ успѣха на него самаго: то справедливо говорится: *внегда шествовати животнымъ, шествоваху и колеса, держащеся ихъ: и внегда воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса;* потому что Божественныя изреченія ростутъ вмѣстѣ съ читающимъ; ибо каждый столь высоко разумѣетъ ихъ, сколь высокое обращаетъ на нихъ вниманіе. Поэтому колеса не возвышаются, если не возвышаются животныя; потому что, если умы читающихъ не поднимутся на высоту, то Божественныя изреченія какъ бы на землѣ лежатъ, безъ разумѣнія. Ибо, когда для кого либо изъ читающихъ рѣчь Св. Писанія кажется холодною (ес-

ли смыслъ Божественнаго изреченія кажется холоднымъ), и не возбуждаетъ ума его, и онъ въ помышленіи своемъ не озаряется никакимъ свѣтомъ разумѣнія: тогда колесо праздно и остается на землѣ, потому что животное не воздвизается отъ земли. Но если животное пойдетъ, т. е. будетъ отыскивать порядокъ добродѣтельной жизни, и шествіемъ сердца найдетъ, какъ положить начало шествію добраго дѣла: то пойдутъ равномѣрно и колеса; потому что ты въ священномъ изреченіи находишь преспѣянія столько, сколько самъ у него преуспѣешь. Но если пернатое животное въ созерцаніи устремится въ горняя, то и колеса тотчасъ воздвизаются отъ земли; потому что ты не признаешь земнымъ то, что прежде, по твоей увѣренности, въ священномъ изреченіи казалось сказаннымъ по земному обыкновенію. И бываетъ то, что слова Св. Писанія суть слова небесныя, по твоему чувству, если, возженный благодатію созерцанія, ты возвышаешься къ небесному. И познается дивная и несказанная сила священнаго изреченія, когда духъ читающаго бываетъ проникнутъ горнею любовію. Итакъ колесо взлетаетъ на верхъ потому, что животное поднимается вверхъ. Далѣе слѣдуетъ: *куда шелъ духъ, туда при шествіи духа равно поднимались и колеса, послѣдуя за нимъ* (ст. 20). (а).

а) Опять это переводъ съ Латинскаго подлинника, въ ко-

9. Ибо куда стремится духъ читающаго, туда возвышаются и Божественныя изреченія; потому что, если ты будешь видѣніемъ и чувствованіемъ отыскивать въ нихъ что либо высокое, то эти самыя священныя изреченія возвышаются вмѣстѣ съ тобою; съ тобою поднимаются вверхъ. Но хорошо о тѣхъ же колесахъ говорится: *послѣдуя за нимъ.* Ибо, если духъ читающаго желаетъ знать въ нихъ нравственное, или историческое, то за нимъ послѣдуетъ смыслъ нравственно — историческій. Если (желаетъ знать) смыслъ типическій, то тотчасъ узнается образное выраженіе. Если (желаетъ знать) что либо созерцательное, и колеса тотчасъ получаютъ какъ бы крилья, и возносятся на воздухъ; потому что въ словахъ священнаго изреченія открывается разумѣніе небесное. Итакъ, *куда шелъ духъ, туда при шествіи духа равно поднимались и колеса, послѣдуя за нимъ.* Ибо колеса слѣдуютъ за нимъ. Ибо колеса слѣдуютъ за духомъ, потому что слова священнаго изреченія, какъ часто уже говорено было,

---

торомъ текстъ читается такъ: *quocunque ibat spiritus, illuc eunte spiritu et rotae pariter leuabantur, sequentes eum.* Къ этому смыслу текста принаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя. Славянскій же переводъ этого текста читается такъ: *идѣже аще бяше облакъ, тамо бяше и духъ, сже шествовати, шествоваху и животныя, и колеса воздвизахуся съ ними.*

возрастаютъ чрезъ разумѣніе по смыслу читающаго.

10) Ибо въ одной и тойже мысли Писанія одинъ довольствуется только исторіею, другой отыскиваетъ типическое значеніе, а третій чрезъ типъ ищетъ разумѣнія созерцательнаго. И большею частію бываетъ такъ, что въ одной и тойже мысли, какъ сказано, можно найти всѣ три вмѣстѣ. Ибо Моисей, когда замѣтилъ горящую купину (Исх. III, 3), подошелъ къ ней ближе, чтобы видѣть зрѣлище; и вотъ купина горѣла, а не сгарала. Это есть великое чудо. Если ты въ немъ останавливаешься на одной только исторіи, то и въ ней есть пища для души читающаго, чтобы тебѣ видѣть, что въ деревѣ огонь горитъ, а дерева не сожигаетъ. Но если ты ищешь разумѣнія типическаго: то что означало пламя, если не законъ, о которомъ написано: *въ десницѣ Его огненный законъ* (Второз. XXXIII, 2)? И что купина, если не народъ Іудейскій, окруженный колючками грѣховъ своихъ. Но горящая купина не могла сгорѣть; потому что Іудейскій народъ хотя и получилъ огнь закона, однакожъ и колючекъ грѣховъ своихъ не опалилъ, и пороковъ не пожегъ пламенемъ Божественнаго Слова. Иной, быть можетъ, въ этомъ событіи чрезъ типъ желаетъ созерцать большее. Поелику смыслъ его возрастаетъ, то поднимаются и колеса. Ибо среди людей содѣлался совер-

шенным человѣкомъ Единородный Сынъ Божій, Который не имѣлъ своихъ грѣховъ, но принялъ колючки нашего нечестія, и благоволилъ за насъ смириться даже до страданія, и принять на Самаго Себя огнь нашего несчастія. Но горѣлъ, и не сгоралъ; потому что хотя и умеръ по человѣчеству, однако же пребылъ безсмертнымъ по Божеству. Онъ заимствовалъ отъ насъ то, что нужно было для жертвы за насъ, и однако пребылъ нестрадаемымъ и неизмѣняемымъ въ собственныхъ свойствахъ, чтобъ измѣнить насъ въ нашихъ свойствахъ. Иной, быть можетъ, чрезъ исторію отыскиваетъ нравственнаго смысла, а другой чрезъ уразумѣніе иносказанія стремится къ созерцанію. По исторіи всѣмъ извѣстно то, что написано въ законѣ, чтобъ у голубя, приносимаго въ жертву за грѣхъ, отрываема была голова до перушковъ такъ, чтобы оставалась на шеи, а не совсѣмъ была отторгаема (Лев. 1, 15. V, 8). Въ этихъ словахъ для читающихъ несомнѣненъ смыслъ историческій. Но если ты желаешь это разумѣть въ нравственномъ смыслѣ, то колесо приводится въ дѣйствіе, когда мысль священнаго слова возводится къ нравственному разумѣнію. Ибо сами мы въ жертвоприношеніи всемогущему Богу должны быть голубями, такъ чтобы голова наша была отрываема до перушковъ, т. е. душа до добродѣтелей. Ибо не безъ

основанія мы разумѣемъ подъ головою душу; потому что, какъ голова управляетъ тѣломъ, такъ душа дѣйствіями. Но голову отрывать заповѣдуется до перушковъ, чтобы ты исполнялъ то, что говоришь, и уста соединялъ съ дѣлами. Но голову надобно было отрывать такъ, чтобъ она отъ тѣла была отдѣляема; но частію оторванную заповѣдуется оставлять ее при своемъ тѣлѣ, именно потому, что душа должна быть оторвана отъ плотскаго услажденія, но не должна быть оторвана отъ попеченія необходимаго. Ибо поэтому написано: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14). Итакъ, что запрещается дѣлать *въ похоти*, то безъ сомнѣнія дозволяется въ необходимости. Итакъ голова голубя частію оторвана, а частію не оторвана, чтобы, какъ сказано, душа наша была оторвана отъ похоти плоти, и однако же не оторвана отъ необходимости. Что, если кто либо этотъ родъ жертвоприношенія подъ типическимъ смысломъ нашего Искупителя возведетъ къ созерцанію? Итакъ, пусть смѣло возвышается духъ, пусть поднимаются животныя, чтобы вмѣстѣ съ ними поднимались колеса. Ибо кто наша глава, если не Искупитель рода человѣческаго? О Немъ написано: *Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его* (Еф. 1, 22—23). Когда Іудеи преслѣдовали Его, тогда усп-

ливались истребить на землѣ имя Его. И когда увидѣли распятымъ и погребеннымъ, тогда подумали, будто Онъ оторванъ отъ любви всѣхъ людей. Но глава голубя и оторвана была, и однако же отъ тѣла своего не отдѣлена; потому что тѣмъ, что претерпѣлъ за насъ смерть, Онъ всѣхъ тѣснѣе соединилъ съ Собою чрезъ самую смерть свою; и чрезъ то, что Онъ видимо отвлекъ Себя отъ очей нашихъ, невидимо укоренилъ Себя въ душахъ нашихъ. Итакъ оторванная голова голубя соединилась съ тѣломъ; потому что, хотя Искупитель нашъ пострадалъ за насъ, но отъ насъ не отдѣлился чрезъ страданіе. Итакъ, поелику изреченія Св. Писанія возвышаются съ духомъ читающихъ: то правильно теперь говорится: *куда шелъ духъ, туда при шествіи духа равно поднимались и колеса, послѣдуя за нимъ.* И еще присовокупляется: *зане духъ жизни бяше въ колесѣхъ* (ст. 20).

11. Ибо духъ жизни въ колесахъ находится потому, что мы чрезъ священныя изреченія оживотворяемся дарованіемъ духа, для отраженія отъ себя дѣлъ смертоносныхъ. Еще можно разумѣть и такъ, что духъ шествуетъ, когда Богъ соприкасается къ духу читающаго разными способами и распоряженіями, когда словами священнаго изреченія, то возбуждая ревность, побуждаетъ къ отмщенію, то рас-

полагаетъ къ терпѣнію, то внушаетъ расположеніе къ проповѣданію, то сокрушаетъ до слезъ покаянія. Но прослѣдимъ кратко тѣ самыя слова, которыя мы высказали, и посмотримъ, какимъ образомъ колеса послѣдуютъ духу, называемому духомъ жизни, и находящемуся въ колесахъ.

Извѣстно, что если духъ жизни коснулся духа читающаго пламенемъ ревности, то сей тотчасъ въ священныхъ изреченіяхъ видитъ, что Моисей, возвращаясь въ полкъ, и узнавъ, что народъ впалъ въ грѣхъ идолопоклонства, по пламенной ревности духа избилъ его мечами (Исх. XXXII, 27); что Финеесъ, преслѣдуя нечистоту, мечемъ умилостивилъ гнѣвъ Господень (Числ. XXV, 8); что Петръ лжецовъ поразилъ и убилъ словомъ (Дѣян V, 5. 10); что Павелъ нерадивымъ ученикамъ угрожаетъ палкою (1 Кор. IV, 21).

12. Если духъ жизни располагаетъ духъ читающаго къ сохраненію терпѣнія, то за нимъ тотчасъ послѣдуютъ и колеса; потому что въ священныхъ изреченіяхъ онъ находитъ, что Моисей и Ааронъ, когда за справедливость подверглись преслѣдованію народа, притекли къ Скиніи съ молитвою о томъ самомъ народѣ, отъ котораго убѣжали (Числ. XX, 6). Святыя души ихъ и негодованіе гордыхъ перенесли, и не увлеклись ненавистію противъ нихъ.

Ибо истинное терпѣніе есть то, которое любитъ даже того, отъ кого переноситъ. Ибо переносить, и ненавидѣть, не есть добродѣтель кротости, но прикрытіе неистовства. Въ томъ же самомъ Писаніи (1 Цар. VIII, 22) онъ (духъ читающаго) находитъ, что Самуилъ, лишаемый власти, признается, что онъ молился даже за лишающихъ; что никто изъ святыхъ иначе не достигаетъ небесной славы, какъ сохраненіемъ терпѣнія; что самъ Виновникъ рода человѣческаго претерпѣлъ оплеванія, заушенія, терновый вѣнецъ, крестъ, копіе, и не смотря на то, молился за преслѣдователей.

13. Если духъ жизни побуждаетъ духъ читающаго къ ревности проповѣданія; то за нимъ тотчасъ слѣдуютъ и колеса; потому что онъ въ Св. Писаніи находитъ Моисея, по повелѣнію Господню явившагося къ Царю Египетскому, и свободно предъ нимъ проповѣдавшаго (Исх. V — X); что Стефанъ вѣроломнымъ Іудеямъ говорилъ: *вы присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. VII, 51), даже подъ камнями не имѣлъ страха (ст. 59. 60); что Петръ, высѣченный батогами, чтобы не говорилъ во имя Іисуса, съ великою свободою отвѣчалъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29); что Павелъ, заключается въ узы (Филип. 1, 14), но для Слова Божія нѣтъ узъ (2 Тим. II, 9).

14. Если духъ жизни располагаетъ (духъ читающаго) къ слезамъ покаянія; то за нимъ тотчасъ слѣдуютъ и колеса, когда слова Св. Писанія указываютъ на кающагося Давида; что онъ, обличенный Пророкомъ, не устыдился признаться въ преступленіи предъ обличающимъ подданнымъ, потому что отвергъ подданство Царю небесному (2 Цар. XII, 13); что мытарь, который признаватъ себя виноватымъ въ своемъ нечестіи, хотя пришелъ во храмъ неправеднымъ, однакожь изъ храма вышелъ оправданнымъ (Лук. XVIII, 13. 14); что Петръ пятна отреченія омылъ слезами (Мат. XXVI, 75); что разбойникъ, сознавшійся на крестѣ въ виновности, въ самой уже смерти получилъ прощеніе (Лук. XXIII, 43). Объ этихъ колесахъ Пророкъ еще повторяетъ тоже самое, и присовокупляетъ: *внегда идяху сія, идяху* (*и колеса*), *и внегда стояти имъ, стояху* (*и колеса съ ними*): *и егда воздвизахуся отъ земли, воздвизахуся съ ними* (*и колеса*), *яко духъ жизни бяше въ колесѣхъ,* (ст. 21).

15. Это, какъ вы, возлюбленнѣйшіе братіе, знаете, большею частію было уже сказано, но въ повѣствованіи описаніе повторяется. Не обленимся же и мы кратко повторить тоже въ объясненіи, что Духъ благоизволилъ чрезъ Пророка повторить въ повѣствованіи. Ибо въ этихъ словахъ новая при-

бавка состоитъ только въ томъ, что сказано: *внегда стояти имъ, стояху* (*и колеса съ ними*). Есть нѣкоторые, которые достигаютъ такого совершенства, что умѣютъ хорошо распоряжаться земными благами, имъ принадлежащими, усердно занимаются дѣлами милосердія, помогаютъ угнетеннымъ. Они именно *идутъ* тѣмъ, что стремятся къ пользѣ ближняго. Поэтому и колеса идутъ съ ними; потому что священныя изреченія распоряжаются устроеніемъ шествія ихъ по пути. И есть другіе, которые такъ тверды въ содержаніи принятой ими вѣры, что могутъ противустоять всѣмъ нападеніямъ на нее, и не только сами не увлекаются къ развращенію вѣроломства, но и преобѣждаютъ говорящихъ развращенное, и привлекаютъ ихъ къ правовѣрію. Съ этими стоящими стоятъ такъ же и колеса; потому что слова Св. Писанія утверждаютъ ихъ въ правовѣріи, когда тѣ слышатъ въ нихъ *стойте, и держите преданія, имъже научистеся* (2. Сол. II, 15). И еще: *супостатъ вашъ діаволъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити: емуже противитеся тверди въ вѣрѣ* (1 Петр. V, 8. 9). И есть еще другіе, которые презираютъ все земное, отвергаютъ все преходящее, и углубляются, какъ сказано, въ созерцаніи Бога. Поэтому съ ними, возвышающимися, возвышаются равномѣрно и колеса; потому что

каждый преуспѣваетъ въ горнемъ на столько, на сколько говорятъ ему о горнемъ священныя изреченія. Итакъ шествуютъ животныя къ пользѣ ближняго, стоятъ на стражѣ самихъ себя, воздвизаются къ созерцанію Бога.

16. Но и колеса равнымъ образомъ идутъ, стоятъ, воздвизаются; потому что искомое священное чтеніе находится таковымъ, каковъ и тотъ, кѣмъ отыскивается. Ибо, если ты отправился къ дѣятельной жизни, то оно (колесо) идетъ съ тобою. Ты сосредоточилъ вниманіе на неподвижности и постоянствѣ духа, оно стоитъ съ тобою. Ты по благодати Божіей воспарилъ къ созерцанію, оно возлетаетъ съ тобою. И опять присовокупляется: *яко духъ жизни бяше въ колесѣхъ*. Во второй разъ говорится, что духъ жизни былъ въ колесахъ потому, что въ въ Св. Писаніи два Завѣта, которые оба благоволилъ написать Духъ Божій для того, чтобъ освободить насъ отъ смерти душевной. Или потому, что двѣ заповѣди о любви, именно, о любви къ Богу, и любви къ ближнему, чрезъ которыя обѣ изреченія Св. Писанія оживотворяютъ насъ. Итакъ во второй разъ говорится, что духъ жизни былъ въ колесахъ потому, что мы къ любви Бога и ближняго располагаемся Божественными изреченіями. Ибо посредствомъ заповѣдей Св. Писанія оживотворяем-

ся мы, которые лежали мертвыми въ грѣховности. Поэтому Псалмопѣвецъ говоритъ всемогущему Богу: *во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси* (Псал. CXVIII, 93). Ибо оправданіями называются заповѣди Господа, которыми Онъ исправляя, оправдываетъ насъ. О нихъ Псалмопѣвецъ яснѣе говоритъ: *во оправданіихъ твоихъ поучуся: не забуду словесъ твоихъ* (Тамъ же, ст. 16). Итакъ Онъ оживотворяетъ насъ ими, потому что чрезъ нихъ показываетъ намъ духовную жизнь, и вливаетъ ее въ наши души чрезъ дуновеніе Духа. Поелику это по дару благодати совершается въ душахъ избранныхъ каждодневно, то справедливо говорится: *духъ жизни бяше въ колесѣхъ.*

17. Это Писаніе для насъ во мракѣ настоящей жизни есть свѣтъ на пути. Поэтому-то Петръ говоритъ: *вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ* (2 Петр. 1, 19). Поэтому-то и Псалмопѣвецъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. CXVIII, 105). Впрочемъ мы знаемъ, что и самый нашъ свѣтильникъ для насъ теменъ, если не освѣщаетъ его для нашихъ душъ истина. Поэтому Псалмопѣвецъ опять говоритъ: *яко Ты просвѣтиши свѣтильникъ мой, Господи; Боже мой, просвѣтиши тму мою*

(Псал. XVII, 29). Ибо что такое горящій свѣтильникъ, если не свѣтъ? Но сотворенный свѣтъ для насъ не свѣтитъ, если самъ не освѣщается отъ свѣта несотвореннаго. Итакъ, поелику всемогущій Богъ для нашего спасенія Самъ и сотворилъ изреченія Священныхъ Завѣтовъ, Самъ и открылъ: то духъ жизни былъ въ колесахъ. Далѣе слѣдуетъ: *и подобіе надъ главою животныхъ яко твердь, яко видѣніе кристалла; простертое надъ крилами ихъ свыше* (ст. 22).

18. Это, по милосердію Божію, мы объяснимъ двоякимъ образомъ, дабы предоставить суду читателя, что ему выбрать. Ибо подъ именемъ *тверди* можно разумѣть небесныя власти. Это *твердь* справедливо называется *яко видѣніе кристалла*; потому что твердый кристаллъ хотя и составляетъ рѣдкость, однакожь плотнымъ дѣлается отъ воды. И естество Ангельское, по сотвореніи его, получило свободную волю, хочетъ ли оно устоять въ смиреніи, и пребывать въ лицезрѣніи всемогущаго Бога, или пасть въ гордость, и лишиться блаженства; но оно поставило себѣ въ обязанность, чтобъ уже рѣшительно не имѣть возможности къ паденію; поэтому въ естествѣ своемъ превратилось какъ бы въ величественный кристаллъ, потому что не можетъ быть уже измѣняемымъ. Этотъ кристаллъ называется

страшнымъ (а) *и простертымъ надъ крильями* (б) животныхъ; потому что тѣ Ангельскія власти, которыя предстоятъ лицу всемогущаго Бога, для насъ, находящихся еще въ этомъ поврежденномъ состояніи, страшны и ужасны. Ихъ радости нынѣ представляются надъ главами животныхъ; потому что превышаютъ понятія нашихъ умовъ. Ибо кто можетъ въ поврежденномъ тѣлѣ постигнуть, какова должна быть та неизреченная и безконечная радость Ангеловъ? Какое блаженство, непрестанно видѣть лице Создателя, и въ наслажденіи его пребывать безъ измѣняемости?

19. Но можно подъ именемъ тверди образно разумѣть и Самаго нашего Искупителя, истиннаго Бога надъ всѣми, и содѣлавшагося посреди всего истиннымъ человѣкомъ, въ Которомъ наше естество укрѣплено у Отца. О Немъ даже чрезъ Псалмопѣвца пророчественно говорится: *да будетъ рука Твоя на мужа десницы Твоея, и на сына че-*

а) Понятіе, опущенное въ Славянскомъ переводѣ, но помѣщенное въ Латинскомъ подлинникѣ, съ котораго переведены бесѣды.

б) Въ Латинскомъ подлинникѣ сказано: *надъ главами* (*super capita*) и весь текстъ читается такъ: *et similitudo super capita animalium firmamenti, quasi aspectus crystalli horribilis, extenti super capita eorum desuper.*

ловѣческаго, егоже укрѣпилъ еси себѣ (Псал. LXXIX, 18). Ибо человѣческое естество, прежде нежели оно было принято Создателемъ всяческихъ, было землею; потому что не было *твердію*. Согрѣшившему человѣку сказано: *земля еси, и въ землю отъидеши*. Но послѣ того, какъ оно принято Виновникомъ всяческихъ, вознесено на небо, и поставлено выше Ангеловъ, содѣлалось твердію, которое было землею. Но чему подобна видимая твердь, далѣе присовокупляется, когда говорится; *яко видѣніе кристалла страшнаго*. Кристаллъ, какъ сказано, огустѣваетъ изъ воды, и дѣлается твердымъ. Но мы знаемъ, какая движимость воды. Тѣло же Искупителя нашего, подвергавшееся до самой смерти страданіямъ, въ нѣкоторомъ отношеніи было подобно водѣ; потому что чрезъ рожденіе, возрастаніе, усталость, алчбу, жажду, умираніе, оно до страданія его движимо протекало чрезъ моменты временъ. Взирая на теченіе его, Пророкъ говоритъ: *возрадуется яко исполинъ тещи путь* (Псал. XVIII, 6). Но поелику оно чрезъ славу воскресенія своего изъ самаго своего поврежденія укрѣпилось силою неврелимости: то, подобно кристаллу, изъ воды содѣлалось твердымъ, такъ что въ немъ и тоже самое естество осталось, и не осталось измѣняемости поврежденія, которая была въ немъ. Итакъ вода превратилась въ кристаллъ, ког-

да слабость поврежденія его чрезъ воскресеніе измѣнилась въ твердость невредимости.

20. Но надобно замѣтить, что этотъ *кристаллъ* называется *страшнымъ*, т. е. ужасающимъ. Но кто не знаетъ, какъ красивъ кристаллъ? И дивно, какимъ образомъ въ этомъ кристаллѣ соединяется красота со страхомъ. Но всѣмъ знающимъ истину извѣстно, что когда Искупитель рода человѣческаго явится Судіею, тогда Онъ будетъ и красивъ для праведныхъ и страшенъ для неправедныхъ. Ибо Кого видятъ кроткимъ избранные, Того же самаго видятъ ужасающимъ и страшнымъ нечестивые. Но избранные не увидятъ Его страшнымъ тогда потому, что нынѣ непрестанно разсуждаютъ о страхѣ Его. Ибо тщательно обсуживаютъ, коль страшнымъ пріидетъ Онъ на судъ, оплакиваютъ прежде содѣянныя ими беззаконія, настоящихъ избѣгаютъ, страхъ Его ежедневно обносятъ предъ очами души, и непрестанно обсуживаютъ, коль страшнымъ Онъ явится, и страшась, ежедневно поступаютъ такъ, чтобы не страшиться Его, когда пріидетъ. Итакъ *подобіе надъ главами животныхъ, яко твердь, яко видѣніе кристалла страшнаго*. А поелику самый страхъ Того, Кого объдержатъ въ своихъ помышленіяхъ (избранные), прикрываетъ души ихъ: то справедливо присовокупляется: *простертое надъ главами ихъ*

свыше. Эта твердь, которая, какъ бы видѣніе кристалла, является надъ главами тѣхъ животныхъ, и *страшною и простертою*, потому что она страшитъ души праведныхъ оттуда, откуда прикрываетъ. Ибо, если бы Онъ (Искупитель) не былъ страшнымъ въ сердцахъ ихъ; то не былъ бы защитникомъ, какъ отъ грѣховъ, такъ и отъ наказаній. Но поелику они всегда помышляютъ о качествѣ страха суднаго; то и сохраняютъ крилья добродѣтелей въ прямотѣ. Поэтому хорошо тотчасъ присовокупляется: *и подъ твердію крила ихъ простерта, парящe другъ ко другу* (ст. 23).

21. Крилья добродѣтелей бываютъ простертыми подъ твердію тогда, когда благо, которое имѣетъ одинъ, употребляетъ для другаго, такъ что, кто получилъ земное богатство, помогаетъ въ недостаткѣ нуждающемуся ближнему; кто исполненъ благодати ученія, тотъ словомъ проповѣди своей разсѣеваетъ мракъ въ невѣжествующемъ ближнемъ; кто облеченъ временною властію, тотъ защищаетъ притѣсненныхъ отъ притѣснителей; кто исполненъ духа пророчества, тотъ, убѣждая къ добру, предотвращаетъ отъ жизни ближняго угрожающія несчастія; кто получилъ благодать врачеванія, тотъ благочестиво и смиренно употребляетъ свое противодѣйствіе на врачеваніе больныхъ; кто, будучи свобо-

денъ отъ земныхъ дѣлъ, рѣшился служить единому Богу, тотъ молится за беззаконнующихъ ближнихъ. И часто бываетъ, что привязанный къ земному богатству не столько бодрствуетъ на молитвѣ, сколько долженъ. А большею частію бываетъ то, что отрѣшившійся отъ всѣхъ тягостей міра употребляетъ все время на молитву ко Господу, но не имѣетъ средствъ къ поддержанію жизни. Но когда богатый доставляетъ пищу и одежду бѣдному, и когда бѣдный употребляетъ молитву свою на спасеніе души богатаго; тогда крилья животныхъ простираются, *паряще другъ ко другу*. Ибо, когда тотъ мнѣ говоритъ слово назиданія, и свѣтомъ истины изгоняетъ изъ сердца моего мракъ невѣденія; и когда я ему,—такъ какъ онъ, быть можетъ, терпитъ притѣсненіе отъ сильнаго міра сего,—даю утѣшеніе моимъ заступничествомъ, и вырываю его изъ рукъ насилующаго: то мы простираемъ крилья свои взаимно другъ къ другу, такъ что мы душевнымъ расположеніемъ и взаимною помощію касаемся другъ друга изъ того блага, которое мы получили. Поэтому хорошо увѣщеваетъ первоверховный Пастырь, говоря: *близокъ конецъ всему. Итакъ поступайте благоразумнѣе, и бодрствуйте въ молитвахъ. Паче же всего усердную любовь имѣйте другъ ко другу; ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ.*

Будьте страннопріимны одинъ для другаго безъ роптанія. Служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ (1 Петр. IV, 7—10). Итакъ, что у Іезикіиля *крило*, то у Апостола Петра называется *полученнымъ даромъ*. И что выражаетъ тотъ словами: *крила ихъ простерта, паряще другъ ко другу*, то Пастырь Церкви выражаетъ такъ: *служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ*. Ибо наши крилья уже не бываютъ простертыми, если онѣ наклоняются къ одной только нашей пользѣ. Но простертыми онѣ бываютъ тогда, когда мы употребляемъ на пользу ближняго то, что имѣемъ. Такъ какъ наши блага не отъ насъ, но мы получили ихъ отъ Того, Кто даровалъ намъ бытіе: то тѣмъ болѣе не должны мы удерживать ихъ частно у себя, чѣмъ яснѣе видимъ, что онѣ даны намъ отъ Виновника нашего на общую пользу. Почему Апостолъ Петръ въ увѣщаніи къ этому дѣлу справедливо присовокупляетъ, говоря: *какъ вѣрные домостроители многоразличной благодати Божіей* (1 Петр. IV, 10). И еще: *говоритъ ли кто, говори по слову Божію; служитъ ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ* (ст. 11). Ясно говорітъ онъ какъ бы такъ: смиренно употребляйте благо для ближнихъ, потому что находящееся у васъ не отъ васъ. Ибо каждое крило до-

бродѣтели, когда простирается дарованіемъ къ ближнему, не будетъ распрямлено, если не будетъ имѣть смиренія.—Далѣе слѣдуетъ: *каждое двумя крилами покрывало тѣло свое, и другое подобно покрывалось* (а).

22. Что чрезъ тѣло дѣйствіе, а чрезъ крилья означаются добродѣтели, объ этомъ сказали мы выше (Бесѣд. IV, пунктъ 2). И когда (Пророкъ) говоритъ: *подъ твердію крила ихъ простерта, паряще другъ ко другу*: то спрашивается, для чего присовокупляется: *каждое двумя крилами покрывало тѣло свое?* Въ этомъ дѣлѣ ясно показывается, что онѣ (животныя) и простирали крилья одинъ къ другому, и однакоже покрывали собственное тѣло двумя крилами. Что это значитъ, если не то, что мы должны употреблять для другихъ полученныя нами дарованія такъ, чтобы не преставать осторожно помышлять о томъ, въ чемъ мы согрѣшили, и свою виновность каждодневно оплакивать со страхомъ и

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *unumquodque duabus alis uelabat corpus suum, et alterum similiter uelabatur*. Въ Славянскомъ переводѣ такъ: *комуждо два спряжена, прикрывающе тѣлеса ихъ*. Мысль почти одна и таже; но на Латинскомъ языкѣ она выражена яснѣе, нежели на Славянскомъ. Поэтому она и переведена съ Латинскаго языка.

раскаяніемъ? Ибо выше мы сказали, что два крила, которыми покрывается тѣло, означаютъ страхъ и покаяніе. Итакъ мы должны возрастать въ любви такъ, чтобы крилья простирать на ближнихъ, и никогда не оставлять помышленія и сокрушенія о самихъ себѣ. Крилья простираются около насъ, и крилья прикрываютъ тѣла, для того, чтобы мы и въ добрыхъ дѣлахъ представляли примѣры, и чтобы страхъ и покаяніе прикрывали предъ судомъ тѣ грѣхи, которые мы содѣлали. Но въ древнемъ переводѣ объ этихъ крильяхъ говорится: *комуждо два спряжена, прикрывающе тѣлеса ихъ* (а). Изъ этихъ словъ видно, что и самыя крилья, которыя соединялись, были направлены одно къ другому, и тѣ, которыя прикрывали тѣла ихъ. Это образно хорошо означаетъ, что добродѣтели, совершаемыя нами по любви къ ближнимъ, и прикрываютъ насъ предъ всемогущимъ Богомъ, и соединяютъ. Когда мы согласно живемъ съ ближними, тогда прикрываемъ грѣхи, содѣянные нами. Итакъ подъ этими двумя крильями могутъ еще быть разумѣваемы двѣ заповѣди о любви, то есть, любовь къ Богу и ближнему. Ибо любя Бога, мы преслѣдуемъ въ самихъ себѣ грѣхи наши, то есть, прикрываемъ тѣло. А любя ближняго, мы спѣшимъ быть полезными ему,

а) Снеси примѣчаніе на 21 пунктъ этойже VII бесѣды.

чѣмъ только можемъ, то есть, простираемъ крилья къ другому.

23. Но присовокупленія: *и другое подобно прикрывалось*, въ древнемъ переводѣ нѣтъ. И можно спросить: почему, послѣ того, какъ сказано: *каждое двумя крилами покрывало тѣло свое*, присовокупляется: *и другое подобно прикрывалось?* Тщательно перечитывая переводы—Семидесяти Толковниковъ, Аквилы, Θеодотіона и Симмаха, мы этихъ словъ въ нихъ не находимъ. Но читая сочиненія блаженнаго Іеронима, узнаемъ, что эту мысль въ Еврейскомъ текстѣ, хотя не буквально, по крайней мѣрѣ по смыслу онъ находилъ. Ибо можно спросить: почему, послѣ изреченія: *каждое покрывало тѣло свое*, тотчасъ присовокупляется: *и другое подобно прикрывалось?* Ибо, если бы сказано было *одно* и *другое*; то образъ рѣчи былъ бы правильный. Но послѣ того, какъ сказано: *каждое*, для чего присовокуплять: *и другое*, тогда какъ въ словѣ—*каждое* заключаются всѣ? Но если мы различаемъ жизнь совершенныхъ отъ заслугъ начинающихъ усовершаться: то видимъ, что и слова—*каждое* и *другое*—употреблены не безъ основанія. Тѣ, которые и свои грѣхи оплакиваютъ, и крилья добродѣтелей простираютъ на ближнихъ для примѣра, безъ сомнѣнія (люди) совершенные. Но есть много дѣтей,

которыя взираютъ на слезы ихъ и подражаютъ имъ. И тѣ, которые могли бы оставаться нагими въ своихъ грѣхахъ, разсуждаютъ о бдительныхъ надъ собою мужахъ, возбуждаются къ плачу, и воспламеняются къ покаянію. Но такъ какъ они видятъ, что святые прикрываютъ тѣла свои, то и сами прикрываются крильями слезъ своихъ. Ибо они сами себя поносятъ жестокими укоризнами за то, почему они не оплакиваютъ грѣховъ своихъ, не имѣя добродѣтелей, тогда какъ не престаютъ плакать даже тѣ, которые уже простираютъ крилья добродѣтелей въ примѣръ для ближнихъ.

24. Поэтому необходимо намъ, еще младенчествующимъ, всегда имѣть въ виду нашей души и добродѣтели, и слезы совершенныхъ. Будемъ подражать тому, что видимъ въ нихъ, для того, чтобы, начавъ постепенное возрастаніе, достигнуть возможности прикрыть отъ онаго праведнаго испытанія то зло, которое мы учинили. Ибо въ непрестаемыхъ слезахъ, въ ежедневномъ нашемъ покаяніи, мы имѣемъ на небесахъ Священника, Который ходатайствуетъ за насъ. Объ этомъ Іоаннъ говоритъ: *аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа, Праведника* (1 Іоан. II, 1). Вотъ нашъ духъ ободряется, когда мы слышимъ о могуществѣ нашего Ходатая. Но ободреніе наше опять

тревожится отъ страха; потому что Тотъ, Кто Ходатай нашъ, называется праведнымъ. Ибо мы имѣемъ неправды; а праведный Ходатай отнюдь не принимаетъ на Себя ходатайства по дѣламъ неправеднымъ, и не соглашается даже говорить въ пользу неправды. Итакъ что намъ дѣлать, возлюбленнѣйшіе мои братіе? Но вотъ вдругъ пришло мнѣ на мысль, что намъ дѣлать. Осудить тѣ грѣхи, которые учинены нами, и которые желаемъ продолжать. Написано: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Прит. Сол. XVIII, 17). Ибо каждый обратившійся грѣшникъ начинаетъ быть праведникомъ въ слезахъ, когда началъ обвинять то, что онъ сдѣлалъ. Ибо почему не долженъ быть праведникомъ тотъ, кто уже въ слезахъ крѣпко вооружается противъ своей неправды? Итакъ праведный нашъ Ходатай будетъ защищать насъ, какъ праведныхъ, на судѣ; потому что мы и признаемъ, и осуждаемъ самихъ себя, какъ неправедныхъ. Итакъ мы должны надѣяться, не на слезы, не на дѣла свои, но на заступничество нашего Ходатая, Который живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь,

---

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Изъясняются стихи—отъ 24-го первой главы до начала второй главы,—и представляется разсужденіе для многихъ, о Божествѣ Христовомъ, о воплощеніи Слова, о проповѣданіи, о составленіи Церкви, распространеніи ея, и единствѣ.

Что чрезъ примѣры праведныхъ многіе начинаютъ усовершенствоваться, объ этомъ сказано въ концѣ предыдущей бесѣды. Но это же самое Пророкъ яснѣе открываетъ намъ, когда къ тому, что онъ сказалъ, еще присовокупляетъ: *и слышахъ гласъ крилъ ихъ, внегда паряху, яко гласъ водъ многихъ* (I, 24).

1. Въ Св. Писаніи водами обыкновенно означаются народы. Поэтому чрезъ Іоанна говорится: *воды людіе и народи суть* (Апок. XVII, 15). Но народъ означается водами потому, что и въ жизни имѣетъ гласъ отъ возмущенія плоти, и ежедневно течетъ по направленію смертности. Крилья же животныхъ, какъ мы уже часто говорили, суть добродѣтели Святыхъ. Итакъ что значитъ, что Пророкъ *слышитъ гласъ крилъ, яко гласъ водъ многихъ*, если не то, что по благодати всемогущаго Бога, тѣ крилья добродѣтелей, которыя прежде издавали звукъ въ немногихъ Святыхъ, нынѣ, по распространеніи про-

повѣди, отзываются въ жизни многихъ народовъ? Ибо по воплощеніи, страданіи и воскресеніи Господа, не много было пернатыхъ животныхъ; потому что очень рѣдки были тѣ, которые желали бы небеснаго, и на крильяхъ добродѣтелей парили бы въ горняя. Но послѣ того, какъ распространилась въ мірѣ проповѣдь о Божествѣ Его, кто можетъ удовлетворительно высказать и оцѣнить, сколько уже младенцевъ, сколько зрѣлыхъ возрастомъ, сколько бодрыхъ юношей, сколько слабыхъ, сколько обратившихся грѣшницъ, сколько старицъ — дѣвственницъ, чрезъ вѣру, надежду и любовь стремятся къ небесному? Вотъ *гласъ крилъ*, прежде бывшій въ немногихъ животныхъ, нынѣ отзывается уже въ народахъ; нынѣ крилья добродѣтелей возвышаютъ уже сонмы міра къ желанію небеснаго. Итакъ хорошо говорится: *и слышахъ гласъ крилъ, яко гласъ водъ многихъ*; потому что, какъ сказали мы выше, тотъ гласъ добродѣтелей, который прежде доходилъ до слуха Божія отъ не многихъ Святыхъ, послѣ сталъ слышимъ *отъ водъ многихъ*, то есть, отъ безчисленныхъ народовъ. Объ этомъ гласѣ и еще хорошо присовокупляется: *яко гласъ Бога Саддаі* (вышняго Бога).

2. Что значитъ, что *гласъ крилъ* у святыхъ животныхъ называется какъ бы *гласомъ Бога Саддаі*

(вышняго), если не то, что всемогущій Богъ Самъ и наполняетъ сердца Святыхъ желаніемъ небеснаго, Самъ и выслушиваетъ наполненныя? Ибо Самъ Онъ и производитъ любовь въ сердцахъ Святыхъ, Самъ и пріемлетъ молитву отъ любящихъ сердецъ. Петръ горько плакалъ о своемъ отреченіи, но впереди сказано, что Господь, обратясь, взглянулъ на Петра (Лук. XXII, 61 62). Марія Магдалина, по содѣяніи многихъ грѣховъ, со слезами приходитъ къ ногамъ Искупителя нашего (Лук. VII, 38); но кто настроилъ внутреннее ея расположеніе, если не Тотъ, Кто благосклонно принялъ совнѣ? Кто располагалъ ее къ слезамъ духомъ сокрушенія, если не Тотъ, Кто совнѣ принималъ ее для прощенія при возлежащихъ съ Нимъ? Итакъ Искупитель нашъ привлекалъ сердце грѣшной женщины, когда располагалъ ее къ сокрушенію о виновности, и принималъ ее, чтобъ освободить отъ виновности. Слѣдовательно, тотъ гласъ крилъ хорошо называется какъ бы гласомъ Бога вышняго; потому что совершаемое въ сердцахъ святыхъ есть дѣло благодати Того, Кто награждаетъ заслуги.

3. Онъ справедливо чрезъ Пророка называется *Богомъ вышнимъ*. Ибо въ Св. Писаніи иногда Богъ называется *наименовательно* (nuncupatiue), иногда *существенно* (essentialiter). *Наименователь-*

но Онъ называется, когда написано: *се дахъ тя Бога Фараону* (Исх. VII, 1). И какъ Моисей говоритъ: *Боговъ да не злословиши* (Исх. XXII, 28), т. е. Священниковъ. И Псалмопѣвецъ говоритъ: *Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ* (Псал. LXXXI, 1). А *существенно* называется Богомъ, когда Самъ Онъ говоритъ у Моисея: *Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковлѣ* (Исх. III, 6). Поэтому Апостолъ Павелъ, желая различить *наименовательное* имя Божіе отъ *существеннаго*, объ Искупителѣ нашемъ сказалъ, говоря: *ихже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5). Ибо кто называется Богомъ *наименовательно*, тотъ *среди всѣхъ*; а кто *существенно*, тотъ *надъ всѣми*. Итакъ, чтобы показать Христа по естеству Богомъ, сказалъ, что Онъ не только Богъ, но и Богъ *надъ всѣми*; потому что и каждый избранный, какъ замѣтили мы выше, или постановленный для показанія примѣра правды, можетъ быть наименованъ богомъ, но *среди всѣхъ*, потому что онъ Богъ *наименовательно*; но Христосъ есть Богъ *надъ всѣми*, потому что Онъ Богъ по естеству. Итакъ, Кого Павелъ называетъ Богомъ *надъ всѣми*, Того Пророкъ Іезикіиль называетъ Богомъ *вышнимъ* (*Саддаі*). Но поелику пос-

лѣ того, какъ сказано: *и слышахъ гласъ крилъ ихъ, яко гласъ водъ многихъ,* еще присовокупляется: *яко гласъ Бога вышняго:* то мы еще можемъ разумѣть то, что знаемъ о будущемъ для всѣхъ избранныхъ. Ибо гласъ крилъ, какъ сказали мы, былъ въ Проповѣдникахъ святыхъ; гласъ водъ — въ обращенныхъ и послѣдующихъ народахъ. Но тотъ же самый гласъ будетъ нѣкогда гласомъ Бога вышняго; потому что множество, которое нынѣ привлекается къ вѣрѣ святыми учителями, нѣкогда соберется въ небесное отечество, чтобы тамъ безконечно славословить, когда непрерывно будутъ видѣть Того, Кого должны славословить. И поелику тогда совершенно тѣломъ Искупителя содѣлывается все множество святыхъ, по слову Павла, который говоритъ: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII, 21); и съ Нимъ тогда соединится такъ, что имъ въ святой любви ихъ ничто не будетъ противорѣчить отъ тлѣнія, которое уничтожается воскресеніемъ, но (все множество) будетъ едино въ славѣ своего Искупителя; то справедливо говорится: *яко гласъ Бога вышняго.*

4. Замѣчателенъ порядокъ описывающаго; потому что прежде говорится о звукѣ отъ крилъ животныхъ, потомъ о звукѣ, какъ бы водъ многихъ,

и наконецъ о звукѣ, какъ бы Бога вышняго. Ибо что прежде святые проповѣдали, тому послѣ увѣровали, и то удержали обращенные къ вѣрѣ народы, которые наконецъ, возвысившись къ небесному, воздадутъ хвалу и Освободителю всѣхъ. Итакъ гласъ животныхъ дѣлается какъ бы гласомъ водъ, а гласъ водъ дѣлается какъ бы гласомъ Бога вышняго; потому что хвалу всемогущему Богу, которую прежде воздавали немногіе въ мірѣ, послѣ воздали многіе. И ту, которую нынѣ воспѣваютъ многіе, когда еще поврежденіе ихъ противорѣчитъ имъ въ нихъ самихъ, будутъ воспѣвать въ небесномъ отечествѣ всѣ избранные, соединившись уже съ главою своею.—Но дѣла и добродѣтели святыхъ животныхъ еще описываются, когда присовокупляется: *внегда ходити имъ, гласъ слова яко гласъ полка* (а).

5. Если гласомъ Бога вышняго означается хвала нашему Создателю въ небесномъ отечествѣ; то не удивительно, что слово пророческое возвращается назадъ, опять къ дѣламъ святыхъ, живущихъ еще въ этой жизни; потому что Духъ Святый не совокупно высказываетъ внѣшнимъ образомъ чрезъ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *cum ambularent, quasi sonus erat multitudinis, ut sonitus castrorum* т. е. *когда они ходили, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей.*

языкъ то, что совокупно показываетъ внутри, въ сердцахъ пророческихъ. Вода вѣдѣнія, которою наполняется духъ пророчествующаго, въ созерцаніи чрезвычайно обильна. Но поелику тѣсны для духа всякія уста человѣческія, то есть, отверстіе плоти; то языкъ, при высказываніи къ исполненію оной неизмѣримости, которая бываетъ видима, разнообразится. Итакъ Пророкъ, послѣ того какъ узрѣлъ, что на небесахъ гласъ крилъ, какъ гласъ Бога вышняго, опять возвращается на землю, и говоритъ, что дѣлаютъ здѣсь пернатыя животныя для того, чтобы тамъ на небѣ имѣть заслуги, говоря: *когда ходили онѣ, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей.* Когда святые проповѣдники обходятъ міръ съ проповѣдію и убѣжденіемъ, тогда животныя ходятъ. А поелику и тѣ даже, которыхъ они собираютъ, тотчасъ, какъ только увѣруютъ, востаютъ на прославленіе нашего Создателя; то происходитъ звукъ, какъ бы звукъ множества. Поелику же они по тойже самой проповѣди предпринимаютъ войну противъ властей воздушныхъ; то справедливо присовокупляется: *какъ шумъ лагерей.* Ибо, когда вѣрные народы соединяются съ святыми Проповѣдниками; тогда содѣлываются лагерными ополченіями въ готовности къ сраженію за вѣру противъ злыхъ духовъ. А такъ какъ всѣ

вѣрующіе ежедневно пламенѣютъ желаніями небесными, презираютъ земное, рѣшаются на трудные для нихъ подвиги по любви къ горнему отечеству; то дѣлаются лагерями противъ властей воздушныхъ, потому что, вооруженные вѣрою и укрѣпленные добрыми дѣлами, они готовы къ походу. Ибо, какъ бы нѣкоторымъ лагерямъ духовнаго воинства, чрезъ Павла говорится: *облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ; яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 11. 12).

6. Итакъ множества святыхъ суть лагери, которые предприняли войну противъ властей воздушныхъ. Поэтому и святая вселенская Церковь такъ описывается подъ видомъ невѣсты, что говорится: *добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко Іерусалимъ, ужасъ яко вчинены* (ополчены) (Пѣсн. пѣсн. VI, 3) (а). Такъ какъ Іерусалимъ

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *pulchra es, amica mea, suauis et decora sicut Ierusalem, terribilis ut castrorum acies ordinata*; т. е. *красива ты, другиня моя, пріятна и красна какъ Іерусалимъ, страшна какъ построенные въ боевой строй лагери*. Дальнѣйшее объясненіе Святителя приспособлено къ этой мысли Латинскаго текста.

значитъ *видѣніе мира*, коего именемъ выражается небесное отечество; то святая Церковь называется пріятною и красною какъ Іерусалимъ, потому что ся жизнь и стремленіе уже сравнивается съ видѣніемъ внутренняго мира, чтобы въ томъ, что она любитъ своего Виновника, что желаетъ видѣть лице Его, о чемъ написано: *въ няже желаютъ Ангели приникнути* (1 Петр. I, 12), но самымъ уже желаніямъ любви своей называлась подобною Ангеламъ. Чѣмъ болѣе дѣлается она возлюбленною Богу, тѣмъ усиленнѣе дѣйствуетъ, чтобы быть страшною для злыхъ духовъ. А какъ она должна быть страшна, это показывается присовокупленнымъ сравненіемъ т. е. *какъ построенные въ боевой строй лагери*. Что это значитъ, что святая Церковь должна быть страшна для враговъ своихъ, *какъ построенные въ боевой строй лагери?* Ибо это сравненіе имѣетъ глубокій смыслъ, и потому тонко надобно разумѣвать его. Ибо мы знаемъ, и каждому извѣстно, что боевой строй лагерей тогда является страшнымъ для враговъ, когда бываетъ такъ сжатъ и плотенъ, что ни въ одномъ мѣстѣ не кажется прерваннымъ. Ибо, если онъ устрояется такъ, что оставляется пустопорожнее мѣсто, чрезъ которое можетъ войти въ него непріятель; то онъ уже рѣшительно не страшенъ для враговъ его. Слѣдовательно и мы,

когда установляемъ боевой порядокъ сраженія духовнаго противъ злыхъ духовъ, имѣемъ крайнюю необходимость всегда быть соединенными и крѣпко связанными любовію, и никогда не быть разъединенными разногласіемъ; потому что, какія бы ни были въ насъ добрыя дѣла, при неимѣніи любви, зломъ разногласія открывается въ строю мѣсто, чрезъ которое можетъ войти врагъ для пораженія насъ.

7. Но древній врагъ не страшится въ насъ чистоты, если она будетъ безъ любви; потому что самъ не тяготится плотію, чтобы растаевать въ похоти ея. Не страшится воздержанія; потому что самъ не употребляетъ пищи, не будучи къ тому понуждаемъ необходимостію тѣла. Не страшится раздаянія земныхъ вещей, если при этомъ самомъ дѣлѣ не достаетъ любви; потому что самъ не имѣетъ нужды въ пособіяхъ отъ богатства. Но чрезвычайно страшится истинной любви въ насъ, т. е. любви смиренной, которую мы взаимно выражаемъ другъ къ другу, и крайне ненавидитъ наше согласіе; потому что мы удерживаемъ оное на землѣ, тогда какъ самъ онъ, не желая удержать, потерялъ на небѣ. Итакъ хорошо говорится: *страшна какъ построенные въ боевой строй лагери* (Пѣсн. пѣсн. VI, 3); потому что злые духи страшатся множе-

ства избранныхъ отъ того, что видятъ ихъ соединенныхъ противъ нихъ согласіемъ любви, и собранныхъ во едино.

8. Какова же должна быть добродѣтель согласія, это открывается изъ того, когда доказывается, что безъ нея прочія добродѣтели не добродѣтели. Ибо велика добродѣтель воздержанія: но если кто воздерживается отъ яствъ такъ, что другихъ осуждаетъ за пищу, и осуждаетъ ту самую пищу, которую Богъ сотворилъ для вѣрующихъ съ благодареніемъ (Рим. XIV, 3. 6); то чѣмъ стала для него добродѣтель воздержанія, если не петлею грѣха? Поэтому и Псалмопѣвецъ, означая, что нѣтъ воздержанія безъ согласія, говоритъ: *хвалите Его въ тимпанѣ и лицѣ* (Псал. CL, 4). Ибо въ *тимпанѣ* издаетъ звукъ сухая кожа, но *въ лицѣ* согласно поютъ голоса. Что же означается тимпаномъ, если не воздержаніе, и что ликомъ, если не согласіе любви? Итакъ воздержный безъ имѣнія согласія, хотя и хвалитъ (Господа) *въ тимпанѣ*, но не хвалитъ *въ ликѣ*. И есть нѣкоторые, которые, желая умствовать болѣе необходимаго, оставляютъ миръ съ ближними, презираютъ ихъ, какъ людей тупыхъ и глупыхъ. Поэтому Истина лично увѣщеваетъ, говоря, *имѣйте соль въ себѣ, миръ имѣйте между собою* (Марк. IX, 50), чтобы тотъ, кто старается имѣть соль премудрости, по

необходимости старался о томъ, чтобы никогда и ни какимъ образомъ не отпадать отъ мира и согласія. Что сказали мы объ этихъ двухъ добродѣтеляхъ, тоже должно разумѣть и о всѣхъ прочихъ. Поэтому Павелъ сильно увѣщеваетъ, говоря: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14).

9. А что безъ согласія ничто не благоугодно Богу, объ этомъ лично говоритъ Истина: *аще принесеши даръ твой къ олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мат. V, 23. 24). Вотъ отъ немирныхъ (Господь) не хочетъ принимать жертвы, отказываетъ въ принятіи всесожженія. Итакъ поэтому судите, сколь велико зло въ несогласіи; изъ за него отвергается даже то, чѣмъ уменьшается виновность. Но поелику избранные всегда соединены въ любви, и эта самая любовь ихъ воздаетъ гласъ хвалы Виновнику, а на злыхъ духовъ, т. е. на древнихъ своихъ враговъ, наводитъ страхъ наказанія: то теперь о пернатыхъ животныхъ правильно говорится: *когда ходили онѣ, тогда былъ звукъ какъ бы множества, какъ шумъ лагерей.*

10. Но можно окомъ вѣры обозрѣть святую

Церковь съ самаго начала ея до конца міра, и видѣть, какое движеніе имѣютъ эти самые лагери. Ибо лагерями называются множества войскъ, когда онѣ въ готовности къ сраженію дѣлаютъ походъ, или на пути останавливаются въ извѣстномъ какомъ либо мѣстѣ. Итакъ путь для лагерей есть жизнь настоящаго вѣка для всѣхъ святыхъ, согласно живущихъ. Но иные лагери проповѣдниковъ, которые туда и сюда шествуютъ съ готовностію на святое дѣло пріобрѣтенія душъ. Другіе лагери постниковъ, и отшельниковъ отъ міра сего, которые ежедневно бываютъ готовы на брань противъ злыхъ духовъ. Другіе лагери добрыхъ супруговъ, которые, живя согласно въ любви ко всемогущему Богу, взаимно удовлетворяютъ требованію плоти такъ, что отнюдь не забываютъ о добрыхъ дѣлахъ въ отношеніи къ Богу. А если въ чемъ либо согрѣшаютъ, какъ люди, то непрестанно искупляютъ (грѣхи) благочестивыми дѣлами. Итакъ, поелику различныя состоянія вѣрующихъ, согласно живущихъ отъ начала святой Церкви даже до конца міра, сражаются противъ властей воздушныхъ: то лагери ходятъ, и бываетъ шумъ нѣкій какъ бы шумъ лагерей; потому что въ нихъ звучатъ мечи добродѣтелей и оружія чудесъ для славы всемогущаго Бога.—Но о святыхъ животныхъ

еще присовокупляется: *внегда стояти имъ, почиваху крила ихъ.*

11. Стоятъ святыя животныя, когда съ напряженнымъ вниманіемъ обсуживаютъ Божественное. Но крилья ихъ *почиваютъ*, потому что, когда онѣ взираютъ на высокіе суды Божественные, тогда ничтожными представляются ихъ добродѣтели. Это ясно открывается, когда тотчасъ присовокупляется: *и се гласъ превыше тверди сущія надъ главою ихъ, внегда стояти имъ, низпускахуся крила ихъ* (гл. I, ст. 25) (а).

12. Вышнюю твердь мы разсудили объяснить двоякимъ разумѣніемъ. Ибо, какъ сказано (Бесѣд. I. ч. 18..19), подъ именемъ тверди могутъ быть разумѣваемы небесныя власти. И подъ именемъ же тверди можетъ быть разумѣваемъ воплощенный Единородный, потому что въ Немъ естество наше утвердилось для вѣчности. Поэтому мы прежде скажемъ, что чувствуемъ, объ Ангелахъ, а потомъ о Господѣ Ангеловъ. Ибо вотъ говорится: *когда былъ*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *nam cum fieret vox super firmamentum, quod erat super caput eorum, stabant et submittebant alas suas*. т. е. *Ибо, когда былъ голосъ надъ твердію, которая была надъ главою ихъ, тогда онѣ стояли и опускали крилья свои.* Эту самую мысль Святитель объясняетъ далѣе.

голосъ надъ твердію, которая была надъ главою ихъ, тогда онъ стояли и опускали крилья свои. Въ этомъ мѣстѣ напередъ надобно знать, что *опустить* значитъ, не съ низу вверхъ простерть, но сверху внизъ положить; потому впереди сказано: *когда стояли, опускали крилья свои.* Итакъ намъ должно отыскать, что за голосъ надъ твердію. Но этотъ самый голосъ мы лучше уразумѣемъ, если, восходя снизу вверхъ, будемъ итти, какъ бы шагъ за шагомъ. Какъ тѣлесный слухъ возбуждается голосомъ, такъ смыслъ ума возбуждается разумѣніемъ, которое производится внутри. Итакъ голосъ въ умѣ есть какъ бы нѣкій звукъ разумѣнія. Но надобно знать, что на наши чувства дѣйствуетъ иногда голосъ плоти, иногда голосъ души, иногда голосъ тверди, иногда голосъ, который превыше тверди.

13. Ибо представимъ себѣ, что кто либо, оскорбленный отъ ближняго, замышляетъ по человѣческому разуму взаимно воздать оскорбленіемъ, воздать зломъ за зло. Это говоритъ ему въ умѣ голосъ плоти; потому что, когда Божественныя заповѣди повелѣваютъ намъ благотворить тѣмъ, которые ненавидятъ насъ (Мат. V, 44), то замышляющій дѣлать зло ненавидящимъ его слышитъ въ душѣ голосъ плоти. Мы ежедневно дѣлаемъ много земнаго, и послѣ этого возвращаемся къ молитвѣ.

Душа воспламеняется къ сокрушенію сердечному, но въ умѣ представляются образы тѣхъ дѣлъ, которыя мы содѣлали, и на молитвѣ препятствуютъ напряженію сердечнаго сокрушенія; и что мы свободно дѣлали внѣ, то невольно терпимъ внутри, такъ что нѣкоторыя фантазіи помысловъ разсѣеваютъ умъ по тѣлеснымъ образамъ, дабы онъ не имѣлъ полной самособранности на молитвѣ. И это есть голосъ плоти.

14. Но когда мы и это препобѣждаемъ, и устраняемъ отъ умственныхъ очей всѣ тѣлесные образы; тогда, обсуживая въ самихъ себѣ самое естество души, какова должна быть та, которая можетъ оживотворять плоть, но не можетъ удерживать саму себя въ добрыхъ помышленіяхъ, какъ бы ей хотѣлось, находимъ нѣкоторый разумный духъ, живущій могуществомъ Создателя, оживляющій поддерживаемое имъ тѣло, однако же подверженный забвенію, измѣняемый, котораго часто страхъ поражаетъ, а радость воскриляетъ. Итакъ самый разумъ души есть голосъ ея, потому что звучитъ тѣмъ, что есть; и этотъ голосъ еще подъ твердію.

15. Но превышая душу, мы желаемъ гласа отъ тверди, когда находимъ, каково должно быть то безчисленное множество святыхъ Ангеловъ, которое предстоитъ предъ лицемъ всемогущаго Бога;

какое должно быть у нихъ торжество безконечное отъ видѣнія Господа; какая полная радость, какой жаръ любви, не мучительный, но сладостный; какое должно быть въ нихъ желаніе видѣнія Бога съ удовлетвореніемъ, и какое удовлетвореніе съ желаніемъ. Въ этомъ дѣлѣ ни желаніе не бываетъ мучительно, ни удовлетвореніе ему не производитъ отвращенія. Какимъ образомъ они, соединяясь съ блаженствомъ, должны быть блаженны, какъ должны быть вѣчны отъ всегдашняго созерцанія вѣчности, какъ должны дѣлаться свѣтомъ, соединившись съ истиннымъ свѣтомъ, какъ должны перемѣнить измѣняемость на неизмѣняемость, всегда взирая на неизмѣняемость. Но когда мы это думаемъ объ Ангелахъ, то это еще голосъ *отъ тверди*, а не *надъ твердію*.

16. Итакъ пусть духъ сдѣлаетъ еще шагъ вверхъ, и возвысится надъ всемъ сотвореннымъ. Пусть во единомъ свѣтѣ Создателя своего устремитъ очи вѣры на то, что единый Богъ оживотворяетъ все, сотворенное Имъ; что Онъ повсюду есть, и повсюду цѣлый; что Онъ можетъ быть чувствуемъ неописаннымъ и непостижимымъ, и не можетъ быть видимъ; что Онъ вездѣ, и однако же отъ помысловъ нечестивыхъ далече; что Онъ и тамъ, гдѣ далече, потому что гдѣ нѣтъ Его съ благоволеніемъ,

тамъ Онъ присущъ отмщеніемъ; что ко всему Онъ прикосновененъ, однакоже не всего касается равномѣрно. Ибо нѣкоторыхъ вещей Онъ касается такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, но не такъ, чтобъ онѣ жили и чувствовали, каковы, на примѣръ, всѣ вещи бесчувственныя. Нѣкоторыхъ существъ касается такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, жили и чувствовали, но не умствовали, какъ, на примѣръ, безсловесныхъ животныхъ. Нѣкоторыхъ существъ касается такъ, чтобъ онѣ имѣли бытіе, жили, чувствовали и разсуждали, какъ, на примѣръ, естества человѣческаго и Ангельскаго. И хотя Онъ никогда не бываетъ неравнымъ Самому Себѣ, однако же не равнаго касается неравно. Что Онъ вездѣ присущъ, и едва можетъ быть обрѣтаемъ; что мы послѣдуемъ стоящему, и не можемъ схватить Его. Итакъ представимъ предъ взоръ ума, каково должно быть то естество, которое все содержитъ, все наполняетъ, все объемлетъ, надъ всемъ возвышается, все поддерживаетъ. Не отчасти иное поддерживаетъ, а надъ инымъ возвышается; и не отчасти иное наполняетъ, а иное объемлетъ: но объемля наполняетъ, наполняя объемлетъ, поддерживая возвышается, возвышаясь поддерживаетъ. Когда духъ, слегка коснувшійся могущества этого естества, углубляется въ него чрезъ размышленіе; тогда бываетъ гласъ *надъ*

твердїю, потому что сообщаетъ понятїе о Томъ, Кто по своей непостижимости превышаетъ даже Ангельское разумѣнїе.

17. Итакъ, когда бываетъ гласъ *надъ твердїю*, тогда животныя стоятъ и опускаютъ крилья свои; потому что, когда умы святыхъ съ напряженнымъ вниманїемъ созерцая разсуждаютъ о могуществѣ Создателя своего, тогда для духа ихъ кажутся ничтожными тѣ добродѣтели, которыя они имѣютъ, и они тѣмъ болѣе дѣлаются смиренными предъ самими собою, чѣмъ выше то, что звучитъ надъ Ангелами. Ибо можетъ быть, есть учители; но когда они начнутъ безмолвно размышлять, какова должна быть неизреченная премудрость Божїя, которая безъ шума учитъ умы человѣческїе; и какъ эта же самая премудрость дѣлаетъ тщетнымъ трудъ проповѣдующихъ, если не сама она располагаетъ умы слушающихъ: тогда ихъ ученїе тотчасъ представляется имъ ничтожнымъ; потому что *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. III, 7). Быть можетъ, есть Пророки; но когда они въ безмолвїи разсуждаютъ, что окомъ своего пророчества не могутъ вмѣстѣ проникнуть во всѣ тайны Божества, потому что, какъ говоритъ Апостолъ: *мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ* (1 Кор. XIII, 9): тогда въ этой неизмѣримости

таинъ видятъ, что мало все то, что они видятъ, и изъ самой неизмѣримой высоты свѣта заключаютъ, что ничтожно то, что они напряженнымъ окомъ, какъ бы чрезъ скважины, видѣли. Итакъ они опускаютъ крилья свои, когда бываетъ слышимъ гласъ *надъ твердію*, т. е. смиряются въ томъ, что разумѣваютъ, усматривая вышнее, котораго они разумѣть не могутъ.

18. Часто также въ помыслахъ святыхъ обольщаютъ тѣ самыя добродѣтели, которыя они имѣютъ, такъ что души ихъ возвышаются въ нѣкоторой самонадѣянности: но они тотчасъ прибѣгаютъ къ сокровеннымъ судьбамъ Божіимъ, какъ иные по гордости изъ добродѣтелей падаютъ въ бездну, а другіе по смиренію, исправившись отъ пороковъ, возвышаются къ небу. Поэтому Пророкъ, призывая насъ къ смиренію, устрашаетъ и увѣщеваетъ, говоря: *пріидите и видите дѣла Божія, коль страшенъ въ совѣтѣхъ паче сыновъ человѣческихъ* (Псал. LXV, 5). Ибо кто можетъ достодолжнымъ образомъ обсудить, какой надъ нами долженъ быть страхъ судебъ Божіихъ, когда одинъ изъ добродѣтелей наконецъ устремляется къ порокамъ, а другой изъ пороковъ заключаетъ конецъ добродѣтелями? Потому что, по слову Соломона: есть *праведніи и мудріи, и дѣланія ихъ въ руцѣ Божіей, любве же и не-*

нависти нѣсть вѣдяй человѣкъ: вся предъ лицемъ ихъ, суета во всѣхъ (Екклес. IX, 1) (а), и: *есть путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приходятъ во дно ада* (Притч. Сол. XIV, 12). Итакъ размышлять объ этой глубинѣ сокровеннаго суда что другое значитъ, если не *опускать крилья,* т. е. не надѣяться уже ни на какую добродѣтель, но трепетать отъ великаго страха? Ибо, станутъ ли разсуждать о естествѣ всемогущаго Бога, или обсуживать судьбы Его, всѣ трепещутъ и ужасаются. Итакъ для нихъ значитъ, какъ бы опустить крилья, смирить добродѣтели, которыя имѣютъ.

19. Такъ Авраамъ опустилъ крилья, когда въ бесѣдѣ съ Богомъ началъ называть себя землею и пепломъ, говоря: *нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему: азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Такъ опустилъ крилья Моисей, который, бывъ наученъ всей Египетской мудрости (Дѣян.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *sunt justi atque sapientes, et opera eorum in manu* Dei. N*ec tamen scit homo, utrum amore uel odio dignus sit, sed omnia in futuro seruantur incerta.* Т. е. *есть праведные и мудрые, и дѣла ихъ въ рукѣ Божіей. Впрочемъ не знаетъ человѣкъ, любви ли онъ достоинъ, или ненависти, но все хранится въ будущемъ подъ неизвѣстностію.*

VII, 22), по выслушаніи словъ Господнихъ, тотчасъ укоряетъ себя, что онъ не имѣетъ словъ, говоря: *молюся ти, Господи: не доброрѣчивъ есмь прежде вчерашняго и третіяго дне, ниже отнелѣже началъ еси глаголати рабу твоему: худогласенъ и косноязыченъ азъ есмь* (Исх. IV, 10). Ясно онъ говоритъ какъ бы такъ: послѣ того, какъ я слышу отъ Тебя слова жизни, признаю себя сконфуженнымъ въ прежнихъ словахъ. Такъ Исаія, котораго жизнь благоугодна была Господу для проповѣди, когда, созерцая Тогоже Самаго Господа, прикоснувшись устами къ углю отъ олтаря, говоритъ: *о, окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей, нечистыя устнѣ имущихъ, азъ живу* (Ис. VI, 3). Вотъ возвышенный къ горнему не нравится самому себѣ по скверннотѣ устъ. Ибо, если бы онъ не видѣлъ высокой чистоты небесной, то не находилъ бы, за что осуждать себя. Такъ Іеремія при глаголаніи Господнемъ взываетъ: *о сый Владыко Господи, се не вѣмъ глаголати, яко отрокъ азъ есмь* (Іерем. I, 6). Ибо послѣ тѣхъ словъ, которыя услышалъ, онъ сознается, что не имѣетъ словъ. Такъ Даніилъ, послѣ видѣнія небеснаго, занемогъ и сдѣлался больнымъ (Дан. VIII, 27); потому что тѣ, которые сильны въ подвигахъ, когда усматриваютъ

превыспреннее Божіе, дѣлаются слабыми и безсильными по собственной оцѣнкѣ самихъ себя. Такъ блаженный Іовъ, о которомъ Господь друзьямъ его сказалъ: *не глаголасте предо Мною ничтоже истинно, якоже рабъ Мой Іовъ* (Іов. XLII, 7), когда выслушалъ слова бесѣдовавшаго съ нимъ Бога, тогда отвѣтствовалъ, говоря: *кто возвѣститъ ми, ихже не вѣдѣхъ, велія и дивная, ихже не знахъ* (Тамъ же, ст. 3); и нѣсколько послѣ: *тѣмже укорихъ себе самъ, и истаяхъ: и мню себе землю и пепелъ* (Тамъже, ст. 6). Ибо тотъ, кто столь мудро говорилъ къ людямъ, слушая говорящаго къ нему Бога, укоряетъ себя за то, что онъ говорилъ неразумно, потому что въ созерцаніи истинной премудрости его премудрость оказалась для него ничтожною. Итакъ предъ голосомъ нисходящимъ свыше животныя опускаютъ крилья; потому что, будемъ ли мы обсуждать могущество Божіе въ природѣ его, или вздумаемъ отыскивать его въ сокровенныхъ судьбахъ, наши добрыя дѣла, если мы думаемъ имѣть въ себѣ какія либо изъ нихъ, представляются ничтожными противъ того, что есть горѣ непостижимаго для насъ. И мы, которые думали возноситься, какимъ бы то ни было, вѣдѣніемъ, разсуждая о невидимомъ надъ нами естествѣ, и о непостижимыхъ судьбахъ его, смиренно становим-

ся безмолвными, опустивъ крилья. Далѣе слѣдуетъ: *и надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камене сапфіра, подобіе престола на немъ, и на подобіи престола подобіе якоже видъ человѣчь верху* (Іезик. I, 26).

20. Что означается престоломъ, если не тѣ силы Ангельскія, которыя по достоинству высшаго мѣста превышаютъ даже самыхъ Ангеловъ? Такъ какъ Ангелы называются вѣстниками, и часто Ангелы посылаются для возвѣщенія чего либо людямъ: то престолы никогда не посылаются на служеніе вѣстника, потому что на нихъ въ превыспренней высотѣ почиваетъ Создатель всяческихъ. Поэтому Апостолъ Павелъ, описывая чины небесныхъ воинствъ, которые онъ видѣлъ во время восхищенія до третьяго неба, говоритъ: *аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Колос. I, 16). Итакъ о престолахъ онъ сказалъ прежде тѣхъ чиновъ Ангельскихъ, надъ которыми видѣлъ тѣхъ превознесенными. Но хорошо престолъ сравнивается съ камнемъ сапфиромъ, потому что камень сапфиръ имѣетъ цвѣтъ воздушный. Итакъ силы небесныя означаются камнемъ сапфиромъ; потому что эти духи, на которыхъ превыше почиваетъ всемогущій Богъ, имѣютъ достоинство высшаго мѣста на небесахъ.

*

Но надъ престоломъ подобіе человѣка; потому что слава нашего Искупителя стоитъ выше даже тѣхъ силъ, которыя превосходятъ и самыхъ Ангеловъ. Итакъ надобно замѣтить, какой соблюдается порядокъ. Ибо надъ животными твердь, надъ твердію престолъ, на престолѣ описывается человѣкъ; потому что выше даже святыхъ людей, живущихъ еще въ этомъ поврежденіи тѣла, суть Ангелы, а выше Ангеловъ верховныя ихъ Богу ближайшія Ангельскія власти, но превыше даже властей, ближайшихъ къ Богу, возвышенъ Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ.

21. Но если, какъ мы впереди сказали, подъ именемъ тверди должно разумѣть Ходатая Бога и человѣковъ по принятому Имъ человѣчеству, потому что по духу пророчества подъ значеніемъ одного наименованія обыкновенно означается многое: то чрезъ твердь былъ голосъ, который съ неба прозвучалъ надъ крестившимся Господомъ, говоря: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о Тебѣ благоволихъ* (Лук. III, 22). Или, какъ чрезъ другаго Евангелиста говорится: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мат. III, 17). Итакъ поищемъ, какимъ образомъ животныя слышатъ этотъ голосъ, и опускаютъ крилья. Пророкъ Аввакумъ, предусмотрѣвъ его, говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой,*

и убояхся; Господи, разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся (Аввак. III, 1. 2). Что же значатъ слова Отца о Сынѣ: *въ Немже благоволихъ?* Ибо всякій, кто раскаяваясь исправляетъ сдѣланное имъ, тѣмъ самымъ, что раскаевается, показываетъ, что онъ не понравился самъ себѣ, потому что поправляетъ сдѣланное. А такъ какъ всемогущій Отецъ, для возможной понятности для людей, почеловѣчески о грѣшникахъ сказалъ: *раскаеваюсь, что сотворилъ человѣка на земли* (Быт. VI, 6) (а): то Онъ какъ бы Самъ Себѣ не правился въ грѣшникахъ, которыхъ Онъ сотворилъ. Но на единомъ только Единородномъ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Онъ проявилъ все Свое благоволеніе; потому что не раскаявался въ томъ, что среди человѣковъ сотворилъ человѣкомъ Того, въ Комъ не находилъ рѣшительно никакого грѣха, какъ о Немъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *клятся Господь и не раскается: Ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. CIX, 4). Слѣдовательно, въ одномъ только Искупителѣ нашемъ Отецъ умилостивилъ Себя; потому что въ Немъ одномъ не обрѣлъ вины, въ которой можно было бы укорять Себя какъ бы чрезъ раскаяніе.

а) Это переводъ текста съ Латинскаго подлинника, который читается такъ: *poenitet me fecisse hominem super terram*.

22. Итакъ святыя животныя должны слушать голосъ *надъ твердію*, и благоговѣть; потому что, если Онъ одинъ безъ грѣха, то въ невинности Его усматриваютъ, сколько сами онѣ грѣшатъ на каждый день, что по необходимости надобно непрестанно оплакивать. Еще должны онѣ размышлять и о томъ, что и Самый Виновникъ жизни не вышелъ изъ этой жизни безъ болѣзни страданія. Слѣдовательно и объ этомъ былъ голосъ *надъ твердію*, потому что высказывалось опредѣленіе всемогущаго Отца о смерти и воскресеніи Единороднаго. Но когда бываетъ голосъ *надъ твердію*, тогда животныя стоятъ, и опускаютъ крилья свои; потому что всѣ святые, взирая на Единороднаго, замученнаго въ этомъ мірѣ, опускаютъ внизъ то, если они что либо думаютъ о своихъ заслугахъ. Ибо, если отселѣ не вышелъ безъ страданія Тотъ, Кто явился сюда безъ грѣха; то какихъ страданій не будутъ достойны тѣ, которые пришли сюда съ грѣхомъ? Итакъ самая твердь, которая надъ главою животныхъ, т. е. то, что превышаетъ умы святыхъ, имѣетъ надъ ними голосъ; потому что Искупитель нашъ во плоти исполнилъ то опредѣленіе, которое по Божеству изрекъ вмѣстѣ со Отцемъ; слыша это опредѣленіе, праведники страшатся, и оставляютъ всякое самомнѣніе о своихъ силахъ. Ибо, какими бы добродѣте-

лями ни отличалась жизнь грѣшниковъ, чего она достойна, если уже подверглась за насъ страданію и Его жизнь, которая не была подвержена никакому грѣху?

23. Но вотъ раждается важный для насъ вопросъ, когда говорится, что *надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камене сапфіра, подобіе престола.* Ибо, если твердію предобразуется Господь, а камнемъ сапфіромъ и подобіемъ престола изображаются оныя Ангельскія власти: то какимъ образомъ онѣ должны быть поставлены *надъ твердію*, т. е. выше Господа, когда тотчасъ же присовокупляется: *и на подобіи престола подобіе якоже видъ человѣчь верху?* Ибо, если, какъ сказано, подъ твердію разумѣется Господь, и опять человѣкомъ означается Господь же: то какимъ образомъ Онъ можетъ быть и превыше престола, и ниже престола? Но запутанные узлы сего вопроса распутываетъ Самъ Тотъ, о Комъ мы говоримъ, Который дуновеніемъ Святаго Духа открываетъ то, что закрыто. Ибо воплощенный Единородный (Сынъ) Отца, чрезъ то самое, что содѣлался человѣкомъ, былъ ниже Ангеловъ, какъ о Немъ написано: *умалилъ еси Его малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Псал. VIII, 6) Но по воскресеніи и вознесеніи на небо Онъ поставленъ выше всѣхъ властей Ангельскихъ, какъ о Немъ

тамъ же опять написано: *вся покорилъ еси подъ нозъ Его* (ст. 7). И какъ Онъ Самъ говоритъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. XXVIII, 18). Итакъ твердь подъ престоломъ, а человѣкъ на престолѣ; потому что Онъ, рожденный по принятіи человѣческаго естества, ниже Ангеловъ, а по превознесеніи выше Ангеловъ. Хотя по Божеству былъ Онъ выше Ангеловъ и прежде, нежели прославленъ чрезъ воскресеніе; однакоже, какъ сказано, по человѣчеству былъ умаленъ предъ Ангелами, и по нему подвергся смерти. Но послѣ того, какъ воскресеніемъ попралъ смерть, самое человѣчество Свое поставилъ выше властей Архангельскихъ. Итакъ прежде представляется престолъ надъ твердію, а послѣ видѣнъ человѣкъ на престолѣ; потому что Искупитель рода человѣческаго, снисходя, принялъ человѣчество ниже Ангеловъ, а превозносясь возвысилъ оное надъ Ангелами. Но мы говоримъ, что Онъ содѣлался ниже Ангеловъ, потому что отъ Апостольской проповѣди слышали, что Онъ былъ даже подъ закономъ (Гал. IV, 4). Слѣдовательно принимаемъ принятое Имъ человѣчество ниже Ангеловъ за то уничиженіе, въ которомъ Онъ благоизволилъ явиться.

24. Ибо какъ только Слово содѣлалось плотію, тотчасъ Богочеловѣкъ по власти былъ выше Анге-

ловъ. Потому что о Немъ до страданія написано: *се Ангели приступиша, и служаху Ему* (Мат. IV, 11). Но для того, чтобы показать слабость человѣчества Его, опять о Немъ написано: *явися Ему Ангелъ съ небесе, укрѣпляя Его* (Лук. XXII, 43). Итакъ въ доказательство того и другаго естества, и служатъ Ему Ангелы, и укрѣпляетъ Его Ангелъ. Такъ какъ Онъ единъ въ двухъ естествахъ; потому что Тотъ, Кто былъ Богомъ прежде вѣковъ, содѣлался человѣкомъ на концѣ вѣковъ. Впрочемъ Ему прежде страданія Его и служатъ Ангелы, и Ангелъ укрѣпляетъ Его. Но послѣ страданія и воскресенія Его, Ангелы могутъ служить Ему, но укрѣплять Его уже не могутъ; потому что, какъ впереди сказано, хотя прежде твердь явилась подъ престоломъ, однако же человѣкъ выше престола. Для показанія того, что Пророкъ видѣлъ въ лицѣ Его соединеніе того и другаго естества, онъ тотчасъ присовокупилъ: *и видѣхъ яко видѣніе илектра* (Іезик. I, 27).

25. Что это значитъ, что видъ человѣка на престолѣ кажется, какъ бы видъ илектра (янтаря), если не то, что въ илектрѣ, какъ сказали мы далеко выше (Бесѣд. II, ч. 14), золото смѣшивается съ серебромъ, чтобы одна вещь состояла изъ двухъ металловъ? — Въ немъ и блескъ золота умѣряется

серебромъ, и отъ блеска золота блистательнѣйшимъ дѣлается видъ серебра. Но въ Искупителѣ нашемъ то и другое естество, т. е. Божественное и человѣческое, неслитно и нераздѣльно соединены одно съ другимъ и совокуплены такъ, что и слава Божества Его умѣряется для нашего взора человѣчествомъ, и человѣческое въ Немъ естество дѣлается болѣе славнымъ отъ Божества, и по возвышеніи имѣетъ болѣе славы, нежели та, съ которою сотворена была. Но Пророкъ, описывая еще видъ человѣка надъ престоломъ, и видѣнный имъ видъ илектра, каковымъ онъ ему явился, присовокупляетъ: *яко видѣніе огня внутрь его окрестъ отъ видѣнія чреслъ и выше, и отъ видѣнія чреслъ даже до долу видѣхъ видѣніе огня, и свѣтъ его окрестъ* (Тамже, ст. 27).

26. Что это значитъ, что Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, описывается имѣющимъ *отъ чреслъ и выше видѣніе огня внутрь и окрестъ, и отъ чреслъ даже до долу видъ огня, блестящаго въ окружности?* Ибо надобно отыскать, почему повѣствуется, что Онъ имѣетъ отъ чреслъ и выше огнь внутри, но не огнь блистающій; а отъ чреслъ даже до долу имѣетъ видъ огня, однако же не упоминается, чтобъ онъ имѣлъ его внутри, потому что, по описанію, Онъ имѣетъ его и блистающимъ,

и *окрестъ?* Ибо что выражается наименованіемъ чреслъ, если не родъ поколѣнія смертности? Поэтому-то и о Левіи говорится, что онъ былъ еще въ чреслахъ отца, когда Мелхиседекъ встрѣтилъ Авраама (Евр. VII, 10). Но отъ чреслъ Авраама произошла Дѣва Марія, во чревѣ которой благоволилъ воплотиться Единородный (Сынъ) Отца чрезъ Духа Святаго. Отъ этого воплощенія Богъ содѣлался вѣдомымъ для всего міра, какъ говорится чрезъ Псалмопѣвца: *препояши мечь твой по бедрѣ твоей, Сильне* (Псал. XLIV, 4). Ибо Сильный препоясалъ мечь по бедрѣ потому, что слово проповѣди Его съ воплощенія усилилось. Что же значитъ тотъ огнь, если не жаръ Святаго Духа, который воспламеняетъ сердца, наполняемыя Имъ? Объ этомъ сама Истина говоритъ: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. XII, 49). Итакъ что же значитъ, что въ этомъ видѣніи человѣка, который явился Пророку, *отъ чреслъ и выше* пылаетъ огнь внутрь кругообразно, но *отъ чреслъ даже до долу* блистаетъ огнь, не *внутри*, а *окрестъ*, если не то, что прежде воплощенія Единороднаго Искупителя нашего одна только Іудея имѣла внутри себя жаръ любви къ Нему; а послѣ воплощенія Его огнь заблисталъ *окрестъ*, потому что разлилъ свѣтъ Духа Святаго на всѣ народы въ цѣлой вселенной? Итакъ прежде былъ

огнь внутренній, но не было сіянія; потому что Духъ Святый, хотя и изливался на Іудею чрезъ многихъ отцовъ, но не возсіявалъ еще свѣта своего къ просвѣщенію язычниковъ. По *отъ чреслъ Его даже до долу* огнь блеститъ *окрестъ*; потому что послѣ того, какъ Онъ принялъ плоть отъ Дѣвы, далеко и обширно въ родѣ человѣческомъ распространилъ дары Святаго Духа. И надобно замѣтить, что тотъ огнь *отъ чреслъ и выше* описывается круговращательнымъ, не внѣшнимъ, но внутреннимъ; потому что пламя любви, какъ сказано, повсюду наполняло Іудею въ предѣлахъ ея чрезъ избранныхъ и духовныхъ мужей. Но не выходило вовнѣ, потому что не распространялось на множество язычниковъ. Это пламя жара послѣ было видимо блистающимъ *окрестъ*, потому что любовь всемогущаго Бога начала распространяться по всѣмъ климатамъ міра, во всѣхъ народахъ.

27. Итакъ прежде былъ *огнь внутри*, когда Іаковъ говорилъ: *спасенія Твоего буду ожидать, Господи* (Быт. XLIX, 18) (а). Ибо что на Латин-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *salutare tuum expectabo*, **Domine** а въ Славянскомъ переводѣ: *спасенія ждый Господня*. Мысль почти одна и таже. Но съ Латинскимъ текстомъ сообразовалъ свое объясненіе Святитель, и онъ въ связи рѣчи умѣстнѣе.

вверхъ; потому что тамъ небесные духи видятъ Его въ Божествѣ Его, и воспламеняются огнемъ любви Его. Но мы, которые любимъ Его въ принятомъ человѣчествѣ, находясь еще въ этой поврежденной жизни, имѣемъ отвнѣ блескъ огня Его. Итакъ одинъ выше престола Тотъ, Кто *отъ чреслъ и выше* имѣетъ *огнь внутрь* — въ Ангелахъ, и подъ чреслами имѣетъ *огнь окрестъ* — въ людяхъ; потому что во всемъ, что любятъ Ангелы, чрезъ все, чего желаютъ люди, одинъ есть Тотъ, Кто горитъ въ сердцахъ любящихъ. Поэтому-то высокія Ангельскія власти называются Серафимами, т. е. огненнымъ пламенемъ. Поэтому и о самомъ Создателѣ всего написано: *Богъ нашъ огнь поядаяй есть* (Евр. XII, 29). Огнемъ называется Богъ потому, что пламенемъ любви Своей воспламеняетъ тѣ души, которыя наполняетъ. И Серафимы называются пламенемъ огненнымъ потому, что ближайшія къ Нему на небесахъ власти воспламенены неизреченнымъ огнемъ любви къ Нему. Этимъ же огнемъ горятъ на землѣ воспламененныя сердца праведныхъ. Этимъ же огнемъ согрѣтыя обращаются къ покаянію сердца грѣшниковъ, которыя сильно разгорѣвшись, превращаютъ страхъ въ любовь. Ибо тѣ, которые начали тлѣть отъ страха, послѣ пламенѣютъ огнемъ любви. А поелику члены Его суть избранные Ангелы на небѣ, и члены

же Его суть обратившіеся люди на землѣ: то одинъ есть человѣкъ Тотъ, Кто и *отъ чреслъ и выше* говоритъ *внутрь*, и подъ чреслами *даже до долу* распространяетъ блескъ огня своего *окрестъ*; потому что Онъ и Ангеловъ удержалъ въ любви къ Нему Божествомъ, и людей воззвалъ къ желанію святаго жара своего человѣчествомъ. Далѣе слѣдуетъ: *яко видѣніе дуги, егда есть на облацѣхъ въ день дождя* (ст. 28).

29. Дугу всемогущій Богъ положилъ знаменіемъ между Нимъ и людьми, что Онъ болѣе уже не будетъ истреблять міра потопомъ, говоря: *дугу мою полагаю во облацѣ, и будетъ въ знаменіе Завѣта* (*вѣчнаго*) *между Мною и землею. И будетъ егда наведу облаки на землю, явится дуга Моя во облацѣ: и помяну завѣтъ Мой, иже есть между Мною и вами* (Быт. IX, 13—15). Поэтому-то и цвѣтъ въ той же самой дугѣ показывается и цвѣтомъ воды, и цвѣтомъ огня; потому что онъ частію лазуревый, а частію красный, чтобы быть свидѣтелемъ того и другаго суда, т. е. одного, имѣющаго быть, а другаго, уже совершившагося, так какъ міръ хотя и сгоритъ отъ огня суда, но не будетъ уже истребленъ водою потопа (2 Петр. III, 7). Но что значитъ, по видѣнію Пророка, блистающій огнь отъ чреслъ человѣка, сѣдящаго на престолѣ, какъ

бы видѣніе дуги въ облакахъ въ день дождя? Поелику чрезъ огнь, какъ сказано, означается жаръ Святаго Духа; то какое сходство и дуги съ Духомъ, чтобы можно было сказать, что явившійся огнь явился какъ видъ дуги?—Но если мы, какъ сказали впереди, обратимъ вниманіе на видѣніе дуги, то увидимъ, какимъ образомъ дуга означаетъ Духа. Потому что въ дугѣ, какъ я сказалъ, являются вода и огонь. А послѣ пришествія Ходатая сила Духа Святаго проявилась въ родѣ человѣческомъ тѣмъ, что и омыла избранныхъ Божіихъ водою Крещенія, и воспламенила ихъ огнемъ Божественной любви. Ибо для умилостивительной жертвы поставляется какъ бы нѣкая дуга въ облакѣ изъ смѣшенія водянаго и огненнаго цвѣта, когда Истина говоритъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Онъ (Духъ) есть дуга въ облакѣ въ день дождя; потому что является въ воплощеніи Господнемъ, и въ изліяніи проповѣданія, для того, чтобы сердца вѣрующихъ обратились къ покаянію во время милосердія Божія. Ибо за облако мы не безъ основанія принимаемъ плоть Искупителя, о которой чрезъ Псалмопѣвца сказано: *полагаяй облаки на восхожденіе свое* (Псал. CIII, 3). Такъ какъ Онъ положилъ облако на восхожденіе Свое, когда бу-

дучи вездѣсущимъ по Божеству, вознесся на небеса плотію. Но по описаніи всего таинственнаго видѣнія, Пророкъ присовокупляетъ: *это было видѣніе свѣта вокругъ, и сіе видѣніе подобія славы Господней* (Iезик. I, 28. II, 1) (а).

30. Ибо предвидя, что должна совершить благодать Святаго Духа во всемъ мірѣ, онъ говоритъ: *это было видѣніе свѣта вокругъ.* Но желая видѣть внутреннюю славу Тогоже Самаго Духа, но не имѣя къ тому возможности, онъ присовокупляетъ: *и сіе видѣніе подобія славы Господни.* Ибо не говоритъ: *видѣніе славы*, но, *подобія славы*, для того, чтобы показать, что какое бы ни было напряженіе ума человѣческаго, хотя бы онъ обуздалъ въ размышленіи всѣ фантастическіе образы тѣлесные, хотя бы удалилъ отъ очей сердечныхъ уже всѣхъ описанныхъ духовъ: но все-таки, находясь въ смертномъ тѣлѣ, не можетъ видѣть славы Бо-

а) Это есть буквальный переводъ текста съ Латинскаго языка, который читается такъ: *hic erat aspectus splendoris per gyrum, et haec visio similitudinis gloriae Domini.* Но въ Славянскомъ переводѣ тотъ же текстъ читается такъ: *тако стояніе свѣта окрестъ. Сіе видѣніе подобіе славы Господни.* Объясненіе Святителя приноровлено къ смыслу Латинскаго текста. Поэтому и сдѣланъ буквальный переводъ съ тогоже текста.

жіей, какова она есть. Но что представляется о ней въ умѣ, то есть подобіе, а не сама она. Поэтому-то и тотъ Проповѣдникъ, который былъ восхищенъ до третьяго неба, говорилъ: *теперь мы видимъ, какъ сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. XIII, 12).

31. Въ этомъ разсужденіи раждается не маловажный для насъ вопросъ: какъ же Евангелистъ Іоаннъ, описывая словами пророческими невѣріе Іудеевъ въ чудеса Искупителя нашего, присовокупляетъ, говоря: *сія рече Исаія, егда видѣ славу Его, и глагола о Немъ* (Іоан. XII, 41)? И если Іезикіиль видѣлъ, не славу, но подобіе славы; то что значитъ, что одинъ (Пророкъ) описывается видѣвшимъ подобіе славы, а другой-славу Его? Но поелику Евангелистъ Іоаннъ прежде изложилъ повѣствованіе о чудесахъ Искупителя нашего, а потомъ присовокупилъ о невѣріи Іудеевъ; то показываетъ, что Исаія видѣлъ ту славу Искупителя нашего, которая проявлена въ этомъ мірѣ. Ибо все, что Божественно дивнаго совершается на землѣ, естъ слава всемогущаго Бога, и слава Его видна во всѣхъ дѣлахъ. Слѣдовательно Исаія видѣлъ славу на землѣ, а Іезикіиль славы Его на небѣ не могъ видѣть, какова она есть; потому что инакова слава Его въ вещахъ сотворенныхъ, и инакова сама въ себѣ. Поэтому эта слава, которая въ

дѣлахъ, можетъ быть видима; но та, которая въ Немъ Самомъ, никакъ не можетъ быть видима, развѣ только чрезъ подобіе. Но и этого самаго подобія славы Пророкъ, даже въ восторженномъ состояніи, не могъ вынести. За тѣмъ слѣдуетъ; *и видѣхъ, и падохъ ницъ* (Iезик. II, 1).

32. Итакъ, что было бы съ этимъ мужемъ, если бы онъ увидѣлъ славу Его такъ, какъ она есть, когда и при видѣніи подобія славы Его, онъ, не имѣя силъ вынести, упалъ? Поэтому съ великою скорбію мы должны помышлять и со слезами разсуждать, въ какое несчастіе и какую слабость мы пали, когда не можемъ даже выносить того самаго блага, къ видѣнію котораго сотворены. Впрочемъ есть и еще нѣчто, о чемъ мы, на основаніи событія съ Пророкомъ, должны помыслить въ самихъ себѣ. Ибо Пророкъ тотчасъ, какъ только увидѣлъ подобіе славы Господней, упалъ на лице свое. Поелику мы духомъ пророчества не можемъ видѣть подобія этой славы; то должны непрестанно познавать ее и тщательно созерцать въ Священномъ Писаніи, въ небесныхъ увѣщаніяхъ, въ духовныхъ заповѣдяхъ. Когда мы взираемъ какъ нибудь на Бога, тогда падаемъ на лице свое; потому что стыдимся беззаконій, которыя по воспоминанію нами содѣланы. Ибо человѣкъ падаетъ

*

тамъ, гдѣ конфузится. Поэтому-то и Павелъ какъ бы падающимъ на лице говорилъ нѣкоторымъ: *кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся* (Рим. VI, 21)?

33. Итакъ по дару небесной благодати, мы раскрыли покрытое таинствами начало книги Пророка Іезикіиля, и нравственно обсуживая таинственныя изреченія, мы высокую теорію пророчества привлекли къ землѣ, для того, чтобы прежде летающее надъ умами дѣтей и подобныхъ мнѣ, но не возвышающее ихъ, нынѣ уже было читаемо ими, и познаваемо, и летало, и возвышало. Итакъ возблагодаримъ Искупителя нашего, Который всегда обновляетъ насъ духовною пищею, Который естъ хлѣбъ Божій, сходящій съ небеси, и дающій жизнь міру (Іоан. VI, 33). Онъ живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

Изъясняется вторая глава Іезикіиля. Въ этомъ изъясненіи не только многое излагается въ нравственномъ смыслѣ, но и не мало обсуждается уче-

нымъ образомъ трактатовъ: о необходимости предшествующей благодати, о согласіи и содѣйствіи ей свободнаго произволенія, о темнотѣ Св. Писанія, и толкованіи его.

1. По милосердію Господа нашего Іисуса Христа, мы въ осми бесѣдахъ объяснили начало книги Пророка Іезикіиля, содержащее въ себѣ много темныхъ мѣстъ, и нѣкоторыхъ таинствъ. Теперь уже слѣдуютъ мѣста, болѣе ясныя, и менѣе темныя. Итакъ съ благодареніемъ Томуже всемогущему Богу мы говоримъ любви вашей, что послѣ столькихъ лѣсистыхъ темнотъ мы радостно вышли на долины, по которымъ смѣло можемъ итти съ нашимъ собесѣдованіемъ. Ибо вотъ, послѣ того, какъ Пророкъ увидавъ подобіе славы Господней палъ на лице свое, онъ присовокупляетъ: *и слышахъ гласъ глаголющаго; и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, стани на ноги твоя, и возглаголю тебѣ* (Іезик. II, 1). За тѣмъ еще присовокупляется: *и пріиде на мя духъ, и взя мя, и воздвиже мя, и постави мя на ногахъ моихъ* (ст. 2).

2. Вотъ Божественный голосъ повелѣваетъ встать лежащему Пророку. Но онъ рѣшительно не могъ бы встать, если бы не вошелъ въ него духъ всемогущаго Бога; потому что мы, хотя и можемъ по благодати Божіей дѣлать усиліе къ добрымъ дѣ-

ламъ, но не можемъ ихъ творить, если не помогаетъ намъ Тотъ, Кто ихъ заповѣдуетъ. Такъ Павелъ, когда увѣщевалъ учениковъ, говоря: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Филип. II, 12), тамъже присовокупилъ и о Томъ, Кто совершаетъ въ нихъ эти самыя добродѣтели, говоря: *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи* (ст. 13). Поэтому-то и Сама Истина говоритъ ученикамъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV, 5). Но въ этомъ дѣлѣ надобно обсудить, что если наши добрыя дѣла суть дары всемогущаго Бога, такъ что въ нихъ есть нѣчто не наше; то почему мы желаемъ вѣчнаго воздаянія, какъ бы за заслуги? А если онѣ такъ наши, что уже не суть дары всемогущаго Бога; то почему мы благодаримъ за нихъ всемогущаго Бога? Но надобно знать, что злыя дѣла суть только наши; а добрыя — и наши, и всемогущаго Бога; — наши потому, что Онъ вдохновеніемъ предваряетъ насъ, чтобы мы желали, вспомоществуя преслѣдуетъ, чтобы мы желали не напрасно, но могли исполнить то, чего желали. Итакъ предваряющею благодатію и повинующеюся доброю волею, то, что есть даръ всемогущаго Бога, содѣлывается нашею заслугою. Это хорошо и кратко изъясняетъ Павелъ, говоря: *паче всѣхъ ихъ по-*

трудихся (1 Кор. XV, 10). Но чтобы не показалось, будто онъ приписываетъ своей силѣ то, что совершилъ, онъ присовокупилъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (тамже). Поелику онъ предваренъ небеснымъ дарованіемъ, то призналъ себя какъ бы чуждымъ своего добраго дѣла, говоря: *не азъ же*: Поелику же предваряющая благодать произвела въ немъ свободное расположеніе къ добру, и этимъ свободнымъ расположеніемъ онъ последовалъ тойже благодати на самомъ дѣлѣ, то присовокупилъ: *но благодать Божія, яже со мною*. Онъ говорилъ какъ бы такъ: въ добромъ дѣлѣ потрудился не я, но и я. Ибо не я предшествовалъ въ немъ дарованію Господню; но я добровольно повиновался дарованію. Итакъ кратко оказавъ объ этомъ противъ Пелагія и Келестина, мы возвратимся къ порядку изъясненія. *Сыне человѣчь, стани на ноги твоя, и возглаголю тебѣ* (Іезик. II, 1).

3. Для насъ замѣчателенъ порядокъ слова и дѣла; потому что прежде является слава Господня, чтобы заставить упасть на землю; за тѣмъ голосъ, чтобы (Пророкъ) всталъ; послѣ посылается духъ преизбыточествующей благодати, и возставляетъ, и становитъ на ноги. Ибо, если бы мы не видѣли чего либо изъ вѣчности, то никогда не падали бы на лице свое во время покаянія. Но уже лежащіе,

мы слышимъ утѣшительный гласъ Господа о томъ, чтобы мы встали на дѣланіе, чего впрочемъ мы не можемъ сдѣлать собственною силою. Слѣдовательно, Его же духъ наполняетъ насъ, возстановляетъ и становитъ насъ на ноги, чтобы мы, которые въ сознаніи виновности своей повергались въ прахъ во время покаянія, послѣ прямо стояли въ добромъ дѣланіи. Но что Пророкъ услышалъ стоя, онъ присовокупляетъ, говоря: *и слышахъ его глаголющаго ко мнѣ, и рече* (*Господь*) *ко мнѣ: сыне человѣчь, послю тя къ дому Израилеву, огорчевающимъ Мя, иже огорчиша Мя* (Iезик. II, 2, 3).

4. Такъ Пророкъ описываетъ свое, чтобъ обозначить наше. Ибо что значитъ, что ему, лежащему, говорится: *стани на ноги твоя, и возглаголю тебѣ?* Тотъ, Кто говорилъ лежавшему, почему обѣщаетъ говорить не иначе, какъ стоящему? Но надобно знать, что иное мы должны слушать въ лежачемъ положеніи, а иное—въ стоячемъ. Ибо лежащему говорится, чтобъ онъ всталъ, а стоящему повелѣвается, чтобъ онъ шелъ на проповѣдь. Лежащему въ сознаніи своей слабости нельзя еще предписывать важности проповѣднической. Но когда мы уже востанемъ на доброе дѣланіе, когда начнемъ стоять прямо; тогда мы становимся достойными того, чтобы насъ посылать на проповѣдь для

обращенія другихъ. Итакъ Пророкъ стоя увидѣлъ видѣніе, и упалъ; но упавши услышалъ слово увѣщанія — встать; а вставши выслушалъ повелѣніе итти на проповѣдь. Ибо мы, которые стоимъ еще на вершинѣ гордости, стоимъ того, чтобы повергнуться въ прахъ во время покаянія, когда уже начинаемъ чувствовать нѣчто о страхѣ вѣчности. И когда мы, вѣрно сознавая слабость свою, смиренно лежимъ на землѣ; тогда получаемъ повелѣніе чрезъ утѣшительное Слово Божіе встать для совершенія дѣлъ, требующихъ подвига. И когда мы уже твердо установились въ добрыхъ дѣлахъ; тогда необходимо для насъ, чтобы мы помогли другимъ проповѣдію о томъ, отъ чего исправились сами. Итакъ лежащему не дается повелѣнія, чтобъ онъ шелъ на проповѣдь, для того, дабы каждый слабый дѣломъ не разстроивалъ того, что можетъ устроить словомъ. Поэтому-то и справедливо говорится чрезъ Псалмопѣвца: *возведе мя отъ рова страстей, и отъ бреніія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста мои пѣснь нову, пѣніе Богу нашему* (Псал. XXXIX, 3 — 4). Ибо сначала онъ выводится изъ грязи нечестія, чтобъ утвердились чрезъ вѣру ноги его на камени. Но поелику правая вѣра должна сопровождаться правою дѣятельностію; то шаги его правы для того,

чтобы послѣ направленія шествія, т. е. послѣ усовершенствованія въ доброй дѣятельности, получить ему въ уста и новую пѣснь проповѣди. Такъ Савлъ, когда съ гордостію шелъ въ Дамаскъ (Дѣян. IX, 6), пораженный гласомъ Искупителя лежалъ простертымъ на землѣ. И тотъ, кто былъ будущимъ Проповѣдникомъ, не тотчасъ услышалъ, чтобъ онъ шелъ проповѣдывать о томъ, что видѣлъ: но ему, еще лежащему, сказано: *востани, и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. IX, 7). Итакъ лежа могъ онъ услышать только то, чтобы вставши учился тому, что услышитъ; а вставши научился тому, чтобы проповѣдывать о томъ, что узналъ.

5. Но надобно спросить намъ: почему Іезекіиль и Павелъ падаютъ на лице, а о всадникѣ, т. е. о томъ, кто превознесенъ славою міра сего, говорится: *и падетъ конникъ вспять* (Быт. XLIX, 18)? И опять о преслѣдователяхъ Господа написано: *идоша вспять, и падоша на земли* (Іоан. XVIII, 6). Что это значитъ, что избранные падаютъ на лице, а нечестивые падаютъ *вспять*, если не то, что всякій, падающій *вспять* (назадъ), безъ сомнѣнія падаетъ тамъ, гдѣ не видитъ; а кто упалъ на лице, тотъ упалъ тамъ, гдѣ видѣлъ? Слѣдовательно, поелику нечестивые падаютъ въ невидимомъ, то и на-

зываются падающими назадъ; потому что падаютъ тамъ, гдѣ не могутъ видѣть ничего, что съ ними послѣдуетъ. Но праведники, поелику добровольно повергаются предъ тѣмъ, что видятъ, дабы выпрямиться въ невидимомъ, падаютъ какъ бы на лице; потому что, пораженные страхомъ, они видя смиряются.

6. Но замѣчательно то, что говорится: *послю тя Азъ къ дому Израилеву, огорчевающимъ Мя, иже огорчиша Мя* (а). Какъ двумя способами дѣлается отступленіе отъ Бога, такъ двумя же способами люди дѣлаются отступниками отъ Бога. Ибо каждый отступаетъ отъ Создателя своего, или вѣрою, или дѣятельностію. Слѣдовательно, какъ тотъ, кто отступаетъ отъ вѣры, есть отступникъ, такъ безъ всякаго сомнѣнія считается отступникомъ отъ всемогущаго Бога и тотъ, кто возвращается къ развратной жизни, которую онъ оставилъ, хотя бы и казался содержащимъ вѣру. Ибо одно безъ другаго рѣшительно безполезно; потому что ни вѣра безъ дѣлъ, ни дѣла безъ вѣры не помогаютъ, если сіи

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *mitto ego te ad filios Israel, ad gentes apostatrices, quae recesserunt a Me.* Т. е. *посылаю я тебя къ сынамъ Израиля, къ народамъ отступившимъ, которые отступили отъ Меня.* Къ этому смыслу текста приноровлено объясненіе Святителя.

не начаты прежде вѣры; такъ какъ Корнелій, прежде нежели содѣлался вѣрующимъ, добрыми дѣлами заслужилъ быть услышаннымъ (Дѣян. X, 4). Изъ этого выходитъ заключеніе, что онъ творилъ добрыя дѣла прежде принятія вѣры. Ибо кому отъ Ангела возвѣщается: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога,* и тотчасъ за этимъ восхожденіемъ дается повелѣніе послать къ Симону, который пришедъ къ нему, долженъ проповѣдать; тотъ безъ сомнѣнія молился о томъ, чѣмъ заслужилъ услышанія. Далѣе слѣдуетъ: *отцы ихъ отвергошася Мене до днешняго дне. И сынове жестоколични, и твердосердечніи: Азъ послю тя къ тѣмъ* (Iезик. II, 3. 4).

7. Вотъ одна вина гордости, что *отвергошася.* Вотъ другая—упорства, потому что *до днешняго дне.* Вотъ въ нечестіи сыновъ важная вина безстыдства; потому что они *жестоколичніи,* такъ какъ они уже не краснѣютъ отъ зла, которое дѣлаютъ, и никогда уже послѣ преступленій не возвращаются къ покаянію, такъ какъ они *твердосердечни.* Если же такъ нечестивы, и такъ упорны тѣ, къ которымъ Пророкъ посылается: то кто не видитъ, что личность Пророка можетъ быть презираема столь развращенными людьми? Но вотъ сообщается авторитетъ личности, когда присовокупляется: *и речеши*

къ нимъ: тако глаголетъ Адонаі Господь (ст. 4). Ясно какъ бы сказано было такъ: поелику ты лично подвергнешься презрѣнію, то тебѣ необходимо говорить Моимъ голосомъ. Чтобы не подвергаться презрѣнію тебѣ посылаемому, покажи, Кто тебя послалъ, произнося Мои слова. За тѣмъ слѣдуетъ: *аще убо* (авось либо) *услышатъ или убоятся: зане домъ огорчеваяй есть* (ст. 5).

8. Поелику извѣстно, что всемогущій Богъ знаетъ все, то весьма удивительно, почему говорится: *аще убо услышатъ или убоятся.* Поэтому надобно знать, что сомнѣніе въ выраженіи Божіемъ происходитъ не отъ невѣденія, а отъ другой причины. Ибо кто не знаетъ, что сотворившій и видящій все знаетъ все? И лично Сама Истина о проповѣдникахъ Антихриста въ Евангеліи говоритъ: *дадятъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя* (Мат. XXIV, 24). Почему жъ это говорится подъ сомнѣніемъ, когда Господь напередъ знаетъ, что будетъ? Но одно изъ двухъ,—что если они избранные, то этого быть не можетъ; а если можетъ быть, то они не избранные. И однако же говорится: *якоже прельстити, аще возможно, и избранныя.* Итакъ оное сомнѣніе въ рѣчи Господней было означеніемъ искушенія для сердецъ избранныхъ; потому что тѣ, которые избраны къ твердому стоя-

нію, знаменіями проповѣдниковъ Антихриста будутъ искушаемы къ паденію. Слѣдовательно тѣмъ, что говорится: *аще возможно*, выражается только то, что избранные будутъ искушаемы въ сердцѣ. Ибо они колеблются, но не падаютъ. Итакъ говорится: *аще возможно* потому, что они будутъ въ страхѣ; и однако же называются *избранными* потому, что не падутъ. Поэтому сомнѣніе въ рѣчи Господней объ избранныхъ выражаетъ трепетъ души ихъ. Онъ называетъ ихъ и избранными потому, что предвидитъ ихъ стойкость въ вѣрѣ и добродѣтели. Поэтому-то и здѣсь говорится: *аще убо услышатъ или убоятся*. Ибо словами: *аще убо* показывается, что изъ великаго множества не многіе будутъ слушать. Итакъ чрезъ сомнѣніе въ рѣчахъ Божіихъ что другое означается, если не малочисленность слушателей?

9. Но замѣчательно, что послѣ того, какъ сказалъ о злѣ умершихъ отцевъ, Посылающій Пророка къ сынамъ говоритъ: *аще убо услышатъ или убоятся*. Что значитъ сказать: *аще убо*, если не то, что отцы ихъ, которые перемерли виновными, не хотѣли слушать? Прошу обсудить, какая сила должна быть въ этой слабости рѣчи Господней: *аще убо услышатъ*. Это къ намъ говорится, именно къ намъ, которые въ притѣсненіи, осадѣ, въ заперти

лишились всѣхъ благъ, которыя имѣли въ мірѣ семъ. Мы видимъ города разрушенными, укрѣпленія уничтоженными, поля опустошенными, Церкви подкопанными; и несмотря на то, доселѣ еще слѣдуемъ нечестію отцевъ нашихъ, не перемѣняемъ той ихъ величавости, которую видѣли. Но они грѣшили, по крайней мѣрѣ, среди радостей; но мы, что тягчае, грѣшимъ подъ розгами. Но вотъ всемогущій Богъ, осуждающій беззаконія, уже истребилъ нашихъ предковъ, уже позвалъ ихъ на судъ. А насъ еще ожидаетъ къ покаянію, еще поддерживаетъ для обращенія. И Тотъ, Кто совершилъ уже судъ надъ ними, намъ предлагаетъ великость Своего долготерпѣнія, дабы не погубить насъ вмѣстѣ съ нашими предками, говоря: *аще убо услышатъ или убоятся: зане домъ огорчеваяй есть.*

10. И каждая душа по принятіи вѣры, или остающаяся въ своемъ развращеніи, или возвращающаяся къ нему, называется домомъ огорчевающимъ; потому что нечестивыми нравами удаляетъ отъ себя Того обитателя Бога, Котораго приняла вѣрою. Ибо домъ занимается господиномъ (его). Итакъ, если она домъ, то почему огорчевающій? А если огорчевающій, то почему домъ, который какъ бы уже необитаемъ? Но она домъ, потому что въ ней чрезъ вѣру начиналъ обитать Богъ; однако же домъ

огорчевающій, потому что изъ нея Онъ вышелъ, будучи отверженъ нечестивыми ея нравами, чтобы ей, которую прежде наполнялъ небесный Обитатель, оставаться въ запустѣніи. А за тѣмъ еще, какъ мы знаемъ изъ словъ Истины, нечистый духъ, возвращающійся съ семью другими, находитъ этотъ домъ выметеннымъ (Мат. XII, 45), потому что наполняетъ душу, чуждую добродѣтелей.—За тѣмъ слѣдуетъ: *и познаютъ, яко Пророкъ еси ты посредѣ ихъ* (Іезик. II, 5).

11. Злые обыкновенно знаютъ добрыхъ, или при вспоможеніи въ успѣхѣ спасенія, или при свидѣтельствѣ осужденія. Итакъ пусть они знаютъ, что посреди ихъ будетъ Пророкъ, для того, чтобы отъ выслушанной проповѣди, или получить вспоможеніе къ востанію, или такое осужденіе, чтобы не имѣть извиненія. Далѣе слѣдуетъ: *и ты сыне человѣчь, да не убоишися ихъ, ни ужасайся отъ лица ихъ: зане разсвирѣпѣютъ, и обыдутъ тя окрестъ, посреди бо скорпіевъ ты живеши: словесъ ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяй есть* (Іезик. II, 6).

12. Очевидно, къ какимъ развратникамъ посылается на проповѣдь тотъ, котораго увѣщеваютъ, чтобъ онъ не боялся. И поелику всѣ нечестивые и непріятности дѣлаютъ говорящимъ для нихъ доб-

рое, и еще другими угрожаютъ: то противъ дѣлаемыхъ говорится: *да не убоишися ихъ;* а противъ угрозъ присовокупляется: *словесъ ихъ но убойся.* Или вѣрнѣе; поелику нечестивые и злодѣйствуютъ противъ добрыхъ, и всегда унижаютъ цѣну добрымъ ихъ дѣламъ: то посланному Пророку дается наставленіе, чтобъ онъ ни жестокости ихъ не боялся, ни словъ не страшился. Итакъ выраженіемъ—*да не убоишися* — дается Пророку авторитетъ проповѣданія. А поелику всѣ мы, живущіе въ Богѣ, органы истины, такъ что часто чрезъ другаго мнѣ она сообщается, а часто чрезъ меня другимъ: то въ насъ долженъ быть авторитетъ на доброе слово, такъ чтобы и тотъ, кто начальствуетъ, свободно говорилъ истину, и тотъ, кто состоитъ подъ начальствомъ, не отказывался смиренно высказывать туже истину. Ибо добро, предлагаемое отъ низшаго высшему, бываетъ истиннымъ добромъ тогда, когда высказывается смиренно. Но если правота чувствованія потеряетъ смиреніе въ рѣчи, то корень чувства опороченъ будетъ въ вѣтви языка. Этотъ именно порокъ происходитъ уже не изъ вѣтви, но изъ корня; потому что, если бы сердце не было надмѣнно, то; языкъ не выражалъ бы гордости. Итакъ въ первомъ долженъ быть авторитетъ смиренія для того, чтобы говорить, а во второмъ — свободное смиреніе. Но

среди людей часто разстроивается самый порядокъ собесѣдованія, какъ сказали мы выше. Ибо иногда говоритъ кто либо чрезъ надутость гордости, и думаетъ, будто онъ говоритъ съ авторитетомъ свободы; а другой молчитъ иногда по глупому страху, и думаетъ, будто онъ молчитъ по смиренію. Тотъ, занимаясь мѣстомъ своего начальствованія, не умѣряетъ чувства надутости; тотъ, разсуждая о мѣстѣ своего подчиненія, боится говорить о благѣ, которое чувствуетъ, и не замѣчаетъ того, на сколько онъ дѣлается виновнымъ предъ любовію молчаніемъ.

13. Но гордость авторитетомъ, и человѣческій страхъ смиреніемъ, прикрываются такъ, что часто ни тотъ не можетъ обсудить, чѣмъ онъ обязанъ Богу, ни этотъ, чѣмъ онъ обязанъ ближнему. Ибо тотъ, взирая на подчиненныхъ себѣ, и не обращая вниманія на Того, Кому всѣ подчинены, предается гордости, и своею гордостію славится какъ бы авторитетомъ. А этотъ иногда, боясь лишиться благоволенія со стороны высшаго, и чрезъ то потерпѣть нѣкоторый временный вредъ, скрываетъ правду, которую знаетъ, и молча про себя самый страхъ, которымъ стѣсняется, называетъ смиреніемъ. Но молча въ помышленіи осуждаетъ того, кому ничего не хочетъ сказывать; а потому онъ ужасно гордъ по-

тому именно, почему считаетъ себя смиреннымъ. Поэтому всегда надобно различать свободу отъ гордости, и смиреніе отъ страха, для того, чтобы ни страхъ не прикрывался смиреніемъ, ни гордость свободою. Итакъ, поелику Іезикіиль посылается на проповѣдь не только народу, но и старѣйшинамъ его: то, чтобъ онъ не считалъ неумѣстнаго страха за смиреніе, ему дается наставленіе, чтобъ онъ не боялся, когда говорится: *да не убоишися.* А чтобъ онъ не страшился и словъ поношенія ихъ, присовокупляется: *словесъ ихъ не убойся,*

14. Но почему онъ не долженъ бояться словъ поносителей, присовокупляется и причина, когда тамъ же говорится: *зане разсвирѣпѣютъ, и обыдутъ тя окрестъ, посреди бо скорпіевъ ты живеши.* Ибо тѣ, къ которымъ посылаемъ былъ Пророкъ, не были бы страшны, если бы вѣрою и дѣлами благоугождали всемогущему Богу. Но поелику они невѣрующіе и развратники, въ словахъ своихъ поносители; то ихъ страшиться нечего, потому что весьма глупо, если мы желаемъ нравиться тѣмъ, о которыхъ знаемъ, что они противны Богу. Но суды праведныхъ должны быть принимаемы со страхомъ и благоговѣніемъ; потому что они суть члены всемогущаго Бога, и порицаютъ на землѣ то, что съ неба обличаетъ Богъ. Ибо поношеніе нечести-

выхъ есть одобреніе нашей жизни; потому что уже открывается, что мы имѣемъ нѣсколько праведности, если начинаемъ не нравиться тѣмъ, которые не нравятся Богу. Ибо никто въ одномъ и томъ же дѣлѣ не можетъ быть пріятнымъ всемогущему Богу и врагамъ Его. Такъ какъ отказывается быть другомъ Богу тотъ, кто угождаетъ врагу Его. И тотъ будетъ противенъ врагамъ истины, кто будетъ сердечно подчиняться тойже истинѣ. Поэтому святые мужи, воспламененные обличеніемъ свободнаго слова, не боятся возбуждать ненависть къ себѣ тѣхъ, о которыхъ знаютъ,. что они не любятъ Бога. Пламенно выражая это Пророкъ, считалъ какъ бы обязанностію къ Создателю всяческихъ, говоря: *не ненавидящія ли Тя, Господи, возненавидѣхъ; и о врагѣхъ Твоихъ истаяхъ* (Псал. CXXXVIII, 21)? *Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (ст. 22). Ясно говоритъ онъ какъ бы такъ: суди, (Господи), сколько люблю Тебя я, который не страшусь возбуждать противъ себя вражду враговъ Твоихъ. Поэтому-то онъ еще говоритъ: *воздающіи ми злая возблагая, зане гоняхъ благостыню* (Псал. XXXVII, 21). Весьма доброе дѣло дѣлаетъ праведникъ, когда свободно противорѣчитъ неправеднымъ. Но неправедные люди воздаютъ за добро зломъ, когда безславятъ праведниковъ за то, что сіи за-

щищаются противъ нихъ правдою. Ибо праведники не взираютъ на сужденія человѣческія, но взираютъ на судъ вѣчнаго Судіи, а потому и презираютъ слова безславящихъ. Ибо поэтому Павелъ безславящимъ Коринѳянамъ говоритъ: *для меня очень мало значитъ, какъ судите обо мнѣ вы, или другіе люди* (1 Кор. IV, 3). Онъ, не находя ничего даже въ своей совѣсти, за что могъ бы укорить себя, присовокупляетъ: *я и самъ не сужу о себѣ.* Но видя, что ему для совершенства въ святости не достаточно было своего сужденія, присовокупилъ: *судія мой Господь* (Тамъже, ст. 4). Ясно онъ говоритъ какъ бы такъ: я думаю, что даже собственному моему сужденію о мнѣ не должно вѣрить; потому что меня судитъ Тотъ, суда Котораго я не постигаю. Поэтому блаженный Іовъ, когда среди болѣзней отъ ранъ терпѣлъ еще раны отъ словъ, произносимыхъ языками уничижающихъ его друзей, тотчасъ мыслію обратился къ совѣсти, и чтобы гдѣ либо имѣть опору для души, воззрѣлъ на небо, говоря: *и нынѣ се на небесѣхъ послухъ* (свидѣтель) *мой, свидѣтель же ми во вышнихъ* (Іов. XVI, 19). Онъ и еще присовокупилъ: *да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ Нимже да каплетъ око мое* (ст. 20).

15. Ибо во всемъ, что говорятъ о насъ, мы должны всегда молча обращаться къ душѣ, прибѣ-

гать къ внутреннему свидѣтелю и судіи. Ибо что пользы въ томъ, если всѣ хвалятъ, но совѣсть обвиняетъ? Или какой вредъ можетъ быть отъ того, что всѣ поносятъ насъ, и одна только совѣсть защищаетъ насъ? Поэтому-то блаженный Іовъ, пребывая въ душѣ непоколебимымъ среди рѣчей обличителей, поелику видѣлъ, что онъ препирается на землѣ съ ложными мыслями, искалъ свидѣтеля на небѣ. Поэтому-то и Исаія говоритъ: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. III, 12). Дабы эти именно люди не обращали вниманія на слова похвалы себѣ, и не гибли во грѣхахъ, тотчасъ говорится, что они должны взирать на Того, Котораго суда должно страшиться, когда присовокупляется: *но нынѣ устроится Господь на судъ, и поставитъ на судъ люди своя* (Ст. 13). Ясно онъ говорилъ какъ бы такъ: почему послѣдуешь мнѣніямъ человѣческимъ ты, который знаешь, что надъ тобою стоитъ небесный Судія?

16. Поэтому-то Истина утверждаетъ, что Іоаннъ Креститель не былъ подобенъ трости, колеблемой отъ вѣтра, говоря: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти; трость ли вѣтромъ колеблему* (Мат. X, 7)? Что это сказалъ Онъ отрицательно, а не утвердительно, о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія за

тѣмъ слова. Ибо говоритъ: *но чесо изыдосте видѣти; человѣка ли въ мягки ризы облеченна; се, иже мягкая носящіи, въ домѣхъ царскихъ суть* (Тамъ же, ст. 8). Трость же, колеблемая вѣтромъ, то вверхъ поднимается отъ дуновеній, то внизъ приклоняется отъ нихъ же. Но всякая слабая душа, которая или отъ поношеній приходитъ въ уныніе, или отъ похвалъ надмѣвается, есть тростъ, колеблемая вѣтромъ. Іоаннъ не былъ таковымъ; потому что среди похвалъ человѣческихъ и поношеній былъ непоколебимъ душею.

17. Но этотъ предметъ требуетъ тщательнаго обсужденія. Когда мы ведемъ жизнь неукоризненную; то всегда ли мы должны презирать слова безславящихъ насъ, или въ извѣстныхъ случаяхъ должны обуздывать ихъ? Объ этомъ надобно знать, что какъ съ намѣреніемъ не должны мы раздражать языки злословящихъ, дабы они не погибли, такъ равнодушно должны мы переносить злорѣчіе, возбужденное собственною ихъ злостію, чтобы наша заслуга возрастала; но иногда должны мы и обуздывать ихъ, для того, чтобъ они, разсѣевая о насъ худую молву, не вредили невиннымъ сердцамъ тѣхъ, которые съ пользою для себя могли насъ слушать. Поэтому-то Іоаннъ обуздалъ языкъ своего порицателя; говоря: *первенстволюбецъ ихъ Діот-*

ревъ не пріемлетъ насъ. Сего ради аще пріиду, воспомяну его дѣла, яже творитъ, словесы лукавыми укоряя насъ (3 Іоан. IX, 10). Такъ и Павелъ о Кориѳскихъ порицателяхъ разсуждаетъ, говоря: *такъ какъ нѣкто говоритъ: онъ въ письмахъ строгъ и силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ, и рѣчь его низка; таковый пусть знаетъ, что каковы мы на словахъ въ письмахъ заочно, таковы и на дѣлѣ лично* (2 Кор. X, 10).

18. Ибо тѣ, коихъ жизнь представлена въ примѣръ для подражанія, должны, если могутъ, обуздывать языкъ своихъ порицателей, дабы мнѣнія сихъ послѣднихъ не слушали тѣ, которые могли слушать, и оставаясь въ нечестіи, не призирали добродѣтельной жизни. Но въ этомъ дѣлѣ необходимо тщательно испытывать самаго себя, дабы не искать славы въ похвалѣ себѣ, и не притворяться въ нашемъ помышленіи, будто оно заботится о пользѣ душъ. Ибо часто душа услаждается хвалою своего имени, и какъ бы подъ предлогомъ духовной пользы радуется, когда узнаетъ, что о ней говорятъ хорошо. И часто при защищеніи своей славы гнѣвается на поносителей, и воображаетъ себѣ, будто она это дѣлаетъ по ревности къ тѣмъ, коихъ сердца смущаетъ рѣчь поносителя на ихъ добромъ пути. Итакъ о томъ, чтобы противъ ихъ мнѣнія не имѣ-

ли перевѣса слова порицателей, чрезвычайно должны заботиться тѣ, которые, тонко испытавъ свою совѣсть, находятъ, что они въ ней не имѣютъ никакого пристрастія къ личной славѣ.

19. Поэтому-то праведные и совершенные (люди) иногда проповѣдуютъ о своихъ добродѣтеляхъ, разсказываютъ о благахъ, полученныхъ свыше, не для того, чтобъ имъ имѣть успѣхъ въ прославленіи себя предъ людми, но для того, чтобы примѣромъ своимъ привлечь къ жизни тѣхъ, которымъ они проповѣдуютъ. Поэтому-то Апостолъ Павелъ повѣствуетъ Коринѳянамъ, сколько разъ били его палками, сколько разъ побивали его камнями, сколько разъ претерпѣвалъ онъ кораблекрушенія, сколько претерпѣлъ за истину, что онъ восхищенъ былъ даже до третьяго неба, восхищенъ былъ въ рай (2 Кор. XI, 25. сн. XII, 2. 4), — для того, чтобъ отвратить мысль ихъ отъ ложныхъ проповѣдниковъ, чтобы, давъ знать о себѣ, кто онъ, унизить предъ ними цѣну тѣхъ, о которыхъ зналъ, что они несправедливо пользуются уваженіемъ. Когда совершенные (люди) это дѣлаютъ, т. е. когда говорятъ о своихъ добродѣтеляхъ; тогда они даже въ этомъ подражаютъ всемогущему Богу, Который говоритъ людямъ о славѣ своей для того, чтобы люди познали Его. Ибо, если Онъ чрезъ Писаніе заповѣдуетъ, говоря: *да хвалитъ тя искрен-*

ній, а не твоя уста (Притч. XXVII, 2); то почему Самъ Онъ дѣлаетъ то, что запрещаетъ? Но если бы всемогущій Богъ молчалъ о силахъ своихъ, то никто не зналъ бы Его; если никто незналъ бы Его, то никто не любилъ бы; если бы никто не любилъ Его, то никто не возвращался бы къ жизни. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца о Немъ говорится: *крѣпость дѣлъ Своихъ возвѣсти людемъ Своимъ, дати имъ достояніе языкъ* (Псал. CX, 6). Слѣдовательно, Онъ возвѣщаетъ о силахъ Своихъ, не для того, чтобы Самому преуспѣвать въ хвалахъ Своихъ, но для того, чтобы познавшіе Его достигали наслѣдія вѣчнаго. Итакъ праведные и совершенные (люди) неукоризнены, не только тогда, когда опровергаютъ бранныя слова на нихъ, но и тогда, когда говорятъ слабымъ о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя имѣютъ; потому что своею жизнію, о которой повѣдаютъ, пріобрѣтаютъ къ жизни души другихъ.

20. Впрочемъ надобно знать, что они никогда не открываютъ своихъ добрыхъ дѣлъ, если не принуждаетъ ихъ къ тому, какъ я сказалъ, или польза ближнихъ, или рѣшительная необходимость. Поэтому Апостолъ Павелъ, перечисливъ свои добродѣтели Коринѳянамъ, присовокупилъ: *быхъ несмысленъ хвалялся: вы мя понудисте* (2 Кор. XII, 11).

Но иногда бываетъ такъ, что они, вынужденные необходимостію, въ добрыхъ дѣлахъ, которыя повѣдаютъ о себѣ, ищутъ пользы не другихъ, а своей, какъ блаженный Іовъ изчисляетъ свои добродѣтели, говоря: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ быхъ отецъ немощнымъ, распрю же, еяже не вѣдяхъ, изслѣдихъ* (Іов. XXIX, 15. 16). И многое другое, что сдѣлалъ онъ хорошаго, воспоминаетъ. Но это потому, что святый мужъ, находясь въ болѣзненныхъ ранахъ, и терпя обличенія друзей, которые говорили, будто онъ жилъ нечестиво, обижалъ ближнихъ, притѣснялъ бѣдныхъ, видѣлъ, что душа его сильно потрясена и близка къ рову отчаянія; онъ тотчасъ могъ пасть, если бы не возобновилъ въ памяти своихъ добрыхъ дѣлъ, чтобы возвратить душу къ надеждѣ, дабы отъ мучительныхъ словъ и ранъ не погибнуть въ отчаяніи. Итакъ, что онъ исчисляетъ свои добрыя дѣла, этимъ не желаетъ какъ бы изъ тщеславія сдѣлаться извѣстнымъ для другихъ, но возвращаетъ душу къ надеждѣ. Итакъ праведники, какъ безъ гордости говорятъ иногда о добрыхъ дѣлахъ, которыя они совершаютъ, такъ безъ ревности къ личной славѣ обуздываютъ языки своихъ поносителей, потому что сіи говорятъ вредное. Когда же языки поносителей не могутъ быть исправлены, тогда они во всемъ равнодушно должны быть

терпимы. Поносительныхъ словъ бояться не должно, дабы, страшась поношенія нечестивыхъ, не оставить пути праваго. Поэтому-то теперь Пророку Іезикіилю говорится: *словесъ ихъ не убойся, зане домъ огорчеваяй есть* (а).

21. Но они менѣе были бы злы, если бы тѣ, которые суть невѣрующіе, менѣе были разорителями. Но они какъ сами не вѣруютъ, ни въ награды царства небеснаго, ни въ наказанія геенны, будучи погружены въ нечестіе: такъ и другихъ отклоняютъ отъ вѣры и добродѣтели такъ, чтобъ и другіе не достигали того царства, котораго сами они не желаютъ. Ибо они, какъ только узнаютъ, что нѣкоторые чувствительные люди начинаютъ прилѣплятъся къ добру и уклоняться зла, то осмѣяніемъ того, что обѣщается на небѣ, то презрѣніемъ того, чѣмъ угрожаетъ всемогущій Богъ въ наказаніяхъ ада, то хвалою временныхъ благъ, то обѣщаніемъ наслажденій настоящаго вѣка, хитро убѣждая, сбиваютъ съ толку сердца невинныхъ, и пре-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ мысль: *зане домъ преогорчеваяй есть*, читается такъ: *quia increduli et subversores sunt tecum*, т. е. *потому что невѣрующіе и разорители съ тобою*. Эта мысль развивается въ дальнѣйшемъ объясненіи Святителя.

вращаютъ пути ихъ. Радуются, если кого смогутъ уклонить отъ жизни, и привлечь къ смерти; радуются въ своемъ нечестіи, торжествуютъ и о нечестіи другихъ. Наказанія за себя недостаточно для тѣхъ, которые дѣйствуютъ такъ, чтобы не однимъ погибать. Но если они найдутъ какого либо праведника съ такою силою, что уже не рѣшаются и говорить ему противное: то, не имѣя возможности быть разорителями, тотчасъ превращаются въ скорпіоновъ. Ибо скорпіонъ ласково наступаетъ, но жалитъ хвостомъ; не угрызаетъ съ лица, на вредитъ сзади. Итакъ скорпіоны суть всѣ льстивые и злые (люди), которые, хотя и не противятся добрымъ прямо въ лице, но тотчасъ, какъ только отойдутъ отъ нихъ, злословятъ ихъ, воспламеняютъ противъ нихъ другихъ, которыхъ могутъ, всѣми возможными средствами вредятъ имъ, и тайно не перестаютъ наносить имъ смертельныя раны. Итакъ скорпіоны суть тѣ, которые на видъ кажутся ласковыми и невинными, но за спиною носятъ нѣчто такое, изъ чего изливаютъ ядъ. Ибо тѣ, которые язвятъ скрыто, скрыто какъ бы тащатъ за собою смерть. Поэтому-то и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *обыдоша мя яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ терніи* (Псал. CXVII, 12). Ибо пчелы въ устахъ имѣютъ медъ, но въ хвостѣ ядовитое жало. И всѣ

тѣ, которые языкомъ ласкательствуютъ, а тайно по злости язвятъ, суть пчелы; потому что словами предлагаютъ сладость меда, но скрытно уязвляя наносятъ рану. Но поступающіе такимъ образомъ разгораются *яко огнь въ терніи*; потому что пламенемъ поношающихъ не сожигается жизнь праведниковъ, но выжигаются тернія грѣховъ, если какіе либо могли быть въ нихъ. Итакъ говорится: *невѣрующіе и разорители съ тобою, посреди бо скорпіевъ ты живеши*. Они невѣрующіе, т. е. Богу, разорители же для слабыхъ ближнихъ, а скорпіоны даже для мужественныхъ и сильныхъ. Хотя послѣднимъ они не рѣшаются противорѣчить въ лице, однако же тайно наносятъ имъ рану безславія. Поэтому они вмѣстѣ суть-и невѣрующіе, и разорители, и скорпіоны; потому что, и не вѣруютъ тому, что слышали о Богѣ, и развращаютъ добрые нравы въ тѣхъ, которыхъ пересиливаютъ, и сокровенными средствами уязвляютъ тѣхъ, которыхъ совратить съ пути не имѣютъ силы.

22. Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно еще то, что когда Пророку говорится: *невѣрующіе и разорители съ тобою, посреди бо скорпіевъ ты живеши*, тогда предлагается врачество утѣшенія намъ, которымъ часто бываетъ скучно жить, если мы не хотимъ жить вмѣстѣ съ злыми людьми. Ибо мы жа-

луемся, почему не всѣ добры тѣ, которые живутъ вмѣстѣ съ нами. Мы не хотимъ терпѣть зла ближнихъ, рѣшаемъ, что уже всѣ должны быть святыми, когда не хотимъ, чтобъ было то, что должны мы переносить отъ ближнихъ. Но въ этомъ дѣлѣ яснѣе солнца открывается, что когда мы отказываемся терпѣть злыхъ, тогда еще очень много добраго не имѣемъ сами. Ибо тотъ не совершенно добръ, если кто не останется добрымъ даже среди злыхъ. Поэтому блаженный Іовъ утверждаетъ о себѣ самомъ, говоря: *братъ быхъ сіринамъ, другъ же птичій* (Іов. XXX, 29) (а). Поэтому Апостолъ Павелъ говоритъ ученикамъ: *посредѣ рода строптива и развращена, въ нихъже являетеся якоже свѣтила въ мірѣ* (Филип. II, 15). Поэтому Петръ, пастырь стада Господня, говоритъ: *праведнаго Лота обидима отъ беззаконныхъ въ нечистотѣ сожитія избави* (2 Петр. II, 7). *Видѣніемъ бо и слухомъ праведный живый въ нихъ, день отъ дне душу праведну беззаконными дѣлы мучаше* (ст. 8). Но мы часто, жалуясь на жизнь ближнихъ, стараемся перемѣнить мѣсто, избрать уединеніе отшельни-

---

а) Этотъ текстъ въ Латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *frater fui draconum, et socius struthionum*, т. е. *я былъ братомъ драконовъ, и товарищемъ страусамъ.*

ческой жизни; не зная того, что если нѣтъ духа, мѣсто не помогаетъ. Ибо тотъ же самый Лотъ, о которомъ говоримъ, въ Содомѣ пребылъ святымъ, а на горѣ согрѣшилъ (Быт. XIX, 2. 30 и слѣд.). А что мѣста не укрѣпляютъ души, тому свидѣтель первый родоначальникъ человѣческаго рода, который и въ раю палъ. Но все, что мы говоримъ о землѣ, ничтожно. Ибо, если бы мѣсто могло спасать; то сатана не палъ бы съ неба. Поэтому Псалмопѣвецъ, видя вездѣ въ этомъ мірѣ искушенія, искалъ мѣста, куда могъ бы убѣжать, но безъ Бога не могъ найти укрѣпленія. Почему и просилъ быть для него мѣстомъ Того Самаго, ради Котораго отыскивалъ мѣста, говоря: *буди ми въ Бога защитителя, и въ домъ прибѣжища, еже спасти мя* (Псал. XXX, 3). Итакъ вездѣ должны быть терпимы ближніе, потому что Авель не можетъ быть сильнымъ, если его не упражняетъ злобою Каинъ.

23. Но есть одно исключеніе, по которому должно убѣгать сожительства съ злыми, дабы они не привлекли къ себѣ, если сами не могутъ уже исправиться; и чтобъ они не развратили тѣхъ, которые живутъ вмѣстѣ съ ними, когда сами не перемѣняются въ своей злобѣ. Поэтому Павелъ говоритъ: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). И какъ чрезъ Соломона говорится: *не бывай*

другъ мужу гнѣвливу, и со другомъ жестокосердымъ не соводворяйся: да не когда научишися путемъ его, и пріимеши тенета души твоей (Прит. XXII, 24. 25). Посему, какъ совершенные мужи не должны убѣгать отъ развращенныхъ ближнихъ; потому что они и сихъ послѣднихъ привлекаютъ къ добродѣтельной жизни, и сами всегда безопасны отъ развращенія: такъ всѣ слабые должны уклоняться отъ сожительства съ нечестивыми, дабы не соблазниться къ подражанію тому злу, которое часто видятъ, а исправить не имѣютъ силы. Ибо мы чрезъ слухъ принимаемъ душею ежедневно слова ближнихъ такъ, какъ вдыхая и выдыхая принимаемъ воздухъ тѣломъ. И какъ вредный воздухъ, втягиваемый непрестаннымъ дыханіемъ, разстроиваетъ тѣло; такъ нечестивыя слова, непрестанно слышимыя, разстроиваютъ душу слабыхъ, такъ что она начинаетъ чахнуть отъ услажденія нечестіемъ. — Затѣмъ слѣдуетъ: *словесъ ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяй есть* (Тамъ же, ст. 6).

24. Добрые (люди) должны бояться того, чтобъ имъ не оскорбляться, дабы чрезъ нихъ не вызванъ былъ къ гнѣву Тотъ, Кто всегда обитаетъ въ сердцахъ ихъ. Ибо если мы, какъ выше сказано, оскорбляемъ злыхъ людей, то не должны бояться,

потому что наша дѣятельность не нравится тѣмъ, которымъ не нравится даже правосудіе Создателя. Итакъ чего бояться, если къ намъ неблагодарны тѣ, которыхъ Богъ не любитъ? Поэтому теперь справедливо говорится: *словесъ ихъ не убойся, и отъ лица ихъ не ужасайся, зане домъ огорчеваяй есть.* Ясно какъ бы такъ было сказано: ихъ должно было бы бояться, если бы они не преогорчевали Меня въ своихъ дѣлахъ. О нихъ еще присовокупляется: *и возглаголеши словеса Моя къ нимъ, аще убо услышатъ, или убоятся, зане домъ прогнѣваяй есть* (Іезик. II, 7).

25. Всякій, кто грѣшитъ, что другое дѣлаетъ, если не прогнѣвляетъ Создателя своего? И мы знаемъ, что сколько разъ мы грѣшимъ дѣломъ, словомъ, помышленіемъ; столько разъ прогнѣвляемъ противъ себя Бога. Однакожь Онъ терпитъ, и милостиво ожидаетъ, чрезъ Себя предлагаетъ намъ терпѣніе, а чрезъ Проповѣдниковъ Своихъ—слово увѣщанія. Но всякой Проповѣдникъ правды, если его слушаютъ, утоляетъ гнѣвъ раздраженнаго Создателя на непокорный народъ. Поэтому необходимо, чтобы самъ онъ не дѣлалъ зла, которое обыкновенно возбуждаетъ въ народѣ ярость Создателя его. Для сего и присовокупляется: *и ты сыне человѣчь, послушай*

глаголющаго къ тебѣ, не буди огорчеваяй, якоже домъ преогорчеваяй (Iезик. II, ст. 8).

26. То есть, зла, которое ты видишь содѣваемымъ, самъ не твори, чтобы самому не дѣлать того, къ запрещенію чего ты посылаешься. Ибо всякой Проповѣдникъ всегда долженъ съ напряженнымъ вниманіемъ думать о томъ, чтобы посланный на исправленіе падшихъ, самъ не падалъ въ нечестіе съ падшими, и твердо содержалъ въ памяти мысль Павла, который говоритъ: *имже судомъ судиши друга, себе осуждаеши* (Рим. II, 1). Поэтому Валаамъ, исполненный Духа Божія для того, чтобы говорить, но удержанный своимъ духомъ въ плотской жизни, самъ о себѣ говоритъ: *слышай словеса Божія, умѣя умѣніе Вышняго, и видѣніе Божіе видѣвый во снѣ, отверсты очи его* (Числ. XXIV, 16) (а). Падая имѣлъ отверзтыя очи тотъ, кто видѣлъ, что долженъ былъ говорить правду, но презрѣлъ жизнь праведную. Онъ былъ падающимъ въ беззаконіе, и имѣющимъ открытые глаза въ святомъ проповѣданіи.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ послѣдняя мысль *отверсты очи его*, читается такъ: *qui cadens apertos habet oculos*, т. е. *который падая имѣетъ открытые глаза*. На эту-то мысль Святитель обращаетъ вниманіе.

27. Впрочемъ есть и другое, что можно разумѣть, почему блаженному Іезикіилю, посылаемому на проповѣдь, запрещается быть *преогорчевающимъ*. Ибо, если бы Пророкъ не повиновался, когда былъ посылаемъ на проповѣдь: то онъ своимъ молчаніемъ такъ же *преогорчилъ бы* всемогущаго Бога, какъ и народъ своимъ нечестіемъ. Потому что, какъ злые люди потому *преогорчеваютъ* Бога, что говорятъ или дѣлаютъ злое: такъ иногда *преогорчеваютъ* Его и добрые люди своимъ молчаніемъ о добрѣ. Итакъ тѣмъ ставятся въ вину беззаконныя дѣла, а этимъ—молчаніе въ правдѣ. Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ злыми и добрые *преогорчеваютъ* Бога; потому что, когда они не обличаютъ разврата, тогда своимъ молчаніемъ попускаютъ ихъ своеволію итти далѣе и далѣе. Затѣмъ слѣдуетъ: *отверзи уста твоя, и снѣждь, яже Азъ даю тебѣ* (тамъже).

28. Мы отверзаемъ уста наши, когда говоримъ правду; и снѣдаемъ то, что пріемлемъ отъ Бога, потому что и приписывается намъ и умножается въ нашихъ чувствахъ пища жизни, когда начинаемъ проповѣдывать. Поэтому другой Пророкъ говоритъ: *уста моя отверзохъ, и привлекохъ духъ* (Псал. CXVIII, 131). Ибо онъ не привлекъ бы духа, если бы не отверзъ устъ, потому что, если бы не трудился въ проповѣди ближнимъ, то не возраста-

ла бы въ немъ благодать духовнаго ученія. Далѣе слѣдуетъ: *и видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И разви его предо мною, и въ томъ писана бяше предняя и задняя* (Іезик. II, 9. 10).

29. Какъ чрезъ Пророка означается рядъ проповѣдниковъ, такъ чрезъ свитокъ, который онъ получилъ, означаются страницы Св. Писанія. Но свитокъ свернутый есть темное изреченіе Св. Писанія, которое завертывается глубиною мыслей такъ, что не удобно бываетъ проницаемо общимъ смысломъ. Но предъ Пророкомъ свитокъ развивается; потому что предъ проповѣдниками темнота священнаго изреченія проясняется. Свитокъ книжный рука Божія предложила, когда было говорено Апостоламъ: *уподобися царствіе небесное человѣку сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ: спящимъ же человѣкомъ, пріиде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отыде. Егда же прозябе трава, и плодъ сотвори, тогда явишася и плевеліе* (Мат. XIII, 24—26), и прочее, что любовь ваша воспоминаетъ даже безъ моего напоминанія. Но свитокъ, который она показывала свернутымъ, развила, когда сказанное загадочно изъяснила, говоря: *сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій: а село есть міръ: доброе же*

сѣмя, сіи суть сынове царствія: а плевелы суть сынове непріязненніи: а врагъ всѣявый ихъ, есть діаволъ: а жатва, кончина вѣка есть: а жатели, Ангели суть. Якоже убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе вѣка сего (Мат. XIII, 37—40). Итакъ книжный свитокъ развивается тогда, когда темное изреченіе объясняется пространнымъ разумѣніемъ. Этотъ книжный свитокъ Истина развила, когда совершила надъ учениками то дѣйствіе, о которомъ написано: *тогда отверзе имъ умъ, разумѣти Писанія* (Лук. XXIV, 45).

30. Объ этомъ свиткѣ еще присовокупляется: *въ томъ писана бяше предняя и задняя* (внутри и снаружи). Ибо книга священнаго Писанія внутри написана аллегоріею, а снаружи исторіею. Внутри духовнымъ разумѣніемъ, а снаружи простымъ буквальнымъ смысломъ, приспособительнымъ къ слабымъ. Внутри, потому что обѣщаетъ невидимое; снаружи, потому что располагаетъ видимое по правотѣ своихъ заповѣдей. Внутри, потому что обѣщаетъ небесное, а снаружи, потому что заповѣдуетъ, или какъ употреблять земныя презираемыя блага, каковы онѣ есть, или какъ удаляться отъ нихъ по желанію. Ибо иное говоритъ о таин-

ствахъ небесныхъ, а иное заповѣдуетъ о дѣйствіяхъ внѣшнихъ. И то, что заповѣдуетъ вовнѣ, ясно, но то, что повѣствуетъ о внутреннемъ, вполнѣ понятнымъ быть не можетъ. Поэтому написано: *простираяй небо яко кожу, покрываяй водами превыспреняя своя* (Псал. CIII, 2—3). Ибо что означается именемъ неба, если не Св. Писаніе? Отъ него сіяютъ для насъ—и солнце премудрости, и луна вѣдѣнія, и звѣзды примѣровъ и добродѣтелей древнихъ отцевъ. Оно простирается, яко кожа, потому что, будучи образовано чрезъ своихъ Писателей языкомъ плоти, развертывается при изъясненіи предъ очами нашими чрезъ слова учителей. Но что означается именемъ водъ, если не святѣйшіе лики Ангеловъ? О нихъ написано: *и вода, яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне* (Псал. CXLVIII, 4—5). Превыспренняя этого неба Господь покрываетъ водами; потому что высокое въ Св. Писаніи, именно то, что оно повѣствуетъ о природѣ Божества, или о вѣчныхъ радостяхъ, чего мы еще не знаемъ, тайно извѣстно однимъ только Ангеламъ. Итакъ это небо простирается и предъ нами, и однакоже превыспренняя его покрываются водами; потому что и ясно для насъ по откровенію духа нѣчто изъ Св. Писанія, и остается еще для насъ сокрытымъ нѣчто,

что можетъ быть открыто однимъ только Ангеламъ. Впрочемъ чрезъ духовное разумѣніе мы уже чувствуемъ часть изъ этого сокровеннаго, уже имѣемъ залогъ Духа Святаго; потому что, хотя вполнѣ и не знаемъ того, однако же сердечно любимъ, и во многихъ духовныхъ смыслахъ, которые уже знаемъ, питаемся пищею истины.

31. Итакъ пусть говоритъ (Пророкъ): *въ томъ писана быша предняя и задняя;* потому что въ Св. Писаніи и сокровеннѣйшими и высокими изреченіями насыщаются сильные, и ясными заповѣдями питаемся мы малые. Поэтому написано: *горы высокія еленемъ, камень же прибѣжище заяцемъ* (Псал. CIII, 18). Ибо пусть имѣютъ горы разумѣнія тѣ, которые успѣли возвыситься до созерцанія. Но пусть будетъ и камень прибѣжищемъ для зайцевъ; потому что мы, малые и покрытые терніями грѣховъ нашихъ, хотя не можемъ разумѣть высокаго, спасаемся въ убѣжищѣ нашего камня, т. е. вѣрою во Христа. Поэтому и говорится нѣкоторымъ: *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. II, 2). Онъ какъ бы такъ говорилъ: поелику я зналъ, что вы не можете понять таинствъ Божества Его, то говорилъ вамъ только о слабости Его человѣчества. — Далѣе слѣдуетъ: *и*

описано бяше въ немъ рыданіе, и жалость (пѣсни), и горе. (Іезик. II, 10) (а).

32. Нѣтъ сомнѣнія, что слово *пѣснь* употребляется иногда въ хорошемъ значеніи, а иногда въ худомъ; потому что можно говорить: *и радостная пѣснь, и печальная пѣснь.* Но мы, слѣдуя употребленію Св. Писанія, которое обыкновенно употребляетъ слово *пѣснь* въ хорошемъ значеніи, принимаемъ слово *пѣснь* въ этомъ мѣстѣ въ хорошемъ значеніи. Ибо когда всемогущій Богъ перевелъ народъ свой чрезъ чермное море, то написано: *тогда воспѣ Моисей, и сынове Израилевы пѣснь сію Господеви* (Исх. XIV, 32). И когда Давидъ одержалъ побѣду надъ врагами, то написано: *и глагола Давидъ ко Господу словеса пѣсни сея* (2 Цар. XXII, 1). И Соломонъ говоритъ: *уксусъ въ селитрѣ, и поющій пѣсни сердцу развращенному* (Притч. XXV. 20) (б). Поелику уксусъ, вливаемый въ селитру, тотчасъ заставляетъ селитру кипѣть и пѣниться. И развращенная душа, когда подвергается выговору, или пріятностію проповѣди убѣждается къ добру, отъ ис-

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ въ этомъ текстѣ, вмѣсто Славянскаго *жалость* употреблено слово *carmen*, что значитъ: стихъ, стихотвореніе, пѣснь. Святитель объясняетъ это слово *carmen*, и даетъ ему значеніе радостной пѣсни.

б) Съ латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *acetum in nitro, et qui cantat carmina cordi pessimo.*

правленія дѣлается худшею, и воспламеняется несправедливостію негодованія оттуда, откуда должна была получить обузданіе въ несправедливости. И чрезъ Еліуса о неблагодарномъ и отчаевающемся говорится: *и не рече: гдѣ есть Богъ сотворивый мя; устрояяи стражбы нощныя* (Іов. XXXV, 10) (а). Потому что пѣснь въ ночи есть утѣшеніе въ скорби. Мы принимаемъ пѣснь въ ночи, когда въ тѣснотахъ настоящихъ утѣшаемъ себя радостями будущими. Пѣснь въ ночи указалъ намъ Апостолъ, когда говорилъ: *упованіемъ радующеся, скорби терпяще* (Рим. XII, 12). Пѣснь въ ночи имѣлъ Давидъ, который говорилъ: *Ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержащія мя, радосте моя, избави мя отъ обышедшихъ мя* (Псал. XXXI, 7). Ибо кто говоритъ, что окруженъ несчастіями, и однако же Бога называетъ своею радостію, тотъ безъ сомнѣнія поетъ пѣснь въ ночи. Итакъ, почти всегда Священное Писаніе обыкновенно употребляло слово — пѣснь — въ хорошемъ значеніи; то и намъ въ этомъ мѣстѣ должно разумѣть оное въ томъ же значеніи.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ мысль: *устрояяй стражбы нощныя*, выражается такъ: *qui dedit carmina in nocte* т. е. *который далъ пѣсни въ ночи*. На этой-то мысли Святитель останавливаетъ свое и наше вниманіе.

33. Но *горе* въ Св. Писаніи чаще выражаетъ вѣчный плачь, нежели настоящій. Такъ написано: *горе беззаконному: лукавая бо приключатся ему по дѣломъ рукъ его* (Ис. III, 11). И блаженный Іовъ говоритъ: *аще нечестивъ буду, лютѣ (горе) мнѣ: аще же буду праведенъ, не могу возникнути; исполненъ бо есмь безчестія* (Іов. X, 15). Ибо несчастіе праведныхъ есть временное. Слѣдовательно, *лютѣ (горе)*, о которомъ онъ сказалъ, различалъ отъ временнаго несчастія тотъ, кто утверждалъ, что и праведникъ имѣетъ скорбь, и нечестивый горе. И лично сама Истина говоритъ: *горе міру отъ соблазновъ* (Мат. XVIII, 7), и, *горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете* (Лук. VI, 25); и, *горе имущимъ во чревѣ и доящымъ въ тыя дни* (Лук. XXI, 23). Итакъ намъ надобно обсудить, какимъ образомъ въ Св. Книгѣ написаны эти три: рыданіе, пѣснь и горе.

34. Рыданіе написано потому, что въ ней написано покаяніе грѣшниковъ. Но пѣснь потому, что въ ней предвозвѣщаются радости Праведныхъ. Горе же потому, что въ ней выражено осужденіе нечестивыхъ. Итакъ, чтобъ очистить грѣхи, читай въ этой книгѣ то, что написано о сокрушеніи: *расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. II, 13). И еще: *постраждите и слезите и плачитеся: смѣхъ*

ваш въ плачь да обратится, и радость въ сѣтованіе (Іак. IV, 9). А чтобъ имѣть радость въ обѣтованіи будущей радости, познай, какія въ этой книгѣ написаны пѣсни хвалы вѣчной: *блажени живущіи въ дому Твоемъ: въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя* (Псал. LXXXIII, 5). И какъ чрезъ нѣкотораго мудраго о небесномъ Іерусалимѣ говорится: *стогны Іерусалимскія вириллонъ и анѳраксомъ, и каменіемъ отъ суфіра устелются. И рекутъ вся стогны его, аллилуіа, и восхвалятъ* (Товит. XIII, 1—18). Объ этой пѣсни небеснаго отечества приходили возвѣщать намъ граждане его, которые согласно взывали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Но если ты еще привязанъ душею къ настоящему вѣку, если еще услаждаешься земными удовольствіями: то ты не можешь любить вѣчныхъ радостей, о которыхъ слышишь. Итакъ познай въ этой книгѣ горе, которое въ ней написано, и страхомъ прогони отъ души то, что ты любишь, чтобы тебѣ имѣть возможность со времени суда любить пѣснь, которую ты читаешь. Потому что тамъ подъ видомъ одного осужденнаго выражается все множество нечестивыхъ, когда голосомъ Истины говорится: *связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его, и ввергите во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мат.

XXII, 13). Ибо тогда нечестивые попадутъ во тму кромѣшнюю за то, что ни вѣрою, ни дѣлами, не ходили во свѣтѣ Истины. Въ нее низвергаются они связанными по рукамъ и по ногамъ за то, что нынѣ, имѣя время дѣйствовать и ходить, не хотятъ имѣть руки и ноги свободными на добрыя дѣла. Тамъ горе нечестивымъ написано: *червь ихъ не скончается, и огнь ихъ не угаснетъ* (Ис. LXVI, 24). Тамъ осужденнымъ и отверженнымъ говорится: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мат. XXV, 41). Итакъ въ этой книгѣ содержится все, что назидаетъ, все, что научаетъ. Ибо, если ты согрѣшилъ, и уже началъ сожалѣть о томъ, что учинилъ не дозволенное; то, для наученія себя совершенію покаянія, тамъ находишь *рыданіе*. Желая облегчить душу надеждою небесныхъ радостей, тамъ къ утѣшенію твоему находишь *пѣснь*. Но если ты и зло сотворилъ, и не сожалѣешь о томъ, что сотворилъ его, но поднимаешь выю души, не приклоняешь ее ни къ какимъ рыданіямъ покаянія, не исправляешься ни отъ какого ожиданія небесныхъ радостей: то, хочешь или не хочешь, тамъ услышишь написанное *горе*, такъ что, кого ни страхъ не располагаетъ къ смиренному покаянію, ни надежда горнихъ наградъ не возстановляетъ, тотъ уже нынѣ предвидитъ наказаніе

своей виновности, и безъ извиненія подвергается вѣчному наказанію.)

35. Итакъ что, братіе, что должно дѣлать намъ несчастнымъ, если не то, чтобы постоянно быть внимательными къ словамъ книги сей, и грѣхи, содѣянные нами, омывать слезами, чтобы чрезъ рыданіе покаянія достигнуть пѣсни жизни? Дабы, въ случаѣ нашего нехотѣнія удручать себя покаяніемъ, послѣ не чувствовать безконечнаго горя. Да не доводитъ насъ до отчаянія множество ранъ нашихъ, потому что могущество Врача выше, нежели великость нашего разслабленія. Ибо чего не можетъ возвратить ко спасенію Тотъ, Кто могъ все сотворить изъ ничего? Потому что Единородный (Сынъ) совѣченъ всемогущему Отцу, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ, въ единеніи со Св. Духомъ, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Въ изъясненіи первыхъ стиховъ третьей главы до пятнадцатаго рекомендуетъ преимущественно Священное Писаніе, непрестанное чтеніе его, размышленіе, и проповѣданіе.

1. Нѣкоторые, читая писанія священнаго языка, когда проникають въ высокія его мысли, меньшія заповѣди, данныя для слабыхъ, обыкновенно съ надмѣннымъ чувствомъ оставляютъ безъ вниманія, и хотятъ дать имъ другой смыслъ. Если бы правильно разумѣли въ немъ высокое, то не стали бы оставлять безъ вниманія и меньшихъ заповѣдей; потому что Божественныя заповѣди въ нѣкоторыхъ (мѣстахъ) такъ внушаются великимъ, что въ другихъ принаровляются и къ малымъ, которые чрезъ приращенія вѣденія какъ бы нѣкоторою поступью ума возрастаютъ, и достигаютъ высшаго разумѣнія. Поэтому теперь святому Пророку говорится: *сыне человѣчь, снѣждь* (Iезик. III, 1).

2. Ибо, что есть въ священномъ Писаніи, надобно снѣдать; потому что и малое его составляетъ простую жизнь, и великое его созидаетъ тонкое разумѣніе.—За тѣмъ слѣдуетъ: *снѣждь свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Израилевымъ. И отверзохъ уста моя, и напита мя свиткомъ симъ* (Iезик. III, 1—2).

3. Св. Писаніе есть пища наша и питіе. Поэтому-то и Господь чрезъ другаго Пророка угрожаетъ: *послю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія Слова Господня* (Амос. VIII, 11). Итакъ, Кто, по собственному сво-

ему изреченію, грозитъ истощить насъ гладомъ и жаждою, Тотъ показываетъ, что слова Его суть пища и питіе.) Но надобно замѣтить, что онѣ иногда суть пища, а иногда питіе. Ибо въ мѣстахъ темныхъ, которыхъ безъ объясненія понять нельзя, Св. Писаніе есть пища; такъ какъ то, что объясняется для того, чтобъ было понятно, какъ бы разжевывается для того, чтобы было проглочено. А въ мѣстахъ ясныхъ — питіе. Итакъ ясныя заповѣди мы пьемъ; потому что и безъ объясненія разумѣть ихъ можемъ. Поэтому же о томъ, что Пророкъ Іезикіиль долженъ былъ услышать темно и загадочно, не говорится ему о священномъ свиткѣ, *пей, но, снѣждь.* Ясно говорилось какъ бы такъ: обсуди и разумѣй, т. е. разжуй и проглоти. Но въ словахъ священнаго изреченія долженъ быть соблюдаемъ такой порядокъ нашего занятія, чтобы мы разумѣли ихъ для того, чтобы мы, какъ сокрушающіеся о нашемъ беззаконіи, сознавая грѣхи, содѣланные нами, избѣгали другихъ.

4. И когда отъ великаго употребленія слезъ объ отпущеніи грѣховъ начнетъ уже являться упованіе, тогда словами Божіими, которыя разумѣемъ, должны мы и другихъ привлекать къ жизни. Ибо онѣ для того и должны быть разумѣваемы, чтобъ и намъ были полезны, и другимъ были сообщаемы съ

духовнымъ намѣреніемъ. Поэтому теперь хорошо говорится: *снѣждь свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Израилевымъ.* Ясно о святой пищѣ сказано было какъ бы такъ: съешь и напитай, насыщайся и отрыгай, принимай и раздавай, ободряйся и трудись.

5. И замѣчательно, что Пророкъ присовокупляетъ, говоря: *и отверзохъ уста моя, и напита мя свиткомъ симъ.* Другой Пророкъ свидѣтельствуетъ, что уста въ сердцѣ, говоря: *устнѣ льстивыя въ сердцѣ: и въ сердцѣ глаголаша злая* (Псал. XI, 3). Итакъ мы отверзаемъ уста, когда приготовляемъ смыслъ къ разумѣнію священнаго слова. Поэтому Пророкъ отверзъ уста для гласа Господня; такъ какъ желанія сердца нашего направляются къ дыханію заповѣди Господней, чтобы принять что либо отъ пищи жизни. Но принятіе этой самой пищи не зависитъ отъ нашихъ силъ, если не напитаетъ Самъ Тотъ, Кто повелѣлъ отверсть уста. Ибо питаютъ того, кто самъ по себѣ ѣсть не можетъ. А поелику наша слабость неспособна къ принятію словъ небесныхъ: то насъ питаетъ Самъ Тотъ, Кто во времени отсыпаетъ намъ мѣру пшеницы, такъ какъ мы по благодати Божественнаго распоряженія напитываемся ежедневною пищею, сего дня разумѣя въ Св. Писаніи то, чего вчера не знали, а завтра поймемъ то, чего не знаемъ сего дня. Ибо всемогущій

Богъ какъ бы столько разъ простираетъ руку къ устамъ нашего сердца, сколько разъ открываетъ намъ разумѣніе, и посылаетъ пищу священнаго слова въ наши смыслы. Итакъ Онъ напитываетъ насъ свиткомъ, когда по мѣрному раздаянію открываетъ намъ смыслъ Св. Писанія, и пріятностію его наполняетъ наши помышленія. Поэтому и присовокупляется: *и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, чрево твое снѣстъ, и внутренности твои наполнятся свиткомъ симъ, который Я даю тебѣ* (Іезик. III, 3) (а).

6. Въ древнемъ переводѣ нѣтъ словъ: *чрево твое снѣстъ,* но *уста твоя снѣдятъ, и чрево твое насытится.* Ибо уста наши снѣдаютъ, когда мы читаемъ слово Божіе; но чрево наше насыщается, когда мы разумѣваемъ и исполняемъ то, о чемъ читая трудимся. Но въ позднѣйшемъ переводѣ, который мы признаемъ вѣрнѣйшимъ, написано: *чрево твое снѣстъ, и внутренности твоя наполнятся.*

а) Съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читаетается такъ: *Et dixit ad me: fili hominis, uenter tuus comedet, et uiscera tua replebuntur uolumine isto, quod ego do tibi.* Въ Славянскомъ же переводѣ читается такъ: *и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, уста твоя снѣдятъ, и чрево твое насытится свитка сего, даннаго тебѣ.* Въ обоихъ переводахъ мысль одна и таже: но объясненіе Святителя приспособлено къ первому, но не безъ вниманія и ко второму.

Но въ Св. Писаніи иногда чревомъ выражается понятіе о душѣ. Поэтому чрезъ Іеремію говорится: *чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ* (Іерем. IV, 19). Поелику онъ это говорилъ о духовномъ, а не о тѣлесномъ чревѣ, то присовокупилъ: *и чувства сердца моего, смущается душа моя* (Тамъ же). Ибо не было бы ни какого отношенія къ спасенію народа, если бы Пророкъ сталъ проповѣдывать, что онъ боленъ чревомъ тѣлеснымъ. Но чревомъ былъ боленъ тотъ, кто чувствовалъ оскорбленіе души. Но для чего намъ представлять примѣръ Пророка, когда мы имѣемъ ясное свидѣтельство Господа? И когда говоритъ лично сама Истина, тогда по необходимости Пророкъ долженъ молчать; потому что при солнцѣ свѣтильникъ не имѣетъ свѣта. Ибо она говоритъ: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. IV, 38). Ибо отъ души вѣрующихъ текутъ святыя проповѣданія, какъ бы отъ чрева ихъ текли рѣки живой воды. Но что значатъ внутренности чрева, если не внутреннее настроеніе души, то есть, справедливое намѣреніе, святое желаніе, воля, смиренная предъ Богомъ и благорасположенная къ ближнимъ? Поэтому теперь правильно говорится: *чрево твое сніъстъ; и внутренности твои наполнятся*; потому что, когда душа наша принимаетъ пищу исти-

ны, тогда наши внутренности уже не остаются пустыми, а бываютъ насыщенными пищею жизни.

7. Помыслимъ, возлюбленнѣйшіе мои братіе, сколь любвеобильно обѣщаніе, въ которомъ говорится: *чрево твое снѣстъ, и внутренности твои наполнятся свиткомъ симъ, который Я даю тебѣ.* Ибо многіе читаютъ, и отъ самаго чтенія бываютъ голодны. Многіе слушаютъ голосъ проповѣданія, но послѣ выслушанія отходятъ пустыми. Хотя чрево тѣхъ снѣдастъ, но внутренности не наполняются; потому что они, хотя и понимаютъ умомъ смыслъ священнаго изреченія, но забывая и не соблюдая того, что услышатъ, не перелагаютъ во внутренности сердца. Поэтому-то Господь укоряетъ нѣкоторыхъ чрезъ другаго Пророка, говоря: *устройте сердца ваша въ пути ваша. Сѣясте много, и взясте мало; ядосте, и не въ сытость, писте, и не въ піянство* (Агг. I, 5. 6). Много для сердца своего сѣетъ, но мало взимаетъ тотъ, кто чрезъ чтеніе или слушаніе многое знаетъ о небесныхъ заповѣдяхъ, но по небрежной дѣятельности мало приноситъ плодовъ. Ѣстъ и не насыщается тотъ, кто, слушая слова Божіи, желаетъ прибыли или славы вѣка сего Піетъ и не пьянѣетъ тотъ, кто ухо направляетъ къ голосу проповѣданія, но не измѣняетъ сердца. Ибо отъ пьянства піющихъ

смыслъ обыкновенно перемѣняется. Итакъ, кто расположенъ къ познанію Слова Божія, но желаетъ пріобрѣтать, что принадлежитъ вѣку сему, тотъ пьетъ, и не пьянѣетъ. Если бы онъ пьянѣлъ, то безъ сомнѣнія перемѣнилъ бы настроеніе души такъ, что уже не сталъ бы желать земнаго, уже пересталъ бы любить суетное и преходящее, которое любилъ дотолѣ. Ибо о избранныхъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *упіются отъ тука дому твоего* (Псал. XXXV, 9). Потому что они исполнены такою любовію ко всемогущему Богу, что по перемѣнѣ душевнаго настроенія кажутся сами для себя чужими, исполняя то, что написано: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Мат. XXVI, 24). Отвергается самаго себя тотъ, кто перемѣняется къ лучшему, и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ не былъ, и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ.

8. Но часто мы видимъ нѣкоторыхъ, что они, по гласу проповѣди какъ бы рѣшившись на перемѣну, перемѣнили состояніе, а не душу, такъ что приняли религіозную одежду, но не отвергли прежней жизни; во гнѣвѣ чрезвычайно раздражаются, въ припадкѣ злобы съ неистовствомъ бросаются на оскорбленіе ближняго, гордятся нѣкоторыми добрыми дѣлами, выказанными предъ глазами человѣческими; съ жадностію домогаются мірской прибыли,

и имѣютъ увѣренность въ своей святости на основаніи одного только внѣшняго состоянія, въ которое вступили. Этимъ людямъ что другое надобно внушать, если не то, что знаменитый учитель говоритъ нѣкоторымъ исполнителямъ внѣшняго закона; говоря: *О Христѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь* (Гал. VI, 15). Ибо не велика заслуга, если что либо совершается нами внѣшнимъ образомъ, въ тѣлѣ, но крайне надобно обращать вниманіе на то, что совершается въ душѣ.

9. Ибо презирать настоящій міръ, не любить преходящаго, искренно смирять душу предъ Богомъ и ближнимъ, хранить смиреніе противъ нанесенныхъ оскорбленій, и сохраняя терпѣніе, удалять отъ сердца печаль злости, раздавать бѣднымъ свою собственность, не желать чужаго, любить друга въ Богѣ, ради Бога любить и тѣхъ, которые суть враги, плакать о оскорбленіи ближняго, не радоваться смерти врага, — вотъ что значитъ быть новою тварію, которой тотъ же учитель языковъ бдительно отыскиваетъ въ другихъ ученикахъ, говоря: *аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимо идоша, се быша вся нова* (2 Кор. V, 17).

10. Потому что ветхому человѣку свойственно любить настоящій міръ, быть пристрастнымъ

къ преходящему, гордиться, не имѣть терпѣнія, въ припадкѣ злобы помышлять объ оскорбленіи ближняго, не давать нуждающимся своего, и для пріумноженія желать чужаго, никого чисто, ради Бога, не любить, воздавать врагамъ зломъ за зло, наслаждаться притѣсненіемъ ближняго. Все это свойственно ветхому человѣку, что мы имѣемъ по преемству отъ корня повреждснія. Но кто стоитъ выше всего этого, и по заповѣдямъ Господнимъ превращаетъ душу въ благость, о томъ правильно говорится: *древняя мимо идоша, се быша вся нова.*

11. Итакъ въ нашихъ душахъ все бываетъ новымъ тогда, когда удаляются отъ насъ пороки ветхаго человѣка; а пороки ветхаго человѣка удаляются отъ насъ тогда, когда чрево снѣдаетъ заповѣдь священнаго слова, и вполнѣ наполняются внутренности. Ибо мы часто видимъ нѣкоторыхъ, что они всею душею прилѣпились къ занятію священнаго чтенія, и познавая, по словамъ Господнимъ, сколь они грѣшны, заколаютъ сами себя въ слезахъ, удручаютъ непрестаемымъ сокрушеніемъ, не находятъ утѣшенія ни въ какихъ пріятностяхъ міра сего, такъ что для нихъ настоящая жизнь тягостна, и самый свѣтъ противенъ; что они едва допускаютъ въ собесѣдованіи что либо общежитейское, и съ трудомъ облегчаютъ душу отъ строгости покаянія.

по любви къ Создателю находятъ утѣшеніе въ сокрушеніи и безмолвіи. Ихъ-то чрево снѣдаетъ священный свитокъ, и внутренности наполняются; потому что заповѣдей жизни, которыя могъ понять смыслъ, память не потеряла, но самособранная въ Богѣ душа сохранила ихъ во всегдашнемъ сокрушеніи и воспоминаніи.

12. И часто бываетъ, что таковые люди по дару небесной благодати и понимаютъ слово ученія, и отъ пищи истины, которую сами внутри съ пріятностію пережевываютъ, съ удовольствіемъ питаютъ и ближнихъ. Проповѣданіе изъ устъ ихъ потому наиболѣе пріятно для слущающихъ, что дѣла ихъ не противорѣчатъ ихъ проповѣдямъ, такъ какъ они заимствуютъ изъ собственной жизни то, что языкомъ передаютъ ближнимъ. Поэтому и здѣсь Пророкъ правильно присовокупляетъ: *и снѣдохъ его, и бысть во устнѣхъ моихъ яко медъ, сладокъ* (Iезик. III, 3).

13. Свитокъ, который наполнилъ внутренности, былъ сладокъ въ устахъ, какъ медъ; потому что о всемогущемъ Богѣ умѣютъ пріятно говорить тѣ, которые научились истинно любить Его во внутренностяхъ своего сердца. Потому что Св. Писаніе сладко въ устахъ того, коего внутренности жизни наполняются заповѣдями его, такъ какъ оно пріят-

но для собесѣдованія тому, у кого внутри оно отпечатлѣно для жизни. Ибо слово того не имѣетъ сладости, кого нечестивая жизнь угрызаетъ внутри совѣсти. Поэтому необходимо, чтобы тотъ, кто проповѣдуетъ Слово Божіе, прежде самъ научился, какъ житъ, чтобы послѣ изъ жизни заимствовать то, что и какъ говорить. Ибо въ проповѣданіи болѣе назидаетъ сознаніе святой любви, нежели упражненіе въ словѣ; такъ какъ, любя небесное, проповѣдникъ внутри самаго себя читаетъ то, какъ должно убѣждать, что должны быть презираемы земныя блага. Ибо тотъ, кто обсуживаетъ свою внутреннюю жизнь, и своимъ примѣромъ увѣщевая во внѣ назидаетъ другихъ, какъ бы въ сердцѣ языка, омокаетъ трость въ томъ, что внѣшнимъ образомъ посредствомъ слова пишетъ для ближнихъ. Поэтому дивный проповѣдникъ, когда увѣщевая многое сказалъ ученикамъ, такъ какъ внутри самаго себя не имѣлъ никакого противорѣчія съ совѣстію, безопасно присовокупилъ: *аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте. Имже научистеся, и пріясте, и слышасте, и видѣсте во мнѣ, сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами* (Филип. IV, 8. 9). Далѣе слѣдуетъ: *и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, иди, и вниди въ домъ Израилевъ, и глаголи словеса Мои къ нимъ* (Іезик. III, 4).

14. Тѣмъ, что Господь говоритъ Пророку: *глаголи словеса Моя къ нимъ*, что другое Онъ дѣлаетъ, если не обуздываетъ уста его умѣренностію, дабы онъ не рѣшался во внѣ говорить то, чего прежде не услышитъ внутри себя? Ибо ложные пророки говорили свои слова, а не Божіи. О нихъ написано: *не слушайте словесъ пророковъ, иже пророчествуютъ вамъ и прельщаютъ васъ: видѣніе отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ* (Iерем. XXIII, 16). И еще: *не глаголахъ къ нимъ, и тіи пророчествоваху* (Тамъ же, ст. 21). Изъ этого надобно заключить, что и каждый толкователь въ изъясненіи Св. Писанія, быть можетъ для того, чтобы понравиться слушателямъ, слагаетъ нѣчто ложное, говоритъ свои слова, а не Господни, если увлекается желаніемъ понравиться или соблазнить. Ибо ища силы въ словахъ Господнихъ, самъ онъ иначе разумѣетъ ихъ, нежели Тотъ, Кѣмъ онѣ произнесены, хотя подъ другимъ разумѣніемъ находитъ назиданіе въ любви. Слова—то, произносимыя имъ, Господни; потому что Богъ чрезъ все Св. Писаніе говоритъ намъ для того, чтобы привлечь насъ къ любви Его и ближнихъ. Далѣе слѣдуетъ: *яко не къ людемъ глубокорѣчивымъ, и косноязычнымъ посылаемь еси, къ дому Израилеву: ниже къ людемъ многимъ иноязычнымъ, инорѣчивымъ,*

ни тяжкимъ языкомъ сущимъ, ихже не разумѣлъ бы еси словесъ; аще же и къ таџѣмъ послалъ быхъ тя, то и тіи послушали быша тебе: а домъ Израилевъ не восхощетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене (Іезик. III, 5—7).

15. Въ самомъ приступѣ повелѣнія, куда посылается Пророкъ на проповѣдь, ясно означаются,—и призваніе язычниковъ, и отверженіе Израильтянъ. Ибо, когда говорится: *не къ людемъ многимъ иноязычнымъ, инорѣчивымъ, ни тяжкимъ языкомъ сущимъ, ихже не разумѣлъ бы еси словесъ,* и тотчасъ присовокупляется: *аще же и къ таџѣмъ послалъ быхъ тя, то и тіи послушали быша тебе:* то ясно открывается послушаніе язычниковъ, которые, какъ только услышали бы голоса проповѣдниковъ, немедленно послѣдовали бы имъ. А когда присовокупляется: *а домъ Израилевъ не восхощетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене;* то означается упорство Іудеи, которая хотя и знала слова проповѣдниковъ, но не хотѣла имъ послѣдовать. Но неизвѣстный языкъ народовъ языческихъ не былъ остановкою къ послушанію, хотя былъ чуждымъ языку закона. И хорошо говорится: *не восхощетъ послушати тебе, понеже не хотятъ слушати Мене;* потому что написано: *отметаяйся васъ, Мене отметается* (Лук.

X, 16). И причина, по которой не послушают Израильтяне, представляется, когда говорится: *яко весь домъ Израилевъ непокориви суть, и жестокосерди* (Іезик. III, 7).

16. Если домъ Израилевъ называется непокоривымъ, то что другое надобно чувствовать, и что другое думать, если не то, что частое преступленіе притираетъ сердце до безстыдства, такъ что чѣмъ чаще оно повторяется, тѣмъ менѣе стыдится его душа повторяющаго? И потому грѣшникъ доходитъ иногда до толикаго ожесточенія сердца, что бываетъ уже не чувствителенъ къ исправленію; потому что, кто закоснѣлъ во грѣхѣ, тотъ рѣшительно не чувствуетъ слова исправителя, т. е. руки толкущаго, какъ и Іудеи, часто беззаконнующей, говорится: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. III, 3). Или непокоривость есть привычка къ дѣламъ міра сего; потому что, какъ есть нѣкоторые, которые предпочитаютъ спокойствіе всѣмъ наградамъ и почестямъ міра, такъ другіе, чтобы казаться, будто они нѣчто значатъ въ этомъ мірѣ, проливаютъ потъ въ земныхъ трудахъ, разбираютъ дѣла, мѣшаются въ ссоры. И хотя чувствуютъ, что они среди трудовъ утомились тѣломъ, однакоже, побѣждаемые пристрастіемъ къ земнымъ вещамъ, съ пріятностію утом-

ляются. Имъ чрезъ Пророка говорится: *Ефремъ юница наученая: еже любити прѣніе (молотьбу)* (Ос. X, 11). Ибо юница, привыкшая на току къ молотьбѣ, даже тогда, когда получаетъ отдыхъ отъ труда, сама собою туда возвращается. Такъ для нѣкоторыхъ нечестивыхъ душъ нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ заповѣдь о томъ, чтобъ они не трудились въ дѣлахъ міра сего. Ибо часто нѣкоторые, будучи удалены отъ дѣла земнаго, умоляютъ, чтобъ ихъ возвратили къ нему, просятъ, чтобъ ихъ стѣсняли, покой считаютъ для себя важною опасностію. Итакъ непокоривы тѣ, которые не только не избѣгаютъ трудовъ, но и не стыдятся казаться неблаговременными въ трудахъ, которые имъ запрещаютъ. Далѣе слѣдуетъ: *и се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и прю твою (чело твое) укрѣплю противу при ихъ (чела ихъ)* (Іезик. III, 8).

17. Какъ во злѣ стыдливость похвальна, такъ въ добрѣ укоризненна. Ибо стыдиться зла свойственно мудрости; а стыдиться добра свойственно глупости. Поэтому написано: *есть стыдъ наводяй грѣхъ, и есть стыдъ слава и благодать* (Прит. XXVI, 11). Ибо кто раскаеваясь стыдится зла, которое онъ сдѣлалъ, тотъ достигаетъ свободы жизни. А кто стыдится дѣлать добро, тотъ падаетъ изъ состоянія праведности, и стремится къ осуж-

денію, такъ какъ Спаситель говоритъ: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческій постыдится, егда пріидетъ во славѣ своей* (Лук. IX, 26). И есть нѣкоторые, которые въ умѣ уже понимаютъ добро, но явно еще не противятся злу. Эти именно (люди) хотя въ умѣ добры, но не имѣютъ твердости въ рѣчи, не способны къ защищенію истины. Ибо защитникомъ истины долженъ быть тотъ, кто не боится, не стыдится говорить о томъ, что онъ вѣрно знаетъ. Поэтому-то теперь въ важной должности Пророка дается обѣщаніе: *и се дахъ лице твое сильно противу лица ихъ, и чело твое укрѣплю противу чела ихъ.* Но что есть грѣшникъ, если не раненый? И что проповѣдникъ, если не врачъ? Итакъ, если грѣшникъ, лежащій въ ранахъ, не стыдится, то чего стыдиться врачу, который предвидитъ спасеніе отъ врачествъ? Но часто случается, что проповѣдника слушаютъ съ благоговѣніемъ; а иногда нечестивые презираютъ его такъ, какъ будто бы онъ не говоритъ имъ ничего полезнаго. Поэтому-то правильно теперь говорится: *какъ алмазъ, и какъ кремень я далъ лице твое* (Iезик. III, 9). (а).

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *ut adamantem et ut silicem dedi faciem tuam.* Въ Славянскомъ переводѣ тотъ же

18. Алмазъ и кремень—оба крѣпки; но первый изъ нихъ драгоцѣненъ, а второй дешевъ. Алмазъ употребляется на украшеніе, а кремень валяется по дорогамъ. И часто случается, что мы видимъ тѣхъ, которые съ чрезвычайнымъ смиреніемъ слушаютъ о своемъ исправленіи, но стыдимся сказать имъ что либо. Иногда же случается и то, что мы видимъ тѣхъ, которые не терпятъ выговора себѣ, и презираютъ его, а страшимся произнесть имъ слово проповѣданія. Но если мы правильно мудрствуемъ; то принимаемъ дерзновеніе увѣщанія или обличенія, какѣ тѣмъ, которыхъ видимъ уважающими насъ, такъ и тѣмъ, которыхъ видимъ презирающими насъ, такъ что мы не должны ни стыдится смиренія первыхъ, ни страшиться гордости послѣднихъ. Итакъ да пребудетъ глаголъ сей: *я далъ лице твое какъ алмазъ*, т. е. если слушатели тебя почитаютъ; *далъ лице твое, какъ кремень*, если слушатели небрегутъ и презираютъ тебя, дабы ни отъ воздаваемой чести языкъ не препинался стыдливостію, ни отъ презрѣнія не молчалъ по слабости. Далѣе слѣдуетъ: *не убойся ихъ, не ужасайся лица ихъ, зане домъ разгнѣваяй есть* (Іезик. III, 9).

текстъ читается такъ: *и будетъ, всегда крѣпчае камене далъ челю твою.* Мы придержались Латинскаго текста потому, что Святитель на немъ основываетъ свое дальнѣйшее объясненіе.

19. Объ этомъ уже сказано выше. Но падобно замѣтить, сколь упорнымъ считается этотъ домъ, коего упорство такъ часто повторяется. Итакъ обличать должно грѣшника, а не бояться его, такъ какъ онъ есть *домъ разгнѣваяй.* Ибо человѣкъ долженъ былъ бы страшнымъ быть, если бы самъ онъ, какъ человѣкъ, боялся Виновника всяческихъ. Ибо кто не имѣлъ разумнаго смысла о страхѣ Божіемъ, тотъ ни въ чемъ не долженъ быть страшнымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть. За тѣмъ слѣдуетъ: *и рече ко мнѣ: сыне человѣчь, вся словеса, яже глаголахъ съ тобою, возми въ сердце твое, и ушима твоима послушай: и шедъ, вниди въ плѣнъ къ сыномъ людей твоихъ* (Іезик. III, 10. 11).

20. Внимательно падобно смотрѣть на то, что голосомъ Господа повелѣвается Пророку, прежде выслушать слова Его, а потомъ говорить. Мы слушаемъ слова Божіи, если исполняемъ ихъ. И тогда вѣрно передаемъ ихъ ближнимъ, когда прежде сами исполнимъ. Это подтверждаетъ Евангелистъ Маркъ, когда повѣствуетъ о чудѣ Господнемъ, говоря: *и приведоша къ Нему глуха и гугнива, и моляху Его, да возложитъ нанъ руку* (Марк. VII, 32). О порядкѣ этого изцѣленія онъ говоритъ слѣдующее: *вложи персты своя во уши его, и плю-*

нувъ, коснуся языка его: и воззрѣвъ на небо, воздохну, и глагола ему: еффаѳа, еже есть, разверзися. И абіе разверзостася слуха его, и разрѣшися уза языка его, и глаголаше право (ст. 33 — 35) Ибо что значитъ, что Творецъ всяческихъ, Богъ, когда благоволилъ изцѣлить глухаго и косноязычнаго, вложилъ персты свои въ уши его, и плюнувъ, коснулся языка его? Что означается перстами Искупителя, если не дары Святаго Духа? Поэтому-то, когда въ другомъ мѣстѣ изгналъ бѣса, Онъ сказалъ: *аще о перстѣ Божіи изгоню бѣсы: убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Лук. XI, 20). Объ этомъ же событіи, по сказанію другаго Евангелиста. Онъ сказалъ: *аще Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Мат. XII, 28). Изъ того и другаго мѣста выходитъ заключеніе, что перстомъ Божіимъ называется Духъ. Итакъ вложить персты въ уши, значитъ, дарами Святаго Духа отверстъ душу глухаго къ повиновенію. Но что значитъ, что Онъ, плюнувъ, коснулся языка его? Слюна для насъ есть изъ устъ Искупителя принятая мудрость въ Божественномъ проповѣданіи. Потому что слюна вытекаетъ въ уста изъ головы. Итакъ, когда эта премудрость, которая есть Самъ Онъ, касается нашего языка, тогда сей тотчасъ дѣлается способнымъ

къ словамъ проповѣданія. *Воззрѣвъ на небо, воздохну*; не потому, будто бы имѣлъ необходимую надобность во вздохѣ Самъ Тотъ, Кто даровалъ то, чего просилъ, но насъ училъ воздыхать къ Тому, Кто обитаетъ на небѣ, чтобъ Онъ и уши наши отверзалъ дарами Святаго Духа, и чтобы языкъ слюною устъ, т. е. вѣдѣніемъ Божественнаго слова, разрѣшался для словъ проповѣданія. Ему (глухонѣмому) тотчасъ говорится: *еффаѳа, еже есть, разверзися. И абіе разверзостася слуха его, и разрѣшися уза языка его.* Въ этомъ дѣлѣ надобно замѣтить, что по причинѣ закрытыхъ ушей сказано: *разверзися.* Но у кого отверзаются уши сердца къ послушанію, у того въ послѣдствіи безъ сомнѣнія разрѣшаются и узы языка его, такъ что онъ можетъ и другимъ предлагать для исполненія тѣ добродѣтели, которыя самъ исполняетъ. Поэтому вѣрно присовокупляется: *и глаголаше право.* Ибо право глаголетъ тотъ, кто прежде самъ изъ послушанія исполняетъ то, къ чему словомъ увѣщеваетъ другихъ.

21. Но что Пророкъ посылается на проповѣдь въ плѣнъ народа, то подъ этимъ плѣномъ должно разумѣть, не только тотъ плѣнъ, который терпѣлъ народъ его по тѣлу, но и тотъ, въ которомъ онъ былъ по душѣ. Потому что онъ изъ Іерусалима пере-

шелъ въ Вавилонъ. Но что называется Іерусалимомъ, если не видѣніе мира; что — Вавилономъ, если не смѣшеніе? Но кто ни падаетъ съ праведныхъ дѣлъ въ дѣла развращенныя, тотъ, какъ уклоняющійся отъ добродѣтели къ порокамъ, какъ бы изъ Іерусалима переходитъ въ гражданство Вавилонское. Потому что онъ оставляетъ вершину добраго созерцанія, и ложится въ плѣну смѣшенія. Что обыкновенно часто случается съ тѣми, которые, дѣлая добро, тщеславятся своею добродѣтелію. Поэтому Псалмопѣвецъ, дабы изъ видѣнія мира, т. е. отъ добрыхъ дѣлъ, не попасть въ плѣнъ въ Вавилонъ, взывая ко Господу, говоритъ: *заступникъ мой: не преселюся* (Псал. LXI, 7). Ибо, если бы онъ на себя надѣялся, то чрезъ паденіе переселился бы отъ дѣлъ праведности.

22. Но и тѣ, которые изъ состоянія праведности пали въ беззаконіе, не должны отчаяваться: потому что вотъ Пророкъ посылается въ плѣненіе Вавилонское. А чрезъ другаго Пророка Господь говоритъ: *и дойдеши Вавилона: оттуду изъиметъ тя* (Мих. IV, 10). Ибо часто тотъ, кто попался въ плѣнъ пороковъ, послѣ, стыдясь зла, которое учинилъ, возвращается къ покаянію, и отъ своихъ паденій исправляется добродѣтельною жизнію. Слѣдовательно, чтожь онъ такое, если не дошедшій до

Вавилона, и оттуду изъятый? Онъ, послѣ того, какъ бывъ плѣненъ душею, совершилъ беззаконія, стыдясь того самаго зла, которое учинилъ, исправляетъ себя противъ самаго себя, и чрезъ доброе дѣланіе возвращается въ состояніе праведности. Итакъ онъ изъятъ изъ Вавилона, такъ какъ и отъ плѣна является благодатію Божіею освобожденнымъ. Поэтому Пророкъ говоритъ къ плѣненнымъ, когда обличаетъ тѣхъ, которые изъ состоянія праведности перешли къ порокамъ заблужденія.—Далѣе слѣдуетъ: *и речеши къ нимъ, и возглаголеши къ нимъ: тако глаголетъ Адонаі Господь: аще убо послушаютъ, и аще убо повинутся* (Іезик. III, 11).

23. Поелику столько разъ повторяется словами Божественными о сомнѣніи въ послушаніи, такъ что говорится: *аще убо послушаютъ*: то что другое означается, какъ не ожесточеніе плѣннаго народа? Въ этихъ словахъ заключается великое для насъ утѣшеніе; потому что, если всемогущій Богъ, посылая Пророка, съ сомнѣніемъ ожидаетъ отъ развращеннаго народа послушанія словамъ Его, то почему мы слабые сокрушаемся, когда часто подвергаемся презрѣнію отъ братій за наше увѣщаніе ихъ? Ибо часто мы говоримъ погрѣшая, часто шумимъ, часто дѣйствуемъ на нихъ словами ласкательными, и не смотря на то, если одинъ слушаетъ, то

другой пренебрегаетъ слушаніемъ; одинъ отчасти принимаетъ слово увѣщанія, а отчасти отказывается принимать его; такъ что ежедневно мы видимъ исполняющимся то, что Господь чрезъ другаго Пророка повѣствуетъ о томъ, что Онъ совершилъ во гнѣвѣ, когда говоритъ: *надождю на единъ градъ, а на другій (единъ) не надождю: часть едина надождится, и часть, на нюже не надождю, изсохнетъ* (Амос. IV, 7). Ибо, когда слова святаго увѣщанія одна душа принимаетъ, а другая отказывается принимать; то Господь на одинъ градъ дождитъ, а на другой не дождитъ. А когда и самъ ближній, который слушаетъ, отъ однихъ пороковъ исправляется, а исправленіе другихъ оставляетъ безъ вниманія: то одинъ и тотъ же городъ съ одной стороны одождяется, а съ другой, въ которой отклоняетъ отъ себя дождь проповѣди, остается сухимъ. Ибо есть нѣкоторые, которые рѣшительно не слушаютъ словъ увѣщанія; эти (люди) рѣшительно не хотятъ принимать одожденія. И есть другіе, которые слушаютъ, но сердечно не послѣдуютъ слушаемому; потому что нѣкоторые пороки уничтожаютъ въ себѣ, но въ другихъ остаются упорными. Ибо мы часто видимъ нѣкоторыхъ, которые по слову проповѣди истребляютъ въ самихъ себѣ склонность къ скупости, и не только не похищаютъ

уже чужаго, но и свою собственность раздают нуждающимся; но не смотря на то, не обуздывают гнѣва, и не сохраняют въ спокойствіи души должнаго терпѣнія. А другіе часто по слову увѣщанія препобѣждают въ самих себѣ нечистоту плоти, сохраняют тѣло въ чистотѣ: но не смотря на то, не расположены еще къ ближним так, как должны быть расположены, но по гордости высятся помыслом над ними.) Въ этих (людях) одна часть одождена, потому что принесла плод; а другая, которая не одождена, засохла, потому что, не вполнѣ принимая слово увѣщанія, осталась безплодною для добраго дѣланія. — Далѣе слѣдует: *и взя мя дух, и слышах глас за собою труса велика, глаголющих: благословенна слава Господня отъ мѣста сего* (Іезик. III, 12).

24. Что это значит, что Пророк, послѣ того, как посылается въ плѣн сынов народа, слышит позади себя голос великаго труса, глаголющій: *благословенна слава Господня отъ мѣста сего?* Потому что он направлен был къ грѣшникам Вавилонскаго царства, а голос о славѣ Господней отъ мѣста сего слышал позади себя. Ибо мѣсто Божіе есть Іерусалим, т. е. видѣніе мира, потому что видят Божественное именно тѣ сердца, которые не переходили въ переселеніе Вави-

лонское, т. е. къ порокамъ смѣшенія. Ибо тамъ обитаетъ Богъ, гдѣ желаютъ истиннаго мира, гдѣ любятъ славу внутренняго созерцанія. Такъ какъ тѣ, которые уклоняются къ разврату, не обращаютъ вниманія на мѣсто Божіе. Итакъ мѣсто славы Божіей есть, или каждая святая душа, или каждый, пребывающій на небѣ, Ангельскій духъ. А слава Господня отъ мѣста сего благословляется, когда, или отъ избранныхъ людей, или отъ святыхъ Ангеловъ, воспѣвается вѣчная хвала Виновнику всяческихъ. Слѣдовательно, чрезъ то, что праведники помышляютъ объ обращеніи грѣшниковъ, поелику, размышляя о порокахъ ихъ, обращаютъ взоръ на плотскія дѣйствія, направляются какъ бы къ Вавилону. Впрочемъ въ отношеніи къ состоянію своей праведности они какъ бы позади себя слышатъ голосъ славы Господней отъ Іерусамима, т. е. отъ мѣста своего; потому что никогда не перестаютъ размышлять о добродѣтеляхъ святыхъ во славу Божію, хотя помышленіемъ и направляются къ иному.

25. Но зачѣмъ мы долго останавливаемся на этомъ, когда по милости Господней можемъ въ другомъ смыслѣ и точнѣе разумѣть эти слова Пророка, и яснѣе говорить? Ибо онъ говоритъ: *и взя мя духъ.* Духъ взимаетъ Проповѣдника тогда, когда душу его, возвышенную къ любви всемогущаго Бо-

га, отлучаетъ отъ земныхъ пожеланій такъ, что ей уже ничего не хочется дѣлать, кромѣ того, чѣмъ она можетъ преумножать блага духовныя, и приносить плодъ ежедневной своей дѣятельности въ царство небесное. Поэтому и намъ проповѣдникамъ дается повеленіе: *дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. VI, 27).

26. Но хорошо присовокупляется: *и слышахъ за собою гласъ труса велика.* Пророкъ, исполненный Духа Святаго, повѣствуетъ, какъ бы о совершившемся, о томъ, что предвидитъ въ будущемъ; потому что и въ предопредѣленіи уже совершилось то, чему слѣдуетъ еще быть на дѣлѣ. Поэтому и въ древнемъ переводѣ чрезъ Исаію говорится: *сотворивый грядущая* (Ис. XLV, 11). Итакъ что значитъ, что Пророкъ позади себя услышалъ гласъ труса великаго, если не то, что за словомъ проповѣди, направленнымъ къ сердцамъ грѣшниковъ, слѣдуютъ рыданія кающихся?

27. Ибо всѣ нечестивые, когда творятъ беззаконія, и не слушаютъ вразумленій отъ праведниковъ, не знаютъ, сколь важно содѣваемое ими, и по самому своему незнанію бываютъ безопасны въ своемъ закоснѣніи; и лежа во грѣхахъ, какъ бы нѣжатся, какъ о нѣкоторомъ грѣшникѣ и о безо-

пасномъ народѣ говорится: *почиваше на дрождяхъ своихъ, потому что безопасно лежалъ во грѣхахъ* (Іер. XLVIII, 11). (а).

28. Но когда развращенные (люди) начнутъ слушать слово проповѣди, познавать, какія должны быть вѣчныя мученія, какой страхъ суда, какое тонкое разбирательство грѣховъ каждаго въ частности: тотчасъ приходятъ въ трепетъ, начинаютъ рыдать, мучатся не понятными воздыханіями, и, потрясенные великимъ страхомъ, выражаются въ плачѣ и слезахъ. Ибо тѣ, которые прежде спокойно лежали въ ранахъ, послѣ, при соприкосновеніи къ рукѣ врача, съ болѣзнію возвращаются къ здравію. Объ этомъ движеніи кающихся чрезъ другаго Пророка говорится: *ноги его остановились, и подвиглась земля* (Зах. XIV, 4) (б); потому что, когда слѣды истины отпечатлѣваются въ душѣ слушающихъ, тогда самая душа, возмущенная размышленіемъ о себѣ, приходитъ въ движеніе. Поэтому Псалмопѣвецъ молится за грѣшниковъ, говоря: *сѣдяй на Херувимѣхъ: да подвижится земля* (Псал. XCVIII, 1).

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *requievit in foecibus suis, quia securus jacuit in peccatis.*

б) Примѣчаніе тоже; а текстъ читается такъ: *pedes ejus steterunt, et commota est terra.*

Поэтому, умоляя за сокрушенныхъ и кающихся, онъ говоритъ: *стрясль еси землю, и смутилъ еси ю; изцьли сокрушеніе ея, яко подвижеся* (Псал. LIX, 4). Потому что потрясенная и смущенная земля есть грѣшникъ, скорбящій о сознаніи своей виновности, и доведенный до слезъ покаянія. Ибо грѣшному человѣку сказано; *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. III, 19) Итакъ (Пророкъ) молится, чтобы изцѣлено было сокрушеніе земли, потому что она подвиглась; поколику грѣшникъ, сокрушающійся о грѣхахъ своихъ, утѣшается упованіемъ на небесное милосердіе. Итакъ вотъ что значитъ гласъ труса великаго, когда каждый, обсуживая дѣла свои, потрясается отъ сокрушенія въ покаяніи.

29. Но послушаемъ, что говоритъ самый голосъ: *благословенна слава Господня отъ мьста сего.* Ибо сердца грѣшниковъ были мѣстомъ злаго духа; но когда они, разгнѣванные сами на себя, чрезъ покаяніе возвращаются къ жизни, тогда содѣлываются мѣстомъ славы Господней. Такъ какъ они исправляютъ уже себя противъ себя, уже омываютъ слезами покаянія тѣ беззаконія, которыя учинили. Итакъ благословеніе славы въ хвалѣ Господа бываетъ слышимо оттуда, откуда прежде было слышимо оскорбленіе Творца отъ пристрастія къ настоящему вѣку. И сердца кающихся дѣлают-

ся для Господа уже своимъ мѣстомъ, тогда какъ прежде онѣ, преданныя грѣхамъ, были мѣстомъ чужимъ. Сами же тѣ, которые отъ грѣховъ своихъ обращаются къ Богу, не только омываютъ слезами содѣянныя ими беззаконія, но и воспаряютъ горѣ дивными дѣлами, такъ что содѣлываются святыми животными всемогущаго Бога, знаменіями и силами возлетаютъ вверхъ, рѣшительно оставляютъ землю, и принятыми дарованіями высятся по желанію къ небесному. О нихъ еще присовокупляется: *и видѣхъ гласъ крилъ животныхъ, скриляющихся другъ къ другу* (Іезик. III, 13).

30. Пророкъ слышитъ позади себя гласъ труса великаго, потому что, какъ сказано, за словомъ проповѣди слѣдуетъ плачь покаянія. Слышитъ позади себя гласъ крилъ животныхъ, потому что отъ самаго плача кающихся раждаются добродѣтели святыхъ, такъ что они тѣмъ более успѣваютъ въ святости жизни, чѣмъ более, по воспоминанію, нечествовали прежде познанія жизни. Но въ этихъ словахъ встрѣчается не малое сомнѣніе, потому что не ясно чрезъ Пророка говорится, каждое ли животное скриляетъ свои крилья на себѣ самомъ, или—вѣрнѣе—эти самыя святыя животныя соприкасаются своими крильями взаимно одно къ другому, такъ что крило одного животнаго касается

крила другаго, и крило другаго касается крила третьяго.

31. Но поелику въ Св. Писаніи большею частію темно говорится для того, чтобы по дивному распоряженію Божію многообразно было объясняемо; то мы по милости Господней должны объяснить любви вашей то и другое. Уже часто говорили мы, что крилья животныхъ суть добродѣтели святыхъ (Бесѣд. IV, ч. 5. Бесѣд. VII, ч. 22. Бесѣд. VIII, ч. 1). Итакъ какимъ образомъ каждое животное, потрясая своими крильями, приражаетъ ихъ одно къ другому, если не такимъ, какимъ одна добродѣтель побуждаетъ насъ, если мы содѣлываемся святыми животными, о чемъ ясно дается разумѣть, къ другой добродѣтели, побуждая одною къ другой? Ибо вотъ, кто имѣетъ уже свѣденіе о Словѣ Божіемъ, тотъ научается имѣть и милосердіе. Потому что, зная слово Божіе, онъ читаетъ въ немъ: *дадите милостыню: и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. XI, 41). И когда онъ уже началъ быть милосердымъ въ милостыни, и читаетъ слова священной важности: тогда по опыту разумѣваетъ далѣе и то, что въ нихъ говорится о милосердіи. Потому что тамъ написано: *азъ быхъ отецъ немощнымъ* (Іов. XXIX, 16). Быть можетъ, онъ и прежде читалъ это, но оставлялъ безъ вниманія. Но

когда въ сердцѣ его милосердіе начало уже подражать природѣ, тогда онъ читаетъ и размышляетъ, что значитъ быть отцемъ немощнымъ, потому что, возвращаясь внутрь, онъ въ самомъ себѣ разумѣваетъ то, что слышитъ совнѣ. Ибо иное значитъ дать милостыню по заповѣди, а иное—по любви. Дѣлать добро по заповѣди свойственно начинающимъ; а дѣлать добро по любви свойственно совершеннымъ, которые не потому только дѣлаютъ, что имѣютъ повелѣніе, но и любятъ дѣлать то, что повелѣвается. Поэтому-то чрезъ Псалмопѣвца съ особенною силою говорится: *виждь, яко заповѣди твоя возлюбихъ: Господи, по милости Твоей живи мя* (Псал. CXVIII, 159). Ибо исполнять заповѣди Божіи по повелѣнію свойственно служащему и повинующемуся, а исполнять по любви свойственно повинующемуся и любящему. Итакъ, поелику и чрезъ знаніе познается любовь милосердія, и чрезъ любовь милосердія пріумножается знаніе въ сердцѣ сокрушенномъ: то крило въ насъ ударяетъ въ крило, потому что добродѣтель возбуждаетъ добродѣтель. Такъ хранящій въ своемъ тѣлѣ благо чистоты воспламеняется ревностію противъ похотливыхъ, чтобъ они очищали себя отъ пятенъ нечистоты. И часто, находя нѣкоторыхъ падшими, укрощаетъ, журитъ и понуждаетъ къ храненію чистоты. Если

паче чаянія душа его будетъ искушаема нечистотою похоти; то онъ по самой той ревности, съ которою исправлялъ другихъ, исправляетъ самаго себя, и стыдится имѣть тѣ нечистые помыслы, которые искоренялъ въ другихъ. Итакъ въ этомъ подвигѣ онъ криломъ ударяетъ въ крило, когда одною добродѣтелію понуждаетъ себя къ другой, и хранитъ себя отъ нечистоты.

32. Если же, какъ сказали мы впереди, животныя взаимно сцѣпляютъ себя крильями, и крило одного касается крила другаго: то и на это описаніе, по милости Господней, разумѣніе готово. Итакъ, что значитъ, что эти пернатыя животныя взаимно совокупляютъ крилья; одно съ другими, если не то, что всѣ святые взаимно другъ друга касаются своими добродѣтелями, и возбуждаютъ другъ друга къ преспѣянію въ совершенствѣ размышленіемъ о добродѣтели другаго? Ибо не все дается одному, дабы онъ не возгордился, но сему дается то, что не дается тебѣ, а тебѣ дается то, въ чемъ отказано тому, для того, чтобы тотъ, размышляя о благѣ, которое ты имѣешь, а онъ не имѣетъ, отдавалъ въ размышленіи преимущество тебѣ предъ собою; и наоборотъ, чтобы ты, видя, что онъ имѣетъ то, чего ты не имѣешь, ставилъ въ своемъ размышленіи себя ниже его, и чтобъ исполнялось то,

что написано: *другъ друга честію больша себя творяще* (Филип. II, 3). Чтобы для примѣра сказать изъ многаго не многое,—тому-то дается добродѣтель дивнаго воздержанія, и однакоже онъ не имѣетъ дара вѣденія. Другому дается даръ вѣденія; и онъ усиливается достигнуть добродѣтели совершеннаго воздержанія, а не можетъ. Этому дается даръ краснорѣчія, для того, чтобы онъ, проливая утѣшенія заступничества на нѣкоторыхъ притѣсненныхъ, свободно могъ говорить въ защиту правды; но не смотря на то, онъ, обладая еще въ этомъ мірѣ многимъ, хочетъ все оставить, а не можетъ. Другому же дано, оставить все земное, такъ что онъ не желаетъ ничего имѣть въ этомъ мірѣ; но не смотря на то, онъ еще не рѣшается употреблять авторитетъ голоса противъ всѣхъ согрѣшающихъ. И тотъ, кто должень былъ свободно говорить болѣе потому, что не имѣетъ уже никакого препятствія, которое могло бы удерживать его въ мірѣ семъ, отказывается свободно говорить противъ другихъ, дабы не потерять самаго спокойствія своей жизни.— Третьему данъ даръ пророчества; онъ много уже предвидитъ будущаго: но, видя въ настоящее время болѣзнь ближняго, и сочувствуя ему, изцѣлить его не можетъ. Иному дана благодать врачеванія, и онъ молитвами изцѣляетъ тѣло ближняго отъ обдержа-

щей его болѣзни, но не знаетъ, что будетъ съ нимъ самимъ чрезъ нѣсколько времени послѣ. Итакъ всемогущій Богъ, по дивному распоряженію, раздаетъ свои дары избраннымъ своимъ, такъ что и тому даетъ то, въ чемъ другому отказываетъ, и другому сообщаетъ болѣе, и третьему менѣе, поколику, когда или тотъ усматриваетъ, что другой имѣетъ то. чего онъ не имѣетъ, или сей разсуждаетъ, что тотъ получилъ болѣе того, что въ меньшей мѣрѣ есть, по его мнѣнію, и у него, всѣ удивляются дарамъ Божіимъ, одинъ въ другомъ, т. е. взаимно, и по этому самому удивленію одинъ передъ другимъ смиряется, и того, кого видитъ имѣющимъ то, чего онъ не имѣетъ, считаетъ поставленнымъ выше себя по суду Божественному. Итакъ животныя взаимно скриляются, когда святыя души касаются по порядку взаимно одна другой, а касаясь возбуждаютъ одна другую, а возбуждая одна другую воспаряютъ къ совершенству.

33. Посмотримъ на Павла, какъ онъ, прикоснувшись къ крильямъ Апостоловъ, и возбужденный къ покаянію, разсуждая о прошедшемъ своемъ гоненіи и невинной жизни Апостоловъ, говорилъ: *Азъ бо есмь мній Апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ, зане гонихъ Церковь Божію* (1 Кор. XV. 9). Потому что онъ раз-

суждалъ о невинности Апостоловъ, и въ глазахъ его по причинѣ предшествовавшей злобы, представлялась ничтожною вся забота его о Церкви, которую онъ проявилъ, и онъ не обращалъ вниманія на то, сколько былъ онъ выше многихъ по принятому разумѣнію, потому что, занятый ихъ невинностію, онъ скорбѣлъ о томъ, что нѣкогда былъ гонителемъ. Но посмотримъ, какъ одинъ изъ Апостоловъ удивляется тому разумѣнію, которое было даровано Павлу. Мы останавливаемся на первоверховномъ Апостолѣ, который, увѣщевая учениковъ, говоритъ: *якоже и возлюбленный нашъ братъ Павелъ по даннѣй ему премудрости написа вамъ, якоже и во всѣхъ своихъ посланіихъ, глаголя въ въ нихъ о сихъ: въ нихже суть неудобь разумна нѣкая, яже ненаучени и неутверждени развращаютъ* (2 Петр. III, 15). Итакъ Павелъ удивляется невинности во всѣхъ Апостолахъ, а первоверховный Апостолъ удивляется премудрости въ Павлѣ. Слѣдовательно, крильями касаются взаимно одинъ другаго тѣ, которые взаимно возбуждаютъ одинъ другаго оттуда, откуда начинаютъ полетъ.

34. Итакъ всемогущій Богъ совершаетъ въ сердцахъ людей то, что Онъ творитъ въ земныхъ царствахъ. Ибо Онъ могъ даровать каждому царству всѣ плоды; но если бы одна какая либо стра-

на не имѣла нужды въ плодахъ другой страны, то не имѣла бы общенія съ этою другою страною. Поэтому-то и бываетъ, что одной странѣ Онъ даруетъ изобиліе вина, а другой—масла; эту дѣлаетъ изобильною скотомъ, а другую—плодами, для того, чтобъ эта, изобилуя въ томъ, чего та не имѣетъ, и та, отплачивая тѣмъ, въ чемъ эта нуждается, имѣли общеніе благодати единенія между собою даже различныя земли. Слѣдовательно, въ какомъ отношеніи между собою страны земли, въ такомъ и святыя души, которыя, сообщая одна другой взаимно то, что онѣ получили, передаютъ, какъ бы страны странамъ, плоды свои, чтобы всѣмъ имѣть единеніе въ одной любви.

35. Но между тѣмъ надобно знать, что какъ всѣ избранные обращаютъ вниманіе на то, что лучшаго получили отъ Бога другіе, нежели они сами, дабы въ помышленіи предпочитать ихъ себѣ самимъ, и со смиреніемъ преклоняться предъ ними: такъ души нечестивыхъ никогда не разсуждаютъ о томъ, что другой имѣетъ болѣе добра, нежели онѣ, но думаютъ, будто онѣ имѣютъ болѣе, нежели другой. Ибо они не цѣнятъ того, какія блага получила другая душа, и какихъ нѣтъ у нихъ; но останавливаются на томъ, какія блага имѣютъ онѣ сами, и какое зло есть въ другомъ. И когда всемогущій

Богъ раздѣляетъ добродѣтели для того, чтобы смирять въ помышленіи одного предъ другимъ; тогда нечестивые употребляютъ полученное ими благо для того, чтобъ отъ него гибнуть въ гордости, всегда думая только о тѣхъ благахъ, которыя они имѣютъ, и которыхъ другіе не имѣютъ, рѣшительно не обращая вниманія на то, коликія блага имѣютъ другіе, и которыхъ они не имѣютъ. Итакъ, что Божественная любовь раздаетъ для приращенія смиренія, то нечестивыя души обращаютъ въ приращеніе гордости; и по превращеніи обязанностей удаляются отъ добра тамъ, откуда должны были возрастать въ добрѣ смиренія.

36. Поэтому-то, возлюбленнѣйшіе братіе, необходимо, чтобы вы всегда смотрѣли въ самихъ себѣ на то, чего имѣете менѣе, а въ ближнихъ на то, чего они получили болѣе васъ, для того, чтобы, смотря на высшихъ себя по благу, которое они имѣютъ, а вы не имѣете, и сами вы чрезъ смиреніе возвышались къ пріобрѣтенію тогоже. Ибо, если и вы цѣните въ нихъ полученныя блага, и они цѣнятъ въ васъ дарованія, которыя имѣете: то вы взаимно скриляетесь, чтобы возбужденнымъ вамъ всегда возлетать къ небесному. Далѣе слѣдуетъ: *и гласъ колесъ держащійся ихъ, и гласъ труса велика* (Іезик. III, 13).

*

37. Выше мы сказали (бесѣд. VI, ч. 2 и далѣе), что колесами означаются Завѣты Св. Писанія. Поэтому гласъ колесъ есть слово Завѣтовъ. Итакъ послѣ гласа крилъ животныхъ, слышанъ бываетъ еще гласъ колесъ; потому что, по принятіи слова Проповѣдниковъ, когда добродѣтели святыхъ возвышаютъ ихъ къ высшему дѣланію, и они взаимно поощряютъ другъ друга къ совершенству, тогда состояніе святой Церкви улучшается такъ, что страницы Завѣтовъ Св. Писанія читаются по всему міру. Ибо повсюду звучатъ уже Святое Евангеліе, изреченія Апостоловъ, повсюду читаютъ законъ и Пророковъ. Итакъ за гласомъ крилъ слѣдуетъ гласъ колесъ; такъ какъ послѣ чудесъ святыхъ свободно и охотно выслушиваются въ Св. Церкви слова Св. Писанія. Эти колеса придерживаются животныхъ; потому что, какъ сказано выше, послѣ того, какъ входитъ въ почтеніе жизнь святыхъ, досточтимыми являются предъ людьми и слова Завѣтовъ.

38. Или, вѣрнѣе, колеса придерживаются животныхъ потому, что мы въ жизни Святыхъ Отцовъ познаемъ то, что должны понимать въ книгѣ Св. Писанія. Потому что жизнь ихъ проясняетъ для насъ то, о чемъ говорятъ писанія Завѣтовъ въ своихъ наставленіяхъ. Но у насъ раждается вопросъ:

почему послѣ того, какъ выше сказано: *и слышахъ гласъ за собою труса велика,* послѣ гласа—и крилъ и колесъ еще присовокупляется: *и гласъ труса велика?* Если мы внимательно будемъ смотрѣть на это, то можемъ открыть, что не напрасно дѣлается это повтореніе.

39. Потому что два великихъ труса, которыми сотрясаются сердца наши. Одинъ трусъ произходитъ отъ страха, другой отъ любви; одинъ-отъ сокрушенія кающихся, другой отъ горячести любящихъ. Итакъ послѣ слова проповѣди бываетъ первый трусъ, когда мы плачемъ о грѣхахъ, которые содѣлали; а послѣ гласа крилъ и колесъ бываетъ второй трусъ, когда мы съ великими слезами домогаемся тѣхъ небесныхъ благъ, о которыхъ слышимъ. Ибо вотъ, поелику мы внутри святой Церкви узнаемъ примѣры добродѣтелей во многихъ отцахъ, то ежедневно слышимъ какъ бы звукъ крилъ; а поелику повсюду слышны святыя изреченія, то мы возбуждаемся, какъ бы звукомъ колесъ. А поелику чрезъ тѣ же самыя священныя изреченія мы воспламеняемся къ любви нашего Создателя, сгарая огнемъ великой горячести: то плачемъ о томъ, что мы далеки еще отъ лица всемогущаго Бога. Итакъ послѣ перваго гласа труса великаго, наконецъ бываетъ и еще гласъ труса великаго; потому что, познавая Бога, мы на-

чинаемъ плакать о грѣхахъ, а любя уже Того, Кого познали, мы не перестаемъ желать Его съ воздыханіями. Итакъ за звукомъ колесъ слѣдуетъ гласъ великаго труса; потому что, когда Завѣты Божіи начнутъ звучать въ слухѣ сердца, тогда духъ слушающихъ, тронутый любовію, побуждается къ слезамъ. Поэтому-то слова Св. Писанія бываютъ въ сердцѣ читающихъ сладостны; поэтому-то любящими онѣ большею частію читаются въ уединеніи, какъ бы украдкою и молча. Поэтому чрезъ другаго Пророка говорится: *разсѣклъ еси во изступленіи главы сильныхъ, сотрясутся въ ней: разверзутъ узды (уста) своя яко снѣдаяй нищій тай* (Аввак. III, 14). (а). Ибо всемогущій Богъ разсѣкъ главы сильныхъ въ отчужденіи, потому что отвергъ чрезъ отчужденіе отъ Себя гордость Іудеевъ. Въ этомъ отчужденіи подвиглись язычники; потому что, когда Іудеи отпали отъ вѣры, тогда сердца язычниковъ устремились къ познанію вѣры. Эти именно

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *praecidisti in alienatione capita potentium, movebuntur in ea gentes, adaperient ora sua sicut pauper edens in occulto*, т. е. *отрубилъ еси въ отчужденіи главы сильныхъ, подвигнутся въ немъ народы, отверзутъ уста свои, какъ нищій, ядущій въ сокровенности.* Къ этому смыслу приноровлено объясненіе Святителя.

язычники отверзаютъ уста сердца для питанія священнымъ чтеніемъ, и снѣдаютъ, какъ нищій, въ сокровенности; потому что принимаются за чтеніе словъ жизни съ поспѣшностію и молчаніемъ.

40. Но надобно знать, что чѣмъ болѣе слушатели преуспѣваютъ въ любви и разумѣніи, тѣмъ большая благодать духа дается святымъ Проповѣдникамъ. Поэтому-то Пророкъ, сказавъ прежде: *и взя мя духъ, и слышахъ гласъ за собою труса велика*, послѣ гласа труса великаго, крилъ и колесъ, и опять труса великаго, тотчасъ присовокупляетъ: *и духъ воздвиже мя, и взя мя.*

41. Почему тотъ, кто уже сказалъ, что онъ взятъ духомъ, опять говоритъ, что онъ воздвиженъ и взятъ (духомъ)? Но душа проповѣдниковъ воспаряетъ выше и выше, когда чрезъ нихъ подвигается впередъ разумѣніе слушателей къ желанію всемогущаго Бога. Эти именно святые Проповѣдники возвышаются до такого совершенства, что чрезъ ихъ служеніе умножаются въ святой Церкви дары благодати, какъ о той же самой святой Церкви написано: *бразды* (водопроводы) *ея упой, умножи жита ея: въ капляхъ* (стокахъ) *ея возвеселится возсіяющи* (прозябающи) (Псал. LXIV, 11). Потому что водопроводы Церковные суть святые Проповѣдники, которые увлаживаютъ землю нашего сердца. Но когда до

преизбытка наполняются водопроводы, тогда умножаются жита Церкви; потому что, когда Проповѣдники получаютъ обильнѣйшую благодать духа, тогда умножается число вѣрующихъ. Эта святая Церковь радуется о своихъ стокахъ. Ибо чрезъ стокъ падаетъ съ кровли на землю та самая вода, которая на кровлю проливается съ неба. Кровлею же для Церкви служатъ святые Проповѣдники, которые покрываютъ насъ посредничествомъ и увѣщаніями. Но поелику сердце свыше напояется проповѣданіемъ, то какъ бы вода течетъ съ неба на кровлю. А такъ какъ словами ихъ мы напояемся, то какъ бы вода стекаетъ съ кровли на землю. Итакъ святая Церковь устрояяеь веселится въ стокахъ своихъ; потому что, когда она рождается въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, тогда обсуживаетъ тѣ дары, которые получила, и радуется словамъ проповѣдующихъ. Поелику же съ преспѣяніемъ слушателей къ лучшему умножается благодать и Проповѣдникамъ ихъ; то Пророкъ говоритъ: *и духъ воздвиже мя, и взя мя.* Ибо Проповѣдникъ болѣе и болѣе возвышается и взимается оттуда, откуда слушатель начинаетъ перемѣну къ лучшей жизни.

42. Но спрашивается: такъ какъ духъ не воздвигаетъ души, если не взимаетъ ее, то почему прежде говорится—*воздвиже,* а послѣ —*взя?* Но здѣсь слово—

вэя—значитъ, *постоянно держалъ*. Ибо есть нѣкоторые, которыхъ духъ возвышаетъ, но не взимаетъ, коихъ разумъ хотя и способенъ къ видѣнію духовнаго, но жизнь, оставаясь въ плотскихъ дѣлахъ, не сообразуется съ разумомъ. Ибо Валаамъ духомъ пророчества былъ воздвиженъ, но не былъ взятъ; потому что, хотя онъ истинно могъ прозрѣвать далеко въ будущее, но не смотря на то, не хотѣлъ отрѣшить души отъ земныхъ пожеланій (Числ. XXIV, 4. 5). Но поелику святый Пророкъ, и по вѣденію былъ возвышенъ, и по жизни равно взятъ; то послушаемъ, каковъ онъ въ продолженіи проповѣди. *И я отошелъ горестный въ негодованіи духа моего* (а).

43. Помыслите, возлюбленнѣйшіе братіе, почему съ горестію отходилъ тотъ, въ которомъ умножались дары Св. Духа? Ужели всякое сердце, которое взимаетъ тотъ же Духъ, огорчается въ негодованіи своего духа? Поэтому надобно знать, что для кого настоящая жизнь еще пріятна, тотъ, хотябъ и

а) Это буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ читается такъ: *et abii amarus in indignatione spiritus mei*. Въ Славянскомъ же переводѣ тотъ же текстъ читается такъ: *и поидохъ вознесенъ во устремленіи духа моего*. Объясненіе Святителя согласовано со смысломъ текста по Латинскому подлиннику; а потому и въ переводѣ удержанъ тотъ же самый смыслъ.

говорилъ слово Божіе, *не возвышенный и не взятый* Проповѣдникъ. Ибо ту душу, которую наполняетъ Духъ святый, Онъ располагаетъ къ огорченію временнымъ, и услажденію вѣчнымъ. Пріятно, конечно, наслаждаться благами человѣческими, но только для того, кто еще не вкусилъ никакихъ небесныхъ радостей; потому что, чѣмъ менѣе онъ разумѣетъ вѣчное, тѣмъ пріятнѣе успокоевается на временномъ. Но кто уже вкусилъ устами сердца, какова должна быть та сладость небесныхъ наградъ, каковы тѣ хоры Ангеловъ, которые воспѣваютъ гимны, каково непостижимое видѣніе святой Троицы; для того, чѣмъ пріятнѣе должно быть то, что онъ видитъ внутри, тѣмъ въ большую превращается горечь все то, что поддерживаетъ совнѣ. Онъ ссорится самъ съ собою за то, что онъ по воспоминанію сдѣлалъ худаго, и не нравится самъ себѣ, когда ему началъ уже нравиться Тотъ, Кто все сотворилъ. Онъ укоряетъ самъ себя за помыслы, бранитъ за слова, и плачемъ наказываетъ за дѣла. Онъ воздыхаетъ о горнемъ, земное уже все попираетъ по презрѣнію душевному. И доколѣ онъ еще не имѣетъ хотя частицу того, чего желаетъ, дотолѣ считаетъ пріятностію плакать, и наказывать самаго себя непрерываемыми слезами. И поелику онъ видитъ себя еще не въ отечествѣ, для кото-

раго сотворенъ; то въ этой ссылкѣ настоящей жизни ему ничего болѣе не нравится, какъ сокрушеніе его. Ибо онъ презираетъ подчиненіе себя временному, и пламенно желаетъ вѣчнаго. Поэтому и чрезъ Соломона справедливо говорится: *яко во множествѣ мудрости множество разума* (a), *и приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь* (Еккл. I, 18). Ибо тѣ, которые познаютъ небесное, негодуютъ на то, что подчиняютъ душу земному. И когда мы начинаемъ болѣе мудрствовать о томъ, что худаго мы сдѣлали, тогда сердимся сами на себя, и во многой мудрости бываетъ многое негодованіе; потому что, чѣмъ болѣе мы преуспѣваемъ въ познаніи, тѣмъ сильнѣе негодуемъ сами на себя за развратную жизнь. А съ познаніемъ умножается скорбь; потому что, чѣмъ яснѣе познаемъ мы вѣчное, тѣмъ болѣе скорбимъ о томъ, что мы находимся въ несчастіи настоящей ссылки. Или, какъ въ другомъ

---

a) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *Eo quod in multa sapientia multa sit indignatio, et qui apponit scientiam, apponit dolorem*, т. е. *потому что во многой премудрости много должно быть негодованія, и кто пріумножаетъ вѣдѣніе, пріумножаетъ скорбь.* Мысль почти одна и таже, какая заключается и въ Славянскомъ переводѣ, но слово *разумъ* замѣнено словомъ *негодованія*, которое у Святителя въ объясненіи имѣетъ важное значеніе.

переводѣ говорится: *и приложивый разумъ приложитъ трудъ*. Ибо, чѣмъ яснѣе мы начинаемъ познавать, что такое небесныя радости, тѣмъ болѣе со слезами трудимся, чтобъ имѣть возможность избѣгать сѣтей нашихъ заблужденій. Итакъ *во множествѣ мудрости множество негодованія;* потому что, если мы уже мудрствуемъ о вѣчномъ, то негодуемъ на то, что желаемъ временнаго. Если мы уже мудрствуемъ о вѣчномъ, то презираемъ сами себя за то, что мы содѣлали то, что могло удалить насъ отъ любви вѣчности. Совѣсть укоряетъ саму себя, обвиняетъ за то, что содѣлала, обвиняемое осуждаетъ чрезъ покаяніе, въ душѣ происходитъ брань, раждающая миръ съ Богомъ.

44. Такъ Ахаавъ, нечестивый Царь, обличенный Пророкомъ, когда услышалъ о Божественномъ противъ него опредѣленіи, устрашился, и былъ стѣсненъ великою скорбію, такъ что Господь сказалъ Пророку своему: *видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего; сего ради не наведу зла во днехъ его* (3 Цар. XXI, 29). При этихъ словахъ надобно подумать о томъ, какъ благоугодна предъ Нимъ горькая скорбь въ Его избранныхъ, которые страшатся оставить Его, если Ему такъ было благоугодно раскаяніе даже нечестиваго, который страшился потерять настоящую жизнь! Или, какъ для Него

должно быть пріятно добровольное сокрушеніе о грѣхахъ въ тѣхъ, которые благоугождаютъ Ему, если оно на время было пріятно даже въ томъ, который былъ противенъ Ему? Но надобно знать, что этого по любви ко всемогущему Богу отъ полноты сердца никто не можетъ сдѣлать, какъ только тотъ, коего душу объялъ Духъ Святый. Ибо когда человѣкъ своею силою достигнетъ того, чтобы презирать земное, любить небесное, желать мира съ Богомъ, вести брань съ собою, укорять самаго себя въ помышленіи, и наказывать слезами? Никто этого не можетъ сдѣлать, если кого не подкрѣпитъ благодать Божія. Поэтому-то и присовокупляется: *и рука Господня бысть на мнѣ крѣпкая* (Іезик. III, 14). (a).

45. *П*отому что мы рѣшительно не можемъ возвыситься до добрыхъ дѣлъ, если насъ Духъ и предварительно не возвыситъ, и въ продолженіи не подкрѣпитъ. Но надобно спросить: если выше о свиткѣ, который получилъ (Пророкъ), написано: *бысть во устѣхъ моихъ яко медъ*, сладокъ; то какъ же послѣ того говорится: я отошелъ горестный въ

---

a) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *manus enim Domini erat mecum, confortans me*, т. е. ибо рука Господня была со мною, укрѣпляющая меня.

негодованіи духа моего? Потому что весьма удивительно, если сладость и горечь соединяются вмѣстѣ. Но по высшему разумѣнію надобно знать, что для кого Слово Божіе въ устахъ сердца начало быть сладкимъ, того духъ безъ сомнѣнія огорчается противъ самаго себя. Ибо чѣмъ вѣрнѣе познаетъ изъ него, чѣмъ долженъ быть, тѣмъ строже наказываетъ себя горечью покаянія тотъ, кто тѣмъ болѣе не нравится самъ себѣ, чѣмъ обширнѣе по священному Писанію усматриваетъ во всемогущемъ Богѣ то, что должно любить. Но поелику человѣкъ своею силою не можетъ достигнуть этого; то теперь правильно говорится: *рука Господня была со мною, укрѣпляющая меня.* Ибо рукою Господнею въ Св. Писаніи называется иногда и Единородный Сынъ, потому что *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). А о вознесеніи Его всемогущій Отецъ говоритъ чрезъ Моисея: *воздвигну на небо руку Мою* (Второз. XXXII, 40). Эта рука, которая подкрѣпляетъ сердца Своихъ избранныхъ, говорила ученикамъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV, 5). Слѣдовательно, во всемъ, что мыслимъ, во всемъ, что дѣлаемъ, всегда надобно молиться, чтобъ и мыслить намъ подъ вдохновеніемъ, и дѣйствовать при помощи Того, Кто живетъ и цар-

твуетъ со Отцемъ въ единствѣ со Святымъ Духомъ,) Богъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ОДИННАДЦАТАЯ.

(Святитель) продолжаетъ изъясненіе III главы, отъ 15 до 20 стиха; гдѣ разсуждаетъ: о пастырской обязанности, о грѣхахъ, взаимно связанныхъ, властей и подчиненныхъ, и преимущественно о слѣпотѣ разума.

Среди чудесъ пророчества книги Пророковъ имѣютъ и то диво, что въ нихъ, какъ вещи объясняются словами, такъ иногда и слова вещами, такъ что, не только изреченія, но и дѣла должны быть пророчествомъ. Поэтому теперь говорится: *я пришелъ къ плѣненію, къ множеству новыхъ плодовъ, къ тѣмъ, которые обитали подлѣ рѣки Ховаръ* (Iезик. III, 15) (а).

а) Это буквальный переводъ Латинскаго подлинника, который читается такъ: *ueni ad transmigrationem ad aceruum nouarum frugum, ad eos, qui habitabant iuxta flumen Chobar*. Къ этому смыслу текста припаровлено дальнѣйшее объясненіе Святителя. А потому Славянскій переводъ, читаемый такъ: *и внидохъ въ плѣнники вознесенъ, и обыдохъ живущія на рѣцѣ Ховаръ,* признанъ несогласнымъ съ объясненіемъ Святителя.

1. Когда надобно было указать, что (Пророкъ) пришелъ къ плѣненію, то что была за необходимость обозначать мѣсто плодами, въ словахъ: *къ множеству новыхъ плодовъ*, если не та, что часто и мѣста обозначаются вещами? Такъ какъ до времени пророчества Іезикіиля протекло уже много лѣтъ плѣненія, и изъ тѣхъ, которые были отведены въ плѣнъ, многіе уже померли: то Пророкъ приходилъ съ проповѣдію къ дѣтямъ ихъ. Поэтому и выше ему говорится: *сыне человѣчь, послю тя къ дому Израилеву, огорчевающимъ Мя, иже огорчиша Мя, сами и отцы ихъ отвергошася Мене до днешняго дне. И сынове жестоколичніи, и твердосердечніи: Азъ послю тя къ тѣмъ* (Іезик. II, 3. 4). Такъ какъ многіе изъ нихъ были расположены къ вѣрѣ, и чрезъ послушаніе къ приношенію плодовъ добродѣтели; то называются множествомъ плодовъ. А что добрыя души называются плодами Божіими, объ этомъ свидѣтельствуетъ другой Пророкъ, говоря: *святъ Израиль Господеви, начатокъ плодовъ Его* (Іерем. II, 3). Ибо плодами Господними впослѣдствіи содѣлались и язычники, обратившіеся къ вѣрѣ. Но такъ какъ Израиль прежде увѣровалъ въ Господа; то Пророкъ справедливо наименовалъ его начаткомъ плодовъ Его. Итакъ, поелику Пророкъ посланъ былъ не къ прежнему народу, но при-

несё слово дѣтямъ этого самаго народа: то онъ пришелъ *ко множеству новыхъ плодовъ*. Но что обозначается рѣкою *Ховаръ*, объ этомъ мы уже сказали выше (бесѣд. II, ч. 6); чего здѣсь не повторяемъ, дабы чрезъ повтореніе не произвести отвращенія. Далѣе слѣдуетъ: *и я сѣлъ тамъ, гдѣ они сидѣли, и пребылъ тамъ семь дней, горюя въ срединѣ ихъ* (Іезик. III, 15) (а).

2. Замѣчательно, какимъ сочувствіемъ святый Пророкъ связуетъ себя съ плѣннымъ народомъ, и съ горестями его своимъ спребываніемъ и горемъ; потому что корень слова есть сила дѣла. И отъ слушающихъ охотно принимается то слово, которое произносится проповѣдникомъ съ сочувствіемъ душевнымъ. Такъ, когда желѣзо сваривается съ желѣзомъ, то прежде размягчается, чтобы послѣ одно поддерживало другое. Ибо, если бы оно предварительно не было размягчено, то не могло бы быть крѣпко связано

а) Опять буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника, въ которомъ онъ читается такъ: *et sedi ubi illi sedebant, et mansi ibi septem diebus moerens in medio eorum.* Но въ Славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *и сѣдохъ ту седмь дней, ходя посреди ихъ.* Причина, почему признано необходимымъ замѣнить славянскій переводъ буквальнымъ переводомъ съ Латинскаго подлинника, таже, которая представлена и въ предыдущемъ примѣчаніи.

одно съ другимъ. Такъ и Пророкъ сѣлъ вмѣстѣ съ плѣннымъ народомъ, и пребылъ горюющимъ въ срединѣ его, для того, чтобы, *благодатію любви* смягчить его до сочувствія къ себѣ, и тотчасъ поддерживать его силою слова. Но если Израильскій народъ, который называется *домомъ преогорчевающимъ,* потому что не сознавалъ виновности своей даже подъ розгами, никакою скорбію не сокрушалъ души своей; то Пророкъ съумѣлъ сидѣть горюющимъ среди радующихся, дабы молча показать то, о чемъ онъ пришелъ говорить для вразумленія. И прежде нежели началъ говорить, онъ образовалъ форму словъ съ того, о чемъ горюя молчалъ. Далѣе слѣдуетъ: *и бысть по седмихъ днехъ слово Господне ко мнѣ, глаголя.*

3. Тѣмъ, что (Пророкъ) горюя просидѣлъ семь дней, и послѣ седьмаго дня получилъ слова Божественнаго повелѣнія, что онъ долженъ былъ говорить, онъ ясно показываетъ, что въ эти самые дни онъ въ горести молчалъ. Посланъ былъ проповѣдывать, и семь дней сидя промолчалъ. Что святый Пророкъ внушаетъ намъ своимъ молчаніемъ, если не то, что умѣющій говорить истину прежде долженъ научиться благовременному молчанію? Ибо молчаливое обсуживаніе есть какъ бы пища слова. И справедливо чрезъ преизбыточествующую благодать

получаетъ слово тотъ, кто прежде по смиренію благовременно молчитъ. Поэтому-то Соломонъ говоритъ: *время молчати, и время глаголати* (Еккл. III, 7). Ибо не говоритъ: время глаголати, и время молчати, но прежде поставляетъ время молчать, а послѣ—говоритъ; потому что мы должны учиться не чрезъ глаголаніе молчанію, но чрезъ молчаніе глаголанію. Итакъ, если святый Пророкъ, посланный на проповѣдь, прежде долго молчалъ, чтобы послѣ вѣрно говорить: то намъ должно обсудить, какова виновность не молчать тому, кого никакая необходимость не заставляетъ говорить.—Далѣе слѣдуетъ: *сыне человѣчь, стража* (соглядатая) *дахъ тя дому Израилеву* (Iезик. III, 17).

4. Надобно замѣтить, что Господь называетъ стражемъ того, кого посылаетъ на проповѣдь. Ибо кому ввѣряется попеченіе о другихъ, тотъ называется стражемъ, чтобы онъ сидѣлъ на высотѣ ума, и свое наименованіе оправдывалъ силою дѣятельности. Ибо тотъ не сторожъ, кто сидитъ внизу. Потому что сторожъ всегда стоитъ на высотѣ, чтобъ издалека видѣть то, что находитъ. И кто бы ни поставляемъ былъ на стражѣ народа, долженъ стоять на высотѣ по жизни, чтобъ имѣть возможность быть полезнымъ по прозорливости. Поэтому другой Пророкъ увѣщеваетъ стража, говоря: *на гору вы-*

*

соку взыди, благовьствуяй Сіону (Ис. XL, 9).
Именно потому, чтобы вступающій на мѣсто проповѣдника восходилъ на высоту добродѣтели; чтобы переходилъ на высоту, и превышалъ на дѣлѣ тѣхъ, которые ввѣрены ему; такъ какъ онъ тѣмъ проницательнѣе можетъ видѣть жизнь подчиненныхъ, чѣмъ менѣе будетъ подчинять душу (свою) земнымъ благамъ, которыя онъ презираетъ.

5. О, какъ тяжело для меня то, что я говорю, потому что говоря бью самаго себя, у котораго ни языкъ не соотвѣтствуетъ достоинству проповѣди, ни жизнь не сообразна языку, какъ слѣдуетъ! Я часто запутываюсь въ словахъ праздныхъ, и перестаю увѣщевать и назидать ближнихъ по лѣности и нерадѣнію. Предъ Богомъ я содѣлался нѣмымъ и говорливымъ,—нѣмымъ для необходимаго, говорливымъ для празднаго. Но вотъ Слово Божіе о жизни стража побуждаетъ меня говорить. Молчать не могу, и однако же боюсь словами бить себя самаго. Буду, буду говорить для того, чтобы мечь слова Божія, хотя даже чрезъ меня самаго, проходилъ для пронзенія сердца ближняго. Буду, буду говорить, чтобы слово Божіе гремѣло чрезъ меня даже противъ меня. Я не запираюсь въ своей виновности, вижу свою лѣность и нерадѣніе. Быть можетъ, самое сознаніе въ виновности у мило-

сердаго Судіи будетъ принято за прошеніе помилованія.

6. Въ монастырѣ я могъ и языкъ удерживать отъ празднословія, и умъ почти непрерывно держать въ молитвенномъ напряженіи. Но послѣ того, какъ я подставилъ плечо сердца подъ тяжесть пастырскую, духъ мой не можетъ постоянно быть самособраннымъ, потому что разсѣевается по многому. Ибо я принужденъ бываю рѣшать дѣла иногда Церквей, иногда Монастырей, часто размышлять о жизни и дѣлахъ частныхъ людей; иногда поддерживать обязанности гражданъ, иногда плакать о погибшихъ отъ мечей варваровъ, и страшиться волковъ, нападающихъ на ввѣренное мнѣ стадо; иногда заботиться о томъ, дабы не истощились пособія для тѣхъ самыхъ, которыми держится порядокъ, иногда равнодушно терпѣть нѣкоторыхъ хищниковъ, иногда выходить къ нимъ на встрѣчу по желанію соблюденія любви. Итакъ, если умъ, развлеченный и разъединенный, занимается столькими и толиками помышленіями: то когда ему возвращаться къ самому себѣ, чтобы вполнѣ собраться на проповѣдь, и не отступать отъ служенія проповѣданію слова? Поелику же по необходимости мѣста я часто имѣю общеніе съ мужами вѣка сего, то для себя иногда смягчаю строгость языка. Ибо, если я держу себя

въ непрестанной строгости моего наблюденія, то знаю, что слабѣйшіе отъ меня бѣгаютъ, и я никогда не привлекаю ихъ къ тому, къ чему хочу. Поэтому-то часто приходится выслушивать и ихъ празднословіе. Но поелику я и самъ слабъ; то завлеченный мало по малу въ празднословіе, уже охотно начинаю говорить то, что по неволѣ начиналъ слушать; и гдѣ скучно было падать, тамъ нравится лежать. Итакъ что я, и какой стражъ, когда не стою на горѣ дѣланія, а еще лежу въ долинѣ слабости? Но есть Творецъ и Искупитель рода человѣческаго, Который можетъ даровать мнѣ недостойному и высоту жизни, и силу языка; ради любви къ Нему я не щажу себя въ проповѣди Его.

7. Итакъ жизнь стража всегда должна быть и высока, и осмотрительна. Ибо для того, чтобъ онъ не подвергался пристрастію къ земнымъ вещамъ, она должна быть высока; а для того, чтобы не быть уязвленною стрѣлами скрытаго врага, должна быть со всѣхъ сторонъ осмотрительна. Для стража не достаточно еще того, чтобъ онъ жилъ высоко, если онъ непрестаннымъ собесѣдованіемъ не привлекаетъ на высоту и слушателей своихъ, и языкомъ не воспламеняетъ сердецъ ихъ къ любви небеснаго отечества. Но это онъ на вѣрное совер-

нитъ тогда, когда языкъ его будетъ воспламеняться отъ жизни. Ибо свѣтильникъ, не горящій самъ, не зажигаетъ той вещи, подъ которую подставляется, Поэтому-то Истина объ Іоаннѣ говоритъ: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя* (Іоан. V, 35),—горя, т. е. небеснымъ желаніемъ, свѣтя словомъ. Итакъ для того, чтобы сохраняема была истина проповѣди, необходимо должна быть удерживаема высота жизни. Поэтому и голосомъ жениха святой Церкви въ Пѣсни пѣсней справедливо говорится: *носъ твой, яко столпъ Ливанскій* (VII, 4). Что за похвала, братіе мои, что носъ невѣсты уподобляется столпу (башнѣ)? Но поелику мы носомъ всегда различаемъ благовонія отъ зловоній; то что означается носомъ, если не разборчивость стражей? Стражъ именно называется носомъ, и какъ бы столпомъ, и Ливанскимъ; потому что всегда долженъ быть разборчивъ въ предположеніяхъ, и крѣпокъ и осмотрителенъ, и стоять на высотѣ жизни, т. е. не лежать въ долинѣ слабой дѣятельности. Ибо, какъ башня устроятся на горѣ для наблюденія съ тѣмъ, чтобы вдали были видимы находящіе враги: такъ жизнь проповѣдника всегда должна быть крѣпко устрояема на высотѣ, чтобы, подобно органамъ обонянія, различать зловонія пороковъ и благоуханія добродѣтелей; чтобы вдали видѣть нашествія злыхъ

духовъ, и своею предусмотрительностію дѣлать осторожными ввѣренныя ему души.—Далѣе слѣдуетъ: *да слышиши слово отъ устъ Моихъ, и воспретиши имъ отъ Мене* (Iезик. III, 17).

8. Вотъ опять Пророкъ получаетъ наставленіе, не говорить того, чего не услышитъ, но прежде открывать ухо сердца для гласа Создателя, а послѣ открывать уста своего тѣла для слуха народнаго. Поэтому другой Пророкъ говоритъ: *приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтыри гаданіе* (загадку) *мое* (Псал. XLVIII, 5). Ибо православно проповѣдующій прежде, какъ сказано, приклоняетъ ухо сердца ко внутреннему глаголу, чтобы послѣ открывать тѣлесныя уста для предложенія увѣщанія.—Далѣе слѣдуетъ: *внегда глаголати Ми беззаконнику, смертію умреши; и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже остатися беззаконнику, и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу* (Iезик. III, 18).

9. При этихъ словахъ что намъ должно замѣтить, о чемъ внимательно подумать, если не о томъ, что ни подчиненный не умираетъ по винѣ начальствующаго, ни начальствующій не остается безъ вины, когда, не слушая словъ жизни, подчи-

ненный умираетъ по своей винѣ? Ибо нечестивому смерть есть должное воздаяніе; но стражъ обязанъ возвѣстить ему о пути къ жизни, и обличить его нечестіе. Но если стражъ промолчитъ, то самъ нечестивый умретъ въ своемъ нечестіи, потому что онъ своимъ нечестіемъ заслужилъ того, чтобы не быть достойнымъ рѣчи стража. Но крови его Господь взыскуетъ отъ руки стража, потому что этотъ убилъ того тѣмъ, что молчаніемъ предалъ его смерти. Въ этихъ обоихъ случаяхъ надобно подумать о томъ, какъ взаимно связаны между собою грѣхи подчиненныхъ и начальствующихъ; потому что тамъ, гдѣ умираетъ по своей винѣ подчиненный, стоитъ виновнымъ въ смерти начальствующій, потому что молчалъ. Итакъ помыслите, возлюбленнѣйшіе братіе, помыслите, что и мы пастыри бываемъ недостойными тоже по виновности васъ, надъ которыми поставлены таковыми. А если вы когда предаетесь нечестію, то виновны и мы, которые не противостоимъ и не порицаемъ вашихъ преступныхъ пожеланій. Поэтому вы щадите себя и насъ, когда перестаете беззаконничать. И мы щадимъ васъ и себя, когда не молчимъ о томъ, что преступно. О, какъ былъ чистъ отъ крови ввѣренныхъ тотъ славный Проповѣдникъ, который говорилъ: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ. Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян.

XX, 26—27)! Ибо, если бы онъ не *сказалъ*, то не былъ бы чистъ отъ крови. Но онъ позаботился *сказать всю волю Божію* тѣмъ, отъ крови которыхъ былъ чистъ. Этимъ выраженіемъ трогаемся, стѣсняемся, становимся виновными мы, называющіеся Священниками, которые, кромѣ собственныхъ своихъ грѣховъ, подвергаемся отвѣтственности за смертъ другихъ; потому что убиваемъ столько, сколько ежедневно видимъ идущихъ на смерть по нашему равнодушію и молчанію.

10. Но когда говорится: *крове же его отъ руки твоея взыщу:* то, если въ этомъ мѣстѣ подъ именемъ крови разумѣется смерть тѣлесная, ужасъ для насъ за наше молчаніе увеличивается; потому что, если поставленный стражемъ надъ подчиненными ему столь тяжко дѣлается виновнымъ даже въ смерти тѣла, рано или поздо долженствующаго умереть, то какой виновности подвергается онъ за смерть души подчиненныхъ, которая могла бы вѣчно жить, если бы слышала слова исправленія? Но лучше подъ именемъ крови могутъ быть разумѣваемы грѣхи. Поэтому нѣкто, оплакивая грѣхи плоти, сказалъ: *избави мя отъ кровей Боже, Боже спасенія моего* (Псал. L, 16). Итакъ кровь умирающаго взыскивается отъ руки стража потому, что грѣхъ подчиненнаго ставится въ вину началь-

ствующему, если сей будетъ молчать. Слѣдовательно, есть средство быть свободнымъ отъ вины, когда даже умираетъ подчиненный. Пусть воспрянетъ (стражъ), станетъ бдительно на стражѣ, пусть противостоитъ злымъ дѣяніямъ, какъ написано: *буди не ослабѣвая; поощряй же и твоего друга, егоже испоручилъ еси. Не даждь сна твоима очима, ниже да не воздремлеши твоима вѣждома* (Притч. Сол. VI, 3 — 4). Поэтому и здѣсь тоже присовокупляется: *и ты аще возвѣстиши беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего, и отъ пути своего (беззаконна): той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а ты душу твою избавиши* (Iезик. III, 19).

11. Ибо подчиненный безъ тебя умираетъ тогда, когда въ причинѣ смерти остается упорно противорѣчащимъ тебѣ. Ибо ты участвуешь въ смерти, которой не прекословишь. И замѣчательно, что должно быть проповѣдуемо стражемъ, именно—вѣра и дѣла. Ибо (Господь) говоритъ: *и ты аще возвѣстиши беззаконнику, и не обратится отъ беззаконія своего, и отъ пути своего (беззаконна)*. Беззаконіе служитъ выраженіемъ невѣрія, а путь беззаконный — беззаконной дѣятельности. И каждый стражъ долженъ имѣть стараніе о томъ, чтобы прежде привлекать къ православію вѣры, а послѣ къ

благочестивой жизни, т. е. въ доброй дѣятельности.

12. Но поелику рѣчь зашла объ увѣщаніи; то мы должны кратко замѣтить, какой долженъ быть порядокъ въ устахъ пастыря, и какая обдуманность въ рѣчи. Ибо учитель долженъ обдумывать, что говорить, кому говорить, когда говорить, какъ говорить, и сколько говорить. Ибо если одного изъ этихъ не будетъ доставать, то рѣчь будетъ неудачна. Потому-то написано: *аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси* (Быт. IV, 7). Но мы правильно приносимъ, когда съ добрымъ расположеніемъ совершаемъ доброе дѣло но неправильно раздѣляемъ, если пренебрегаемъ разборчивостію въ добромъ дѣлѣ. Ибо мы должны обсуживать то, что намъ говорить, дабы по слову Павла, *слово наше было всегда во благодати, солію растворено* (Колос. IV, 6).

13. Но намъ надобно обсуживать, кому говорить; потому что часто слово порицанія, принимаемое однимъ лицемъ, не принимается другимъ. А часто одно и тоже лице по обстоятельствамъ дѣлается другимъ. Поэтому Пророкъ Наѳанъ сильнымъ словомъ обличенія поразилъ Давида послѣ прелюбодѣянія. Когда сей произнесъ судъ на похитителя овцы: *сынъ смерти есть мужъ сотворивый*

сіе, тогда тотъ немедленно отвѣчалъ: *ты еси мужъ, сотворивый сіе* (2 Цар. XII, 5. 7). Но ему же (Давиду), говоря о царствѣ Соломона, такъ какъ за нимъ не было вины, онъ (Наѳанъ) смиренно поклонился. Итакъ, поелику въ одномъ и томъ же лицѣ была причина различна, то и рѣчь пророческая была не одинакова. . .

14. Надобно обсуживать и то, когда мы должны говорить; потому что часто хотя и не нравится укоризна, но послѣ принимается благосклонно. А иногда становится слабымъ то, что произносится по упущеніи времени, въ которое должно было быть произнесено. Ибо и женщина умная, видя Навала пьянымъ, не захотѣла обличать въ виновности упорства того, кого по изтрезвленіи отъ вина съ пользою поразила словами своего обличенія (1 Цар. XV, 36. 37). И Пророкъ возвѣщаетъ, что обличенія рѣчей льстецовъ не надобно отлагать до будущаго времени, говоря: *да возвратятся абіе стыдящеся глаголющіи ми, благоже, благоже* (Псал. LXIX, 4). Ибо лесть, если она терпѣливо до времени принимается, умножается, и мало по малу услаждаетъ душу до того, что она разслабѣваетъ отъ услажденія рѣчи для строгости своей правоты. Но чтобъ она не возрастала, ее тотчасъ и безъ промедленія должно отталкивать.

15. Надобно еще обсуживать и то, какъ мы должны говорить. Ибо часто слова, которыя одного возвращаютъ на путь спасенія, наносятъ раны другому. Поэтому и Апостолъ Павелъ, который, давая наставленія Титу, говоритъ: *обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 15), а давая наставленія Тимоѳею, говоритъ: *обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2). Что это значитъ, что одному предписываетъ власть, а другому долготерпѣніе, если не то, что онъ одного зналъ кроткимъ по духу, а другаго горячимъ? Кроткому нужна была по важности начальствованія строгость слова, а тотъ, кто по духу горячился, долженъ былъ умѣряемъ быть терпѣніемъ для того, чтобы онъ, разгорячившись болѣе надлежащаго, вмѣсто уврачеванія ранъ, не ранилъ здоровыхъ мѣстъ.

16. Надобно заботиться и о томъ, сколько мы должны говорить, дабы не доводить нашего слушателя до отвращенія, когда мы будемъ длить слово или увѣщанія, или обличенія, тому, кто не можетъ выносить многаго. Поэтому тотъ же славный Проповѣдникъ Евреямъ говоритъ: *молю вы, братіе, пріимите слово утѣшенія: ибо вмалѣ написавъ послахъ вамъ* (Евр. XIII, 22). Впрочемъ это приличествуетъ преимущественно слабымъ, чтобы сіи

слушали то, что хотя и мало, но для нихъ удобопонятно, и можетъ побуждать душу ихъ къ сокрушенію покаянія. Ибо, если имъ въ одно время будетъ говорима многосложная рѣчь увѣщанія; то они, не имѣя возможности удержать многое, теряютъ все. Поэтому и врачи тѣлесные, хотя и намазываютъ пригоднымъ лѣкарствомъ тѣ повязки, которыя они прилагаютъ къ слабымъ желудкамъ, но тонкимъ слоемъ, для того, чтобъ онѣ, намазанныя толстымъ слоемъ, вмѣсто укрѣпленія слабости желудка, не отягчали его.

17. Впрочемъ надобно знать, что хотя бы обильное слово и перешло за свой предѣлъ, для слушателей это не опасно. Но если безъ особеннаго тщанія обсуживается то, какъ, что и кому должно говорить, то это весьма опасно. Ибо стыдливыя души, въ случаѣ какихъ либо преступленій, должны быть обличаемы кротко; потому что онѣ, въ случаѣ жестокаго обличенія, болѣе теряются, нежели вразумляются. Напротивъ того души жестокія и безстыдныя, въ случаѣ кроткаго обличенія, самою кротостію побуждаются къ большимъ преступленіямъ.

18. Этому мы удобно научаемся отъ тогоже славнаго проповѣдника, который узнавъ, что Коринѳяне по приверженности къ лицамъ впали въ рас-

кой, давая вразумленіе ихъ стыдливости, начинаетъ рѣчь свою благодарностію и похвалами, говоря: *благодарю Бога моего всегди о васъ, о благодати Божіей данный вамъ о Христѣ Іисусѣ: яко во всемъ обогатистеся о немъ, во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ. Яко же свидѣтельство Христово извѣстися въ васъ* (1 Кор. I, 4—6). Далѣе онъ еще присовокупляетъ и говоритъ: *яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи, чающимъ откровенія Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 7). Спрашиваю тебя, Павле: если уже нѣтъ никакого недостатка, то почему ты трудишься въ писаніи къ нимъ? Почему ты, находясь вдали, бесѣдуешь съ ними? Итакъ обсудимъ, возлюбленнѣйшіе братіе, на сколько онъ ихъ хвалитъ. Вотъ онъ утверждаетъ, что имъ дарована благодать Божія, говоритъ, что они обогащены всемъ, всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ, подтверждаетъ, что свидѣтельство Христово, т. е. то, что онъ свидѣтельствовалъ о смерти и воскресеніи Христа, утвердилось въ жизни ихъ, и свидѣтельствуетъ, что они не лишены ни единаго дарованія. Кто, спрашиваю я, повѣритъ, что онъ нѣсколько послѣ будетъ бранить тѣхъ, которыхъ такъ хвалитъ? Ибо послѣ прочаго онъ присовокупляетъ: *молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри*

(Тамѣ же, ст. 10). Ибо какая распря могла вкрасться въ среду людей столь совершенныхъ и столь хвалимыхъ? *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя, посланнымъ отъ Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть. Глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ* (Тамъ же, ст. 11—12). Вотъ онъ тѣхъ, которыхъ хвалилъ за всякое слово и всякое познаніе, о которыхъ сказалъ, что они не лишены ни единаго дарованія, продолжая не много рѣчь, и приступая къ кроткому обличенію, укоряетъ за раздѣленіе между собою; и у тѣхъ, о здравіи которыхъ свидѣтельствовалъ, послѣ открылъ раны. Ибо искусный врачь, видя, что рану надобно вскрыть, но замѣчая страхъ больнаго, долго гладилъ ее рукою, и вдругъ прорѣзалъ. Прежде наложилъ привѣтливую руку похвалы, а послѣ вонзилъ желѣзо укоризны. Ибо, если бы стыдливыя души были укорены безъ привѣтливости, такъ что онѣ должны были бы при другихъ обстоятельствахъ выслушать то, что должно служить къ утѣшенію: то онѣ отъ укоризны тотчасъ впали бы въ отчаяніе.

19. Но неужели Павелъ солгалъ, когда прежде сказалъ, что не лишены ни единаго дарованія тѣ, которымъ послѣ намѣренъ былъ сказать, что у нихъ нѣтъ единства?—Нѣтъ; кто этому повѣритъ о

немъ, кромѣ безумнаго? Но поелику среди Коринѳянъ были нѣкоторые исполнены всякаго дарованія, и были нѣкоторые впадшіе въ пристрастіе къ лицамъ: то онъ началъ съ похвалы совершенныхъ, чтобы кроткою укоризною коснуться обличенія несовершенныхъ. Даже и въ этомъ онъ къ уврачеванію сердца заимствовалъ способъ отъ врачеванія тѣла. Ибо врачь, видя рану, которую должно вскрыть, сперва гладитъ рукою тѣ здоровые члены, которые около раны, чтобы послѣ, тихонько поглаживая перейти къ тѣмъ, которые ранены. Итакъ, когда Павелъ хвалилъ совершенныхъ въ Коринѳѣ, тогда онъ прикасался къ здоровымъ членамъ подлѣ раны; а когда укорялъ слабыхъ за раздѣленіе, тогда вскрывалъ рану на тѣлѣ.

20. Впрочемъ посмотримъ на того же самаго, который съ такою тихостію и кротостію поступаетъ при исправленіи Коринѳянъ, какъ онъ вооружается противъ Галатянъ, отступившихъ отъ вѣры. Ибо безъ всякаго предварительнаго терпѣнія по скромности, безъ всякаго предпосланія пріятнаго слова, онъ въ самомъ началѣ своего посланія укоризненно обличаетъ тѣхъ, которые, какъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, отпали отъ вѣры. Послѣ привѣтствія онъ начинаетъ такъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся отъ звавшаго вы благодатію Христовою*

(Гал. I, 6). Имъ же онъ съ явною бранью послѣ прочагo присовокупляетъ: *о несмысленніи Галате, кто вы прельстилъ есть* (Тамъ же, III, 1). Ибо жестокія души отнюдь не сознались бы въ содѣянномъ ими злѣ, если бы не были поражены открытою укоризною. Ибо тѣ, которые доходятъ до безстыдства, часто сознаютъ свои грѣхи на столько, на сколько ихъ бранятъ за содѣянные грѣхи, такъ что меньшими считаютъ тѣ свои преступленія, за которыя постигаетъ меньшая брань, а за которыя сильнѣе бранятъ, тѣ признаютъ большими. Поэтому необходимо всегда приспособлять рѣчь проповѣдующаго къ качествамъ слушателей, для того, чтобы ни стыдливымъ не говорить жестокаго, ни безстыднымъ кроткаго. И что удивительнаго, если это будетъ дѣлать сѣятель слова Божія, когда и земледѣлецъ, бросающій семена на землю, прежде разсматриваетъ качество земли, для какихъ семянъ она окажется пригодною, а послѣ разсмотрѣнія качества, разсѣеваетъ сѣмена? — Но поелику мы долго проговорили о качествѣ ученія: то надобно возвратиться къ тому порядку изъясненія, который мы начали. *Егда совратится праведникъ отъ правдъ своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ муку предъ нимъ, той умретъ, яко ты не воспретилъ еси ему: и во грѣсѣхъ своихъ умретъ, зане не помянутся*

правды его, яже сотвори: крове же его отъ руки твоея взыщу (Iезик. III, 20).

21. Поелику проповѣдникъ молчалъ предъ праведникомъ, который палъ въ грѣхъ, то становится виноватымъ въ крови его. И тотъ, кто не старался быть тщательнымъ въ проповѣданіи, содѣлался участникомъ въ виновности. Но когда говорится: *во грѣсѣхъ своихъ умретъ, зане не помянутся правды его, яже сотвори*: тогда намъ особенно надобно помыслить о томъ, что, предаваясь грѣхамъ, мы напрасно вспоминаемъ о своихъ прежнихъ добродѣтеляхъ; потому что въ содѣяніи грѣховъ не должно быть никакой опоры на прошедшія добрыя дѣла. Но можно спросить: надобно ли праведнику проповѣдывать прежде, нежели онъ падетъ, или же и послѣ того, какъ онъ падетъ?—Поелику проповѣдникъ долженъ наблюдать, чтобы онъ (праведникъ) не доходилъ до паденія, то безъ сомнѣнія (надобно проповѣдывать) прежде, нежели онъ падетъ. Ибо далѣе слѣдуетъ: *ты же аще возвѣстиши праведному, еже не согрѣшати, и той не согрѣшитъ, праведный жизнію поживетъ, яко воспретилъ еси ему, и ты твою душу избавиши* (Iезик. III, 21).

22. Итакъ, если проповѣдникъ избавляетъ душу свою потому, что говоритъ праведнику, чтобы сей не грѣшилъ: то когда праведникъ по молчанію

проповѣдника впадаетъ въ грѣхъ, тогда проповѣдникъ становится виновнымъ въ томъ, что молчитъ. Но кто изъ насъ, спрашиваю, достаточенъ къ тому, чтобы не только ревностно обличать грѣшниковъ, но и за праведниками наблюдать, дабы они не падали? Ибо мы, сознавая свою слабость, когда видимъ мужей праведныхъ, не рѣшаемся на увѣщаніе ихъ къ тому, чтобы они держались пути праведнаго, котораго они, какъ мы видимъ, держатся; а между тѣмъ на проповѣдникѣ лежитъ обязанность увѣщевать даже праведниковъ. Поэтому славный проповѣдникъ говорилъ: *мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 14).

23. Но во всемъ этомъ, что сказано о праведникѣ, уклонившемся къ нечестію, трудное для объясненія и весьма страшное есть то, что Господь говоритъ: *дамъ муку предъ нимъ* (а). Ибо говоритъ: *егда совратится праведникъ отъ правдъ своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ муку предъ нимъ.* Ибо мы говоримъ, что если кто учинилъ беззаконіе, то онъ споткнулся, и рѣшительно вѣрно то, что мы говоримъ. Для чегожъ еще всемогущій Богъ по-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *ponam offendiculum coram eo*, т. е. *положу претыканіе предъ нимъ.*

лагаетъ претыканіе тому, кого видитъ преткнувшимся и упадшимъ чрезъ учиненное имъ беззаконіе? Но праведны судьбы всемогущаго Бога; и Тотъ, Кто долго ожидаетъ грѣшника, чтобы сей обратился, не обращающемуся и презирающему полагаетъ еще претыканіе, чтобъ онъ еще тяжелѣе ударился лбомъ.

24. Потому что грѣхъ, не очищаемый вскорѣ покаяніемъ, становится, или грѣхомъ и причиною грѣха, или грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ, или грѣхомъ вмѣстѣ и причиною грѣха и наказаніемъ за него. Ибо все то, что дѣлается прежде (вопреки закону), есть грѣхъ. Но если (этотъ грѣхъ) вскорѣ не очищается покаяніемъ; то всемогущій Богъ по праведному суду попускаетъ связанной душѣ грѣшника падать въ другое преступленіе, такъ что она, которая не хотѣла плачемъ и сокрушеніемъ загладить то, что сдѣлала, начинаетъ пріумножать грѣхъ на грѣхъ. Поэтому грѣхъ, не омытый слезами покаянія, есть грѣхъ и вмѣстѣ причина грѣха; потому что отъ него происходитъ то, отъ чего душа грѣшника падаетъ еще глубже. Но грѣхъ, раждаемый отъ грѣха, есть грѣхъ и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ; потому что онъ, при возрастающемъ ослѣпленіи, раждается отъ воздаянія за прежнюю вину, такъ что самыя наращенія пороковъ суть уже

какъ бы нѣкоторыя казни на грѣшникѣ. Впрочемъ бываетъ иногда и то, что одинъ и тотъ же грѣхъ, есть и грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ причина грѣха. Представимъ себѣ, что кто либо пожелалъ вещи ближняго; поелику онъ вещи открыто взять не могъ, то укралъ ее; но при обвиненіи въ воровствѣ онъ клятвою подтвердилъ, что не кралъ ее. Поэтому ему ставится въ грѣхъ пожеланіе и причина грѣха, потому что чрезъ него дошелъ онъ до воровства. Но самое воровство, которымъ онъ похитилъ желанную вещь, содѣлалось для него, и грѣхомъ, и наказаніемъ за грѣхъ; потому что отъ воздаянія не стѣсненнаго пожеланія произошло то, что оно превратилось въ воровство, и виновность сердца выразилась на дѣлѣ отъ отмщенія за слѣпоту. Но поелику онъ воровство постарался прикрыть ложною клятвою, то опять отъ грѣха родился грѣхъ. Поэтому воровство, происшедшее отъ пожеланія, и произведшее ложную клятву, содѣлалось грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ въ отношеніи къ преступленію предшествовавшему,—грѣхомъ и причиною грѣха въ отношеніи (къ преступленію) послѣдовавшему, такъ какъ оно отъ перваго родилось, а второе породило. Это хорошо Павелъ высказалъ о нѣкоторыхъ, разумѣющихъ Бога и не чтущихъ, говоря: *поелику они, познавъ*

Бога, не прославили Его какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились умствованіями своими (Рим. I, 21). Вотъ грѣхъ и причина грѣха. Что происходитъ отъ этой причины, онъ присовокупляетъ: *и омрачилось безсмысленное ихъ сердце: называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ и гадамъ* (Тамъ же, ст. 21—23). Вотъ грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ. Но онъ такъ и оставался бы грѣхомъ и наказаніемъ за грѣхъ, если бы изъ этого грѣха не раждалось еще нѣчто другое. Ибо послѣ невѣрія ихъ присовокупляется: *А потому Богъ и предалъ ихъ, по похотямъ сердецъ ихъ, нечистотѣ, чтобы сквернили собственныя тѣла* (тамъ же, ст. 24). Итакъ тѣ, которые познавъ Бога, не прославили Его какъ Бога, отъ этого грѣха и причины грѣха дошли даже до того, что пали даже въ почитаніе гадъ и птицъ. Но поелику чрезъ это самое ослѣпленіе они дошли даже до нечистоты и оскверненій плоти: то самая слѣпота ихъ невѣрія въ отношеніи къ предыдущему разумѣнію есть и грѣхъ, и наказаніе за грѣхъ, а въ отношеніи къ послѣдующей нечистотѣ грѣхъ содѣлался и причиною грѣха. Но такъ какъ объ этомъ долго было разсуждаемо въ книгахъ нравственныхъ (книг. XXV, глав. IX, ч. 23. 24):

то намъ теперь нѣтъ надобности долго на этомъ останавливаться (а).

25. Но намъ со страхомъ надобно помышлять о томъ, какимъ образомъ праведный и всемогущій Богъ, гнѣваясь на предшествующіе грѣхи, попускаетъ слѣпотствующей душѣ падать и въ другіе. Поэтому Моисей говоритъ: *не бо исполнишася грѣси Аммореевъ до нынѣ* (Быт. XV, 16). И Давидъ говоритъ: *приложи беззаконіе къ беззаконію ихъ, и да не внидутъ въ правду твою* (Псал. LXVIII, 28). Другой Пророкъ еще говоритъ: *клятва, и лжа, и убійство, и татьба, и любодѣянія разліяся по земли, и кровь съ кровми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2). Ибо кровь мѣшается съ кровью, когда ко грѣху прибавляется грѣхъ, такъ что предъ очами Божіими душа является въ крови отъ множества беззаконій. Апостолъ Павелъ говоритъ: *во еже исполнити имъ грѣхи своя всегда* (1 Сол. II, 16). А Іоанну чрезъ Ангела говорится: *обидяй, да обидитъ еще: и скверный, да осквернится еще* (Апок.

а) Эти нравственныя книги, на которыя ссылается *Святитель*, доселѣ еще не переведены на русскій языкъ. Онѣ суть нравственныя объясненія на книгу Іова. Частная ссылка, указанная здѣсь, относится къ нравственному объясненію Святителя на 25 стихъ XXXIV главы книги Іова.

XXII, 11). Поэтому теперь и *Господь* говоритъ: *егда совратится праведникъ отъ правдъ своихъ, и сотворитъ согрѣшеніе, и дамъ муку предъ нимъ* (положу претыкапіе предъ нимъ). Ясно Онъ говоритъ какъ бы такъ: послику онъ чрезъ покаяпіе не хотѣлъ видѣть того, обо что уже ударился лбомъ, то, по праведному суду оставляя его, положу ему и еще то, обо что онъ ударится. Впрочемъ *Г*осподне—положить—отнюдь не значитъ—понуждать къ грѣху, но не хотѣть освобождать отъ грѣха; такъ какъ о Фараонѣ говорится: *Азъ ожесточу сердце его* (Исх. VII, 3). Ибо *Г*осподь не ожесточаетъ сердца грѣшника, но называется ожесточающимъ потому, что не освобождаетъ отъ ожесточепія. Такъ какъ милосердый Богъ даетъ намъ продолжительное время для покаянія; но когда мы долготерпѣніе благодати Его употребляемъ на пріумноженіе виновности, тогда Онъ это самое время, которое съ любовію предположилъ для пощады, строго превращаетъ (во время) къ паказанію, такъ что кто не захочетъ обратиться въ продолженіе даннаго ему времени, тотъ пріумножаетъ грѣхи свои для виновности чрезъ то, чѣмъ могъ очистить ихъ, если бы захотѣлъ обратиться. Поэтому написано: *не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ; по жестокости же твоей и непокаянному сердцу,*

собирающи себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. II, 4. 5). Итакъ нечестивый собираетъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва отъ благости всемогущаго Бога потому, что, получая время на покаяніе, и употребляя оное на беззаконія, онъ самое врачевство благодати употребляетъ на пріумноженіе виновности. Поэтому и всемогущій Богъ, видя, что дарованныя отъ Него средства къ исправленію употребляются на пріумноженіе виновности, самую благость, которую выказалъ, превращаетъ въ строгость суда, такъ что послѣ сильнѣе бьетъ оттуда, откуда болѣе ожидаетъ. А поелику человѣкъ не хочетъ оставить зла для того, чтобы жить, то пріумножаетъ средства къ тому, чтобъ умереть. Но праведный ли впадаетъ въ преступленіе, или грѣшникъ подвергается смерти, стражъ долженъ опасаться, дабы ему по своему молчанію равно не быть въ отвѣтственности за согрѣшающихъ.

26. Но между тѣмъ, какъ я говорю, хочу отвратить взоръ отъ себя самаго, и вотъ слово Божіе опять направляетъ его на меня самаго, чтобъ я видѣлъ свое нерадѣніе, и страшился сказать себѣ то, что слышу. Ибо, какъ сказалъ я выше, чье сердце, простертое на безчисленныя заботы, можетъ быть собрано въ себѣ самомъ? Могу ли я когда

либо, и тщательно смотрѣть за всемъ, меня окружающимъ, и съ самособранностію осматривать себя самаго? Когда могу я исправлять беззаконія нечестивыхъ преслѣдованіемъ, беречь дѣла добрыхъ похвалою и увѣщаніемъ, однимъ являть страхъ, а другимъ ласковость? Когда достанетъ у меня силъ, и на то, чтобы помышлять о необходимомъ для братіи, и на то, чтобъ содержать бдительную городскую стражу противъ мечей вражескихъ, предусматривать, чтобы не гибли граждане отъ внезапнаго нападенія, и среди всего этого удовлетворительно и сильно употреблять слово увѣщанія на стражѣ душъ? Ибо говорить о Богѣ свойственно весьма спокойному и свободному уму. Потому что языкъ стройно направляется въ рѣчи тогда, когда чувства рѣшительно успокоены, такъ какъ и взволнованная вода не отражаетъ вида смотрящаго въ нее, но лице смотрящаго въ нее отражается тогда, когда она бываетъ недвижима. Поэтому, возлюбленнѣйшіе братіе, какое увѣщаніе можетъ предложить вамъ вашъ стражъ, котораго возмущаетъ безпокойство о столькихъ предметахъ? Вѣрно тотъ Пророкъ, о которомъ говоримъ, видя въ послѣднемъ откровеніи храмъ, повѣствуетъ о томъ, что онъ въ этомъ самомъ храмѣ, между прочимъ видѣлъ, говоря: *земля до оконъ, и окна заперты* (Іезик. XLI,

16) (а). И Апостолъ *Павелъ* говоритъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III, 17. 2 Кор. VI, 16). Но въ этомъ храмѣ окнами служатъ священники и стражи, которые въ народѣ вѣрующихъ проливаютъ свѣтъ святой проповѣди. Но когда *земля до оконъ, и окна заперты* бываютъ; потому что, когда земное помышленіе возрастаетъ въ сердцахъ священниковъ, тогда окна не проливаютъ свѣта, потому что Священники отказываются отъ обязанности проповѣданія.

27. Есть въ чинѣ священниковъ и еще нѣчто, очень важное; потому что они не могутъ постоянно пребывать въ размышленіи о себѣ, какъ тѣ, которые ведутъ жизнь спокойную и уединенную. Ибо эти (люди), какъ сказали мы выше, которые удалены отъ мѣста правительственнаго, могутъ, и слезами омывать пятна грѣховъ своихъ, и послѣ слезъ оставаться въ томъ же сокрушеніи духа, какъ и написано объ одной доброй женщинѣ, которая молилась при Скиніи, и по вниманію своему не измѣняла души даже послѣ благодати сокрушенія,

а) По буквальному переводу съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *terra usque ad fenestras, et fenestrae clausae.*

когда говорится: *и лице ея не испаде ктому* (1 Цар. I, 18). Поэтому (случаю) намъ должно подумать о томъ, что если такъ плакала женщина, которая желала сына, то какъ должна плакать душа, которая желаетъ Бога? Но священникъ даже послѣ сокрушенія и слезъ имѣетъ обязанность знать о нуждахъ сыновъ своихъ, и терпѣливо выслушивать то, отъ чего отвращается душа, и послѣ воздыханій о небесномъ нести тяжести нѣкоторыхъ плотскихъ людей, а часто вдругъ настроять сердце къ различнымъ расположеніямъ. Ибо оно иногда радуется о приращеніяхъ духовныхъ, но когда кто либо вдругъ пріидетъ плачущій, тогда оно, если не пріиметъ участія въ плачѣ его, не сочувствуетъ его несчастію. А иногда оно скорбитъ о паденіяхъ душевныхъ, но вдругъ являются радующіеся о своемъ какомъ либо счастіи. Если священникъ не пріиметъ участія въ ихъ радости, то подумаютъ, что онъ не любитъ тѣхъ дѣтей, которымъ не сорадуется, особенно когда Павелъ говоритъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15).

28. Итакъ я не вижу ничего столь тягостнаго для сана священниковъ, какъ преклонять строгость души къ состраданію, и вдругъ измѣнять настроеніе ея принаровительно къ лицамъ, неожи-

данно являющимся; и не смотря на то, это крайне необходимо. Ибо когда грѣшникъ возвращается по проповѣди его къ благодати добродѣтели, если самъ проповѣдникъ кажется не имѣющимъ благодати? Поэтому чрезъ того же самаго Пророка въ послѣдней части говорится: *и будетъ внегда входити имъ* (священникамъ) *во врата двора внутренняго; да не облекутся въ* (ризы) *волняны* (Іезик. XLIV, 17). Далѣе о нихъ же присовокупляется: *и егда исходятъ къ людемъ во внѣшній дворъ, да совлекутся ризъ своихъ, въ нихже тіи служатъ: и да положатъ я въ предградахъ святыхъ* (Исх. XXVII, 43. Іезик. XLIV, 19). Потому что шерстяныя одежды грубы. Но когда священникъ приступаетъ къ священнодѣйствію, когда чрезъ сокрушеніе входитъ внутрь себя; тогда ему необходимо облачиться въ тончайшее размышленіе, какъ бы въ ризу льняную. Но когда онъ выходитъ на дворъ къ народу; тогда ему надобно скидать тѣ одежды, въ которыхъ совершалъ службу внутри, и являться народу одѣтымъ въ иныя одежды; потому что, если онъ останется въ строгости сокрушенія о себѣ, если продолжитъ оставаться въ той скорби, которую имѣлъ на молитвѣ, то не будетъ внимателенъ къ словамъ о предметахъ внѣшнихъ. И что будетъ дѣлать ста-

до по необходимости, если пастырь отказывается выслушать и обсудить даже то, чего требует настоящее время? Итакъ священникъ, скидая грубыя одежды, предъ народомъ долженъ надѣвать ихъ, чтобы расположеніе души своей приноравливать къ терпѣнію земнаго ради пользы дѣтей. Подумайте, прошу, возлюбленнѣйшіе братіе, каковъ долженъ быть трудъ для стража, и устремлять сердце къ горнему, и вдругъ низводить оное внизъ, и утончать умъ на высотѣ внутренняго познанія, и по внѣшнимъ причинамъ ближнихъ, такъ сказать, вдругъ дѣлать его грубымъ въ помышленіи.

29. Итакъ мнѣ необходимо, не только изъяснять слова Пророка, но и оплакивать предъ вами свое несчастіе. Поэтому я прошу, чтобы ваша молитва содѣлала меня таковымъ, каковъ я и для себя имѣлъ бы силу, и для васъ могъ бы быть полезенъ. По вашему ходатаиству можетъ и мнѣ недостойному и слабому это даровать Тотъ, Кто по Своей любви ради насъ благоволилъ быть слабымъ. Такъ какъ Божія есть та сила и премудрость (1 Кор. I, 24), которая приняла нашу слабость для того, чтобы своею слабостію содѣлать насъ сильными, — Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ въ еди-

ствѣ со Святымъ Духомъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(Святитель) прослѣживаетъ остатокъ третьей главы, и объясненіе свое доводитъ до 4 стиха главы четвертой, наклоняя оное къ разнымъ нравственнымъ или заповѣдямъ, или совѣтамъ, для Проповѣдниковъ и слушателей.

1. Сохраняя истину исторіи, Божественныя изреченія тѣ причины, которыхъ не показываютъ въ открытой рѣчи, означаютъ иногда временемъ, иногда мѣстомъ. Временемъ; какъ говорится у Евангелиста о Господней проповѣди Іудеямъ: *зима бѣ* (Іоан. X, 22). Ибо среди тѣхъ таинствъ, о которыхъ говорила Истина, что была за причина присовокуплять наименованіе зимы, если не та, чтобы качествомъ времени указать на холодъ сердца. Потому что сердца Іудеевъ оставались холодными даже тогда, когда они выслушивали слова истины. А иногда мѣстомъ; такъ плотскому народу Израильскому, по сошествіи Моисея съ горы, законъ данъ на равнинахъ (Исх. XX, и слѣд.); а святымъ Апостоламъ

Господь говорилъ о высшихъ и духовныхъ заповѣдяхъ сидя на горѣ (Мат. V, 1), для того, чтобъ изъ самыхъ мѣстъ было видно, что какъ тѣмъ плотскимъ даваемы были меньшія заповѣди на земныхъ равнинахъ, такъ и этимъ, духовнымъ и святымъ, надобно было выслушать небесныя заповѣди на горѣ, дабы ясно было показано, что восходящіе сердцемъ къ небесному должны оставить низость міра и стоять на вершинѣ ума. Поэтому теперь Пророкъ Іезекіилъ описываетъ, что онъ сдѣлалъ по повелѣнію Божію на мѣстахъ, чтобы чрезъ качества мѣстъ показать, что въ будущемъ должно послѣдовать по тайнамъ пророчества. Ибо вотъ онъ говоритъ: *бысть на мнѣ рука Господня: и рече ко мнѣ: востани, и изыди на поле, и тамо возглаголется къ тебѣ* (Іезик. III, 22).

2. Что это значитъ, что прежде Господь говорилъ къ Пророку Своему въ срединѣ Израильтянъ, а послѣ говоритъ: *изыди на поле, и тамо возглаголется къ тебѣ*, если не то, что онъ благоволилъ прежде излить благодать пророчества Своего на Іудею, а послѣ явить ее въ пространствѣ языковъ? Ибо не неприлично полемъ означается язычество, которое простирается въ долготу и широту, т. е. на весь міръ. Поэтому и присовокупляется: *и востахъ, и изыдохъ на поле: и се тамо слава Го-*

сподня стояше якоже видѣніе, и якоже слава Господня, юже видѣхъ на рѣцѣ Ховаръ (ст. 23).

3. На полѣ увидѣлъ Пророкъ ту славу Господню, которую видѣлъ въ срединѣ Израильтянъ на рѣкѣ Ховаръ; потому что язычникамъ открыта та самая слава Господа, которая прежде по откровенію Духа являлась избраннымъ въ народѣ Іудейскомъ. Далѣе слѣдуетъ: *и падохъ на лицы моемъ.*

4. Увидѣвъ славу Господню, Пророкъ палъ на лице свое; потому что, хотя человѣкъ и возвышается до разумѣнія небеснаго, однакожь отъ созерцанія величія Божія сознаетъ слабость своего состоянія; и какъ бы не можетъ стоять тотъ, кто предъ очами Божіими признаетъ себя пепломъ и прахомъ. Далѣе слѣдуетъ: *и пріиде на мя духъ, и постави мя на ногу моею* (ст. 24).

5. Когда мы смиренно повергаемся предъ Богомъ, когда сознаемъ, что мы прахъ и пепелъ, когда, обсуживая слабость своего состоянія, не имѣемъ состоянія жестокости и гордости: тогда всемогущій Богъ возстановляетъ насъ духомъ своимъ, и поставовляетъ насъ на ноги наши, для того, чтобы мы, которые по сознанію нашей слабости смиренно пали предъ собою и лежимъ, послѣ какъ бы на ногахъ стояли прямо въ добродѣтели. Для чего

*

это совершается надъ Пророкомъ въ полѣ, если не для обозначенія того именно, что и избраннымъ изъ язычниковъ долженъ быть дарованъ Духъ Святый, Который тѣхъ, коихъ обыметъ, прежде повергнетъ изъ состоянія ихъ гордости, а послѣ твердо поставитъ на ноги, т. е. на добрыя дѣла? Такъ какъ чрезъ Павла говорится: *ослабленныя руки и ослабленныя колѣна исправите: и стези правы сотворите ногами вашими* (Евр. XII, 12). Далѣе слѣдуетъ: *и глагола ко мнѣ, и рече ми: вниди, и затворися средѣ дому твоего* (ст. 24).

6. Что это значитъ, что Пророкъ изъ среды Израильскаго народа выводится на поле, а послѣ опять посылается въ домъ, если не то, что благодать проповѣдничества, отнятая у Іудейскаго народа, простерта на пространство язычества? Впрочемъ на кончинѣ міра, когда Іудеи возвратятся къ вѣрѣ, Пророкъ какъ бы въ домъ возвращается, чтобы опять было въ своемъ домѣ то проповѣдничество, которое нынѣ такъ сіяетъ для различныхъ народовъ, какъ бы въ полѣ. Потому что написано: *дондеже исполненіе языковъ внидетъ. И тако весь Израиль спасется* (Рим. XII, 25—26). И чрезъ другаго Пророка говорится: *аще будутъ люди Израилевы яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется* (Ис. X, 22). Итакъ Пророкъ изъ среды народа

выходитъ на поле, а съ поля возвращается въ домъ для того, чтобъ означить проповѣдничество, вышедшимъ изъ Іудеи, которое было дано къ язычникамъ, и по наполненіи вѣрою язычниковъ опять принятымъ Іудеею, которая снова пріиметъ тѣ дары духовнаго ученія, которыхъ была лишена. *Затворишься же среди дома своего* повелѣвается Пророку потому, что во время антихриста обращенный народъ Іудейскій подвергнется жестокимъ преслѣдованіямъ отъ тѣхъ язычниковъ, которые останутся въ невѣріи. Поэтому написано: *внѣшній дворъ храма оставь, и не измѣряй его; ибо онъ данъ язычникамъ; они святый градъ будутъ попирать сорокъ два мѣсяца* (Апок. XI, 2).

И ты, сыне человѣчь, се дашася на тя узы, и свяжутъ тя ими, и не изыдеши отъ среды ихъ. И языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разгнѣваяй есть (Іезик. III, 25—26).

7. Если мы послѣдуемъ порядку типическаго изъясненія этихъ словъ: то Пророкъ въ домѣ своемъ принимаетъ узы и связывается потому, что въ послѣднія времена, когда увѣруетъ Іудея, почувствуетъ самыя тяжкія гоненія во время антихриста, такъ что управляющіе ею проповѣдей нечестія не прі-

мутъ, но за противодѣйствіе имъ будутъ подвергаемы узамъ скорбей. *А не изыдетъ отъ среды ихъ* потому, что проповѣдь не достигаетъ сердецъ нечестивыхъ, когда молчитъ языкъ праведныхъ, связанный скорбями. Ибо тогда будетъ много изъ Іудеевъ невѣрующихъ, которые будутъ преслѣдовать тѣхъ самыхъ изъ Іудеевъ, которые увѣруютъ. Поэтому надобно замѣтить, что здѣсь говорится еще о томъ, что Пророкъ подвергнется узамъ въ домѣ своемъ, для обозначенія того, что Іудея, когда увѣруетъ, будетъ терпѣть скорбь гоненія отъ собственнаго своего народа. Ибо, когда не вѣруютъ въ воплотившагося Единороднаго Сына верховнаго Отца, умершаго, воскресшаго, и вознесшагося на небеса, какъ проповѣдуется на страницахъ Св. Писанія; тогда пророчество именно у Іудеевъ связано. Если же оно такъ, какъ сказано, опять возвращается къ ихъ разумѣнію, то имѣетъ какъ бы свободный ходъ для своего проповѣданія.

8. Итакъ вѣденіе проповѣдниковъ въ то время принуждено бываетъ къ молчанію предъ нечестивыми. Поэтому и здѣсь присовокупляется: *и языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разгнѣвляяй есть.* По сему во время проповѣди Еноха и Иліи многіе изъ тѣхъ, которые останутся

въ невѣріи, возвратятся къ познанію истины, какъ о томъ же самомъ Иліи говорится: *Илія убо пріидетъ прежде, и устроитъ вся* (Мат. XVII, 11; Марк. IX, 12; Малах. IV, 5); которые—оба у Захаріи называются двумя маслинами (Захар. IV, 3), а у Іоанна двумя свѣтильниками (Апок. XI, 4): то справедливо здѣсь еще присовокупляется: *и внегда глаголати Ми къ тебѣ, отверзу уста твоя, и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адонаі Господь* (Іезик. III, 27).

9. Ибо тогда какъ бы въ послѣдній разъ отверзаются уста Пророка, когда по проповѣди Еноха и Иліи Іудеи, обращающіеся къ вѣрѣ, познаютъ, что пророчества Св. Писанія были о Христѣ.—Но поелику это мы сказали въ типическомъ смыслѣ: то теперь тѣже самыя слова объяснимъ любви вашей въ смыслѣ нравственномъ.

10. Ибо что значитъ, что Пророку дается повелѣніе вытти въ поле, если не то, что каждый проповѣдникъ ради тѣхъ, которыхъ исправляетъ и отвращаетъ отъ нечестія, находящихся внѣ его, словомъ своимъ выходитъ на поле? И тамъ онъ видитъ славу Господню; потому что тѣмъ обильнѣе пріемлетъ благодать ученія, чѣмъ болѣе имѣетъ напряженія въ трудѣ проповѣданія по любви къ ближнимъ. Итакъ онъ, выходя вонъ, возводимъ бываетъ

къ высшему видѣнію; потому что откуда онъ служеніемъ слова своего просвѣщаетъ слѣпоту невѣденія въ сердцахъ другихъ, оттуда вышняя благодать возвышаетъ его къ вышнему разумѣнію. Но поелику проповѣдникъ всегда долженъ возвращаться къ душѣ своей, блюсти въ ней внутреннее смиреніе и чистоту: то ему необходимо съ поля возвращаться въ домъ, дабы по тому, что онъ проповѣдуетъ, дознать, каковъ онъ самъ внутри своей совѣсти. Ибо, если онъ, или не исполняетъ того, что внушаетъ другимъ, или домогается земной славы за то, что проповѣдуетъ: то, хотя онъ чрезъ проповѣдь и выходитъ на поле, но не помышляя о себѣ самомъ, презираетъ возвращеніе въ домъ. Ибо по принятіи духа, мы заключаемся въ домѣ, когда благодатію его призываемся къ разсмотрѣнію таинъ души нашей, чтобы душа сама въ себѣ успокоивалась въ Богѣ, и уже не разсѣевалась движимостію по внѣшнимъ пожеланіямъ славы и похвалы

11. Объ этомъ домѣ сердца каждому выздоровѣвшему Истина лично говоритъ: *возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (Іоан. V, 8. Марк. II, 9). Потому что чрезъ одръ, на которомъ покоится плоть, означается самая плоть, а чрезъ домъ означается совѣсть. И когда мы, будучи мертвыми по духу, лежимъ въ порокахъ, нѣжимся въ услажденіи плоти,

тогда мы, будучи разслабленными, носимся на одрѣ; а когда выздоровѣемъ духомъ такъ, что уже можемъ противиться порочнымъ побужденіямъ плоти, тогда необходимо намъ переносить и скорби искушеній отъ нашей плоти. Итакъ изцѣленному больному повелѣвается: *возми одръ твой*, т. е. неси постель, на которой ты былъ носимъ, потому что необходимо, чтобъ и каждый выздоровѣвшій переносилъ оскорбленіе плоти, на которой прежде лежалъ больнымъ. Что же значитъ выраженіе: *возми одръ твой, и иди въ домъ твой,* если не слѣдующее: переноси искушенія плоти, на которыхъ доселѣ ты лежалъ, и возвратись къ своей совѣсти, чтобы видѣть, что ты надѣлалъ? Итакъ Пророку дается повелѣніе, чтобъ онъ послѣ поля заключился въ домѣ, для того, чтобы проповѣдникъ, послѣ того, какъ сообщитъ благодать ученія ближнимъ, всегда возвращался къ совѣсти, дабы самому не желать внутренно чего либо изъ внѣшней похвалы за то, что проповѣдуетъ вовнѣ.

12. Поэтому и чрезъ Соломона говорится: *пій воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ твоихъ кладенецъ источника: да преизливаются тебѣ воды отъ твоего источника, во твои же пути да происходятъ твоя воды: да будутъ тебѣ единому имѣнія, и да никтоже чуждь причастится тебѣ* (Притч. V,

15—17). a). По видимому, чрезвычайно противорѣчащимъ кажется то, что говорится: *да преизливаются тебѣ воды отъ твоего источника, во твои же пути да происходятъ твоя воды*, — и тотчасъ присовокупляется: *да будутъ тебѣ единому имѣнія, и да никтоже чуждь да причастится тебѣ.* Ибо какимъ образомъ можетъ одинъ имѣть воду вѣдѣнія тотъ, если онъ разливаетъ ее по площадямъ? Какимъ образомъ посторонніе не могутъ участвовать въ водѣ его, если источники его текутъ вонъ? Но когда мы проповѣдуемъ народу, тогда именно разливаемъ воды на площадяхъ, потому что простираемъ слова вѣденія на множество слушателей. А когда при помощи Божественной благодати хранимъ ихъ внутри, и съ особенною тщательностію наблюдаемъ, дабы злые духи, которые по справедливости для насъ чуждые, потому что

a) Въ Латинскомъ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ этотъ переводъ, текстъ читается такъ: *bibe aquam de cisterna tua, et fluenta putei tui. Deriuentur fontes tui foras, et in plateis aquas diuide; habeto eas solus, nec sint alieni participes tui.* Т. е. *пей воду изъ твоего водоема, и ключей твоего колодезя. Да проводятся твои источники вонъ, и на площадяхъ раздѣляй воды; имѣй ихъ одинъ, дабы чуждые не были твоими участниками.*

потеряли участіе въ блаженствѣ, но успѣли возбудить въ насъ гордости: тогда мы одни имѣемъ тѣ воды, которыя розлили по площадямъ, такъ что чуждые въ нихъ не участвуютъ. Эти (чуждые) именно тѣ, о которыхъ написано: *чуждіи восташа на мя, и крѣпцыи взыскаша душу мою* (Псал. LIII, 5). Слѣдовательно, и по площадямъ разливаетъ воды, и одинъ имѣетъ ихъ тотъ, кто и въ помыслѣ своемъ не имѣетъ временной славы за то, что онъ многимъ проповѣдуетъ. Ибо тогда человѣкъ владѣетъ тѣмъ, чему учитъ, когда не радуется тому, что онъ приходитъ въ извѣстность, но (радуется тому), что полезенъ. Итакъ Пророкъ съ поля возвращается домой для того, чтобы тотъ, кто говоритъ отъ Бога, послѣ того, какъ ради пользы ближнихъ выдетъ вонъ для проповѣди, всегда смиренно возвращается къ себѣ для развѣданія сокровенныхъ таинъ сердца своего. Поэтому-то и присовокупляется: *и ты сыне человѣчь, се дашася на тя узы, и свяжутъ тя ими, и не изыдеши отъ среды ихъ* (Іезик. III, 25).

13. Ибо, когда каждый проповѣдникъ возвращается къ совѣсти дома своего, тогда налагаются на него узы, и онъ связывается ими; потому что, чѣмъ болѣе будетъ разбирать себя въ размышленіи, тѣмъ болѣе будетъ познавать душа безпристрастна-

го, какими слабостями своей смертности она связана. Ибо, если бы Павелъ не видѣлъ себя связаннымъ, то не сталъ бы говорить: *желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти* (Филипп. I, 23). Поэтому чрезъ Псалмопѣвца говорится: *услышати воздыханіе окованныхъ, разрѣшити сыны умерщвленыхъ* (Псал. СI. 21). И еще: *да внидетъ пред Тя воздыханіе окованныхъ* (Псал. LXXVIII, 11). Но часто душа, желая уже вытти на созерцаніе образа своего Искупителя, нетерпѣливо желая предаться небеснымъ радостямъ, видитъ себя связанною узами своей смертности, которыми еще связана въ настоящемъ мірѣ, и тоскуетъ. Поэтому-то Іеремія, тонко разсматривая судъ всемогущаго Бога, говоритъ: *согради на мя, и не изыду, отяготи оковы моя* (Плач. Іерем. III, 7). Ибо для насъ служатъ оковами самая слабость и поврежденіе нашей смертности; но когда къ нимъ присовокупляется еще скорбь и стенаніе, то наши оковы отягощаются. И хотя праведникъ, доколѣ терпитъ замедленіе въ этой жизни, спѣшитъ быть полезнымъ для другихъ проповѣдію о добрѣ; но когда видитъ жестокія сердца и думаетъ заняться съ ними состязаніями, тогда воздерживается отъ проповѣди. И въ средину ихъ не выходитъ, потому что безмолвствуетъ отъ добра, которое могъ говорить, но сло-

ву Павла: *не дѣлайте ничего по ревнивости* (Филипп. II, 3); и еще: *аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы* (1 Кор. XI, 16). Поэтому-то. и здѣсь присовокупляется: *и языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разгнѣваяй есть* (Iезик. III, 26).

14. Но иногда Господь воспламеняетъ сердца проповѣдниковъ ревностію по Немъ противъ языковъ упорствующихъ, дабы тѣ не молчали, но высказанную ложь обуздывали словами истины. Поэтому здѣсь присовокупляется: *и внегда глаголати Ми къ тебѣ, отверзу уста твоя, и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адонаі Господь* (Iезик. III, 27).

15. Но что мы кратко разъяснили подъ двоякимъ разумѣніемъ, то можно прослѣдить по буквальному смыслу чрезъ легкое къ нему соприкосновеніе. Ибо что преимущественно рекомендуется намъ чрезъ самыя слова исторіи, если не добродѣтель послушанія, когда дается повелѣніе Пророку, то продолжать странствованіе на рѣку Ховаръ, то выйти въ поле, то съ поля возвратиться домой? Это для того, чтобы странствующій прежде по повелѣнію, а чрезъ нѣсколько послѣ выходящій (въ поле), и опять возвращающійся домой, и заключающійся

въ немъ, всегда подчинялъ произволъ своей воли заповѣди Божественнаго слова, такъ какъ онъ, повинуясь Божественному повелѣнію, долженъ исполнить не свою волю, но Создателя своего. Ему-то говорится: *и ты сыне человѣчь, се дашася на тя узы, и свяжутъ тя ими, и не изыдеши отъ среды ихъ.* Въ этомъ событіи надобно замѣтить, что Пророкъ напередъ знаетъ несчастія, чтобы на все быть готовымъ. Ибо тѣ несчастія, которыя постигаютъ не неожиданно, менѣе преодолѣваютъ духъ: но не смотря на то, когда несчастія дѣлаются извѣстными напередъ, то какая сила послушанія проявляется въ томъ, кто хотя и знаетъ, что будетъ терпѣть несчастія, однако же не выступаетъ изъ послушанія гласу Господню! Но особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ слова, которыя непосредственно за тѣмъ присовокупляются: *и языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разгнѣваяй есть.* Потому что намъ надобно различать, по неисправимости ли только слушателей, или иногда и за преступленіе проповѣдующаго, отъемлется слово проповѣданія.

16. Ибо при обсужденіи этотъ предметъ открываетъ четыре качества. Потому что иногда отъемается слово у добрыхъ учителей по неисправимо-

сти слушателей. Иногда же ради добрыхъ слушателей дается слово учителямъ, даже недобрымъ. А иногда дается слово добрымъ учителямъ за праведность учащихъ и слушающихъ, чтобы какъ тѣ возвышались заслугою, такъ и слушатели ихъ преуспѣвали въ разумѣ и жизни. Иногда же, поелику ни эти, которымъ предлагается слово ученія, недостойны, ни тѣ, которые занимаютъ мѣсто учителей, недостойны произносить слово ученія: то отнимается слово ученія для того, чтобы та и другая сторона была судима по правдѣ. Вотъ по причинѣ неисправимости слушателей отнимается у добрыхъ учителей слово, какъ теперь говорится Іезикіилю: *языкъ твой привяжу къ гортани твоему, и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія, понеже домъ разгнѣваяй есть.* И какъ Павлу говорится: *потщися и изыди скоро изъ Іерусалима, зане не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о Мнѣ* (Дѣян. XXII, 18). И какъ объ Апостолахъ, желавшихъ проповѣдывать въ Азіи, написано, что они *возбранени быша отъ Святаго Духа* (Дѣян. XVI, 6). Ради добрыхъ слушателей дается слово учителямъ, даже не добрымъ, какъ говоритъ Господь о фарисеяхъ: *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо, и не творятъ* (Мат. XXIII,

3). — Дается слово ученія ради заслуги учащихъ и праведности слушающихъ, какъ говорится Апостоламъ: *шедше научите вся языки* (Мат. XXVIII, 19). Но по причинѣ неисправимыхъ слушателей и недостойной жизни тѣхъ, которые были обязаны проповѣдывать, отнимается слово ученія; какъ, на примѣръ, Илій не имѣлъ слова строгаго вразумленія для исправленія сыновъ своихъ (1 Царст. II, 29. III, 13); потому что и его нерадѣніе, и жизнь дѣтей настоятельно требовали, чтобы съ ними и народъ палъ, и ковчегъ Господень попался въ плѣнъ къ иноплеменникамъ (1 Цар. IV, 11 и д.). Ибо великая милость всемогущаго Бога проявляется въ томъ, когда учители произносятъ жестокое слово обличенія предающимся нечестію. Напротивъ того теперь говорится: *и онѣмѣеши, и не будеши имъ въ мужа обличенія*. Ибо онъ сталъ бы обличать нечествующихъ, если бы сіи достойны были этой милости обличенія.

17. Но поелику въ ученіи и въ молчаніи должно быть такое различіе заслугъ, что рѣшительно нельзя знать, по винѣ ли слушателя, или по недостоинству того, кто по видимому занимаетъ мѣсто учителя, отнимается слово ученія: то этимъ что другое заповѣдуется намъ, если не всегдашнее храненіе смиренія въ вещахъ сомнительныхъ? Поэтому,

какъ тогда, когда мы можемъ говорить, не должны гордиться, дабы случайно эта самая благодать нашего проповѣданія не была приписана намъ, тогда какъ она дарована нашимъ слушателямъ; и наоборотъ, когда мы не можемъ говорить, то подчиненные намъ не должны осуждать за это насъ, дабы не ошибиться, что, быть можетъ, не отъ нашего грѣха, но отъ грѣха слушающихъ зависитъ то, что мы не можемъ говорить. Итакъ намъ все неизвѣстно о нашихъ заслугахъ для того, чтобы мы имѣли благодать—смиреніе; такъ какъ и тогда, когда мы говоримъ, мы должны думать, что ваша заслуга была причиною этого дара всемогущаго Бога; и когда мы нѣмѣемъ въ словѣ ученія, тогда, хотя бы это была и наша вина, вы однакоже считайте ее вашею собственною, для того, чтобы взаимно приписывая зло себѣ, а добро другимъ, самою этою благодатію смиренія возвратить намъ слово ученія, которое было отнято.—За тѣмъ слѣдуетъ: и *внегда глаголати **Ми** къ тебѣ, отверзу уста твоя, и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адонаі Господь: слышай да слышитъ, и не покоряяйся да не покоряется: зане домъ преогорчеваяй есть* (Іезик. III, 27).

18. Нѣкоторые часто желаютъ слушать слово Божіе, но видя, что другіе отвращаютъ отъ него слухъ, и сами уклоняются отъ слушанія о спасе-

ній; а большею частію многіе желаютъ успокоиться, не предаваться уже никакимъ земнымъ пожеланіямъ, но видя, что другіе преуспѣваютъ отъ безпокойной дѣятельности, и отличаются въ этомъ мірѣ богатствомъ и почестями, вдаются по примѣру другихъ въ дѣла нечестивыя, такъ какъ они еще слабы на пути къ совершенству. Поэтому-то Псалмопѣвецъ въ образѣ слабыхъ говорилъ: *мои же въ малѣ не подвижастѣся нозѣ: въ малѣ не пролінашася стопы моя. Яко возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря* (Псал. LXXII, 2. 3). Поэтому-то онъ и еще говоритъ: *внегда гордитися нечестивому, возгарается нищій* (Псал. IX, 23). Поэтому-то къ Пророку Іереміи голосомъ Господнимъ говорится объ Іудѣ и Израилѣ: *видѣлъ ли еси, яже сотвори Ми домъ Израилевъ; поидоша на всяку гору высоку, и подъ всяко древо листвяно, и соблудиша тамо. И рекохъ: по внегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ, ко Мнѣ обратися, и не обратися* (Іер. III, 6. 7). Здѣсь тотчасъ присовокупляется, какъ изъ подражанія ему палъ и Іуда, который по видимому стоялъ. Ибо сказано: *и видѣ преступленіе его преступница Іудея сестра его. И видѣхъ, яко о всѣхъ изобличенъ есть, въ нихже ятъ бысть, въ нихже любодѣйствова домъ Израилевъ: сего ради отпустихъ и, и дахъ*

ему книгу распустную въ руцѣ его: обаче не убояся преступница Іудея (сестра его), но иде, и соблудила есть и та (Тамъ же, ст. 8). Вотъ милосердый Богъ подвергается презрѣнію, и призываетъ, отвергающимся отъ Него являетъ знакъ милосердія, потому что говоритъ согрѣшающему: *ко Мнѣ обратися, и не обратися* (Тамъ же, ст. 7). Но поелику народъ Израильскій оставилъ всемогущаго Бога, не желая къ Нему возвратиться, то получилъ книгу распустную. Онъ оставилъ Бога беззаконіями, но распустную книгу получилъ безъ наказанія за свои беззаконія. Ибо та душа, которая грѣшитъ, отступаетъ отъ Бога. Но если за нею послѣ грѣха слѣдуетъ счастіе: то никакое ученіе, никакое строгое обличеніе не обращаетъ ее къ покаянію; въ раздѣленіи, которое она учинила между собою и Господомъ, она получила и распустную книгу, чтобъ она, какъ уже отчужденная, дѣлала преступленія, которыя ей нравятся, не чувствовала наказанія ревности Божіей, такъ какъ она глубоко низвергается къ наказаніямъ вѣчнымъ. Но сестра ея—Іудея, видя, что Израильскій народъ отпущенъ на свои плотоугодія, и сама рѣшилась на нечистоту прелюбодѣянія. Потому что она, видя, что прелюбодѣйца процвѣтаетъ въ своемъ нечестіи, и сама не страшилась грѣшить болѣе и болѣе, и уда-

ляться отъ союза съ Господомъ, какъ бы законнымъ своимъ мужемъ. Поэтому намъ необходимо смотрѣть на всѣхъ грѣшниковъ, какъ чрезвычайно несчастныхъ, тогда, когда видимъ ихъ оставленныхъ безъ наказанія за ихъ нечестіе. Поэтому чрезъ Соломона говорится: *совращеніе младенцевъ убьетъ ихъ, и счастіе глупыхъ погубитъ ихъ* (Притч. I, 32) (а). Ибо тотъ, кто совращается съ пути Божія и пользуется счатіемъ, тѣмъ ближе бываетъ къ погибели, чѣмъ далѣе находится отъ ревности къ ученію. Итакъ должно быть сказано: *слышай да слышитъ, и не покаряяйся да не покарятся: зане домъ преогорчеваяй есть.* Ясно какъ бы такъ было сказано: вы, которые начали уже и слушать слово истины, и отвращаться отъ дѣлъ нечестивыхъ, не послѣдуйте тѣмъ, которыхъ видите ожесточенными во правахъ противъ Меня.

19. Впрочемъ это мы можемъ разумѣть и иначе. Ибо нѣкоторые, слушая слово не слышатъ, по-

---

а) Это буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *auersio paruulorum interficiet eos, et prosperitas stultorum perdet illos.* Но въ славянскомъ переводѣ этотъ текстъ читается такъ: *зане обидьша младенцевъ, убіени будутъ, и истязаніе нечестивыя погубитъ.*

тому что, хотя и приклоняютъ ухо къ священному слову, но не отторгаютъ сердца отъ земныхъ пожеланій. И есть другіе, которые покоряясь не покаряются, потому что, хотя тѣлесно отстаютъ отъ дѣлъ нечестивыхъ, но нечестія дѣлъ съ услажденіемъ обносятъ въ умѣ. Поэтому-то объ Іудеѣ, переходящей въ плѣнъ, написано: *видѣли ее враги, и посмѣялись надъ субботами ея* (Плач. Іер. I, 7). (а). Потому что враги смѣются надъ субботами, когда злые духи влагаютъ въ праздную душу нечестивые помыслы, для того, чтобъ и тотъ, кто успокоевается отъ дѣлъ, не успокоевался отъ услажденія злыми дѣлами. Итакъ вѣрно теперь говорится: *слышай да услышитъ*, такъ какъ слово должно такъ ударять на слухъ тѣлесный, чтобъ отзывался и въ слухѣ сердечномъ. А кто покоится, тотъ пусть успокоевается такъ, чтобы и отъ помысла были отражаемы пожеланія нечестія, если сіи повидимому отражены отъ самаго дѣла. А для того, чтобы мы не слѣдовали примѣрамъ нечестивыхъ, какъ мы сказали, присовокупляется: *зане домъ*

а) Опять переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *viderunt eam hostes, et deriserunt sabbata eius*.

преогорчеваяй есть. Но злые, хотя и долго бывают терпимы, однакоже вдругъ упадаютъ, а на ихъ наказанія смотрятъ слабые, дабы не подражать тѣмъ, *коихъ виновность считаютъ не наказанною.* Поэтому и здѣсь присовокупляется опустошеніе тойже Іудеи, которая называется домомъ преогорчевающимъ, когда тотчасъ Господь говоритъ Пророку Своему: *и ты сыне человѣчь, возми себѣ плінфу* (кирпичь), *и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишеши на ней градъ Іерусалимъ, и да даси окрестъ его огражденіе, и да советоваш надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. Ты же возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою, и между градомъ, и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворѣ, и затвориши и: знаменіе сіе есть сыномъ Израилевымъ* (Іезик. IV, 1—3).

20. Въ этихъ словахъ что другое означается по *исторіи*, если не осада и разрушеніе города Іерусалима, и выражается несчастіе грѣшнаго народа? Онъ называется домомъ преогорчевающимъ, когда ясно говорится: *и даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его*

полки, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. Но поелику слова пророчества большею частію разсказываютъ объ историческихъ событіяхъ такъ, что чрезъ нихъ описываются и таинственные предметы: то надобно, чтобъ эти же самыя слова, которыя мы произнесли, обсудить въ духовномъ смыслѣ, преимущественно потому, что въ среду ихъ вкладывается то, чего, кажется, нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, когда говорится: *ты же возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою, и между градомъ, и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворѣ.* Ибо, если бы съ событіями историческими не были смѣшиваемы таинственныя: то для чего была нужна Пророку сковрада желѣзная, чтобы онъ положилъ ее между собою и городомъ такъ, чтобы себя отдалить отъ осады сего послѣдняго? Ибо когда говорится: *возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою, и между градомъ:* то ясно высказывается, что этою самою сковрадою Пророкъ освободится отъ осады города. Поэтому присовокупляется и то, что онъ предсказалъ: *и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворѣ.* Изъ чего открывается, что Пророкъ не будетъ въ этомъ затворѣ, если онъ сковраду желѣзную полагаетъ въ

стѣну желѣзную между собою и городомъ. И дѣйствительно, какъ во время того плѣненія, которое постигло Израильскій народъ послѣ, никто не былъ свободенъ отъ опасности того и другаго плѣненія. Итакъ что можно по буквѣ разумѣть въ томъ, что Пророкъ полагаетъ желѣзную сковраду между собою и городомъ, который долженъ быть въ осадѣ? Но хотя все то, что читается въ описаніи плинѳы, образующей городъ Іерусалимъ, буквально исполнилось, однако же надобно знать, что сковрадою изображается нѣчто таинственное, и осада Іерусалима описывается истинная.

21. Изъ этого мы научаемся держаться того и другаго смысла въ священномъ Писаніи, когда знаемъ, что одно исполнилось исторически, а другое по исторіи не имѣетъ смысла, такъ какъ мы должны вѣровать, что въ словахъ и дѣлахъ Пророка предъизображены и осада Іерусалима, которая въ послѣдствіи совершилась по буквѣ, и однако же тою же самою осадою предъизображена другая осада, т. е. внутренняя. Въ послѣдней мы справедливо отыскиваемъ, что можетъ быть означаемо желѣзною сковрадою, которая называется желѣзною стѣною. Итакъ о совершеніи той осады, чрезъ которую городъ Іерусалимъ былъ разрушенъ, мы уже знаемъ; но теперь обсудимъ ту внутреннюю осаду,

которая ежедневно совершается. О ней образно говорится: *и ты сыне человѣчь, возми себѣ плінѳу, и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишеши на ней градъ Іерусалимъ.*

22. Но прежде намъ надобно рѣшить вопросъ: почему Пророкъ Іезикіиль, какъ тогда, когда видитъ высокое, такъ и тогда, когда повелѣвается ему дѣлать нѣчто таинственное, прежде называется сыномъ человѣческимъ? Ибо онъ часто возвышается къ небесному, и душа его питается предметами сокровенными и невидимыми. Слѣдовательно, и среди таинствъ, которыя онъ проникаетъ, ему необходимо называться сыномъ человѣческимъ для того, чтобъ онъ всегда сознавалъ, что онъ есть, и никогда не гордился тѣмъ, къ чему возводится. Ибо что значитъ всегда говорить Пророку, возвышенному къ духовному: *сыне человѣчь*, если не то, чтобы всегда напоминать ему о слабости его? Сознавая слабость состоянія, онъ не долженъ гордиться въ помыслѣ о величіи своего созерцанія.

23. Но поелику тотъ же Пророкъ, какъ уже сказали мы выше, служитъ образомъ проповѣдниковъ или учителей: то справедливо теперь говорится: *возми себѣ плинѳу, и положи ю предъ лицемъ твоимъ.* Ибо всякій проповѣдникъ, принимая какого либо земнаго слушателя для наученія слову

небесному, беретъ плинөу. Когда начнетъ говорить ему о воздаяніи въ небесномъ отечествѣ, о видѣніи горняго мира, тогда написываетъ на плинөѣ городъ Іерусалимъ. Эту плинөу онъ полагаетъ предъ лицемъ своимъ; потому что съ напряженнымъ вниманіемъ обсуживаетъ качество слушателя, т. е. смотритъ на успѣхъ или безуспѣшность, и къ разумѣнію его приноровляетъ слова своей проповѣди, чтобы на сердцѣ слушающаго имѣть возможность написать городъ Іерусалимъ, т. е. видѣніе мира. Итакъ да будетъ сказано: *возми себѣ плинөу*, т. е. земное сердце ближняго. *И положи ю предъ лицемъ твоимъ*, для того, чтобъ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдать за жизнію и разумѣніемъ его. *И да напишеши на ней градъ Іерусалимъ*, чтобы сообщить ему свѣдѣніе о томъ, какія суть вышнія радости о видѣніи мира. Ибо Іерусалимъ какъ бы уже написанъ бываетъ на плинөѣ, когда земная душа начнетъ познавать тѣ истинныя радости внутренняго мира, и стремиться къ созерцанію славы небеснаго отечества. Какъ бы на землѣ написывается видѣніе мира, когда умъ, который прежде мудрствовалъ о земномъ, возвышается любовію уже къ созерцанію славы небеснаго царства.

24. Но тотчасъ, какъ только душа начнетъ любить небесное, тотчасъ, какъ только она всецѣло

соберется вниманіемъ къ видѣнію внутренняго мира, тотъ древній врагъ, который спалъ съ неба, завидуетъ сей, и начинаетъ строить большіе ковы, и употребляетъ жесточайшія противъ обычныхъ искушеній, такъ что большею частію искушаетъ противящуюся душу такъ, какъ прежде никогда не искушалъ, когда овладѣвалъ сею. Поэтому написано: *чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе* (Прем. Сир. II, 1). (а). Поэтому-то и бѣсноватый, котораго исцѣлилъ Господь, сильно потрясается изгоняемымъ бѣсомъ, какъ написано: *и возопивъ, и много пружався, изыде* (Марк. IX, 25). Ибо почему древній врагъ, оставляя обладаемаго имъ человѣка, сильно потрясаетъ его, тогда какъ во время обладанія не потрясалъ, если не потому, что онъ большею частію при изгнаніи изъ сердца возбуждаетъ въ немъ жесточайшія искушенія, нежели какія возбуждалъ прежде, когда спокойно владѣлъ имъ? По-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *fili, accedens ad seruitutem Dei, sta in justitia et timore, et praepara animam tuam ad tentationem*, т. е. чадо, приступая къ служенію Богу, стой въ правдѣ и страхѣ, и предуготовляй душу твою къ искушенію.

этому-то и Израильтяне къ Моисею и Аарону говорятъ: *да видитъ Богъ и судитъ вамъ, яко огнусисте духъ вашъ предъ Фараономъ, и предъ рабы его, дати мечь въ руки его, убити насъ* (Исх. V, 21). Ибо въ Моисеѣ и Ааронѣ предобразованы законъ и Пророки. И часто слабый самъ по себѣ духъ какъ бы ропщетъ противъ священныхъ повелѣній; потому что послѣ того, какъ онъ начнетъ слушать слова небесныя и послѣдовать имъ, возрастаетъ жестокость Царя Египетскаго, т. е. искушеніе злаго духа.

25. Итакъ учитель тщательно долженъ знакомить ведомую къ совершенству душу съ тѣми искушеніями, которыя постигнутъ ее, для того, чтобъ она могла напередъ быть готовою къ избѣжанію ковъ злаго духа. Поэтому теперь, послѣ написанія на плинѳѣ города Іерусалима, хорошо Пророку говорится: *и да даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ.* Ибо той (душѣ), на которой написывается видѣніе мира, необходимо напередъ сказать и о борѣніяхъ съ искушеніями. Ибо для того, чтобъ она могла достигнуть тѣхъ вѣчныхъ радостей мира, ей безъ сомнѣнія надобно здѣсь выдержать многія борѣнія съ бѣдствіями. О ней хорошо говорится: *и да даси окрестъ ея огражденіе.* Потому-то

проповѣдникъ устрояетъ около научаемой души огражденіе тогда, когда чрезъ предварительное наставленіе показываетъ, какими способами она должна противополагать добродѣтели порокамъ, какъ похоть бьетъ чистоту, какъ гнѣвъ возмущаетъ спокойствіе души, какъ чрезмѣрная радость разслабляетъ душевную силу, какъ многорѣчіе разстроиваетъ укрѣпленіе сердца, какъ ненависть умерщвляетъ любовь, какъ гордость подкапываетъ замокъ смиренія, как лживость, повредивъ въ рѣчи истинѣ, вредитъ ей и въ познаніи, такъ что тотъ, кто не хотѣлъ говорить истины, которую зналъ, уже не знаетъ, что онъ можетъ говорить. Итакъ проповѣдникомъ устрояется *огражденіе*, когда словами священнаго увѣщанія показывается, какимъ именно частнымъ добродѣтелямъ какіе, или какими способами, пороки строятъ засады. А противъ Іерусалима, который начертываетъ на плинѳѣ, проповѣдникъ строитъ укрѣпленія, когда показываетъ всѣ пороки, которые идутъ противъ души, какъ бы укрѣпленныя войска; потому что, какъ уже часто мы говорили, необузданный гнѣвъ хочетъ казаться справедливостію, а слабость въ управленіи желаетъ казаться кротостію, скупость именуется бережливостію, а расточительность называется щедростію. Ибо противъ души бываютъ устрояемы какъ

бы укрѣпленія, когда пороки возрастаютъ подъ видомъ добродѣтелей, и чрезъ подобіе являются на высотѣ, тогда какъ на дѣлѣ они всегда лежатъ внизу.

26. Далѣе присовокупляется: *и обложиши его острогомъ*. Ибо чѣмъ сильнѣе душа начинаетъ желать небеснаго, тѣмъ сильнѣе злые духи своими искушеніями наводятъ на нее земные помыслы. Итакъ Пророкъ облагаетъ ее (душу) острогомъ, когда святый проповѣдникъ напередъ предсказываетъ добрымъ душамъ, какъ обыкновенно подкрадываются земныя пожеланія. И еще присовокупляется: *и да поставиши окрестъ его полки, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ*. Учитель ставитъ окрестъ души какъ бы полки, когда указываетъ ей на собранные и соединенные натиски на нее злыхъ духовъ, такъ что сіи искушаютъ ее иногда не только однимъ, но и многими пороками.

27. Ибо есть нѣкоторые пороки какъ бы по нѣкоторому сродству близкіе между собою; на примѣръ, низость души, обжорство, и плотская нечистота, или, многословіе, ложь и клятвопреступленіе. Потому что отъ низости душа переходитъ къ пресыщенію чрева, а когда чрево переполняется яствами, тогда плоть, плѣненная гордостію, увлекается

къ похоти. Такъ же, отъ многорѣчія раждается лживость, потому что весьма трудно не лгать тому, кто много говоритъ; и часто ложь прикрывается клятвою, для прикрытія себя предъ человѣческими сужденіями. И гордость безъ зависти и тщеславія никакъ обойтись не можетъ Ибо всякой гордецъ завидуетъ другимъ въ той почести, которой домогается самъ. И когда случайно достигнетъ ея, превозносится временною славою, и думаетъ, будто другіе не могли получить того, чему онъ радуется по суетному тщеславію, какъ преимуществу предъ прочими, ему только принадлежащему.

28. Еще надобно знать, что нѣкоторые пороки не вдругъ являются къ душѣ, но предполагаются, такъ что въ искушеніи одинъ слѣдуетъ за другимъ. И одинъ становится предъ лицемъ, а другой привходитъ въ искушеніе со стороны, чтобы душа, противящаяся одному, обманомъ была плѣнена отъ другаго. Ибо самые пороки, о которыхъ сказали мы выше, воровски большею частію представляются одинъ вмѣсто другаго, такъ какъ иногда, стараясь препобѣдить въ самихъ себѣ гнѣвъ, душею нашею овладѣваетъ не нужная кротость, такъ что она не можетъ явить должной строгости къ согрѣшающимъ. А часто, когда намъ не нравится предосмотрительная кротость, тогда ревность

увлекается до неистовства, и плѣняетъ душу внѣ предѣла терпѣнія. Итакъ, поелику на душу наступаютъ смѣшенные между собою и соединенные пороки: то справедливо въ устахъ проповѣдника поставляются окрестъ написаннаго Іерусалима, полки. А поелику отдѣльные (пороки) бьютъ его оттуда и отсюда, то становятся *стрѣльницами окрестъ*. Слѣдовательно, проповѣдникъ *учиняетъ стрѣльницы окрестъ*, когда для предосторожности предсказываетъ, какъ обольстительно поражаетъ похоть, какъ жестоко убиваетъ нетерпѣливость, какъ заботливо воспламеняетъ и истребляетъ жадность къ богатству, какъ надуто уничтожаетъ гордость. Слѣдовательно, *становить стрѣльницы окрестъ* значитъ проповѣданіемъ предсказывать, какія острія пороковъ обыкновенно уязвляютъ душу со всѣхъ сторонъ.

29. Далѣе слѣдуетъ: *ты же возми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою, и между градомъ*. Поелику желѣзо есть металлъ твердый, а на сковрадѣ жарятъ пищу, то что означается желѣзною сковрадою, если не духовная горячность твердой ревности? Потому что всякая духовная ревность разгорячаетъ душу учителя, такъ какъ онъ сильно скорбитъ, когда видитъ нѣкоторыхъ слабыхъ, оставляющими небесное и услаждающимися временными благами.

Эту желѣзную сковраду хорошо бралъ Павелъ, когда мучимый ревностію о душахъ говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Самое сердце свое, которое распалялъ ревностію о душахъ, чѣмъ другимъ онъ содѣлывалъ, если не сковрадою, на которой горѣлъ любовію къ добродѣтелямъ противъ пороковъ? Ибо то, что жгло, было сковрадою. Она раскалялась и готовила пищу; потому что воспламенялась отъ горести, но приготовляла пищу добродѣтелей изъ своего скорбнаго размышленія.

30. Но что значитъ положеніе Пророкомъ тойже самой сковрады въ стѣну желѣзную между нимъ и городомъ, если не то, что эта самая крѣпкая ревность, которая нынѣ возбуждается въ сердцѣ учителя, въ послѣдній день суда будетъ свидѣтелемъ между нимъ и тою душею, которую онъ сильно желаетъ избавить отъ пороковъ? Хотя бы тотъ, кого вразумляютъ, и не захотѣлъ слушать, однако же учитель за ту ревность, которую проявляетъ, не будетъ виновнымъ въ небреженіи слушателя. Слѣдовательно, проповѣдникъ полагаетъ желѣзную стѣну между собою и городомъ потому, что во время отмщенія онъ защищается отъ опасности осужденія оттуда, откуда нынѣ терпитъ распаленіе сердца по ревности къ обязанности стража. Потому что для

всемогущаго Бога нѣтъ таковаго жертвоприношенія, каково—ревность о душахъ. Поэтому-то Псалмопѣвецъ говоритъ: *ревность дому Твоего снѣде мя* (Псал. LXVIII, 10). По сколько пламенность сердца, возбуждаемая ревностію по духу, благоугодна всемогущему Господу Богу, это ясно открывается, когда закономъ повелѣвается приносить въ жертву крупичатую муку, самую чистую. Объ ней написано: *на сковрадѣ въ елеи да сотворится, спряжену да принесетъ ю витую жертву отъ укруховъ, жертву въ воню благовонія Господу. Жрецъ помазанный, иже вмѣсто его отъ сыновъ его, да сотворитъ ю: законно вѣчно, все да совершится* (Левит. VI, 21. 22). Ибо крупичатая мука, самая чистая, жарится на сковрадѣ тогда, когда чистая душа проповѣдника сожигается огнемъ святой ревности. Ее повелѣвается смѣшивать съ елеемъ, т. е. примѣшивать къ свѣтлости милосердія, которое предъ взоромъ всемогущаго Господа горитъ и свѣтитъ. Итакъ пусть смѣшивается съ елеемъ душа, сожигаемая на сковрадѣ; потому что стремленію святой ревности необходимо и горѣть и свѣтить добродѣтелію милосердія. Ибо она любитъ того самого, на кого повидимому нападаетъ. Поэтому-то и заповѣдуется приносить ее въ воню благовонія Господу горячею, потому что, если ревность не имѣ-

етъ любви, то та самая чистая крупичатая мука, которая приносится со сковрады, теряетъ горячность. И надобно замѣтить, кому заповѣдуется приносить ее; именно жрецу, который по праву наслѣдовалъ отцу. Ибо по праву наслѣдуетъ отцу тотъ священникъ, который нравами доказываетъ, что онъ сынъ всемогущаго Господа, и внутреннему благодарству не противорѣчитъ неблагородствомъ дѣлъ своихъ. Ее заповѣдуется сожечь на олтарѣ всю безъ остатка, дабы она была именно всесожженіемъ. Такъ какъ мы называемъ всесожженіемъ то, что сожигается все безъ остатка. Поэтому и въ другомъ переносномъ значеніи въ этомъ мѣстѣ таже самая крупичатая чистая мука, которая сожигается на сковрадѣ, по заповѣди должна быть всесожженіемъ. А между всесожженіемъ и жертвою различіе состоитъ въ томъ, что хотя всякое всесожженіе есть жертва, но не всякая жертва есть всесожженіе. Ибо есть много добрыхъ дѣлъ, которыя совершаются какъ жертвы, но не всесожженія, потому что не всецѣло воспламеняютъ душу къ любви духовной. Ибо тѣ, которыя совершаютъ дѣла Божіи такъ, что не оставляютъ впрочемъ и нѣкоторыхъ дѣлъ вѣка сего, именно приносятъ жертву, но не всесожженіе. А тѣ, которые все мірское оставили, и всецѣло воспламеняютъ ду-

*

шу огнемъ любви Божественной, именно сами дѣлаются для всемогущаго Бога жертвою и всесожженіемъ. Итакъ крупичатая чистая мука на сковрадѣ есть чистая душа праведника въ сокрушеніи духовной ревности; она сожигается попеченіемъ о душахъ, и считается не только жертвою *Господу*, но и всесожженіемъ. Поэтому мы возмемъ желѣзную сковраду, и положимъ ее въ стѣну желѣзную между нами и городомъ, т. е. рѣшимся на крѣпкую ревность, такъ чтобы намъ въ послѣдствіи найти въ ней крѣпкую преграду между нами и душею нашего слушателя. Ибо эту стѣну желѣзную мы найдемъ тогда, когда нынѣ мы крѣпко поддерживаемъ ее, именно: наученіемъ, бережливостію, убѣжденіемъ, выговорами, ласками, страхомъ, дѣйствуя иногда кротко, а иногда и строго. Объ этой строгости справедливо присовокупляется: *и да уготовиши лице твое на нь, и будетъ въ затворъ.*

31. Что значитъ *уготовить* (утвердить) *лице* на Іерусалимъ, написанный на плинѳѣ, если не то, чтобы учитель не показывалъ себя ни снисходительнымъ, ни милостивымъ къ той душѣ, которой онъ возвѣщаетъ видѣніе небеснаго мира, доколѣ видитъ ее еще слабою въ своихъ дѣйствіяхъ? Поэтому написано: *суть ли ти дщери, внимай тѣлу ихъ, и не являй веселаго къ нимъ лица твоего* (Сирах. VII,

26). Потому что слабыя души и преданныя пожеланію міра, иногда лучше сохраняются строгостію, такъ что *утвержденное лице*, т. е. не допускающее никакого снисхожденія къ бездѣлицѣ, но соблюденію строгости, должно устрашать непостоянную душу, и силою надзора удерживать отъ услажденія пороками. Когда учитель это употребляетъ, тогда ему необходимо всегда содержать въ сердцѣ *ласковость и кротость*, такъ какъ *онъ* и много долженъ любить, и никогда не долженъ гордиться предъ тѣмъ, кому впрочемъ отказываетъ въ любви своей и кротости для пользы его.

32. Далѣе слѣдуетъ: *и затвориши и* (окружишь его). Учитель окружаетъ душу слушателя, когда предсказываетъ, что ко всему, что дѣлается въ мірѣ, могутъ быть привязываемы петли искушеній, такъ что, когда душа бываетъ вездѣ робка, вездѣ осмотрительна, тогда чѣмъ она боязливѣе, тѣмъ бдительнѣе живетъ.

33. За тѣмъ слѣдуетъ: *знаменіе сіе есть сыномъ Іисраилевымъ*. По исторіи осады, которая совершилась по буквѣ, знаменіе сынамъ Израилевымъ есть то, которое показалъ Пророкъ; а по таинству, которое ежедневно совершаетъ учитель въ отношеніи къ душѣ каждаго, знаменіемъ сынамъ Израилевымъ служитъ, какъ то, что онъ сдѣлалъ, такъ и то, что

онъ заповѣдалъ дѣлать. Потому что, какъ домъ Израилевъ вѣщественно претерпѣлъ осаду: такъ и каждая душа, которая уже начинаетъ служить всемогущему Богу, чувствуетъ облежанція ее осады злыхъ духовъ. Если она желаетъ рѣшительно высвободиться отъ нихъ: то должна знать, что своею силою она не можетъ высвободиться; но ей необходимо надѣяться на того Помощника, Который можетъ насъ, живущихъ еще въ тлѣнномъ тѣлѣ, чрезъ таинство своего искупленія, содѣлать сильнѣйшими даже безплотныхъ духовъ, Который есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, живущій и царствующій съ Отцемъ, въ единствѣ Святаго Духа, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДЫ НА ПРОРОКА
IЕЗИКIИЛЯ,

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРIЯ ДВОЕСЛОВА,

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКIЙ,

Архимандритомъ Климентомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КАЗАНЬ.
Типографiя Фонъ-Гилена и К°.
1863.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

Листы

Листы

КНИГА ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поелику, по многимъ не требующимъ отлагательства дѣламъ, мнѣ нельзя было объяснить предъ вашею любовію по порядку всей книги Пророка Іезекіиля: то добрымъ вашимъ желаніямъ угодно было просить, чтобы я изъяснилъ по крайней мѣрѣ послѣднее видѣніе его, которое было ему о зданіи, поставленномъ на горѣ, и которое темнѣе всѣхъ видѣній его. И хотя мнѣ необходимо повиноваться вашему желанію: но есть два обстоятельства, которыя возмущаютъ духъ мой. Первое то, что это самое видѣніе закрыто облаками такой темноты, что едва ли въ немъ можно видѣть что либо при свѣтѣ разума. Второе то, что по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ Агилульфъ, Царь Лонгобардскій, чрезмѣрно поспѣшающій на осаду насъ, перешелъ чрезъ По. Поэтому подумайте, возлюбленнѣйшіе братіе, можетъ ли бѣдный умъ, занятый смущеніями страха за себя, проникать въ темные и таинственные смыслы. Ибо чѣмъ болѣе онъ стѣ-

снятся земнымъ, тѣмъ менѣе видитъ въ небесномъ; и за то, что онъ своими заботами выводится вовнѣ себя, весьма умаляется внутри, потому что, какъ написано: *земное жилище обременяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. Солом. IX, 15). Тотъ, который не можетъ проникать въ вышнее даже въ самособранности, что можетъ сдѣлать, подумайте, въ разсѣянности? Но мы знаемъ, всѣ знаемъ, что и потокъ, раздѣляемый на многіе ручьи, изсыхаетъ въ своемъ водопроводѣ. Впрочемъ между тѣмъ есть вышняя благодать. И если умъ мой бременятъ тяжести моихъ помысловъ, то крилья вашихъ желаній облегчаютъ его. Хотя весьма темно то дѣло, къ которому мы приступаемъ: но представимъ, что мы путешествуемъ ночью. Слѣдовательно остается итти ощупью.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Въ изъясненіи трехъ первыхъ стиховъ сороковой главы Іезикіиля, и началѣ четвертаго, преимущественно разсуждается о Христѣ и Церкви,

объ избранныхъ и сокровенныхъ въ отношенiи къ нимъ судьбахъ Божiихъ.

И бысть въ двадесять пятое лѣто плѣненія нашего перваго мѣсяца, въ десятый день мѣсяца, въ четвертое надесять лѣто, по плѣненіи града, въ той день бысть на мнѣ рука Господня, и веде мя тамо.

1. Намѣреваясь говорить о таинственномъ, (Пророкъ) напередъ предлагаетъ историческое повѣствованiе для того, чтобъ основать на времени то, чему должно вѣровать по откровенiю. Но замѣчательно, что въ началѣ этой книги онъ показалъ, въ которомъ году началъ онъ пророчествовать, а въ концѣ присовокупилъ, въ которомъ видѣлъ онъ послѣднее видѣнiе, такъ что можно знать, сколько лѣтъ продолжалъ онъ книгу своего пророчества. Ибо время, съ котораго началъ пророчествовать, опредѣлилъ онъ въ началѣ рѣчи своей, говоря: *отверзошася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія въ пятый день мѣсяца, сіе лѣто пятое плѣненія царя Іоакима* (Iезик. 1, 1 — 2). А теперь утверждаетъ, говоря: *въ двадесять пятое лѣто плѣненія нашего.* Такъ какъ этотъ Пророкъ во время перваго плѣненiя былъ отведенъ въ Вавилонъ съ царемъ Iоакимомъ (4 Цар. XXIV). Ибо о второмъ плѣненiи Вавилонскомъ онъ присовокупляетъ:

въ четвертое надесять лѣто, по плѣненіи града. Потому что одиннадцать лѣтъ послѣ перваго плѣненія, въ которое Пророкъ Iезикiилъ отведенъ былъ съ царемъ Iоакимомъ, въ городѣ Iерусалимѣ царствовалъ Седекія. А послѣ плѣненія этого Седекіи, которое было уже вторымъ плѣненіемъ города, въ четырнадцатомъ году Пророкъ видѣлъ послѣднее видѣніе. Итакъ одиннадцать и четырнадцать въ сложности составляютъ двадцать пять. Слѣдовательно, если онъ (Пророкъ) первое видѣніе видѣлъ въ пятомъ году перваго плѣненія, а это послѣднее по его сказанію было ему въ двадцать пятомъ году: то нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе двадцати лѣтъ своей проповѣди онъ говорилъ свои пророчества до послѣдняго видѣнія. То, что въ срединѣ книги своего пророчества онъ, говоря о царѣ Вавилонскомъ, упоминаетъ о двадцать седьмомъ годѣ, никого не должно приводить въ сомнѣніе. Поелику въ этомъ мѣстѣ онъ ничего не говоритъ о времени своего плѣненія, то ясно показываетъ, что онъ описываетъ времена того царя, при которомъ началъ пророчествовать. Но что онъ говоритъ: *перваго мѣсяца, въ десятый день мѣсяца,* то указываетъ въ точности на время, для того, чтобы самымъ даже временемъ по буквѣ слова насадить въ сердца слушающихъ тотъ корень, отъ котораго

впослѣдствіи можно было бы произвести духовные плоды.

2. Но замѣчательно выраженіе: *въ четвертое надесять лѣто, по плѣненіи града, въ той день.* Ибо что значитъ, что чрезъ это послѣднее видѣніе всемогущій Богъ благоизволилъ проявить милосердіе своего обѣтованія въ тотъ самый день, въ который проявилъ гнѣвъ правосудія чрезъ пораженіе города, если не то, что та сила Божества, которая въ превратностяхъ неизмѣняема, оживляетъ несчастныхъ и кающихся тѣмъ же свѣтомъ правосудія, которымъ поражаетъ гордыхъ и нераскаянныхъ?—Итакъ, сказавъ напередъ о времени своего видѣнія, Пророкъ присовокупляетъ: *бысть на мнѣ рука Господня, и веде Мя тамо, въ видѣніи Божіи веде Мя на землю Израилеву, и постави Мя на горѣ высоцѣ зѣло, на нейже яко сограждение града прямо полудне* (Іезик. XL, 1—2).

3. Построеніе этого града никакъ нельзя разумѣть въ буквальномъ смыслѣ. Потому что нѣсколько послѣ Пророкъ присовокупляетъ, что это самое построеніе измѣряется тростію въ шесть локтей и пяденью, а ворота того же строенія сороками локтей, верхи же надъ этими воротами шестидесятью локтями. Всего этого буквально согласить никакъ нельзя. Ибо какимъ образомъ все зда-

ніе имѣетъ мѣру трости, т. е. шесть лакотъ съ пядепью, а ворота въ это зданіе сорокъ лакотъ, верхи же надъ воротами простираются на шестьдесятъ лакотъ? Ибо ворота находятся въ городѣ, а верхи на воротахъ. И никакой разумъ недозволяетъ допустить, чтобы менѣе было то, что содержитъ, нежели то, что содержится. Но въ священномъ Писаніи и то, что можно допустить по Исторіи, большею частію надобно разумѣть въ духовномъ смыслѣ, дабы и вѣра основывалась на исторической истинѣ, и духовное разумѣніе заимствовалось отъ таинственныхъ иносказаній. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Псалмопѣвецъ говоритъ: *яко узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси* (Псал. VIII, 4). Вотъ во внѣшнемъ описаніи слово разума состоитъ въ томъ, что и небеса суть дѣла Божіи, и луна и звѣзды Богомъ же созданы и основаны. Но если Псалмопѣвецъ утверждаетъ это въ отношеніи только ко внѣшнимъ дѣламъ, а не подразумѣваетъ таинственнаго смысла: то онъ признавъ небеса дѣлами Божіими, намѣреваясь говорить о лунѣ и звѣздахъ, почему не упомянулъ о солнцѣ, которое такъ же, какъ извѣстно, есть произведеніе Божіе (1, 16)? Если онъ говорилъ по одному только буквальному смыслу: то, намѣреваясь сказать о меньшихъ свѣтилахъ, долженъ

былъ напередъ сказать о большемъ свѣтилѣ, такъ чтобы по рѣчи выходило, что прежде солнце, а послѣ луна и звѣзды основаны. Но поелику онъ говорилъ по смыслу таинственному, для того, чтобы мы подъ луною разумѣли Святую Церковь, а подъ звѣздами всѣхъ святыхъ: то не хотѣлъ упоминать о солнцѣ потому, что говорилъ именно самому вѣчному Солнцу, о которомъ написано: *возсіетъ вамъ боящимся имене моего солнце правды* (Малах. IV, 2). Объ этомъ-то Солнцѣ нечестивые наконецъ будутъ говорить: *солнце правды не возсія намъ* (Прем. Сол. V, 6). — Итакъ говоря: *луну и звѣзды, яже ты основалъ еси,* и умалчивая впрочемъ о сотворенномъ солнцѣ, онъ (Псалмопѣвецъ) показалъ, что онъ говорилъ тому Солнцу, Которое не только тѣлесно сотворило солнце, луну и звѣзды, но и духовно луну — Церковь и звѣзды — всѣхъ святыхъ. Итакъ когда не достаетъ чего либо въ исторіи, то это очевидно ведетъ насъ къ разумѣнію аллегоріи; тѣмъ болѣе надобно разумѣть въ духовномъ смыслѣ то, въ чемъ по буквальному разумѣнію ничего нѣтъ историческаго. — *Бысть на мнѣ рука Господня, и веде мя тамо, въ видѣніи Божіи веде мя на землю Іизраилеву.* Выраженіе: *веде мя тамо;* дополняетъ (Пророкъ) присовокупленіемъ: *веде мя на землю Іизраилеву.* Ибо говоритъ: *бысть на мнѣ*

рука Господня, и веде мя тамо въ видѣніи Божіи. Такъ какъ рука означаетъ силу власти, а видѣніе самое то откровеніе, которое онъ получилъ. Слѣдовательно, рука въ видѣніи есть сила въ созерцаніи. Этими словами что онъ ясно показываетъ, если не то, что о городѣ, который онъ видѣлъ, ничего не скажетъ буквально историческаго? Ибо онъ духовнымъ образомъ говоритъ о томъ, который духовно созерцаетъ.

4. *И постави мя на горѣ высоцѣ зѣло.* Итакъ кого означаетъ высокая гора, если не Посредника Бога и человѣковъ, человѣка Христа Іисуса? Сей хотя и отъ земли, но выше земли; потому что плоть того же Искупителя нашего имѣетъ вещество отъ земли, но власть свою простираетъ на небо. О Немъ мало было бы сказано: *высокій*, если не было бы присовокуплено -- *зѣло;* потому что Онъ не только человѣкъ, но и по зачатію тогоже человѣчества, которое Имъ принято, есть Бого-человѣкъ, содѣлавшись не только человѣкомъ выше человѣковъ, но и выше Ангеловъ. Поэтому-то о Немъ чрезъ Исаію говорится: *въ день оный будетъ плодъ земли высокій* (Исаіи IV, 2) (а). Ибо Создатель нашъ содѣ-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *in die illa erit fructus terrae sublimis.*

лался плодомъ земли для насъ, потому что вочеловѣчился ради насъ. Но этотъ плодъ земли уже высокъ; потому что родившись человѣкомъ на землѣ, на небѣ царствуетъ надъ Ангелами, по словамъ Давида и Павла: *вся покорилъ еси и дъ нозѣ Его* (Псал. VIII, 8. Евр. II, 8). Ибо изъ того, что (Богъ Отецъ) покорилъ Ему все, ничего не оставилъ непокореннымъ Ему. Слѣдовательно, эта гора и *высока*, и *зѣло;* потому что, хотя Онъ (Спаситель) по человѣческому существу отъ земли, однако же непостижимъ по высотѣ Божества. Поэтому-то Пророкъ Исаія, провидя тогоже Господа, имѣвшаго пріити во плоти, возвысившись духомъ пророчества, говоритъ: *и будетъ въ послѣдніи дни явлена гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ* (Ис. II, 2). Ибо домомъ Божіимъ былъ народъ Израильскій. Слѣдовательно, горою дома Божія наименованъ Тотъ, Кто благоволилъ воплотиться отъ народа Израильскаго. Но въ этомъ же самомъ народѣ были святые мужи, которые по справедливости могли называться горами, потому что заслугою жизни приблизились къ небесному. Но воплощенный Единородный (Сынъ) не былъ равенъ тѣмъ горамъ, потому что естествомъ, жизнію, своимъ Божествомъ превзошелъ заслуги всѣхъ. Поэтому-то справедливо называется горою на вершинѣ горъ; потому что Онъ

явился возвышеннымъ по Божеству Своему даже надъ вершинами Святыхъ, такъ что тѣ, которые много усовершились въ Богѣ, едва вершиною помышленія могли прикасаться къ слѣдамъ Его. Итакъ Тотъ, Кто тамъ называется горою надъ вершиною горъ, здѣсь Самъ называется горою *высокою зѣло*. За тѣмъ слѣдуетъ:

5. *На нейже яко сограждені́е града прямо (полудне)*. Надобно замѣтить, что не говорится: на нейже было сограженіе, но *яко сограждение*, для того, чтобъ именно показать, что все говорилось не о построеніи города вещественнаго, но духовнаго. Ибо тотъ, кто повѣствуетъ о себѣ, что онъ видѣлъ не сограждепіе, но *яко сограждение*, отсылаетъ сердца слушающихъ къ духовному согражденію, такъ какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Іерусалимъ зиждемый яко градъ* (Псал. CXXI, 3). Такъ какъ видѣніе внутренняго мира устрояется изъ собранія святыхъ гражданъ, то небесный Іерусалимъ устрояется *яко градъ*. Впрочемъ, поелику онъ на этой землѣ странствованія поражается напастьми, отѣсывается бѣдами; то камни его ежедневно дѣлаются квадратными. И самое населеніе города, т. е. святая Церковь, долженствующая царствовать на небѣ, подвизается еще на землѣ. Гражданамъ ся говоритъ Петръ: *и сами яко каменіе*

живо зиждителя (1 Петр. II, 5). И Павелъ вѣщаетъ: *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. III, 9). Это именно градонаселеніе имѣетъ здѣсь уже великое зданіе въ нравахъ святыхъ. Потому что въ зданіи камень поддерживаетъ камень, полагаясь одинъ на другой, и тотъ, который поддерживаетъ другой, самъ поддерживается третьимъ. Такъ, именно такъ въ святой Церкви каждый и поддерживаетъ другаго, и самъ поддерживается другимъ. Ибо ближніе взаимно носятъ другъ друга, такъ что чрезъ нихъ возвышается зданіе любви. Поэтому Павелъ увѣщеваетъ, говоря: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. VI, 2). Возвѣщая о силѣ сего закона, онъ говоритъ: *исполненіе закона любы есть* (Рим. XIII, 10). Ибо, если я не могу терпѣть васъ за ваши нравы, а вы не хотите терпѣть меня за мои нравы: то откуда будетъ воздвизаемо строеніе любви среди насъ, когда взаимная любовь не будетъ соединять насъ чрезъ терпѣніе? Но въ зданіи, какъ сказали мы, камень поддерживающій поддерживается (другими); потому что, какъ я буду уже терпѣть нравы тѣхъ, которые еще грубы въ отношеніи къ добродѣтели, такъ и самъ буду терпимъ отъ тѣхъ, которые предварили меня и поддержали въ страхѣ Божіемъ, дабы я носимый научился носить. Впро-

чемъ и сами они были носимы отъ предковъ. Но камни, которые кладутся на верху и концѣ зданія, хотя сами отъ другихъ поддерживаются, но другихъ рѣшительно не поддерживаютъ; потому что и тѣ, которые народятся въ концѣ Церкви, т. е. въ концѣ міра, хотя сами будутъ носимы отъ предковъ, чтобъ ихъ нравы согласовались съ добрыми дѣлами, но, поелику за ними не будетъ послѣдующихъ, которые были бы чрезъ нихъ ведомы къ совершенству, то они уже не будутъ собою поддерживать никакихъ камней въ зданіи вѣры. Итакъ нынѣ мы поддерживаемъ другихъ, а другіе поддержали насъ. Но всю тяжесть зданія держитъ основаніе; потому что вообще нравы всѣхъ поддерживаетъ только единый Искупитель нашъ. О Немъ Павелъ говоритъ: *основанія бо иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). Основаніе поддерживаетъ камни, но отъ камней не поддерживается; потому что Искупитель нашъ все наше терпитъ, но въ Самомъ себѣ не имѣетъ зла, которое должно было бы быть терпимо. Поэтому теперь хорошо говорится: *постави мя на горѣ высоцѣ зѣло, на нейже яко сограждение града*; потому что нравы и недостатки наши терпитъ одинъ только Тотъ, Кто держитъ все зданіе святой Церкви. Онъ голосомъ Пророка

о живущихъ еще въ развратѣ говоритъ: *я утрудился поддерживая* (Iерем. VI, 11) (а). Впрочемъ не отъ поддержки утруждается Господь, для Божественнаго могущества Коего нѣтъ утружденія; но, говоря словами человѣческими, Онъ самое свое терпѣніе въ отношеніи къ намъ называетъ утружденіемъ.

6. И надобно замѣтить, что этотъ самый городъ, который онъ (Пророкъ) видѣлъ, видѣлъ обращеннымъ къ югу. Ибо тѣ, которые занимаются священными выраженіями, знаютъ, что южный вѣтръ обыкновенно полагается въ образъ Святаго Духа; такъ какъ напротивъ сѣвернымъ вѣтромъ часто означается діаволъ; потому что, какъ тотъ прохлаждаетъ въ жару, такъ этотъ оцѣпенѣваетъ въ холодѣ. А Истина говоритъ: *за умноженіе беззаконія, изсякнетъ любы многихъ* (Мат. XXIV, 12). Пророкъ такъ же разсуждаетъ объ Іудеѣ, говоря: *яко же студену творитъ кладязь воду свою, тако студену творитъ ю злоба ея* (Іер. VI, 7). Поэтому-то діаволъ, по свидѣтельству Пророка, представляется сказавшимъ: *сяду на горѣ высоцѣ, на*

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ текстъ читается такъ: *laboraui sustinens.* Въ Славянскомъ значится такъ: *терпѣхъ и не скончахъ ихъ.*

*

горахъ высокихъ, яже къ сѣверу (Ис. XIV, 13) (а). Но напротивъ того городъ обращенъ къ южной сторонѣ, потому что цѣпенѣніе души разогрѣваетъ благодать Духа Святаго. Поэтому Псалмопѣвецъ говоритъ: *возврати Господи плѣненіе наше: яко потоки югомъ* (Псал. CXXV, 4). Ибо плѣненіе наше, которое по тѣлесной холодности пребывало лѣнивымъ къ послѣдованію Богу, разогрѣвается теплотою Святаго Духа для того, чтобы бѣжать къ любви Бога. Поэтому и теперь говорится, что городъ, устроенный на горѣ, обращенъ къ югу; потому что Церковь избранныхъ обращаетъ помышленія свои къ дуновенію Святаго Духа, и нисходя со всякой вершины своей гордости, принимаетъ теплоту любви въ Богѣ, Которому вѣруетъ, такъ что ей ничего не нужно, какъ только подчиняться благодати Его, согрѣваться любовію, всегда наполняться даромъ Его дыханія. Поэтому-то созерцатель, воспламененный сильною любовію, говоритъ: *душа моя возрадуется о Господѣ, возвеселится о спасеніи Его* (Псал. XXXIV, 9). Ибо Тотъ, Кто по Латыни называется спасеніемъ, Тотъ по Еврей-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *sedebo in monte testamenti, in lateribus aquilonis*, т. е. сяду на горѣ Завѣта, на сторонахъ сѣвера.

ски называется самимъ Іисусомъ. Итакъ, послику Пророкъ духомъ пророчества созерцалъ пути Его, и чудеса, и даже таинство нашего искупленія: то повѣдаетъ, что онъ возрадовался о Господѣ, и возвеселился о Іисусѣ; потому что онъ ощутилъ въ душѣ радость съ той стороны, съ которой сильно горѣлъ любовію. Итакъ помыслимъ: если души духовныхъ отцовъ радовались о Томъ, Кто еще не приходилъ, но былъ предвидимъ; то какова должна быть вина—не любить путей Его, примѣровъ, увѣщаній Его, послѣ того, какъ Онъ пришелъ и совершилъ искупленіе!—Итакъ этотъ городъ, по сказанію, обращенъ къ югу; ясно какъ бы сказано было такъ: первый городъ, т. е. Синагога, стоялъ въ своихъ невѣрующихъ къ сѣверу, и остался въ холодѣ вѣроломства. Но святая Церковь, принявъ любовь вѣры, теплотою склонилась къ югу, и поддерживается какъ бы теплымъ вѣтромъ, потому что радуется не своей надежности, но дару духовной благодати. — Далѣе слѣдуетъ: *и введе мя тамо* (ст. 3).

7. Въ зданіе небеснаго града входитъ тотъ, кто въ святой Церкви обсуживаетъ пути людей добрыхъ, послѣдуя имъ. Потому что входить въ зданіе на горѣ значитъ—съ любовію размышлять объ избранныхъ святой Церкви, поставленныхъ на вер-

шинѣ добродѣтелей, какъ они преуспѣваютъ въ Господѣ. Ибо тотъ ведетъ жизнь супружескую, довольствуется своею собственностію, чужаго не похищаетъ, изъ своего по возможности удѣляетъ нуждающимся, не пренебрегаетъ плачемъ о грѣхахъ, безъ которыхъ ежедневная супружеская жизнь обойтись не можетъ. Ибо тѣмъ самымъ, что семейная забота возмущаетъ духъ, онъ побуждаетъ самого себя къ слезамъ. Но другой оставилъ уже все мірское, не желаетъ ничего имѣть въ немъ, питается упражненіемъ въ созерцаніи единаго, со слезами радуется надеждѣ наградъ небесныхъ, отвергаетъ даже то самое, что позволительно имѣть, желаетъ имѣть ежедневное тайное собесѣдованіе съ Господомъ; его духъ не возмущаетъ никакая забота о преходящемъ мірѣ; онъ всегда наполняетъ душу ожиданіемъ радостей небесныхъ. Иной же оставилъ уже все въ этомъ мірѣ, и духъ его возвышается до созерцанія небеснаго: но ради устроенія многихъ занимая правительственное мѣсто, хотя желаніемъ не подчиняется вещамъ преходящимъ, однако же по состраданію къ ближнимъ иногда приклоняется къ нимъ, чтобъ изъ попеченія о нихъ оказать милосердіе бѣднымъ; онъ проповѣдуетъ слушателямъ слово жизни, распоряжается необходимымъ для душъ и тѣлъ. И тотъ, кто самъ по се-

бѣ чрезъ созерцаніе возвышается уже къ желанію небесному, ради успѣха и пользы ближнихъ занимается вещами временными. Итакъ кто въ святой Церкви старается тщательно обсуживать, чтобы совершеннымъ быть, или въ жизни добрыхъ супруговъ, или въ убѣжищѣ постниковъ, и оставляющихъ все въ этомъ мірѣ, или на возвышенности проповѣдниковъ: тотъ уже вошелъ въ зданіе города, устроеннаго на горѣ. Ибо тотъ, кто пренебрегаетъ размышленіемъ о жизни лучшихъ себя, для достиженія совершенства, тотъ стоитъ еще внѣ зданія. И если онъ удивляется той славѣ, которую имѣетъ въ мірѣ святая Церковь; то онъ какъ бы совнѣ осматриваетъ зданіе и удивляется.—Далѣе слѣдуетъ: *и се мужъ, и зракъ его бяше, яко видѣніе мѣди блещащіяся* (ст. 3).

8. Въ этомъ мужѣ образно показывается Тотъ, Кто образно представляется горою. Но объ этомъ Мужѣ говорится, что Онъ измѣряетъ зданіе. И справедливо Господь означается и чрезъ мужа и чрезъ гору; потому что Самъ Онъ и устрояетъ все по суду своему внутри святой Церкви, и возвышаетъ ее къ небесному поддерживаніемъ. Такъ и въ святомъ Евангеліи одинъ и тотъ же Искупитель нашъ говоритъ: *входяй дверми, пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 2). А чрезъ нѣсколько послѣ: *азъ есмь*

дверь (Тамъ же, ст. 7). И опять чрезъ нѣсколько (стиховъ) присовокупляетъ: *Азъ есмь пастырь добрый* (Тамъ же, ст. 11). Итакъ, если самъ Онъ и пастырь, и дверь, тогда какъ пастырь входитъ чрезъ дверь: то почему въ этомъ мѣстѣ не разумѣть Его Самаго, и подъ именемъ горы, и подъ именемъ мужа, который измѣряетъ зданіе на горѣ?

9. Но намъ надобно спросить: почему объ этомъ мужѣ говорится: *зракъ Его бяше, яко видѣніе мѣди блещащіяся?* Но всѣ мы знаемъ, братіе, что металлъ мѣди весьма крѣпокъ и чрезвычайно звонокъ. Слѣдовательно, что значитъ, что видъ Ходатая Бога и человѣковъ сравнивается съ видомъ мѣди, если не то, что намъ рѣшительно извѣстно, что Единородный Сынъ, принявъ видъ раба, превратилъ въ вѣчнующую тлѣнность плоти человѣческой—славою своего воскресенія; потому что въ Немъ плоть содѣлалась уже безъ конца нетлѣнною? Ибо *воставшій отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. VI, 9). Но что значитъ, что самое воплощеніе Его сравнивается съ звучнымъ металломъ, если не то, что чрезъ самое это воспріятіе нашего человѣчества слава величія Его стала звучною для всѣхъ? И какъ бы видъ мѣди имѣетъ Онъ въ тѣлѣ, потому что Богъ содѣлался извѣстнымъ изъ плоти. Поэто-

му и чрезъ Іоанна говорится: *имать на ризѣ и на стегнѣ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ* (Апок. XIX, 16). Ибо что значитъ одежда Его, если не плоть, которую принялъ Онъ отъ Дѣвы? Впрочемъ одежда Его не есть что либо другое, а другое Онъ Самъ. Ибо плоть называется и нашею одеждою, однакоже мы сами плоть, которою одѣваемся. Но эту одежду Его Исаія провидя издалеча обагренною кровію чрезъ крестъ страданія, сказалъ: *почто червлены ризы твоя, и одежды твоя яко отъ истоптанія точила* (Ис. LXIII, 2). Ему Самъ Онъ отвѣтствуетъ: *исполненъ истоптанія, и отъ языкъ нѣсть мужа со Мною* (Тамъ же, ст. 3). Итакъ одинъ истопталъ точило, въ которомъ былъ топтанъ, Тотъ, Кто своею силою побѣдилъ то страданіе, которое претерпѣлъ. Ибо пострадавшій даже до смерти крестной со славою воскресъ отъ смерти. Но хорошо сказано: *и отъ языкъ нѣсть мужа со Мною.* Поелику тѣ, за которыхъ Онъ пришелъ страдать, должны были быть участниками въ Его страданіи, но они еще не вѣровали въ то время: то жалоба въ страданіи простирается на тѣхъ, коихъ жизнь была отыскиваема въ ономъ страданіи. Но чрезъ стегно выражается размноженіе плоти. Итакъ, поелику чрезъ распространеніе рода человѣческаго, какъ показы-

ваютъ родословныя таблицы, по повѣствованію Матѳея (I, 1 и слѣд.) и Луки (II, 7. III, 23 и далѣе), Онъ пришелъ въ міръ сей отъ Дѣвы, и чрезъ таинство своего воплощенія показалъ, что Онъ долженъ быть Царемъ и Господомъ рѣшительно для всѣхъ народовъ: то на ризѣ и на стегнѣ имѣлъ надпись: *Царь царемъ и Господь господемъ* (Апок. XIX, 16). Ибо откуда Онъ сдѣлался извѣстнымъ въ мірѣ, оттуда положилъ прочное вѣдѣніе чтенія о себѣ. Слѣдовательно, проповѣдь Его изъ плоти есть какъ бы нѣкоторый звукъ изъ мѣди. Итакъ пусть правильно глаголетъ Пророкъ: *зракъ Его бяше, яко видѣніе мѣди.* — Далѣе слѣдуетъ: *и снурокъ льняный въ рукѣ Его* (а).

10. У семидесяти толковниковъ нѣтъ выраженія: *снурокъ льняный,* но есть выраженіе: *вервь зиждущихъ* (каменьщиковъ). Если мы при изъясненіи удержимъ въ этомъ стихѣ ихъ переводъ: то кого должны принять за каменьщиковъ, если не святыхъ учителей, которые, говоря о духовномъ, припоравливаютъ живые камни, т. е. души избранныхъ,

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et funiculus lineus in manu ejus.* Но въ Славянскомъ переводѣ тотъ же текстъ читается такъ: *и въ руцѣ Его бяше вервь зиждущихъ.*

къ духовному зданію? Ибо все, что ни говорили древніе отцы, Пророки, Апостолы, преемники Апостоловъ, чѣмъ было другимъ, если не укладкою камней въ этомъ, ежедневно продолжающемся строиться, зданіи святыхъ? А *вервь зиждущихъ* обыкновенно употребляется для того, чтобъ опредѣлять ровность или прямоту воздвизаемой стѣны; и если камень выдается внутрь, его должно подвинуть къ внѣшней сторонѣ, а если онъ выдается совнѣ, его должно вдвинуть внутрь И дѣйствительно проповѣдь учителей совершаетъ это ежедневно, такъ что каждая душа, для которой быть можетъ неудобно принять бремя правленія, хотя бъ и желала проявиться вовнѣ, должна быть отзываема внутрь; и на оборотъ, та, которая желаетъ скрываться и имѣть попеченіе только о самой себѣ, если можетъ быть полезна для себя и для многихъ, выставляется наружу—на показъ, хотябъ и желала скрываться. И такимъ образомъ бываетъ, что порядокъ святыхъ камней соблюдается, когда часто и желающій итти къ почести попячивается назадъ, и бѣгающій почести въ сокровенномъ мѣстѣ выдвигается впередъ. Но поелику, какъ мы научились отъ нашего переводчика, исторія Евреевъ не имѣетъ *зиждущихъ*, но *снурокъ льняный въ рукѣ ея:* то мы должны изъяснить то, что считается у насъ болѣе вѣр-

нымъ. Но мы знаемъ, что льняный снурокъ тонѣе тѣхъ снурковъ, которые дѣлаются изъ чего либо другаго. И что мы должны разумѣть подъ льнянымъ снуркомъ, если не тончайшее проповѣданіе, т. е. духовное? Ибо обсуживаніе закона было снуркомъ, но не было льнянымъ; потому что занимало грубый народъ не тонкимъ проповѣданіемъ, въ которомъ чрезъ свѣденіе о наказаніи не возвышалось до грѣховъ помышленія, но ограничивалось грѣхами на самомъ дѣлѣ. Но послѣ того, какъ Господь, лично проповѣдуя, возсоединилъ и помышленія людей, и далъ знать, что и содѣянное въ сердцѣ есть такъ же грѣхъ, Онъ держалъ въ рукѣ снурокъ льняный. Ибо онъ говоритъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мат. V, 27. сн. Исх. XX, 14). Слѣдовательно, *льняный снурокъ* есть проповѣдь тонкая, которая связываетъ душу слушающаго такъ, чтобъ не разсѣевалась даже въ несчастномъ помыслѣ. И надобно замѣтить, что по сказанію *снурокъ въ рукѣ Его*, т. е. проповѣдь въ исполненіи. Ибо Онъ въ себѣ показалъ все то, чему училъ, какъ написано: *яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). А поелику Онъ

то самое, что говорилъ, предалъ и писанію, дабы оно было заповѣдію для потомковъ: то справедливо присовокупляется: *и трость мѣрительная въ руцѣ Его* (Iезик. XL, 3).

11. Господь чрезъ другаго Пророка произноситъ обѣтованіе о святой Церкви, говоря: *взойдетъ на ней зелень трости и тростника* (Ис. XXXV, 7) (а). Это я, помнится, изъяснилъ въ другомъ мѣстѣ (Книг. XXIX, Прав. число 51), что чрезъ трость надобно разумѣть писателей, а чрезъ тростникъ—слушателей. Но поелику и тростникъ и трость обыкновенно раждаются при водѣ, и тотъ и другая усовершенствуются одною и тою же водою, но трость употребляется для письма, тогда какъ тростникомъ нельзя писать: то что мы должны разумѣть подъ тростникомъ и тростію, если не то, что одно есть ученіе истины, которое орошаетъ многихъ слушателей? Но орошаемые имъ одни могутъ достигать въ словѣ Божіемъ до такого совершенства, что и сами дѣлаются писателями, т. е. какъ бы тростьми; а другіе слушаютъ слово жизни, имѣютъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго языка, на которомъ этотъ текстъ читается такъ: *orietur in ea uiror calami et junci.* Въ Славянскомъ переводѣ темна мысль: *и (будетъ) селитва трости, и лузи.*

зелень доброй надежды и правыхъ дѣлъ, но никакъ не могутъ усовершиться до того, чтобы писать. Эти на водѣ Божіей что суть другое, если не нѣкій, такъ *сказать, тростникъ? Они именно въ зелености* преуспѣваютъ, но рѣшительно не могутъ этого выразить въ письмени. Итакъ Искупитель нашъ, потому что благоизволилъ, чтобы тѣ слова, которыя Онъ произнесъ, были написаны ревностію учителей, трость въ рукѣ держалъ. Эта трость называется *мѣрительною*, потому что въ самой ревности учителей по нѣкоторому сокровенному судебному распоряженію опредѣляется такъ, что *они для однихъ* читателей полезны, а для другихъ не могутъ быть полезными. Поэтому-то святые Апостолы, когда спросили Учителя истины, яснѣе говорящаго имъ, почему Онъ говорилъ народу въ притчахъ, услышали: *яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть* (Мат. XIII, 11). Или вѣрнѣе, трость мѣрительная состоитъ въ томъ, что въ самыхъ Его священныхъ словахъ, которыя для насъ написаны, мы познаемъ, что распоряженія Его сокровенны. Ибо по непостижимому суду Его, какъ одинъ подходитъ подъ мѣру избранныхъ, такъ другой оставляется внѣ, такъ что никакъ не можетъ заслужить того, чтобы принадлежать къ числу избранныхъ. Итакъ Онъ имѣетъ спу-

рокъ, имѣетъ въ рукѣ трость мѣрительную. Ибо тотъ, кто снуркомъ размѣряетъ мѣсто, индѣ тащитъ снурокъ, а отынуды оттаскиваетъ, и привлекаетъ сюда того, кого отынуды отвлекаетъ. Такъ, именно такъ поступаетъ Искупитель нашъ въ собраніи людей, когда однихъ извлекаетъ изъ ихъ нечестія, а другихъ оставляетъ въ ихъ нечестіи. Такъ какъ Онъ къ тѣмъ, которыхъ удостоилъ избранія, приложилъ снурокъ сокровенной мѣры; а отъ тѣхъ, которыхъ судилъ оставить, отдернулъ снурокъ, для того, чтобъ и добрые держались внутри мѣры небеснаго строенія, и злые, въ которыхъ нѣтъ той доброты, которая имѣетъ цѣнность, оставались какъ бы безъ измѣренія внѣ зданія.

12. Этотъ снурокъ и эту мѣрительную трость Искупитель нашъ держалъ въ рукѣ своей, когда благоволилъ увѣщать Апостола Павла чрезъ мужа Македонянина такъ, что этотъ же самый мужъ Македонянинъ говорилъ: *пришедъ въ Македонію, помози намъ* (Дѣян. XVI, 9). Но Апостоламъ, желающимъ итти на проповѣдь въ Азію, не дозволилъ Духъ Іисуса. Что это значитъ, что святые Апостолы призываются и туда, куда быть можетъ и не думали итти, и получаютъ запрещеніе итти туда, куда желали, если не то, что въ рукѣ держится снурокъ сокровеннаго суда и мѣрительная

трость, чтобъ одни слышали слова жизни, а другіе отнюдь не заслуживали слышанія? Итакъ снурокъ мѣры къ одному приложенъ, а отъ инаго отдернутъ.

13. И по свидѣтельству святаго Евангелія мы знаемъ, что пришелъ одинъ, который говорилъ: *учителю, иду по Тебѣ, аможе аще идеши* (Мат. VIII, 19). Ему отвѣчено: *Лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не иматъ гдѣ главы подклонити* (тамъ же, ст. 20). Пришелъ другой, который говорилъ: *Господи, повели мнѣ прежде ити, и погребсти отца моего.* Ему отвѣчено: *гряди по Мнѣ, и остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Тамъ же ст. 21. 22). Что значитъ, что тотъ обѣщается ити, и оставляется; этотъ желаетъ воротиться домой, и однако же ему дается повелѣніе слѣдовать?—Тотъ не принимается, этотъ не получаетъ увольненія отъ послѣдованія даже на время. Итакъ по внутреннему распоряженію сокровеннаго суда проводится снурокъ и мѣрительная трость, по которому и сей привлекается, и тотъ оставляется, чтобы небесное зданіе было устрояемо не безъ благоволительнаго и праведнаго испытанія.

14. Еще подъ мѣрительною тростію можно разумѣть Св. Писаніе, потому что кто читаетъ оное,

тотъ по нему мѣряетъ самъ себя, или на сколько онъ имѣетъ совершенства въ духовной добродѣтели, или на сколько далеко онъ отсталъ отъ мѣры благихъ заповѣдей; на сколько онъ возвышается въ дѣланіи добра, на сколько еще погрязаетъ въ дѣлахъ нечестія.—Далѣе слѣдуетъ: *тойже стояше у вратъ* (Iезик. XL, 3) (во вратахъ).

15. Кто стоитъ во вратахъ, тотъ нѣкоторою частію внутри, а нѣкоторою наружи; потому что одна часть его бываетъ видима совнѣ, а другая скрывается внутри. Итакъ Искупитель нашъ, по милосердію воплотившійся ради насъ, стоялъ предъ человѣческимъ взоромъ какъ бы въ воротахъ; потому что и видимымъ явился чрезъ человѣчество, и оставался невидимымъ по Божеству. Поэтому-то Iудеи, которые поддерживали Его на основаніи обѣтованія Пророковъ, смутились отъ замѣшательства вѣроломства своего, такъ какъ они видѣли смертнымъ Того, Кого считали пришедшимъ для искупленія ихъ. Итакъ стоящій во вратахъ, какъ сказано выше, нѣкоторою частію видѣнъ бываетъ совнѣ, а нѣкоторою частію изнутри. Поэтому-то и самое вѣроломство Iудеевъ не оставлено безъ показанія ему Божественнаго могущества. Ибо видѣвшіе чудеса Его влекомы были къ вѣрѣ, но размышляя о страданіяхъ Его сомнѣвались въ призна-

нія за Бога Того, Кого видѣли смертнымъ по плоти; отъ чего произошло то, что они усумнились въ познаніи Его. Ибо они видѣли Его алчущимъ, жаждущимъ, ядущимъ, піющимъ, устающимъ, спящимъ, и считали Его за чистаго человѣка. Они видѣли Его воскрешающимъ мертвыхъ, очищающимъ прокаженныхъ, дающимъ прозрѣніе слѣпымъ, изгоняющимъ бѣсовъ, и сознавали, что Онъ выше людей. Но представляемое въ сердцѣ ихъ человѣчество смущало ихъ при самыхъ чудесахъ Его. Поэтому-то святая Церковь, подъ голосомъ невѣсты желая видѣть Его уже ясно, говоритъ: *се Сей стоитъ за стѣною нашею* (Пѣсн. пѣсн. II, 9). Ибо Тотъ, Кто показалъ человѣческимъ взорамъ то, что принялъ Онъ отъ естества смертнаго, а Самъ въ себѣ остался невидимымъ, сталъ какъ бы за стѣною для желающихъ видѣть Его ясно, потому что не далъ видѣть себя въ открытомъ величіи. Ибо какъ бы за стѣною сталъ Тотъ, Кто явилъ принятое Имъ естество человѣчества, и сокрылъ отъ взоровъ человѣческихъ естество Божества. Поэтому-то и тамъ присовокупляется: *проглядаяй оконцами, приницаяй сквозѣ мрежи* (рѣшетку) (Тамъ же). Ибо кто смотритъ чрезъ окна, или рѣшетки, тотъ не весь сокрытъ, и не весь видѣнъ. Таковымъ, именно таковымъ содѣлался Искупитель нашъ предъ взорами

сомнѣвающихся; потому что, если бы Онъ, творя чудеса, ничего не переносилъ какъ человѣкъ, то явился бы имъ рѣшительно Богомъ; и наоборотъ, если бы Онъ, терпя человѣческое, ничего не творилъ, какъ Богъ, то Его считали бы чисто за человѣка. Но поелику Онъ и Божественное творилъ, и человѣческое переносилъ: то какъ бы чрезъ окна, или рѣшетки, проглядывалъ къ людямъ, для того, чтобъ и Богомъ явиться изъ чудесъ, и скрыться за страданіями, и человѣкомъ быть видимымъ изъ страданій, однако же такъ, чтобъ изъ чудесъ знали, что Онъ выше человѣка. Поелику же сказано, что мужъ тотъ стоялъ во вратахъ, то намъ надобно спросить: лицемъ ли онъ стоялъ внутрь, а задомъ ко внѣшней сторонѣ? При этомъ вопросѣ если мы смотримъ на то, что обѣтовано и присовокуплено, то скоро находимъ, какъ Онъ стоялъ. Ибо прежде говорится: *на нейже* (на горѣ) *яко согражденіе града прямо (полудне, и веде мя тамо)*. А чрезъ нѣсколько послѣ о томъ же мужѣ присовокупляется: *тойже стояше у вратъ* (во вратахъ). И тотчасъ же присовокупляется: *и рече ко мнѣ* (тотъ же мужъ).

16. Ибо кто говорилъ Пророку, введенному внутрь зданія, тотъ безъ всякаго сомнѣнія стоялъ лицемъ внутрь, а задомъ ко внѣшней сторонѣ. Но

введенный Пророкъ, которому говорилъ мужъ стоящій во вратахъ, безъ сомнѣнія былъ обращенъ лицемъ къ воротамъ, изъ которыхъ слушалъ слова горящаго. Итакъ что это значитъ, что мужъ смотритъ внутрь, а Пророкъ вовнѣ? Что значитъ, что лице тогоже самаго мужа обращено къ зданію, а взоръ Пророка обращенъ къ воротамъ, если не то, что Единородный (Сынъ) Отца воплотился для того, чтобы ввести насъ въ духовное зданіе, т. е. въ вѣру святой Церкви? Очи Его всегда взираютъ на зданіе Его, потому что непрестаемо смотрятъ, сколько кто успѣваетъ въ добродѣтеляхъ. Но Пророкъ смотритъ къ воротамъ; потому что тотъ, кто слушаетъ слова Божіи, всегда долженъ устремлять очи сердца на исходъ, и непрестанно помышлять, когда должно выйти изъ настоящей жизни, и достигнуть вѣчныхъ радостей. Такъ какъ для того и воплотился Богъ, чтобы ввести насъ въ вѣру, и возвести до видѣнія лица Его. Поэтому-то и въ святомъ Евангеліи Истина утверждаетъ, говоря: *мною аще кто внидетъ, спасется: и внидетъ и изыдетъ, и пажить обрящетъ* (Іоан. X, 9). *Внидетъ* именно въ вѣру, но *изыдетъ* къ видѣнію, а *пажить обрящетъ* въ вѣчномъ блаженствѣ. Поэтому-то Псалмопѣвецъ говоритъ: *Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое* (Псал. CXX, 8). Ибо

Господь хранитъ всякой души *вхожденіе*, которымъ она вступаетъ въ вѣру, и *исхожденіе*, которымъ она выступаетъ къ видѣнію, такъ что она ни вступая въ Церковь не спотыкается въ заблужденія, ни исходя изъ этой временной (жизни) въ вѣчную, не похищается отъ врага древняго. Но ради этого-то исхожденія нашего, о которомъ мы должны ежедневно помышлять, Апостолъ утверждаетъ объ Искупителѣ нашемъ, говоря: *да освятитъ люди Своею кровію, внѣ вратъ пострадати изволилъ. Тѣмже убо да исходимъ къ Нему внѣ стана, поношеніе Его носяще: не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 12 — 14). Итакъ явившійся мужъ стоялъ въ воротахъ, и говорилъ въ этомъ положеніи; потому что Посредникъ Бога и человѣковъ Христосъ Іисусъ въ самое время даже страданія своего давалъ ученикамъ заповѣди жизни, чтобы тѣ, которые вѣруютъ въ Него, всегда обращали взоры къ воротамъ, и, оцѣнивая тщательнымъ размышленіемъ страданіе Его, не отвращали взоровъ сердца и отъ своего исхода. И мы, когда уже начали презирать преграды плоти, переходить тѣснины нашей смертности стремленіемъ къ безсмертію, стремиться къ свободѣ вышняго свѣта, вздыхать о радостяхъ небеснаго отечества, устремляемъ взоры къ воротамъ; потому что, желая

перейти отъ временныхъ таинствъ къ вѣчнымъ, мы какъ бы спиною обратились уже къ настоящей жизни, и въ своемъ желаніи направили взоръ сердца къ выходу (изъ нея). Поэтому написано: *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. Сол. IX, 15). Такимъ образомъ чрезъ созерцаніе мыслію мы уже стремимся во внѣ тѣснотъ плоти, но въ познаваемыхъ таинствахъ мы самою тѣснотою плоти удерживаемся внутри воротъ.

17. Ибо часто душа до того возвышается въ Божественномъ созерцаніи, что она начинаетъ уже радоваться тому, что понимаетъ нѣчто чрезъ нѣкоторое подобіе о той вѣчной свободѣ, которой глазъ не видалъ, и о которой ухо не слыхало (1 Кор. II, 9): но тяжестію своей смертности возвращенная назадъ падаетъ внизъ, и связанная нѣкоторыми узами своего наказанія остается на прежнемъ мѣстѣ. Итакъ къ воротамъ стремится тотъ, кто прозрѣваетъ радости своей истинной свободы, желаетъ уже выйти, но еще не можетъ. Поэтому-то Еврейскій народъ, освобожденный отъ Египетскаго рабства, видя глаголющаго Бога чрезъ столпъ облачный, стоялъ каждый при дверяхъ своей кущи и молился (Исход. XXXIII, 10). О немъ нѣсколько выше говорится: *егда вхождаше Моисей въ скинію*

внѣ полка, стояху вси людіе смотряще кійждо предъ дверми кущи своея (Тамъ же, ст 8). Ибо мы стоимъ тамъ, гдѣ сосредоточиваемъ взоръ ума. Поэтому Илія говоритъ: *живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, Емуже предстою предъ Нимъ* (3 Цар. XVII, 1). Ибо онъ стоялъ тамъ, гдѣ сосредоточилъ сердце. Что же значитъ—видѣть народу облачный столпъ, стоять въ дверяхъ своей кущи и молиться, если не то, что человѣческій духъ, когда видитъ какъ нибудь въ гаданіи то высшее и небесное, выходитъ уже чрезъ возвышенное помышленіе за предѣлы тѣлеснаго обитанія, и смиренно молится Тому, Котораго сущности хотя и не можетъ видѣть, однако же дивится чрезъ озареніе Духа могуществу Его? И когда Моисей входитъ въ скинію, тогда народъ видитъ задъ его, и стоитъ при дверяхъ своихъ кущей; потому что, когда какой нибудь святый проповѣдникъ высоко говоритъ о Богѣ, тогда онъ входитъ уже нѣкоторымъ образомъ въ скинію жилища вышняго. Всѣ слабые хотя и не могутъ вполнѣ понять силы его проповѣди, однакоже смотрятъ на него какъ бы сзади, потому что разсудкомъ послѣдуютъ за послѣднимъ изъ того, что выше ихъ разумѣнія. Но и въ самомъ даже маломъ, что они могутъ понять, они уже какъ бы выходятъ изъ кущей своихъ, и становятся въ дверяхъ, по-

тому что усиливаются и жилища плоти оставить и достигнуть тѣхъ радостей вѣчной жизни, о которыхъ слышатъ. Поэтому-то и Илія, когда слушалъ голосъ говорящаго съ нимъ Господа (3 Цар. XIX, 9), представляется стоявшимъ во входѣ своей пещеры, и скрывшимъ лице; потому что, когда благодатію созерцанія слышимъ бываетъ въ умѣ голосъ высшаго разумѣнія, тогда весь человѣкъ не остается уже внутри пещеры; такъ какъ забота о плоти не преобладаетъ душею, но онъ стоитъ во входѣ, потому что думаетъ выйти изъ тѣснотъ смертности.

18. Но кто уже сталъ во входѣ пещеры, и слухомъ сердца понимаетъ слова Божіи, тому необходимо покрыть лице; потому что, когда мы вышнею благодатію возводимся къ вышнему разумѣнію, тогда чѣмъ выше мы возвышаемся, тѣмъ всегда болѣе должны по смиренію стѣснять самихъ себя въ понятіи о себѣ, дабы не думать о себѣ болѣе, нежели должно думать, но думать о себѣ скромно (Рим. XII, 3); дабы не ошибаться въ то время, когда съ напряженіемъ обсуживаемъ невидимое, дабы въ этомъ естествѣ безтѣлесномъ не искать намъ какого либо свѣта тѣлеснаго. Ибо напрячь ухо и покрыть лице значитъ—слушать умомъ голосъ внутренняго существа, и не смотря на то отвращать взоры сердца отъ всякаго тѣлеснаго вида, дабы душа

не представляла въ томъ чего либо тѣлеснаго, тогда какъ оно вездѣ цѣло и вездѣ неописанно. Итакъ, возлюбленнѣйшіе братіе, мы, которые уже знаемъ о вѣчныхъ радостяхъ чрезъ смерть и воскресеніе нашего Искупителя, и вознесеніе на небо, которые увѣрены, что для свидѣтельства о Божествѣ Его, внѣшнимъ образомъ являлись наши сограждане—Его Ангелы, обратимъ сердце наше къ Царю, устремимъ желаніе къ знакомымъ намъ гражданамъ, и стоя въ этомъ зданіи святой Церкви, устремимъ взоры на ворота; станемъ задомъ ума къ этому поврежденію жизни временной; устремимъ лице сердца къ свободѣ небеснаго отечества. Но вотъ есть еще много такого, что принуждаетъ насъ заботиться о жизни преходящей. Посмику же рѣшительно вытти не можемъ: то по крайней мѣрѣ станемъ во входѣ нашей пещеры, имѣя намѣреніе нѣкогда благополучно вытти изъ нея благодатію Искупителя нашего, Который живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единеніи со Святымъ Духомъ Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Въ объясненіи двухъ стиховъ XL главы, именно четвертаго и пятаго, святый учитель обширно разсуждаетъ о дѣятельной и созерцательной жизни, и по обычаю своему приносятъ многія нравственныя наставленія.

1. Дабы кто либо быть можетъ въ тайномъ помыслѣ не укорилъ меня за то, что я рѣшаюсь изъяснять столь глубокія таинства Пророка Іезекіиля, раскрытыя великими толкователями, тому надобно знать, съ какимъ намѣреніемъ я это дѣлаю. Ибо я приступаю къ этому не по безразсудству, но по смиренію. Такъ какъ я знаю что по большей части многаго въ священномъ Писаніи одинъ я не могъ понять, а поставленный предъ братіями моими понялъ. Изъ этого разумѣнія я постарался понять и то, что знаю, за чьи заслуги даровалось мнѣ разумѣніе. Ибо очевидно, что оно дается мнѣ ради тѣхъ, въ присутствіи которыхъ дается. Изъ этого по милости Божіей происходитъ то, что и смыслъ увеличивается, и гордость уменьшается, когда ради васъ я научаюсь тому, чему учу среди васъ; потому что (чистосердечно признаюсь) большею частію я съ вами слушаю то, что говорю. Слѣдовательно,

чего я не пойму въ этомъ Пророкѣ, то будетъ зависѣть отъ моей слѣпоты; а если что могу вѣрно понять, то это будетъ Божественнымъ даромъ вашему благоговѣнію. Но часто по благодати всемогущаго Господа лучше въ словѣ Его разумѣваются нѣкоторыя мѣста, когда слово Божіе читается втайнѣ, и душа, сознающая вины свои, переобсуживая то, что слышитъ, поражается копіемъ скорби, и пронизывается мечомъ сокрушенія, такъ что ей ничто такъ не нравится, какъ плакать, и ручьями слезъ омывать пятна. Въ эти времена она иногда восхищается къ созерцанію высшихъ благъ, и по желанію ихъ мучитъ себя пріятнымъ плачемъ. Душа скорбитъ, что остается здѣсь, гдѣ она еще лежитъ поверженная слабостію, а не тамъ еще, гдѣ она озаренная свѣтомъ будетъ имѣть неустающую силу, и уже не будетъ обращать умственнаго взора на мракъ смертности. Отсюда-то, отсюда раждается въ душѣ горячесть, а плачъ является отъ горячести. А поелику она не имѣетъ еще силы прилепиться къ небесному, то утомленная своею горячестію успокоивается въ слезахъ. Но иное значитъ, когда дѣло идетъ объ успѣхѣ одного, иное, — когда оно идетъ объ устроеніи многихъ. Итакъ по слову ученія надобно сказать о томъ, что устроаетъ жизнь слушающихъ и правы. Итакъ теперь мы въ словахъ

Пророка, какъ начали, обслѣдуемъ то, что даетъ назиданіе къ изученію доброй дѣятельности.—*Сыне человѣчь, виждь очима твоима, и ушима твоима слыши* (Іезек. XL, 4).

2. Что значитъ, что Пророку, приведенному къ свидѣтельству предметовъ духовныхъ, говорится: *виждь очима*, и присовокупляется—*твоима*, и когда присовокупляется: *ушима слыши*, тогда присовокупляется—*твоима?* Но надобно знать, что глаза и уши тѣлесные есть и у плотскихъ (людей), которые пользуются ими въ употребленіи вещей, видимыхъ тѣлесно. Но очи и уши сердца есть только у (людей) духовныхъ, которые невидимое видятъ чрезъ разумѣніе, и безъ звука слышатъ хвалу Божію. Этихъ-то ушей всемогущій Господь требовалъ, когда говорилъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Лук. VIII, 8). Ибо кто въономъ народѣ могъ быть въ то время такой, который не имѣлъ бы ушей тѣлесныхъ? Но поелику говорится: *имѣяй уши слышати, да слышитъ*, то ясно показывается, что Онъ искалъ тѣхъ ушей, которыхъ всѣ не имѣли. Итакъ пусть будетъ сказано: *сыне человѣчь, виждь очима твоима, и ушима слыши*. Но въ первой части нашихъ бесѣдъ мы уже сказали (смотр. бесѣд. XII, ч. 21), почему Пророкъ, сколько разъ ни приводится къ видѣнію духовныхъ предметовъ, всегда

называется сыномъ человѣческимъ. Но чтобъ это не выходило изъ памяти, я кратко повторяю, что этимъ названіемъ всегда напоминается ему о слабости, дабы онъ не гордился величіемъ видѣнія. И надобно замѣтить, что выраженія различны—*виждь очима твоима, и ушима твоима слыши*,—и однакожъ онъ называется сыномъ человѣческимъ. Но этими словами что ясно внушается ему, если не то, чтобъ онъ на духовное смотрѣлъ духовно, и, не смотря на то, памятовалъ о своихъ тѣлесныхъ слабостяхъ.

3. Отъ этого-то зависитъ то, что по большей части кто болѣе возвышается въ созерцаніи, тотъ подвергается и большему искушенію; такъ часто обыкновенно случается съ нѣкоторыми, успѣшно стремящимися къ совершенству, что когда ихъ душу, или объемлетъ сокрушеніе, или созерцаніе возвышаетъ выше ее самой, тогда тотчасъ слѣдуетъ и искушеніе, дабы она не превозносилась тѣмъ, до чего возвышена. Ибо сокрушеніемъ или созерцаніемъ она возвышается къ Богу, но тяжестію своего искушенія отражается къ самой себѣ, такъ какъ искушеніе должно осаживать, чтобы созерцаніе не надмевало; и взаимно созерцаніе должно возвышать, чтобъ искушеніе не погружало. Ибо, если бы созерцаніе возвышало такъ, что рѣшительно не бы-

ло бы искушенія, то душа могла бы падать въ гордость. И если бы искушеніе тяготило такъ, что созерцаніе не могло бы возвышать, то она могла бы падать въ преступленіе. Но по дивному распоряженію душа держится въ равновѣсіи на нѣкоторой срединѣ, такъ что она ни добрыми дѣлами не можетъ гордиться, ни падать въ злыя. Поэтому и чрезъ блаженнаго Іова о Господѣ говорится: *водѣ мѣру сотворилъ* (Іов. XXVIII, 25). Потому что Богу опредѣлить мѣрою воды значитъ блюсти въ смиреніи сознаніе душъ между счастіемъ, и несчастіемъ, между дарованіями и искушеніями, между высотою и низомъ. Такъ Илія низвелъ огнь съ неба, продлилъ воды съ неба, и не смотря на то, устрашенный неистовствомъ одной женщины бѣгалъ по пустынямъ (3 Цар. XVIII, 38. XVII, 1. XIX, 3). Бѣгающему является Ангелъ, доставляетъ пищу, потому что предсказываетъ, что остается еще долгій путь, и не смотря на то, не истребляетъ въ сердцѣ страха (3 Цар. XIX, 7, 8), потому что въ душѣ Пророка эта слабость страха была великою стражею мужества.—Далѣе слѣдуетъ: *учини въ сердцѣ твоемъ вся, елика Азъ показую тебѣ, зане того ради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ, и покажеши ты вся, елика видиши, дому Израилеву* (Іезик. XL, 4).

4. *Учини въ сердцѣ твоемъ.* Какъ бы сказано было такъ — размысли. *Зане того ради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ, и покажеши ты вся.* То есть, ты введенъ сюда для того, чтобы видѣть, а видишь для того, чтобы возвѣстить; потому что кто чрезъ видѣніе успѣваетъ въ духовныхъ дѣлахъ, тотъ обязывается словомъ проповѣдывать о нихъ и другимъ. Потому что видитъ для того, чтобы проповѣдывать, тотъ, кто заботится чрезъ проповѣдь споспѣшествовать ближнему преуспѣвать въ томъ, въ чемъ преуспѣваетъ самъ. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ написано: *слышай да глаголетъ: пріиди* (Апок. XXII, 17). Ибо кому уже гласитъ въ сердцѣ голосъ призывающаго Бога, тому необходомо въ голосѣ выразить обязанность проповѣданія ближнимъ; и другаго призывать онъ обязанъ потому, что самъ уже призванъ. Поэтому и женихъ въ пѣсни пѣсней желаетъ, говоря: *сѣдяй (сѣдящая) въ вертоградѣхъ, и друзи внемлющіи гласу твоему: гласъ твой внуши мнѣ* (Пѣсн. пѣсн. VIII, 13). Ибо въ вертоградахъ обитаетъ святая Церковь, въ вертоградахъ живетъ и каждая душа, которая уже зеленѣетъ надеждою, и полна любовію добрыхъ дѣлъ. Потому что суха надежда вѣка сего, такъ какъ все, что бываетъ здѣсь любимо, скоро засыхаетъ; и Апостолъ Петръ увѣщеваетъ насъ поспѣшать, говоря:

въ наслѣдіе нетлѣнно и нескверно и неувядаемо (1 Петр. I, 4). Итакъ обитающая въ вертоградахъ обязана дѣлать слышнымъ свой голосъ жениху своему, т. е. пѣть пѣснь добраго проповѣданія, которою услаждается Тотъ, Кого она желаетъ; потому что сю (пѣснію) услаждаются други, именно всѣ избранные, которые желаютъ слушать слова жизни, чтобъ получить новую жизнь для небеснаго отечества. Но пусть уже Пророкъ откроетъ намъ то, что видитъ. Далѣе слѣдуетъ: *и се ограда внѣуду окрестъ храма* (Іезик. XL, 5).

5. Въ священномъ Писаніи большею частію стѣною (оградою) обыкновенно называется самъ воплощенный Господь по причинѣ крѣпости своей защиты, такъ какъ о святой Церкви чрезъ Пророка говорится: *спасеніе положитъ намъ стѣну, и огражденіе* (Ис. XXVI, 1). Ибо стѣною для насъ служитъ Самъ Онъ, Который со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ храненіемъ. А огражденіемъ (валомъ) стѣны нашей были Пророки, которые прежде нежели Господь явился во плоти, были посланы на устроеніе вѣры пророчествомъ. Итакъ въ святой Церкви Господь для насъ стѣна, а Пророки Его—огражденіе (валъ); потому что до насъ, которыхъ рѣшительно оградилъ Онъ Самъ, доходили и слова Пророковъ въ устроеніи вѣры. Поэтому и

хорошо упоминается прежде о стѣнѣ, а послѣ объ огражденіи. Потому что мы, призванные изъ язычниковъ, если бы прежде не признали Господа, не приняли бы изреченій Пророковъ Его. И замѣчательно, что Онъ называется внѣшнею стѣною духовнаго зданія. Потому что стѣна, устрояемая для укрѣпленія зданія, обыкновенно устрояется не внутри, но внѣ его. Итакъ что была за необходимость говорить — *внѣ уду* (совнѣ), — когда обыкновенно стѣна никогда не строится внутри? Потому что необходимо, чтобь она, устроенная совнѣ, защищала то, что внутри ея. Но въ этомъ словѣ что ясно открывается, если не самое Господне воплощеніе? Ибо внутреннею стѣною служитъ для насъ Богъ, а стѣною внѣшнею—Бого-человѣкъ. Поэтому чрезъ нѣкотораго Пророка Ему говорится: *изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ, спасти помазанныя твоя* (Аввак. III, 13). Ибо та воплощенная стѣна,—именно Господь, — не была бы для насъ стѣною, если бы не была внѣшнею; потому что изнутри Онъ не сталъ бы защищать насъ, если бы не явился вовнѣ. Но не надобно оставлять безъ вниманія и того, что объ этой же стѣнѣ говорится, что она устроена *окрестъ храма* (кругомъ со всѣхъ сторонъ зданія). Потому что храмъ Божіи (зданіе Божіе) составляютъ не только Ангелы Божіи, о которыхъ

Псалмопѣвецъ говоритъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего, и мѣсто селенія славы твоея* (Псал. XXV, 8), но и мы, которыхъ души Онъ удостоиваетъ вселенія (Своего). И эта стѣна со всѣхъ сторонъ вокругъ дома (зданія), потому что Единородный (Сынъ) Отца, Который горѣ есть крѣпость Ангеловъ, Самъ содѣлался внизу искупленіемъ людей. Для тѣхъ служитъ Онъ силою, чтобъ они не падали, для насъ—помощію, чтобы мы вставали послѣ паденія.

6. Если же въ этомъ мѣстѣ зданіемъ Божіимъ означается только множество искупленныхъ людей: то Господь для насъ служитъ стѣною кругомъ со всѣхъ сторонъ; потому что для совершеннаго храненія насъ Онъ все то исполнилъ, чему научилъ, какъ написано: *начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. I, 1). Поелику же Онъ пришелъ призвать насъ къ небесному отечеству: то именно научилъ насъ презирать блага преходящія, и не страшиться временныхъ несчастій. Поэтому Онъ не отвращался отъ поношеній, терпѣлъ обиды, не страшился смерти, не бѣгалъ отъ крестной висѣлицы; а когда хотѣли было взять Его, и поставить Царемъ, тогда тотчасъ скрылся (Іоан. VI, 15). Этими примѣрами что другое внушалъ Онъ намъ, если не то, что мы не должны ни бояться несчастій сего міра,

ни домогаться счастія? Потому что большею частію блага его болѣе безпокоятъ душу, нежели возмущаютъ несчастія. Предъ страданіемъ же своимъ Онъ слышалъ поношенія, однако же не отвѣчалъ на нихъ поношеніями; долго молча терпѣлъ своего предателя, и не отвратилъ отъ него ланины для льстиваго лобзанія; принялъ смерть, чтобы мы не боялись смерти; явилъ воскресеніе, чтобы мы вѣровали возможности нашего воскресенія. И послѣ страданія своего Онъ призвалъ къ благодати вѣры изъ тѣхъ, которые распяли Его, воздалъ дарованіемъ за нечестіе. Итакъ кто примѣромъ своимъ научилъ насъ всему, Тотъ содѣлался для насъ стѣною, окружающею со всѣхъ сторонъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и въ руцѣ мужа мѣра тростяна шести лакотъ въ лакоть шестодланный* (а).

7. Въ предыдущей бесѣдѣ (подъ числ. 14) мы уже сказали, что тростію означается св. Писаніе. Она называется тростію мѣры; потому что имъ (Писаніемъ) мы измѣряемъ всякое дѣйствіе нашей жизни, чтобъ именно видѣть или то, на сколько мы

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *et in manu uiri calamus mensurae sex cubitorum et palmo*, т. е. *и въ рукѣ мужа трость мѣры въ шесть лакотъ и пядію.* Къ этому смыслу приспособлено объясненіе Святителя.

преуспѣваемъ въ совершенствѣ, или то, на сколько мы отстоимъ отъ совершенства. Ибо часто мы, дѣлая что либо, думаемъ, будто имѣемъ нѣкоторую заслугу; но обращаясь къ словамъ Божіимъ, мы слышимъ высшія заповѣди, изъ которыхъ познаемъ, сколько недостатка мы имѣемъ для совершенства. Итакъ трость служитъ мѣрою; потому что рукою пишущихъ измѣряется жизнь слушателей. Объ этой трости говорится, что она въ рукѣ мужа, или потому, что священное Писаніе находится во власти Посредника Бога и человѣковъ, человѣка Христа Іисуса, или вѣрнѣе потому, что Онъ на дѣлѣ исполнилъ то, чему благоволилъ быть написаннымъ. Но эта самая трость шести локотъ съ пядію. Ибо двѣ жизни, въ которыхъ всемогущій Богъ учитъ людей чрезъ священное Писаніе, именно—дѣятельная и созерцательная. И чрезъ шесть локотъ что другое выражается, если не жизнь дѣятельная? Ибо въ шестый день Богъ окончилъ всѣ дѣла свои (Быт. II, 1). А пядень, о которой говорится сверхъ шести локотъ, переходитъ уже на седьмой, но однако же не составляетъ локтя. Итакъ дѣятельная жизнь означается шестью локтями, а созерцательная — пядію; потому что ту мы на дѣлѣ провождаемъ, а этой даже тогда, когда усиливаемся, едва нѣкоторую малость можемъ достигнуть.

8. Ибо дѣятельная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы дать хлѣбъ алчущему, научить незнающаго слову премудрости, исправить согрѣшающаго, обратить гордящагося ближняго къ жизни смиренія, попещись о слабомъ. Все это должно дѣлать каждому порознь, и предусматривать, какъ можно тоже дѣлать намъ сообща. По жизнь созерцательная состоитъ въ томъ, чтобы хотя всею душею удерживать Божественную любовь къ ближнему, но отъ внѣшней дѣятельности успокоеваться, прилепляться къ одному желанію Создателя такъ, чтобъ уже ничего не дѣлать, но, отвергши всѣ заботы, душа должна горѣть желаніемъ видѣнія лица своего Создателя такъ, что уже умѣла бы со скорбію носить тяжесть поврежденной плоти, всесильно желать присутствія среди оныхъ пѣснословящихъ ликовъ Ангельскихъ, присоединиться къ небеснымъ гражданамъ, радоваться небесному нетлѣнію въ лицезрѣніи Бога. Итакъ въ пядени протягиваются рука и пальцы. Но мало нѣчто изъ мѣры локтя достается на пядень; потому что, какою бы любовію ни пламенѣла душа, съ какою бы силою въ помышленіи ни стремилась къ Богу, она еще не можетъ совершенно видѣть то, что любитъ, но только начинаетъ видѣть любимое, такъ какъ мужественнѣйшій проповѣдникъ говоритъ: *видимъ нынѣ якоже зер-*

цаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12), и — *нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (тамъ же). Итакъ седьмаго локтя мы касаемся надію; потому что, находясь въ этой жизни, мы предвкушаемъ только начала внутренняго созерцанія. Ибо трость имѣетъ шесть локтей потому, что дѣятельная жизнь можетъ быть проводима въ полномъ совершенствѣ, и потому, что въ шестый день созданъ человѣкъ (Быт. I, 27), который долженъ творить добрыя дѣла.

9. Ту и другую изъ этихъ жизней хорошо выразили извѣстныя двѣ женщины, т. е. Маѳа и Марія (Лук. X, 40), изъ коихъ одна много заботилась объ угощеніи, а другая сидѣла у ногъ Господа, и слушала слова изъ устъ Его. И когда Маѳа стала жаловаться на сестру, что она не хочетъ помочь, тогда Господь отвѣчалъ, говоря: *Маѳа, ты заботишься и суетишься о многомъ: а одно только нужно. Марія же избрала благую* (а) *часть, которая не отнимется у ней* (Тамъ же, ст. 41.

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ слова - *благую часть* - читаются такъ: *optimam partem*, т. е. *самую лучшую часть*. Это выраженіе у Святителя имѣетъ особенное значеніе въ его изъясненіи.

42). Вотъ часть Мареы не охуждается, но часть Маріи одобряется. Ибо Онъ не говоритъ, что Марія избрала *благую*, но *самую лучшую часть*, дабы показать, что и часть Мареы есть благая. Но почему часть Маріи есть самая лучшая присовокупляется далѣе, когда говорится: *которая не отнимется у ней.* Ибо дѣятельная жизнь прекращается съ тѣломъ. Кто можетъ даровать хлѣбъ алчущему въ вѣчномъ отечествѣ, гдѣ нѣтъ никого алчущаго? Кто подастъ пить жаждущему, гдѣ никто не жаждетъ? Кто похоронитъ мертваго, гдѣ никто не умираетъ? Итакъ жизнь дѣятельная отнимается съ настоящимъ вѣкомъ; но созерцательная здѣсь начинается, чтобы восходить къ совершенству въ небесномъ отечествѣ; потому что огнь любви, который начинаетъ горѣть здѣсь, когда будетъ видѣнъ Тотъ, Кого любитъ, еще болѣе разгорится въ любви къ Нему. Итакъ созерцательная жизнь не отнимается, потому что по уничтоженіи свѣта настоящаго вѣка усовершается.

10. Эти обѣ жизни, какъ и прежде насъ сказано (а), предобразовали двѣ жены блаженнаго Іакова, именно Лія и Рахиль (Быт. XXIX, 16). Потому что Лія значитъ многотрудная, а Рахиль—овца, или видѣнное начало. Но дѣятельная жизнь

а) *Augustin. lib XXII, contra Faustum c. 53. 55.*

многотрудна, потому что проливаетъ потъ на дѣлѣ; а созерцательная просто домогается видѣнія начала, именно Того, Кто говоритъ: *Я начатокъ, яко и глаголю вамъ* (Іоан. VIII, 25). Но блаженный Іаковъ хотя желалъ Рахили, но ночью получилъ Лію; потому что всякой, обращающійся къ Господу, желаетъ жизни созерцательной, домогается покоя вѣчнаго отечества; но прежде ему необходимо потрудиться въ ночи настоящей жизни въ дѣланіи добра, которое можетъ, попотѣть въ трудѣ, т. е. взять Лію, чтобы послѣ для видѣнія начала успокоиться въ объятіяхъ Рахили. Но Рахиль была видящая, а безплодная; Лія же гнойноглазая, но плодовитая; Рахиль красавица и безплодна, потому что созерцательная жизнь въ душѣ красива, но, желая покоиться въ молчаніи, не раждаетъ дѣтей проповѣдію. Видитъ и нераждаетъ; потому что, любя занятіе своимъ покоемъ, не воспламеняется къ собранію другихъ; и сколько видитъ внутри, не можетъ чрезъ проповѣдь открыть другимъ. Но Лія гнойноглазая и плодовитая; потому что дѣятельная жизнь, занимаясь дѣланіемъ, менѣе видитъ, но воспламеняя ближнихъ къ подражанію ей то словомъ, то примѣромъ, раждаетъ много дѣтей въ добромъ дѣланіи. И хотя не можетъ напрягать ума въ созерцаніи, однако же чрезъ внѣшнее дѣланіе можетъ

раждать послѣдователей. Итакъ справедливо въ мѣрѣ трости сперва говорится о шести локтяхъ, а послѣ о пядени; потому что прежде проводится дѣятельная, чтобы послѣ достигнуть созерцательной.

11. Но надобно знать, что какъ добрый порядокъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы стремиться отъ дѣятельной жизни къ созерцательной, такъ большею частію съ пользою душа возвращается отъ созерцательной къ дѣятельной, чтобы чрезъ то, чѣмъ воспламенитъ умъ созерцательная, совершеннѣе была проводима дѣятельная. Итакъ дѣятельная жизнь должна преносылать насъ къ созерцательной, а иногда изъ того, что умомъ узрѣли мы внутри, созерцательная должна возвращать къ дѣятельной. Почему тотъ же Іаковъ послѣ объятій Рахили возвратился къ Ліи, потому что и послѣ видѣннаго начала не должна быть рѣшительно оставляема многотрудная жизнь добраго дѣланія.

12. Но въ созерцательной жизни есть великое напряженіе ума, когда онъ возвышается къ небесному, когда душа напрягается къ предметамъ духовнымъ, когда усиливается стать выше всего, что кажется тѣлеснымъ, когда стѣсняется для того, чтобы расшириться. И хотя иногда препобѣждаетъ она, и становится выше борющагося съ нею мра-

ка слѣпоты ея такъ, что украдкою и тонко касается нѣкоторымъ образомъ неописаннаго свѣта: но тотчасъ отраженная возвращается къ самой себѣ, и отъ того свѣта, къ которому перешла испуская дыханіе, возвращается къ мраку слѣпоты своей вбирая дыханіе. Это хорошо объясняетъ священная исторія, которая повѣствуетъ о борьбѣ блаженнаго Іакова съ Ангеломъ. Ибо когда онъ возвращался къ своимъ родителямъ, тогда на пути встрѣтился съ Ангеломъ, съ которымъ имѣлъ великое препирательство въ борьбѣ (Быт. XXXII, 24). Ибо тотъ, кто борется, иногда преодолѣваетъ, а иногда бываетъ преодолѣваемъ тѣмъ, съ кѣмъ препирается. Итакъ Ангелъ означаетъ Господа, а Іаковъ во время борьбы съ Ангеломъ изображаетъ душу каждаго совершеннаго мужа и находящагося въ созерцаніи. Эта именно душа, когда усиливается созерцать Бога, будучи поставлена какъ бы въ нѣкоторую борьбу, иногда какъ бы преодолѣваетъ, потому что разумѣніемъ и чувствованіемъ вкушаетъ нѣчто отъ неописаннаго свѣта, а иногда падаетъ, потому что и отъ привкушенія опять устаетъ. Итакъ какъ бы препобѣждаемъ бываетъ Ангелъ, когда внутреннимъ разумѣніемъ постигается Богъ.

13. Но надобно замѣтить, что тотъ же побѣжденный Ангелъ прикоснулся къ нерву стегна Іако-

ва, и тотчасъ сдѣлалъ его изсохшимъ, и съ этого времени Іаковъ хромаетъ на одну ногу; потому что всемогущій Богъ, когда бываетъ познаваемъ желаніемъ и разумомъ, изсушаетъ въ насъ всякую похоть плоти. И мы, которые прежде, опираясь какъ бы на двѣ ноги, казались и стремящимися къ Богу, и придерживающимися міра, послѣ познанія сладости Божественной остаемся съ одною ногою здоровою, а другою хромающею; потому что необходимо по ослабленіи любви къ міру должна усилиться въ насъ одна любовь къ Богу. Итакъ, если мы удерживаемъ Ангела, то одною ногою храмлемъ; потому что, когда возрастаетъ въ насъ сила любви внутренней, тогда безъ сомнѣнія ослабѣваетъ сила плоти. Потому что всякой, кто храмлетъ на одну ногу, опирается на ту ногу, которая здорова; подобно сему, у кого земное пожеланіе будетъ уже изсушено, тотъ всею силою будетъ опираться на одну ногу любви къ Богу. И на ней онъ стоитъ, потому что ногу любви къ міру, которую обыкновенно ставилъ на землю, держитъ уже висящею надъ землею. Такъ и мы, если возвращаемся къ своимъ родителямъ, т. е. къ духовнымъ отцамъ, на пути должны удерживать Ангела, чтобы со внутреннею пріятностію имѣть понятіе о Богѣ. Ибо весьма пріятна сладость со-

зерцательной жизни, которая восхищаетъ душу выше ся самой, открываетъ небесное, земное же представляетъ стоющимъ презрѣнія, и взорамъ ума открываетъ духовное, сокрывая отъ нихъ тѣлесное. Поэтому хорошо Церковь въ Пѣсни пѣсней говоритъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. пѣсн. V, 2). Ибо спитъ съ бдительнымъ сердцемъ потому, что чрезъ внутренній успѣхъ созерцанія успокоивается отъ безпокойнаго внѣшняго дѣланія.

14. Но между тѣмъ надобно знать, что доколѣ живутъ (люди) въ этой смертной плоти, дотолѣ никто (изъ нихъ) не усовершается въ добродѣтели созерцанія такъ, чтобы могъ пристально смотрѣть умомъ уже на самый неописанный лучь свѣта. Ибо всемогущій Богъ не бываетъ видѣнъ уже въ славѣ своей, но душа видитъ нѣчто подъ нею (славою); освѣженная этимъ (видѣніемъ) дѣлаетъ дальнѣйшее преспѣяніе, и послѣ достигаетъ славы видѣнія Его. Ибо такъ Исаія, когда признавался, что онъ видѣлъ Господа, говоря: *бысть въ лѣто, въ неже умре Озія Царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ,* тотчасъ присовокупилъ: и то, что *было подъ нимъ, наполняло храмъ* (Ис. VI, 1) (а). Когда умираетъ Озія, царь гордый

а) Послѣдняя половина текста есть буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ она читается такъ:

и тщеславый, тогда дѣлается видимымъ Господь; потому что когда желаніемъ души умерщвляется гордость міра сего, тогда самая душа созерцаетъ славу Божію. И замѣчательно, что Господь сидитъ на престолѣ высокомъ и превознесенномъ (возвышенномъ). Ибо что значитъ престолъ Его, если не природа Ангельская и человѣческая, на которой Онъ присутствуетъ чрезъ дарованный Имъ разумъ? Онъ называется престоломъ именно высокимъ и превознесеннымъ; потому что и природа человѣческая, возвышенная до славы небесной, преуспѣваетъ, и природа Ангельская, когда при паденіи многихъ духовъ уже утверждена такъ на небѣ, чтобы не падать, оттуда возвышена, откуда и укрѣплена. Но храмъ Его тоже значитъ, что и престолъ; потому что вѣчный Царь обитаетъ тамъ, гдѣ сидитъ. Итакъ мы храмъ Его, въ душахъ которыхъ благоволитъ Онъ обитать. Но храмъ наполняло то, что было подъ Нимъ; потому что, что только бываетъ видимо отъ Него, не есть Онъ Самъ, но то, что подъ Нимъ. Такъ Іаковъ видѣлъ Ангела, и повѣдалъ, что онъ видѣлъ Господа (Быт. XXXII, 30); потому что когда мы видимъ служителей Его, тогда уже

---

et ea, quae sub eo erant, implebant templum. Его необходимо требуетъ дальнѣйшее объясненіе Святителя.

много значитъ то, что возвышаемся выше самихъ себя. Но надобно замѣтить, что говорится: *наполняло храмъ;* потому что, хотя является Ангелъ, однако же вполнѣ удовлетворяетъ желанію слабой души, такъ что, если она не можетъ еще (достигнуть) большаго, то дивится уже меньшему, которое видитъ. Итакъ то, что подъ Нимъ, наполняетъ храмъ; потому что, какъ сказано, когда душа и преуспѣваетъ въ созерцаніи, созерцаетъ не то еще, что Онъ есть, но то, что подъ Нимъ. Въ этомъ именно созерцаніи достигается сладость внутренняго покоя. Поелику этого покоя достигается какъ бы часть нѣкая, а совершеннаго покоя въ настоящее время достигнуть нельзя: то справедливо въ Апокалипсисѣ написано: *бысть безмолвіе на небеси яко полъ часа* (Апок. VIII, 1). Небо есть душа Проповѣдника, какъ говоритъ Господь чрезъ Пророка: *небо престолъ Мой* (Ис. LXVI, 1). И: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал, XVIII, 1). Итакъ когда въ душѣ водворяется покой созерцательной жизни, тогда бываетъ на небѣ безмолвіе; потому что шумѣ земныхъ дѣлъ затихаетъ отъ помышленія такъ, что душа прилагаетъ ухо ко внутренней тайнѣ. Но поелику сей покой души въ настоящей жизни не можетъ быть совершеннымъ; то не говорится, что безмолвіе на небѣ продолжалось цѣлый часъ, но

яко полъ часа, такъ что и полчаса, кажется, не полные, когда впереди поставлено *яко;* потому что тотчасъ какъ только душа начнетъ возвышаться, и озаряться свѣтомъ внутренняго покоя, при скоро возвращающемся шумѣ помысловъ она конфузится сама въ себѣ, и сконфуженная лишается свѣта. Итакъ созерцательная жизнь, которая тамъ (въ Апокалипсисѣ) называется какъ бы полчасомъ, у Пророка Іезикіиля называется не локтемъ, но пядію. Вотъ, возлюбленнѣйшіе братіе, желая уяснить причины той и другой жизни, мы черезъ чуръ обширно побесѣдовали. Но для добрыхъ душъ, которымъ любезна для проведенія та и другая жизнь, не должно быть утомительно объ этомъ слушать. — Далѣе слѣдуетъ: *и измѣри предстѣніе широту равно трости, и высоту его равно трости* (Іезик. XL, 5).

15. Всемогущій Богъ, Который ни отъ великаго не расширяется, ни малымъ не стѣсняется, говоритъ о всей въ совокупности Церкви такъ, какъ бы говоритъ объ одной душѣ. И часто, что Имъ говорится объ одной душѣ, то безпрепятственно можно разумѣть о всей Церкви въ совокупности. Итакъ широта зданія относится къ любви, о которой Псалмопѣвецъ говоритъ: *широка заповѣдь твоя зѣло* (Псал. CXVIII, 96). Ибо нѣтъ ничего обширнѣе, какъ принять всѣхъ на лоно любви, и не имѣть

никакихъ тѣснотъ ненависти. Потому что любовь такъ широка, что въ широту своего расположенія можетъ принимать даже враговъ. Поэтому и заповѣдуется: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Лук. VI, 27). Но намъ надобно размыслить и о томъ, что широта простирается по равности, а высота вверхъ. Итакъ *широта* относится къ любви ближняго, а высота къ благоговѣнію предъ Создателемъ. Но широта и высота зданія измѣряется одною тростію, потому именно, что каждая душа, сколько будетъ широка въ любви къ ближнему, столько и высока будетъ въ позпаніи Бога. Ибо когда она распространяется вокругъ себя любовію, тогда поднимается вверхъ познаніемъ; и бываетъ возвышена выше самой себя на столько, на сколько простирается около себя любовію къ ближнему. А поелику зданіе, обитаемое Богомъ, устрояется изъ Ангельской и вмѣстѣ человѣческой природы: то потому, что Ангельская природа вверху, а человѣческая еще на низу, можно разумѣть подъ широтою и высотою ту и другую природу; потому что эта (послѣдняя) живетъ еще на низу, а та пребываетъ въ горнихъ (селеніяхъ). Но та и другая измѣряется одною тростію; потому что уничиженіе людей ведется къ равенству съ Ангелами. Поэтому написано: *ни женятся, ни посягаютъ,*

но яко Ангели Божіи на небеси суть (Мат. XXII, 30). И поэтому чрезъ Іоанна говорится: *въ мѣру человѣческу, яже есть Ангела* (Апок. XXI, 17). Потому что человѣкъ возводится даже на ту высоту славы, на которой только Ангелы радуются. Итакъ широта зданія такая же, какая и высота; потому что всѣ избранные, которые только подвизаются на землѣ, нѣкогда равны будутъ онымъ блаженнѣйшимъ духамъ.

Но мы между тѣмъ обратимся къ душѣ, и всемъ сердцемъ искренно возлюбимъ Бога и ближняго. Разширимся въ дѣйствіи любви, чтобы возвыситься на высоту славы. Будемъ сострадательны по любви къ ближнему, чтобы соединиться чрезъ познаніе съ Богомъ. Будемъ уничижать себя на землѣ до меньшей братіи, чтобы на небѣ имѣть равенство съ Ангелами; потому что мужъ, который своимъ подобіемъ указываетъ на Искупителя, измѣрилъ широту зданія одною тростію, и высоту тоже одною тростію. Итакъ нынѣ измѣряетъ нравы, обсуживаетъ дѣла, прозираетъ помышленія, чтобы послѣ дать безконечное воздаяніе, Іисусъ Христосъ, Единородный (Сынъ) Отца, Который съ Нимъ живетъ и царствуетъ въ единеніи со Святымъ Духомъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТІЯ.

Въ объясненіи трехъ стиховъ преимущественно описывается зданіе Церкви, устроенное изъ всѣхъ Праведниковъ обоихъ Завѣтовъ.

1. Описывается мужъ, у котораго въ рукѣ трость мѣрительная. *И вниде во врата зрящая на востокъ* (Іезик. XL, 6). Но кто другой означается наименованіемъ сихъ вратъ, если не Самъ Господь и Искупитель нашъ, Который содѣлался для насъ дверію въ царство небесное? Такъ какъ Онъ Самъ говоритъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV, 6). Но когда мы сказали, что тотъ же самый мужъ, съ мѣрительными инструментами, представляетъ образъ Господа: то намъ надобно спросить, какимъ образомъ согласить, чтобъ одинъ и тотъ же Господь могъ быть означаемъ, и чрезъ мужа, и чрезъ врата, тогда какъ мужъ входитъ во врата? Уже ли же онъ входитъ въ себя Самаго?—Точно такъ; потому что и въ Евангеліи Онъ Самъ свидѣтельствуетъ, говоря: *не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, той тать есть и разбойникъ: а входяй дверми пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 1. 2). А чрезъ нѣсколько послѣ говоритъ: *Азъ есмь дверь* (Тамъ же, ст. 9). И еще

присовокупляетъ: *Азъ есмь пастырь добрый* (Тамъ же, ст. 14). Итакъ, если пастырь входитъ чрезъ дверь, а дверь—Онъ Самъ, Самъ пастырь: то безъ сомнѣнія Онъ входитъ чрезъ Себя Самаго. Вотъ, желая объяснить смыслъ Іезекіиля, мы присоединяемъ къ нему и вопросъ изъ Евангелія. Итакъ намъ надобно спросить, какимъ образомъ и Самъ Онъ входитъ, и чрезъ Себя Самаго входитъ? Ибо Господь и Искупитель нашъ со святою Церковію, которую искупилъ, по плоти едино существо, по свидѣтельству Павла, который говоритъ: *исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей за тѣло Его, еже есть Церковь* (Колос. I, 24). Этой главѣ своей радуется тѣло, то есть, святая Церковь, когда чрезъ Псалмопѣвца говоритъ: *и нынѣ се вознесе главу мою на враги моя* (Псал. XXVI, 6). Такъ какъ нѣкогда должна быть вознесена и сама она: то нынѣ уже радуется главѣ своей, вознесенной на небѣ надъ врагами ея. Итакъ, когда всѣ избранные переходятъ къ жизни; то потому, что члены Его чрезъ Него входятъ къ Нему, Онъ Самъ чрезъ Себя входитъ къ Себѣ. Ибо Самъ Онъ есть Тотъ, Который въ членахъ своихъ входитъ, Самъ глава, къ которой входящіе члены приходятъ. Это многообразно внушаетъ Пророкъ Іезекіиль, который говоритъ, что мужъ пришелъ къ воротамъ, и показываетъ,

что значатъ эти ворота, говоря: *зрящая на востокъ* (къ пути восточному). Ибо путь для насъ есть Самъ Тотъ, Кто сказалъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). Самъ Онъ и восточный путь, о которомъ написано: *се мужъ, востокъ имя Ему* (Захар. VI, 12). Итакъ ворота обращены къ востоку, потому что означаютъ Того, Кто проложилъ намъ путь къ восхожденію свѣта.

2. Можно разумѣть подъ именемъ воротъ и всякаго проповѣдника; потому что, кто своими устами отверзаетъ намъ дверь въ царство небесное, тотъ служитъ воротами. Поэтому и двѣнадцать воротъ описываются, какъ въ Апокалипсисѣ Іоанна (XXII, 21), такъ и въ послѣднемъ видѣніи сего Пророка. Не не прилично еще разумѣть подъ именемъ воротъ знаніе Св. Писанія, которое, открывая намъ смыслъ, отверзаетъ дверь въ царство небесное. Можемъ разумѣть подъ именемъ воротъ даже вѣру, которую принимаемъ мы первою, чтобы взойти въ зданія добродѣтелей. Поэтому здѣсь ясно присовокупляется: *и взошелъ чрезъ ступени ихъ* (воротъ) (Іезик. XL, 6) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ascendit per gradus ejus (portae)* Въ Славянскомъ переводѣ эта мысль слита съ предыдущею, и выражена такъ: *и вниде во врата зрящая на востокъ седмію степеньми.*

3. Ибо что значатъ ступени сихъ воротъ, если не заслуги добродѣтелей? Ибо, въ познаніи ли Посредника Бога и человѣковъ, человѣка Іисуса Христа, въ знаніи ли Божественнаго Слова, даже въ самой вѣрѣ, которую мы принимаемъ, мы восходимъ по степенямъ къ высшимъ приращеніямъ. Ибо никто вдругъ не бываетъ совершеннымъ, но въ добромъ житіи всякой начинаетъ съ меньшаго, чтобы восходить къ великому. Объ этихъ степеняхъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Богъ въ степеняхъ ея* (Церкви) *будетъ познаваемъ, когда будетъ принимать ее* (a) (Псал. XLVII, 4). Ибо когда Господь принимаетъ святую Церковь, тогда познается въ степеняхъ ея, потому что слава Его проявляется чрезъ ея наращенія. Ибо на сколько святая Церковь успѣетъ въ возвышеніи, на столько Богъ дѣлается вѣдомымъ для людей въ силахъ Его. И объ этихъ-то степеняхъ блаженный Іовъ говоритъ: *чрезъ всѣ отдѣльные степени мои возвѣщу Его* (Іов. XXXI,

---

a) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *Deus in gradibus ejus dignoscetur, dum suscipiet eam.* Славянскій переводъ: *Богъ въ тяжестехъ ея знаемъ есть, егда заступаетъ и,* и русскій: *Богъ въ чертогахъ Его знаемъ, какъ защитникъ,* показались не совмѣстными съ объясненіемъ Святителя.

37). (а). Потому что всемогущаго Господа чрезъ всѣ свои отдѣльные степени возвѣщаетъ тотъ, кто чрезъ пріумноженія добродѣтелей, которыя онъ пріемлетъ, всегда воздаетъ славу своего благоговѣнія. Если бы не было степеней въ восхожденіи сердечномъ, то Псалмопѣвецъ не сталъ бы говорить: *пойдутъ отъ силы въ силу* (Псал. LXXXIII, 8).

4. Не дивно, если есть степени отъ силы въ силу, когда каждая отдѣльная сила пріумножается какъ бы нѣкоторыми степенями, и такимъ образомъ чрезъ пріумноженія заслугъ возводится къ высшему. Ибо иное значатъ начала добродѣтели, иное успѣхъ (въ ней), иное совершенство. Ибо, если бы самая вѣра не была возводима къ совершенству своему чрезъ нѣкоторые степени; то святые Апостолы не стали бы говорить: *приложи намъ вѣру* (Лук. XVII, 5). И къ Іисусу приходитъ нѣкто, который желалъ изцѣленія сына своего, но вопрошенный о томъ, вѣруетъ ли онъ, отвѣтствуетъ: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX, 24). Прошу обсудить то, что говорится Если онъ вѣровалъ, то почему называлъ (свою вѣру) невѣріемъ?

а) Опять буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *per singulos gradus meos pronunciabo illum.*

А если онъ сознавалъ, что имѣетъ невѣріе, то какимъ образомъ вѣровалъ? Но поелику вѣра чрезъ сокровенное вдохновеніе благодати ростетъ по степенямъ заслугъ своихъ: то въ одно и тоже время тотъ, кто еще не совершенно вѣровалъ, и вѣровалъ, и вмѣстѣ былъ невѣрующимъ.

5. Эти именно степени Господь описываетъ подъ именемъ жатвы, говоря: *тако есть царствіе Божіе, якоже человѣкъ вметаетъ сѣмя въ землю: и спитъ, и востаетъ нощію и днію: и сѣмя прозябаетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ. Отъ себе бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ. Егда же созрѣетъ плодъ, абіе послетъ серпъ, яко наста жатва* (Марк. IV, 26—29). Человѣкъ бросаетъ сѣмя въ землю, когда насаждаетъ въ сердцѣ своемъ доброе намѣреніе (рѣшимость). И послѣ того, какъ бросилъ сѣмя, спитъ, потому что въ надеждѣ добраго дѣла успокоивается. Но онъ встаетъ ночью и днемъ, потому что усовершается среди несчастія и счастія. А сѣмя прозябаетъ и растетъ, когда онъ о томъ не знаетъ; потому что и тогда, когда еще онъ не можетъ измѣрить своихъ наращеній, однажды начатая добродѣтель ведется къ совершенству. И земля сама собою плодитъ; потому что по предваряющей благодати душа человѣка охотно встаетъ

для плодоприношенія добраго дѣланія. Но эта самая земля по себѣ производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ. Потому что производить зелень значитъ имѣть еще нѣжность добраго начала. Но зелень переходитъ въ колосъ, когда добродѣтель, укоренившаяся въ душѣ, переходитъ въ совершенство добраго дѣланія. Полное же зерно въ колосѣ производитъ, когда добродѣтель достигаетъ уже такого совершенства, что можетъ быть дѣломъ прочнымъ и совершеннымъ. И когда созрѣетъ плодъ, тотчасъ посылаетъ серпъ; потому что настала жатва. Ибо всемогущій Богъ посылаетъ серпъ къ произведенному плоду, и срѣзываетъ свою жатву тогда, когда, доведши кого либо до совершенныхъ дѣлъ, произнесеннымъ опредѣленіемъ пресѣкаетъ временную жизнь его, чтобы перемѣстить зерно свое въ небесныя житницы. Итакъ когда мы начинаемъ имѣть добрыя желанія, тогда бросаемъ сѣмя въ землю. Когда же начинаемъ дѣйствовать праведно, тогда мы зелень. А когда возрастаемъ до совершенства въ добромъ дѣланіи, тогда мы переходимъ въ колосъ. И когда укрѣпляемся въ совершенствѣ этого самаго добраго дѣланія, тогда мы уже приносимъ полное зерно въ колосѣ.

6. Ибо зеленью былъ Петръ, который, во время страданія по любви слѣдуя за Господомъ, убоялся исповѣдать Его на вопросъ служанки (Лук. XXII, 57). Ибо зелень была еще въ умѣ, потому что онъ вѣровалъ въ Искупителя всяческихъ, но будучи еще весьма колеблемымъ былъ попираемъ ногою страха. Онъ возрасъ уже въ колосъ, когда по благовѣстію Ангела увидѣлъ въ Галилеи живымъ Того, Кого страшился исповѣдать умирающаго. Но онъ содѣлался полнымъ зерномъ въ колосѣ, когда при сошествіи свыше Духа, и при укрѣпленіи въ любви къ Нему (Искупителю) своего духа, содѣлался твердымъ до того, что битый презиралъ силы преслѣдующихъ, и подъ ударами свободно проповѣдывалъ Искупителя своего (Дѣян. V, 29). Итакъ никто, видящій себя еще въ зелени ума къ доброму предположенію, не долженъ отчаеваться; потому что жито Божіе начинаетъ съ зелени, чтобы быть зерномъ.—Итакъ мужъ, имѣющій инструменты мѣрительные, приходитъ къ воротамъ; потому что Господь и Искупитель нашъ при входѣ Своихъ членовъ приводится къ Себѣ. И Онъ восходитъ по степенямъ ихъ (воротъ); потому что при нашемъ усовершенствованіи Онъ тѣмъ болѣе возвышается для насъ, чѣмъ яснѣе познается высокимъ и непостижимымъ. Онъ Самъ называется восходящимъ по

степенямъ нашихъ добродѣтелей; потому что тѣмъ высшимъ Онъ показывается намъ, чѣмъ далѣе наша душа отдѣляется отъ предметовъ дольнихъ.— Далѣе слѣдуетъ: *и измѣрилъ порогъ воротъ тростію единою въ широту, то есть, одинъ порогъ одною тростію въ широту* (Iезик. XL, 6) (a).

7. Почему послѣ того, какъ сказано, *порогъ воротъ*, тотчасъ присовокупляется: *одинъ порогъ*, если не потому, что ясно внушаетъ, что будетъ еще сказано: есть еще ниже другой порогъ? Но ворота поднимаются вверхъ съ порога, чтобы быть воротами. Итакъ, если ворота есть Господь: то кто служитъ порогомъ этихъ воротъ, если не тѣ древніе отцы, отъ рода коихъ благоволилъ воплотиться Господь?—Такъ какъ чрезъ Павла говорится: *ихже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5) Но надобно замѣтить въ этой мысли Павла, что въ ней названы боги и прочіе изъ людей, какъ Моисею говорится: *се дахъ тя бога Фараону* (Исх. VIII, 1). И чрезъ Псалмопѣвца говорится: *Азъ рѣхъ, бози есте*

a) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est limen portae calamo uno in latitudinem, id est, limen unum calamo uno in latitudinem.*

(Псал. LXXXI, 6). И еще: *Богъ ста въ сонмѣ богов* (Тамъ же, ст. 1). Но иное значитъ называться Богомъ по имени, а иное,—по естеству. И если Моисей былъ богомъ для Фараона, то называется богомъ среди всѣхъ, но не *надъ всѣми*. Но воплотившійся во чревѣ Дѣвы называется Богомъ *надъ всѣми*. Итакъ порогомъ воротъ служатъ древніе отцы, отъ которыхъ родился Тотъ, Кто отверзъ намъ входъ въ царство небесное. Но порогъ воротъ измѣряется одною тростію; потому что самые древніе отцы, которые могли проповѣдывать нашего Искупителя и пророчествомъ, и добродѣтельною жизнію, имѣли какъ бы шесть локтей въ совершеніи дѣла, и пядень въ началѣ созерцанія. Поелику же и совершенное дѣланіе, и начатое созерцаніе возвысило жизнь ихъ въ единеніе вѣры, то мѣра порога заключалась въ единой трости. — Далѣе слѣдуетъ: *и спальню одною тростію въ долготу, и одною тростію въ широту* (а).

8. Помыслимъ, что обыкновенно совершается въ спальнѣ, и оттолѣ сдѣлаемъ заключеніе къ тому, что совершается въ святой Церкви. Въ спаль-

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et thalamum uno calamo in longum, et uno calamo in latum.*

нѣ совокупляются женихъ и невѣста, и соединяются взаимно между собою въ любви. Итакъ что суть спальни въ святой Церкви, если не сердца тѣхъ, въ которыхъ душа любовію сочетавается съ невидимымъ женихомъ такъ, что горитъ желаніемъ Его, ничего уже не желаетъ въ мірѣ, продолжительность настоящей жизни считаетъ за наказаніе, поспѣшаетъ выгти изъ нея, и объятіями любви успокоиться въ видѣніи небеснаго жениха? Итакъ такая душа не принимаетъ никакого утѣшенія настоящей жизни, но сердечно вздыхаетъ о томъ, кого любитъ, волнуется, стремится, рвется къ нему; для ней самое здоровье тѣлесное дѣлается малоцѣннымъ; потому что она пронзена любовію; поэтому и въ Пѣсни пѣсней она говоритъ: *уязвлена есмь любовію азъ* (Пѣсн. пѣн. II, 5). Но худое здоровье того сердца, которое незнакомо съ болью отъ этой раны. Когда же начнетъ уже дышать желаніемъ небеснаго, и чувствовать рану любви, тогда здоровѣе становится отъ раны та душа, которая больна была отъ здоровья.

9. Но для души, крѣпко любящей жениха своего, есть одно обычное утѣшеніе въ медлительности настоящей жизни, если чрезъ то, что сама она разлучается отъ видѣнія Его, души другихъ дѣлаютъ успѣхъ по слову ея, и воспламеняются огнемъ

любви къ небесному жениху. Она скорбитъ, потому что видитъ, что разлучена; для ней печально все, что она видитъ; потому что еще не видитъ Того, Кого желаетъ видѣть. Но не малое утѣшеніе, какъ я сказалъ, составляетъ то, если во время сильной скорби души о разлукѣ чрезъ нея собираются многіе, чтобы медлительно видѣть Того со многими, Кого скорѣе желала видѣть одна. Поэтому опять въ Пѣсни пѣсней невѣста говоритъ: *подкрѣпите меня цвѣтами, и стисните меня яблоками, потому что я стражду любовію* (Пѣсн. пѣсн. II, 5) (а). Ибо что значатъ цвѣты, если не души, уже начинающія доброе дѣло, и испускающія запахъ желанія небеснаго? Что значатъ яблоки отъ цвѣтовъ, если не совершенныя уже добрыхъ (людей) души, которыя достигаютъ плода добраго дѣланія отъ начала святой рѣшимости? Итакъ душа, страждущая любовію, желаетъ быть подкрѣпленною цвѣтами, и стиснутою яблоками потому что, если ей не дозволяется еще видѣть Того, Кого желаетъ, то великимъ утѣшеніемъ служитъ для ней то, если она радуется успѣхамъ другихъ. Итакъ душа, страждущая святою любовію, подкрѣпляется цвѣтами и

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *fulcite me floribus, et stipate me malis, quia amore langueo.*

яблоками для того, чтобъ успокоеваться на добромъ дѣланіи ближняго, не имѣя еще возможности взирать на лице Божіе.

10. Прошу обсудить, какова была спальня Павла, который говорилъ: *мнѣ еже жити, Христосъ: и еже умрети, приобрѣтеніе есть* (илип. I, 21). На сколько соединялъ себя любовію со всемогущимъ Богомъ тотъ, который считалъ для себя жизнію только Христа, а смерть пріобрѣтеніемъ? Поэтому онъ еще говоритъ: *желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти, много паче лучше* (Тамъ же, ст. 23). Но вотъ мы увидимъ, какою любовію стражденъ ты, который желаешь разрѣшитися. Между тѣмъ, какъ ты видишь себя разлученнымъ, скажи, пожалуй, почему ты не желаешь быть подкрѣпленнымъ цвѣтами?—Онъ рѣшительно желаетъ, потому что далѣе слѣдуетъ: *а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Тамъ же, ст. 24). А преуспѣвающимъ ученикамъ говоритъ: *кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія; не и вы ли предъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (1 Солун. II, 19).

11. Поэтому-то говорится, что эта спальня мѣрою въ одну трость долготы, и въ одну трость широты. Потому что долгота указываетъ на терпѣливость ожиданія, а широта на обширность люб-

ви. Слѣдовательно всякій имѣетъ спальню на столько въ долготу, на сколько можетъ имѣть и въ широту; потому что душа, пламенѣющая желаніемъ небеснымъ, на сколько будетъ имѣть любви къ назиданію ближняго, на столько будетъ имѣть и терпѣнія въ ожиданіи Бога, и терпѣливо переносить медленность долготы; потому что широта любви распространяется на преспѣяніи ближняго. Долгота ещё можетъ означать продолжительность терпѣнія, оказываемаго къ ближнему. А посдику широта означаетъ любовь, которая отверзаетъ лоно души, и принимаетъ на него въ любовь какъ друзей, такъ вмѣстѣ и враговъ: то долгота спальни такова, какова широта; потому что на сколько душа расширена будетъ любовію, на столько будетъ и терпѣлива въ ожиданіи. Ибо каждый терпитъ ближняго на столько, на сколько любитъ его. Ибо если ты любишь, то терпишь; а если перестаешь любить, то перестаешь и терпѣть. Такъ какъ мы не любимъ того, кого не терпимъ; потому что при усиленіи отвращенія скоро приводятся на память дѣла ближняго, которыхъ для насъ не смягчаетъ неро любви. — Далѣе слѣдуетъ: *и между спальнями пять лакотъ* (а).

а) Опять буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et inter thala-*

12. Пророкъ выше сказалъ объ одной спальнѣ, а послѣ говоритъ, что по пяти лакотъ между спальнями, именно потому, что многія спальни составляютъ одну спальню, такъ и многія Церкви называются единою Церковію. Поэтому и въ Апокалипсисѣ Іоанна описываются семь Церквей, чрезъ которыя означается одна вселенская. Итакъ тѣ, которые въ святой Церкви, какъ сказали мы, жаждутъ отъ пламенной любви видѣть Бога, и уже соединяются съ Нимъ чрезъ желаніе, называются спальнями. Но есть въ ней нѣкоторые, не имѣя силы проникать въ утонченное, и стѣсняемые еще пятью тѣлесными чувствами, на столько менѣе любятъ Того, Кто сотворилъ все, на сколько обширнѣе разсѣеваются по тому, что сотворено. И хотя они уже желаютъ упражняться въ страхѣ Божіемъ, и простирать любовь на ближняго, тѣлесно творить добрыя дѣла, искупать грѣхи милостынями: но поелику они не умѣютъ пламенѣть внутреннею любовію къ небесному желанію, то удерживаются еще какъ бы побѣждаемые тѣлесными чувствами. Итакъ они

---

mos, quinque cubitos Въ Славянскомъ переводѣ, какъ предыдущія мысли, такъ и послѣдующія такъ темны, что мыслящему читателю нѣтъ никакой возможности составить себѣ ясное понятіе о дѣлѣ, описываемомъ Пророкомъ.

не спальни, но промежутки между спальнями; потому что чрезъ руководство тѣхъ, которые рѣшительно любятъ видѣніе Бога, и сами направляются къ усовершенствованію души. Слѣдовательно, между спальнями пять лакотъ; потому что тѣ, которые еще не возникаютъ къ таинственному разумѣнію отъ пяти внѣшнихъ чувствъ, когда между ними есть такіе, которые горятъ духомъ любви, преуспѣваютъ въ устроеніи вѣры, какъ бы помѣщаемые между спальнями, а отъ мѣры небеснаго зданія не отдѣлены. Ибо они и не много отвлекаютъ себя отъ пожеланія тѣлесныхъ чувствъ, и разширеннымъ пространствомъ души, послѣдуя любви, которую видятъ, примыкаютъ оттуда и отсюда къ спальнямъ. А что они описаны не шестью локтями, но пятью; то этимъ еще обозначается самое несовершенство ихъ.

13. Впрочемъ они за доброе желаніе значатся въ мѣрѣ духовнаго зданія; потому что и голосомъ святой Церкви чрезъ Псалмопѣвца говорится: *несодѣланное мое видѣсте очи твои, и въ книзѣ твоей вси напишутся* (Псал. CXXXVIII, 16). Поэтому и еще тотъ же Псалмопѣвецъ говоритъ: *благословилъ есть* (вся) *боящіяся Господа, малыя съ великими* (Пcал. CXIII, 21). Итакъ они, хотя несовершенны и малы, однако же по силѣ своего по-

знанія любятъ и Бога и ближняго, а потому не нерадятъ о дѣланіи добра, которое могутъ. Они хотя еще не достигаютъ дарованій духовныхъ, такъ чтобъ или дойти до совершенной дѣятельности, или до пламеннаго душевнаго созерцанія, однако же не отступаютъ отъ любви къ Богу и ближнему, на сколько могутъ понимать ее сердцемъ. Поэтому-то и они, хотя и на нисшемъ мѣстѣ, положены впрочемъ въ зданіи святой Церкви; потому что хотя они быть можетъ меньшіе въ отношеніи къ ученію, къ пророчеству, къ благодати чудесъ, къ рѣшительному презрѣнію міра, однако же стоятъ на основаніи страха и любви, на которомъ утверждаются; потому что, хотя они не горятъ огнемъ желанія небеснаго, однако же одушевляются теплотворомъ любви въ самыхъ внѣшнихъ дѣлахъ, которыхъ исполняютъ достаточно, и содержатся между зданіями преимуществующихъ предъ ними ближнихъ. Поэтому и справедливо въ Пѣсни пѣсней невѣста говоритъ: *одръ сотвори себѣ Царь Соломонъ отъ древесъ ливанскихъ. Столпы его сотвори сребряны, и восклоненіе его злато: восходъ его багрянъ, внутрь его каменіе постлано, любовь отъ дщерей Іерусалимскихъ* (Пѣсн. пѣсн. III, 9. 10). Невѣроятно, чтобы Соломонъ, Царь толикаго величія, который изобиловалъ такими несмѣтными богатствами, что не могъ

знать цѣны вѣсу своего золота, и не имѣлъ смѣты во дни оны серебру, устроилъ одръ для себя деревянный. Но этотъ Соломонъ есть именно тотъ Миротворецъ, Который устроилъ для себя одръ изъ деревъ Ливанскихъ. Потому что дерева съ Ливана кедровыя весьма прочны.

14. Итакъ одромъ нашего Царя служитъ святая Церковь, которая устроена изъ крѣпкихъ отцовъ, т. е изъ прочныхъ душъ. Она правильно называется одромъ, потому что ежедневно переноситъ души къ вѣчному сожитію съ Создателемъ своимъ. У этого одра столпы сдѣланы серебряные, потому что проповѣдники святой Церкви сіяютъ свѣтомъ слова. Между этими серебряными столпами восклоненіе (возглавіе) золотое, такъ какъ чрезъ то, что ясно говорится святыми проповѣдниками, души слушателей находятъ блескъ внутренней ясности, на которую восклоняются. Ибо чрезъ то, что они вразумительно и ясно понимаютъ, успокоеваются на томъ, что проясняется въ сердцѣ. Итакъ столпы у ней серебряные, а восклоненіе сдѣлано золотое; потому что при свѣтѣ слова обрѣтается въ душѣ ясность покоя. Потому что тотъ внутренній блескъ освѣщаетъ душу такъ, что она чрезъ вниманіе успокоевается тамъ, гдѣ не требуется благодати проповѣданія. Объ этой самой святой Церкви написано:

крилѣ голубинѣ посребрени, и междорамія ея въ блещаніи злата (Псал. LXVII, 14). Ибо она, исполненная здѣсь духомъ кротости, какъ бы голубица, имѣетъ крылья покрытыя серебромъ, а на задней части спины своей содержитъ видъ золота; потому что здѣсь она облекаетъ проповѣдниковъ своихъ блескомъ слова; въ послѣднемъ же вѣкѣ показываетъ сіяніе славы на себѣ самой. Но каковъ долженъ быть восходъ къ тому, что ясно открывается внутри, она (Церковь) присовокупляетъ, когда о томъ же самомъ одрѣ тотчасъ говоритъ: *восходъ его багрянъ* (Пѣсн. пѣсн. III, 10). Истинно, она багряна, потому что омочается въ крови, и справедливо является въ кровяномъ цвѣтѣ. И поелику несмѣтное множество вѣрующихъ въ началѣ раждающейся Церкви перешло въ царство черезъ кровь мученичества: то Царь нашъ содѣлалъ восходъ на одръ багрянымъ; потому что до ясности, усматриваемой внутри, достигается чрезъ пролитіе крови.

15. Итакъ что мы, несчастные и лишенные всякаго мужества, что будемъ дѣлать? Вотъ, въ этомъ одрѣ мы не можемъ быть столпами, потому что въ насъ нѣтъ ни мужества на дѣлѣ, ни блеска проповѣданія. Золотаго возглавія мы не имѣемъ; потому что еще не видимъ, какъ слѣдуетъ, чрезъ духовное разумѣніе покоя внутренней славы. Мы

не багряный восходъ; потому что не имѣемъ силы пролить кровь за нашего Искупителя. Итакъ что намъ дѣлать? Чего намъ надѣяться, если никто не достигаетъ царства, развѣ того, кто одаренъ высшими силами? Но есть и для насъ утѣшеніе. Возлюбимъ, на сколько можемъ, Бога, возлюбимъ и ближняго; и мы будемъ принадлежать къ одру Божію, потому что онъ, какъ тамъ написано: *устланъ среднею любовію* (а). Имѣй только любовь, и безъ сомнѣнія достигнешь туда, гдѣ и столпы серебряные ставятся, и багряный восходъ содержится. Такъ какъ это говорится ради нашей слабости, то ясно показывается, когда тамъ тотчасъ присовокупляется: *ради дщерей Іерусалимскихъ* (б). Ибо слово Божіе, не говоря о сынахъ, и говоря о дщеряхъ; что другое обозначило женскимъ поломъ, если не слабость душъ? Итакъ что тамъ говорится о помѣщеніи посредствующей любви среди посребряныхъ столповъ, золотаго возглавія, и багрянаго восхода, *ради дщерей Іерусалимскихъ*: то здѣсь означается пятью локтями между спальнями; потому что и тѣ, которые слабы силами, если съ любовію не отказывают-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ этотъ текстъ читается такъ: *media charitate constraut (scilicet Salamo).*

б) *Propter filias Ierusalem.*

ся творить добрыя дѣла, которыя могутъ, не отчуждены отъ зданія Божія.—За тѣмъ слѣдуетъ: *и порогъ воротъ по внутреннему крыльцу воротъ, одною тростію* (а).

16. Когда о порогѣ, который теперь только описывается, говорится, что онъ находится внутри по крыльцу воротъ: то ясно показывается, что порогъ, описанный прежде, былъ внѣшній. Но если ворота означаютъ Господа, то поищемъ, кто служитъ порогомъ воротъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Ибо чрезъ порогъ всякой входитъ въ ворота. И что значатъ эти два порога, если не отцы Ветхаго Завѣта, и отцы Новаго Завѣта? Потому что не только эти, отъ которыхъ благоизволилъ Господь воплотиться, но и всѣ отцы Ветхаго Завѣта были порогомъ воротъ Его; такъ какъ они, сподобившись проповѣдать Его и уповать на Него, открывали входъ вѣры для всѣхъ грядущихъ къ Нему; и всѣ, которые чрезъ нихъ увѣровали въ Господа, взошли какъ бы черезъ порогъ въ ворота Его. Но почему прежде говорится о внѣшнемъ порогѣ, а послѣ о внутреннемъ, если не потому, что прежде были отцы Ветхаго Завѣта, а послѣ учители Новаго За-

---

а) *Et limen portae juxta uestibulum portae intrinsecus, calamo uno.*

вѣта? По справедливо внѣшній порогъ означаетъ отцовъ Ветхаго Завѣта; потому что ихъ проповѣдію были наказуемы дѣла нечестія. А чрезъ ученіе новыхъ отцовъ обуздывается даже духъ въ недозволенныхъ помыслахъ, такъ что даже совершенный является виновнымъ на судѣ сердца. Потому что тѣ старались удерживать души слушателей отъ преступленій, отъ жестокостей, отъ хищничества; а эти, возбраняя не только дѣла развратныя, но и помыслы непозволительные, чѣмъ другимъ содѣлались для насъ, если не внутреннимъ порогомъ? Поэтому-то и сама Истина говоритъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣвающійся на брата своего всуе, повиненъ есть суду* (Мат. V, 21, 22). И справедливо внѣшній порогъ означаетъ тѣхъ отцовъ, которые долго стояли по промежуткамъ времени отъ самаго воплощенія нашего Искупителя. А именно, страданіе Церкви началось уже отъ крови Авелевой, и одна есть Церковь избранныхъ, предшествующихъ и послѣдующихъ. Но поелику ученикамъ говорится: *мнози Пророцы и Царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша* (Лук. X, 24): то значитъ, что древніе отцы стояли какъ бы внѣ, и тѣлесно не видѣли явленія нашего Искупителя. Итакъ они бы-

ли внѣ, однакоже не отдѣлены отъ Церкви; потому что въ умѣ, въ дѣлахъ, въ проповѣданіи, они уже содержали тѣ таинства вѣры, взирали на ту высоту святой Церкви, которую мы видимъ уже не чаяніемъ, но въ исполненіи. Ибо какъ мы спасены въ прошедшемъ страданіи нашего Искупителя, такъ и они чрезъ вѣру въ тоже самое (страданіе) грядущее. Слѣдовательно, они внѣ, но не внѣ таинства, а внѣ времени.

17. Поэтому и въ устроеніи Скиніи заповѣдано было, чтобы внутри были поставляемы столпы серебряные, а снаружи кругомъ были вколачиваемы колья мѣдные, на которыхъ должна была держаться привязанная палатка. Итакъ внутри ставятся столпы серебряные, а снаружи вколачиваются колья мѣдные, а на нихъ были привязаны веревки для того, чтобы палатка стояла неподвижно; такъ какъ для того, чтобъ святые Апостолы были непоколебимы во свѣтѣ слова своего, чтобы вся Скинія, т. е. святая Церковь неподвижно стояла въ цѣлости вѣры, отцы Ветхаго Завѣта и Пророки поставлены совнѣ, какъ бы колья, для того, чтобъ они веревками словъ своихъ подкрѣпляли души Проповѣдниковъ въ непоколебимости, и это жилище Божіе связывали въ стояніи вѣры. Итакъ внѣ находятся тѣ колья, которые были прежде времени сей святой Церкви. Но

не смотря на то, ихъ связываютъ тѣ, которые находятся внутри ея; потому что, предсказывая объ имѣющихъ открыться небесныхъ таинствахъ, они содѣлали ихъ вѣроятными для всѣхъ, послѣ того, какъ онѣ открыты. Итакъ для того, чтобы столпы внутри стояли неподвижно, ихъ совнѣ колья поддерживаютъ веревками; потому что для того, чтобъ святые Апостолы совершенно вѣровали таинству воплощенія Господня, ихъ поддержала проповѣдь тѣхъ, которые могли и предвидѣть оное, и предсказывать о немъ прежде, нежели оно совершилось. Поэтому-то справедливо и самъ первый изъ Апостоловъ, именно великій столпъ истинной Скиніи, говоритъ: *имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, емуже внимающе яко свѣтилу сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ* (2 Петр. I, 19). Этими словами онъ показываетъ, что хотя она (истинная Скинія) возвысилась верхомъ выше, но тамъ остается привязанною въ вѣрѣ. Впрочемъ этотъ свѣтильникъ пророческаго слова, хотя для разумѣвающихъ уже свѣтитъ, но для не разумѣвающихъ остается еще покрытымъ мракомъ аллегорій. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца объ этихъ самыхъ изреченіяхъ Пророческихъ говорится: *темна вода во облацѣхъ воздушныхъ* (Псал. XVII, 12), именно потому, что знаніе въ Пророкахъ покрыто мракомъ. Не безъ осно-

ванія столпы устроены серебряные, а колья мѣдные; потому что о томъ, о чемъ уже ясно проповѣдають Апостолы, Пророки темно говорили подъ таинственнымъ смысломъ. Поэтому означены металломъ мѣди тѣ, которые не были ясными въ проповѣдяхъ своихъ. Но святые Апостолы за то, что имѣли свѣтъ въ проповѣди о таинствѣ нашего Искупителя, названы серебряными столпами. И надобно замѣтить, что серебро звучитъ и сіяетъ, а мѣдь звучитъ, а не сіяетъ; потому что проповѣдники Новаго Завѣта ясно говорили о томъ, на что могли указывать. А проповѣдники Ветхаго Завѣта, потому что произносили темныя изреченія чрезъ тѣнь иносказаній о небесномъ таинствѣ, издавали какъ бы звукъ безъ сіянія. Итакъ, что тамъ означается чрезъ колья и столпы, то здѣсь — чрезъ порогъ внѣшній и порогъ внутренній.

18. Но если мы въ этомъ мѣстѣ признаемъ за ворота Св. Писаніе: то и оно имѣетъ два порога — внѣшній и внутренній; потому что раздѣляется на буквальный смыслъ и иносказательный. Потому что внѣшній порогъ Св. Писанія есть литтера, а внутренній порогъ его — аллегорія. Такъ какъ мы чрезъ букву переходимъ къ аллегоріи; то какъ бы переходимъ отъ порога внѣшняго къ порогу внутреннему. И есть въ немъ (Писаніи) много такого, что по бук-

вѣ назидаетъ душу такъ, что душа слушающаго чрезъ то, что дѣлается совнѣ, увлекается внутрь. Потому что тамъ мы находимъ проповѣди дѣла и примѣры добродѣтели; тамъ заповѣдуется, что намъ должно дѣлать даже тѣлеснымъ образомъ; тамъ то, что поставляется въ обязанность для исполненія, показывается на дѣлѣ святыхъ и сильныхъ мужей такъ, что послѣ того, какъ яснѣйшія заповѣди и примѣры праведниковъ настроять насъ къ доброму житію, мы устремляемся тогда душею къ порогу внутреннему, т. е. къ таинственному смыслу внутренняго созерцанія, если можемъ. Заботьтесь, прошу, возлюбленнѣйшіе братіе, размышлять о словахъ Божіихъ, не презирайте посланій нашего Искупителя, къ намъ написанныхъ. Весьма много значитъ то, чтобы чрезъ нихъ душа возникала къ теплотѣ, дабы не оцепенѣвать отъ холода своего нечестія.

19. Когда мы познаемъ, что предшествовавшіе праведники мужественно то содѣлали, и сами располагаемся къ мужеству на добрыя дѣла: тогда духъ читающаго загорается отъ пламени святыхъ примѣровъ. Онъ видитъ, какія доблести совершены ими, и сильно досадуетъ на себя, что тому не послѣдуетъ. Поэтому справедливо голосомъ жениха къ невѣстѣ въ Пѣсни пѣсней говорится: *яко столпъ*

Давидовъ выя твоя, созданъ въ Θалпіоѳъ (а): *тысяча щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ* (Пѣсн. пѣсн. IV, 4). Ибо въ выѣ (шеѣ) горло, а въ горлѣ голосъ.

20. Итакъ что означается чрезъ выю святой Церкви, если не священныя ея вѣщанія? Если упоминается въ ней о тысячѣ висящихъ щитовъ: то чрезъ это опредѣленное число показывается число неопредѣленное; потому что все наше укрѣпленіе содержится въ священномъ вѣщаніи. Потому что тамъ заповѣди Божіи, тамъ примѣры праведниковъ. Ибо если душа не имѣетъ расположенія къ своему Создателю, то пусть слушаетъ, что говорится: *возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею* (Мат. XXII, 37). Если она питаетъ ненависть къ ближнему: то пусть слушаетъ, что говорится: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Тамъ же, ст. 39). Если она желаетъ чужой собственности, то пусть слышитъ, что тамъ написано: *не пожелай вещи ближняго твоего* (Исх. XX, 17). Если душа воспламеняется гнѣвомъ на обиду, нанесенную со

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ эта мысль читается такъ: *quae aedificata est cum propugnaculis suis*, т. е. который (столпъ) устроенъ съ своими укрѣпленіями.

стороны ближняго словомъ, или дѣломъ: то пусть слушаетъ, что говорится: *да не отмщаетъ рука твоя, и да не враждуеши на сыны людей своихъ* (Левит. XIX, 18). Если душа уязвляется злымъ пожеланіемъ плоти: то, дабы глазъ не послѣдовалъ за мыслію, пусть слушаетъ, что не много выше сказано: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мат. V, 28). Допускаетъ ли кто душѣ своей разслабѣвать до ненависти противъ врага? Пусть слушаетъ, что тамъ написано: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мат. V, 44). А тотъ, кто чужаго уже не похищаетъ, но еще быть можетъ, безпорядочно скупъ на свою собственность, пусть слушаетъ, что тамъ говорится: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню* (Лук. XII, 33). Желаетъ ли душа слабаго наслаждаться Богомъ и вмѣстѣ вѣкомъ? Пусть слышитъ, что тамъ написано: *никтоже можетъ двѣма господинома работати* (Мат. VI, 24). Иной удерживаетъ достояніе не для необходимости содержанія, но ради прихоти пожеланія. Пусть онъ слышитъ, что тамъ говорится: *иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. XIV, 33). Ибо нѣкоторые оставляютъ все, а многіе отказываются даже отъ владѣнія; потому что владѣемымъ пользуют-

ся такъ, что не имѣютъ къ нему никакого пристрастія. Желаетъ ли кто лѣниться, и убѣгаетъ труда ради Господа даже тогда, когда имѣетъ силы? Пусть слышитъ, что тамъ написано: *иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. XI, 23). Итакъ на выи святой Церкви, т. е. на проповѣди священнаго Писанія, которое по своей крѣпости и высотѣ называется подобнымъ башнѣ Давидовой, висятъ тысячи щитовъ; потому что сколько тамъ заповѣдей, столько и защитъ для нашей груди.

21. Итакъ, нужно ли намъ во смиреніи сохранять невинность даже обиженнымъ отъ ближняго? Представимъ Авеля (Быт. IV, 8), о которомъ пишется, что онъ убитъ братомъ, а не пишется, чтобъ онъ съ нимъ препирался. Потребна ли чистота души даже въ супружескомъ союзѣ? — Надобно подражать Эноху, который и въ супружескомъ состояніи ходилъ предъ Богомъ, *и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ* (Быт. V, 24). Рѣшаемся ли мы предпочитать заповѣди Божіи настоящей нашей пользѣ? — Представимъ Ноя, который оставивъ домашнюю заботу, по повелѣнію Господню, въ сотыхъ годахъ занялся строеніемъ ковчега (Быт. VI, 14). Усиливаемся ли мы достигнуть добродѣтели послушанія? Должны взирать на Авраама (Быт. XII, 5), который, оставивъ домъ, знакомыхъ, отечество, по

послушанію пошелъ въ страну, которая обѣщана ему въ наслѣдство, и пошелъ не зная, куда итти (Евр. XI, 8); который ради вѣчнаго наслѣдія готовъ былъ принести въ жертву возлюбленнаго своего, рожденнаго по обѣтованію наслѣдника. А поелику онъ не усумнился пожертвовать Господу единаго (сына): то въ сѣмени получилъ все множество языковъ (Быт. XXII, 16. 17). Нравится ли кому простота нравовъ? Пусть представитъ Исаака, котораго въ очахъ всемогущаго Бога украшала кротость его жизни (Быт. XXIV и слѣд.). На вопросъ: какъ должно пріобрѣтать многотрудное мужество?— Пусть приводятъ на память Іакова (Быт. XXIX, 20. XXX, 29), который послѣ того, какъ сумѣлъ мужественно прослужить человѣку, достигъ до такой силы, что не могъ быть препобѣжденъ отъ боровшагося съ нимъ Ангела (Быт. XXXII, 25). Стараемся ли мы препобѣждать прелесть плоти?— Пусть приходитъ на память Іосифъ, который во время искушенія его госпожею старался сохранить цѣломудріе даже съ опасностію жизни (Быт. XXXIX, 12. 20). Отъ этого произошло то, что такъ какъ онъ хорошо умѣлъ управлять своими членами, содѣланъ былъ управителемъ и надъ всѣмъ Египтомъ. Желаемъ ли мы стяжать кротость и терпѣніе?— Будемъ представлять себѣ Моисея (Числ. XII, 3),

который, управляя шестью стами тысячъ вооруженныхъ, исключая дѣтей и женъ, по описанію былъ *человѣкомъ кроткимъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли*. Возгараемся ли ревностію правды противъ пороковъ?—Пусть представляется Фінеесъ (Числ. XXV, 7. 8. 11), который, мечемъ проколовъ насквозь имѣвшихъ соитіе, возвратилъ народъ къ чистотѣ, и гнѣвный умилостивилъ гнѣвъ Божій. Желаемъ ли мы въ сомнѣніяхъ напередъ имѣть надежду на всемогущаго Бога? Будемъ памятовать объ Іисусѣ Навинѣ (III, 5. 8), который когда вступалъ въ сомнительныя битвы съ вѣрною мыслію, достигалъ побѣды безъ сомнѣнія. Желаемъ ли оставить сердечныя непріятности, и проявить душу въ благости? Вспомнимъ о Самуилѣ (1 Цар. VIII, 5), который, будучи лишенъ народомъ власти, па прошеніе тогоже самаго парода о молитвѣ за него Господу отвѣчалъ, говоря: *да никакоже ми согрѣшити Господу, оставити еже молитися о васъ ко Господу* (Тамъ же, XII, 23). Потому что святый мужъ вѣрилъ, что онъ учинитъ преступленіе, если не воздастъ въ молитвѣ благодатною любовію тѣмъ, которыхъ, какъ враговъ, терпѣлъ до низложенія. Онъ же опять, когда по повелѣнію Господа былъ посылаемъ помазать Давида въ Царя, отвѣчалъ: *како пойду; и услышитъ Саулъ, и убіетъ мя* (Тамъ

же, XVI, 2). И не смотря на то, что зналъ, что на этого самаго Саула Богъ прогнѣвался, предался такой скорби, что ему лично Господь сказалъ: *доколѣ ты плачеши о Саулѣ, Азъ же уничижихъ его* (Тамъ же, 1). Итакъ помыслимъ, какой жаръ любви воспламенялъ душу того, кто плакалъ даже о томъ, отъ кого опасался быть убитымъ. Желаемъ ли мы остерегаться того, кого боимся?—Намъ основательно надобно подумать о томъ, дабы при открывшемся удобномъ мѣстѣ самимъ не воздать зломъ за зло тому, кого мы бѣгаемъ. Поэтому вспомнимъ о Давидѣ, который и нашелъ и могъ бы убить Царя, преслѣдующаго его, и однако же, въ самомъ разгарѣ гнѣва, онъ избралъ добро, которое самъ долженъ былъ дѣлать, а не зло, которое тотъ долженъ былъ потерпѣть заслуженно, говоря: *да не будетъ ми отъ Господа нанести руку мою на Христа Господня* (1 Цар. XXIV, 7. XXVI, 11). И когда тотъ же Саулъ послѣ былъ убитъ врагами, то онъ (Давидъ) плакалъ о смерти того, отъ кого при жизни терпѣлъ преслѣдованія (2 Цар. I, 17). Рѣшаемся ли мы свободно говорить о заблужденіяхъ могущимъ міра сего?—Приведемъ на память авторитетъ Іоанна, который, обличая нечестіе Ирода, не убоялся быть убитымъ за правоту слова (Марк. VI, 18. 27). А поелику Христосъ есть истина, слѣдо-

вательно онъ (Іоаннъ) положилъ душу за Христа, потому что за истину. Спѣшимъ ли мы уже плоть свою предать за Бога смерти? Да приходитъ на память Петръ (Дѣян. V, 41), который среди бичеваній радуется, который израненный противостоитъ начальникамъ, который за жизнь презираетъ свою жизнь. Располагаемся ли мы по желанію смерти презирать несчастія?—Представимъ Павла, который, будучи готовъ, не только быть связаннымъ, но и умереть за Христа, не такъ дорожитъ своею жизнію, какъ собою (Дѣян. XX, 22—24). Желаемъ ли мы, чтобы сердце наше горѣло огнемъ любви? Обсудимъ слова Іоанна, у котораго все, что онъ говоритъ, курится отъ огня любви (1 Іоан. 1 и далѣе).

22. Итакъ, поелику мы во гласѣ Св. Писанія находимъ, когда желаемъ, подкрѣпленія для каждой добродѣтели: то *тысяча щитовъ виситъ на немъ, вся стрѣлы сильныхъ* (Пѣсн. пѣсн. IV, 4). Ибо если мы желаемъ сражаться противъ духовъ нечестія: то должны отыскивать защитительное оружіе на выи Церкви, которая воздвигнута для насъ, яко столпъ Давидовъ, т. е. въ Божественномъ Писаніи, чтобы по опредѣленію заповѣди взимать силу помощи противъ пороковъ. Ибо вотъ—если мы спѣшимъ укрѣпиться противъ властей воздушныхъ: то на этомъ

столпѣ находимъ вооруженіе для души нашей, чтобъ оттуда взять заповѣди Создателя и примѣры предшествовавшихъ (отцевъ), которыми непобѣдимо можемъ вооружиться противъ враговъ нашихъ. Когда ты желаешь исполнить какую либо добродѣтель,— и эту видишь уже исполненною отцами тамъ же, гдѣ находишь свое вооруженіе, которымъ укрѣпляешься противъ духовныхъ воителей. Посьику на немъ виситъ тысяча щитовъ: то желающій сражаться пусть беретъ ихъ, и ими укрѣпляетъ грудь, и бросаетъ стрѣлы словъ.

23. И надобно замѣтить, что онѣ (столпъ) устроенѣ съ своими укрѣпленіями. Потому что укрѣпленія производятъ тоже, что и щиты, такъ какъ тѣ и другіе защищаютъ сражающагося. Но между тѣми и другими различіе состоитъ въ томъ, что щитъ для своей обороны мы можемъ двигать, куда захотимъ; а укрѣпленіемъ мы можемъ защищаться, но передвигать его не можемъ. Щитъ въ рукѣ, а укрѣпленія нельзя держать. Итакъ что за различіе между укрѣпленіями и щитами, если не то, что въ Св. Писаніи мы читаемъ и о чудесахъ предшествовавшихъ отцевъ, и слушаемъ о подвигахъ въ добрыхъ дѣлахъ? Ибо тамъ мы познаемъ, что иной могъ раздѣлять море, иной—останавливать солнце, иной — воскрешать умершаго, иной — словомъ воз-

*

становлять разбитаго параличемъ, иной — тѣнію изцѣлять больныхъ, иной своими платками и полотенцами прекращать болѣзни (Дѣян. XIX, 12). Но всѣ они были кротки и долготерпѣливы, и пламенѣли ревностію къ правдѣ; богаты проповѣдію слова, и вмѣстѣ щедростію милосердія. Итакъ они истину своей проповѣди о Богѣ свидѣтельствуютъ чудесами, потому что они не содѣвали бы ихъ чрезъ Него, если бы не говорили истины о Немъ. А какъ они были благочестивы, какъ смиренны, какъ благосклонны, объ этомъ свидѣтельствуютъ дѣянія ихъ. Итакъ, если мы испытываемъ самихъ себя въ вѣрѣ, которую приняли отъ проповѣди ихъ: то должны обращать вниманіе на чудеса проповѣдавшихъ, и утверждаться въ вѣрѣ, которую отъ нихъ приняли. Слѣдовательно, что суть чудеса ихъ, если не наши укрѣпленія? Потому что чрезъ нихъ, хотя мы и можемъ укрѣпляться, однако же не держимъ ихъ въ рукѣ *нашего* произволенія, такъ какъ не имѣемъ силы творить таковыхъ. Но щитъ въ рукѣ, и защищаетъ; потому что добродѣтель терпѣнія, добродѣтель милосердія, по предваряющей насъ благодати, и во власти состоитъ произволенія, и закрываетъ отъ опасности со стороны противной. Итакъ столпъ нашъ устроенъ съ своими укрѣпленіями; на немъ виситъ тысяча щитовъ: потому что въ Св. Писа-

ніи мы и скрываемся отъ стрѣлъ супостата подъ чудесами отцевъ, и имѣемъ еще въ рукѣ дѣланія щиты святой жизни. Но надобно замѣтить, что порогъ воротъ измѣряется одною тростію. А трость имѣетъ долготу въ шесть лакотъ съ пядію, именно потому, что въ Св. Писаніи содержится ученіе и о совершенномъ дѣланіи, и о началѣ высшаго созерцанія. Но если въ этомъ мѣстѣ принять за ворота каждаго проповѣдника: то внѣшній порогъ въ воротахъ есть жизнь дѣятельная, а внутренній порогъ — жизнь созерцательная. Потому что чрезъ ту ходятъ въ вѣрѣ, а чрезъ эту спѣшатъ къ надеждѣ. Та совнѣ ведетъ, чтобы каждый жилъ хорошо; эта внутренно вводитъ, чтобы изъ доброй жизни достигали вѣчныхъ радостей. Этого достаточно намъ для сегоднишней бесѣды. Такъ какъ мы, уклоняясь къ другому, говорили чрезмѣрно долго: то оставимъ то, что слѣдуетъ далѣе, для другаго собесѣдованія, возстановляя силы молчаніемъ, уповая на Слово, Которое живетъ и царствуетъ съ Отцемъ въ единствѣ со Святымъ Духомъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Она заключаетъ въ себѣ четыре стиха — отъ девятаго до двѣнадцатаго — объясненныхъ аллегорически или нравственно.

1. Мужъ, коего видъ былъ какъ бы видъ мѣди, *измѣрилъ входъ воротъ восемью локтями, а фронтонъ ихъ двумя локтями* (Iезик. XL, 9) (а). И чтобы мы не думали, будто входъ воротъ находится внѣ воротъ, присовокупляется: *входъ же воротъ былъ внутри* (Тамъ же). Что же означается внутреннимъ входомъ, если не широта вѣчной жизни, которая въ душѣ уже начинается чрезъ надежду даже среди тѣснотъ настоящей жизни? О ней чрезъ Псалмопѣвца говорится: *входите во врата Его со славословіемъ, во дворы Его съ хвалою* (Псал. XCIX, 4) (б). Ибо когда мы со слезами исповѣдуемъ грѣхи свои, тогда входимъ во врата жизни тѣсной. Когда же послѣ нихъ переводимся въ жизнь

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *mensus est uestibulum portae octo cubitorum, et frontem ejus duobus cubitis. Uestibulum autem portae erat intrinsecus.*

б) По русскому переводу.

вѣчную; тогда входимъ чрезъ врата во дворы наши со славословіемъ; потому что тамъ уже не будетъ тѣсноты, когда насъ обыметъ радость непрестаемаго блаженства. По причинѣ тѣсноты нашего исповѣданія Истина говоритъ: *внидите узкими враты* (Мат. VII, 13). И когда Псалмопѣвецъ воображалъ, что онъ принимается въ широту вѣчной радости, говорилъ: *поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои* (Псал. XXX, 9). Слѣдовательно, онъ чрезъ вороты стремится ко двору, потому что къ широтѣ торжества переходятъ изъ тѣсноты исповѣданія. Итакъ тѣ радости, которыя у Давида называются дворами, у Іезекіиля называются входомъ внутреннимъ. Поэтому этотъ самый входъ называется измѣреннымъ осмью локтями. Ибо тамъ должны быть приняты всѣ тѣ, которые здѣсь и подвизаются въ совершеніи дѣлъ, и стремятся къ вѣчнымъ радостямъ чрезъ благодать созерцанія.

2. Не безъ основанія видимая мѣра полагается въ восемь лакотъ; потому что на семь дней развертывается все время. Ибо вѣчный день, который послѣдуетъ по исполненіи перемѣняемости семи дней, именно есть осмой. Поэтому и Псалмопѣвецъ, разсуждая о днѣ воскресенія, такъ какъ онъ намѣренъ быть говорить о строгости послѣдняго суда, предпослалъ заглавіе, говоря: *въ конецъ, въ пѣсняхъ о*

осмомъ псаломъ Давиду (Псал. VI, 1). Ибо для того, чтобы показать, о какомъ осмомъ днѣ, чрезвычайно страшномъ, говоритъ онъ, въ началѣ псалма говоритъ: *Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене* (Тамъ же, ст. 2). Ибо кто исправляется только розгами, и отъ выговоровъ дѣлается лучшимъ, тотъ наказывается въ кротости, а не во гнѣвѣ. Но на строгомъ ономъ испытаніи всякое обличеніе есть ярость и гнѣвъ, потому что послѣ осужденія нѣтъ прощенія. Причиною сего осмеричнаго числа служитъ то, что Господь благоволилъ воскреснуть отъ смерти послѣ субботы. Потому что день Господень, который есть третій отъ смерти Господней, отъ сотворенія дней считается осмымъ, потому что слѣдуетъ за седьмымъ. Поэтому и самое истинное страданіе нашего Искупителя, и истинное воскресеніе, прообразовали нѣчто о Его тѣлѣ въ дняхъ страданія Его. Ибо въ шестый день недѣльный Онъ пострадалъ, въ субботу Онъ покоился во гробѣ, а въ воскресный день воскресъ отъ смерти. Такъ какъ настоящая жизнь для насъ есть еще шестой день недѣльный, потому что проводится въ скорбяхъ, и терпитъ мученія въ тѣснотахъ. Но въ субботу мы покоимся какъ бы во гробѣ, потому что находимъ успокоеніе души послѣ тѣла. Но въ день воскрес-

ный, именно въ третій отъ страданія, осмой, какъ сказали мы, отъ сотворенія, мы уже тѣломъ воскресаемъ отъ смерти, и въ славѣ души мы будемъ радоваться даже съ плотію. Итакъ, что Спаситель нашъ дивно устроилъ въ Себѣ, то истинно обозначилъ въ насъ, такъ чтобы насъ преемственно обымали, и скорбь въ шестой, и успокоеніе въ седьмой, и слава въ осмой. Поэтому чрезъ Соломона говорится: *даждь часть седмимъ, и осмимъ: яко не вѣси, что будетъ лукаво на земли* (Екклез. XI, 2). Ибо мы даемъ часть седмимъ и осмимъ тогда, когда тѣмъ, что развертывается въ семи дняхъ, располагаемъ такъ, чтобы чрезъ это достигнуть благъ вѣчныхъ чтобы, дѣлая это съ крайнею осторожностію, послѣ избѣжать гнѣва грядущаго страшнаго суда. Итакъ восемью локтями измѣряется входъ внутренній; потому что чрезъ свѣтъ, который слѣдуетъ за семью днями, открывается намъ широта вѣчности.

3. Но никто въ ней не приходитъ, если онъ здѣсь не будетъ содержать въ благоговѣйномъ сердцѣ любви къ Богу и ближнему. Поэтому и присовокупляется; *а фронтонъ его двумя локтями.* Такъ какъ фронтонъ воротъ есть доброе препровожденіе настоящей жизни. Ибо, какъ подъ входомъ внутреннимъ должно разумѣть вѣчное успо-

косніе, такъ фронтономъ воротъ необходимо означается качество видимой жизни. Итакъ фронтонъ воротъ измѣряется двумя локтями; потому что кто здѣсь озаботится сохраненіемъ любви къ Богу и ближнему, тотъ достигнетъ двора вѣчности. Поэтому для того, чтобы жизнь наша имѣла мѣру въ два локтя, она ежедневно должна простираться на любовь къ Богу и вмѣстѣ къ ближнему. Ибо не истинная та любовь, которая имѣетъ менѣе двухъ локтей. Почему Моисей, изображая добродѣтели избранныхъ цвѣтами одеждъ, повелѣваетъ въ украшеніи Первосвященника употреблять червлень дважды намоченную (Исх. XXVIII, 5). Ибо что означается червленью, если не любовь, которая всегда горитъ пламенемъ расположенія. Но червлень дважды омочается, когда наша любовь горитъ не только благоговѣніемъ къ Богу, но и расположеніемъ къ ближнему. Ибо кто любитъ Бога такъ, что оставляетъ попеченіе о ввѣренномъ ему ближнемъ, въ томъ червлень еще однажды намочена. И кто любитъ ближняго такъ, что уменьшаетъ стремленіе, которымъ долженъ пламенѣть къ Богу, въ томъ нѣтъ еще цвѣта сугубо намоченнаго. Итакъ мы должны любить и тѣхъ, съ которыми живемъ, и всѣмъ сердцемъ стремиться къ Тому, въ Комъ истинно должны мы жить. Ибо вотъ къ вѣрѣ и къ

слушанію слова всемогущаго Бога мы, которые по видимому имѣемъ благочестивое настроеніе, сошлись изъ различнаго качества міра, и собрались къ соединенію съ святою Церковію изъ непохожихъ однѣ на другія неравностей, такъ что по видимому ясно совершилось то, что объ обѣтованіи Церкви говорится чрезъ Исаію: *и пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ, и рысь почіетъ съ козлищемъ* (Исаіи XI, 6). Ибо по внутренней святой любви волкъ пасется съ агнцемъ; потому что тѣ, которые въ мірѣ были хищниками, въ мирѣ живутъ съ тихими и кроткими. И рысь почиваетъ съ козлищемъ; потому что тотъ, кто былъ испещренъ пятнами грѣховъ своихъ, согласуется въ смиреніи съ тѣмъ, кто презираетъ себя и признаетъ себя грѣшникомъ. Тамъ еще присовокупляется: *и телецъ и юнецъ и левъ вкупѣ пастися будутъ* (Тамъ же); потому что тотъ, кто сокрушеннымъ сердцемъ готовъ на ежедневное жертвоприношеніе себя Богу, и другой, который, какъ левъ жестоко ярился отъ свирѣпости, и третій, который, какъ овца, продолжалъ жизнь въ простотѣ своей невинности, сошлись въ овчарняхъ святой Церкви. Вотъ какова любовь, которая различія душъ зажигаетъ, сожигаетъ, расплавляетъ, и превращаетъ какъ бы въ одинъ видъ золота. Но при таковой избранныхъ взаимной любви, имъ необходимо пос-

пѣшать къ Тому, на Кого съ вѣчною радостію взирать на небѣ они заслуживаютъ. Ибо единъ есть Господь и Искупитель нашъ, Который и здѣсь связываетъ сердца избранныхъ своихъ единодушіемъ, и всегда побуждаетъ ихъ чрезъ внутреннія желанія къ любви вышней. Поэтому и тамъ присовокупляется: *и отроча мало поведетъ я* (Ис. XI, 6). Кто это малое отроча, если не Тотъ, о Комъ написано: *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ* (Ис. IX, 6). Онъ вмѣстѣ и грозитъ пасомымъ; потому что, дабы мы не прилѣпляли сердецъ нашихъ къ вещамъ земнымъ, Онъ ежедневно воспламеняетъ ихъ желаніемъ внутреннимъ. И эта самая угроза Его состоитъ въ непрестаемомъ воспламененіи насъ къ любви Его, дабы мы, взаимно любя другъ друга, не остановились душею въ этомъ изгнаніи, дабы покой сей жизни не понравился намъ такъ, чтобы доводилъ насъ до забвенія объ отечествѣ, дабы душа, услажденная счастіемъ, не разслабѣвала. Поэтому Онъ и къ дарамъ Своимъ примѣшиваетъ наказанія, дабы для насъ все, что услаждало насъ, дѣлалось горькимъ, и въ душѣ возгарался тотъ огнь, который всегда къ небесному желанію насъ безпокоитъ, возбуждаетъ, и, такъ сказать, увеселительно угрызаетъ, пріятно мучитъ, весело печалитъ. Итакъ отроча малое грозитъ намъ; потому что Тотъ, Кто

не много былъ униженъ предъ Ангелами, по любви оказанной намъ, не дозволяетъ намъ прилѣплять души къ этому міру. Итакъ дважды омочена въ насъ червлень, если мы и здѣсь любимъ ближнихъ своихъ, какъ себя самихъ, и къ Виновнику всего поспѣшаемъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ любимъ. Итакъ, если жизнь наша дважды омочается совершенною любовію, то фронтонъ воротъ измѣряется въ насъ двумя локтями. Поэтому, учитель ли означается именемъ воротъ, или Св. Писаніе, или вѣрнѣе вѣра; въ мѣрѣ того и другаго локтя не неприлично разумѣть любовь, которую истинно проповѣдуетъ тотъ, кто учитъ любви къ Богу и ближнему; и самое знаніе несомнѣнно то, которое любовь устрояетъ; и вѣра крѣпка та, которая выражается въ любви къ Богу и ближнему.—Далѣе слѣдуетъ: *далѣе спальни воротъ къ пути восточному, три съ одной стороны, и три съ другой, и мѣра едина трехъ* (Іезик. XL, 10) (а).

4. Что значатъ спальни, и что путь восточный, мы уже сказали выше (Бесѣд. III, числ. 8 и слѣдующ.),

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *Porro thalami portae ad uiam orientalem, tres hinc, et tres inde, et mensura una trium.*

и повторять то еще считаемъ не необходимымъ. Но намъ надобно спросить, что значитъ сказанное: *три съ одной стороны, и три съ другой.* Потому что спальни къ пути восточному суть сердца кипящихъ въ любви къ Богу. Извѣстно, что всѣ избранные, какъ тѣ, которые были въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и тѣ, которые послѣдовали за ними въ Новомъ Завѣтѣ, пламенѣли любовію къ Троицѣ. Ибо они не истинно любили бы Бога, если бы не получали благодати Его Троицы, Которая есть Богъ. Итакъ по пути восточному три спальни съ одной стороны, и три съ другой; потому что, когда Господь благоволилъ воплотиться между ветхозавѣтными и новозавѣтными отцами, то явился какъ бы восточнымъ путемъ въ срединѣ спаленъ, которыя спальни украшены по истинному виду добродѣтелей въ познаніи Троицы. Но если мы отнесемъ тоже самое число къ добродѣтелямъ избранныхъ: то три добродѣтели, безъ которыхъ тотъ, кто можетъ что либо совершить, спастися не можетъ,—именно, вѣра, надежда и любовь. А поелику таже самая вѣра, надежда и любовь была въ древнихъ отцахъ, которая и въ новыхъ учителяхъ: то по восточному пути описываются три спальни съ одной стороны, и три съ другои.

5. Или вѣрнѣе потому, что три было раздѣленія ветхозавѣтныхъ отцовъ, и три послѣдовало новозавѣтныхъ подъ благодатію. Потому что ветхозавѣтный народъ имѣлъ отцовъ прежде закона, потомъ подъ закономъ, и послѣ—Пророковъ. Въ новозавѣтномъ же народѣ сперва увѣровали начатки Евреевъ, затѣмъ послѣдовала въ вѣрѣ полнота язычниковъ, и затѣмъ на кончинѣ вѣка остатокъ Евреевъ спасется (Рим. IX, 27). Итакъ, поелику воплощеніе Господа и изъ первой части имѣло отцовъ прежде закона, отцовъ подъ закономъ, и наконецъ Пророковъ, и изъ послѣдней—вѣрующихъ изъ Евреевъ, вѣрующихъ изъ язычниковъ, и наконецъ соберетъ остатки Евреевъ: то восточный путь называется имѣющимъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой. Но и то мы не неприлично принимаемъ, если скажемъ, что есть три разряда вѣрующихъ. Ибо, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ, иной разрядъ Проповѣдующихъ, иной воздержниковъ, и иной добрыхъ супруговъ. Поэтому и тотъ же Пророкъ въ предыдущей части видитъ освобожденными трехъ мужей: Ноя, Даніила и Іова (Іезик. XIV, 14), которыми тремя означены именно: Проповѣдники, воздержники и супруги. Ибо Ной управлялъ ковчегомъ на волнахъ, и потому представлялъ образъ правителей (Быт. VII, 1. 2 и далѣе). Даніилъ въ

царскомъ дворцѣ преданъ былъ воздержанію, и потому означалъ жизнь воздержниковъ (Дан. 1, 16). Но Іовъ состоялъ въ супружествѣ, и имѣя попеченіе о своемъ домѣ, благоугодилъ Богу; онъ достойно образуетъ разрядъ добрыхъ супруговъ (Іов. 1, 8). Итакъ, поелику и прежде пришествія Ходатая были, какъ проповѣдники, такъ и воздержники и добрые супруги, которые ожидали тогоже пришествія Его, и съ великою жаждою желанія хотѣли видѣть Его, и послѣ, какъ мы видимъ, есть-и проповѣдники, и воздержники, и добрые супруги, которые уже не ожидаютъ воплощенія нашего Искупителя, но видѣнія въ славѣ величія Его: то восточный путь имѣетъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой, по слову Псалмопѣвца, который о томъ же самомъ пути, именно Искупителѣ нашемъ, говоритъ: *окрестъ Его селеніе Его* (Псал. XVII, 12).

6. Но съ особеннымъ вниманіемъ намъ надобно обсудить, что говорится: *и мѣра едина трехъ*. Ибо, когда далеко отстоитъ превосходство проповѣдниковъ отъ воздержниковъ и молчальниковъ, и далеко отстоитъ превосходство воздержниковъ отъ супруговъ: то что значитъ выраженіе: *мѣра едина трехъ?* Потому что супруги, хотя и хорошо живутъ, и желаютъ видѣть всемогущаго Бога, но за-.

нятыi домашними заботами, и по необходимости раздѣляютъ сердце между тѣмъ и другимъ. Но воздержники удалены отъ заботъ міра сего, и пожеланіе плоти обуздываютъ даже отъ дозволеннаго супружества, чужды и заботы о супругѣ, попеченія о дѣтяхъ, вредныхъ и запутанныхъ помышленій о семейной жизни. Проповѣдники же не только сами воздерживаются отъ пороковъ, но и другимъ запрещаютъ грѣшить, приводятъ къ вѣрѣ, и располагаютъ къ добродѣтельной жизни. Какимъ же образомъ мѣра ихъ одна, когда качество жизни ихъ не одно? Но мѣра одна у трехъ потому, что, хотя въ нихъ различіе заслугъ велико, но разстоянія въ вѣрѣ, въ которой они подвизаются, нѣтъ. Ибо одна и таже вѣра, которая тѣхъ укрѣпляетъ въ великихъ подвигахъ, а слабость этихъ — въ малыхъ поддерживаетъ. Или вѣрнѣе одна мѣра у трехъ потому, что въ послѣднемъ воздаяніи, хотя и не будетъ у всѣхъ одного и тогоже достоинства, однако же для всѣхъ будетъ одна жизнь блаженная. Поэтому и лично Господь говоритъ: *въ дому Отца Моего обители многи суть* (Іоан. XIV, 2). Впрочемъ тѣ, которые введены были въ виноградникъ, хотя пришли и не въ одни часы, получили по одному динарію (Мат. XX, 9). Какимъ же образомъ согласить многіе часы труда съ однимъ динаріемъ,

если не такимъ, что, хотя достоинства блаженныхъ будутъ различны, однакожъ одинъ покой вѣчнаго воздаянія? Ибо заслуга каждаго будетъ различна, но различія въ радостяхъ не будетъ; потому что, хотя одинъ менѣе, а другой болѣе, будутъ восхищаться, однако же всѣхъ будетъ обымать одна радость о видѣніи своего Создателя.

7. Тоже самое надобно думать, какъ о Ветхозавѣтныхъ, такъ и о Новозавѣтныхъ отцахъ; потому что, когда восточный путь имѣетъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой, то мѣра одна для трехъ, такъ какъ таже самая вѣра и таже самая заслуга поддерживала сердца предшествовавшихъ, которая наполняла сердца послѣдовавшихъ, состоящихъ подъ Новымъ Завѣтомъ, какъ и чрезъ Павла говорится: *имуще же тойже духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ: и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (2 Кор. IV, 13. сн. Псал. CXV, 1). Потому что духовные оные отцы вѣровали, что Богъ есть Троица, такъ, какъ ясно говорили о тойже самой Троицѣ отцы новые. Ибо Исаія слышалъ Ангельскіе лики, поющіе на небѣ: *святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѳъ* (Ис. VI, 3). Для того, чтобы указать на троичность Лицъ, трижды говорится *святъ*, но чтобы ясно было, что существо Троицы едино, не говорится: *Господа Са-*

ваоѳы, но: *Господь Богъ Саваоѳъ*. Этоже самое имѣя въ умѣ, и Давидъ подобнымъ образомъ говоритъ: *благослови ны Боже, Боже нашъ, благослови ны Боже* (Псал. LXVI, 8). Сказавъ трижды «Боже», онъ для того, чтобы показать единство Его присовокупилъ: *и да убоятся Его вси концы земли*. И Павелъ говоритъ: *яко изъ Того, и Тѣмъ и въ Немъ всяческая* (Рим. XI, 36). *Изъ Того*, именно изъ Отца; *Тѣмъ*—Сыномъ; *въ Немъ*—Духѣ Святомъ. Онъ, сказавъ трижды—*изъ Того, Тѣмъ и въ Немъ*,—присовокупилъ: *Тому слава во вѣки. Аминь* (Тамъ же). Ибо тотъ, кто не сказалъ—*Тѣмъ*,—но Т*ому*, говоря трижды — Т*отъ*, различилъ лица, а присовокупляя: Т*ому слава*, не раздѣлилъ существа. Итакъ, поелику едина есть вѣра древнихъ и новыхъ отцевъ: то справедливо говорится, что одна мѣра для трехъ спаленъ. Это повторяется другими словами, когда присовокупляется: *и мѣра едина фронтоновъ съ той и другой стороны (а)*.

8. Ибо съ той и другой стороны одна мѣра фронтоновъ потому, что отцы наши, какъ прежде отъ Ветхаго, такъ нынѣ отъ Новаго Завѣта идущіе, сходятся въ одной вѣрѣ Ходатая. Они потому, что полны любовію, воздержаніемъ укрощаютъ

(а) *Et mensura una frontium ex utraque parte.*

*

плоть свою, совершаютъ чудеса, являютъ доблести; поелику же ихъ добродѣтели видны намъ совнѣ, то не несправедливо называются фронтонами сего небеснаго зданія. Ибо все, что нынѣ ясно открывается, есть фронтонъ, такъ что оно есть преддверіе того зданія, которое сохраняется для насъ внутри. Поэтому и святой Церкви въ Пѣсни пѣсней говорится: *какъ кора краснаго яблока ланиты твои, безъ сокровенныхъ твоихъ* (Пѣсн. пѣсн. VI, 6) (а). Потому что ланиты святой Церкви суть духовные отцы, которые нынѣ блистаютъ въ ней чудесами, и какъ бы на лицѣ ея являются почтенными. Ибо когда мы видимъ, что многіе творятъ дивное, пророчествуютъ о будущемъ, рѣшительно оставляютъ міръ, пламенѣютъ желаніями небесными: то ланиты святой Церкви краснѣютъ, какъ кора краснаго яблока. Но что значитъ все то, чему мы удивляемся, въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ написано: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9)? Итакъ хорошо, когда онъ удивлялся лани-

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *sicut cortex mali punici genae tuae, absque occultis tuis*. Въ Славянскомъ переводѣ эта же мысль выражена такъ: *яко обращеніе шипка ланиты твоя, кромѣ замолчанія твоего*.

тамъ Церкви, присовокупилъ: *безъ сокровенныхъ твоихъ* (Пѣсн. пѣсн. VI, 6). Ясно какъ бы такъ было сказано: хотя въ тебѣ велико и то, что не сокрыто, но рѣшительно неизреченно то, что сокрыто. — Далѣе слѣдуетъ: *и размѣри широту входа вратняго десяти лактей, широту (а) же вратную тринадесяти лактей* (Іезик. XL, 11).

9. Выше мы уже многое сказали о знаменованіи воротъ; но мы должны держаться одного чего либо, чрезъ что можно было бы проникать и въ прочее благоразуміемъ читателя. Сказано, что подъ названіемъ воротъ можно разумѣть Св. Писаніе. Но намъ надобно тщательно обсудить, почему широта входа вратняго десяти локтей, а долгота тринадцати. Но въ этомъ мѣстѣ долготою воротъ называется высота, такъ какъ мы называемъ долгимъ того, кого видимъ высокимъ. Ибо долготою воротъ нельзя назвать поперечника, коего широта показывается въ десять локтей. Итакъ что значитъ широта входа вратняго, если не законъ Ветхаго Завѣта; и что долгота воротъ, если не благодать Новаго Завѣта? Поелику Св. Писаніе, когда чрезъ Ветхій Завѣтъ обуздывало преступленія дѣлъ, пред-

---

а) Съ Латинскаго подлинника надобно читать: *и долготу*.

писывало давать десятины (Вороз. XII. 6), лежало чрез низкія заповѣди какъ бы на широтѣ входа. Но когда оно чрезъ Новый Завѣтъ обуздало нечестивые помыслы, и заповѣдало оставлять все, и ради Бога презирать жизнь тѣла съ настоящимъ вѣкомъ (Мат. XV, 19. Марк. VII, 21. Лук. IX, 24): тогда наши ворота какъ бы поднялись на высоту долготы. Потому что Израильскому народу чрезъ законъ даны меньшія заповѣди; поэтому Моисей тому же народу говорилъ на долинѣ (Исх. XIX, 7 и далѣе). Святымъ Апостоламъ Господь далъ высшія (заповѣди); поэтому и училъ ихъ заповѣдямъ жизни на горѣ. Но Искупитель нашъ чрезъ Евангеліе говоритъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или Пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити* (Мат. V, 17). Ибо исполнить законъ приходилъ Тотъ, Кто къ правдѣ закона присовокупилъ благодать, чтобы заповѣдуемое тѣмъ въ меньшемъ Онъ помогалъ совершать въ высшемъ, и обуздываемое тѣмъ въ дѣлѣ, Онъ отсѣкалъ отъ сердца. Итакъ выразумленный законъ, лежавшій на широтѣ, сталъ на высоту. Ибо самое познаніе Бога, бывшее при ономъ въ отцахъ духовныхъ, не было извѣстно всему Еврейскому народу. Такъ какъ всемогущаго Бога, именно Святую Троицу, народъ не зналъ, когда Пророки проповѣдали. Онъ въ законѣ держался

только десятословія, не зная вѣры въ Троицу. Итакъ широта входа вратняго измѣряется десятью локтями; потому что грубый оный народъ, не зная высоты вѣры, служилъ заповѣдямъ десятословія. Но долгота воротъ измѣряется тринадцатью локтями; потому что чрезъ Новый Завѣтъ въ сердцѣ вѣрующаго народа надъ заповѣдями десятословія, которыя онъ вѣрно соблюдалъ, возрасло познаніе Троицы. И заповѣди закона усовершены вѣрою, что всемогущій Господь есть Троица.

10. Здѣсь разумно можетъ быть предложенъ вопросъ: почему (Пророкъ) объ этой широтѣ входа вратняго, о которой выше сказалъ, что она измѣряется одною тростію, ниже присовокупилъ, что она измѣряется десятью локтями; а потомъ присовокупляется, что долгота воротъ измѣряется тринадцатью локтями? Ибо одна трость, какъ уже часто было говорено, имѣетъ шесть локтей и пядень; но десять локтей содержатъ въ себѣ мѣру, уже большую трости, а тринадцать болѣе, нежели десять. Итакъ что значитъ, что прежде входъ вратній измѣряется одною тростію, послѣ широта его измѣряется десятью локтями, наконецъ и долгота воротъ—тринадцатью локтями, если не то, что святые отцы, о которыхъ по Св. Писанію знаемъ, что они были прежде закона, хотя знали единаго все-

могущаго Бога, именно Св. Троицу, но о тойже самой Троицѣ, которую знали, не проповѣдали? Они, повинуясь повелѣніямъ Его, и соблюдая чистоту жизни, имѣли дѣятельнаго совершенства какъ бы на шесть локтей трости, и что видя Ангеловъ, имѣли пядень созерцанія. По дарованіи же закона, оный грубый народъ Еврейскій старался соблюдать заповѣди десятословія, но не былъ наученъ познанію Святыя Троицы. И хотя духовные отцы совершенно знали Ее, однако же великая толпа Синагоги, ни таинства Троицы найти не могла, ни умѣла искать оное.

11. Но по пришествіи благодати чрезъ Новый Завѣтъ, всякой вѣрующій народъ позналъ, что единый Богъ есть Троица, и въ познаніи Его исполнилъ добродѣтель десятословія. Слѣдовательно, входъ вратній прежде измѣряется одною тростію, послѣ широта его—десятью локтями, и наконецъ долгота воротъ—тринадцатью локтями; потому что и у святыхъ отцовъ, жившихъ до закона, не было недостатка въ жизни дѣятельной и созерцательной, и подъ десятословіемъ закона, народъ, не зная таинства Божественнаго существа, служилъ въ широтѣ заповѣдей. И нынѣ подъ благодатію, по вѣрномъ соблюденіи заповѣдей десятословія, всякой, приходящій къ вѣрѣ, познаетъ таинство Святыя Троицы.

12. Въ этомъ дѣлѣ намъ надобно еще знать и то, что и чрезъ наращенія временъ возрастало знаніе духовныхъ отцовъ. Ибо Моисей болѣе, нежели Авраамъ, Пророки болѣе, нежели Моисей, Апостолы болѣе, нежели Пророки, были научены вѣдѣнію всемогущаго Бога. Я ошибаюсь, если этого не говоритъ само Писаніе. Но оно говоритъ: *дондеже научатся мнози, и умножится вѣдѣніе* (Дан. XII, 4). А то самое, что мы сказали объ Авраамѣ, Моисеѣ, Пророкахъ и Апостолахъ, мы докажемъ, если можемъ, словами тогоже самаго Писанія. Ибо кто не знаетъ, что Авраамъ бесѣдовалъ съ Богомъ (Быт. XII и слѣдующ.)? И не смотря на то, къ Моисею Господь говоритъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль, Богъ сый ихъ; и имене Моего Господь, не явихъ имъ* (Исх. III, 6. VI, 3). Вотъ Моисею болѣе, нежели Аврааму, былъ извѣстенъ Тотъ, Кто открываетъ о Себѣ Моисею то, чего, по словамъ Его, Онъ не открывалъ Аврааму. Но посмотримъ, могли ли Пророки имѣть Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Моисей. Псалмопѣвецъ ясно говоритъ: *коль возлюбихъ законъ* Твой, *Господи, весь день поученіе мое есть* (Псал. CXVIII, 97). И присовокупляетъ: *паче всѣхъ учащихъ мя разумѣхъ, яко свидѣнія твоя поученіе мое есть* (Тамъ же, ст. 99). И еще: *паче старецъ разумѣхъ*

(Тамъ же. ст. 100). Итакъ онъ говоритъ, что размышляетъ о законѣ, и свидѣтельствуетъ, что онъ разумѣлъ *паче всѣхъ учащихъ*, и *паче старцевъ;* потому что открываетъ, что онъ получилъ Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Моисей. Но какъ мы докажемъ, что святые Апостолы научены были большему, нежели Пророки? Истина прямо говоритъ: *мнози Пророцы и Царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Лук. X, 24). Итакъ (Апостолы) имѣли Божественнаго вѣдѣнія болѣе, нежели Пророки; потому что то, что сіи видѣли только духомъ, тѣ видѣли уже тѣлесно. Итакъ исполнилось то предсказаніе Даніила, о которомъ мы выше сказали: *дондеже научатся мнози, и умножится вѣдѣніе* (Дан. XII, 4). Итакъ мѣра трости, которая шести лакотъ съ пядію, распространяется на десять лакотъ; и мѣра десяти лакотъ наконецъ доходитъ до тринадцати; потому что, чѣмъ ближе міръ приводится къ концу, тѣмъ щедрѣе открывается намъ входъ къ вѣчному вѣдѣнію. Далѣе слѣдуетъ: *и край предъ спальнями локтя единаго* (Іезик. XL, 12) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et marginem ante thalamos cubiti unius.*

13. Какъ часто мы говорили, что спальни суть сердца избранныхъ, пламенѣющія любовію къ всемогущему Богу. Итакъ что выражается чрезъ край предъ спальнями, если не вѣра? Потому что, если прежде нѣтъ ея, то никакъ нельзя достигнуть духовной любви. Ибо не любовь предшествуетъ вѣрѣ, но вѣра любви. Такъ какъ никто не можетъ любить то, чему не повѣритъ. Итакъ край предъ спальнями есть вѣра предъ жаромъ любви; потому что, какъ сказано, если ты не повѣришь тому, что слышишь, то никакъ не можешь воспламениться къ любви того, что слышишь. Но край предъ спальнями локтя единаго; потому что вѣра соединяетъ сердца слушающихъ въ любви къ Богу тогда, когда не раздѣлена заблужденіями и расколами, но пребываетъ въ единеніи, такъ что именно край локтя единаго доводитъ душу до спальни; потому что видъ небеснаго жениха, о которомъ здѣсь проповѣдуетъ, послѣ показываетъ въ небесныхъ (селеніяхъ). Здѣсь хорошо еще присовокупляется: *и лакоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ.*

14. Но съ обѣихъ сторонъ говорится такъ, какъ говорилось: у того и другихъ, т. е. у входа и воротъ. Потому что мы сказали, что широтою входа и долготою воротъ означается Ветхій и Новый Завѣтъ. Наконецъ же присовокупляется, что

лакоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ: потому что именно какъ Ветхій Завѣтъ предвозвѣстилъ намъ единаго Ходатая Бога и человѣковъ, такъ и Новый Завѣтъ возвѣщаетъ намъ о грядущемъ въ вѣчной славѣ Томъ же, Кого уже мы знаемъ воплотившимся ради насъ. Итакъ лакоть единъ есть конца того и другаго; потому что и во плоти явился Тотъ, о Комъ предсказывалъ законъ, и въ славѣ величія явится Тотъ, о Комъ нынѣ говоритъ Новый Завѣтъ. И тогда будетъ конецъ тому и другому, когда видимый въ силѣ Божества своего исполнитъ все, что было предсказано. Ибо написано: *кончина закону Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. X, 4). Конецъ не тотъ, который полагаетъ предѣлъ, но который исполняетъ. Ибо Онъ исполнилъ законъ тогда, когда явился во плоти такъ, какъ предсказывалъ законъ. Но Новый Завѣтъ говоритъ еще многое о судѣ Его, многое о царствѣ Его, чего еще мы не видимъ въ исполненіи. Вотъ ежедневно читается Евангеліе, предсказывается жизнь будущая. Итакъ будетъ конецъ и Новому Завѣту тогда, когда Господь исполнитъ то, что обѣтовалъ о Себѣ.

15. Но Новый Завѣтъ окончится потому, что исполнится. Ибо когда будетъ видимъ Самъ Тотъ, о Комъ говорится, тогда слова Завѣта Его преста-

нутъ. Поэтому и святой Церкви, возвѣщающей день истиннаго свѣта, какъ бы время весеннее, голосомъ Жениха говорится: *востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, яко се зима прейде, дождь отыде, отыде себѣ: цвѣти явишася на земли* (Пѣсн. пѣсн. II, 10—12). Ибо какъ святая Церковь, такъ и всякая избранная душа, для небеснаго жениха близка любовію, голубица по духу, красива по изяществу нравовъ. Когда она уже выводится изъ поврежденія плоти, тогда безъ сомнѣнія для ней зима проходитъ; потому что оцепенѣніе настоящей жизни отходитъ. Проходитъ и отходитъ дождь; потому что, когда она выводится къ созерцанію всемогущаго Бога въ Его сущности, тогда уже нѣтъ надобности въ капляхъ словъ, чтобы напаялъ ее дождь проповѣданія. Ибо она то, чего не могла слышать, ясно увидитъ. Поэтому и тамъ присовокупляется: *время обрѣзанія приспѣ* (Пѣсн. пѣсн. II, 12). Потому что при обрѣзываніи безплодныя лозы отсѣкаются, чтобы приносили обильнѣйшій плодъ тѣ, которыя имѣютъ силу. Итакъ время нашего обрѣзыванія приспѣваетъ тогда, когда мы оставляемъ безплодное и вредное поврежденіе плоти, чтобъ имѣть силу достигнуть плода душевнаго. Этимъ обильнѣйшимъ плодомъ для насъ будетъ видѣніе Единаго. Итакъ локоть единъ конца съ обѣихъ сто-

ронъ; потому что Единъ есть Тотъ. Кто сказалъ: *Единъ есмь Азъ, дондеже прейду* (Псал. CXL, 10). Онъ Единъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ владычествуетъ на небѣ, какъ одинокая птица на зданіи (Псал. CI, 8). Какъ Онъ исполнилъ законъ чрезъ таинство воплощенія и совершеннаго вочеловѣченія Своего: такъ исполнитъ обѣтованія Новаго Завѣта чрезъ явленіе славы величія Своего.

16. Объ этомъ единомъ локтѣ говорила намъ и мѣра ковчега. Ибо ковчегъ, который повелѣвалось устроить въ три ста локтей длины, въ шестьдесятъ (а) ширины, и въ тридцать высоты (Быт. VI, 15), завершивался однимъ локтемъ. Ибо что предобразуется ковчегомъ, если не святая Церковь, которая снизу широка, а вверху узка? Она отъ трехъ сотъ, шестидесяти, и тридцати локтей сводится къ одному локтю; потому что отъ той широты, которую святая Церковь имѣетъ въ членахъ своихъ, еще слабыхъ, мало по малу съуживается, и стремяся вверхъ, стремится къ Единому. Ибо самый разумъ требуетъ, чтобы мы вѣрили, что на оной широтѣ ковчега всѣ звѣри, всѣ четвероногія и ползающія были въ нижнихъ этажахъ, а люди и летающія въ верхнихъ. Ибо въ верхней части было

а) По Славянскому переводу, *пятидесяти*.

съ боку окно, изъ котораго человѣкъ выпускалъ ворона и голубя, для того, чтобъ узнать, изсякли ли уже воды потопа. А послику этотъ ковчегъ завершенъ былъ однимъ локтемъ; то люди и лѣтающія были близъ этого локтя. Итакъ справедливо ковчегомъ означается вся Церковь, которая широка во многихъ своихъ, еще плотскихъ членахъ, но тѣсна въ немногихъ духовныхъ. А послику она собирается къ Единому Человѣку, Который безъ грѣха; то какъ бы завершивается однимъ локтемъ.

17. Ибо мы видимъ, что многіе внутри тойже самой святой Церкви гордятся, предаются удовлетворенію плоти, жадны бываютъ къ пріобрѣтенію земныхъ благъ, по жадности преплываютъ моря, необузданно предаются гнѣву, проводятъ время въ тяжбахъ, вредятъ ближнимъ, которыхъ сильнѣе. Но послику святая Церковь еще терпитъ ихъ для того, чтобы они исправились: то они на широтѣ ковчега остаются внизу, какъ бы звѣри. Видимъ, что другіе чужаго уже не желаютъ, нанесенную обиду переносятъ равнодушно, собственностію своею довольны, живутъ смиренно. Но послику таковыхъ уже немного, то ковчегъ съуживается. Видимъ и еще другихъ, которые имѣніе оставляютъ, рѣшительно не заботятся о земныхъ благахъ, враговъ любятъ, плоть отъ всякихъ пожеланій отвращаютъ,

всѣ движенія стѣсняютъ судомъ разума, по желанію небеснаго расправляютъ крилья къ созерцанію. Но поелику таковые весьма рѣдки, то ковчегъ подводится уже близко къ локтю, гдѣ содержатся люди и летающія. Впрочемъ, если бы спросить, кто изъ нихъ можетъ быть безъ грѣха, то не найдется ни одного. Итакъ кто человѣкъ безъ грѣха, если не Тотъ, Кто не былъ зачатъ во грѣхѣ? Итакъ ковчегъ завершивается однимъ локтемъ; потому что одинъ Виновникъ и Искупитель святой Церкви безъ грѣха, къ Которому и чрезъ Котораго стремятся всѣ тѣ, которые признали себя грѣшниками. Итакъ да будетъ сказано о входѣ и воротахъ: *и лакоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ;* потому что, когда одинъ Посредникъ Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, явится во славѣ своей, тогда исполнитъ все, что предсказано и обѣтовано въ томъ и другомъ Завѣтѣ.

18. Если же въ этомъ мѣстѣ выраженіе — *съ обѣихъ сторонъ*—напоминаетъ о краѣ и спальняхъ: то и это не противорѣчитъ сей мысли; потому что, когда будетъ намъ явлена слава нашего Искупителя, тогда кончится вѣра, такъ какъ человѣкъ начнетъ уже видѣть то, чему вѣровалъ. Достигаютъ предѣла своего и спальни; потому что сердца вѣрующихъ безтѣлесно несравненно скорѣе достигаютъ совер-

всѣ движенія стѣсняютъ судомъ разума, по желанію небеснаго расправляютъ крилья къ созерцанію. Но поелику таковые весьма рѣдки, то ковчегъ подводится уже близко къ локтю, гдѣ содержатся люди и летающія. Впрочемъ, если бы спросить, кто изъ нихъ можетъ быть безъ грѣха, то не найдется ни одного. Итакъ кто человѣкъ безъ грѣха, если не Тотъ, Кто не былъ зачатъ во грѣхѣ? Итакъ ковчегъ завершивается однимъ локтемъ; потому что одинъ Виновникъ и Искупитель святой Церкви безъ грѣха, къ Которому и чрезъ Котораго стремятся всѣ тѣ, которые признали себя грѣшниками. Итакъ да будетъ сказано о входѣ и воротахъ: *и лакоть единъ конца съ обѣихъ сторонъ;* потому что, когда одинъ Посредникъ Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, явится во славѣ своей, тогда исполнитъ все, что предсказано и обѣтовано въ томъ и другомъ Завѣтѣ.

18. Если же въ этомъ мѣстѣ выраженіе — *съ обѣихъ сторонъ*—напоминаетъ о краѣ и спальняхъ: то и это не противорѣчитъ сей мысли; потому что, когда будетъ намъ явлена слава нашего Искупителя, тогда кончится вѣра, такъ какъ человѣкъ начнетъ уже видѣть то, чему вѣровалъ. Достигаютъ предѣла своего и спальни; потому что сердца вѣрующихъ безтѣлесно несравненно скорѣе достигаютъ совер-

шенства въ любви къ Нему. Итакъ *лакоть единъ концы съ обѣихъ сторонъ;* потому что видѣніе единаго Господа и Спасителя заканчиваетъ въ избранныхъ Его вѣру, и доводитъ до совершенства любовь.

19. Надобно подумать, кто мы, которые объ этомъ разсуждаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы пришли изъ язычниковъ; нѣтъ сомнѣнія, что предки наши были поклонниками деревъ и камней. Откуда же намъ это, что мы изслѣдываемъ тѣ весьма глубокія таинства Пророка Іезекіиля, которыхъ нынѣ даже Евреи не знаютъ? Итакъ да будетъ благодареніе отъ насъ Единому, Который на дѣлѣ исполнилъ все то, что написано о Немъ въ Св. Писаніи, чтобы видимо ясно было то, чего нельзя было разумѣть по слуху. Потому что тамъ воплощеніе, тамъ страданіе, тамъ смерть, тамъ содержатся воскресеніе Его и вознесеніе. Но кто изъ насъ повѣрилъ бы этому по слуху, если бы не зналъ событій? Итакъ запечатанную книгу, какъ читается въ Апокалипсисѣ Іоанна (V, 3. 5), которой никто не могъ раскрыть и прочесть, раскрылъ Левъ отъ колѣна Іудова; потому что открылъ намъ всѣ свои таинства въ Своемъ страданіи и воскресеніи. И чрезъ то, что перенесъ зла отъ нашей слабости, явилъ намъ блага Своего могущества и славы.

20. Ибо Онъ содѣлался плотію, чтобы насъ содѣлать духовными; благосклонно преклонился, чтобы насъ поднять; вышелъ, чтобы ввести; явился видимымъ, чтобы показать невидимое; претерпѣлъ мученія, чтобы даровать здравіе; выдержалъ поношенія и насмѣшки, чтобъ освободить отъ вѣчнаго поношенія; умеръ, чтобы даровать жизнь. Итакъ дадимъ благодареніе животворящему и умершему, и болѣе животворящему потому, что умершему. Поэтому Исаія, ясно созерцая наше спасеніе и страданіе Его, говоритъ: *да совершитъ дѣло Свое, дѣло чуждое Его; да дѣлаетъ дѣло Свое, дѣло есть отстраненное отъ Него* (Іс. XXVIII, 21) (a). Ибо дѣло Божіе состоитъ въ собраніи душъ, которыя Онъ сотворилъ, и опять призвать ихъ къ радостямъ вѣчнаго свѣта. Терпѣть же біенія и оплеванія, крестъ, смерть и погребеніе, не есть дѣло Божіе по существу Его, но дѣло человѣка-грѣшника, который все это заслужилъ грѣхомъ. Но *грѣхи наша Самъ вознесе на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. II, 24).

---

a) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *ut faciat opus suum, alienum opus ejus; ut operetur opus suum, peregrinum est opus ejus ab eo.* Въ Славянскомъ переводѣ эта мысль выражена такъ: *съ яростію сотворитъ дѣла своя, горести дѣло. Ярость же его чуждо употребится, и погубленіе его странно.*

И Тотъ, Кто по естеству Своему всегда пребываетъ неосязаемымъ, благоизволилъ быть осязаемымъ и біемымъ въ естествѣ нашемъ; потому что, если бы Онъ не принялъ того, что свойственно нашей слабости, то никогда не возвысилъ бы насъ до могущества Своей силы. Итакъ, чтобы совершить дѣло Свое, Онъ дѣлаетъ *дѣло чуждое Его;* и чтобы сдѣлать дѣло Свое,— это дѣло отчужденное отъ Него; потому что воплощенный Богъ для того, чтобы собрать насъ къ оправданію своему, благоволилъ быть мучимымъ за насъ, какъ человѣкъ грѣшникъ. И Онъ совершилъ дѣло чужое для того, чтобы совершить собственное Свое; потому что чрезъ то, что перенесъ въ слабости наши несчастія, насъ, которые есмы творенія Его, перевелъ къ славѣ силы Своей, въ которой Онъ живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ, въ единствѣ со Святымъ Духомъ, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ

Продолжается изъясненіе съ послѣдней части двѣнадцатаго стиха до стиха семнадцатаго сороковой главы Іезекіиля, и преимущественно разсуждается о созерцаніи.

1. Сказавъ выше о спальняхъ, Пророкъ присовокупляетъ, что спальни были шести лакотъ отсюда и оттуда. При этомъ раждается важный для насъ вопросъ: почему онъ выше сказалъ, что спальня измѣрена одною тростію, о которой трости сказалъ, что она имѣетъ именно шесть лакотъ и пядень, а ниже говоритъ, что спальни имѣютъ мѣру только шесть лакотъ? Ибо, если онѣ измѣряются не тростію, а шестью локтями; то недостаетъ пяди, которая по высшему сказанію заключалась въ мѣрѣ трости. Но если спальни суть чувства и помышленія вѣрующихъ, которыми чистыя души единятся въ любви къ своему Создателю, а чрезъ шесть лакотъ выражается совершенная дѣятельность, а пядію начало созерцанія: то мы должны обратить вниманіе на членовъ святой вселенской Церкви, и скоро найдемъ, что есть въ ней спальни, имѣющія мѣру одной трости, и есть другія, только шестилакотныя. Ибо нѣкоторые вѣрующіе въ ней любятъ всемогущаго Бога такъ, что и въ дѣлѣ бываютъ совершенны, и въ созерцаніи опытны. Эти именно имѣютъ мѣру трости; потому что обладаютъ и шестью локтями дѣятельности, и пядію созерцанія. Нѣкоторые же хотя любятъ всемогущаго Бога, и исправно упражняются въ добрыхъ дѣлахъ, но не умѣютъ созерцать Его величіе тончайшимъ разсудкомъ. Они любятъ,

но не умѣютъ отыскивать радости въ Его видѣніи. Эти-то имѣютъ шесть локтей, а пяди не имѣютъ; потому что любовію они уже соединены съ Нимъ, но по созерцанію разъединены. Впрочемъ объ этихъ спальняхъ послѣ разсказа говорится, что онѣ локтя единаго съ той и другой стороны; именно потому, что въ любви къ нашему Создателю и Искупителю вѣрующія души совокупились изъ Іудейскаго народа и изъ язычества.

2. Поэтому, когда тотъ же Искупитель нашъ сѣдя на жребяти входилъ въ Іерусалимъ, какъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ, *мнози ризы своя постлаша по пути: друзіи же ваіа рѣзаху отъ древія, и постилаху по пути. И предходящіи и вслѣдъ грядущіи вопіяху, глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне* (Марк. XI, 7—9). Ибо Спаситель нашъ, сѣдя на жребяти, входитъ во Іерусалимъ, когда управляя душею всякаго вѣрующаго, именно своимъ рабочимъ животнымъ, ведетъ ее къ видѣнію внутренняго мира. На рабочемъ животномъ сидитъ такъ же, когда вообще управляетъ Святою Церковію и воспламеняетъ ее къ желанію вѣчнаго мира. Но многіе постилаютъ по пути одежды свои; потому что укрощаютъ тѣла свои воздержаніемъ, чтобы приготовить путь къ душѣ, или доставить примѣры послѣдующимъ. Другіе же рѣжутъ

вѣтви или листья съ деревъ, и постилаютъ по пути; потому что въ ученіи истины заимствуютъ слова и мысли отцовъ изъ ихъ писаній, и идя со смиренною проповѣдію подбрасываютъ ихъ на пути Божіемъ душѣ слушателя. Что даже и мы недостойные иногда дѣлаемъ. Ибо когда мы въ рѣчи увѣщанія заимствуемъ мысли у отцовъ; тогда отсѣкаемъ вѣтви отъ деревъ, чтобы постилать ихъ по пути всемогущаго Бога. Но предыдущіе и послѣдующіе взывали: осанна. Потому что Іудейскій народъ предшествовалъ, а языческій послѣдовалъ. А поелику всѣ избранные, какъ тѣ, которые могли быть въ Іудеи, такъ и тѣ, которые нынѣ существуютъ въ Церкви, и вѣровали и вѣруютъ въ Посредника между Богомъ и людьми: то предыдущіе и послѣдующіе взываютъ: осанна. Осанна же на Латинскомъ языкѣ значитъ — спаси насъ. Ибо отъ Него какъ прежніе просили спасенія, такъ и нынѣшніе просятъ; и благословеннымъ исповѣдуютъ Того, Кто идетъ во имя Господне; потому что одна надежда, одна вѣра, какъ у предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ народовъ. Ибо какъ тѣ спаслись ожидаемымъ страданіемъ и воскресеніемъ Его, такъ и мы спасаемся прошедшимъ страданіемъ и на вѣки пребывающимъ воскресеніемъ Его. Такъ какъ въ Кого вѣровали и Кого любили грядущаго предки наши изъ Іудейскаго народа, въ

Того же и мы вѣруемъ пришедшаго, и любимъ Его, и пламенѣемъ желаніемъ, чтобы видѣть Его лицемъ къ лицу. Итакъ спальни Его съ обѣихъ сторонъ; потому что сердца любящихъ вѣру въ Него соединяются и изъ первой части вѣка, и изъ послѣдней. — Далѣе слѣдуетъ: *и измѣрилъ ворота отъ кровли спальни даже до кровли ихъ, широту двадцати и пяти локтей* (Іезик. XL, 13) (а).

3. Мы уже часто говорили, что воротами означается вѣра, а чрезъ эту же вѣру можно разумѣть Самаго Господа и Искупителя нашего, Ходатая Бога и человѣковъ, Іисуса Христа; потому что чрезъ вѣру въ Него открывается входъ къ жизни. Но и Св. Писаніе, которое открываетъ намъ ту же самую вѣру въ познаніи нашего Искупителя, не несправедливо мы принимаемъ за ворота; потому что чрезъ надлежащее разумѣніе его мы входимъ въ разумѣніе невидимаго. Итакъ, если въ этомъ мѣстѣ, какъ сказали мы впереди, подъ воротами разумѣется Писаніе: то надобно спросить, что означается кровлею спальни, и что кровлею воротъ. Но спальня

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est portam a tecto thalami usque ad tectum ejus, latitudinem viginti et quinque cubitorum.*

имѣетъ кровлю; потому что душа любящихъ сокрыта, и жаръ любви еще въ тайнѣ. И ворота имѣютъ кровлю; потому что все Писаніе хотя и для насъ написано, но не все бываетъ разумѣваемо нами.

4. Потому что многое въ немъ такъ ясно написано, что понятно для дѣтей; а нѣкоторое закрывается такими темными мыслями, что требуетъ напряженія мужей, такъ какъ съ трудомъ понятое болѣе пріятно. Нѣкоторое же въ немъ такъ заперто, что когда мы не разумѣемъ онаго, тогда, сознавая слабость слѣпоты своей, мы болѣе успѣваемъ въ смиреніи, нежели въ разумѣніи. Ибо есть нѣкоторыя мѣста, которыя говорятъ о небесномъ такъ, что это понятно только однимъ онымъ высшимъ гражданамъ, пребывающимъ въ своемъ отечествѣ, а намъ странствующимъ еще не открыто. Ибо, если кто либо, направляя путь къ неизвѣстному городу, многое слышитъ о немъ на пути: то хотя нѣчто понимаетъ по разуму, но нѣкоторыхъ вещей, поелику еще не видитъ, рѣшительно не знаетъ; но сами граждане, которые живутъ въ немъ, видятъ и то, чего о немъ не говорится, разумѣютъ и то, что говорится о немъ. Итакъ мы еще на пути; многое слышимъ объономъ небесномъ отечествѣ; иное уже разумѣемъ духомъ и разумомъ, а иное чтимъ, не разумѣя онаго. Поэтому о

томъ же Св. Писаніи написано: *простирый небо яко кожу. Покрываяй водами превыспренняя своя* (Псал. CIII, 3). Небо простирается какъ кожа, потому что священное Писаніе въ объясненіяхъ расширяется устами смертныхъ. Но есть на небѣ воды, именно высшія толпы, т. е. сонмы Ангеловъ, которыми покрываются горнія селенія тоже неба; такъ какъ то, что въ Священномъ Писаніи высоко и темно, ясно только для духовъ Ангельскихъ, а для насъ остается еще неизвѣстнымъ. Итакъ спальня имѣетъ кровлю; потому что ближній не знаетъ еще, сколько бываетъ любимъ отъ ближняго. И ворота, т. е. Св. Писаніе, имѣютъ кровлю; потому что мы еще не можемъ проникнуть разумомъ во все, что слышимъ о небесномъ.

5. Итакъ намъ остается ежедневно ходить въ преспѣяніи любви на основаніи того, что разумѣемъ. И хотя наши ближніи не видятъ въ насъ, сколько они любимы нами, и въ священномъ Писаніи мы смиренно чтимъ то, чего еще не разумѣемъ: однако мы должны расширяться чрезъ добрую дѣятельность на основаніи того, до чего достигли разумѣніемъ. Поэтому и говорится: *и измѣрилъ вороты отъ кровли спальни даже до кровли ихъ, широту двадцати и пяти локтей.* Ибо мы одарены пятью тѣлесными чувствами, именно, ви-

дѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ, слухомъ и осязаніемъ. Но тоже пятеричное число, помноженное само на себя, возрастаетъ въ число двадцать и пять. Исполнять же внѣшнимъ образомъ какую либо изъ небесныхъ заповѣдей мы не можемъ безъ оныхъ пяти тѣлесныхъ чувствъ. Надъ этими своими обязанностями начальствуетъ внутренній судія — душа. и какъ бы по доносу и услужливости тѣхъ же самыхъ обязанностей знаетъ, что можно дѣлать внѣшнимъ образомъ по правдѣ, или милосердію. Итакъ, когда душа наполняется страхомъ всемогущаго Господа, тогда необходимо бываетъ, чтобы пять нашихъ чувствъ служили намъ въ доброй дѣятельности, какъ бы подвластные чины. Когда мы начнемъ дѣлать чрезъ нихъ что либо по милосердію, тогда самое милосердіе ежедневно болѣе и болѣе раскрывается, и какъ бы нѣкоторыя объятія распростираются на доброе дѣло. Итакъ пять чувствъ помножаются сами на себя, когда то, что чрезъ нихъ дѣлается, ежедневно умножается успѣхомъ въ добромъ дѣлѣ. Поэтому и широта называется имѣющею двадцать пять локотъ, потому что страхъ, упрямство и лѣность, есть тѣснота. Ибо кто боится дать хлѣба бѣдному потому, чтобъ у него самаго не было недостатка, тотъ находится еще въ тѣснотѣ страха. Кто не дастъ одежды зябнущему по-

тому, что одинъ желаетъ имѣть ее; тотъ обымается еще тѣснотою своего упрямства. Кто не дѣлаетъ добра потому, что по безразличной теплотѣ души лѣнится; для того самое его оцепенѣніе есть тѣснота. Но позаботиться о бѣднякѣ, выслушать прозбу, дать щедрую помощь, оказать защиту, и за защиту того же бѣдняка противящагося не бояться ни чьей вражды, есть великая широта души. Итакъ пусть измѣряется между спальнею и воротами та широта, которая между ними находится, двадцатью пятью локтями; потому что дѣйствіемъ внѣшнихъ чувствъ доказывается и познается, какое изобиліе доброты скрывается внутри. Ибо что ты узналъ уже о Св. Писаніи, и сколько внутренно любишь ближняго: то ты являешь на широтѣ добраго дѣла.

6. Итакъ пусть открывается широта между спальнею и воротами въ двадцать пять локтей; потому что между любовію и знаніемъ свидѣтелемъ служитъ добрая дѣятельность. Если сей (послѣдней) въ тебѣ не будетъ, то рѣшительно извѣстно, что ты ни Бога не позналъ, ни ближняго ни любишь; т. е. ты ни воротъ не имѣешь священнаго слова, ни спальни любви. И замѣчательно, что пространство отъ кровли спальни до кровли воротъ называется промѣреннымъ. Ибо тѣмъ, что въ Св. Писаніи для насъ прикровено, доказывается наше сми-

реніе; потому что, чего мы въ немъ не разумѣемъ, того не должны съ гордостію охуждать, но должны чтить со смиреніемъ. Поэтому и о Господѣ написано: *вѣжди Его испытаетъ сыны человѣческія* (Псал. X, 4). Потому что вѣжди Его суть суды Его, которые нѣчто отъ насъ закрываютъ, а нѣчто открываютъ. Открывая что либо, они насъ испытываютъ, не гордимся ли мы разумѣніемъ. Закрывая испытываютъ, не презираемъ ли мы того, чего разумѣть не можемъ. А чрезъ то, что мы не говоримъ о своей любви ближнимъ нашимъ, мы истинно испытываемся предъ очами Божіими. Ибо у нѣкоторыхъ любовь на устахъ вымышленная, а у нѣкоторыхъ въ сердцахъ истинная. И часто за любовь выдается то, чѣмъ она не есть, а не показывается то, чѣмъ она есть. Итакъ о любви нашей къ ближнему болѣе говоритъ добрая дѣятельность, нежели языкъ, такъ что ближній нашъ въ самомъ добромъ дѣлѣ видитъ, что его любятъ. И когда мы не можемъ дѣлать столько, сколько желаемъ, тогда для всемогущаго Бога бываетъ достаточно внутренняго нашего благорасположенія. Итакъ отъ кровли спальни до кровли воротъ должна быть великая широта, чтобы намъ всегда дѣлать добро отъ сокровенной нашей любви къ ближнему даже до смире-

нія въ знаніи, и къ Богу, на сколько мы разумѣемъ и можемъ.

7. Подъ воротами можно еще разумѣть самый уже входъ въ царство небесное. Нынѣ спальня имѣетъ кровлю, и ворота имѣютъ кровлю; потому что неизвѣстно, какова наша любовь къ Богу и ближнему, и неизвѣстно, когда мы изъ сего вѣка введены будемъ въ покой вѣчной жизни. Ибо Создатель нашъ благоволилъ, чтобы день нашей смерти былъ намъ неизвѣстенъ, для того, чтобы всегда неизвѣстный онъ всегда былъ считаемъ близкимъ; и тѣмъ ревностнѣе всякой былъ въ дѣланіи, чѣмъ неизвѣстнѣе о призваніи. Почему и широта отъ спальни до воротъ простирается на двадцать пять локотъ; потому что мы должны многообразно и непрестанно дѣлать все, что можемъ, по любви, которую мы однажды начали питать къ Богу и ближнему, до входа въ царство. Итакъ отъ кровли спальни до кровли воротъ великая широта. Потому что, отъ благодати, которою мы начинаемъ любить Бога, до самой той любви, которая отверзаетъ намъ входъ въ царство небесное, мы должны расширять самихъ себя въ великомъ подвигѣ добрыхъ дѣлъ,—терпѣливо переносить несчастія, охотно творить добро, любить даже тѣхъ, отъ кого терпимъ (обиды), раз-

давать то, что имѣемъ, и не домогаться того, чего не имѣемъ, любить ближнихъ, какъ самихъ себя, счастіе ихъ считать нашимъ счастіемъ, несчастія ихъ оплакивать какъ бы наши несчастія. Итакъ великая широта въ той душѣ, въ которой нѣтъ тѣсноты ненависти. Эту широту начали мы съ любви къ Богу и ближнему, и узнали чрезъ священныя заповѣди. Ибо и самые двадцать пять локтей широты мы не неприлично разумѣемъ, если захотимъ обслѣдовать ихъ по Св. Писанію. Пророкъ сказалъ, что спальни *измѣряны шестью локтями*, а въ шестый день сотворенъ человѣкъ (Быт. I, 27); и въ этотъ день, по сказанію, Господь окончилъ дѣла Свои. Поэтому шестеричное число обыкновенно принимается за совершенство. А поелику мы узнали о всякомъ добромъ дѣлѣ чрезъ четыре книги святаго Евангелія: то, если шесть помножимъ на четыре, мы доходимъ до двадцати четырехъ. Къ этому числу присовокупляется единица, потому что единъ есть Тотъ, чрезъ Кого совершаются всѣ добрыя дѣла. Слѣдовательно, эта широта должна была быть объяснена двадцатью пятью локтями; потому что всякое доброе дѣло, какъ мы сказали, познается чрезъ четыре книги святаго Евангелія, и завершается въ познаніи и исповѣданіи единаго Бо-

га.—Далѣе слѣдуетъ: *и дверь противъ двери* (Iезик. XL, 13) (а).

8. Въ этомъ мѣстѣ *противъ* полагается не для противоположности, но для прятоты. Ибо дверь противъ двери значитъ, когда прямымъ путемъ совнѣ достигается до внутренняго входа. Но въ познаніи всемогущаго Бога первая наша дверь есть вѣра, а вторая видѣніе Его, къ которому мы приходимъ путемъ чрезъ вѣру. Ибо въ этой жизни мы входимъ въ эту, чтобы послѣ дойти до той. Итакъ дверь противъ двери; потому что чрезъ входъ вѣры открывается входъ къ видѣнію Бога. Но если бы кто захотѣлъ въ этой жизни войти въ ту и другую изъ этихъ дверей, то и это не противорѣчитъ здравому разумѣнію. Ибо мы часто желаемъ размышлять о невидимомъ естествѣ всемогущаго Бога, но никакъ не можемъ; и душа, утомленная самими затрудненіями, возвращается къ самой себѣ, и дѣлаетъ степени восхожденія себѣ отъ самой себя, чтобы сперва обмыслить, если можетъ, саму себя, и потомъ,

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ostium contra ostium*. Въ Славянскомъ переводѣ таже мысль выражена такъ: *сія врата ко вратомъ*.

на сколько может, обсудить то естество, которое выше ея. Но если умъ нашъ будетъ разсѣянъ по плотскимъ образамъ, то рѣшительно бываетъ недостаточенъ даже для того, чтобъ обсудить естество души; потому что сколькими водится мыслями, какъ бы столькими же ослѣпляется препятствіями.

9. Итакъ первая степень состоитъ въ томъ, чтобъ онъ имѣлъ самособранность; вторая въ томъ, чтобъ онъ видѣлъ, каковъ онъ самособранный; третья въ томъ, чтобъ онъ поднялся выше самаго себя, и съ напряженіемъ подчинился созерцанію невидимаго Виновника. Но онъ никакъ не можетъ имѣть самособранности, если прежде не научился устранять отъ взоровъ своихъ мечты земныхъ и небесныхъ образовъ, отклонять и отбрасывать все то, что приходитъ въ размышленіе его со стороны тѣлеснаго видѣнія, слуха, обонянія, осязанія и вкуса, поколику онъ отыскиваетъ себя внутри таковымъ, каковъ онъ есть безъ нихъ. Ибо когда онъ по нимъ размышляетъ, тогда какъ бы нѣкоторыя тѣни тѣлъ переворачиваетъ внутри. Итакъ надобно рукою рѣшимости устранить все отъ очей ума, такъ какъ душа разсматриваетъ себя таковою, каковою сотворена она отъ Бога выше тѣла, чтобъ оживотворенная свыше животворила внизу то, чѣмъ управ-

ляетъ. Она такъ и влита въ тѣло, что не раздѣлена частями по частямъ членовъ. Ибо если тѣло въ какомъ либо мѣстѣ поражается, то она вся болитъ. Но я удивляюсь только тому, что она, предсѣдательствуя въ членахъ одною и тою же животворностію, будучи сама по естеству не различна, различное впрочемъ дѣлаетъ чрезъ тѣло. Потому что она глазами видитъ, ушами слышитъ, ноздрями обоняетъ, устами вкушаетъ, всѣми членами осязаетъ, и осязаніемъ различаетъ мягкое отъ жесткаго. И когда она чрезъ чувства дѣйствуетъ столь различно, сама она не различна, но одна распоряжается такъ, какъ сотворена. Итакъ когда душа обсуживаетъ саму себя безъ образовъ тѣлесныхъ, тогда она взошла уже въ первую дверь. Но отъ этой двери она стремится къ другой, чтобы видѣть нѣчто отъ естества всемогущаго Бога. Итакъ душа въ тѣлѣ есть жизнь тѣла, а Богъ, животворящій все, есть жизнь душъ. Итакъ, если столь величественна жизнь оживотворенная, что не можетъ быть постижима, то кто можетъ понять разумомъ, сколь величественна жизнь животворящая? Но разсуждать объ этомъ самомъ и разсматрівать уже значитъ нѣкоторымъ образомъ входить; потому что душа отъ своей оцѣнки заключаетъ, что она должна думать о неописан-

номъ Духѣ, Который непостижимо управляетъ тѣмъ, что непостижимо сотворилъ.

10. Ибо Создатель нашъ далеко несравненно владычествуетъ надъ своею тварію, и нѣкоторыя творенія производитъ для того, чтобъ они были, но не жили; а нѣкоторыя для того, чтобъ они были и жили, но не имѣли возможности судить что либо о жизни; нѣкоторыя же для того, чтобъ они были, жили и разсуждали. И производитъ одинъ все, но во всемъ нераздѣленъ (1 Кор. XII, 6). Ибо Онъ есть истинно верховный, и никогда Самъ Себѣ неравный. Душа же, хотя по естеству не различна отъ себя самой, однако же чрезъ помышленіе различна. Ибо въ тотъ моментъ и пріемъ, въ который она размышляетъ о зрѣніи, забываетъ мыслить о слухѣ; а въ тотъ моментъ и пріемъ, въ который она мыслитъ о слухѣ или вкусѣ, не можетъ мыслить объ обоняніи; потому что чрезъ вниманіе и забвеніе она всегда бываетъ не похожа сама на себя, такъ что содержитъ въ мысли то то, то другое. Но всемогущій Богъ, такъ какъ равенъ Самому Себѣ, видитъ тою силою, которою все слышитъ, тою силою творитъ, которою судитъ сотворенное. Итакъ для Него видѣть значитъ вмѣстѣ и управлять, а управлять значитъ видѣть. Онъ не иною мыслію помогаетъ праведникамъ, и иною осуждаетъ нечестивыхъ,

но одною и тою же силою единственнаго Своего естества, всегда распоряжается различнымъ въ различныхъ. Но почему мы удивляемся этому въ могуществѣ Создателя, когда мы видимъ слѣды Его силы даже въ твореніяхъ? Потому что сущность грязи и воска различна. Но солнечный лучь неразличенъ, и однако же, не будучи различенъ, производитъ различное въ грязи и воскѣ; потому что однимъ и тѣмъ же жаромъ огня своего грязь приводитъ въ твердое состояніе, а воскъ расплавляетъ. Но быть можетъ, это заключается въ сущности грязи или воска, а не въ самой сущности солнца, которая въ различныхъ сущностяхъ производитъ, по видимому, различное. Но всемогущій Богъ въ Себѣ Самомъ имѣетъ свойство распоряжаться измѣняемымъ безъ измѣненія, дѣлать различное безъ различія въ Себѣ, образовать разнообразное безъ послѣдовательности мыслей. Итакъ чрезвычайное различно производитъ различное никогда неразличный въ Себѣ Богъ, Который и вездѣ есть, и вездѣ цѣлый. Ибо говоритъ: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (LXVI, 1). И написано о Немъ: *Кто измѣри небо пядію, и всю землю горстію* (Ис. XL, 12)?

11. Изъ этого необходимо вытекаетъ, что Тотъ, Кто сидитъ на небѣ, какъ на престолѣ, находится

*

выше и внутри. А кто измѣряетъ небо пядію, и землю горстію, Тотъ находится и внѣ, и выше, и ниже. Итакъ всемогущій Богъ, чтобы показать, что Онъ внутри и выше всего, Самъ сказалъ, что небо есть престолъ для Него. Но для того, чтобы показать, что Онъ все окружаетъ, утверждаетъ, что небо мѣряетъ Онъ пядію, а землю содержитъ въ горсти. Итакъ Онъ есть внутренній и внѣшній, нижній и вышній; по управленію вышній, по ношенію нижній; по наполненію внутренній, по окруженію внѣшній. Онъ внутри существуетъ такъ, что есть и вовнѣ; такъ окружаетъ, что проникаетъ; такъ управляетъ, что носитъ; такъ носитъ, что владычествуетъ. Итакъ, когда душа, возвышенная до самой себя разумѣетъ свою мѣру, и познаетъ, что она выше всего тѣлеснаго, а отъ разумѣнія себя стремится къ разумѣнію Виновника: тогда что это значитъ, если не то, что она видитъ дверь противъ двери? Почему и Виновнику всего Пророкъ говоритъ: *чудно для меня вѣдѣніе* Твое (Псал. CXXXVIII, 6); потому что, если душа, сколько бы ни усиливалась, не можетъ совершенно понять саму себя, то сколько болѣе (не можетъ понять) величіе Того, Кто могъ сотворить самую душу? И когда (Пророкъ) трудился въ разумѣніи вѣдѣнія Божія, тогда уставая и изнемогая присовокупилъ: *высоко, не по-*

стигаю его (Тамъ же, по русскому переводу). Но когда мы, стараясь и напрягаясь, желаемъ видѣть хотя что либо изъ невидимаго естества; тогда мы устаемъ, отстаемъ и возвращаемся назадъ; и хотя мы не можемъ проникнуть во внутреннее, однакоже мы уже видимъ отъ внѣшней двери дверь внутреннюю. Ибо самый трудъ размышленія есть дверь, потому что открываетъ нѣчто изъ того, что внутри, хотя взойти туда еще нельзя. — Далѣе слѣдуетъ: *и сдѣлалъ фронтоны въ шестьдесятъ локотъ, и къ фронтону притворъ воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ* (Іезик. XL, 14). (а).

12. Мы уже часто говорили, что шестеричнымъ числомъ означается совершенство добраго дѣла (Кн. II. бесѣд. 2. числ. 7 и слѣд.); не тому послѣдуя, что старались утверждать мудрые вѣка сего, утверждая, будто шестеричное число совершенно потому, что составляется по счисленію въ своемъ порядкѣ, такъ что когда считаются одинъ, два, три, тогда составляется шестеричное число; или потому,

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et fecit frontes per sexaginta cubitos, et ad frontem atrium portae undique per circuitum.* А въ Славянскомъ переводѣ такъ: *и непокровенное Елама вратъ шестидесяти локтей (двадесяти пяти) и ѳеє двора окрестъ.*

что раздѣляется на три части, т. е. на шестую, третью и половину, именно въ одной, двухъ и трехъ; но мы шестеричное число называемъ совершеннымъ потому, что, какъ нѣсколько выше было сказано, въ шесть дней совершилъ Богъ всѣ дѣла Свои (Быт. I, 21, II, 1). Но поелику Онъ далъ грѣшному человѣку законъ, который написанъ въ десяти заповѣдяхъ, а шесть помноженныя на десять возрастаютъ въ шестидесять: то справедливо шестидесятью локтями означается совершенство добрыхъ дѣлъ. Это ясно показываетъ въ Евангеліи и Господь, Который, излагая притчу о сѣмени, сказалъ: *иное упало на добрую землю; и дало плодъ, который взошелъ и выросъ, и принесло, иное тридцать, иное шестьдесятъ, а иное сто* (Марк. IV, 8). Ибо плодъ доброй земли приноситъ тридцать, когда умъ утвердится въ совершенствѣ вѣры въ Троицу. Приноситъ шестьдесятъ, когда творитъ совершенныя дѣла доброй жизни. Но приноситъ сто, когда достигаетъ созерцанія вѣчной жизни. Ибо настоящая наша жизнь есть лѣвая, а правая есть жизнь будущая. И справедливо созерцаніе вѣчной жизни означается числомъ сотымъ, потому что, когда мы послѣ тридцати и шестидесяти по счету доходимъ до числа сотаго: то это число сотое переходитъ на правую (руку). Итакъ вѣра и дѣятельность еще на

лѣвой сторонѣ; потому что мы, находясь еще здѣсь, и вѣруемъ тому, чего не видимъ, и дѣйствуемъ для того, чтобы видѣть. Но когда душа погрузится въ созерцаніе вѣчной жизни; тогда она какъ бы по счету переходитъ на правую руку. Итакъ сдѣлалъ фронтоны въ шестьдесятъ локотъ. Посему шестидесятымъ числомъ означается совершенство: то что означается фронтонами зданія, если не самыя дѣла, которыя совнѣ бываютъ видимы? Ибо сказать слово поученія, дать пищу алчущимъ, одежду зябнущимъ, и за доброе дѣло терпѣливо переносить оскорбленія,—эти дѣла что суть другое, если не фронтоны небеснаго зданія? Потому что красота внѣшнихъ дѣлъ украшаетъ жилище Божіе, которое скрывается еще внутри. Но эти фронтоны имѣютъ притворъ совсѣхъ сторонъ вокругъ; потому что въ немъ великія дѣла, если ихъ въ сердцѣ расширяетъ широта любви. Потому что о любви написано: *широка заповѣдь Твоя зѣло* (Псал. CXVIII, 96). О ней Псалмопѣвецъ еще говоритъ: *поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои* (Псал. XXX, 9).

13. Но вотъ, когда я говорю, мнѣ приходитъ на мысль, какъ широка любовь. Любовію достигаютъ до Бога, и лично Истина говоритъ: *внидите узкими враты* (Мат. VII, 13). И еще слышу Псалмопѣвца говорящаго: *за словеса устенъ Твоихъ азъ*

сохраних пути жестоки (Псал. XVI, 4). И въ Евангеліи Господь говоритъ: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мат. XI, 30). Итакъ какимъ образомъ широка любовь, если ворота тѣсны? Какимъ образомъ иго благо и бремя легко, если за заповѣди Божіи подвергаются путямъ жестокимъ? Но эти вопросы скоро рѣшаетъ намъ сама любовь; потому что и тѣсенъ путь Божій для начинающихъ, и широкъ уже для совершенно живущихъ. И жестоко то, что мы духовно предлагаемъ душѣ наперекоръ ея привычки; и однако же бремя Божіе легко, послѣ того, какъ мы начнемъ нести его такъ, что по любви къ нему нравится даже гоненіе, и всякая напасть за него становится сладостію души, такъ какъ и святые Апостолы радовались, что за Господа претерпѣли біеніе (Дѣян. V, 41). Итакъ самыя тѣсныя ворота для любящихъ широки; самые жестокіе пути для духовно бѣгущихъ мягки бываютъ и ровны. Ибо когда душа знаетъ, что она за временныя скорби получитъ вѣчныя радости, тогда начинаетъ любить и то, чѣмъ огорчается. Итакъ притворъ предъ фронтонами есть широта любви въ совершенствѣ дѣла.

14. И надобно замѣтить, что говорится: *со всѣхъ сторонъ вокругъ*, для того, чтобы человѣкъ именно чрезъ все, что онъ дѣлаетъ, всегда расширялся въ

широтѣ любви, дабы не отѣсняли его ни страхъ, ни ненависть. Итакъ, если кто говоритъ о словѣ Божіемъ, и не имѣетъ въ сердцѣ той любви, которую проповѣдуетъ: то онъ имѣетъ фронтонъ зданія, но притвора предъ фронтономъ не имѣетъ. Если кто щедро раздаетъ милостыню бѣднымъ, и чрезъ нее быть можетъ питаетъ въ сердцѣ гордость, помогаетъ недостаточности ближняго не изъ любви, но по тайной гордости: то онъ хотя показываетъ фронтонъ на зданіи, но подлѣ фронтона не устроилъ притвора. Если кто терпитъ поношенія, наносимыя отъ ближняго, и дѣлаемыя ему обиды терпитъ молча: то велико терпѣніе, которое онъ показываетъ, но подъ условіемъ, если онъ не имѣетъ скорби въ сердцѣ, если для спокойствія кротости желаетъ пользы даже тому, кто причинилъ ему вредъ. Ибо, если имѣющій внѣшнее терпѣніе кроетъ внутри скорбь, и не любитъ того, кого терпитъ: то онъ хотя имѣетъ фронтонъ на зданіи, но притвора предъ фронтономъ не имѣетъ; потому что, кто поддался тѣснотѣ ненависти, тотъ рѣшительно потерялъ широту любви. Ибо, какъ уже сказали мы въ первой части (Бесѣд. IX, преимущественно подъ числомъ 22 и слѣд.), истинное терпѣніе есть то, которое даже любитъ того, кого терпитъ. Такъ какъ терпѣть, и ненавидѣть, не есть добродѣтель кротости, но

прикровеніе злобы. И замѣчательно, что этотъ самый притворъ называется притворомъ воротъ. Потому что врата наши суть входъ въ царство. И совершенно любить Бога и ближняго значитъ уже стремиться ко входу царства. Ибо на сколько кто любитъ, на столько приближается ко входу. А на сколько кто небрежетъ о любви, на столько отказывается отъ входа; потому что не усиливается видѣть то, чего желаетъ. Ибо мы тогда имѣемъ притворъ воротъ, когда изъ широты любви желаніемъ уже входимъ въ вышнюю жизнь, которой достигнуть еще не можемъ. Итакъ, когда совершается доброе дѣло въ отношеніи къ ближнему, тогда остается еще различить намѣреніе того же самаго добраго дѣла, ищетъ ли душа воздаянія отъ настоящей благодати, или она простираетъ надежду свою къ будущему обѣтованію, такъ что за временное надѣется вѣчнаго, за земное небеснаго. Ибо надежда на небесное укрѣпляетъ душу, дабы она не колебалась отъ волненій земныхъ тревогъ. О чемъ и чрезъ Павла говорится: *которая* (надежда) *для души есть какъ бы якорь надежный и твердый, досязающій даже до внутреннѣйшаго за завѣсу* (Евр. VI, 19. по русск. переводу). Объ этомъ внутреннѣйшемъ и здѣсь присовокупляется: *и предъ лицемъ воротъ, которыя достигали до лица преддве-*

рія воротъ внутреннихъ, пятьдесятъ локтей (Іезик. XL, 15) (a).

15. Тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ говорится — *предъ лицемъ воротъ* — описывается не внѣшнее, но внутреннее мѣсто предъ воротами, когда повѣствуется, что оно достигаетъ до лица преддверія воротъ внутреннихъ. Поэтому-то это мѣсто называется имѣющимъ мѣру въ пятьдесятъ локотъ. Такъ какъ пятидесятиричнымъ числомъ означается вѣчное успокоеніе. Ибо седмеричное число имѣетъ свое совершенство, потому что имъ закончено число дней. И закономъ суббота дана на покой (Исх. XX, 8. 10). Но самое седмеричное число, помноженное само на себя, возвышается въ сорокъ девять; съ прибавкою единицы оно доходитъ до пятидесяти, потому что все наше совершенство будетъ состоять въ видѣніи Того Единаго, въ видѣніи Котораго уже не будетъ недостатка ни въ спасеніи, ни въ радости. Поэтому и Юбилей, т. е. пятидесятый годъ, данъ на успо-

---

a) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et ante faciem portae, quae pertingebat usque ad faciem vestibuli portae interioris, quinquaginta cubitos*. Въ Славянскомъ переводѣ тотъ же самый текстъ читается такъ: *и непокровенное вратъ отвнѣ, въ непокровенное (вратъ) слама вратъ внутрь уду пятьдесятъ лактей.*

косніе; потому что, кто достигнетъ вѣчныхъ радостей всемогущаго Бога, тотъ не будетъ имѣть ни труда, ни скорби.

16. Но замѣчательно, что мѣсто, которое описывается простирающимся на пятьдесятъ локотъ, называется достигающимъ до лица преддверія воротъ внутреннихъ. Слѣдовательно, въ этомъ мѣстѣ Пророкъ повѣствуетъ уже не о самомъ преддверіи воротъ внутреннихъ, но о томъ внутреннемъ мѣстѣ, которое простирается къ преддверію воротъ внутреннихъ. Такъ какъ чрезъ это мѣсто, какъ мы сказали, означается наша надежда, которая, желая вѣчнаго успокоенія, ведетъ душу къ преддверію воротъ внутреннихъ. Ибо тѣмъ самымъ, что мы желаемъ небеснаго, что жаждемъ обѣтованныхъ радостей, что желаемъ успокоенія вѣчной жизни, мы уже приближаемся къ лицу внутренняго преддверія. Итакъ пусть означается воротами вѣра, притворомъ любовь, а мѣстомъ, которое приближаетъ къ лицу преддверія воротъ внутреннихъ, пусть означается надежда, безъ которыхъ трехъ добродѣтей могущій уже пользоваться разумомъ не можетъ войти въ небесное зданіе. Итакъ надобно имѣть вѣру въ воротахъ, которыя приводятъ къ разумѣнію; любовь въ притворѣ, который даетъ просторъ любви; надежду въ томъ мѣстѣ, которое измѣряется пятиде-

сятью локтями; потому что оно чрезъ желанія и воздыханія вводитъ душу въ потаенныя радости покоя. Изъ этого покоя хотя мы еще не видимъ свѣта истины, каковъ онъ есть, однакоже чрезъ щели разумѣнія нѣчто уже видимъ. Поэтому и присовокупляется: *и окна косвенныя въ спальняхъ* (Іезик. XL, 16) (а).

17. Въ косвенныхъ окнахъ тѣсна та часть, чрезъ которую входитъ свѣтъ, но широка часть внутренняя, которая принимаетъ свѣтъ; потому что души созерцающихъ, хотя тонко видятъ и нѣчто отъ истиннаго свѣта, однако же сами въ себѣ крайне расширяются. Онѣ едва могутъ понять даже малое изъ самаго того, что видятъ. Потому что весьма мало то, что созерцающіе видятъ изъ вѣчности: но отъ этого самаго малаго расширяется лоно душъ для приращенія рвенія и любви; и онѣ бываютъ обширны оттуда, откуда допускаютъ къ себѣ свѣтъ истины, какъ бы чрезъ тѣсноты. Это величіе созерцанія, такъ какъ оно можетъ быть доступно только любящимъ, называется косновенными окнами въ спальняхъ, или въ тѣхъ (комнатахъ), которыя на-

---

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ: *et fenestras obliquas in thalamis*. Въ Славянскомъ же переводѣ читается такъ: *и оконца сокровенна къ фееимъ.*

ходятся подлѣ спаленъ, уже не внѣ (зданія), но внутри (его). Ибо объ этихъ же самыхъ окнахъ присовокупляется: *и на фронтонахъ ихъ, которые были внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ* (а).

18. Ибо онѣ (окна) были въ спальняхъ, были и во фронтонахъ тѣхъ (комнатъ), которыя были устроены внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ; потому что кто имѣетъ внутри сердце, тотъ и принимаетъ свѣтъ созерцанія. Ибо тѣ, которые еще неумѣренно предаются помысламъ о внѣшнемъ, не знаютъ, что за щели созерцанія вѣчнаго свѣта. Такъ какъ не принимается вліяніе онаго безтѣлеснаго свѣта вмѣстѣ съ образами вещей тѣлесныхъ; потому что, когда только одно видимое занимаетъ мысли, тогда невидимому свѣту нѣтъ пропуску въ душу. Но кто уже стремится къ свѣту созерцанія, тому крайне надобно заботиться о томъ, чтобы всегда сохранять душу въ смиреніи, никогда не превозноситься тою благодатію, которою онъ вливается, и обсуждать, каковы должны быть самыя косвенныя окна, которыя означаютъ души созерцающихъ. Ибо чрезъ косвенныя окна входитъ свѣтъ, но не входитъ

а) *Et in frontibus eorum, quae erant intra portam undique per circuitum*

воръ; потому что тѣ, которые истинно суть созерцатели, всегда содержатъ мысли въ смиреніи, и въ души ихъ разумѣніе созерцанія входитъ, но не входитъ кичение гордости. Слѣдовательно, и открыты окна, и защищены; потому что, и открыта въ душахъ ихъ та благодать, которою онѣ наполняются, и однакожъ онѣ не дозволяютъ входить въ себя врагу чрезъ гордость.

19. Но замѣчательно, что о косвенныхъ окнахъ говорится, что онѣ внутри воротъ со всѣхъ сторонъ. Ибо благодать созерцанія не дается высокимъ такъ, чтобы не давалась низкимъ; но часто получаютъ ее высокіе, часто низкіе, часто отшельники, а иногда и живущіе въ супружествѣ. Итакъ, если нѣтъ ни одной обязанности вѣрующихъ, которая могла бы не допускать благодати созерцанія: то всякой, имѣющій внутри сердце, можетъ быть озаряемъ и свѣтомъ созерцанія; потому что внутри воротъ со всѣхъ сторонъ вокругъ устроены косвенныя окна, чтобы никто не превозносился этою благодатію, какъ исключительностію. Никто не долженъ думать, будто онъ имѣетъ частный даръ истиннаго свѣта; потому что въ томъ, что онъ считаетъ своею особенностію, часто бываетъ богатѣе другой, который и не думалъ, что онъ имѣетъ въ себѣ что либо добраго. Поэтому и здѣсь еще хорошо присовокупляется: *по-*

добнымъ же образомъ были и въ преддверіяхъ окна кругомъ внутрь (а).

20. Послѣ того, какъ (Пророкъ) сказалъ объ окнахъ во фронтонахъ, присовокупляетъ объ окнахъ въ преддверіяхъ кругомъ внутрь; потому что благодать созерцанія имѣютъ не только высокіе члены святой Церкви, которые отличаются отъ другихъ, но большею частію получаютъ этотъ даръ даже тѣ члены, которые хотя желаніемъ возвышаются къ горнему, но по обязанности лежатъ еще внизу. Ибо если бы всемогущій Богъ не изливалъ свѣта созерцанія и на тѣхъ, которые кажутся презрѣнными: то не было бы оконъ въ преддверіяхъ. И такъ мы видимъ, что одни, поставленные на высшихъ мѣстахъ святой Церкви, высоко говорятъ о небесномъ, съ дивнымъ усердіемъ открываютъ тайны вышняго отечества, на сколько достаточенъ ихъ просвѣщенный умъ; они суть окна во фронтонахъ. Но другіе содержатся въ лонѣ святой Церкви, и кажутся презрѣнными въ глазахъ человѣческихъ, но сами въ себѣ они упражняются въ пріобрѣтеніи мудрости, стремятся къ небесному, и желаютъ, на сколько

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *similiter autem erant et in vestibulis fenestrae per gyrum intrinsecus.*

могутъ, вѣчныхъ радостей; слѣдовательно, они суть косвенныя окна, но въ преддверіяхъ.

21. Но хорошо говорится: *кругомъ*; потому что всякое розысканіе предметовъ сокровенныхъ имѣетъ кругъ, когда въ размышленіи своемъ разумъ спрашиваетъ: то ли ты думаешь? или другое? Онъ какъ бы кругомъ ходитъ, чтобъ отыскать то, чего желаетъ. Когда въ познаніе начнетъ проникать свѣтъ неописанный, тогда до него (разума) доходитъ лучъ *истины*, какъ бы чрезъ косвенное окно. Потому что въ нашемъ созерцаніи мы многое доводимъ до совершенства чрезъ кругообразное обхожденіе размышленіями, такъ какъ часто ищемъ примѣровъ добрыхъ (людей), чтобы сдѣлать преспѣяніе въ нравственности. Ибо, когда душа уже задумываетъ перейти къ лучшему, тогда она отыскиваетъ, что можно слышать лучшаго о другихъ, перечитывая жизнеописаніе нынѣ того, завтра другаго Святаго. Почему и нѣкто избранный, который въ широкомъ лонѣ святой Церкви обращалъ умственныя очи на весь міръ, говорилъ: *обыдохъ, и пожрохъ въ селеніи Его* (Бога) *жертву хваленія* (Псал. XXVI, 6). Вотъ онъ для того, чтобы принести жертву хваленія, обходилъ; потому что, если бы не обращалъ вниманія туда и сюда для изслѣдованія жизни добрыхъ (людей), то самъ не дошелъ бы до жерт-

воприношенія хваленія. Но когда святые мужи внутри святой Церкви возводятся на высшія мѣста, тогда ихъ жизнь поставляется какъ бы предъ зеркаломъ, дабы всѣ видѣли добрыя дѣла ихъ, которымъ подражать должны. Поэтому и еще хорошо присовокупляется: *и предъ фронтонами изображеніе пальмъ* (а).

22. Что означается пальмами, если не награды за побѣду? Потому что онѣ обыкновенно даются побѣждающимъ. Поэтому и о тѣхъ, которые на сраженіи мученичества побѣдили древняго врага, и уже какъ побѣдители радовались въ отечествѣ, написано: *съ пальмовыми вѣтвьми въ рукахъ своихъ. И восклицали громкимъ гласомъ, говоря: спасеніе Богу нашему сидящему на престолѣ, и Агнцу* (Апок. VII, 9. 10. по руск. перев.). Потому что имѣть въ рукахъ пальмы значитъ на дѣлѣ одержать побѣды. За это дѣло дается пальма тамъ, гдѣ радуются уже безъ сраженія. Поэтому и здѣсь не говорится: пальмы предъ фронтонами, но: *предъ фронтонами изображеніе пальмъ.* Ибо пальма побѣды будетъ видима тамъ, гдѣ начнется радость уже безконечная. Ибо мы здѣсь часто видимъ, что многіе

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ: *et ante frontes pictura palmarum.*

святые мужи дѣлаютъ дивныя дѣла, являютъ силы многія, прокаженныхъ очищаютъ, бѣсовъ изгоняютъ, прикосновеніемъ исцѣляютъ тѣлесныя болѣзни, по духу пророчества предсказываютъ будущее. Все это еще не пальмы, но только изображеніе пальмъ. Потому что это дается иногда и нечестивымъ. Почему и чрезъ Евангеліе Истина говоритъ: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ; яко николи же знахъ васъ. Отыдите отъ Мене дѣлающіе беззаконіе* (Мат. VII, 22. 23). Но одинъ есть признакъ избранія—твердость любви, какъ написано: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Но когда избранные творятъ эти чудеса, тогда творятъ ихъ различно отъ нечестивыхъ; потому что то, что избранные стараются дѣлать по любви, нечестивые по тщеславію. Но и для самыхъ избранныхъ эти чудеса, которыя творятъ они по любви, не суть уже пальмы, но еще изображеніе пальмъ; потому что имъ совнѣ открывается, каковыми они признаются внутри у всемогущаго Господа. Но пальма будетъ для нихъ тамъ, гдѣ уже не будетъ боренія со смертію. Ибо прославленный Проповѣдникъ видѣлъ, что

*

дѣйствительная пальма дается побѣждающимъ тогда, когда послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, какъ онъ говоритъ: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало?* (1 Кор. XV, 53—55). Итакъ совершенная побѣда будетъ тогда, когда рѣшительно будетъ поглощена смерть. Но во всемъ томъ, что только мы видимъ дивнаго въ являемыхъ знаменіяхъ, мы видимъ не самую уже побѣду, но только изображенія побѣды. Итакъ, поелику силы и знаменія даются большею частію святымъ и поставленнымъ на высшихъ мѣстахъ для того, чтобы другіе были приглашаемы къ добрымъ дѣламъ: то предъ фронтонами внутренняго зданія показывается изображеніе пальмъ. На сегодняшній день этого собесѣдованія достаточно, чтобы перейти къ послѣдующему за тѣмъ съ большими силами, при помощи Господа нашего Іисуса Христа, Который живетъ и царствуетъ съ Богомъ Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Объясняются только три стиха, и показывается, какое проявлено совершенство въ Христіанахъ, особенно же въ Апостолахъ.

1. Послѣ того, какъ Пророкъ, говоря о косвенныхъ окнахъ, многое сказалъ о благодати созерцанія, говоритъ, что онъ былъ выведенъ вонъ, и припоминаетъ, что видѣлъ сокровищницы. Этими сокровищницами, что другое означается, если не знаніе учителей? Но въ этомъ дѣлѣ справедливо можно спросить: поелику святые учители учатъ духовному и внутреннему; то почему Пророкъ говоритъ, что онъ выведенъ былъ вонъ, и вовнѣ видѣлъ сокровищницы? Но надобно знать, что иное есть созерцаніе то, которое видитъ столько, сколько не можетъ высказать, а иное — знаніе и ученость, которая видитъ столько, сколько можетъ выразить языкомъ. Потому что въ сравненіи съ тѣмъ свѣтомъ, котораго нельзя выразить словомъ, этотъ какъ бы весь вовнѣ, потому что можетъ быть выраженъ въ словѣ. Итакъ (Пророкъ) говоритъ: *и вывелъ меня въ притворъ внѣшній, и вотъ сокровищницы, и полъ устланъ камнемъ въ притворѣ вокругъ* (Іезик. XL, 17). (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et eduxit me ad atrium*

2. Послику Греческое слово φυλάττειν значитъ сохранять, а *газе* на персидскомъ языкѣ называется богатство: то газофилакіею обыкновенно называется то мѣсто, въ которомъ хранятся богатства. Итакъ что называется газофилакіею, если, какъ сказали мы выше, не сердца учителей, полныя мудрости и вѣдѣнія? Потому что, по слову Павла, *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о Томже Дусѣ* (1 Кор. XII, 8). Ибо есть нѣкоторые, которые по дару благодати разумѣютъ и то, чего не слыхали въ объясненіи отъ учителей; они именно получили слово премудрости. И есть нѣкоторые, которые сами по себѣ не могутъ разумѣть слышаннаго, но удерживаютъ (въ памяти) то, что прочтутъ въ изъясненіяхъ, и съ знаніемъ дѣла произносятъ то, чему научились чрезъ чтеніе. Поэтому кто они, если не полные словомъ разума? Хотя это можно разумѣть и иначе; потому что премудрость относится къ жизни, а разумъ къ ученію. Итакъ кто хорошо живетъ, и мудро проповѣдуетъ, тотъ справедливо называется сокровищницею духовнаго зданія; потому что устами его раздаются небесныя богатства. Учитель языковъ ви-

---

exterius, et ecce gasophylacia, et pavimentum stratum lapide in atrium per circuitum.

дѣлъ, что этими богатствами изобилуютъ ученики его, когда говорилъ: *обогатистеся о Немъ, во всякомъ словѣ, и всякомъ разумѣ* (1 Кор. I, 5). Итакъ въ зданіи святой Церкви устроены сокровищницы; потому что они изобилуютъ богатствомъ знанія, высказываемаго учителями. Что это богатство истинное, объ этомъ лично говоритъ сама Истина, когда говоритъ о богатствѣ преходящемъ: *прелесть богатства заглушаетъ слово* (Мат. XIII; 22). Ибо премудрость и знаніе духовнаго ученія суть истинныя богатства, въ сравненіи съ которыми преходящія (богатства) называются ложными. Объ этомъ богатствѣ чрезъ Соломона говорится: *сокровище вожделѣнно почіетъ во устѣхъ мудраго* (Притч. XXI, 20). Но исключая того, что духовное богатство ведетъ къ вѣчному отечеству, въ немъ есть великое различіе отъ богатства земнаго; потому что духовное богатство, отъ употребленія въ расходъ умножается, а земное богатство, или употребляется въ расходъ и уменьшается, или удерживается и бываетъ безполезнымъ. Поэтому тѣ, которые имѣютъ въ себѣ истинное богатство, справедливо называются сокровищницами.

3. И самыя сокровищницы имѣютъ полъ вокругъ; потому что къ нимъ присоединяется и подчиняется смиреніе слушателей. Этотъ полъ спра-

ведливо называется устланымъ камнемъ въ притворѣ вокругъ; потому что въ широту любви взаимно соединены однѣ съ другими души вѣрующія. Онѣ называются и камнями по твердости вѣры, и устланными на полу, по единству смиренія. Апостолъ Петръ видѣлъ эти души вѣрующихъ твердыми въ вѣрѣ, когда говоритъ: *и сами яко каменіе живо зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II, 5). Объ этихъ камняхъ святой Церкви Господь чрезъ Исаію говоритъ: *положу забрала твоя іаспісъ, и врата твоя каменія кристалла, и огражденіе твое каменія избранная. И вся сыны твоя научены Богомъ* (Ис. LIV, 12). Ибо всемогущій Богъ положилъ забралами (укрѣпленіями) святой Церкви іаспісъ, камень зеленаго цвѣта; потому что души проповѣдниковъ ея укрѣпилъ любовію вѣчной зелености такъ, что они презираютъ все преходящее, ничего не желаютъ въ этомъ мірѣ, который замыкается концемъ, презираютъ всѣ радости его, какъ сухія. Поэтому и пастырь Церкви, призывая своихъ слушателей на паству вѣчной зелености, о Богѣ говоритъ: *по великой Своей милости, воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ изъ мертвыхъ, возродившій насъ къ упованію живому, къ наслѣдію нетлѣнному, непорочному, неувядаемому, хранящемуся на небесахъ* (1 Петр. I, 3. 4).

4. Итакъ ворота сей святой Церкви поставляются на рѣзные камни; потому что тѣ, по гласу которыхъ мы входимъ въ жизнь вѣчную, показывая въ самихъ себѣ святыя дѣла, которыя заповѣданы свыше, какъ бы въ себѣ удержали рѣзьбу. Ибо ворота не были бы рѣзныя, но были бы простыя, если бъ онѣ проявляли только слово, но святыхъ дѣлъ въ себѣ не показывали. Но гдѣ они показываютъ, что сами живутъ по тому, что говорятъ другимъ; тамъ они — и ворота, потому что вводятъ внутрь, — и рѣзныя, потому что жизнію сохраняютъ то, что говорятъ другимъ. Мы видимъ, что всѣ отдѣльныя части сей святой Церкви поставлены на избранные камни, когда въ ней видимъ всѣхъ вѣрующихъ твердыми въ вѣрѣ и любви. Онъ (Пророкъ Исаія), чтобы показать, кого называлъ камнями, присовокупилъ: *и вся сыны твоя научены Богомъ* (Ис. LIV, 13). Итакъ что видѣлъ Исаія во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ Церкви избранные камни, то Іезекіиль выразилъ чрезъ полъ, устланный камнемъ вокругъ; потому что о сокровищницахъ еще присовокупилъ: *тридцать сокровищницъ въ окружности пола* (а).

(а) *Triginta gazophylacia in circuitu pauimenti.*

5. Десятиричное число всегда принимается за совершенство, потому что въ десяти заповѣдяхъ содержится соблюденіе закона. Ибо дѣятельная и созерцательная жизнь вмѣстѣ соединены въ заповѣдяхъ десятословія; потому что въ немъ заповѣдуется сохранять и любовь къ Богу, и любовь къ ближнему. Потому что любовь къ Богу относится къ созерцательной жизни, а любовь къ ближнему — къ дѣятельной. Но каждый учитель для того, чтобы вполнѣ разшириться въ жизнь дѣятельную, и бдительно возноситься въ созерцательную, долженъ быть совершенъ въ вѣрѣ во Святую Троицу. Поэтому и этихъ самыхъ сокровищницъ насчитывается тридцать, такъ что, когда десять помножаются на три, тогда жизнь и языкъ учителя утверждается въ Троицѣ.

6. Но въ этомъ дѣлѣ намъ тщательно должно разсмотрѣть то, что Пророкъ, описавъ сокровищницы, присовокупилъ: *полъ кругомъ*. И ниже прибавилъ: *сокровищницы въ окружности пола*. Походику надобно видѣть, что есть и сокровищницы въ окружности пола, и есть полъ въ окружности сокровищницъ. Потому что полъ и сокровищницы раздѣлены въ такомъ порядкѣ, что сокровищницы были помѣщены между поломъ, и полъ настланъ между сокровищницами. Это, братіе, не безъ великаго таинства, что въ окружности сокровищницъ

говорится о полѣ, и въ окружности поля повѣствуется о сокровищницахъ. Ибо поле имѣетъ въ окружности сокровищницы потому, что языкъ учителей ежедневно устрояетъ и хранитъ жизнь слушающихъ. Такъ какъ добрые учители въ словахъ святаго наставленія иногда побужденіями пріятности, иногда жестокостію обличенія заботятся о томъ, чтобы защитить жизнь своихъ слушателей отъ пороковъ. Но и самыя сокровищницы имѣютъ въ окружности поле; потому что часто и сердце учителей подвергается искушеніямъ пороковъ, такъ что иногда увлекается самомнѣніемъ и гордостію, иногда воспламеняется гнѣвомъ. Но когда они обсуживаютъ жизнь добрыхъ слушателей, и думаютъ, что она усовершилась по ихъ увѣщаніямъ: тогда они краснѣютъ отъ того, что сами не таковы, каковыми другіе содѣлались чрезъ нихъ при помощи Божіей, и утверждаютъ предъ собою въ умѣ, какъ они вполнѣ подвергаются осужденію. Ибо когда собственныя свои слова приходятъ учителямъ на память, тогда они краснѣютъ, что не исполняютъ того, что говорятъ. Поэтому и чрезъ Соломона говорится: *душа трудящагося трудится для себя, потому что уста его принудили его* (къ тому) (Притч. XVI, 26) (а). Такъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *anima laborantis laborat sibi quia compulit eum os suum.*

какъ уста наши принуждаютъ насъ къ труду, когда тѣмъ, что говоримъ, удерживаемся отъ пороковъ; потому что крайне гнусно для насъ падать по небреженію туда, откуда мы старались проповѣдію извлечь другихъ. Итакъ сокровищницы имѣютъ въ окружности поле; потому что надежною стражею учителей служитъ честная жизнь слушателей. И собственное ихъ слово бываетъ имъ помощію; потому что они стыдятся того, что не противостоятъ порокамъ они, которые другихъ вооружили противъ пороковъ.

7. Доколѣ человѣкъ живетъ въ этой жизни, дотолѣ что другое онъ дѣлаетъ, какъ не стоитъ въ боевомъ порядкѣ противъ злыхъ духовъ? такъ какъ мы выше сказали, что душа учителя, быть можетъ, возбуждается нѣкоторою гордостію. Но онъ, или для того, чтобы самому не погибнуть, или для того, чтобы примѣромъ своимъ не увлечь другихъ къ погибели, бодренно и поспѣшно озирается во кругъ, въ помышленіяхъ чувствуетъ угрызеніе; приведши на память жизнь своихъ слушателей, смиряетъ самаго себя, и всѣ возможные способы употребляетъ къ тому, дабы гордость не овладѣла душею, дабы она не управляла дѣятельностію. Потому что написано: *начало (всякаго) грѣха гордыня* (Сирах. X, 15). Итакъ, кто будетъ плодомъ добраго дѣланія предъ очами

Божіими, если онъ съ корня загнилъ гордостію? Часто, какъ сказано выше, душа его искушается гнѣвомъ; но очень скоро онъ осматриваясь приходитъ въ самого себя, и стѣсняя себя тяжестію науки, дѣйствуетъ такъ, чтобы волненіе души не переходило въ слово, чтобы не звучало въ голосѣ. И бываетъ, что гнѣвъ возмущенной души тамъ разсудкомъ задушаемый умираетъ, гдѣ по нерадѣнію получилъ начало. Отъ этого происходитъ, что душа раждаетъ добродѣтель отъ зачатаго порока; потому что, хотя она не хотѣла твердо стоять, чтобъ не увлечься движеніемъ, однако же въ движеніи храбро препобѣдила саму себя. Поэтому чрезъ Соломона хорошо говорится: *лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго; удерживаяй же гнѣвъ, паче вземлющаго градъ* (Прит. XVI, 32). И справедливо терпѣливый предпочитается завоевателю городовъ; потому что въ томъ дѣлѣ побѣды человѣкъ есть побѣдитель людей, а въ этомъ дѣлѣ кротости терпѣнія душа есть побѣдительница самой себя.—Далѣе слѣдуетъ: *и полъ на фронтонѣ воротъ по долготѣ воротъ былъ внизу* (Іезк. XL, 18) (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et pavimentum in fronte portarum secundum longitudinem portarum erat inferius.*

8. Если долготу воротъ отнесемъ мы къ тому мѣсту, на которомъ были устроены ворота, то по долготѣ воротъ полъ былъ внизу; потому что, сколько пространства могло занимать мѣсто воротъ, на столько простирался и полъ, который былъ внизу. Итакъ долгота пола не была различна отъ воротъ, но равенства пола съ воротами не было. Итакъ что это значитъ, что полъ съ воротами равно былъ долгъ, но не былъ равенъ, если не то, что жизнь народа далеко отстоитъ отъ жизни учащихъ? Потому что, хотя онъ, стремясь къ царству небесному, имѣетъ одну и туже терпѣливость надежды, впрочемъ не имѣетъ одной и тойже ревности къ жизни. Итакъ пусть полъ простирается на подобную долготу; потому что слушатели удерживаютъ въ себѣ ту самую вѣру, ту самую надежду, которую, какъ извѣстно, имѣютъ проповѣдники. Но полъ пусть лежитъ внизу, чтобы всѣ слушатели знали, что ихъ проповѣдники далеко превосходятъ ихъ по своимъ заслугамъ. Но если мы, какъ сказали выше, должны подъ долготою воротъ разумѣть самую высоту ихъ: то, какъ нѣсколько послѣ написано, когда къ воротамъ восходили по ступенямъ, полъ на столько лежитъ внизу, на сколько каждыя ворота поднимаются на высоту. Потому что, чѣмъ святѣе жизнь учителя, тѣмъ смиреннѣе бываетъ чувство слушателя. Онъ и

самъ себя презираетъ, когда обсуживаетъ жизнь своего проповѣдника, высящуюся на великую высоту. Ибо подражать ему въ иномъ, может быть, и можетъ, но въ другомъ не можетъ. Въ чемъ можетъ, онъ успѣваетъ, а въ чемъ не можетъ, онъ смиряется. Слѣдовательно, и то самое служитъ ему къ преспѣянію, что неподражаемо въ преспѣяніи.

9. Ибо вотъ, если мы обсуживаемъ тѣ слова и дѣла нашихъ проповѣдниковъ, о которыхъ читаемъ; то познаемъ, на какую высоту были подняты ворота. Ибо умалчивая о явленіи знаменій, скажемъ о добродѣтеляхъ сердечныхъ. Извѣстно о Павлѣ, который говоритъ, что онъ закономъ умеръ для закона, потому что вѣру во Христа проповѣдывалъ ему и самый законъ (Гал. III, 24), — что онъ по великой ревности къ вѣрѣ не захотѣлъ по плоти держаться заповѣдей закона, запретилъ обрѣзаніе въ язычникахъ. И когда Апостолъ Петръ хотѣлъ было соблюдать еще обычай законнаго обрѣзанія: тогда онъ (Павелъ) лично противосталъ ему, и сказалъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ подверженъ былъ нареканію (Гал. II, 11). И высказывая эту свою ревность ученикамъ, называетъ (поступокъ Петра) не только проступкомъ, но—что болѣе—лицемѣріемъ, т. е. притворствомъ, говоря: *когда Петръ пришелъ въ Антіохію, тогда я лично противосталъ ему: ибо*

онъ подверженъ былъ нареканію. И нѣсколько послѣ: *вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи* (Гал. II, 11. 13). Но тотъ же Апостольскій первенецъ (Петръ), давая многія наставленія ученикамъ, и узнавъ, что они увлекаются нѣкоторыми писаніями Павла, говоритъ: *какъ и возлюбленный братъ нашъ Павелъ, по мудрости ему данной, написалъ вамъ; такъ какъ онъ говоритъ о семъ и во всѣхъ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ есть нѣчто и неудобовразумительное; что невѣжды и неутвержденные, къ собственной своей погибели, превращаютъ; подобно какъ и прочія Писанія* (1 Петр. III, 15. 16). Вотъ (Павелъ) въ своихъ посланіяхъ написалъ, что Петръ подверженъ былъ нареканію, и вотъ Петръ въ своихъ посланіяхъ утверждаетъ, что Павелъ дивенъ въ томъ, что онъ написалъ. Извѣстно, что если бы Петръ не прочиталъ посланій Павла, то не сталъ бы хвалить ихъ. А если онъ прочиталъ ихъ, то замѣтилъ, что въ нихъ самъ онъ назывался подверженнымъ нареканію. Итакъ другъ истины похвалилъ даже то, что его обличили; ему понравилось даже то самое, о чемъ онъ думалъ иначе, нежели какъ слѣдовало думать. И онъ согласился съ меньшимъ братомъ, и въ этомъ самомъ дѣлѣ содѣлался послѣдователемъ меньшаго себя, чтобы тому, кто былъ первымъ въ сонмѣ Апостоловъ, быть первымъ

и въ смиреніи. Итакъ обсудите, возлюбленнѣйшіе братія, на какой высотѣ души стоялъ тотъ, кто хвалилъ тѣ посланія, въ которыхъ написано, что онъ подверженъ нареканію. Какая кротость, какое спокойствіе духа, какая твердость души, и не возмущаемость помышленія? Вотъ онъ отъ меньшаго себя обличается, и не обижается тѣмъ, что его обличаютъ. Не припоминаетъ того, что онъ первый призванъ къ апостольству, ни того, что онъ получилъ ключи царствія небеснаго, ни того, что, если онъ разрѣшитъ какіе либо грѣхи на землѣ, то они будутъ разрѣшены и на небѣ (Мат. IV, 18. XVI, 19 и дал.), ни того, что ходилъ по морю (Мат. XIV, 29), ни того, что онъ однимъ словомъ во имя Іисуса возставлялъ разслабленныхъ (Дѣян. IX, 33. 34), ни того, что врачевалъ больныхъ тѣнію своего тѣла (Дѣян. V, 15), ни того, что словомъ убивалъ лжецовъ (Дѣян. V, 10), ни того, что молитвою воскрешалъ мертвыхъ (Дѣян. IX, 40). Итакъ для того, чтобы безъ негодованія выслушать слова обличенія, онъ какъ бы забылъ всѣ полученные имъ дары, чтобъ удержать одинъ даръ крѣпкаго смиренія. Итакъ кто изъ насъ, спрашиваю я, явивши хотя какое либо изъ послѣднихъ знаменій, будучи обличенъ отъ меньшаго, терпѣливо выслушалъ бы слова обличенія? Мы не сдѣлали никакого чуда, но

если бы кто сталъ укорять насъ за какое либо наше дѣйствіе, то мы тотчасъ разсердимся, тайно считая самихъ себя за людей великихъ, припоминая себѣ даже и тѣ добродѣтели, которыхъ не имѣемъ. Напротивъ того Петръ съ добродѣтелями былъ смиренъ при обличеніи, но ворота поднялись на высоту. Но мы не можемъ подражать этому, столь высокому смиренію; и какъ полъ, далеко лежимъ внизу.

10. Но нѣкоторые думаютъ, будто Павелъ обличалъ не Петра, первенца изъ Апостоловъ, но кого-то другаго, называвшагося тѣмъ же именемъ. Если бъ они съ большимъ вниманіемъ прочли слова Павловы, то не стали бы говорить этого. Ибо Павелъ, начиная рѣчь: *когда Петръ пришелъ въ Антіохію, тогда я лично противосталъ ему* (Гал. II, 11), для того, чтобы показать, о какомъ Петрѣ онъ говорилъ, въ самомъ началѣ своего повѣствованія сказалъ: *мнѣ ввѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ. Ибо Тотъ, Кто содѣйствовалъ Петру въ Апостольствѣ къ обрѣзаннымъ, содѣйствовалъ и мнѣ къ язычникамъ* (Гал. II, 7. 8). Слѣдовательно, ясно, о какомъ Петрѣ говоритъ Павелъ, и Апостоломъ называя его, и повѣствуя, что онъ былъ начальствующимъ въ Евангеліи обрѣзанія.

11. И были люди, которые говорили, будто второе посланіе Петра, въ которомъ похвалены посланія Павловы, не его посланіе. Но если бы они захотѣли обсудить слова тогоже самаго посланія, то стали бы думать совсѣмъ иначе. Потому что въ немъ написано: *гласу пришедшу къ Нему такову отъ велелѣпныя славы: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже Азъ благоизволихъ.* И присовокупляется: *и сей гласъ мы слышахомъ въ небесе сшедшъ, съ Нимъ сущe на горѣ святѣй* (2 Петр. I, 17. 18). Итакъ пусть они прочтутъ Евангеліе, и тотчасъ узнаютъ, что когда этотъ голосъ сходилъ съ неба, тогда Апостолъ Петръ стоялъ съ Господомъ на горѣ. Слѣдовательно, это посланіе написалъ тотъ, кто слышалъ на горѣ этотъ гласъ о Господѣ.

12. Но поелику мы немного сказали о Петрѣ, то теперь, если угодно, обратимся къ кротости Павла, и по возможности обсудимъ, какъ былъ кротокъ и терпѣливъ тотъ, кто былъ столь пламененъ въ ревности проповѣданія, что не пощадилъ и перваго изъ Апостоловъ. Но мы умолчимъ о томъ, что онъ трижды былъ битъ розгами, что однажды побивали его камнями, что три раза терпѣлъ онъ кораблекрушеніе, что ночь и день пробылъ онъ въ глубинѣ морской, что отъ Іудеевъ пять разъ дано ему было по сороку ударовъ безъ одного (2 Кор.

XI, 24. 25). Ибо менѣе подвигаютъ душу на гнѣвъ тѣ бѣды, которыя наносятся намъ отъ открытыхъ враговъ: гораздо большѣе бываетъ то, что мы терпимъ отъ своихъ. Поэтому-то и Сама Истина, жалуясь чрезъ Псалмопѣвца на своего предателя, говоритъ: *яко аще бы врагъ поносилъ Ми, претерпѣлъ быхъ убо. Ты же человѣче равнодушне, владыко Мой и знаемый Мой, иже купно наслаждался еси со Мною брашенъ* (Псал. LIV, 13—15). Итакъ разсудимъ по возможности, что Апостолъ Павелъ былъ столько терпѣливъ среди гонителей, сколько былъ кротокъ среди учениковъ. Пришедъ въ Коринѳъ, онъ отвлекъ Коринѳянъ отъ служенія идоламъ, научилъ ихъ вѣдѣнію истиннаго Бога, и возвѣстилъ имъ о радостяхъ вѣчной жизни. И когда собиралъ великое множество народа къ вѣрѣ, тогда переносилъ тамъ такую нужду, что заработывалъ содержаніе себѣ съ большимъ затрудненіемъ. Онъ не получалъ и земнаго хлѣба отъ тѣхъ учениковъ, которымъ проповѣдывалъ хлѣбъ небесный. Словомъ онъ крѣпко стоялъ за жизнь слушающихъ, трудомъ рукъ стоялъ за жизнь своего тѣла (1 Коринѳ. IV, 12. 1 Солун. II, 9. 2 Солун. III, 8). Даже изъ другихъ странъ были присылаемы ему отъ учениковъ пособія, чтобъ онъ безбѣдно могъ проповѣдывать Коринѳянамъ. Потому что послѣ самъ онъ чрезъ посланіе къ тѣмъ же

Коринѳянамъ говоритъ: *пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому. Скудость бо мою исполнища братія, пришедшіе отъ Македоніи*(2 Коринѳ. XI, 8. 9). Къ великому стыду ихъ онъ впереди сказалъ: *я вводилъ другія Церкви въ убытокъ, заимствуя отъ нихъ содержаніе, когда служилъ вамъ* (2 Коринѳ. XI, 8. по рускому переводу). Итакъ представимъ себѣ, сколько можемъ, какова была кротость его,—проповѣдывать о хлѣбѣ душевномъ, и не получать хлѣба тѣлеснаго; настроять сердца слушающихъ къ богатству вѣчному, и голодать среди тѣхъ же самыхъ вѣрующихъ и богатыхъ учениковъ; среди сытыхъ терпѣть голодъ, впрочемъ не говорить о томъ, что было претерпѣваемо; и однакожь не скорбѣть; видѣть жестокія въ отношеніи къ нему сердца упорныхъ слушателей, но не прекращать проповѣди. Ибо онъ, по свидѣльству Дѣяній Апостольскихъ, годъ и шесть мѣсяцевъ проповѣдывалъ въ этомъ самомъ городѣ (Дѣян. XVIII, 11). И когда отъ этихъ самихъ Коринѳянъ удалился, тогда написалъ имъ послѣ, что онъ перенесъ у нихъ (2 Коринѳ. XI, 23 и далѣе). Но почему онъ никогда не говорилъ имъ этого, когда жилъ среди ихъ? Именно потому, чтобы по приказанію не было дѣлаемо то, чего въ отношеніи къ нему не было дѣлаемо по доброй

волѣ; и когда бы сдѣлалось извѣстнымъ ихъ милосердіе, тогда осталась бы неизвѣстною ихъ воля. Почему же онъ пишетъ объ этомъ гораздо долго спустя? Потому, чтобы не навсегда оставлять неисправимыми учениковъ, и чтобъ они не были таковыми же къ другимъ братіямъ, каковы были по скупости въ отношеніи къ учителю. Въ этомъ Павелъ, истинный учитель язычниковъ, не заботясь о себѣ, а стараясь о другихъ, вѣрно исполнилъ то, что онъ проповѣдывалъ: *никто же своего си да ищетъ; но еже ближняго кійждо. Не искій своея пользы, но пользы многихъ, чтобъ они спаслись* (1 Коринѳ. X, 24. 33). Итакъ какова сила кротости? Каково спокойствіе духа? Кто же изъ насъ не сталъ бы тотчасъ отчаваться въ жизни того, кого хотя одного богатаго обратилъ бы онъ къ служенію всемогущему Богу, и видѣлъ бы себя нуждающимся, а того не дающимъ ему пособія къ жизни? Кто не сказалъ бы, что онъ трудился напрасно? Кто не рассердился бы отъ увѣщанія того, кого не видалъ бы приносящимъ плодъ добраго дѣла вопервыхъ въ отношеніи къ нему самому?

13. Но Павелъ по кротости твердо выстоялъ на вершинѣ добродѣтелей, проповѣдалъ, любилъ, и выполнилъ то доброе дѣло, которое началъ, а терпѣніемъ и постоянствомъ довелъ сердца учениковъ

до милосердія (2 Коринө. IX, 3. 4. и д.). Ибо показывая, что онъ послѣ узналъ объ ихъ преспѣяніи, въ томъ же самомъ посланіи написалъ: *излишне писать вамъ о вспоможеніи святымъ. Ибо я знаю усердіе ваше, и потому хвалюсь вами предъ Македонянами, что Ахаія готова еще съ прошедшаго года: и ревность ваша поощрила многихъ* (2 Коринө. IX, 1. 2). О нихъ же еще онъ говоритъ: (вы), *которые не только начали сіе дѣло, но желали того еще съ прошедшаго года* (2 Коринө. VIII, 10). Ибо, отъ кого онъ требовалъ не столько дѣлъ, сколько добрыхъ расположеній, въ тѣхъ безъ сомнѣнія похваляетъ болѣе добрыя расположенія, нежели дѣла. Впрочемъ надобно замѣтить, что самая эта похвала имѣетъ обличеніе, когда говорится; *съ прошедшаго года.* Хотя они дѣлали добро, но медленно; и потому учитель похвалилъ оное, но не безъ укоризны. Потому что онъ есть врачъ, который прикладываетъ къ ранѣ такое лѣкарство, которое и заживляетъ то, что очищено, и щиплетъ то, что загнило. Но перенося это и проповѣдуя, онъ докончилъ то, что началъ. И дивною силою великодушія умягчилъ жестокость учениковъ до нѣжности милосердія, потому что долгота воротъ поднялась на высоту. Но мы слабые недостойны того, чтобы подражать великодушію толикой кротости, потому именно,

что мы пол, и въ презрѣніи лежимъ въ своихъ обычаяхъ.

14. Но вотъ, когда я говорю о двухъ вождяхъ небеснаго воинства, мнѣ приходитъ на память мученикъ Стефанъ, который держась за имя Создателя своего, былъ выведенъ на средину гонителей, стоялъ безстрашно, училъ надежно, и въ порывѣ ревности по истинѣ сильно обличалъ своихъ притѣснителей, говоря: *вы присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. VII, 51). И когда тѣ побѣжали за камнями, и начали побивать его камнями; тогда онъ преклонивъ колѣна, молился за тѣхъ же самыхъ гонителей, говоря: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60). Итакъ какова эта доблесть, — кипѣть ревностію такъ, чтобы смѣло говорить обличенія тѣмъ, у кого онъ былъ во власти, за ихъ вѣроломство; и любить такъ, чтобы даже при смерти молиться за тѣхъ, которые умерщвляли его? Потому что онъ ревновалъ такъ, какъ будто рѣшительно не имѣлъ кротости; и пребылъ кроткимъ въ любви къ нимъ такъ, какъ будто рѣшительно не горячился противъ нихъ. Помыслимъ между тѣмъ, гдѣ лежитъ виновность нашей совѣсти. Ибо кто изъ насъ, получивъ хотя словесное поношеніе, не платитъ ему тотчасъ же поношеніемъ, не сотрясается весь до основанія, не про-

является въ ненависти, не забываетъ заповѣди о любви? Но блаженный Стефанъ могъ это совершить по благодати всемогущаго Бога, потому что онъ былъ воротами, поднимающимися на высоту. Но мы несчастные подражать этому своею силою не можемъ потому, что глубоко лежимъ внизу, какъ полъ.

15. Но что мы съ своимъ удивленіемъ бесѣдуемъ о жизни Святыхъ, когда и самые древніе отцы, разсуждая о жизни Проповѣдниковъ святой Церкви, чрезвычайно удивлялись? Не ихъ ли жизни удивлялся Псалмопѣвецъ, когда говорилъ: *мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже, зѣло утвердишася владычествія ихъ* (Псал. CXXXVIII, 17)? Спроси, что объ этихъ друзьяхъ Его говоритъ Евангеліе, въ которомъ Истина проповѣдникамъ вѣщаетъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. XV, 14). И Исаія, взирая на жизнь ихъ говоритъ: *кіи суть, иже яко облацы летятъ, и яко голуби къ окнамъ своимъ* (Исаіи LX, 8) (a). Святые Проповѣдники справед-

---

a) Въ Славянскомъ переводѣ послѣднее полустишіе значится такъ: *яко голуби со птенцы ко мнѣ*. Въ Латинскомъ подлинникѣ читается такъ: *et quasi columbae ad fenestras suas*. Послѣдняя мысль умѣстнѣе въ дальнѣйшемъ объясненіи Святителя. И потому она буквально переведена съ Латинскаго подлинника.

ливо названы облаками, потому что они словами дождятъ, а чудесами сіяютъ. О нихъ говорится, что *они и летятъ, яко облацы;* потому что и на землѣ живя, они были внѣ земли по всему, что они содѣлали. Поэтому и чрезъ одинъ, таковый облакъ говорится: *во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ* (2 Коринѳ. X, 3). Ибо прежніе отцы вступали въ супружества, рождали дѣтей, владѣли имуществомъ, занимались заботами о семействѣ. Но этихъ провидящіе по духу пророчества называютъ уже отказавшимися отъ имущества, не желающими супружествъ, не рождающими дѣтей, на землѣ ничего не имущими, ничего не имѣющими, не ходящими по землѣ, подобно людямъ, но летающими, подобно облакамъ. Ибо они летаютъ, потому что умомъ созерцаютъ то, что есть на небѣ. Они какъ будто не прикасаются къ землѣ, потому что ничего на ней не желаютъ. Они и къ окнамъ своимъ несутся, какъ голуби, потому что по духу своей кротости не проявляютъ чрезъ взоры никакого пожеланія въ этомъ мірѣ. Итакъ помыслимъ, какой высоты тѣ ворота духовнаго зданія, которымъ дивятся даже отцы духовные. Поэтому при удивленіи имъ какъ необходимо смиряться намъ, которые составляемъ полъ?— Но поелику подъ названіемъ долготы воротъ мы слышали о высотѣ ихъ: то теперь постараемся уз-

нать что либо о широтѣ ихъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и измѣрилъ широту отъ лица воротъ нижнихъ до фронтона притвора внутренняго со внѣшней стороны, сто локтей къ востоку и сѣверу* (Іезик. XL, 19). (а).

16. Если мы въ этихъ словахъ примемъ за ворота тотъ входъ, которымъ входимъ къ познанію Господа: то нижними воротами служитъ вѣра, а притворомъ внутреннимъ созерцаніе. Но нижнія ворота имѣютъ широту съ лица; именно потому, что вѣра по широтѣ любви своей имѣетъ дѣятельность, которая бываетъ видима ближними. Когда мы взираемъ на эту дѣятельность, мужественно исполняемую совершеннѣйшими насъ; тогда мы, которые стѣсняемся въ добрыхъ дѣлахъ, беремъ съ нихъ примѣры для великой дѣятельности. И каждое святое дѣло для насъ дѣлается какъ бы нѣкоторымъ расширеніемъ пути, который прежде былъ тѣсенъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et mensus est latitudinem a facie portae inferioris, usque ad frontem atrii interioris extrinsecus, centum cubitos ad Orientem et ad Aquilonem.* Въ Славянскомъ же переводѣ тотъ же самый текстъ читается такъ: *и размѣри широту двора отъ непокровеннаго вратъ внѣшнихъ внутрь къ непокровенному вратъ зрящихъ внѣ лактей сто зрящихъ на востокъ: и введе мя на Сѣверъ.*

по неудобности. Но и внутренний притворъ имѣетъ фронтонъ; потому что созерцательная жизнь чрезъ нѣкоторые признаки желаній и воздыханій проявляетъ, сколько внутри видитъ того, что только любитъ. Но десятиричное число, помноженное само на себя, возрастаетъ въ сотенное. Поэтому справедливо сотнею означается великое совершенство, какъ говоритъ Истина объ избранныхъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Мат. XIX, 29). Ибо каждый святой не для того оставляетъ земное, чтобъ имѣть возможность пріобрѣсть его болѣе въ этомъ мірѣ; потому что кто оставляетъ землю по земному пожеланію, тотъ не оставляетъ земли, но пристрастенъ къ ней. И тотъ, кто оставляетъ одну жену, не получитъ сотню (женъ); но сотеннымъ числомъ означается совершенство, и послѣ него обѣщается жизнь вѣчная; потому что, кто ради имени Божія презираетъ временное и земное, тотъ и здѣсь достигаетъ такого совершенства души, что уже не желаетъ того, что презираетъ, и достигаетъ славы вѣчной жизни въ будущемъ вѣкѣ. Слѣдовательно, сотню получаетъ за то, что далъ, тотъ, кто, достигая духа совершенства, не нуждается въ земномъ,

хотя и не имѣетъ его. Ибо бѣденъ тотъ, кто нуждается въ томъ, чего не имѣетъ. Потому что тотъ богатъ, кто и не нуждается въ томъ, чего не имѣетъ. Бѣдность состоитъ въ недостаткѣ души, а не въ количествѣ имѣнія. Такъ какъ не бѣденъ тотъ, кто свыкся съ бѣдностію. Итакъ мужъ измѣрилъ широту отъ лицевой стороны внѣшнихъ воротъ до фронтона внутренняго притвора совнѣ, во сто локтей; потому что Искупитель нашъ ежедневно чрезъ Наставниковъ и учителей измѣряетъ жизнь вѣрующихъ мѣрою совершенства, или по вѣрѣ, проявляемой въ доброй дѣятельности, или по созерцанію, скрываемому въ святыхъ желаніяхъ.

17. Ибо многіе вѣрующіе, по видимому, творятъ дѣла великія, но не подходятъ подъ мѣру во сто локтей; потому что чрезъ дѣла свои домогаются земной славы. А нѣкоторые, по видимому, крѣпко постятся, постоянно плачутъ, но и ихъ мѣра не подходитъ подъ мѣру во сто локтей; потому что они чрезъ то, что дѣлаютъ, домогаются благорасположенія отъ суда человѣческаго. Итакъ кто подходитъ подъ мѣру во сто локтей, если не тотъ, кого добрая дѣятельность имѣетъ вѣрное направленіе, такъ что онъ въ томъ, что дѣлаетъ, не уклоняется ни къ пожеланію земныхъ выгодъ, ни къ преходящимъ похваламъ?

18. Ибо вотъ, быть милосердымъ къ ближнимъ, щедро раздавать имѣніе, поспѣшно помогать нуждающимся — есть широта съ лицевой стороны воротъ внутреннихъ. Но если ты, раздавая свое, не желаешь чужаго, если не домогаешься земной славы за самое доброе дѣло; то ты подходишь подъ мѣру числа сотеннаго, т. е. совершенства. Ибо тотъ, кто, по видимому, милосердо раздаетъ свою собственность, и—быть можетъ—охотно похищаетъ чужую, не знаетъ еще, что за путь совершенства, не отыскалъ еще, откуда начинается направленіе къ совершенству, потому что не отыскалъ еще самаго начала его. Потому что онъ долженъ былъ прежде искоренить изъ сердца страсть, а послѣ уже раздавать то, чѣмъ онъ праведно владѣетъ. Поэтому написано: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. XXXVI, 37). Но можетъ ли быть что либо добраго въ дѣлѣ того, кто еще не уклонился отъ зла? И есть люди, которые, какъ сказано, воздерживаются отъ пищи, изнуряютъ плоть, но при первомъ побужденіи сознаются, что они еще не равнодушны къ славѣ міра. Эти люди показываютъ фронтонъ притвора внутренняго, но не подходятъ подъ мѣру во сто локтей.

19. Поэтому въ числѣ совершенства суть тѣ, о которыхъ чрезъ Павла говорится: *иже плоть рас-*

пяша со страстьми и похотьми (Гал. V, 24). И надобно замѣтить, что не говорится, что оное (совершенство) измѣряется со внутри, но совнѣ; именно потому, что Искупитель нашъ, одобряя или осуждая чрезъ насъ дѣла человѣческія, мѣряетъ ихъ не совнутри, а совнѣ. Поэтому и чрезъ Евангеліе Онъ говоритъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. VII, 16). Такъ какъ мы познаемъ душу дѣлающаго, которой не видимъ, чрезъ то, что видимъ, или совнѣ мѣряемъ фронтонъ притвора внутренняго. Потому что, когда мы видимъ однихъ, раздающими милостыню, помогающими несчастнымъ, защищающими притѣсненныхъ, не желающими никакой славы въ этомъ мірѣ, не пристрастными ни къ какимъ выгодамъ міра сего, а другихъ—обуздывающими плоть, плачущими, занимающимися Словомъ Божіимъ, не желающими никакой преходящей почести: тогда что другое мы должны думать о нихъ, кромѣ того, что они совершенны, что они святы? Слѣдовательно, такъ какъ видимъ ихъ совершенными чрезъ то, что видимъ: то мы совнѣ мѣряемъ жизнь ихъ сотнею локтей.

20. А поелику на эту высоту совершенства взошли многіе изъ Іудейства, и многіе изъ язычества: то справедливо присовокупляется: *къ Востоку и Сѣверу*. Потому что Іудейскій народъ, отъ пло-

ти котораго родился Тотъ, Кто справедливо называется солнцемъ правды, справедливо названъ Востокомъ. О Немъ чрезъ Пророка говорится: *и возсіяетъ вамъ боящимся имене Моего Солнце правды* (Малах. IV, 2). А Сѣверомъ изображается язычество, которое долго цѣпенѣло отъ холода своего вѣроломства, и въ сердцѣ котораго царствовалъ тотъ, кто по свидѣтельству Пророка сказалъ самъ себѣ: *поставлю престолъ мой къ Сѣверу* (Исаіи XIV, 13). Итакъ, поелику воплощенный всемогущій Богъ содѣлалъ внутри святой Церкви совершенными, однихъ изъ Іудеи, другихъ изъ язычества: то Онъ и отмѣрилъ сто локтей, не только къ Востоку, но и къ Сѣверу.

21. Но поелику подъ именемъ Сѣвера зашла у насъ рѣчь о язычествѣ: то нужно обсудить, сколько излито на насъ милосердія отъ нашего Создателя. Ибо всѣ мы обратились изъ язычества. Древніе наши предки служили деревьямъ и камнямъ, и оставивъ Бога, Которымъ сотворены, покланялись богамъ, которыхъ сами творили. Но мы по благодати всемогущаго Бога изведены изъ тьмы къ свѣту. Итакъ вспомнимъ, изъ какой тьмы вышли мы, чтобы чувствовать благодарность за тотъ свѣтъ, который получили. Такъ какъ Божественнаго милосердія не разумѣетъ тотъ, кто не вспоминаетъ о своемъ не-

счастіи. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца къ Богу говорится: *удиви милости Твоя,* (Боже), *спасаяй уповающія на Тя* (Псал. XVI, 7). Потому что Богъ удивляетъ на насъ милости Свои тогда, когда мы приводимъ себѣ на память свои несчастія, такъ какъ, воспоминая о томъ, чѣмъ мы были, мы разумѣемъ и то, кому мы обязаны за то, что мы теперь. Итакъ съ радостію будемъ мы пѣть Создателю нашему, потому что высвободили душевные выи изъ служенія твари. Будемъ радоваться тому, что на насъ исполнилось пророчество Исаіи: *и узда заблужденія, которая была въ челюстяхъ народовъ, будетъ вамъ пѣснію, какъ гласъ священнаго торжества* (Ис. XXX, 23. 29) (а). Потому что узда заблужденія стѣсняла челюсти народовъ, когда язычество, стѣсненное идолослуженіемъ, не умѣло воздавать хвалу исповѣданія истинному Богу. Но эта самая узда заблужденія обратилась уже для насъ въ пѣснь, когда съ радостію мы поемъ и воспѣваемъ; *вси бози языкъ бѣсове: Господь же небеса сотвори* (Псал. XCV, 5); и еще: *идоли языкъ сребро и злато, дѣла рукъ человѣче-*

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et frenum erroris, quod erat in maxillis populorum, canticum erit vobis, sicut vox sanctificatae solemnitatis.*

скихъ: уста имутъ, и не возглаголютъ: очи имутъ, и не узрятъ: уши имутъ, и не услышатъ: ноздри имутъ, и не обоняютъ: руцѣ имутъ, и не осяжутъ: нозѣ имутъ, и не пойдутъ (Псал. CXIII, 12—15). Итакъ когда мы поя говоримъ это всемогущему Господу, тогда мы самую узду нашего заблужденія, которая связывала уста наши для хвалы Бога, превращаемъ въ пѣснь истинному Господу. Но хорошо говорится: *какъ гласъ священнаго торжества;* потому что, воздавая хвалу исповѣданія Богу, мы радуемся въ священномъ торжествѣ. Итакъ будемъ соотвѣтствовать толикому милосердію Искупителя нашего нравами, и зная свѣтъ, будемъ уклоняться отъ тьмы нечестивыхъ дѣлъ.

22. Что же есть въ этомъ мірѣ,—спрашиваю,—что можетъ еще нравиться? Повсюду мы видимъ плачь, отовсюду слышимъ воздыханія. Города разрушены, лагери разбиты, поля опустошены, земля превращена въ пустыню. Въ поляхъ не осталось ни одного земледѣльца, въ городахъ почти ни одного жителя; и самые малые остатки рода человѣческаго ежедневно и безъ престаемости добиваются. И конца не видно карамъ небеснаго правосудія; потому что и подъ карами нѣтъ исправленія въ преступной жизни. Однихъ видимъ мы отводимыми въ плѣнъ, другихъ — лишенными членовъ, третьихъ убитыми.

Итакъ, братіе мои, чтожь остается въ этой жизни, что еще могло бы нравиться? Если же и такой міръ мы еще любимъ, то мы уже любимъ не радости, а раны. Мы видимъ, что сталось съ тѣмъ самымъ Римомъ, который нѣкогда казался господствующимъ надъ міромъ. Безчисленными бѣдствіями, опустошеніемъ гражданъ, нападеніемъ враговъ, множествомъ развалинъ, онъ многообразно сокрушенъ до того, что мы видимъ исполненіе на немъ того, что тѣмъ же самымъ Пророкомъ нѣсколько выше говорится противъ города Самаріи: *настави конобъ, настави, и влій въ онь воду, и собери куски его въ немъ*. (Іезик. XXIV, 4); и нѣсколько послѣ: *возврь, и воскипь, и сваришася кости его посредь его* (Тамъ же, ст. 5); и еще: *умножу дрова, и возжьщу огнь, яко да истають мяса, и оскудьетъ юха, и кости истаютъ, и станетъ на главняхъ его, (тощъ) разгорися, яко да изгоритъ, и распалится, и сгоритъ мьдь его* (Тамъ же. ст. 10. 11). Ибо для насъ наставленъ конобъ тогда, когда устроенъ этотъ городъ. Вода влита въ него, и куски его собраны тогда, когда въ него отвсюду стекались народы, которые, какъ горячая вода, кипѣли отъ дѣятельности міра, и, какъ бы куски мясъ, варились въ немъ отъ его жара. О немъ хорошо говорится: *возврь, и воскипь, и сваришася кости его посредь его;* потому

*

что, хотя прежде въ немъ страшно кипѣла дѣятельность славы вѣка сего, но послѣ самая слава изчезла съ своими искателями. Ибо чрезъ кости означаются сильные вѣка сего, а чрезъ мяса-народы; потому что, какъ мяса держатся на костяхъ, такъ слабость народовъ управляется сильными вѣка сего. Но вотъ у него уже отняты всѣ сильные вѣка сего; слѣдовательно, кости выварены. Вотъ народы отпали, — мяса его истаяли. Пусть же говорится: *умножу дрова, и возжьщу огнь, яко да истаютъ мяса, и оскудѣетъ юха, и кости истаютъ*. Ибо гдѣ сенатъ? Гдѣ народъ? Кости высохли, мяса изварились, всякая въ немъ гордость временныхъ достоинствъ изчезла. Изварился весь составъ его. И не смотря на то, не многихъ оставшихся насъ самихъ ежедневно еще умерщвляютъ мечи, ежедневно тѣснятъ еще безчисленные налоги. Итакъ пусть еще говорится: *и станетъ на главняхъ его (тощъ) разгорѣся*. Такъ какъ сената нѣтъ, народъ изгибъ; и не смотря на то, среди не многихъ, которые остались, ежедневно умножаются скорби и воздыханія: то Римъ горитъ уже послѣ опустошенія. Но что говоримъ мы это о людяхъ, когда видимъ даже самыя зданія разрушающимися отъ учащающихся землетрясеній? Поэтому о городѣ, уже опустошенномъ, приспособительно присовокупляется: *яко да из-*

горитъ, и распалится, и сгоритъ мъдь его. Ибо истребляется уже и самый тотъ конобъ, въ которомъ были истребляемы мяса и кости; потому что послѣ того, какъ не стало людей, падають и стѣны. Гдѣ же тѣ, которые нѣкогда блаженствовали въ славѣ его? Гдѣ ихъ пышность? Гдѣ гордость? Гдѣ частая и неумѣренная радость?

23. На немъ исполнилось то, что говорится чрезъ Пророка противъ разрушенной Ниневіи: *гдѣ есть виталище львовъ, и пажить сущая львичищемъ* (Наум. II, 11)? Не были ли львами вожди его и начальники, которые, рыская по различнымъ провинціямъ міра, отыскивали добычи свирѣпствомъ и умерщвленіемъ?—Здѣсь львиные дѣти находили пажити; потому что дѣти, отроки, юноши, сыны людей вѣка сего бѣгали туда и сюда, когда хотѣли имѣть успѣхъ въ этомъ мірѣ. Но вотъ онъ (Римъ) опустошенъ; вотъ онъ сокрушенъ, вотъ наполненъ стѣнаніями. Никто уже не бѣжитъ къ нему, чтобъ имѣть успѣхъ въ этомъ мірѣ; никого уже изъ сильныхъ и насилующихъ не осталось въ немъ, кто бы притѣсненіемъ добывалъ добычу. Итакъ мы скажемъ: *гдѣ есть виталище львовъ, и пажить сущая львичищемъ?* Съ нимъ случилось то, что Пророкомъ сказано объ Іудеѣ: *разширги обросненіе твое* (плешь твою), *яко орелъ* (Мих. I, 16). Потому что у чело-

вѣка плешь обыкновенно бываетъ только на головѣ, а у орла плешь бываетъ на всемъ тѣлѣ, такъ какъ во время чрезвычайной его старости пухъ его и перья выпадаютъ изъ всѣхъ членовъ его. Слѣдовательно, онъ (Римъ) расширяетъ плешь свою, какъ орелъ, потому что потерялъ пухъ въ лишеніи народа. Выпали перья и изъ крыльевъ, на которыхъ онъ обыкновенно леталъ на добычу; потому что истреблены всѣ тѣ его сильные, чрезъ которыхъ онъ похищалъ чужое.

24. Но мы знаемъ, что сказанное нами о паденіи города Рима совершилось почти во всѣхъ странахъ міра. Ибо иныя мѣста опустошены отъ убійства, другія истреблены мечемъ, третьи измучены голодомъ, четвертыя поглощены зіяніями земли. Поэтому презримъ всецѣло этотъ настоящій вѣкъ, уже уничтожаемый; покончимъ пожеланія міра по крайней мѣрѣ съ кончиною міра; послѣдуемъ по возможности дѣяніямъ добрыхъ (людей). Ибо у Востока и Сѣвера много есть такихъ, которые по совершенству жизни имѣютъ мѣру во сто локтей. Ибо изъ Іудеи и язычества, какъ сказано, они возрасли до вершины совершенства. Хотя чрезъ Востокъ и Сѣверъ могутъ быть еще разумѣваемы праведники и грѣшники. Но чрезъ Сѣверъ мы правильно разумѣемъ грѣшниковъ, которые, падши отъ холода

души, цѣпенѣли подъ тѣнію грѣха своего. Но поелику милосердіе всемогущаго Бога даже таковыхъ призываетъ къ покаянію, омываетъ ихъ сокрушеніемъ и слезами, обогащаетъ добродѣтелями, и возвышаетъ до славы совершенства: то сто локтей отмѣряются не только къ Востоку, но и къ Сѣверу, когда съ праведниками чрезъ дары и могущество приходятъ къ совершенству и грѣшники, по милосердію Господа нашего Іисуса Христа, Который съ Отцемъ и Святымъ Духомъ живетъ и царствуетъ, Богъ чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДМАЯ.

Она содержитъ въ себѣ изъясненіе семи стиховъ, отъ 20 до 27, и вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ многія правила нравственныя, о дарахъ Святаго Духа, о ведущихъ къ нимъ степеняхъ, объ истинномъ совершенствѣ и необходимости добрыхъ дѣлъ.

1. Велико должно быть раздѣленіе читающихъ, когда они вѣрятъ, что въ Священномъ Писаніи каждое произносимое слово не всегда означаетъ одинъ и тотъ же предметъ; такъ, на примѣръ, солнце, иног-

да принимается въ хорошемъ смыслѣ, а иногда въ дурномъ. Ибо именемъ солнца иногда означается Самъ Искупитель нашъ, а иногда гоненіе. Такъ, по свидѣтельству книги Премудрости, нечестивые въ адѣ скажутъ: *заблудихомъ отъ пути истиннаго, и солнце правды не возсія намъ* (Прем. Сол. V, 6). А о брошенныхъ сѣменахъ Господь говоритъ: *солнцу возсіявшу присвянуша* (Матѳ. XIII, 6), именно потому, что во время гоненія засыхаютъ слова проповѣди въ сердцахъ нечестивыхъ. Такъ левъ означаетъ Господа, какъ написано: *се побѣдилъ есть левъ, иже сый отъ колѣна Іудова* (Апок. V, 5). Такъ именемъ льва выражается подобіе діавола, какъ говоритъ первоверховный Апостолъ: *супостатъ вашъ діаволъ яко левъ рыкая ходитъ, ищій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Такъ именемъ вола означается мудрый, какъ написано: *да не ореши юнцемъ* (воломъ) *и ослятемъ вкупѣ* (Второз. XXII, 10), не соединяй для проповѣди мудраго съ глупымъ. Но чрезъ вола же означается и глупый; такъ о томъ, кто плѣненъ гнусною любовію, говорится: *онъ же абіе послѣдова ей объюродѣвъ, и якоже волъ на заколеніе ведется* (Притч. VII, 22), т. е. какъ глупый ведется на смерть. Итакъ это я сказалъ для того, чтобы не думали, будто уже ворота, упоминаемыя у Пророка сего, не значатъ что либо другое, по-

тому только, что я изъяснилъ, что ворота означаютъ Господа, или проповѣдниковъ, или Священное Писаніе, или вѣру. Ибо когда Пророкъ говорилъ объ однихъ воротахъ, тогда правильно была разумѣваема вѣра. Но когда упоминается о другихъ воротахъ, тогда можно разумѣть уста Проповѣдниковъ, чрезъ которыя познается истинная жизнь, и чрезъ которыя восходятъ къ познанію духовныхъ таинствъ. Ибо о воротахъ, которыя, по нашему мнѣнію, означаютъ вѣру, намъ надобно замѣтить, что онѣ называются нижними. Такъ какъ, доколѣ мы живемъ въ этой жизни, дотолѣ стоимъ еще какъ бы внизу. И вѣра по справедливости называется нижними воротами; потому что она открываетъ намъ на землѣ познаніе Бога. Итакъ теперь говорится: *измѣрилъ и ворота, обращенныя на путь сѣверный входа внѣшняго, какъ въ долготу, такъ и въ широту. И спальни ихъ три съ этой стороны, и три съ той; и фронтоны ихъ, и входъ ихъ по мѣрѣ воротъ первыхъ; пятьдесятъ локтей долготу ихъ, и широту ихъ въ двадцать пять локтей. Окна же ихъ, и входъ, и резьба, по мѣрѣ воротъ, обращенныхъ къ Востоку; и семь ступеней было въ восходѣ ихъ, и входъ предъ ними* (Iезик. XL, 20—22). (а).

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *portam quoque, quae*

2. О воротахъ, обращенныхъ на путь сѣверный входа внѣшняго, повторяется тоже самое, что уже выше сказано о другихъ воротахъ, и присовокупляется еще другое, чего не говоритъ Пророкъ о прежнихъ воротахъ. Итакъ, чтобы обширно разсуждать о томъ, о чемъ еще не было разсуждаемо, мы должны кратко повторить то, что уже сказано. Ибо ворота обращаются на путь сѣверный, когда каждый проповѣдникъ познаетъ жизнь грѣшника, и чрезъ слово проповѣди открываетъ ему жизнь внутреннюю. Эти ворота называются воротами входа внѣшняго. Потому что внѣшній входъ есть жизнь настоящая, въ которой все, что дѣлается тѣлесно, и видимо бываетъ тѣлесно. Онѣ измѣряются какъ въ долготу, такъ и въ широту; потому что, когда грѣшникъ приводимъ бываетъ къ вѣрѣ, тогда проповѣднику необходимо обсудить, на сколько тотъ отъ увѣщанія его успѣетъ, какъ въ долготѣ надежды,

---

respiciabat ad uiam Aquilonis atrii exterioris mensus est tam in longitudine, quam in latitudine. Et thalamos ejus tres hinc, et tres inde, et frontes ejus, et uestibulum ejus secundum mensuram portae prioris: quinquaginta cubitorum longitudinem ejus, et latitudinem uiginti et quinque cubitorum. Fenestrae autem ejus, et uestibulum, et sculpturae secundum mensuram portae, quae respiciebat ad Orientem; et septem graduum erat ascensus ejus, et uestibulum ante eam.

такъ и въ широтѣ любви. Кто обращается къ Богу, и еще надѣется на блага настоящей жизни, тотъ не имѣетъ долготы, потому что коротка та жизнь, на которую положилъ онъ надежду. Если онъ стѣсняется еще пожеланіемъ земныхъ вещей, и ненавистію къ ближнему: то онъ не имѣетъ широты; потому что не умѣетъ ни презирать земное, ни разширяться любовію къ ближнему. Но когда каждый обратившійся (къ Богу) долготерпѣливо надѣется радостей вѣчной жизни, съ любовію переноситъ обиды отъ ближнихъ, и даже не желаетъ того, чего не имѣетъ; тогда ворота имѣютъ и долготу, и широту; потому что славою Проповѣдника служитъ успѣхъ слушателя. Поэтому нѣкоторымъ чрезъ великаго учителя говорится: *радосте и вѣнче мой* (Филипп. IV, 1). И еще: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Солун. III, 8). И еще: *кто намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія; не и вы ли предъ Господемъ* (1 Солун. II, 19)? Итакъ есть долгота и широта воротъ обращенныхъ къ Сѣверу; потому что, когда Проповѣдникъ обратитъ къ вѣрѣ какого либо невѣрующаго, цѣпенѣющаго въ холодѣ грѣха своего, тогда онъ составляетъ собственную свою славу чрезъ то, что направляетъ его въ долготу надежды и расправляетъ широту въ любви. А поелику всѣ слушатели въ познаніи святой Троицы

по слову проповѣди дѣлаютъ успѣхъ и въ любви къ Тойже Троицѣ: то эти же самыя ворота имѣютъ три спальни съ одной стороны, и три съ другой; потому что все то, что Создатель говоритъ о Троицѣ чрезъ Новый Завѣтъ, открываетъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ. И сердце слушающихъ въ любви къ небесному отечеству достигаетъ такого совершенства, что душа, прилѣпляясь къ Богу, какъ невѣста съ женихомъ сидитъ уже въ нѣкоторой спальнѣ, и рѣшительно отвращается земныхъ пожеланій.

3. Или вѣрнѣе, какъ выше сказано (Бесѣд. IV, ч. 5), такъ.—Поелику три чина людей добрыхъ; именно—добрыхъ супруговъ, воздержниковъ и Проповѣдниковъ; и поелику иные и въ супружествѣ стремятся любовію къ небесному отечеству, иные же въ надеждѣ вѣчной радости изнуряютъ плоть свою, избѣгаютъ всѣхъ земныхъ дѣлъ, и не запутываются въ попеченіи вѣка сего, а иные и земныя блага презираютъ, и проповѣдуютъ о тѣхъ небесныхъ радостяхъ, которыя узнали: то что суть они, если не спальни въ духовномъ зданіи, въ помышленіи и размышленіи коихъ душа сочетавается съ небеснымъ Женихомъ? Поелику эти три чина не только Церковь имѣетъ изъ язычниковъ, но нѣкогда имѣла ихъ и Синагога, когда великое множество людей духовныхъ пламенно ожидало благодати Искупителя: то ворота небеснаго

зданія имѣютъ три спальни по сю сторону, и три по ту; такъ какъ каждый проповѣдникъ, призывая слушателя къ горнему отечеству, показываетъ, что небеснымъ желаніемъ горѣли и новозавѣтные отцы, и ветхозавѣтные. Ибо примѣры большею частію сильнѣе убѣждаютъ, нежели слова умозаключенія; и когда Проповѣдникъ говоритъ, каковы были по любви къ всемогущему Богу въ Новомъ Завѣтѣ, иные въ супружествѣ, или воздержаніи, или проповѣдничествѣ, или иные въ Ветхомъ, тогда показываетъ, что ворота—слова его—имѣютъ по три спальни съ той и другой стороны. Эти ворота имѣютъ и фронтонъ, потому что въ жизни проповѣдника есть открытыя дѣла, которыя бываютъ видимы. Имѣютъ предъ фронтономъ и входъ; потому что, прежде нежели станетъ онъ располагать къ добрымъ дѣламъ, проповѣдуетъ вѣру, чрезъ которую душа смиренно ступая восходитъ на высоту добрыхъ дѣлъ. Все это по мѣрѣ первыхъ воротъ; потому что присовокупляется: *пятидесяти лактей долгота ихъ: а широта ихъ двудесяти и пяти лактей* (Іезик. XL. 21).

4. Вы помните, что мы подробно говорили о семъ выше (Бес. V, ч. 11). Тамъ мы сказали, что пятидесятеричнымъ числомъ означается покой; потому что и пятидесятый годъ данъ былъ древнему народу на покой, почему и названъ юбилеемъ; а

седмеричное число, чрезъ которое развивается все это время, помноженное на семь, возвышается въ сорокъ девять. Къ этому числу прибавляется единица, потому что вѣчный покой состоитъ въ созерцаніи Единаго. Тоже пятидесятиричное число служитъ для насъ долготою, потому что никто не можетъ достигнуть онаго *покоя*, если только не можетъ долготерпѣливо стремиться къ этой своей надеждѣ. Что мы пятидесятеричнымъ числомъ призываемся въ вѣчному покою, этому научаетъ насъ и то, что въ Скиніи заповѣдано быть десяти завѣсамъ, которыя должны были имѣть по пятидесяти петлей, и по пятидесяти золотыхъ крючковъ съ боку и сверху (Исход. XXVI, 1 и далѣе). Ибо завѣсами святой Скиніи служатъ всѣ тѣ, которые преуспѣваютъ въ украшеніи святой Церкви различными цвѣтами добродѣтелей. Они и внутреннее скрываютъ, и внѣшнее вполнѣ украшаютъ, потому что ихъ жизнь, на сколько бываетъ видима, служитъ украшеніемъ; а внутренній ихъ смыслъ сокрытъ, когда въ нихъ нѣкоторымъ образомъ покрывается то небесное, которое они хранятъ въ душѣ, и котораго высказать не могутъ. Но справедливо, что завѣсъ десять; потому что самыя сердца Святыхъ возвысились до совершенства чрезъ соблюденіе десятословія. Но гіацинтовыхъ петлей при завѣсахъ заповѣдано сдѣлать пять-

десятъ. Гіацинтъ имѣетъ цвѣтъ небесный. Итакъ петли завѣсъ суть небесныя заповѣди, которыми связываются души для того, чтобъ онѣ облегченныя снизу висѣли наверху. Эти именно петли имѣютъ золотые крючки, т. е. разумъ, блистающій истинною мудростію. Этотъ разумъ справедливо означается крючками; потому что долженъ быть во всемъ осмотрителенъ, и укрѣпленъ бдительностію осторожной заботливости.

5. И замѣчательно, что повелѣвается, чтобы петли, или крючки были съ боку и сверху; потому что небесныя заповѣди и духовный разумъ, не только должны поддерживать насъ вверху въ любви къ Богу, но и соединять любовію съ ближнимъ. Ибо тѣмъ, что мы любимъ своего Создателя, мы какъ бы висимъ на воздухѣ на верхнихъ петляхъ. А тѣмъ, что мы любимъ ближнихъ, какъ самихъ себя, имѣемъ петли и крючки съ боку, чтобы завѣсы Скиніи, т. е. души вѣрующихъ, соединены были любовію, а не были раздѣляемы ненавистію. Поэтому и здѣсь послѣ долготы въ пятьдесятъ лакотъ тотчасъ присовокупляется широта въ двадцать пять лакотъ, которая широта относится именно къ любви ближняго. Ибо она распространяется на любовь братіи, и въ отношеніи къ нимъ дѣлаетъ всякое доброе дѣло, какое можетъ. Но всѣ добрыя дѣла, которыя со-

вершаются тѣлесно, выражаются пятью чувствами тѣлесными, именно, видѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ, вкусомъ, обоняніемъ. Но пятеричное число, помноженное само на себя, дастъ двадцать пять; потому что добрыя дѣла, когда начинаютъ совершаться, горячестію побуждаютъ душу къ умноженію, и сами чрезъ себя множатся. Поэтому онѣ производятъ и широту въ душѣ, чтобъ она не была тѣсна ни отъ теплоты, ни горячести, но расширялась въ добрыхъ дѣлахъ любовію. Ибо всякая слабость теплоты есть тѣснота, а всякое благорасположеніе любви есть великая широта. Такъ какъ хотя и нѣтъ вещей, которыя слѣдовало бы дать нуждающемуся ближнему, однакожъ широка сущность доброй воли, которая достаточествуетъ къ воздаянію царства, какъ написано: *на земли миръ, во человѣцехъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Далѣе слѣдуетъ: *окна же ихъ, и преддверіе, и рѣзьба по мѣрѣ воротъ обращенныхъ къ Востоку* (Iезик. XL, 22) (а).

6. Все это выше пространно уже сказано, и потому слово не должно быть замедляемо продолжи-

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *fenestrae autem ejus, et vestibulum, et sculpturae secundum mensuram portae, quae respiciebat ad orientem.*

тельнымъ изъясненіемъ. Впрочемъ весьма замѣчательно то, что ворота къ сѣверу, по словамъ Пророка, имѣютъ все то, что имѣютъ ворота къ Востоку, именно, окна созерцанія, преддверіе смиренія, рѣзьбу добраго дѣланія. Ибо всѣ тѣ, которые устояли въ невинности чрезъ то, что въ обращеніи соединились съ Богомъ, имѣютъ ворота къ Востоку, потому что имъ открытъ входъ въ царство небесное тѣмъ свѣтомъ, который они получили. А всѣ тѣ, которые послѣ падши во грѣхи пострадали отъ холода своей безчувственности, но обращаясь къ покаянію отогрѣваются для любви небеснаго отечества, имѣютъ ворота къ Сѣверу; потому что и имъ, послѣ холода грѣха ихъ, открывается по милосердію входъ Царства небеснаго. Итакъ говорится, что ворота къ Сѣверу имѣютъ тоже, что имѣютъ и ворота къ Востоку, потому, что и обратившіеся грѣшники такъ богатѣютъ добродѣтелями, какъ богаты тѣ, которые избѣжали паденія въ грѣхъ. Поэтому и голосомъ Псалмопѣвца чрезъ Господа говорится: *пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ* (Псал. CI. 10); потому что Онъ принимаетъ кающихся такъ же, какъ и праведниковъ. Потому что о грѣшникахъ написано: *древле во вретищи и пепелѣ покаялися быша* (Мат. XI, 21). Итакъ пепелъ снѣдается какъ хлѣбъ тогда, когда

чрезъ покаяніе возвращается къ благодати Создателя своего грѣшникъ, какъ праведникъ. Итакъ ворота къ Сѣверу имѣютъ окна, имѣютъ преддверіе, имѣютъ рѣзьбу; потому что, когда грѣшникъ послѣ преступленій возвращается къ жизни, тогда часто получаетъ свѣтъ созерцанія, и отъ самаго памятованія о своемъ нечестіи получаетъ благодать великаго смиренія и ретивость къ доброму дѣланію, такъ что все заповѣдываемое для исполненія въ жизни его кажется какъ бы вырѣзаннымъ. — *По семь было ступеней входа ихъ, и притворъ предъ ними* (Іезик. XL, 22). (a).

7. Семью ступенями восходятъ къ воротамъ; потому что входъ небесной жизни открывается намъ семиобразною благодатію Духа Святаго. Исаія, исчисляя эту семиобразную благодать въ самой нашей Главѣ, или въ Его тѣлѣ, которое составляемъ мы, говоритъ: *и почіетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія: исполнитъ Его Духъ страха Божія* (Ис. XI, 2. 3). Говоря о небесномъ, онъ пересчиталъ эти ступени съ верху внизъ болѣе, нежели съ низу вверхъ, именно: премудрость. разумъ.

---

a) *Septem uero graduum erat ascensus ejus, et vestibulum ante eam.*

совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ. А поелику написано: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. IX, 10): то внѣ всякаго сомнѣнія, что отъ страха восходятъ къ премудрости, а не отъ премудрости возвращаются къ страху, потому что премудрость имѣетъ совершенную любовь. И написано: *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). Итакъ, поелику Пророкъ велъ рѣчь отъ небеснаго къ земному; то началъ отъ премудрости и снисшелъ до страха. Но мы, стремящіеся отъ земнаго къ небесному, перечтемъ тѣ же ступени снизу вверхъ, такъ чтобъ имѣть возможность отъ страха дойти до премудрости. Ибо въ нашемъ умѣ первая степень восхожденія есть страхъ Господень; вторая—благочестіе; третья—вѣдѣніе; четвертая—крѣпость; пятая—совѣтъ; шестая—разумъ; седьмая — премудрость. Ибо страхъ Господень въ умѣ. Но каковъ этотъ страхъ, если съ нимъ нѣтъ благочестія? Кто не знаетъ состраданія къ ближнему, кто притворно сочувствуетъ его несчастіямъ: въ томъ нѣтъ никакого страха предъ очами всемогущаго Бога, потому что онъ не возвышается до благочестія. Но благочестіе обыкновенно ошибается часто въ неупорядоченномъ милосердіи, если, быть можетъ, щадитъ то, чего не должно щадить. Ибо грѣхи, которые могутъ низвергать въ геенскіе огни,

*

должны быть исправляемы лозою вразумленія. Но неупорядоченное благочестіе, дѣлая пощаду во времени, влечетъ къ наказанію вѣчному. Поэтому для того, чтобы благочестіе было истинное и упорядоченное, оно должно быть возвышаемо на слѣдующую степень, т. е. вѣдѣнія, дабы знать, какъ то, что должно наказать по правосудію, такъ и то, что надобно простить по милосердію. Но что, если кто знаетъ, что онъ долженъ дѣлать, но не имѣетъ силы для этого дѣла? Поэтому наше вѣдѣніе должно возрастать до крѣпости, чтобъ оно, видя, что надобно дѣлать, имѣло возможность дѣлать то крѣпостію души, дабы не трепетать отъ страха, и предавшись ужасу не лишиться силы защищать добро, которое оно чувствуетъ. Но часто крѣпость, если будетъ не предусмотрительна, и противъ пороковъ не осмотрительна, сама по своей опрометчивости попусту падаетъ. Поэтому она должна возвышаться до совѣта, чтобы предвидя напередъ укрѣпить все, что можетъ она мужественно дѣлать. Но совѣта быть не можетъ, если нѣтъ разума. Потому что, кто не разумѣетъ зла, которое тяготитъ дѣйствующаго, тотъ какъ можетъ укрѣпить добро, которому помогаетъ? Итакъ отъ совѣта мы должны восходить къ разуму. Но что, если разумъ, хотя и будетъ бодрствовать съ великою тонкостію, и не будетъ знать

умѣренности чрезъ благовременность? Поэтому отъ разума надобно восходить къ премудрости, дабы премудрость благовременно располагала тѣмъ, что вѣрно отыскалъ разумъ. — Итакъ, поелику мы чрезъ страхъ возбуждаемся къ благочестію, чрезъ благочестіе ведемся къ вѣдѣнію, чрезъ вѣдѣніе получаемъ силу въ крѣпости, чрезъ крѣпость стремимся къ совѣту, чрезъ совѣтъ достигаемъ разума, чрезъ разумъ доходимъ до зрѣлой премудрости: то семью ступенями восходимъ къ воротамъ, чрезъ которыя открывается намъ входъ въ жизнь духовную.

Но хорошо говорится, что притворъ былъ предъ ними; потому что, кто прежде не будетъ имѣть смиренія, тотъ не взойдетъ на эти ступени даровъ духовныхъ, какъ написано: *на кого воззрю (а): токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI, 2). Объ этомъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *восхожденія въ сердцѣ своемъ положи во юдоль плачевную* (Псал. LXXXIII, 6). Потому что юдоль есть мѣсто униженное, и каждый грѣшникъ, смиренно въ слезахъ сокрушаяся сердцемъ, успѣваетъ въ восхожденіи къ добродѣтелямъ. Онъ (Псалмопѣвецъ) еще говоритъ: *посылаяй источ-*

а) Въ Латинскомъ подлинникѣ сказано: *super quem requiescet spiritus meus,* т. е. *на комъ почіетъ духъ мой.*

ники въ дебрехъ (Псал. CIII, 10); потому что всемогущій Богъ смиреннымъ сообщаетъ дары духовной благодати.

9. Подъ притворомъ можно еще разумѣть вѣру. Потому что она предъ ступенями и воротами, такъ какъ мы прежде приходимъ къ вѣрѣ, чтобы послѣ чрезъ ступени даровъ духовныхъ войти во врата небесной жизни. Ибо не чрезъ добродѣтели приходятъ къ вѣрѣ, но чрезъ вѣру достигаютъ добродѣтелей. Корнилій сотникъ, коего милостыни прежде крещенія, по свидѣтельству Ангела, похвалены, не дѣлами дошелъ до вѣры, но вѣрою достигъ дѣлъ (Дѣян. X, 1 и далѣе). Ибо и ему чрезъ Ангела говорится: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (ст. 4). Если онъ не вѣровалъ истинному Богу и прежде крещенія, то кому онъ молился? Или какимъ образомъ выслушивалъ его всемогущій Богъ, если онъ не просилъ у Него усовершенствованія себя въ добрѣ? Итакъ онъ зналъ Создателя всего Бога, но не зналъ, что воплотился всемогущій Сынъ Его. Ибо онъ не могъ дѣлать добра, если бы прежде не вѣровалъ. Такъ какъ написано: *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. XI, 6). Итакъ имѣлъ вѣру тотъ, коего молитвы и милостыни могли быть угодными Богу. Но добрыми дѣлами заслужилъ то, чтобы совершенно познать Бога, и вѣ-

ровать таинству воплощенія Его, поколику достигъ таинства крещенія. Итакъ чрезъ вѣру дошелъ онъ до дѣлъ, а чрезъ дѣла утвержденъ въ вѣрѣ. Итакъ притворъ предъ ступенями; потому что кто прежде увѣровалъ, тотъ послѣ по ступенямъ добродѣтели восходитъ къ отверстію воротъ. Далѣе слѣдуетъ: *и врата притвора внутренняго противъ воротъ сѣверныхъ и восточныхъ* (Iезик. XL, 23) (а).

10. Въ этомъ мѣстѣ частица *противъ* полагается не для выраженія противности, но для выраженія прямоты; ибо ворота внутренняго притвора показаны были расположенными такъ, что ворота сѣверныя и восточныя были направлены къ нимъ прямымъ входомъ. Итакъ что значитъ, что внутреннія ворота показываются устроенными по прямому направленію противъ воротъ восточныхъ и сѣверныхъ, если не то,—какъ ясно дается разумѣть,—что входъ царства небеснаго равно открытъ, какъ для Iудейскаго и языческаго народа, такъ и для праведниковъ и грѣшниковъ, послѣ грѣховъ обратившихся? Ибо милосердіе Создателя нашего щедро. И внутреннія ворота обращены не только къ воротамъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et porta atrii interioris contra portam Aquilonis et Orientalem.*

Востока, но и Сѣвера; потому что радости внутренняго притвора открыты, не только тѣмъ, которые пребываютъ въ невинности, но и грѣшникамъ, осуждающимъ чрезъ покаяніе грѣхи свои, чтобъ они знали о неизреченныхъ таинствахъ отечества небеснаго, зная жаждали, жаждая стремились, стремясь достигали ихъ. Объ этихъ тайнахъ внутренней радости зналъ тотъ, кто говорилъ: *возжажда душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію* (Псал. XLI, 3). Проповѣдникъ язычниковъ стремился къ этому входу царства небеснаго, когда говорилъ: *желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти* (Филип. I, 23). Объ этихъ тайнахъ внутренняго восторга знала та невѣста, которая говорила: *братъ мой посла руку свою сквозѣ скважню, и чрево мое вострепета отъ него* (Пѣсн. пѣсн. V, 4). Ибо братъ посылаетъ руку свою чрезъ скважню тогда, когда Господь Своею силою побуждаетъ душу нашу чрезъ тонкое вразумленіе. И чрево отъ соприкосновенія къ ней трепещетъ; потому что слабость наша сама возмущается отъ своего восторга чрезъ то, что касается разумѣнія небесной радости, и въ душѣ бываетъ страхъ съ радостію, потому что она уже чувствуетъ, что любитъ изъ небесной радости, и еще боится, какъ бы не лишиться того, что едва тонко чувствуетъ. Итакъ что остается намъ, если не

то, чтобы всѣ, знающіе объ оныхъ радостяхъ небеснаго отечества, направляли себя къ теченію усовершенствованія жизни? Поэтому и здѣсь кстати присовокупляется: *и размѣри дворъ отъ вратъ до вратъ лактей сто* (Іезик. XL, 23).

11. Мы уже выше сказали, (Бесѣд. VI, ч. 16), что сотенное число, составляемое изъ умноженія десяти на десять, есть число совершенное. Поэтому тотъ, кто видитъ входъ двора внутренняго, по необходимости долженъ стремиться къ нему чрезъ жизнь усовершенствованія, и отъ воротъ начинанія доходить до входа совершенства. Итакъ пусть измѣряется внутренній притворъ, простирающійся отъ внѣшнихъ воротъ до воротъ внутреннихъ на сто локтей, дабы тотъ, кто любя началъ входить, имѣлъ въ умѣ широту совершенства, поколику его въ томъ, кого онъ любитъ, ни несчастія не стѣснятъ, ни счастіе не надмитъ, но онъ бѣжитъ чрезъ притворъ совершенства, презирая все преходящее, доколѣ не достигнетъ сокровенныхъ радостей. Ибо есть много такихъ, которые взошли уже на семиступенный входъ воротъ внѣшнихъ, по нѣкоторому способу вышняго распредѣленія, по страху Божію—смиренны, по ревности къ благочестію—милосерды, по вѣдѣнію разборчивы, по крѣпости души—свободны, по совѣту—осторожны, по разуму—предусмотрительны, по премуд-

рости зрѣлы: но, будучи еще обязаны нѣкоторыми необходимостями, они порабощаются заботамъ міра сего, и откуда уже много отрясли душу, тамъ еще содержатся въ неволѣ. И когда они несутъ возложенныя на нихъ тяжести земнаго занятія, тогда менѣе упражняются въ небесныхъ заповѣдяхъ. Сердечно стремиться къ вѣчному отечеству не достаетъ у нихъ времени; самыя желанія ихъ нѣкоторымъ образомъ въ нихъ ослабѣваютъ, потому именно, что душа, встрѣтивъ препятствія въ заботахъ временныхъ, не имѣетъ возможности любить истинныя радости, дознанныя ею, на столько, на сколько ей хочется. Они большею частію высвобождаютъ выи души изъ подъ ига міра, все оставляютъ, слагаютъ съ себя тяжести земнаго попеченія, и для того, чтобы шпрѣе развернуть душу къ желанію небеснаго, стремятся къ жизни уединенной, и будучи напряжены въ святыхъ молитвахъ, преданы священнымъ размышленіямъ, изнуряютъ себя ежедневнымъ плачемъ, и обветшалость сердца выжигаютъ огнемъ любви, и обновляются въ восхожденіи къ небесной радости. Воспламенившись этимъ самымъ своимъ желаніемъ, они большею частію желаютъ уже вытти изъ тѣла, и послѣ плача не хотятъ возвращаться къ настоящей жизни. Впрочемъ они разнообразятся, такъ что разнообразная любовь самымъ своимъ разнообразіемъ дѣ-

ластъ успѣхъ, и по пламенному желанію какъ бы ростетъ отъ того, въ чемъ ей отказываютъ. Такъ въ странѣ Гадаринской освобожденный отъ легіона демоновъ хотѣлъ уже итти съ Господомъ, однакожъ ему говорится: *возвратися въ домъ твой, и повѣдай, елика ти сотвори Богъ* (Лук. VIII, 39). Такъ невѣста въ Пѣсни пѣсней томимая святыми желаніями говоритъ: *на ложи моемъ въ нощехъ, искахъ, Егоже возлюби душа моя, искахъ Его, и не обрѣтохъ Его* (Пѣсн. пѣсн. III, 1). Ибо на ложѣ душа ищетъ возлюбленнаго, когда въ самой своей праздности и отдохновеніи, котораго домогается, желаетъ видѣть Господа, желаетъ вытти къ Нему, рвется къ высвобожденію себя изъ мрака настоящей жизни. Но она ищетъ Его, и не находитъ; потому что, хотя она съ великою любовію желаетъ, но ей еще не дозволяется видѣть Того, Кого она любитъ.

12. Поэтому таковыя души Святыхъ что другое дѣлаютъ въ этомъ желаніи, если не то, что уже бѣгутъ къ воротамъ отъ внѣшнихъ воротъ чрезъ внутренній притворъ? Съ ними часто случается, что видя себя поощряемыми великимъ дѣйствіемъ небесной благодати, они считаютъ себя уже совершенными, и думаютъ, будто они послушны; но поелику никого нѣтъ, кто предписывалъ бы имъ жестокое, то они думаютъ, будто они терпѣливы, тогда какъ никто не испы-

тываетъ ихъ поношеніями и непріятностями. И большею частію случается то, что они даже противъ воли принимаютъ духовное служеніе, и подводятся подъ управленіе вѣрующихъ. Тѣ, которые со всѣхъ сторонъ были потрясены великими несчастіями, приведенные въ смущеніе души признаютъ себя несовершенными; а тѣ, которые не были подвергнуты такому потрясенію, подумали, будто они совершенны. Отъ этого происходитъ, что они доводятся до самособранности, и молча сами предъ собою стыдятся упрека своей слабости, и, будучи подкрѣплены самымъ стыдомъ своимъ, противопоставляютъ несчастіямъ терпѣніе, и тѣ, которые прежде въ праздности коснѣли отъ самой своей безопасности, дѣлаютъ успѣхъ отъ несчастія. И начинаютъ быть дѣйствительно таковыми, каковыми прежде считали себя напрасно. Итакъ они, когда расходятся по притвору усердія къ добру отъ внѣшнихъ воротъ до воротъ внутреннихъ, измѣряются этимъ самымъ притворомъ во сто локтей; потому что разстановкою и святымъ упражненіемъ они ежедневно преуспѣваютъ въ совершенствѣ. Ибо преуспѣвать въ душѣ посредствомъ ежедневныхъ желаній значитъ, какъ бы внутреннему притвору измѣряться сотнею локтей. Итакъ отъ воротъ до воротъ сто локтей для того, чтобы нѣкоторая медленность въ шествіи служила какъ бы са-

мою разстановкою жизни, чрезъ которую ежедневно возрастаютъ въ добродѣтеляхъ, чтобы съ большимъ совершенствомъ достигнуть внутренняго входа. Далѣе слѣдуетъ: *и вывелъ меня къ пути южному, и вотъ ворота, обращенныя на Югъ; и измѣрилъ фронтонъ ихъ, и крыльцо ихъ по мѣрамъ прежнимъ; и окна ихъ, и крыльца въ окружности, какъ окна прочія, пятидесяти локтей долготу, и широту въ двадцать пять локтей. И чрезъ семь ступеней восходили къ нимъ, и крыльцо предъ дверьми ихъ* (Iезик. XL, 24—26) (а).

13. Все это уже сказано въ воротахъ восточныхъ и сѣверныхъ; и нѣтъ надобности часто повторять то, что мы сказали при объясненіи однажды и дважды. Впрочемъ намъ надобно замѣтить, что въ духовномъ зданіи одинъ входъ открытъ съ Востока, другой съ Сѣвера, третій съ Юга. Ибо какъ холодомъ Сѣвера означаются грѣшники, такъ Юж-

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *et eduxit me ad uiam australem, et ecce porta, quae respiciebat ad Austrum, et mensus est frontem eius, et uestibulum ejus juxta mensuras superiores; et fenestras ejus, et uestibula in circuitu, sicut fenestras caeteras, quinquaginta cubitorum longitudinem et latitudinem uiginti quinque cubitorum. Et in gradibus septem ascendebatur ad eam, et uestibulum ante fores ejus.*

нымъ путемъ означаются горящіе духомъ, которые, будучи воспламенены жаромъ Духа Святаго, возрастаютъ въ добродѣтеляхъ какъ бы при полуденномъ солнцѣ. Итакъ пусть будутъ отверсты врата съ Востока, чтобы тѣ, которые хорошо начали таинства вѣры, и послѣ не погружались въ глубину пороковъ, приходили къ сокровеннымъ радостямъ. Пусть будутъ отверсты ворота съ Сѣвера, дабы тѣ, которые послѣ начала теплоты и свѣта пали въ холодъ и тьму грѣховъ своихъ, возвращались къ помилованію чрезъ сокрушеніе покаянія, и познавали, какая истинная радость внутренняго воздаянія. Пусть будутъ отверсты врата съ Юга, дабы тѣ, которые горятъ отъ святыхъ желаній подвиговъ, ежедневно проникали духовнымъ разумѣніемъ въ таинства внутренней радости. Но между тѣмъ можно предложить вопросъ: если четыре страны міра сего, то почему въ этомъ зданіи внѣшняго двора говорится не о четырехъ воротахъ, а о трехъ?—Этого справедливо надобно было бы требовать, если бы Пророкъ видѣлъ не духовное, а тѣлесное зданіе. Ибо святая Церковь, т. е. духовное зданіе, для достиженія сокровенныхъ радостей имѣетъ только трое воротъ, именно: вѣру, надежду и любовь; однѣ (ворота) съ Востока, другія съ Сѣвера, третьи съ Юга. Потому что воротами

съ Востока служитъ вѣра, такъ какъ чрезъ нее въ душѣ раждается истинный свѣтъ. Воротами съ Сѣвера служитъ надежда, такъ какъ всякій, падшій въ грѣхи, рѣшительно лишается милосердія, если отчаевается въ прощеніи. Воротами съ Юга служитъ любовь, такъ какъ она горяча. Ибо въ полуденной странѣ солнце возвышается вверхъ вертикально, потому что свѣтъ вѣры любовію возвышается въ направленіи къ Богу и ближнему. Итакъ тремя воротами входятъ во внутренній дворъ; потому что чрезъ вѣру, надежду и любовь доходятъ до сокровенныхъ радостей. Но раждается другой вопросъ: почему о воротахъ внутренняго двора говорится, что онѣ направлены прямо противъ воротъ Востока и Сѣвера, и умалчивается, что онѣ направлены прямо къ Югу? Но поелику мы сказали, что Востокомъ означаются начинающіе, а Сѣверомъ падшіе: то надобно было ясно сказать, какъ о начинающихъ, которымъ солнце свѣтитъ ни тепло ни холодно, такъ и о падшихъ, но обратившихся, что имъ отворены ворота двора внутренняго, дабы мы были извѣстны о тѣхъ, о которыхъ можно было сомнѣваться. Но этого не слѣдовало говорить о воротахъ южныхъ; потому что всякой знаетъ, что тѣ достигаютъ внутреннихъ радостей, которые по горячести духа постоянны въ добродѣтеляхъ.

Потому что Священное Писаніе обыкновенно говорить ясно о томъ, о чемъ можно было бы сомнѣваться, и молчитъ о томъ, что извѣстно, какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *и прогнѣваша Моисея въ стану, Аарона святаго Господня* (Псал. CV, 16). Потому что Ааронъ, по настоянію народа, сдѣлалъ идола, и справедливо можно было сомнѣваться въ жизни его. Итакъ Моисей не называется святымъ, потому что всѣмъ извѣстно, что онъ святъ; но Аарона (Пророкъ) называетъ святымъ Господнимъ для того, чтобъ уничтожить въ насъ сомнѣніе въ жизни его. Далѣе слѣдуетъ: *и рѣзныя пальмы были, одна отсюда, другая оттуда на фронтонѣ ихъ* (Іезик. XL, 26).

14. Что это значитъ, что прежде упоминалось о написаніи пальмъ на фронтонахъ, а теперь говорится, что на фронтонѣ рѣзныя пальмы? Потому что въ рѣзьбѣ камней являются дѣла снаружи. Но, какъ мы уже выше сказали, что живописство пальмъ служитъ показаніемъ знаменій. А теперь говорится о вырѣзаніи пальмъ для того, чтобъ обозначить доказательство добрыхъ дѣлъ. Ибо самымъ верховнымъ проповѣдникамъ говорится: *да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. V, 16). Итакъ тѣ, которые

показываютъ святыя дѣянія вырѣзанными въ жизни ихъ, имѣютъ на фронтонѣ вырѣзанныя пальмы; потому что они теперь уже въ святыхъ дѣлахъ своихъ показываютъ, какова въ послѣдствіи послѣдуетъ за ними побѣда. Но поелику мы сказали, что воротами съ Востока означается вѣра, воротами съ Сѣвера—надежда, а воротами съ Юга—любовь: то намъ надобно замѣтить, что на воротахъ восточныхъ упоминается о живописности пальмъ, а о воротахъ къ Сѣверу и Югу говорится о вырѣзаніи ихъ (пальмъ); потому что часто случается, что тѣ, которые положили только начало, не упражняютъ себя въ дѣлахъ прочныхъ и великихъ; а тѣ, которые послѣ паденій обращаются къ добродѣтелямъ, большею частію упражняются въ великихъ подвигахъ, чтобъ имѣть возможность прикрыть предъ очами всемогущаго Бога преступленія свои. И тѣ, которые по горячности духа возрасли въ добродѣтеляхъ, сіяютъ какъ полдень въ святыхъ дѣяніяхъ. Поэтому на восточныхъ воротахъ живопись, а на сѣверныхъ и южныхъ воротахъ рѣзьба; потому что то знаменіе побѣды, которое показывается въ полагающихъ начало, въ обращающихся и ревностныхъ держится прочнѣе и крѣпче.

15. И весьма замѣчательно, что говорится: *отсюда и оттуда*. Ибо всѣ мы, стремящіеся ко

входу жизни, должны имѣть пальму и съ правой и съ лѣвой стороны. Такъ какъ выраженіемъ: *отсюда и оттуда* означается та и другая сторона. Итакъ съ правой стороны имѣетъ пальму тотъ, кого не надмѣваетъ счастіе, а съ лѣвой стороны имѣетъ пальму тотъ, кого не доводятъ до отчаянія несчастія. Какъ бы съ той и другой стороны носилъ пальму Павелъ, когда говорилъ: *съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ; въ чести и безчестіи, среди порицаній и похвалъ, считаясь обманщиками, но будучи вѣрны* (2 Кор. VI, 7—8. По рускому переводу). Его ни несчастія не колебали, ни счастіе не надмѣвало. Слѣдовательно, онъ несъ пальму съ той и другой стороны; потому что въ несчастіи пребылъ твердъ, а въ счастіи смиренъ. Такъ какъ надмѣвающійся въ счастіи не умѣетъ держать въ правой рукѣ пальмы. А кто малодушествуетъ въ несчастіи, тотъ не умѣетъ носить пальмы съ лѣвой стороны. Итакъ для того, чтобы пальма была носима на фронтонѣ съ той и другой стороны, въ душахъ нашихъ всегда должны быть—и упованіе въ несчастіяхъ, и страхъ въ счастіи, дабы или несчастія не доводили до отчаянія, или счастіе не надмило души до самонадѣянности. Поэтому-то оный же славный проповѣдникъ говорилъ: *вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточес-*

ствовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися: вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ (Филип. IV, 12. 13).

16. Ужели, братіе, есть какое либо искусство въ томъ, чтобы жить и въ скудости, и въ изобиліи, насыщаться и алкать , быть въ обиліи и недостаткѣ, что такой проповѣдникъ считаетъ за важное дать знать о семъ? Рѣшительно искусство, и дивное знаніе той науки, которой намъ надобно учиться съ полнымъ напряженіемъ сердца. Ибо кого бѣдность не сокрушаетъ, отъ дѣйствія благодати не отвлекаетъ, къ пожеланію вещей временныхъ не возбуждаетъ, тотъ умѣетъ смиряться. Въ этомъ мѣстѣ Апостолъ называетъ смиреніемъ терпѣніе бѣдности. Потому что тотчасъ въ противоположность присовокупляетъ: *вѣмъ и избыточествовати*. Кто не надмѣвается отъ полученныхъ благъ, кто не бросаетъ ихъ для пріобрѣтенія суетной славы, кто не владѣетъ одинъ тѣмъ, что получилъ, по милосердо раздѣляетъ это съ нуждающимися; тотъ умѣетъ *избыточествовати*. Кто, имѣя продовольствіе, пользуется имъ не для пресыщенія чрева, но для возстановленія добродѣтели, не употребляетъ для плоти болѣе того, сколько требуетъ необходимость, тотъ умѣетъ *насыщатися*. Кто терпитъ недоста-

токъ въ ежедневной пищѣ безъ ропота, и ничего не дѣлаетъ такого, что могло бы ради необходимости въ пропитаніи запутать душу въ грѣхъ, тотъ умѣетъ *алкати*. Итакъ кого ни въ изобиліи не надмѣваетъ гордость, ни въ крайности не безпокоитъ пожеланіе; тотъ умѣетъ *и избыточествовати и лишатися*. Когда онъ тотчасъ присовокупилъ: *вся могу*, тогда для того, чтобы мы не приняли словъ его за выраженіе гордости, присовокупилъ: *о укрѣпляющемъ мя*. Вотъ вѣтвь поднялась вверхъ; но поелику держалась на корнѣ, то осталась въ зелености. Поднимаясь вверхъ, она могла бы засохнуть, если бы отдѣлилась отъ корня. Но онъ (Павелъ) ничего себѣ не приписываетъ; потому что признается, что онъ все можетъ не самъ по себѣ, но въ Томъ, Кто укрѣпляетъ его. Итакъ отсюда и оттуда имѣетъ пальму тотъ славный Проповѣдникъ, котораго ни изобиліе не увлекаетъ въ гордость, ни бѣдность къ жадности.

17. Итакъ, братіе, научимся быть благодарными не только въ счастіи, но и въ несчастіи. Ибо Создатель нашъ по своей благости содѣлался для насъ отцемъ, и воспитываетъ насъ, усыновленныхъ дѣтей, для наслѣдія царства небеснаго. И не только поощряетъ къ тому дарами, но и вразумляетъ розгами. Поэтому научимся *избыточествовати* такъ,

чтобы все, получаемое отъ Него, раздѣлять съ нуждающимися. И избытокъ не долженъ надмѣвать души, дабы она не радовалась тому, что у ней есть то, чего нѣтъ у другаго, и не радовалась частному благу, но общему. Отъ частной радости къ общей Истина призываетъ учениковъ, когда увѣщеваетъ ихъ возвратившихся съ проповѣди, и обрадовавшихся повиновенію имъ бѣсовъ, говоря: *о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. X, 20). Ибо не всѣ избранные изгоняютъ бѣсовъ: но имена всѣхъ избранныхъ написаны на небесахъ. Слѣдовательно, ученикамъ дается наставленіе, чтобъ они отложили свою частную радость, а радовались бы общею радостію о вѣчномъ блаженствѣ. Итакъ кто радуется тому, чего другой не имѣетъ, тотъ, отъ самаго своего избытка содѣлавшись худшимъ, имѣетъ радость частную. Противъ желанія сего избыточества увѣщеваетъ насъ Іоаннъ, говоря: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II, 15). Онъ тотчасъ присовокупляетъ причину, почему: *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ* (Тамъ же). Ибо *никто же можетъ двѣма господинома работати* (Мат. VI, 24), потому что не можетъ въ одно и тоже время любить и преходящее и вѣчное. Если мы любимъ вѣчность, то временнымъ владѣемъ для пользы, но безъ

пристрастія. Іоаннъ эту же самую причину присовокупляетъ, говоря: *яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II, 16).

18. Ибо люди желаютъ имѣть что либо болѣе, нежели сколько необходимо, для того, чтобъ имѣніемъ гордиться, и мечтать въ помыслахъ о себѣ, что другой этого не имѣетъ. Поэтому кто таковъ, тотъ еще не научился умѣнью *избыточествовати.* Но часто собираемое жадностію по пристрастію считается необходимостію, и когда было бы достаточно меньшаго, скорбятъ, что нѣтъ большаго, и неосторожная душа терпитъ какъ бы нѣкоторую необходимость, которую раждаетъ. И когда излишне то, чего она желаетъ, тогда она извиняетъ нѣкоторымъ образомъ предъ собою свою жадность. Итакъ избыточество стоитъ рядомъ съ гордостію. Если же когда перехватила его прихоть, то его постигло, такъ сказать, какъ бы чужеземное плѣненіе. Итакъ, если мы хотимъ знать искусство *избыточествовати:* то намъ необходимо избѣгать не только тѣхъ пороковъ, которые въ сосѣдствѣ съ нимъ, но и тѣхъ, которые приходятъ издалека. Научимся терпѣть бѣдность такъ, чтобъ и не домогаться съ виновностію имѣть то, чего не имѣемъ, и не считать счатливыми тѣхъ, которыхъ видимъ чрезвычайно богатыми. Весьма из-

лишне то, что напередъ приготовляютъ для себя, какъ бы на расходы настоящей жизни. Они несутъ много; но на краткомъ пути лучшая для насъ спутница въ шествіи бѣдность, которая не стѣсняетъ души, когда нѣтъ у ней земнаго достатка, за который мы должны дать отчетъ вѣчному Судіи. Мы свободнѣе идемъ къ отечеству, потому что на пути какъ бы не имѣемъ тяжести.

19. Будемъ учиться и насыщенію, дабы въ принятіи тѣлесныхъ яствъ не служить болѣе щекотанію горла, нежели необходимости. Ибо пожеланіе требуетъ большаго, нежели необходимость. И часто, когда мы стараемся удовлетворить требованію тѣла, подкрадывается наслажденіе, и превышаетъ мѣру возобновленія. Отъ этого происходитъ, что преступленіе переходитъ къ преступленію; потому что другое искушеніе плоти раждается большею частію оттуда, откуда неумѣреннѣе служатъ тѣлу въ возобновленіи его. Ибо отъ грѣха перваго человѣка, по слабости естества, мы раждаемся въ этомъ мірѣ съ нашими искушеніями. И тѣло иногда бываетъ нашимъ помощникомъ въ добромъ дѣлѣ, а иногда прельстительницею на зло. Поэтому, если мы даемъ ему болѣе, нежели сколько должны давать, то мы питаемъ врага. А если отказываемъ въ необходимости его, сколько мы должны, то убиваемъ гражданина. Итакъ

тѣло должно быть насыщаемо, но до такой степени, чтобы оно не ослабѣвало въ сотрудничествѣ намъ въ добромъ дѣлѣ. Ибо кто удовлетворяетъ его на столько, что этимъ гордится, тотъ рѣшительно не умѣетъ *насыщатися.* Поэтому есть великое искусство въ насыщеніи, дабы кто либо чрезъ насыщеніе тѣла не вырывался къ нечестію мерзости.—Будемъ учиться *алкати* для того, чтобы намъ здѣсь правилась наша бѣдность по слѣдующему за нею избытку, дабы необходимая потребность чрева не увлекала насъ къ преступленію, дабы нужда не пріумножала грѣха для самой души; и чтобы сердце не имѣло негодованія, и языкъ не дозволялъ себѣ ропота, когда тѣло томится голодомъ, душа возбуждается къ пожеланію, и желаетъ предвидѣть съ преступленіемъ, откуда бы можно было удовлетворить тѣлу въ его необходимости. Итакъ кто въ нуждѣ своего тѣла осматривается туда и сюда, и хранитъ себя отъ грѣховнаго соблазна, тотъ умѣетъ алкати.

20. Итакъ, возлюбленнѣйшіе братіе, поелику мы чрезъ вѣру, надежду и любовь желаемъ войти во внутренній дворъ жизни тремя воротами: то удаляясь гнѣва и жадности въ несчастіи, и не предаваясь гордости и неумѣренной радости въ счастіи, будемъ держать пальмы отсюда и оттуда. Можно еще возвратить иного гражданина небеснаго отече-

ства, и показать, какъ онъ долженъ держать пальму отсюда и оттуда. Ибо блаженный Іовъ, когда имѣлъ подъ рукою многихъ мужей Востока, когда все улыбалось ему счастіемъ, дѣтей было много, семейство умножалось, стада распложались, устоялъ въ такомъ страхѣ ко всемогущему Богу, что среди наблюденія за подчиненностію, среди дѣлъ правосудія, среди многихъ послушаній смиренія, будучи внимателенъ къ дѣламъ милосердія, усерденъ къ жертвоприношеніямъ, приносилъ всесожженія за каждаго изъ дѣтей своихъ, дабы никто изъ нихъ не грѣшилъ даже въ сердцѣ (Іов. I, 2 и далѣе). Обсудимъ же, какая была бдительность надъ добрымъ дѣломъ у того, кто жертвоприношеніями очищалъ даже тайные грѣхи въ своихъ дѣтяхъ. Но какъ онъ былъ праведенъ, объ этомъ было извѣстно въ его счастіи, но рѣшительно неизвѣстно было, могъ ли онъ устоять въ той же праведности и среди несчастій. Поэтому надобно было затронуть его несчастіемъ для того, чтобъ этотъ святой мужъ въ счастіи былъ допрошенъ несчастіями, чтобы тотъ, кто былъ извѣстенъ всемогущему Господу, чрезъ несчастія сдѣлался извѣстнымъ и намъ, и самому себѣ. Итакъ по распоряженію Господню, у него уведены стада, перебиты сторожа, разрушенъ домъ, истреблены дѣти, поражено тѣло отъ подошвы ноги до маковки. Оста-

лась невредимою жена, которая стрѣлами словъ умножала бы раны его. Но святый мужъ, здравый въ ранахъ, благоразумно учитъ ее, и отвѣчаетъ ей, говоря: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? Приходятъ и друзья— утѣшить, но тотчасъ пускаются въ поношенія и къ ранамъ болѣзни прилагаютъ еще раны словесныя. Они называютъ его немилосердымъ, упрекаютъ въ хищничествѣ, обвиняютъ въ насиліи, считаютъ притѣснителемъ бѣдныхъ. Итакъ что дѣлалъ воинъ Божій среди болѣзненныхъ ранъ и укоряемый горькими словами? Вотъ наказанія Божіи и слова человѣческія вмѣстѣ гнѣтутъ пораженную душу къ отчаянію; но полный силою духа, лежащій въ ранахъ тѣлесныхъ, стоящій крѣпостію души, противъ нападенія отчаянія вывелъ на память тѣ добрыя дѣла, которыя онъ творилъ. Что онъ былъ милосердъ, говоритъ: *око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. XXIX, 15). И еще: *азъ бѣхъ отецъ немощнымъ* (Тамъ же, ст. 16). Что онъ былъ стражемъ подчиненности, и благосклоннымъ, говоритъ: *вселяхся якоже царь посредѣ храбрыхъ, аки утѣшаяй печальныхъ* (Тамъ же, ст. 25). Въ доказательство смиренія своего говоритъ: *аще презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящимся имъ предо мною* (Іов. XXXI, 13). Въ доказательство страннопріимства своего онъ гово-

ритъ: *аще презрѣхъ нага погибающа* (странствующаго): *и не облекохъ его* (Тамъ же, ст. 19). Въ доказательство своей щедрости на дары, онъ говоритъ: *немощніи же аще не благословиша мя, отъ стриженія же агнцевъ моихъ согрѣшася плещы ихъ* (Тамъ же, ст. 20). Что онъ никого не притѣснялъ, въ томъ свидѣтельствуется, говоря: *аще воздвигохъ на сироту руку, надѣяся, яко многа помощь мнѣ есть* (Тамъ же, ст. 21). Что онъ никогда не радовался паденію врага, объ этомъ говоритъ: *аще же обрадовахся о паденіи врагъ моихъ* (Тамъ же, ст. 29). Что онъ былъ терпѣливъ, и переносилъ добродушно поношеніе отъ своихъ подручныхъ, объ этомъ говоритъ: *аще же и многажды рѣша рабыни моя, кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися* (Тамъ же, ст. 31)? Итакъ что это значитъ, что святой мужъ пересчитываетъ столько своихъ добродѣтелей среди бѣдствій? Что значитъ, что онъ своими устами хвалитъ тѣ дѣла, которыя содѣлалъ, если не то, что онъ среди ранъ и словъ, которыя могли нудить его къ отчаянію, направляетъ духъ къ надеждѣ? И тотъ, кто былъ смиренъ въ счастіи, по вызовѣ на память своихъ добродѣтелей, остался несокрушимымъ въ несчастіи. Ибо тѣ слова среди толикихъ бѣдъ не могли ли бы приклонить духъ его къ отчаянію, если бы онъ не вызвалъ къ себѣ на па-

мять тѣ добродѣтели, которыя выполнялъ? Итакъ святой мужъ видѣлъ, что душа его по выслушаніи столькихъ укоризнъ близка къ отчаянію, и дивно постарался о подкрѣпленіи себя въ несомнѣнной надеждѣ своими добрыми дѣлами. Такимъ образомъ исполняется то, что написано: *въ день благихъ не забывай о злыхъ, въ день же злыхъ не забывай о благихъ* (Сир. XI, 25). (а). Ибо если мы, имѣя блага, воспоминаемъ о бѣдахъ, или тѣхъ, которыя мы уже претерпѣли, или тѣхъ, которыя еще можемъ претерпѣть; то полученныя блага не надмѣваютъ души, потому что радость о нихъ стѣсняется страхомъ памятованія о злыхъ. И если подвергшись несчастіямъ, мы воспоминаемъ о благахъ, которыя мы или уже получили, или еще надѣемся получить: то тяжесть золъ не подавляетъ души до отчаянія, потому что ее поддерживаетъ въ надеждѣ память о благахъ. Итакъ, возлюбленнѣйшіе братіе, если мы по заповѣдямъ Господнимъ и примѣрамъ Святыхъ не-

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ *in die bonorum ne immemor sis malorum, et in die malorum ne immemor sis bonorum*. Въ Славянскомъ же переводѣ онъ читается такъ: *въ день благихъ забвеніе злыхъ, въ день же злыхъ не воспомянутся благая*. Но параллельное мѣсто (Сирах. XVIII, 25) ручается за переводъ Латинскій, а не за Славянскій.

ствуемъ такъ, что насъ ни счастіе не надмѣваетъ, ни несчастіе не сокрушаетъ: то мы показываемъ, что предъ очами всемогущаго Бога имѣемъ пальмы отсюда и оттуда. Ему подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Изъясняются стихи отъ 27 до 38 включительно, многіе кратко, а другіе подробно, и преимущественно обосновывается догматъ о воскресеніи.

1. Слова Пророка, которыя, по милосердію Господню, должны быть произнесены любви вашей сего дня, требуютъ болѣе прочтенія, нежели объясненія. Потому что въ трехъ внутреннихъ воротахъ онѣ значатся тѣ же самыя, которыя во второй уже, или третій разъ высказаны о внѣшнихъ. Но не многая есть перемѣна въ описаніи ихъ. Поэтому необходимо намъ, тѣ, о которыхъ уже сказано, пробѣжать чрезъ чтеніе, для того, чтобы тѣ, о которыхъ еще не сказано, можно было объяснить подробнѣе. Итакъ теперь говорится: *и врата внутренняго двора на путь къ югу, и намѣрилъ отъ воротъ до во-*

рэтъ на пути южномъ сто локтей. И ввелъ меня во дворъ внутренній къ воротамъ южнымъ, и измѣрилъ ворота по мѣрамъ прежнимъ, спальню ихъ, и фронтонъ ихъ, и входъ ихъ по тѣмъ же мѣрамъ, и окна ихъ, и входъ ихъ вокругъ пятидесяти локтей долготы, и широты двадцати пяти локтей, и входъ чрезъ кругъ (Іезик. XL, 27—30) (а).

Вы помните, что все это было сказано и объяснено выше (особенно въ предыдущей бесѣдѣ). Но еще не сказано того, что присовокупляется о томъ же самомъ входѣ: *долготою двадцать пять локтей, и широтою пять локтей, и притворъ его къ двору внѣшнему* (Іезик XL, 30. 31) (б).

И опять повторяется то, что уже было сказано выше: *и пальма на фронтонѣ* (тамъ же) (в). И тотчасъ присовокупляется то, чего еще не было сказано: *и восемь было ступеней, по которымъ входили на него* (тамъ же) (г.). И то, что написано о южныхъ вратахъ, повѣтствуется и о восточныхъ вратахъ въ одномъ и томъже порядкѣ. Ибо тотчасъ присовокупляется: *и ввелъ меня въ при-*

(а)+(б)+(в)+(г)+(д). Всѣ эти тексты буквально переведены съ Латинскаго подлинника, которыхъ здѣсь не выписываю, какъ прежде, за множествомъ ихъ. Знающіе Латинскій языкъ сами могутъ прочитать ихъ, а для незнающихъ они не нужны.

творъ внутренній чрезъ врата восточныя, и измѣрилъ ворота по мѣрамъ прежнимъ, чертогъ ихъ, и фронтонъ ихъ, и преддверіе ихъ, и окна ихъ, и входы ихъ вокругъ долиною въ пятьдесятъ локтей, и шириною въ двадцать пять локтей. И переднюю комнату его, т. е. внутренняго притвора, и пальмы рѣзныя на фронтонѣ ихъ отсюда и оттуда, и въ восемь ступеней восходъ ихъ (Iезик. XL, 32—34). (д). Тоже самое, что сказано о воротахъ южныхъ и восточныхъ, тѣмиже словами повторяется и о воротахъ сѣверныхъ. Ибо присовокупляется: *и ввелъ меня во врата сѣверныя, и измѣрилъ по мѣрамъ прежнимъ, чертогъ ихъ, и фронтонъ ихъ, и преддверіе ихъ, и окна ихъ вокругъ, въ долготу пятьдесятъ локтей, и въ широту двадцать пять локтей. И преддверіе ихъ было обращено ко внѣшнему двору, и рѣзныя пальмы ихъ отсюда и оттуда, и въ восемь ступеней восходъ ихъ* (Iезик. XL, 35—37) (а).

2. Итакъ мы обширно сказали выше (бесѣд. VI и VII), что означается внутреннимъ притворомъ, что чертогомъ, что фронтонами, что преддверіемъ, что окнами, что долготою и широтою, что рѣзьбою пальмъ, и нѣтъ надобности опять повторять одно и тоже, но займемся только тѣмъ, чего

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

еще не было сказано. Поэтому теперь намъ надобно спросить, что значатъ тѣ трое внутреннихъ воротъ, или, что значитъ, что преддверія этихъ самыхъ воротъ измѣряются въ долготу двадцатью пятью локтями, а въ широту пятью локтями; или, почему входъ къ нимъ устроенъ не въ семь ступеней, какъ было сказано о воротахъ внѣшнихъ, но въ восемь. Ибо тѣхъ воротъ внутренняго притвора, о которыхъ сказано выше, у этихъ трехъ внутреннихъ воротъ нѣтъ, потому что о тѣхъ говорится, что онѣ обращены къ воротамъ востока и сѣвера, а объ этихъ отдѣльно упоминается, что онѣ устроены внутри къ югу, или востоку и сѣверу. Поэтому тѣми вѣрно означается входъ внутренній; потому что, какъ уже прежде сказано, онѣ отверзаются, или для Іудеевъ и язычниковъ, или начинающихъ и преуспѣвающихъ въ добрѣ, или для падающихъ, но послѣ паденія востающихъ чрезъ покаяніе. Но теперь, послѣ того какъ описаны отдѣльныя вороты на востокѣ, сѣверѣ и югѣ, почему опять описываются отдѣльныя ворота внутренняго притвора на югѣ и востокѣ и сѣверѣ? При споспѣшествованіи Господнемъ нужно съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовать сосудъ толикой глубины. Ибо, если мы подъ именемъ воротъ будемъ разумѣть святыхъ проповѣдниковъ; то намъ

надобно знать, что едина Церковь у проповѣдниковъ Ветхаго и Новаго Завѣта. А ворота имѣютъ семь или восемь ступеней потому, что они согласно проповѣдуютъ семиобразную благодать Святаго Духа, осмою же ступенью возвѣщаютъ награду вѣчнаго воздаянія. Поэтому написано: *даждь часть седмимъ и осмимъ* (Екклес. XI, 2). Итакъ что мы можемъ назвать внѣшними воротами, если не древнихъ отцовъ, которые заповѣдями закона умѣли наблюдать болѣе за дѣлами народа, нежели за сердцами? дабы внутреннія вотота принять за проповѣдниковъ Святой Церкви, которые духовными увѣщаніями охраняютъ сердца учениковъ своихъ, дабы они даже въ помыслахъ не услаждались тѣмъ зломъ, котораго не дѣлаютъ. Ибо говорится, что чрезъ тѣ восходили на семь ступеней, потому что и въ исполненіи закона былъ день седьмый, и въ Новомъ Завѣтѣ есть день осмый по таинству; онъ именно называется днемъ Господнимъ, который есть третій отъ страданія, но восьмый отъ созданія, потому что слѣдуетъ за седьмымъ.

3. Но если мы разумѣемъ, что именемъ воротъ означаются только святые Апостолы, которые именно первые для насъ проповѣдники святой Церкви, и научили насъ крѣпко держаться вѣры, надежды и любви: то и они для насъ въ отношеніи

къ этимъ добродѣтелямъ суть ворота, потому что чрезъ эти самыя добродѣтели ведутъ насъ къ внутреннему разумѣнію премудрости. Но какъ же могутъ быть внѣшними воротами тѣ, которыхъ мы принимаемъ за внутреннія? И какъ могутъ быть внутренними воротами тѣ, которыхъ мы принимаемъ за внѣшнія? Въ этомъ дѣлѣ съ пользою можно думать, что они для насъ и внѣшнія ворота, и вмѣстѣ внутреннія. Когда они въ самомъ началѣ проповѣдуютъ намъ не высокое и таинственное, но только то, что особенно понятно: тогда они внѣшнія ворота. Но когда они говорятъ усовершившимся глубокое и таинственное, тогда они ворота внутреннія. Посмотримъ, какъ отворяются ворота внѣшнія: *я не могъ говорить съ вами, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я кормилъ васъ молокомъ, а не пищею* (1 Кор. III, 1). Посмотримъ, какъ отверзаются ворота внутреннія: *мудрость проповѣдуемъ мы между совершенными* (1 Кор. II, 6). Посмотримъ, однѣ ли и тѣже самыя ворота суть внутреннія и внѣшнія: *мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 14). И еще: *если мы выходимъ изъ границъ, то для Бога; если же скромны, то для васъ* (2 Кор. V, 14). Созерцая и бесѣдуя съ мудрыми, онъ выходитъ изъ границъ и служитъ воротами внутренни-

ми; а тѣмъ, что въ проповѣди тщательно приноровляется къ неразумнымъ, и не открываетъ того, какою заботливостію духа наполняется въ умѣ, когда проповѣдуетъ, показываетъ, что онъ служитъ воротами внѣшними. Итакъ для насъ и внѣшнія и внутреннія ворота суть тѣ, которые наставляютъ насъ и при первомъ входѣ вѣры, надежды и любви, и чрезъ высшее разумѣніе вводятъ насъ во внутреннее, когда намъ усовершившимся уже проповѣдують о таинствахъ царства небеснаго.

4. Поэтому и восходъ къ нимъ сперва описывается съ семью ступенями, а послѣ съ осмью. Ибо осмою ступенью означаются таинства той жизни, которую въ тайнахъ ея разумѣютъ тѣ совершенные, которые вполнѣ презираютъ настоящую жизнь, развивающуюся семидневнымъ кругомъ, которые питаются внутреннимъ созерцаніемъ. Итакъ ворота духовнаго зданія имѣютъ семь ступеней, потому что проповѣдуютъ своимъ слушателямъ страхъ Господень, благочестіе и вѣденіе, мужество и совѣтъ, разумъ и премудрость. Но когда онѣ заповѣдуютъ уже все оставить, когда увѣщеваютъ ничего не любить въ этомъ мірѣ, ни къ чему не пристращаться, когда убѣждаютъ напрягать вниманіе къ созерцанію небеснаго отечества, и услаждаться его таинствами: тогда присовокупляютъ еще ступень, и переводятъ

во внутренность. Эта ступень, по ученію Истины, показана одному, который послѣ перечня заповѣдей закона отвѣчалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея* (Мат. XIX, 20). Ибо онъ стоялъ уже какъ бы на седьмой ступени, когда говорилъ, что онъ съ юности своей все исполнилъ. Но ему тотчасъ говорится: *еще единаго не докончалъ: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Лук. XVIII. 22. сн. Мат. XIX, 21). Хотя онъ въ этихъ словахъ увидѣлъ осмую ступень, но переступить на нее не захотѣлъ, потому что отошелъ съ печалію. Итакъ, кто презрѣвъ земныя блага насыщается созерцаніемъ вѣчности, прозрѣваетъ радости царства небеснаго: тотъ, послѣ семи ступеней, которыя прошелъ страшась и дѣйствуя и пріумножая разумѣніе премудрости, переступилъ на осмую ступень восхода внутреннихъ воротъ.

5. Осмеричнымъ же числомъ означается еще и день вѣчнаго суда, и воскресеніе тѣла. Поэтому и Псалмопѣвецъ, пиша *о осмомъ*, начинаетъ страхомъ суда, говоря: *Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене* (Псал. VI, 2). Ибо нынѣ время милосердія, а съ того суда наступитъ день гнѣва. Въ этотъ именно

день окончится все то время, которое развивается семью днями. А поелику онъ слѣдуетъ за семью днями, то справедливо называется осмымъ. Въ этотъ день востанетъ изъ праха и плоть наша для воздаянія отъ Истины за дѣла благія, или злыя. Поэтому и закономъ повелѣвается совершать обрѣзаніе въ осмый день. Потому что чрезъ обрѣзываемый членъ наражается родъ смертныхъ и умножается число умирающихъ и раждаемыхъ. Но поелику по воскресеніи мертвыхъ не будетъ уже ни распространенія плоти, ни смерти, ни рожденія, какъ написано: *въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи на небеси суть* (Мат. XXII, 30): то и заповѣдано было отсѣкать въ осмый день крайнюю плоть. Ибо размноженіе плоти не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ воскресшая плоть имѣетъ продолженіе вѣчное. Этого члена чужда была Матерь-Дѣва, которая безъ мужескаго смѣшенія зачала во чревѣ Бога, Который своимъ воскресеніемъ первый показалъ намъ славу вѣчнаго отечества. *Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. VI, 9). И намъ показалъ примѣръ, чтобы мы вѣровали тому, что съ нашимъ тѣломъ въ послѣдній день будетъ то, что, какъ намъ извѣстно, было съ Его тѣломъ въ день воскресенія.

6. Поелику у насъ зашла рѣчь о воскресеніи тѣла; то мы съ чрезвычайною скорбію и необыкновенною печалію узнаемъ, что нѣкоторые числятся членами Церкви, и сомнѣваются въ воскресеніи тѣла. Но древніе отцы несомнѣнно вѣровали, что оно будетъ, тогда какъ еще не имѣли ни одного примѣра этого самаго воскресенія. Слѣдовательно, какого осужденія достойны тѣ, которые уже видѣли и примѣръ воскресенія Господня, и не смотря на то, не надѣятся своего воскресенія? Держатъ залогъ, а вѣры не имѣютъ. Наполняютъ Церковь, но, сомнѣваясь въ своемъ воскресеніи, стоятъ съ пустою душею. Объ этомъ воскресеніи чрезъ блаженнаго Іова говорится: *вѣмъ, яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя: и на земли воскресити кожу мою терпящую сія, отъ Господа бо ми сія совершишася: яже азъ въ себѣ свѣмъ, яже очи мои видѣша, а не инъ* (Іов. XIX, 25—27). Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *предъ Нимъ припадутъ вси низходящіи въ землю* (Псал. XXI, 30). Ибо мертвые низходятъ въ землю не духомъ, а тѣломъ. Слѣдовательно, предъ лицемъ Господа припадутъ тѣ, которые низошли въ землю, потому что по воскресеніи прійдутъ на судъ тѣ, которые теперь согниваютъ въ прахѣ. Поэтому онъ еще говоритъ: *възжада Тебѣ душа моя, коль множицею*

Тебе плоть моя (Псал. LXII, 2). Душа жаждетъ видѣнія Бога, а плоть чего жаждетъ, если не воскресенія своего? Поэтому онъ опять говоритъ: *отъимеши духъ ихъ, и изчезнутъ, и въ персть свою возвратятся* (Псал. CIII, 29). И тотчасъ присовокупляетъ о воскресеніи тѣла: *послеши духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Тамъ же, ст. 30). Поэтому и сице говоритъ: *воскресни Господи въ покой Твой, Ты и кіотъ святыни Твоея* (Псал. CXXXI, 8). Ибо воскресъ Господь въ покой свой, когда воскресилъ тѣло свое изъ гроба. Послѣ Него воскресаетъ и кіотъ, потому что воскресаетъ Церковь. Поэтому тѣмъ самымъ Пророкомъ, о которомъ мы говоримъ, написано: *кости сухія, слышите слово Господне. Се глаголетъ Адонаі Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоть, и простру по вамъ кожу, и дамъ духъ Мой въ васъ, и оживете* (Іезик. XXXVII, 4 — 6). Поэтому другой Пророкъ видѣлъ, что родъ человѣческій на концѣ (міра) воскресаетъ чрезъ воскресеніе Господа, и говоритъ: *и исцѣлитъ ны по двою дню, въ день третій воскреснемъ, и живи будемъ предъ Нимъ* (Ос. VI, 3). Поэтому-то Господь, когда говорилъ о Самомъ Себѣ, присовокупилъ: *не дивитеся сему: яко грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сы-*

на Божія, и изыдутъ, сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота: а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда (Іоан. V, 28—29). Поэтому Павелъ говоритъ: *отъонюдуже* (съ небесъ) *и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа: Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. III, 20—21). Поэтому опъ еще говоритъ: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Солун. IV, 14). Онъ и еще говоритъ: *Христосъ начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Если мы не востанемъ отъ сна смертнаго, то какимъ образомъ признаемъ начаткомъ воскресеніе Господне?

7. Вотъ ветхозавѣтные и новозавѣтные отцы единодушно и согласно свидѣтельствуютъ о воскресеніи тѣла. Вотъ лично сама Истина прежде научила тому, что послѣ на дѣлѣ доказала, т. е. воскресеніе тѣла; и не смотря на то, слабость нѣкоторыхъ, стоящая въ домѣ вѣры, не имѣетъ вѣры. Но обыкновенно удивляются, какимъ образомъ можетъ оживотвориться плоть изъ праха. Пусть же они дивятся высотѣ неба, громадѣ земли, безднамъ водъ, — всему, что есть въ мірѣ, самымъ даже Ангеламъ, сотвореннымъ изъ ничего. Гораздо менѣе значитъ, сотворить что либо изъ чего-либо, нежели сотворить

все изъ ничего. Самые элементы, самые виды вещей, проповѣдуютъ намъ образъ воскресенія. Ибо солнце ежедневно предъ нашими глазами умираетъ, и ежедневно воскресаетъ. Звѣзды въ утренніе часы для насъ умираютъ, а вечеромъ воскресаютъ. Сады въ весеннія времена мы видимъ наполненными листьями, цвѣтами и плодами; но въ зимнее время они не имѣютъ ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни плодовъ, и остаются какъ бы засохшими. Но при возвратѣ весенняго солнца, когда отъ корня поднимаются вверхъ соки, они опять одеваются своею красотою. Итакъ почему не надѣятся отъ людей того, что бываетъ видимо на деревьяхъ? Но часто смотрятъ на прахъ гніющаго тѣла съ отвращеніемъ и говорятъ: откуда могли бы возстановлены быть кости и мозги, откуда плоть и волосы? Итакъ спрашивающіе объ этомъ пусть смотрятъ на малыя сѣмена великихъ деревъ, и, если могутъ, отвѣчаютъ: гдѣ скрывается въ нихъ такая громадность дерева, такое разнообразіе вѣтвей, такое множество и зеленость листьевъ, такой видъ цвѣтовъ, такое обиліе запаха и благоуханія плодовъ? Имѣютъ ли сѣмена деревъ тотъ запахъ и вкусъ, которые послѣ сами дерева даютъ въ плодахъ своихъ? Итакъ, если изъ сѣмени деревъ можетъ быть производимо то, чего нельзя видѣть: то почему отчаеваются въ прахѣ человѣческаго тѣла, что изъ него

можетъ быть возобновлена такая форма, которая невидима?

8. Но часто предлагаютъ въ возраженіе пустой вопросишко, по которому говорятъ: тѣло человѣка съѣлъ волкъ, волка сожралъ левъ, левъ умершій превратился въ прахъ: когда этотъ прахъ воскрешается, то какимъ образомъ тѣло человѣка отдѣляется отъ тѣла волка и льва? Этимъ людямъ что мы должны отвѣчать другое, если не то, чтобъ они прежде размыслили, какъ они пришли въ этотъ міръ, и тогда уразумѣютъ, какъ они воскреснутъ? Несомнѣнно, ты, человѣкъ, говорящій это, нѣкогда во чревѣ матери былъ пѣною крови, потому что тамъ ты былъ маленькимъ и жиденькимъ шарикомъ, образовавшимся изъ сѣмени отца и крови матери. Скажи, пожалуй, если ты знаешь, какъ эта влага сѣмени отвердѣла въ костяхъ, какъ въ мозгахъ осталась жидкою, какъ отвердѣла въ нервахъ, какъ возрасла въ мускулахъ, какъ растянулась въ кожѣ, какъ уразнообразилась въ волосахъ и ногтяхъ, такъ чтобы волосы были мягче мускуловъ, а ногти нѣжнѣе костей а грубѣе мускуловъ? Итакъ, если изъ одного сѣмени происходятъ столько и толико разнообразныя по видамъ составныя части и не смотря на то, въ формѣ остаются соединенными: то что удивительнаго, если всемогущій Богъ во время онаго воскресенія

мертвыхъ можетъ отдѣлить тѣло человѣка отъ тѣла звѣрей, такъ что одинъ и тотъ же прахъ и не воскреснетъ,—какъ прахъ волка и льва, и воскреснетъ,—какъ прахъ человѣка? Итакъ смотри, человѣкъ, какъ ты пришелъ къ жизни, и отнюдь не сомнѣвайся, какъ ты возвратишься къ жизни. Почему же ты хочешь постигнуть разумомъ то, какъ ты возвратишься, когда не знаешь, какъ пришелъ? Предоставь Создателю твоему то, чего не можешь постигнуть о тебѣ самомъ. Ибо извѣстно, что ты сотворенъ изъ земли, а земля изъ ничего; значитъ, и ты сотворенъ изъ ничего. Поэтому, чтобы тебѣ не отчаеваться въ воскресеніи твоего тѣла, обсуждай благоразумно, что для Бога менѣе значитъ возстановить то, что было, нежели сотворить то, чего не было.

9. Но если ты не можешь постигнуть разумомъ дѣйствія воскресенія: то обсуди, сколь многаго ты не понимаешь, какъ оно бываетъ, и однако же не сомнѣваешься, что оно есть. Скажи, пожалуй, знаешь ли ты круги небесные, страны земныя, бездны водныя, гдѣ они оканчиваются, на чемъ повѣшены? Но мы знаемъ, что сотворенное изъ ничего виситъ ни на чемъ. Но если есть что либо, что называется ничемъ, то оно уже не есть ничто. А если ничто есть ничто, то громада міра виситъ ни на чемъ, и нѣтъ того *гдѣ*, съ котораго бы должно имѣть свое нача-

ло то, что сотворено. Итакъ какимъ образомъ есть *нигдѣ*, о которомъ мы знаемъ, что оно есть. Но быть можетъ, этого для тебя, человѣкъ, много; такъ обратись къ тебѣ самому. Извѣстно, что ты сотворенъ изъ духа и грязи, одного невидимаго, другой видимой; одной ощутительной, и другаго неощутительнаго. Итакъ какимъ образомъ могли въ тебѣ перемѣшаться духъ и грязь, и изъ различнаго могла вытти вещь не различная, такъ что духъ и грязь совокуплены между собою въ такомъ согласіи, что когда тѣло разрушается, тогда и духъ изнемогаетъ, и когда духъ скорбитъ, тогда и тѣло худѣетъ? Но быть можетъ, ты еще не имѣешь силы разсматривать себя самаго. Разбери, пожалуй, если можешь, какимъ образомъ чермное море раздѣлено жезломъ (Исх. XIV, 21), какимъ образомъ твердость камня излила воды отъ ударенія жезломъ (Числ. XX, 11), какимъ образомъ процвѣлъ сухой жезлъ Аароновъ (Числ. XVII, 8), какимъ образомъ произшедшая отъ его поколѣнія Дѣва зачала, какимъ образомъ она и въ рожденіи пребыла Дѣвою (Лук. I, 27 и далѣе III, 23 и далѣе); какимъ образомъ повелѣніемъ воскрешенъ четверодневный мертвецъ, съ связанными руками и ногами вышелъ изъ гроба, котораго (мертвеца воскресшаго) Господь послѣ велѣлъ разрѣшить ученикамъ (Іоан. XI, 44 и далѣе); какимъ образомъ Тотъ же Иску-

питель нашъ, воскресшій съ истиннымъ тѣломъ и костями, взошелъ къ ученикамъ чрезъ запертыя двери (Іоан. XX, 26)?

10. Вотъ, ты не можешь и этого изслѣдывать, и однакоже вѣришь. Почему же, размышляя и изслѣдывая, сомнѣваешься въ славѣ воскресенія ты, который безъ изслѣдыванія увѣровалъ въ столь многія таинства? Впрочемъ, если ты не вѣришь воскресенію тѣла, то всему вѣровалъ напрасно; потому что на этомъ зрѣлищѣ Ангеловъ ты хотя и кажешься быстро бѣгущимъ, но послѣ того, какъ окончишь бѣгъ, отказываешься отъ полученія награды. Поэтому чрезъ Павла говорится: *тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. IX, 24). Онъ (Павелъ) еще говоритъ: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV, 19). Непостижимыя тайны Божественной силы не разумомъ должны быть изслѣдываемы, но вѣрою съ благоговѣніемъ должны быть принимаемы. Итакъ намъ надобно знать, что то не можетъ уже быть дивнымъ, что можетъ быть постижимо разумомъ человѣческимъ, но въ чудесахъ одна только и есть причина (дивнаго)—могущество Творящаго.—Вотъ мы, заговорившись о воскресеніи тѣла, нѣсколько уклонились отъ порядка изъясненія. Итакъ возвратимся къ тому, что начали.

11. Внутреннія ворота имѣютъ преддверія, которыя имѣютъ мѣру двадцать пять локотъ въ долготу. Ибо, если мы восемь помножимъ на три, то получимъ двадцать четыре. Къ этому (числу) присовокупляется единица для того, чтобы выходило двадцать пять. Ибо добрые слушатели, которые служатъ какъ бы нѣкоторыми преддверіями воротъ, имѣютъ терпѣливость вѣчной надежды, поддерживаютъ осмый день вѣрою въ Троицу. Поелику эта Троица единъ есть Богъ: то они хотя и помножаютъ восемь на три, однако же крѣпко стоятъ въ исповѣданіи единаго Бога. Преддверія ровны, потому что сердца добрыхъ слушателей смиренны. Они имѣютъ долготу, потому что постоянно пребываютъ въ терпѣливости надежды. Долгота ихъ имѣетъ мѣру въ двадцать пять локтей; потому что они вѣруютъ воскресенію чрезъ Троицу тѣла въ осмый день, и исповѣдуютъ, что эта же самая Святая Троица есть единъ Богъ. Они имѣютъ еще пять локтей въ широту, потому что простотою жизни, которая руководится пятью чувствами, расширяютъ любовь къ ближнему около себя. И надобно замѣтить, что послѣ того, какъ другое было выше сказано о преддверіяхъ воротъ, преддверіе, имѣющее пять локтей въ широту, называется обращеннымъ къ внѣшней сторонѣ, именно потому, что есть слушатели, которые, преуспѣвая болѣе и болѣе

въ добродѣтеляхъ, проникаютъ въ уразумѣніе внутренней жизни, и есть нѣкоторые простяки, которые хотя хорошо живутъ, но по тѣлеснымъ чувствамъ. Поэтому они и называются обращенными ко внѣшней сторонѣ. Ибо они какъ бы вовнѣ смотрятъ, потому что хотя хорошо живутъ, но по тѣлеснымъ чувствамъ. Впрочемъ и обращенные ко внѣшней сторонѣ внутри суть; потому что они, хотя и не умѣютъ разумѣніемъ стать выше чувствъ тѣлесныхъ, однакожъ смиренно блюдутъ вѣру и любовь. Слѣдовательно, они и внутри духовнаго зданія любовію, и какъ бы обращены къ внѣшней сторонѣ простотою.

12. Чрезъ преддверіе, обращенное къ внѣшней сторонѣ, можетъ быть означаема вѣра начинающихъ, а чрезъ преддверіе, обращенное ко внутренней сторонѣ, вѣра совершенныхъ, которые чрезъ нее уже славятся знаменіями и чудесами. Чрезъ преддверіе же внутреннее могутъ быть еще означаемы высшія заповѣди, а чрезъ преддверіе, обращенное ко внѣшней сторонѣ, заповѣди низшія. Чрезъ преддверіе приходятъ къ ступенямъ и воротамъ, потому что чрезъ проповѣдуемыя заповѣди достигаютъ добродѣтелей и входа небесной благодати. Когда же дается повелѣніе однимъ, чтобъ они въ помышленіи своемъ содержали вѣчное, мудрствовали о небесномъ; и когда

имъже говорится, чтобъ они проводили жизнь *во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ* (Колос. III, 16): тогда открывается имъ какъ бы внутреннее преддверіе, которое имѣетъ мѣру въ пятьдесятъ локтей долготы, и въ двадцать пять широты. Объ этихъ числахъ мы теперь умолчимъ, потому что впереди мы уже сказали о нихъ многое. Но когда другимъ дается заповѣдь: *мужъ отдавай женѣ должное: подобно и жена мужу* (1 Кор. VII, 3); тогда означается какъ бы внѣшнее преддверіе. Оно хотя и обращено ко внѣшней сторонѣ, однако же внутри; потому что хотя грубый слушатель и дѣлаетъ то, что свойственно плоти, однакожъ онъ не исключенъ изъ числа добрыхъ.

13. Еще воротами восточными можетъ быть означаемъ Господь, южными — Іудея, а сѣверными — обратившееся язычество. Мы называемъ вратами Господа потому, что чрезъ Него входимъ къ Нему. Воротами же не неприлично называемъ Іудею и язычество; потому что знаемъ, что входъ въ небесное зданіе открытъ прежде Евреямъ, а послѣ отцамъ, пришедшимъ изъ язычества. Но въ этомъ случаѣ раждается вопросъ: почему въ предыдущемъ повѣствованіи Пророка прежде описаны ворота восточныя, затѣмъ сѣверныя, и наконецъ южныя? А когда онъ сталъ повѣствовать о тѣхъ же самыхъ во-

ротахъ со внутренняго притвора; то прежде описалъ ворота южныя, потомъ восточныя, и въ третьихъ сѣверныя. Почему онъ не держался одного и тогоже порядка, который принялъ, но измѣнилъ его въ описаніи воротъ, такъ что прежде говорилъ о воротахъ восточныхъ, сѣверныхъ и южныхъ, а послѣ--о южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ? Но если именемъ сѣвера означается язычество: то всѣмъ внимательнымъ читателямъ извѣстно, что язычество было прежде Синагоги. Ибо самъ Еверъ, отъ котораго Евреи получили свое названіе, избранъ изъ язычниковъ (Быт. X, 20—21). Слѣдовательно, можно говорить о восточныхъ воротахъ прежде воротъ сѣверныхъ и южныхъ; потому что Господь, Который есть прежде всѣхъ вѣковъ, по Божеству своему рожденъ прежде язычества и Іудеи. Но въ послѣдующемъ повѣствованіи можно говорить о воротахъ южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ; потому что Искупитель нашъ по естеству человѣческому благоизволилъ родиться среди Іудеи и язычества, такъ какъ Онъ пришелъ въ концѣ Синагоги, и предъ началомъ той Церкви, которую собралъ изъ язычниковъ. Итакъ въ первомъ описаніи пусть восточныя ворота остаются впереди воротъ сѣверныхъ и южныхъ, а во второмъ восточныя ворота называются между воротами южными и

сѣверными; потому что и по Божеству предшествовалъ всему, и по человѣчеству явился среди всего, Тотъ, Кто содѣлался концемъ падавшей Іудеи, и началомъ послѣдующаго за нею язычества. Итакъ, поелику мы, сколько по милости Божіей могли, разсмотрѣли то, чего еще не было сказано, а то, что часто было повторяемо, пробѣжали: то теперь перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ уже по порядку, такъ чтобъ и въ этомъ ничего не повторять изъ того, что сказано.—*И чрезъ каждую сокровищницу дверь на фронтоны воротъ* (Іезик. XL, 37) (а).

14. Выше мы сказали (бесѣд. VI, ч. I, и далѣе), что сокровищницами служатъ сердца учителей, которыя хранятъ богатства вѣденія. А фронтоны воротъ суть слова и дѣла проповѣдниковъ, по которымъ мы совнѣ познаемъ, какъ они внутренно живутъ лично сами. Чрезъ каждую сокровищницу есть дверь на фронтоны воротъ; потому что каждый учитель открываетъ въ сердцѣ слушателя разумѣніе словъ и дѣлъ отеческихъ. Ибо когда мы разъясняемъ проповѣдь Апостола Петра, когда обсуживаемъ слова Павла, когда изъясняемъ Евангеліе Іоанна, и словами ихъ привлекаемъ своихъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

слушателей къ внутреннему разумѣнію: тогда что другое мы дѣлаемъ, если не отверзаемъ дверь на фронтоны воротъ? Итакъ, пусть говорится: *чрезъ каждую сокровищницу дверь на фронтоны воротъ;* потому что, если учитель не подтверждаетъ словами Апостоловъ того, что говоритъ; то онъ не имѣетъ двери на фронтоны воротъ. А если онъ не имѣетъ этой двери, то уже не можетъ называться сокровищницею духовнаго зданія; потому что, если онъ не открываетъ смысла, то не учитель. А когда добрые слушатели чрезъ уста учащихъ познаютъ слова и дѣла Апостоловъ: тогда они молча укоряютъ сами себя предъ самими собою за свои преступленія, и слезами омываютъ все то, что припомнили за собою худаго. Поэтому и здѣсь о двери на фронтонахъ воротъ присовокупляется: *тамъ омывали всесожженіе* (Тамъ же) (а).

15. Ибо тѣ, которые въ святомъ обращеніи чрезъ вѣру посвятили себя Господу, содѣлались всесожженіемъ для Господа. Но поелику они еще много терпятъ въ себѣ отъ поврежденной своей плоти, потому что въ нихъ *чистота сердца оскверняется еще* нечистыми помыслами: то они ежедневно возвращаются къ слезамъ, удручаютъ себя непрестаемымъ

а) Тоже.

*

плачемъ. Ибо они обсуживаютъ слова и дѣла святыхъ отцовъ, и когда признаютъ себя недостойными, тогда омываютъ всесожженіе въ двери воротъ. Ибо вотъ кто либо по страху всемогущаго Господа далъ обѣтъ быть терпѣливымъ, никому не платить поношеніемъ за поношеніе, все переносить равнодушно; и не смотря на то, когда его неожиданно поразитъ изъ устъ ближняго нанесенное поношеніе, тогда онъ въ смущеніи говоритъ, быть можетъ, нѣчто такое, чего не долженъ былъ говорить. Безъ сомнѣнія онъ уже есть всесожженіе, но еще не омытое. Быть можетъ, онъ показалъ терпѣніе противъ нанесенныхъ оскорбленій, промолчалъ; но не смотря на то, онъ скорбитъ отъ тѣхъ поношеній, которыя переноситъ, и душа его получаетъ язву въ любви. Ибо истинное терпѣніе есть то, которое даже любитъ того, отъ кого терпитъ. Ибо терпѣть, и ненавидѣть, не значитъ имѣть добродѣтель кротости, но прикрывать злобу. Итакъ онъ часто въ своемъ помыслѣ осуждаетъ себя, укоряетъ самаго себя за то, что скорбитъ; но не смотря на то, не можетъ преодолѣть себя, чтобы не скорбѣть. Слѣдовательно, онъ по доброму обѣщанію есть всесожженіе, но по скорби, обымающей его, еще не омытое. Другой рѣшился раздать все свое имѣніе нищимъ, не оставлять ничего для самаго себя, предать жизнь свою единому

вышнему правленію: но быть можетъ, въ то время, когда онъ раздаетъ свое имѣніе бѣднымъ, приходитъ на умъ его помыслъ, который говоритъ: чѣмъ ты будешь жить, если все раздашь? Впрочемъ онъ не перестаетъ раздавать, но что прежде раздавалъ съ радостію, то послѣ раздаетъ съ прискорбіемъ. Что значитъ душа его, если не всесожженіе милосердія, однако же оскверненное скорбію помысла? Онъ или совсѣмъ не долженъ былъ на это рѣшаться, или послѣ рѣшимости отнюдь не сомнѣваться. Третій, презрѣвъ гордость міра, рѣшился убѣгать почестей и достоинствъ вѣка сего, пожелалъ имѣть последнее мѣсто среди людей, чтобы тѣмъ быть выше въ непрестающей славѣ, чѣмъ ниже казался въ преходящей жизни. Можетъ быть, онъ, когда нечаянно узнаетъ, что его презираетъ ближній, оскорбляется, почему его презираютъ. Хотя ему и хочется быть на низкомъ мѣстѣ, но не хочется казаться презрѣннымъ. Обѣтъ уже возвышаетъ его, но слабость тянетъ еще книзу. Поэтому онъ по обѣту есть уже всесожженіе, но по слабости еще не очищенное. Итакъ тѣ, которые произнесли самые лучшіе обѣты, имѣютъ еще нѣкоторую виновность въ своей слабости, когда по словамъ учителей уразумѣваютъ изреченія отцовъ, и познаютъ, какъ они виновны, и предаются слезамъ покаянія, омываютъ всесожженіе въ двери воротъ.

16. Но надобно знать, что есть различіе между жертвоприношеніемъ и всесожженіемъ; потому что всякое всесожженіе есть жертвоприношеніе, но не всякое жертвоприношеніе есть всесожженіе. Ибо въ жертвоприношеніи обыкновенно была приносима часть животнаго, а во всесожженіи—все животное. Поэтому всесожженіе на Латинскомъ языкѣ называется все сожженное (на Рускомъ языкѣ такъ же). Итакъ мы должны размыслить о томъ, что значитъ жертвоприношеніе, и что всесожженіе. Ибо когда кто либо изъ своей собственности часть жертвуетъ Богу, а часть не жертвуетъ, то это значитъ жертвоприношеніе. Но когда онъ пожертвуетъ Богу все, что имѣетъ, все, чѣмъ живетъ, все, о чемъ мудрствуетъ, тогда это значитъ всесожженіе. Ибо есть люди, которые еще пристрастны къ міру сему, и однако же вспомоществуютъ бѣднымъ изъ своихъ имуществъ, готовы на защиту притѣсненныхъ. Добрыми своими дѣлами они совершаютъ жертвоприношеніе; потому что и Богу приносятъ нѣчто въ жертву отъ трудовъ своихъ, и для себя нѣчто оставляютъ. И есть другіе, которые для себя ничего не оставляютъ, но смыслъ, языкъ, жизнь и сущность, которую получили, приносятъ въ жертву всемогущему Господу. Чтожь они приносятъ, если не всесожженіе; или вѣрнѣе, сами дѣлаются всесожженіемъ? Ибо Израильскій народъ первую жертву

принесъ въ Египтѣ, а вторую въ пустыни (Исх. XII, XIII). Итакъ, кто еще имѣетъ пристрастіе къ міру, но уже дѣлаетъ что либо доброе, тотъ приноситъ жертву Богу въ Египтѣ. А кто оставляетъ настоящій міръ, и дѣлаетъ добро, которое можетъ, тотъ, какъ бы оставивъ уже Египетъ, совершаетъ жертвоприношеніе въ пустынѣ; потому что, устранивъ отъ себя шумъ плотскихъ пожеланій, онъ въ спокойствіи души своей и въ уединеніи жертвуетъ Богу то, что дѣлаетъ. Итакъ хотя, какъ сказано, и всесожженіе есть жертвоприношеніе, однако же всесожженіе важнѣе жертвоприношенія; потому что душа, не стѣсняемая наслажденіемъ міра сего, все, что имѣетъ, сожигаетъ на олтарѣ всемогущаго Бога.

17. Но намъ надобно знать, что есть люди, которые оставляя міръ, хотя приносятъ въ жертву все, что имѣютъ, но мало пекутся о добрыхъ дѣлахъ, которыя совершаютъ; и хотя творимое ими добро есть всесожженіе, но такъ какъ они не умѣютъ плакать и осуждать самихъ себя, и не разжигаютъ себя любовію къ слезамъ, то ихъ всесожженіе не совершенно. Поэтому чрезъ Псалмопѣвца говорится: *помянетъ* (Господь) *всяку жертву твою, и всесожженіе твое тучно буди* (Псал. XIX, 4). Потому что всесожженіе сухое есть то доброе дѣло, котораго не обливаютъ молитвенныя слезы. А всесожженіе туч-

но бываетъ тогда, когда совершаемое доброе дѣло отъ смиреннаго сердца поливается слезами. Потому еще говорится: *всесожженія тучна вознесу Тебѣ* (Псал. LXV, 15). Ибо кто дѣлаетъ доброе дѣло, но не умѣетъ по любви ко всемогущему Богу и усердію къ Нему плакать: тотъ имѣетъ всесожженіе, но тука на всесожженіи не имѣетъ. Но кто творитъ добрыя дѣла, и сильно стремится уже къ видѣнію Создателя своего, спѣшитъ къ достиженію радостей вѣчнаго созерцанія, и по любви, которою пламенѣетъ, закалаетъ самаго себя въ слезахъ, тотъ приноситъ Господу всесожженія тучныя. Итакъ намъ надобно стараться и о томъ, чтобы рѣшительно отстать отъ злыхъ дѣлъ, и о томъ, чтобы творить добрыя дѣла, которыя можемъ, но и въ самыхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя творимъ, проникаться любовію вѣчнаго свѣта. Ибо эта самая любовь свѣта разгоняетъ мракъ сердца, такъ что мы яснѣе можемъ видѣть, не примѣшивается ли что либо нечистое къ тѣмъ добрымъ дѣламъ, которыя мы дѣлаемъ. Потому что намъ надобно обсуживать свое дѣло, каково оно, какое помышленіе въ дѣлѣ, какое намѣреніе въ помышленіи. И когда замѣтимъ, что къ нашему доброму дѣлу примѣшалось нѣчто злое, или нечистое самоуслажденіе: тогда возвратимся къ слезамъ, станемъ измывать всесожженіе.

18. Но есть люди, которые посвятили самихъ себя на великіе подвиги для Господа, и достигаютъ такого совершенства, что не уклоняются отъ нихъ никогда и ни при какой трудности, такъ какъ въ разсужденіи чистоты плоть никакъ не можетъ низвергнуть души въ услажденіе нечистымъ помысломъ. Ибо хотя иногда она и побуждаетъ ее чрезъ нашептываніе, но воставать ей не дозволяется, потому что ее попираютъ силою разсудка. И въ разсуженіи терпѣнія, ни безпорядочное слово не выдетъ изъ устъ, ни тайная скорбь не стѣснитъ души, такъ что въ раздаяніи милостыни никакое подозрѣніе обѣдненія не пораждаетъ печали, и въ разсужденіи смиренія никакое презрѣніе не тревожитъ души. Но когда они уже крѣпко установились въ томъ, чему правильно посвятили себя: тогда они приводятъ на намять прежніе грѣхи, которые учинены до доброй рѣшимости, и плачутъ отъ воспоминанія того, что беззаконно ими содѣяно. Итакъ они по той жизни, которую проводятъ, суть всесожженіе, но по той жизни, которую вели прежде, нечистое. Поэтому они измываютъ всесожженія во входѣ воротъ, потому что въ разумѣніи, которое получили изъ отеческихъ изреченій, они наказываютъ себя ежедневнымъ плачемъ, и слезами омываютъ ту жизнь, которую нѣкогда зачернили нечестивыми дѣлами. Итакъ между

тѣмъ и мы обратимъ взоры ума на жизнь протекшую, вспомнимъ, кто мы были, когда слѣдовали пожеланіямъ міра сего. И если мы уже всѣмъ сердцемъ служимъ Господу, то будемъ оплакивать то, что припомнимъ за собою грѣховнаго, въ слезахъ будемъ измывать всесожженіе.

19. Вотъ мы обѣщали всемогущему Богу свою чистоту; но если нечистые помыслы оскверняютъ еще душу, то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесожженіе. Вотъ мы рѣшились имѣть терпѣніе. Но если еще возмущаетъ насъ гнѣвъ, если затаенная скорбь мучитъ душу; то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесожженіе. Вотъ, мы уже умѣемъ раздавать имѣніе, и занимать смиренное мѣсто въ этомъ мірѣ; но если еще какое либо опасеніе обѣдненія тяготитъ душу, если презрѣніе ближняго приводитъ насъ въ нѣкоторое смятеніе, то возвратимся къ слезамъ, будемъ измывать всесожженіе. Ибо у нашего Создателя обширно лоно милосердія для принятія слезъ людей смиренныхъ. Гдѣ приняты слезы безчисленныхъ людей, тамъ найдутъ свое мѣсто и наши слезы. Помыслимъ, что говорится чрезъ другаго Пророка: *и будетъ немощный въ нихъ въ той день яко Давидъ, а домъ Давидовъ яко домъ Божій, якоже Ангелъ Господень предъ ними* (Захар. XII, 8). Этотъ день есть

день милосердія, который обѣщанъ намъ съ пришествія нашего Искупителя. Итакъ немощный будетъ яко Давидъ, потому что грѣшникъ обратится къ покаянію; а домъ Давидовъ яко домъ Божій, потому что всякій обратившійся содѣлывается жилищемъ своего Создателя, такъ что онъ якоже Ангелъ предъ ними, потому что онъ и другимъ будетъ возвѣщать о томъ милосердіи, которое опытно дознаѣъ на себѣ. Поэтому нѣсколько ниже и еще тамъ же говорится: *въ день тотъ будетъ источникъ дома Давидова открытымъ для живущихъ въ Іерусалимѣ, въ омовеніе грѣшника, и женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ* (Захар. XIII, 1) (а).

20. Потому что скрытый источникъ есть Единородный (Сынъ) Отчій,—невидимый Богъ. А источникъ открытый есть тотъ же Богъ воплощенный. Этотъ открытый источникъ справедливо называется принадлежащимъ къ дому Давидову, потому что Искупитель нашъ явился къ намъ изъ рода Давидова. Но Іерусалимъ значитъ видѣніе ми-

а). Переводъ этого текста съ Латинскаго подлинника, который согласуется съ дальнѣйшимъ объясненіемъ Святителя. Славянскій же переводъ совсѣмъ не гармонируетъ съ симъ послѣднимъ.

ра. Въ Іерусалимѣ же живутъ тѣ, которые устремляютъ вниманіе на видѣніе внутренняго мира. А грѣшникъ и женщина съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ есть или тотъ, кто грѣшитъ на дѣлѣ, или душа впадающая въ нечистые помыслы. Ибо скверна женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ такова, что она и не прикасается чужой плоти, и оскверняется своею плотію. Такъ, именно такъ бываетъ со всякою душею, которая хотя и не дѣлаетъ преступленія, однако же становится нечистою отъ нечистыхъ помысловъ. Поэтому и чрезъ другаго Пророка о душѣ, занятой нечистыми пожеланіями, подъ образомъ Іудеи говорится: *вси ищущіе ее не отстанутъ, они найдутъ ее въ мѣсячныхъ ея* (Іерем. II, 24) (б). Потому что злые духи ища не отстаютъ, когда желаютъ нанесть погибель, и не отражаются никакою правильностію добраго размышленія. Но они находятъ душу въ мѣсячныхъ ея (очищеніяхъ), когда ее, занятую скверными помыслами, удобно влекутъ къ развратному дѣлу. Итакъ пусть говорится: *въ день тотъ будетъ источникъ дома Давидова открытымъ для живущихъ въ Іерусалимѣ, въ омовеніе грѣшника, и женщины съ мѣсячнымъ кровотеченіемъ* (Захар. XIII, 1); потому что для

б) Переводъ съ Латинскаго подлинника.

насъ уже открытъ источникъ милосердія—Искупитель нашъ, Который благоволилъ воплотиться въ дому Давидовомъ, чтобъ омывать грѣшника отъ скверинаго дѣланія, и оскверненную душу очищать отъ нечистыхъ помысловъ. Итакъ источникъ открытъ; потечемъ со слезами, измыемся въ этомъ источникѣ благочестія.

21. Въ этомъ источникѣ вымылся даже самъ Давидъ, когда возвратился къ слезамъ покаянія послѣ пятенъ тяжкаго преступленія. Потому что онъ отыскивалъ самый источникъ, когда говорилъ: *воздаждь ми радость спасенія твоего, и духомъ владычнимъ утверди мя* (Псал. L, 14). Ибо Еврейское *Іисусъ* по Латыни называется *Спасителемъ* (по русски такъ же). И что значитъ, что онъ (Давидъ) просилъ возвратить ему радость Спасителя, если не то, что до преступленія онъ обыкновенно созерцалъ Его, а въ преступленіи лишился радости созерцанія Его? Поэтому справедливо послѣ покаянія онъ просилъ о возвращеніи ему радости видѣнія Его (Спасителя). Въ этомъ источникѣ милосердія измылась Марія Магдалина, которая прежде была извѣстная грѣшница, а послѣ смыла пятна слезами, и вытерла ихъ исправленіемъ нравовъ (Лук. VII, 37, 38. и далѣе). Въ этомъ источникѣ милосердія измылся Петръ предъ всѣми (Апостола-

ми) отъ своего отреченія, потому что горько плакалъ (Мат. XXVI, 75). Въ этомъ источникѣ милосердія омылся на кончинѣ своей разбойникъ, который, укоряя самаго себя въ смерти, омылъ былъ отъ виновности своей исповѣданіемъ Истины (Лук. XXIII, 41).

22. Итакъ почему лѣнивы мы? Почему остаемся недвижимыми и холодными мы, которые знаемъ, что въ этомъ источникѣ благочестія уже омылись столь многіе? Ужели будемъ отчаеваться въ измовеніи своемъ мы, которые имѣемъ въ залогѣ столько примѣровъ милосердія? И ужели перестанемъ просить помилованія, и со слезами имѣть упованіе мы, которые получили въ залогъ своей надежды очищеніе столь многихъ (грѣшниковъ)? Ибо мы должны были бы отъискивать источникъ милосердія, хотя бы онъ былъ закрытъ. Теперь онъ открытъ, а мы нерадимъ. Обратимъ взоры вѣры на цѣлый міръ, и обсудимъ, сколько грѣшниковъ омывается слезами въ этомъ источникѣ милосердія во время дней и ночей, сколько возвращается изъ тьмы къ свѣту, сколько отъ зачерненія къ чистотѣ. Итакъ побѣжимъ съ таковыми изъ тьмы смерти къ водѣ жизни; обсудимъ, сколько мы нагрѣшили, сколько грѣшимъ ежедневно, и, чтобы явиться чистыми послѣ преступленій, вымоемъ всесожженіе. Для соверше-

нія этого есть благодать нашего Искупителя, Который живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

Предлагаются для изъясненія пять стиховъ, отъ 39 до 43, и едва коснувшись буквальнаго смысла, предлагаются духовный и нравственный, а преимущественно идетъ разсужденіе объ обязанности Пастыря.

Что будемъ говорить о таинственныхъ смыслахъ Пророка Іезикіиля мы, которые едва понимаемъ самыя слова его Исторіи? Ибо вотъ онъ говоритъ: *и во входѣ воротъ два стола съ этой, и два стола съ той* (стороны), *чтобы закалать на нихъ всесожженіе, и за грѣхъ, и за проступокъ. И къ сторонѣ внѣшней, которая восходитъ ко входу воротъ, которыя ведутъ къ сѣверу, два стола; и ко второй сторонѣ, предъ входомъ воротъ, два стола. Четыре стола отсюда, и четыре стола оттуда по сторонамъ воротъ. Восемь столовъ было, на которыхъ были закалаемы жертвы.* (Іезик. XL, 39—41) (а).

а) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

1. Въ этихъ именно словахъ проявляется густая темнота, говорится ли это объ однѣхъ какихъ либо воротахъ, или о двухъ, или о всѣхъ. Но когда описывается четверичное число столовъ по сторонамъ, и послѣ въ суммѣ заключенія говорится: *восемь столовъ было, на которыхъ были закалаемы жертвы:* то ясно, что это говоритъ Духъ не о всѣхъ воротахъ, которыя описалъ прежде; потому что, если бы всѣ шесть воротъ, описанныя выше, имѣли по сторонамъ по четыре стола, то въ суммѣ было бы ихъ не восемь, а сорокъ восемь. Съ другой стороны, если это говорится объ однѣхъ (воротахъ); то наше разумѣніе встрѣчаетъ великое затрудненіе въ томъ, что послѣ описаннаго входа воротъ, гдѣ упомянуты два стола съ этой, и два стола съ той, (стороны), упоминается еще о двухъ столахъ на сторонѣ внѣшней, которая восходитъ ко входу воротъ, ведущихъ къ сѣверу, и присовокупляется: *и къ второй сторонѣ* предъ входомъ вратъ два стола. Ибо если внутри входа воротъ было по сторонамъ по два стола, потому что присовокупляется: *и къ сторонѣ внѣшней два стола, и ко второй сторонѣ предъ входомъ два стола,* между которыми упоминается еще о воротахъ, обращенныхъ на путь къ сѣверу: то рѣшительно ясно, что одинъ входъ былъ внутренній, а другой внѣшній; потому что и преж-

де описываются ворота внутреннія, и послѣ въ этомъ мѣстѣ описываются внѣшнія сѣверныя вороты. Ибо, когда онъ (Пророкъ) выше описалъ трое воротъ, тогда упомянулъ, что есть трое другихъ внутренняго притвора, изъ коихъ о послѣднихъ — сѣверныхъ воротахъ сказалъ, но, какъ сказано, внутренняго притвора. Итакъ теперь, когда описываются два стола во входѣ воротъ съ одной стороны, и два стола съ другой, то рѣчь продолжается еще о тѣхъ же самыхъ внутреннихъ воротахъ, потому что тотчасъ присовокупляется, что *къ сторонѣ внѣшней, которая восходитъ ко входу воротъ, которыя ведутъ къ сѣверу, два стола; и ко второй сторонѣ предъ входомъ воротъ два стола.* Слѣдовательно, описаны вороты внутреннія, что онѣ имѣютъ въ притворѣ по два стола по сторонамъ, и ворота внѣшнія подобнымъ образомъ по два. По четыре стола съ этой стороны поставлены, и равно четыре стола съ другой, когда въ притворѣ воротъ внутреннихъ и при внѣшнихъ воротахъ сѣверныхъ описываются по два стола по сторонамъ, одни съ этой стороны, а другіе съ другой, которые въ общей суммѣ даютъ восемь, на которыхъ закалаютъ жертвы. Итакъ, разъяснивши это о внѣшнемъ повѣствованіи, обратимся къ духовному смыслу, который, по милости Господней, тѣмъ болѣе уже долженъ быть понятенъ, чѣмъ менѣе стѣсняетъ насъ невѣденіемъ внѣшняго описанія.

2. Ибо подъ именемъ воротъ могутъ быть разумѣемы, какъ выше сказано, святые Проповѣдники, такъ какъ притворъ воротъ долженъ означать народъ. Когда этотъ народъ смиренно принимаетъ слова проповѣди, тогда въ немъ устрояются изъ добродѣтелей столы для жертвоприношенія. Еще ничто не препятствуетъ подъ воротами разумѣть то, что чрезъ уста Проповѣдниковъ открывается намъ разумѣніе Св. Писанія, такъ что притворомъ тѣхъ же воротъ для насъ служатъ слова проповѣди, которыя мы смиренно принимаемъ для того, чтобы послѣ дойти до разумѣнія Св. Писанія. Итакъ пусть для насъ внутренними воротами служитъ Новый Завѣтъ, а внѣшними Ветхій Завѣтъ; потому что, какъ тотъ открываетъ духовный смыслъ, такъ и этотъ соблюлъ въ исторіи букву Св. Писанія для душъ еще грубыхъ. Но внутреннія ворота имѣютъ уже въ великомъ множествѣ вѣрующихъ народовъ двѣ стороны, именно, любовь къ Богу и любовь къ ближнему. Но съ той и съ другой стороны по два стола; потому что въ любви къ Богу необходимо держаться вѣры и чистоты жизни, а въ любви къ ближнему должны быть крайне хранимы терпѣніе и благорасположенность. Въ любви къ Богу необходима вѣра и чистота жизни; потому что ясно написано: *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. XI, 6). И еще

написано: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Iак. II, 20, 26). А въ любви къ ближнему должны быть соблюдаемы нами терпѣніе и благорасположенность; потому что объ этой самой любви написано: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ* (1 Кор. XIII, 4). *Долготерпитъ* такъ, что равнодушно переноситъ зло, нанесенное отъ ближнихъ; а *милосердствуетъ* такъ, что свои блага охотно иждиваетъ на ближнихъ. И внѣшнія ворота, т. е. законъ, имѣютъ также двѣ стороны, духовныхъ отцевъ и плотской народъ. На той и другой (сторонѣ) имѣютъ по два стола; потому что въ духовныхъ отцахъ имѣютъ ученіе и пророчество, а въ плотскомъ народѣ имѣютъ обрѣзаніе и жертвоприношеніе. Итакъ на этихъ осми столахъ закалаются жертвы; потому что все, что принимается вѣрою, что выражаетъ жизнь въ примѣрѣ добрыхъ дѣлъ, что смиренно переноситъ терпѣніе, что щедро тратитъ благорасположенность, чему спасительно назидаетъ ученіе, къ чему увѣщеваетъ впередъ пророчество, къ чему обязывало внѣшнее обрѣзаніе, что содѣлывало жертвоприношеніе по набожности приносящаго, показываетъ, что это есть жертва въ очахъ всемогущаго Бога. Ибо даже въ законѣ что другое приносилъ народъ въ жертву чрезъ плотское жертвоприношеніе, если не преданность своего сердца? Но замѣчательно, что о четырехъ

*

только столахъ упоминается, что они были (устроены) для всесожженія, за которые (столы) мы принимаемъ именно тѣ, которые были въ притворѣ воротъ внутреннихъ, такъ что о прочихъ четырехъ (столахъ) мы должны думать, что они были устроены для жертвоприношенія, а не для всесожженія. Ибо всесожженіемъ, какъ я объяснилъ въ предыдущей бесѣдѣ, называется все сожженное. Хотя и законъ повелѣваетъ любить Бога и ближняго, хранить Божественныя заповѣди, обуздываетъ пожеланіе чужой собственности; однакоже не повелѣваетъ оставлять все. Но въ Новомъ Завѣтѣ Истина говоритъ намъ: *иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ* (Лук. XIV, 33). И еще говоритъ: *кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Лук. IX, 23). Итакъ столы внутреннихъ воротъ имѣютъ всесожженіе; потому что мы въ добродѣтеляхъ Новаго Завѣта, какъ бы чрезъ всесожженіе, сожигаемъ все, когда отрекаемся отъ всего, что принадлежитъ міру сему. Но столы внѣшнихъ воротъ имѣютъ жертвоприношеніе, но не имѣютъ всесожженія; потому что заповѣди закона повелѣваютъ отдавать десятины, но не повелѣваютъ отвергаться всего.

3. Но о четырехъ столахъ внутренняго притвора говорится: *чтобы закалать на нихъ всесож-*

жженіе, и за грѣхъ, и за проступокъ. Ибо между грѣхомъ и проступкомъ разница состоитъ въ томъ, что грѣхъ состоитъ въ твореніи зла, а проступокъ въ опущеніи того добра, котораго крѣпко должно держаться. Или яснѣе, грѣхъ состоитъ въ дѣлѣ, а проступокъ въ помышленіи. Поэтому справедливо на четырехъ столахъ внутреннихъ воротъ закалается всесожженіе, и за грѣхъ, и за проступокъ; потому что кто могъ вполнѣ отречься этого настоящаго вѣка, и оставивъ все, содѣлаться всесожженіемъ для Господа, тотъ уже самъ вѣрно знаетъ, и какъ оплакивать содѣянные грѣхи, и какъ оплакивать проступки помышленія, или что онъ сдѣлалъ худаго, или чего не сдѣлалъ добраго, которое долженъ былъ сдѣлать. Ибо тотъ, кто отказался отъ всего, уже свободнѣе разсматриваетъ въ слезахъ свои преступленія. И поелику земное попеченіе не мѣшаетъ душѣ его, то, плача о дѣлѣ и помышленіи, что другое онъ дѣлаетъ, если не приноситъ всемогущему Господу душу свою во всесожженіе за дѣла и помышленія?

4. Кажется, надобно обратить вниманіе и на то, что Пророкъ, сказавъ о внѣшней сторонѣ, и упомянувъ о входѣ воротъ, присовокупилъ: *которыя ведутъ къ сѣверу.* Ибо данный законъ держался на внѣшней стражѣ буквы. А входъ воротъ

есть самый исторический смыслъ того закона, который ведетъ къ страху Господню. Объ этихъ воротахъ говорится, что онѣ *ведутъ къ сѣверу;* потому что тотъ же законъ страхомъ смерти сжималъ холодныя сердца Іудейскаго народа. Ибо этотъ народъ бѣжалъ бы какъ бы по жару, если бы по любви сохранялъ заповѣди Господни. Но поелику онъ хранилъ букву подъ страхомъ угрожавшей смерти, то и остался какъ бы въ оцѣпенѣніи отъ холода. Поэтому новымъ народамъ, любящимъ вѣчныя награды, но не боящимся временныхъ страданій, и уже горящимъ (любовію) говорится: *не пріясте духа работы паки въ боязнь: но пріясте духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. VIII, 15). Итакъ пусть говорится: *четыре стола отсюда, и четыре стола оттуда по сторонамъ воротъ.* Ибо, когда въ душахъ людей добрыхъ хранится вѣра и чистота жизни, ученіе и пророчество; то наши ворота, т. е. разумъ Св. Писанія, имѣютъ въ сторонѣ четыре стола. И когда святая проповѣдь хранитъ въ усовершающихся народахъ терпѣніе и благорасположенность, а прежде хранила въ плотскихъ людяхъ обрѣзаніе и жертвоприношеніе; тогда показываются и еще четыре стола какъ бы съ другой стороны. Всѣ эти восемь столовъ устрояются для жертвоприно-

шенія; именно,—четыре внутреннихъ для всесожженія, а четыре внѣшнихъ для жертвоприношенія. Потому что какъ тѣ, которые сохраняютъ въ святой Церкви вѣру, чистоту жизни, терпѣніе и благорасположенность, безъ сомнѣнія уже сіяютъ высокими добродѣтелями; такъ и тѣ, которые въ Синагогѣ познали ученіе и пророчество, инымъ жертвуя, а иное удерживая для самихъ себя, принесли всемогущему Богу жертву своей набожности. Но поелику выше сказано, что четыре стола внутренняго притвора устроены для того, чтобы на нихъ были закалаемы жертвы всесожженія и за грѣхъ и за проступокъ: то ниже открывается, изъ чего были устроены самые столы, когда присовокупляется: *четыре же стола для всесожженія устроены изъ квадратныхъ камней* (Іезик. XL, 42) (а).

5. Ибо кого мы принимаемъ въ этомъ мѣстѣ за квадратные камни, если не всѣхъ тѣхъ святыхъ, которыхъ жизнь постоянно тверда и въ счастіи и въ несчастіи? Квадратный камень равно стоитъ, на какую бы сторону ни былъ поставленъ. И тотъ есть квадратный камень, кто въ счастіи не гордится, въ несчастіи не унываетъ, убѣжденіями къ злу не увлекается, и поношеніями за добрыя дѣла не обижается. Онъ стоитъ какъ бы на всякой

а). Переводъ съ Латинскаго подлинника.

сторонѣ, потому что не падаетъ ни при какой перемѣнѣ. Извѣстно, что когда Пророкъ узналъ объ отпаденіи Іудейскаго народа отъ вѣры, и предвидѣлъ, что въ Церкви возстанутъ святые Апостолы, чрезъ которыхъ многіе изъ язычниковъ крѣпко будутъ утверждены въ вѣрѣ и жизни: то съ великимъ утѣшеніемъ говорилъ: *камни попадали, но мы устроимъ зданіе изъ квадратныхъ камней* (Ис. IX, 10) (а). Поелику онъ видѣлъ, что въ святой Церкви востанутъ Апостолы, мученики и учители; то менѣе сожалѣлъ о паденіи камней, т. е. о погибели Іудеевъ, потому что предвидѣлъ, что зданіе всемогущаго Бога, т. е. Святая Церковь, будетъ устроено изъ квадратныхъ камней. Итакъ четыре стола устрояются изъ квадратныхъ камней; потому что вѣра и чистота жизни, терпѣніе и благорасположенность выданы изъ жизни святыхъ въ примѣръ послѣдующимъ народамъ съ тѣмъ, чтобы притворъ имѣлъ уже столы, т. е. чтобы народъ держался добродѣтелей жизни, которыми воспламенялъ бы на олтарѣ своего сердца жертвоприношеніе молитвы всемогущему Богу. Ибо что только добраго или сдѣлали, или дѣлаютъ добрые, вѣрующіе святой Церкви, народы, они преемственно приняли это въ примѣръ изъ жизни своихъ проповѣдниковъ. Отку-

а) Тоже.

да могъ бы имѣть этотъ притворъ столы, если бы не отыскалъ квадратныхъ камней? Хотите ли, возлюбленнѣйшіе братіе, чтобы мы кратко показали вамъ одинъ изъ квадратныхъ камней,—вѣру? *Мнѣ еже жити Христосъ: и еже умрети, пріобрѣтеніе есть* (Филип. I, 21). Хотите ли знать о чистотѣ жизни?—*Имже* (Христомъ) *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14). Хотите ли слышать о терпѣніи?—*До нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками: укоряеми, благословляемъ: гоними терпимъ: хулими, утѣшаемся* (молимъ) (I Коринө. IV, 11—13). Хотите ли знать о благорасположенности? *Я съ удовольствіемъ буду издерживать свое, и истощать себя самаго за души ваши* (2 Кор. XII, 15, по рускъ. переводу). И чтобы мы не подумали, будто онъ соотвѣтствуетъ любви тѣхъ, за которыхъ желаетъ *истощать себя,* тотчасъ присовокупляетъ, тѣмъ же ученикамъ говоря: *не смотря на то, что при столь сильной любви моей къ вамъ, я меньше любимъ вами* (тамъ же). Итакъ, когда вѣрующимъ народомъ познается жизнь святыхъ Проповѣдниковъ для подражанія ихъ добродѣтелямъ: тогда дѣйствительно въ притворѣ устрояются столы изъ квадратныхъ камней. Но и Синагога имѣла духов-

ныхъ отцевъ въ ученіи и пророчествѣ, отъ которыхъ заимствовала примѣръ жизни добродѣтельной. Но грубый народъ ся, служа болѣе по страху, нежели по любви, не хотѣлъ подражать жизни отцевъ, которую видѣлъ, и потому внѣшнія ворота, обращенныя къ сѣверу, не имѣютъ столовъ для всесожженія. Но поелику мы сказали это въ нравственномъ смыслѣ, то остается еще пересмотрѣть тѣже столы въ смыслѣ предобразовательномъ.

6. Ибо ворота наши имѣютъ во внутреннемъ притворѣ четыре стола; потому что святая Церковь научена проповѣдію четырехъ Евангелистовъ, ученіемъ которыхъ пріучила сердце воспламеняться любовію къ всемогущему Богу, и приносить Ему въ жертву свои помышленія, что два изъ нихъ (столовъ) отсюда, и два оттуда; потому что два Евангелиста засвидѣтельствовали о Господѣ то, что видѣли, и два изложили въ повѣствованіи то, что слышали отъ старшихъ. Или вѣрнѣе, четыре стола внутренняго притвора означаютъ то, что мы ясно видимъ, именно, что святая Церковь для наученія вѣрующихъ народовъ принимаетъ четыре чина правителей, которые по дару всемогущаго Бога перечисляетъ Павелъ, говоря; *той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители* (Ефес. IV, 11.

сн. 1. Кор. XII, 28). Но пастырями и учителями онъ называетъ одинъ чинъ правителей, потому что тотъ истинно пасетъ стадо Божіе, кто учитъ. И внѣшнія ворота имѣли четыре стола; потому именно, что Синагога содержала наблюденіе за внѣшнимъ повиновеніемъ (закону) чрезъ начальниковъ, священниковъ, и старѣйшинъ народа, чрезъ книжниковъ и фарисеевъ. Эти именно фарисеи названы учителями закона. Или же во внѣшнихъ и внутреннихъ воротахъ по два стола отсюда, и по два оттуда потому, что въ началахъ своихъ святая Церковь имѣла Апостоловъ и Пророковъ. Пророками же мы называемъ не тѣхъ, которые были въ ветхозавѣтномъ народѣ, но тѣхъ, которые явились въ святой Церкви послѣ Апостоловъ. А въ послѣдующее время, которое продолжается досель, она имѣетъ Евангелистовъ и учителей. Поелику же Евангеліе означаетъ благую вѣсть; то и Евангелистами мы называемъ тѣхъ, которые возвѣщаютъ грубымъ народамъ о благахъ небеснаго отечества. Эти именно Евангелисты и учители, хотя были и въ прежнее время, однако же, по милости Господней, пребываютъ и доселѣ; потому что мы знаемъ, что и доселѣ еще и невѣрующіе народы привлекаются къ вѣрѣ, и всѣ вѣрующіе слушаютъ наставленія въ добрыхъ нравахъ отъ учителей. Но Апостолы и

Пророки съ этого настоящаго времени прекратились; и поэтому мы говоримъ, что эти столы нашихъ воротъ, т. е. святой Церкви, были какъ бы на другой сторонѣ.

7. И ворота, ведущія къ сѣверу, имѣютъ два стола отсюда, и два оттуда, тѣхъ же, о которыхъ мы сказали, первосвященниковъ и старѣйшинъ народа на высшей степени правленія, и книжниковъ и фарисеевъ, начальствовавшихъ надъ онымъ грубымъ народомъ на низшей степени. Но эти столы подлѣ тѣхъ воротъ, которыя обращены къ сѣверу; потому что, когда управляли эти четыре чина народомъ, тогда Синагога, свирѣпствуя въ преслѣдованіи нашего Искупителя, пала въ оцѣпенѣніе вѣроломства. Впрочемъ эти столы имѣли жертвоприношеніе, которое содержали только къ сѣверу; почему и пали въ оцѣпенѣніе холода, такъ какъ не были согрѣты пламенемъ духа. Но внутренніе столы имѣютъ всесожженіе; потому что, какъ въ сердцахъ Апостоловъ и Пророковъ, такъ въ душѣ Евангелистовъ и учителей, горѣлъ и горитъ огнь духа. Этотъ огнь, потому что всякое ихъ помышленіе въ добромъ дѣлѣ всецѣло обымаетъ, пламенемъ любви къ Богу, какъ бы всесожженіе, рѣшительно все, что ему попадается, сожигаетъ. Ибо всесожженіе приносятъ тѣ, которые всецѣло воспламеняются, или

въ добромъ дѣлѣ, или въ святомъ помышленіи.

8. Но эти столы устроены изъ квадратныхъ камней; потому что, когда въ сердцахъ своихъ ежедневно размышляютъ о словахъ Св. Писанія, тогда какъ бы изъ квадратныхъ камней устрояются (столы) для всесожженія молитвы Господу. Ибо слова Св. Писанія суть квадратные камни, потому что вездѣ стоятъ, такъ какъ ни съ какой стороны не бываютъ укоризненны. Во всемъ, что онѣ повѣствуютъ о прошедшемъ, во всемъ, что предсказываютъ въ будущемъ, во всякомъ проповѣданіи нравственномъ, во всякомъ возвѣщеніи духовномъ, онѣ имѣютъ стояніе какъ бы на различныхъ сторонахъ, потому что не имѣютъ укоризненности. Итакъ сердца святыхъ суть столы Божіи, устроенные изъ квадратныхъ камней для всесожженія; потому что тѣ, которые всегда содержатъ въ умѣ слова Божіи, мысленно закалаютъ самихъ себя для плотской жизни ради Господа. Поэтому написано: *законъ Бога его въ сердцѣ его, и не запнутся стопы его* (Псал. XXXVI, 31). И еще говорится: *въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ* (Псал. CXVIII, 11). Но поелику мы узнали, изъ чего эти столы устроены, то послушаемъ еще, какой они мѣры.—Далѣе слѣдуетъ: *въ долготу лакоть единъ съ половиною, и въ широту локоть единъ съ половиною,*

а въ высоту локоть единъ (Іезик. XL, 42). (а).

9. Это мѣсто нѣкто (б) изъяснялъ такъ: столы имѣютъ въ долготу и широту по одному локтю съ половиною, т. е. квадратъ, которые (локти) въ сложности составляютъ три локтя. Эти три локтя въ высоту имѣютъ одинъ локоть для того, чтобы таинства Троицы единаго локотя, т. е. Божественнаго величія, соблюдали мѣру. Этотъ смыслъ изъясненія не можетъ быть вѣренъ потому, что въ той верховной Троицѣ, которая все сотворила, все содержитъ, нѣтъ ничего половиннаго, и ничто единое не составляется изъ двухъ половинъ. Ибо никакого уменьшенія и усѣченія не имѣетъ то существо, которое, пребывая всегда не измѣняемымъ, не имѣетъ ни утраты, ни пріумноженія. Мы же часто говорили, что долгота означаетъ долготерпѣніе надежды, широта—объемъ любви. Итакъ столы, устроенные для всесожженія, имѣютъ мѣру въ долготу одинъ локоть съ половиною; потому что святые отцы и учители, которые простираются въ долготерпѣливости къ тайнамъ внутренней надежды, тѣмъ, что они живутъ добродѣтельно, хотя весьма совершенны въ отношеніи къ человѣческой мѣрѣ, но въ отношеніи къ тѣмъ Божественнымъ таинствамъ, которыя вполнѣ не могутъ быть пони-

---

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника.

б Именно-Іеронимъ, (Кн. XII, н. Іезик. гл. 40).

маемы человѣкомъ, доколѣ живутъ въ этой смертной плоти, не совершенны. Итакъ они сами въ себѣ имѣютъ уже локоть, но въ отношеніи къ Богу не имѣютъ еще локтя; потому что, хотя они въ добродѣтеляхъ вполнѣ совершенны, но о Богѣ имѣютъ еще познаніе только отъ части. Вотъ опять въ мѣрѣ стола встрѣчается Павелъ для свидѣтельства. Ибо онъ говоритъ: *всѣ мы совершенные должны такъ мыслить* (Филип. III, 15. по руск. переводу). Посмотримъ, совершенно ли онъ уже достигъ уразумѣнія таинъ въ томъ, что мыслитъ о Богѣ. *Я себя не почитаю достигшимъ* (Тамъ же, ст. 13. по руск. переводу). Онъ же еще говоритъ: *мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ; когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. XIII, 9. 10. по руск. переводу). И еще онъ же говоритъ: *теперь знаю я отчасти, тогда же познаю, подобно какъ я познанъ* (тамъ же, ст. 12, по руск. переводу). Итакъ, если онѣ совершенъ, и знаетъ отчасти; то въ отношеніи къ себѣ имѣетъ локоть, но только половину (локтя) выше себя. Итакъ пусть сердца святыхъ простираются въ совершенствѣ, которое имѣютъ, на одинъ локоть. Но послику они не могутъ еще вполнѣ видѣть того, на что устремляютъ взоръ надежды; то пусть на половинѣ локтя пресѣкается то, что они имѣютъ выше

одного локтя, такъ какъ въ этой жизни онѣ всегда должны считать себя не совершенными, и ретивѣе стремиться къ совершенству.

10. И въ широту столы имѣютъ одинъ локоть съ половиною; потому что сердца святыхъ, будучи разширены въ объемѣ любви къ ближнему, котораго любятъ и видятъ, имѣютъ локоть. Ибо они могутъ вполнѣ любить тѣхъ, которыхъ по чему либо вполнѣ знаютъ. Но всемогущаго Бога онѣ хотя искренно любятъ, искренно чтутъ; однако же не могутъ любить столько, сколько должны, потому что не могутъ видѣть Того, Кого любятъ; а мѣра любви менѣе тамъ, гдѣ еще меньшая мѣра познанія. Слѣдовательно, онѣ имѣютъ одинъ локоть съ половиною; потому что онѣ имѣютъ уже въ душѣ цѣлымъ то, что гораздо менѣе важно, т. е. любовь къ ближнему; но то въ нихъ, что гораздо важнѣе, т. е. любовь къ Богу, Котораго не видятъ, еще не полно. Объ этой любви, которая здѣсь начинается, чтобы въ вѣчномъ отечествѣ достигнуть совершенства отъ видѣнія Господа, справедливо говоритъ Исаія: *живъ Господь, Коего огнь въ Сіонѣ, и пещь его въ Іерусалимѣ* (Ис. XXXI, 9). (а). Но быть пещію значитъ болѣе, нежели быть огнемъ; потому что огнь можетъ

а) Буквальный переводъ съ Латинскаго подлинника, въ которомъ этотъ текстъ читается такъ: *uiuit Dominus, cujus ignis est in Sion, et caminus ejus in Ierusalem.*

быть и малый, но въ пещи пламя обширнѣе. Но Сіономъ называется созерцаніе, а Іерусалимомъ видѣніе мира. Миръ же нашъ мы начинаемъ видѣть здѣсь, чтобы послѣ тамъ видѣть его вполнѣ. Итакъ любовію къ Господу зажигается въ Сіонѣ огнь, въ Іерусалимѣ раскаляется пещь; потому что мы горимъ пламенемъ любви къ Нему до нѣкоторой степени здѣсь, гдѣ видимъ Его отчасти; но вполнѣ воспламенимся тамъ, гдѣ ясно увидимъ Того, Кого любимъ.

11. Но высота столовъ въ одинъ локоть. Ибо что значитъ высота святыхъ, если не вѣра въ невидимое? Вѣрою принимается за вѣрное то, чего не видятъ, и потому ею душа праведныхъ возводится на высоту для того, чтобы презирать все видимое на землѣ, и послѣдовать тому, что она слышитъ о невидимомъ на небѣ. Но высота столовъ имѣетъ одинъ локоть, потому что въ сердцѣ всѣхъ святыхъ есть единство вѣры. Единаго Бога въ Троицѣ исповѣдали и отцы Ветхаго Завѣта, и проповѣдники Новаго Завѣта. Поэтому высота столовъ имѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ локоть; потому что вѣра всѣхъ отцевъ согласуется въ великомъ для ней единствѣ. Но тѣ, которые, будучи уже совершенны въ высокихъ добродѣтеляхъ долготерпѣнія надежды, имѣютъ одинъ съ половиною локоть, а въ широту

любви имѣютъ мѣру одинъ локоть съ половиною, высоки, и благоговѣйно должны быть чтимы. Поэтому они должны принимать души юныхъ на лоно своего храненія, и въ очахъ Господа приносить ихъ какъ бы нѣкое всесожженіе и жертвоприношеніе. Поэтому далѣе говорится: *на которыхъ* (столахъ) *ставятъ сосуды, въ которыхъ приносится всесожженіе и жертва* (Іезик. XL, 42). (a).

12. Ибо что суть души вѣрующихъ, если не тѣ священные сосуды, которые принимаютъ слова благочестія для того, чтобъ отъ сердецъ своихъ принести всесожженіе жизни и молитвы? Поэтому-то Павелъ, когда еще былъ грубъ въ призываніи вѣры, за то, что принялъ слова Господа, и былъ наполненъ небесною благодатію, называется сосудомъ, когда говорится: *сосудъ избранъ ми есть* (Дѣян. IX, 15). Поэтому Пророкъ увѣщеваетъ Пастырей и учителей, говоря: *отлучитеся* (очиститеся) *носящіе сосуды Господни* (Ис. LII, 11). Ибо какъ бы столовые сосуды Господни носятъ тѣ, которые ученіемъ поддерживаютъ жизнь вѣрующихъ, чтобы современемъ довести ее до всесожженія и жертвы Господу. Но не надобно оставлять безъ вниманія и того, что говорится, что въ этихъ же самыхъ сосудахъ приносит-

a) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

ся и всесожженіе и жертва. Ибо всесожженіе, какъ и выше мы сказали (въ предыдущей бесѣдѣ), есть жертва, но жертва не всегда есть всесожженіе; потому что, когда нѣкая часть приносится въ жертву, а нѣкая оставляется, тогда совершается жертвоприношеніе, но не совершается всесожженія. Но въ великомъ множествѣ вѣрующихъ есть одни, которые оставляютъ все мірское, раздаютъ все свое имущество, не оставляютъ ничего для самихъ себя, ревностно стремятся къ вѣчному отечеству, и отъ полноты сердца въ слезахъ закалаютъ самихъ себя въ жертву (Богу). Они-то суть и тѣ сосуды на столѣ, въ которыхъ приносится жертва всесожженія. И есть другіе, которые пекутся о собственномъ домѣ, заботятся о дѣтяхъ, и блюдутъ для нихъ наслѣдство; но, памятуя о вѣчномъ судѣ, оказываютъ милосердіе къ бѣднымъ, въ опредѣленной мѣрѣ даютъ имъ пропитаніе и одежду. Эти именно тѣ сосуды на столѣ, въ которыхъ приносится жертва, а не всесожженіе. Послику терпѣніе и ученіе святыхъ увѣщаніемъ и поддержкою, убѣжденіемъ и страхомъ, настрояютъ сердца однихъ къ тому, чтобъ они оставили все, и всецѣло пламенѣли любовію къ Господу, а (сердца) другихъ настрояютъ къ тому, чтобъ они, не имѣя возможности оставить все, по крайней мѣрѣ были милосерды на столько, на сколько могутъ, и съ попеченіемъ о тѣлѣ совмѣ-

*

щали попеченіе о душѣ: то они (святые) носятъ сосуды стола Господня, устроеннаго изъ квадратныхъ камней, въ которыхъ приносится всесожженіе и жертва; потому что и совершенные, какъ сказано, оставивъ все, все сердце воспламеняютъ любовію къ Господу, и несовершенные приносятъ жертвоприношеніе, потому что отчасти жертвуютъ.—Далѣе слѣдуетъ: *и закраина ихъ* (столовъ) *въ одну пядень, загнутая внутрь кругомъ* (Іезик. XL, 43. (а).

13. Что это значитъ, что закраина столовъ имѣетъ мѣру въ пядень, если не то, что въ пядени рука простирается, и святые отцы и учители проповѣдуютъ то, на что простираются дѣла слушателей? Ибо мы какъ бы руку простираемъ, когда расширяемъ дѣла свои. Итакъ пусть говоритъ всякой учитель, пусть занимаетъ сердце слушающаго, пусть потрясаетъ праздную безчувственность. Когда онъ расположитъ слушателей этихъ къ добрымъ дѣламъ, тогда покажетъ, что онъ въ закраинахъ имѣетъ пядень. И надобно замѣтить, что въ пядени простираются персты-большой и малый. Что же означается большимъ и меньшимъ перстомъ, если не большая и меньшая дѣятельность? Итакъ пусть

а) Буквальный переводъ текста съ Латинскаго подлинника.

столы въ закраинахъ имѣютъ пядень; поелику по проповѣди своихъ учителей надобно трудиться надъ великимъ такъ, чтобы не оставлять безъ вниманія и малаго. Такъ надобно быть внимательнымъ къ самымъ малостямъ, чтобъ не быть лѣнивымъ для большихъ подвиговъ. Поэтому Истина чрезъ Евангеліе говоритъ: *горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко одесятствуете мятву, и копръ, и киминъ, и остависте вящшая закона, судъ и милость и вѣру: сія же подобаше творити, и онѣхъ не оставляти* (Мат. XXIII, 23). Судомъ, и милостію, и вѣрою, указывается на большой перстъ дѣятельности. А мятвою, копромъ и киминомъ безъ сомнѣнія указывается на меньшій перстъ. Итакъ надобно было и это дѣлать, и того не оставлять; потому что, если мы хотимъ мѣрить свое дѣло пядію, то необходимо надобно простирать меньшій перстъ, какъ большой не долженъ быть пригибаемъ.

14. Но хорошо, что когда измѣряются закраины столовъ, и мѣра ихъ показывается въ пядень, съ присовокупленіемъ *въ одну*, для того, чтобы въ проповѣди учителей какъ единство въ вѣрѣ было удерживаемо, такъ и единеніе душъ было соблюдаемо на дѣлѣ, дабы чрезъ то доброе дѣло, которое дѣлаетъ одинъ, другой не имѣлъ поползновенія къ злу разногласія. Ибо мы должны творить добрыя

дѣла такъ, чтобы чрезъ нихъ же соблюдать единодушіе съ тѣми, съ которыми живемъ, на сколько можемъ безукоризненно, то есть, не оставляя того, что мы дѣлаемъ, но предупреждая благими убѣжденіями то зло разногласія, котораго боимся. Такъ Павелъ, соблюдая единство въ дѣлахъ своихъ, предупреждалъ разногласіе, когда видѣлъ, что Коринѳяне желали уже принять въ общеніе съ собою нѣкоего падшаго и отлученнаго отъ Церкви, говоря: *кого вы въ чемъ прощаете, того и я; ибо и я, если въ чемъ простилъ кого, то простилъ для васъ отъ лица Христова, дабы не сдѣлалъ намъ ущерба сатана* (2 Кор. II, 10. 11. по руск. переводу). Этотъ именно (сатана) обыкновенно порождаетъ зло изъ добра, и то, что дѣлается по любви, перевертываетъ въ разногласіе. Поэтому (Павелъ) тотчасъ присовокупилъ о немъ, говоря: *ибо намъ не безызвѣстны его умыслы* (Тамъ же, ст. 11. по руск. переводу). Но тотъ учитель, который чрезъ проповѣдуемое имъ добро настрояетъ своихъ слушателей къ правильной дѣятельности, если не обязываетъ душъ дѣйствующихъ къ единомыслію, хотя и имѣетъ пядень въ окраинахъ, но не имѣетъ того единства пядени, о которой сказано.

15. Особенное же вниманіе надобно обратить на слова, что окраины этихъ же столовъ загнуты

внутрь. Ибо окраины столовъ загибаются внутрь тогда, когда учители тайнымъ размышленіемъ о томъ, что проповѣдуютъ, обращаются къ совѣсти, когда тонко испытываютъ самихъ себя, исполняютъ ли они то, о чемъ проповѣдуютъ. Когда же говорится, что окраины столовъ загнуты внутрь; тогда справедливо еще присовокупляется: *кругомъ*, чтобъ они обсуждали себя не съ одной какой либо стороны, а съ другой оставляли самихъ себя безъ вниманія, но чтобы со всѣхъ сторонъ осматривали самихъ себя, и, сколько есть силъ, старались на дѣлѣ выполнять все то, чему учатъ, дабы зиждителямъ чуждаго не быть разорителями своего, если проповѣдники притворно будутъ дѣлать добро. О, учитель!—Вотъ ты служишь уже столомъ, носишь уже сосуды, уже въ сосудахъ вѣрующихъ поддерживаешь вѣсъ всесожженія и жертвы, но загибай закраину внутрь, т. е. обращай слово къ (своему) сердцу. Слушай (самъ), что ты говоришь, исполняй самъ то, что проповѣдуешь. Иначе, если ты нерадишь объ исполненіи того, что проповѣдуешь; то ты для другихъ чрезъ сѣяніе готовишь жатву, а самъ, не принимая участія въ продовольствіи, голодаешь. Поэтому написано: *кюго жатву голодный поястъ* (Іов. V, 5, по переводу съ Латинскаго подлинника). Жатву же того проповѣдника, который хорошо говоритъ, но не дѣлаетъ, снѣ-

даетъ голодный, потому что тотъ, кто алчетъ хлѣба правды, и исполняетъ тѣ заповѣди, о которыхъ слышитъ, а самъ тотъ, кто потрудился въ сѣяніи, не имѣетъ пищи. Поэтому Соломонъ говоритъ: *скрывъ лѣнивый руку въ нѣдро своѐ, не возможетъ принести ко устомъ* (Притч. XXVI, 15). Нѣтъ такого лѣнивца, который не думалъ бы потрудиться поднести руку къ устомъ, или кушать. Но лѣнивецъ, даже своей руки не поднимающій къ устомъ, есть тотъ, кто не хочетъ исполнять даже того, чему учитъ. Поэтому о хорошо проповѣдующихъ и худо дѣлающихъ еще говорится: *сыны Ефремовы вооруженные, стрѣляющіе изъ лука, обратились назадъ въ день битвы* (Псал. LVII, 9. по рускому переводу). Вооружены лукомъ и стрѣляютъ изъ него тѣ, которые предлагаютъ мысли Св. Писанія, и вѣрными словами истребляютъ пороки въ слушателяхъ; но обращаются назадъ въ день брани потому, что послѣ того, какъ они во время искушенія отъ пороковъ обращаются къ самимъ себѣ, то не хотятъ и груди своей имъ противоставить, потому что въ борьбѣ съ искушеніями они не противостоятъ имъ. Поэтому еще говорится: *Ты обратилъ вспять остріе меча его, и не укрѣпилъ его на брани* (Псал. LXXXVIII, 44. по рускому переводу). Потому что мечомъ для учителя служитъ Слово Божіе. Поэтому чрезъ Павла гово-

рится: *и мечь духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. VI, 17). Итакъ всемогущій Богъ, когда видитъ, что учитель не хочетъ исполнять того, что проповѣдуетъ, тогда въ день брани обращаетъ вспять мечь своей помощи; потому что въ борьбѣ съ искушеніями не дозволяетъ быть для него помощію словамъ того ученія, которое дано отъ Него. Итакъ онъ (учитель) имѣетъ мечь, но сей не помогаетъ ему на брани; потому что, когда станетъ наступать на него противность искушенія, тогда онъ забываетъ о томъ словѣ, которому училъ. Ибо вотъ, на примѣръ, учитель говоритъ слово о терпѣніи; по званію своего учительства онъ вынужденъ бываетъ сказать, какъ надобно соблюдать терпѣніе противъ нанесенныхъ обидъ, противъ выслушанныхъ поношеній. Но когда самъ будетъ затронутъ или обидою, или поношеніемъ; тогда, забывъ чему онъ училъ, выходитъ изъ самаго себя, или въ обидѣ ближняго, или въ воздаяніи ему большихъ поношеній за поношенія. Между тѣмъ, какъ ему слѣдуетъ помнить, что онъ есть столъ Божій, окраину долженъ загибать внутрь, долженъ исполнять то, о чемъ проповѣдуетъ. Потому что написано: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI, 19). И еще написано: *ученіе мужа познается чрезъ терпѣніе* (Притчей XI, 11. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинни-

ка). Итакъ если доказательствомъ ученія служитъ терпѣніе; то всякой ученой тѣмъ болѣе является ученымъ, чѣмъ болѣе будетъ терпѣливъ. Поэтому-то добрый оный ученикъ, который видѣлъ учителя возносящимся на высоту, по внушенію великой любви взывалъ, говоря: *отче мой, отче мой, колесница Израилева и кучеръ его* (4 Цар. II, 12. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника). Что значитъ, возлюбленнѣйшіе братіе, что Илія называется колесницею Израиля и кучеромъ, если не то, что кучеръ понуждаетъ, а колесница несетъ? Поэтому тотъ учитель, который и нравы народа поддерживаетъ терпѣніемъ, и учитъ словами Св. Писанія, называется и колесницею и кучеромъ. Колесницею потому, что съ терпѣніемъ несетъ; кучеромъ потому, что увѣщаніемъ понуждаетъ. Колесницею потому, что терпитъ зло; а кучеромъ потому, что занимаетъ народъ добрыми наставленіями.

16. Но быть можетъ, учитель говоритъ слово противъ суетной славы, и дивно внушая, какъ должно уклоняться ея, чрезъ эти же самыя слова, въ которыхъ разсуждаетъ объ уклоненіи отъ этой суетной славы, желаетъ суетной славы. Итакъ, если онъ желаетъ получить то, что запрещаетъ; то онъ столъ, не наклонившій закраины внутрь. Но столъ Господень, устроенный изъ квадратныхъ камней, будетъ имѣть

закраину, загнутую внутрь, тогда, когда онъ научится самъ слушать то, что говоритъ. Потому что написано: *не дѣлайте ничего по ревнивости, или по тщеславію* (Филип. II, 3, по рускому переводу). И имъ же знаменитый Проповѣдникъ еще говоритъ: *не ищемъ славы человѣческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ* (1 Солун. II, 6. по рускому переводу). Ибо что значитъ домогательство преходящей славы за трудъ проповѣдничества, если не продажа дорогой вещи за дешевую цѣну? Но въ ученіи слова есть важная опасность; потому что за словомъ учащихъ часто послѣдуютъ похвалы слушающихъ; и когда учители отъ того, что сдѣлались хорошо извѣстными, не хотятъ уже въ словахъ казаться худшими, тогда слово ученія, которое они изъ любви къ всемогущему Богу начали для пріобрѣтенія душъ слушателей, превращаютъ послѣ въ трудъ для пріобрѣтенія похвалъ. Отъ этого происходитъ, что какъ всякой правильный трудъ, такъ слова священнаго ученія, теряютъ всю цѣну на судѣ всемогущаго Бога, когда чрезъ нихъ кто либо домогается преходящихъ похвалъ. Поэтому Іудеѣ чрезъ Пророка говорится то, что находитъ въ ней самый неосторожный умъ, если только послѣ ошибки осторожно обсудитъ свои помышленія: *оливковымъ деревомъ обильнымъ, красивымъ, плодоноснымъ, виднымъ, назвалъ Господь имя твое.*

По гласу слова загорѣлся великій огнь на немъ, и сожжены кустарники его (Iерем. XI, 16. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника). Потому что оливковымъ деревомъ обильнымъ и красивымъ, плодоносным и виднымъ Господь называетъ того, коего или усиліе въ дѣятельности одобряетъ, или святую ревность къ словамъ вѣденія. Но по гласу слова загорѣлся огнь на немъ, потому что, когда начнутъ кого хвалить, тогда онъ, быть можетъ, начинаетъ стыдиться быть меньшимъ того, за кого его считаютъ, и усиливается быть тѣмъ, чѣмъ онъ называется. Ибо гласъ слова есть одобреніе ласкательствующаго. Поэтому написано: *иже аще благословитъ друга утро веліимъ гласомъ, отъ клянущаго ничимже разнствовати возмнится* (Притч. XXVII, 4). И по голосу молвы загорѣлся великій огнь въ ней, потому что большинствомъ прославленія возгарается въ сердцѣ пламень любви къ похвалѣ. Но всѣ кустарники оливковаго дерева сгараютъ; потому что предъ очами всемогущаго Бога теряютъ всю цѣну, какъ добрыя дѣла, такъ и умныя проповѣди, когда происходятъ уже не отъ любви къ Господу, но отъ домогательства преходящей славы. Ибо часто къ помыслу доброму примѣшивается помыслъ недобрый такъ, что ихъ едва можетъ различать тотъ самый умъ, въ которомъ раждаются эти

помыслы. Поэтому славный Проповѣдникъ, когда тонко разсуждая, говорилъ: *слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюдуостраго: оно проницаетъ до раздѣленія души и духа,* тотчасъ присовокупилъ: *до составовъ и мозговъ и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя* (Евр. IV. 12 порускому переводу).

17. Ибо слово Божіе различаетъ составы и мозги, потому что различаетъ помышленія и мысли сердечныя. Потому что чрезъ составы соединяются кости съ костями. И часто бываетъ, что мы, начавъ дѣло съ вѣрнымъ помышленіемъ, вдругъ уклоняемся къ любви похвалы, и дѣлаемъ ради похвалы то, что начали дѣлать ради истины; потому что помышленія соединяются съ помышленіями, дѣлаются въ духѣ какъ бы нѣкоторыми составами. Но кости, соединяемыя въ составѣ, имѣютъ мозги. Объ этомъ святый Проповѣдникъ яснѣе сказалъ, присовокупивъ: *и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя.* Ибо составы суть наши помышленія, а мозги—намѣренія. И часто бываетъ, что объ одномъ мы помышляемъ, а къ другому простираемъ намѣреніе чрезъ помышленіе. На примѣръ, если бы кто за условленную сумму денегъ сталъ защищать дѣло сироты или вдовы, и входя въ Церковь, сталъ бы говорить Богу въ своихъ молитвахъ: Ты (Господи) видишь, что

я защищаю дѣло сироты и вдовы: то безъ сомнѣнія зналъ бы, о чемъ помышляетъ, но не зналъ бы, къ чему стремится его помышленіе. Потому что объ одномъ онъ помышляетъ, а къ другому стремится. Онъ желаетъ не защищенія сироты и вдовы, но денежной награды. Уничтожь эту временную награду, и онъ не станетъ защищать, ни сироты, ни вдовы. Итакъ слово Божіе судитъ помышленія и намѣренія сердечныя; потому что не взираетъ на то, о чемъ ты помышляешь самъ въ себѣ, но взираетъ на то, что ты составляешь чрезъ мозгъ, т. е. на то, что ты желаешь получить чрезъ намѣренія. Итакъ учителю во время проповѣди, какъ бы столу Божію, остается всегда наклонять закраину внутрь, чтобъ или не начинать рѣчи съ худымъ намѣреніемъ, или не уклоняться къ другому желанію по увлеченію похвалъ, когда положитъ хорошее начало.

18. Но быть можетъ, у учителя есть слово о соблюденіи дисциплины. И часто такъ же случается, что онъ не умѣетъ выполнять того правила дисциплины, о которомъ умѣетъ говорить; потому что, или увлеченный чрезмѣрною ревностію, не умѣряетъ себя кротостію; или, разнѣжившись чрезмѣрною кротостію, не воспламеняется надлежащею ревностію противъ пороковъ. Ибо мы съ особеннымъ вниманіемъ должны обсуживать то, что написано. На

сосудахъ храма между вѣнками и плетеніями вычеканены волы и львы и Херувимы, а подъ волами и львами вѣсовые ремни (3 Цар. VII, 29). Потому что вѣнки служатъ символомъ побѣды, а плетенія— единодушія въ согласіи; но Херувимами означается полнота вѣденія. Ибо Священники и Учители между вѣнками и плетеніями, т. е. между рѣшимостію на доброе дѣло, съ которою они стремятся къ побѣдѣ, и согласіемъ любви, по которому они не противорѣчатъ взаимно другъ другу, имѣютъ символы въ волахъ и львахъ и Херувимахъ; потому что въ полнотѣ вѣденія, которую они имѣютъ, необходимо соблюдать и кротость воловъ, и свирѣпость львовъ, такъ какъ они въ проповѣдуемой ими дисциплинѣ должны быть и воспламеняемы святою ревностію, и растворяемы отеческою любовію. Подъ ними внизу висятъ ремни для того, чтобъ они тѣ обузданія, которыми связаны сами, заботливо простирали и на подчиненныхъ своихъ. Ибо висѣть ремнямъ подъ ними значитъ держать узы стражи для подчиненныхъ. Это правильно соблюдается тогда, когда ни кротость воловъ не превращается въ запальчивость ревности, ни свирѣпость львовъ не уклоняется къ кротости. Потому что равновѣсіе должно быть таково, чтобы не было перевѣсу, ни со стороны чрезмѣрной строгости, ни со стороны милосердія, для то-

го, чтобы, въ случаѣ безотчетнаго прощенія вины, виновный еще болѣе не запутывался въ виновности; и наоборотъ, чтобы, въ случаѣ непомѣрнаго обузданія виновности, исправляемый не дѣлался еще худшимъ отъ того, что не видитъ никакого снисхожденія къ себѣ. Итакъ нечестивымъ надобно показывать строгость въ видимости, а любовь въ сердцѣ, для того, чтобъ и строгая видимость обуздывала нечествующаго, и соблюденіе любви не теряло награды за кротость.

19. Вотъ, когда я говорю, толчетъ въ двери памяти Іосифъ, чтобы взойти ему для засвидѣтельствованія того, что я говорю. Извѣстно, что онъ, расказывая сонъ, который онъ видѣлъ о своемъ возвышеніи, братьямъ, возбудилъ противъ себя ненависть тѣмъ, что пересказалъ съ невинностію (Быт. XXXVII, 5 и далѣе). Этими же братьями онъ проданъ Измаилитянамъ, (тамъ же, ст. 21); отведенный въ Египетъ, онъ, по дивному устроенію всемогущаго Господа, сдѣлался начальствующимъ надъ тѣмъ же Египтомъ (Быт. XLI, 41). И когда насталъ въ землѣ Ханаанской голодъ, тогда братья прибыли въ Египетъ, нашли Іосифа начальствующимъ надъ Египтомъ, и воздали ему честь земными поклонами (Быт. XLII, 7). И поелику они не могли перемѣнить совѣта Божія, чтобы не да-

вать чести тому, кого продали: то отдали честь тому, кого продали. Тогда самъ мужъ Божій, исполненный духа правосудія, узналъ братьевъ, не узнанный ими. Но воспомянувъ о преступленіи ихъ, и желая простить оное, рѣшился не воздавать братьямъ зломъ за зло, и не оставлять этого зла безъ исправленія. Ибо съ подозрительнымъ видомъ тотчасъ сказалъ: *соглядатаи есте, соглядати пути страны сея пріидосте. Въ семъ явитеся: тако ми здравія фараоня, не изыдете отсюду* (Быт. XLII, 9. 15). О, какое оружіе въ сердцѣ! Иноземцы шли, бѣгая отъ опасности голода, но продовольствія, котораго просили, не получали, и сверхъ того увидали, что ихъ заподозрѣли въ преступленіи. Между тѣмъ ихъ ведутъ въ тюрьму, и послѣ трехдневнаго заключенія опять допрашиваютъ съ тою же строгостію. Сердце ихъ уже потрясено; они уже воспоминаютъ о винѣ своей, и говорятъ между собою: *во грѣсѣхъ есмы брата ради нашего, яко презрѣхомъ скорбѣніе души его, егда моляшеся намъ, и не послушахомъ его: и сего ради пріиде на ны скорбѣніе сіе* (Быт. XLII, 21). Но это тронуло сердце Іосифа любовію; онъ удаляется, слезами омываетъ то, что долженъ былъ дѣлать по правдѣ. Строгимъ возвращается къ братьямъ, чтобъ очистить отъ виновности мучимыя ихъ души. Послѣ

этого, одного связываютъ узами, прочіе отпускаются съ продовольствіемъ, съ тѣмъ, чтобъ они привезли еще одного брата, названнаго ими меньшимъ (Тамъ же, ст. 34. 35). Послѣ того является братъ. Любовь при видѣ невиннаго брата потрясала душу; но въ видимости оставалась еще строгость, для очищенія братьевъ виновныхъ. Хлѣбъ отсыпается, въ мѣшокъ младшаго брата тайно влагается чаша, послѣ того начинается слѣдствіе по воровству (Быт. XLIV, 2). За ними посылаютъ, чтобъ они воротились, приговариваютъ къ рабству того, у кого будетъ найдена чаша. Ее находятъ въ мѣшкѣ младшаго брата. Веніамина ведутъ назадъ, всѣ огорченные братья за нимъ слѣдуютъ. О, мученія милосердія! Мучитъ, и любитъ Итакъ воротившись, они, со слезами падши на землю, просятъ помилованія. Ибо памятуя, что они поручились за него (Веніамина) отцу, они проникались невыносимою скорбію. Тогда-то скрытая любовь, не имѣя болѣе силы принуждать себя, выразилась наружу, и проявила слезы свои на лицѣ строгости (Быт. XLV, 1). Исчезъ тотъ гнѣвъ, который былъ видимъ, и котораго не было; явилось то милосердіе, которое было, а не показывалось. Такъ-то святый мужъ и простилъ братьямъ преступленіе, и отомстилъ за него. Такъ-то онъ съ усиліемъ сдержалъ милость, для

того. чтобы не быть любвеобильнымъ къ преступнымъ братьямъ безъ отмщенія, и не быть строгимъ безъ любви.

20. Вотъ примѣръ дисциплины для того, чтобъ умѣть, и со строгостію щадить преступленія, и съ любовію пресѣкать оныя. Но тѣ, которые не имѣютъ духа разборчивости, или отпущаютъ грѣхи такъ, что не исправляютъ, или какъ бы исправляя бьютъ такъ, что не отпущаютъ. Итакъ учителю, которому необходимо говорить о строгости дисциплины, надобно знать, что онъ есть столъ Божій, и наклонять закраину внутрь, для того, чтобы говоримое для наученія бдительно было исполняемо съ точностію. Если же онъ знаетъ за собою какіе либо недостатки, то и о нихъ не долженъ молчать въ проповѣди. Потому что мѣсто требуетъ того, чтобы говорить. Итакъ онъ долженъ быть согласенъ съ своими словами; и если онъ не говоритъ потому, что не исполняетъ, то долженъ исполнять потому, что обязанъ говорить. Поэтому, гдѣ онъ видитъ себя исполняющимъ то, о чемъ говоритъ, тамъ долженъ увѣщевать слушателей, и воспламенять сердца ихъ ревностію къ добрымъ дѣламъ. Но гдѣ видитъ, что онъ еще не исполняетъ того, о чемъ говоритъ, тамъ и себя равно долженъ воспламенять къ тѣмъ добродѣтелямъ, къ которымъ увѣщеваетъ

слушателей, чтобъ и самъ учился на дѣлѣ исполнять то, о чемъ чрезъ него вѣщаетъ истина въ проповѣди. Ибо часто мы, побуждаемые словомъ ученія, изъ бесѣды научаемся тому, чего не знаемъ по опыту; и когда отъ сознанія нашей лѣности раждается въ душѣ виновность, тогда потрясаетъ туже самую душу сокрушеніе, нечаянно родившееся, и она, которая прежде предавалась праздности, не издавая голоса, возбужденная своимъ голосомъ вспрядаетъ на дѣло. Но вотъ, когда закраина стола простирается на пядень, то есть, когда устами учителя произносится слово противъ пороковъ, и сердца слушателей располагаются къ добрымъ дѣламъ; тогда многіе изъ тѣхъ, которые слушаютъ его, сознаютъ, сколько или какія преступленія они учинили; и исповѣдуя ихъ, приходятъ къ немуже, и со слезами просятъ его быть очистителемъ грѣховъ ихъ, чтобы онъ молитвою загладилъ тѣ вины, которыя открылъ проповѣдію. Поэтому и присовокупляется: *на столахъ же мяса жертвенныя* (Iезик. XL, 43. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

21. Ибо святые учители, возсылая молитвы къ всемогущему Богу за кающихся и исповѣдающихся грѣшниковъ, тѣмъ, что умоляютъ о прощеніи плотской ихъ жизни, служатъ столами Господними, поддерживающими мяса жертвенныя.

Но чтобы были такіе, за которыхъ, по обращеніи ихъ и раскаяніи, можно было бы молиться, надобно имъ грѣшникамъ проповѣдывать; и когда они начнутъ уже оставлять грѣхи, и поспѣшать къ невинности, тогда необходимо усиливать къ нимъ въ устахъ учителя проповѣдь, и словомъ ученія своего настоять на нѣкоторыхъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ, по дознанію (проповѣдника), глубже они пали, именно зная, что тѣмъ большую получитъ онъ (учитель) награду великаго воздаянія, чѣмъ болѣе отъ тяжкихъ грѣховъ освободитъ другихъ своими словами.

22. Между тѣмъ мнѣ хочется привесть слова святаго Евангелія, коего священная исторія возвѣщаетъ о томъ, что дѣлается ежедневно, повѣствуя о чудѣ, которое совершено было. Ибо когда собрались къ Господу народы утомленные и голодные, тогда Господь сказалъ ученикамъ: *милосердую о народѣ, яко уже три дни пребываютъ мнѣ, и не имутъ чесо ясти. И аще отпущу ихъ не ядшихъ въ домы своя, ослабѣютъ на пути: мнози бо отъ нихъ издалеча пришли суть* (Марк. VIII, 2. 3). Народъ три дня находится при Господѣ, когда множество вѣрующихъ, очищая чрезъ покаяніе содѣянные ими грѣхи, обращается къ Богу дѣломъ, словомъ и помышленіемъ. Господь не хочетъ отпускать ихъ домой голодными, чтобъ они не ослабѣ-

ли на пути, именно потому, что обратившіеся грѣшники ослабѣваютъ на пути настоящей жизни, если отпускаются безъ пищи святаго ученія въ ихъ совѣсти. Итакъ, чтобъ они не ослабѣвали на пути сего странствованія, должны быть питаемы святымъ увѣщаніемъ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ вышедшая изъ устъ Истины та мысль, что *мнози отъ нихъ издалеча пришли суть*. Одинъ поспѣшилъ на служеніе всемогущему Богу, не испытавъ ничего обманчиваго и ничего изъ плотскаго поврежденія. Онъ пришелъ не издалеча, потому что по неиспорченности и невинности былъ близокъ. Другой не осквернивъ себя никакимъ безстыдствомъ, никакими преступленіями, но только испытавъ супружество, обратился къ духовному служенію. И этотъ пришелъ не издалеча, потому что, пользуясь супружествомъ дозволеннымъ, не блуждалъ по недозволенному (пути). Но третьи обращаются къ покаянію и возвращаются на служеніе всемогущему Богу, послѣ плотскихъ скверпъ, четвертые послѣ лжесвидѣтельствъ, пятые послѣ воровства, шестые послѣ насилій, седьмые послѣ совершенныхъ убійствъ: вотъ они-то именно и приходятъ издалеча. Ибо чѣмъ болѣе кто проблуждалъ въ нечестіи, тѣмъ далѣе ушелъ отъ всемогущаго Бога. Такъ какъ и блудный сынъ, оставивъ отца,

ушелъ въ дальнюю сторону, въ которой пасъ свиней, потому что питалъ пороки (Лук. XV, 16). Итакъ пусть дается продовольствіе и тѣмъ, которые приходятъ издалеча; потому что обратившимся грѣшникамъ должна быть доставляема пища святаго ученія для того, чтобъ они возобновляли тѣ силы въ Богѣ, которыхъ лишились въ беззаконіяхъ. Часто учителямъ тѣмъ необходимѣе питать ихъ обильнѣйшею пищею ученія, чѣмъ тягчайшими пороками обремененные пришли они. И когда они начнутъ уже сознаваться въ учиненныхъ ими преступленіяхъ, и сознаваясь оставлять ихъ и омывать слезами: тогда святымъ учителямъ необходимо усердно молиться о грѣхахъ ихъ, поколику столы Божіи поддерживають мяса жертвенныя. Сколько разъ они это дѣлаютъ, столько разъ тѣмъ, что входятъ въ посредничество за чужіе грѣхи, очищаютъ предъ очами Божіими свои собственные; потому что оправдываются тою самою любовію, по которой съ дивнымъ благочестіемъ они въ слезахъ закалаютъ себя за чужія беззаконія. Не трудно должно быть для учителей проливать слезы за обратившихся грѣшниковъ, когда и самъ Тотъ, Кто сотворилъ все, содѣлавшись человѣкомъ, пролилъ кровь на крестѣ за наши беззаконія, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единствѣ со Святымъ Духомъ Богъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Святый Учитель, изъясняя четыре стиха,—отъ 44 до 48, — распространяется о вѣрѣ, надеждѣ и любви, и тѣмъ заканчиваетъ этотъ трудъ.

1. Пророкъ, по внушенію Святаго Духа, мудро разумѣя таинственные смыслы Св. Писанія, говоритъ: *дивны откровенія Твои, посему хранитъ ихъ душа моя* (Псал. CXVIII, 129. по рускому переводу). Опять онъ же говоритъ: *открой мнѣ глаза, чтобъ я видѣлъ чудеса закона Твоего* (Тамъ же, ст. 18. по тому же переводу). Ибо кто еще не разумѣетъ сокровеннаго изъ открытаго, тотъ имѣетъ глаза закрытые. А кто уже разумѣетъ, тотъ открытыми очами видитъ чудеса отъ закона Божія; потому что, духовно разтрясая слова буквы, онъ уразумѣваетъ, какое величіе скрывается внутри. Не дивно ли то, когда одно звучитъ въ ушахъ, а другое, что не звучало, приходитъ на мысль? Поэтому, чему я уподоблю слово Св. Писанія, если не тому камню, въ которомъ скрывается огнь? Камень, который холоднымъ держится въ рукѣ, ударенный желѣзомъ, разсыпаетъ искры, и производитъ огонь воспламеняющій то, что прежде было въ рукѣ холод-

нымъ. Ибо такъ, именно такъ бываетъ съ словами Св. Писанія; онѣ хотя по повѣствованію буквы держутся холодными, но если ихъ, по внушенію Господню, ударитъ кто либо напряженнымъ вниманіемъ, то произведетъ огонь о таинственныхъ смыслахъ его, такъ что послѣ душа, которая прежде холодно слушала буквальный смыслъ, разгорается отъ духовнаго. Ибо вотъ Пророкъ говоритъ: *и внѣ воротъ внутреннихъ сокровищницы пѣвцевъ въ притворѣ внутреннемъ, который былъ съ боку воротъ, обращенныхъ къ сѣверу; и лице ихъ противъ пути южнаго одного, съ боку воротъ восточныхъ, которыя имѣли лицевую сторону къ пути сѣвера* (Іезик. XL, 44. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

2. Чья душа воспламенится любовію къ Богу отъ буквальнаго смысла этихъ словъ, чтобъ не оставаться ей болѣе теплою отъ самаго ихъ чтенія? Но если добьемся мы до духовнаго смысла, скрывающагося въ буквѣ, то отъ этого явятся искры разумѣнія, и зажгутъ то, что прежде холодно звучало въ ушахъ сердца. Впрочемъ намъ для того, чтобы при помощи Господней открыть внутренній смыслъ, надобно прежде разсмотрѣть самое повѣствованіе по буквѣ. Ибо (Пророкъ) говоритъ, что были вороты внутреннія, и внѣ ихъ притворъ, который называет-

ся внутреннимъ; и потомъ описываются другія ворота, то есть, сѣверныя, южныя и восточныя, для того, чтобы показать, что самый притворъ, о которомъ сказалъ, что онъ находится внѣ воротъ внутреннихъ, находится внутри отъ воротъ внѣшнихъ. Слѣдовательно, этотъ притворъ и внѣ, и внутри: внѣ потому, что внѣ воротъ внутреннихъ; а внутри потому, что внутри воротъ внѣшнихъ. Повѣствуется еще, что въ этомъ же самомъ притворѣ были сокровищницы пѣвцевъ, о которыхъ говорится, что онѣ были помѣщены съ боку воротъ, обращенныхъ къ сѣверу. Но эти же самыя сокровищницы обращены были къ пути южному. И присовокупляется: *съ боку воротъ восточныхъ, которыя имѣли лицевую сторону къ пути сѣвера.* Изъ этихъ словъ ясно видно, что сокровищницы пѣвцевъ были помѣщены между стороною воротъ обращенныхъ къ сѣверу, и стороною воротъ восточныхъ, которыя ворота были обращены именно къ пути сѣвера. Итакъ лицевая сторона сокровищницъ была противъ пути южнаго, но положеніе (ихъ) было между воротами восточными и сѣверными. Слѣдовательно внутреннія ворота имѣли съ одной стороны ворота къ сѣверу, а съ другой стороны ворота къ югу. Но фронтономъ преддверія восточныя ворота были выше, и притворъ, который былъ внѣ воротъ внут-

ренних, был в таком положеніи, что он же был и внутренним; вороты совнѣ обымали его.

3. Мы кратко прослѣдили этот буквальный смысл для того, чтобы не кратко отыскивать в нем таинственные смыслы. Но в первой части описаны трое ворот, то есть, восточныя, сѣверныя и южныя; и тотчас же сказано о трех других внутренняго притвора, то есть, южных, восточных и сѣверных, а затѣм сказано о воротах притвора внутренняго, гдѣ упоминается о столах, устроенных из квадратных камней; и о воротах, обращенных к сѣверу, в которых были столы для жертвоприношенія, а не для всесожженія. Поэтому мы сказали, что внутренним означается Церковь, а внѣшним Синагога. Но послѣ того, Пророк опять начинает описывать внутреннія ворота, и трое других, то есть, сѣверныя, южныя и восточныя, и раскызывает, что во внутреннем их притворѣ, который был внѣ ворот внутренних, были сокровищницы, пѣвцы, Священники, храм, олтарь, жертвоприношенія. Поелику (Пророк) в этих словах начал повѣствовать о различном от того, что прежде говорил об устроеніи святой Церкви: то очевидно, что он перемѣнил смысл ворот внутренних. Ибо, еслиб он говорил обо всем в одном смыслѣ, то не стал бы повторять в новом

порядкѣ того и другаго. Какъ можемъ мы сказать, что внѣ воротъ внутреннихъ есть притворъ, сокровищницы, пѣвцы, священники, храмъ, олтарь, жертвоприношенія, если въ этомъ мѣстѣ чрезъ эти самыя внутреннія вороты означается святая Церковь? Когда все это внутри ея: то какимъ образомъ оно внѣ воротъ внутреннихъ, если не внѣ Церкви? Итакъ подъ внутренними воротами можно разумѣть тѣ, о которыхъ мы уже сказали далеко впереди, о которыхъ говорится, что онѣ имѣютъ лицевую сторону къ воротамъ сѣвера и востока, которыми, по нашему объясненію, означается входъ, ведущій ко внутреннимъ радостямъ небеснаго отечества, такъ что и здѣсь тѣми воротами, о которыхъ говорится, что онѣ около входа, означается святая Церковь, а воротами внутренними—входъ въ царство небесное. Но дабы кто нибудь не подумалъ, будто я слова Св. Духа насильственно склоняю къ своему разумѣнію, и не сказалъ, что я не долженъ измѣнять того значенія внутреннихъ воротъ, т. е. святой Церкви, о которомъ я сказалъ однажды, мы удержимъ то, что начали, такъ что и внутреннія ворота будутъ означать Церковь, которая доводитъ насъ до внутреннихъ радостей; и сокровищницы, пѣвцы, священники, храмъ, олтарь, жертвоприношенія, останутся въ притворѣ, который внѣ воротъ, и однако же не внѣ

Церкви. Ибо, если мы тонко разберемъ, то ничто не будетъ намъ препятствовать подъ внутренними воротами, какъ сказано, разумѣть святую Церковь. О ней теперь говорится: *и внѣ воротъ внутреннихъ сокровищницы пѣвцевъ въ притворѣ внутреннемъ.* Ибо два предмета, о которыхъ говорится: вороты внутреннія, и внѣ ихъ притворъ внутренній; поколику этотъ *самый* притворъ есть и внутренній и внѣшній, — въ отношеніи къ воротамъ внѣшній, а внутренній, какъ мы впереди сказали, въ отношеніи къ тѣмъ воротамъ, о которыхъ въ повѣствованіи (Пророкъ) сдѣлалъ присовокупленіе.

4. Ибо святая Церковь имѣетъ двѣ жизни: одну, которую проводитъ она во времени, другую, которую получаетъ она въ вѣчности; одну, въ которой она подвизается на землѣ, другую, въ которой она получаетъ воздаяніе на небѣ; одну, въ которой она собираетъ награды, а другую, въ которой она радуется уже о полученныхъ наградахъ; но въ той и другой жизни она приноситъ жертву. Здѣсь жертву сокрушенія, а тамъ жертву хвалы. Объ этой-то жертвѣ говорится: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19). А о той написано: *тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая* (Тамъ же, ст. 21). И еще о ней (Псалмопѣвецъ) говоритъ: *яко да воспоетъ Тебѣ слава моя, и не*

умилюся (не умолкнетъ) (Исал. XXIX, 13). Но въ той и другой жертвѣ приносятся мяса; потому что приношеніе мяса здѣсь состоитъ въ изнуреніи плоти, тамъ приношеніе мяса состоитъ въ прославленіи Бога за славу воскресенія. Потому что тамъ плоть будетъ принесена какъ бы во всесожженіе тогда, когда она, получивъ вѣчную невредимость, не будетъ имѣть ничего противорѣчащаго, ничего смертнаго, такъ какъ она, всецѣло проникнутая огнемъ любви къ Нему (Богу), безконечно пребудетъ въ прославленіи. Итакъ эти внутреннія ворота: т. е. въ святой Церкви, имѣютъ свою внутренность, именно ту жизнь, которая сокрыта еще отъ очей нашихъ. Онѣ имѣютъ внѣ себя внѣшній притворъ, т. е. жизнь настоящую, въ которой все доброе дѣлается для того, чтобы достигнуть блага безконечнаго.

5. Итакъ пусть во внутреннемъ притворѣ, который впрочемъ внѣ воротъ, будутъ сокровищницы пѣвцевъ; потому что всѣ избранные и совершенные, которые живутъ еще въ смертномъ тѣлѣ, находятся и внутри лона святой Церкви, и еще внѣ сокровенныхъ радостей внутренней жизни. Пусть сокровищницы пѣвцевъ остаются внутри и во внѣ; потому что сердца святыхъ, которыя по великой любви воспѣваютъ свое желаніе къ всемогущему

Богу, и внутри суть, и еще не внутри; потому что, находясь въ лонѣ святой Церкви, онѣ и видятъ духомъ то, что внутренно сильно любятъ, и еще не вполнѣ видятъ то, что любятъ. Итакъ пусть остаются сокровищницы во внутреннемъ притворѣ, но внѣ воротъ, такъ чтобъ онѣ и внутри уже были чрезъ желаніе, и еще не были внутри чрезъ полное исполненіе. Что же значатъ сокровищницы пѣвцевъ, если не святыя желанія любящихъ? Эти послѣдніе берегутъ въ душѣ Божественныя заповѣди, какъ нѣкія сокровища; они блюдутъ ихъ съ пѣніемъ, потому что исполняютъ повелѣнія Божіи не по страху, а изъ любви; и для нихъ самихъ заповѣди священнаго Писанія служатъ пѣснями, потому что они исполняютъ ихъ не съ прискорбіемъ, а съ удовольствіемъ. Хотите ли слышать о сердцѣ праведника, какъ бы о сокровищницѣ какого либо пѣвца? — *Пѣта бяху мнѣ оправданія Твоя, на мѣстѣ пришельствія моего* (Псал. CXVIII. 54). Оправданіями Божіими мы называемъ Божественныя заповѣди, потому что онѣ насъ оправдываютъ, если мы исполняемъ ихъ. Онѣ на мѣстѣ пришельствія нашего бываютъ пѣты тогда, когда мы въ этомъ странствованіи настоящей жизни любимъ эти самыя заповѣди, и съ удовольствіемъ исполняемъ. Поэтому-то тотъ же Псалмопѣвецъ еще изъ сокровищницы пѣв-

цевъ говоритъ: *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Псал. С, 1).

6. Милость Господню, которою отпущаются грѣхи, долженъ воспѣвать даже грѣшникъ, т. е. говорить о ней съ радостію и надѣяться на нее. Но кто праведенъ настолько, чтобы представлять себѣ вѣчный судъ Господень, и не трепетать, а рѣшаться скорѣе итти на этотъ судъ толикаго Судіи, поспѣшать и радоваться? Кто таковъ, тотъ великъ; потому что, воспѣвая милость и судъ Господа, онъ всею полнотою души любитъ всемогущаго Бога, Который милосердо отпущаетъ ему грѣхи, и потому не боится суда Его. Ибо *совершенная любовь*, какъ говоритъ Апостолъ Іоаннъ, *изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). Поэтому онъ воспѣваетъ тотъ судъ, на который предстать не боится. Итакъ пусть будетъ душа его сокровищницею пѣвцевъ, чтобъ она, радуясь богатству милосердія, которое получаетъ, продолжала путь на тотъ судъ, котораго уже не боится. Посмотримъ, возлюбленнѣйшіе братіе, и на другую сокровищницу пѣвца, если угодно. Быть можетъ, и онъ воспѣваетъ судъ. Ибо что онъ говоритъ? *Азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста. Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми*

Господь въ день онъ, праведный Судія (2 Тим. IV, 6 8). Кто, припоминая о своихъ подвигахъ, о борьбѣ, которую выдержалъ, о вѣрѣ, которую сохранилъ, говоритъ, что ему на судѣ готовъ вѣнецъ, который надѣется получить болѣе въ воздаяніе въ оный день, нежели въ подарокъ: о томъ рѣшительно можно сказать, что онъ воспѣваетъ судъ, на который желаетъ явиться. Поэтому онъ и еще присовокупляетъ: *не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (Тамъ же, ст. 8). Ибо никто не любитъ пришествія судіи, если онъ не увѣренъ, что имѣетъ рѣшительное оправданіе на судѣ. Итакъ сердца тѣхъ, которые любятъ пришествіе Судіи, суть сокровищницы пѣвцевъ; потому что предварительною благодатію и жизнію, подвигами святаго усилія праведники воспѣваютъ тотъ судъ, котораго страшатся всѣ нечестивые.

7. Но любовь ваша помнитъ, что въ предыдущей бесѣдѣ мы сказали, что восточными воротами означается вѣра, сѣверными надежда, а южными любовь. Итакъ объ этихъ сокровищницахъ говорится, что онѣ находятся между воротами восточными и сѣверными. и обращены лицевою стороною къ пути южному; потому что сердца святыхъ, находясь между вѣрою и надеждою, обращаются лицемъ къ пути южному, такъ какъ онѣ горятъ огнемъ святой

любви. И о самыхъ восточныхъ воротахъ говорится, что онѣ обращены къ сѣверному пути; потому что, хотя чрезъ вѣру отпущаются намъ въ Крещеніи всѣ грѣхи, однако же, пока мы живемъ еще здѣсь, даже послѣ вѣры часто наклонны бываемъ къ грѣхамъ. И когда жизнь наша послѣ принятой вѣры цѣпенѣетъ еще нѣкоторымъ образомъ отъ холода виновности; тогда какъ бы восточныя вороты обращаются къ пути сѣверному. Ибо кто можетъ прожить въ этой жизни, по принятіи вѣры, безъ грѣха, когда Іоаннъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8)? Согласно съ этими словами Іаковъ говоритъ: *много бо согрѣшаемъ вси* (Іак. III, 2). Но если прежніе грѣхи отпущены въ принятіи вѣры, и по принятіи вѣры мы еще чувствуемъ наклонность къ грѣхамъ: то какое будетъ для насъ упованіе на оправданіе, какая надежда на жизнь вѣчную, если не то, чтобы нынѣ, когда еще находимся между воротами востока и сѣвера, возвышали взоры душевные къ пути южному, поколику жаръ любви освободитъ насъ, разогрѣтыхъ святою любовію, отъ грѣха холода и мороза? Итакъ пусть сокровищницы будутъ между воротами восточными и сѣверными; но пусть, какъ сказано, онѣ будутъ обращаемы лицевою стороною къ пути южному, для то-

го между прочимъ, чтобы мы, рожденные въ вѣрѣ, и послѣ того падшіе во грѣхи, имѣя надежду на милосердіе, упражняли самихъ себя въ разогрѣніи любви, и сердечныя взоры устремляли туда, откуда мы воспламеняемся огнемъ любви.

8. Впрочемъ можно разумѣть подъ сѣверными воротами язычество, подъ южнымъ путемъ Іудею, а подъ восточными воротами самаго Господа. Сѣверомъ не несправедливо образно представляется язычество, которое обдаетъ холодомъ тотъ властитель, который сказалъ: *сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу* (Ис. XIV, 13). И подъ южными воротами справедливо можно разумѣть Іудею, въ которой духовные отцы горѣли небесною любовію. Одинъ изъ нихъ говоритъ: *возврати, Господи, плѣненіе наше: яко потоки югомъ* (Псал. CXXV, 4). Хотя она имѣла плотской народъ, въ которомъ носила какъ бы холодъ сѣвера, но въ святыхъ своихъ учителяхъ и Пророкахъ она горѣла огнемъ любви къ Богу и ближнему. А восточныя вороты справедливо означаютъ Того, о Комъ написано: *се мужъ, востокъ имя Ему* (Захар. VI, 12), и о Которомъ Захарія говоритъ: *посѣтилъ есть насъ востокъ свыше* (Лук. I, 78). Итакъ пусть остаются сокровищницы пѣвцевъ на сторонѣ воротъ сѣверныхъ; потому что, не только въ Іудеи сердца

*

святыхъ духовно пламенѣли, но и во множествѣ язычества, обратившагося къ таинствамъ святой вѣры, горятъ сердца святыхъ любовію къ небесному отечеству, стремятся къ вѣчнымъ радостямъ, напрягаютъ усилія къ сообществу своихъ согражданъ на небѣ: однако же примѣры этой ревности, которую они получили въ даръ отъ Духа Святаго, они заимствуютъ отъ духовныхъ отцевъ Синагоги. Поэтому и самыя сокровищницы, устроенныя на сторонѣ сѣвера, имѣютъ лицевую сторону къ пути южному. Ибо вотъ мы пришли изъ язычниковъ; но въ томъ, что мы пламенѣемъ любовію Св. Духа, мы взираемъ на отцевъ Іудеи, которые въ своихъ изреченіяхъ ежедневно доставляютъ намъ примѣры святаго стремленія.

9. Не полуденнымъ ли какъ бы жаромъ горѣлъ тотъ, кто жаждалъ, говоря: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебе, Боже; возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію* (Псал. XLI, 2. 3). Онъ же еще говоритъ: *пою и разумѣю въ пути непорочнѣ, когда пріидеши ко мнѣ* (Псал. C, 2). Этимъ же самымъ пламенемъ горѣлъ тотъ, который говорилъ: *нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣсте очи мои спасеніе Твое* (Лук. II, 29. 30).

Итакъ, поелику мы пришли изъ язычества, по святыхъ отцевъ изъ Іудеи считаемъ за образцы для себя въ подражаніи ихъ любви Божественной; то мы какъ бы нѣкія сокровищницы пѣвцевъ съ боку воротъ, устроенныхъ на пути къ сѣверу, но лица обращаемъ къ пути южному.

10. И замѣчательно, что о тѣхъ же самыхъ сокровищницахъ говорится, что онѣ находятся между воротами сѣверными и восточными; потому что, именно послѣ воплощенія Господня, множество язычниковъ обратилось къ вѣрѣ, и между этими самыми вѣрующими народами и таинствами Господня воплощенія, которое они сердечно любятъ, возвышаются сердца любящихъ. Итакъ пусть святыя сокровищницы имѣютъ съ одной стороны восточныя вороты, а съ другой сѣверныя; потому что между самыми таинствами ихъ искупленія, которыя они принимаютъ, и нѣкоторыми плоткими людьми, которыхъ терпятъ даже внутри святой Церкви, многіе преуспѣваютъ въ крѣпкой любви къ Богу, отличаются доблестями, желаютъ пришествія вѣчнаго судіи и между тѣмъ, что они любятъ, и тѣмъ, что они переносятъ, служатъ какъ бы нѣкоторыми сокровищницами, вмѣщающими въ душѣ богатство духа. Между таинствъ, которыя любятъ, и нѣкоторыми непріятностями, которыя переносятъ, они не ослабѣ-

вают, потому что устремляютъ взоры къ пути южному. Ибо что такое мы терпимъ, чего прежде не претерпѣли отцы наши изъ любви ко Господу?

11. Но надобно замѣтить, что между воротами южными и сѣверными описываются вороты восточныя; потому что Господь и Искупитель нашъ родился въ Іудеи, и скоро устроилъ на вѣрѣ въ Него Церковь изъ язычниковъ. Ибо Онъ явился какъ бы между южными и сѣверными воротами; потому что изъ той пришелъ Онъ, а этихъ обратилъ къ служенію Себѣ. Поэтому и хорошо говорится, что эти же восточныя вороты обращены къ пути сѣвера; потому что родившійся Господь оставилъ Синагогу, и собралъ множество язычниковъ. И надобно замѣтить, что когда о сокровищницахъ было сказано: *и лице ихъ противъ пути южнаго*, тогда прибавлено—*одного*, для того, чтобъ именно мы ясно знали, что не другой путь къ небесному отечеству для насъ, пришедшихъ изъ язычества, и не другой для тѣхъ отцевъ, которые были въ Іудеи: но для насъ и тѣхъ одинъ и тотъ же путь есть тотъ, который ведетъ насъ къ вѣчнымъ радостямъ, который чрезъ Евангеліе говоритъ намъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. XIV, 16). О немъ Псалмопѣвецъ говоритъ: *познати на земли путь твой, во всѣхъ язы-*

цѣхъ спасеніе твое (Псал. LXVI, 3). Ибо что по еврейски называется Іисусомъ, то по Латыни называется спасеніемъ. Слѣдовательно, путь на землѣ познается потому, что Іисусъ, Богъ прежде вѣковъ, и человѣкъ на концѣ вѣковъ, явился язычникамъ. Итакъ одинъ есть путь и для тѣхъ, которые отъ юга, и для тѣхъ, которые взираютъ со стороны сѣверной; потому что для избранныхъ Іудеевъ и язычниковъ Господь и Искупитель нашъ, по уничтоженіи наказанія страха, содѣлался путемъ любви къ Отцу, и помощію въ шествіи къ Нему. Далѣе слѣдуетъ: *и сказалъ ко мнѣ: эта сокровищница, которая обращена къ пути полуденному, есть тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ храма.* И тотчасъ присовокупляется: *далѣе сокровищница, обращенная къ пути сѣверному, будетъ тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ олтаря* (Іезик. XL, 45 — 46. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

12. Въ этихъ словахъ Пророка намъ должно отыскать, какіе жрецы высшей степени, —тѣ ли, которые стоятъ на стражѣ храма, или тѣ, которые въ прислугѣ олтарю. Но поелику нѣсколько послѣ присовокупляется: *олтарь былъ предъ лицемъ храма:* то ясно показывается, что высшей степени тѣ жрецы, которые стоятъ на стражѣ храма; потому что

вполнѣ завѣдывають олтаремъ, который внутри. А тѣ, которые стоятъ на стражѣ олтаря, который предъ лицемъ храма, тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе занимаются внѣшнимъ. Поэтому надобно намъ отыскать, кто суть тѣ жрецы, которые охраняютъ храмъ, и кто тѣ, о которыхъ говорится, что они охраняютъ олтарь. Учитель языковъ, пиша вѣрующимъ, говоритъ: *храмъ Божій святъ есть; иже есте вы* (1 Кор. III, 17). Итакъ кто же суть тѣ жрецы, которые охраняютъ храмъ Божій, если не тѣ, которые молитвою, проповѣдію, наблюденіемъ за чистотою нравственности, защищаютъ святую Церковь отъ нападеній злыхъ духовъ, отъ вліяній нечестивыхъ (людей), отъ заблужденій еретическихъ? Не стражъ ли храма былъ тотъ, кто, изчисляя подвиги своего страданія, говоритъ: *въ трудѣ и въ изнуреніи, часто во бдѣніи, въ гладѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ?* И тотчасъ присовокупляетъ: *кромѣ посторонних приключеній, ежедневное ко мнѣ стеченіе людей, забота о всѣхъ Церквахъ* (2 Кор. XI. 27—28. по рускому переводу). Прошу обсудить, съ какою заботливостію бодрствуетъ стражъ храма. Ибо вотъ онъ неизъяснимо страдаетъ самъ въ себѣ, и удѣляетъ заботливость сердца своего другимъ. Какого подвига, спрашиваю я, стоитъ то, чтобы болѣе думать о пользѣ ближнихъ, нежели о своемъ

бѣдствіи? Кто это достойно оцѣнитъ? Кто вѣрно обсудитъ? Онъ подвизается, скорбитъ, алчетъ, жаждетъ, терпитъ холодъ, постится, не спитъ, и однакоже бодренно помышляетъ о безпокойствѣ всѣхъ церквей. Вотъ искуснѣйшій стражъ храма, представленный въ примѣръ. Да подражаетъ ему, кто можетъ. Ибо терпѣть несчастія за истину, дѣлать добро ближнимъ, бодрствовать надъ спокойствіемъ душъ, отыскивать и предупреждать, дабы кто не палъ въ вѣроломство, не предался гордости, не предался воровству, или нечистотѣ, — вотъ что значитъ оберегать храмъ Божій, т. е. святую Церковь.

13. Но есть жрецы низшей степени, которые прислуживаютъ олтарю, которые именно въ помощь высшимъ тонко слѣдятъ за грѣхами нечествующихъ, и исправляютъ жизнь плотскихъ людей, и доводятъ ихъ до того, что они слезами покаянія какъ бы въ жертвоприношеніи сожигаютъ ту плоть, которой прежде дозволяли жить въ грѣхѣ. Ибо тѣ, которые начальствуютъ надъ святыми церквами, не могутъ всего дѣлать лично сами. Но занимаясь сами дѣлами духовными, они, узнавъ о какихъ либо нечестивыхъ и плотскихъ дѣлахъ, поручаютъ другимъ обличить ихъ и исправить. Когда этими плотская жизнь исправляется, и исправляющимися доводится до расположенія къ воздержанію и молит-

вѣ; тогда плоть какъ бы уже на олтарѣ сожигается, такъ что предъ очами всемогущаго Бога возносится жертвоприношеніе оттуда, откуда прежде отвратительно пахло грѣхомъ.

14. Но здѣсь раждается вопросъ: поелику выше сказано, что сокровищницы имѣли лицевую сторону къ пути южному; то какъ же теперь говорится, что сокровищница, обращенная къ пути южному, для тѣхъ жрецовъ, которые стоятъ на стражѣ храма, а сокровищница, обращенная къ пути сѣверному, для жрецовъ, стоящихъ на стражѣ олтаря? Ибо, если та и другая имѣли лицевую сторону къ пути южному; то какъ же теперь говорится, что одна обращена къ пути южному, а другая къ сѣверному? Но въ этихъ словахъ мы познаемъ, что сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые стояли на стражѣ храма, имѣла такое положеніе, что обращена была къ одному только пути южному; а сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые стояли на стражѣ олтаря, имѣла въ притворѣ такое положеніе, что обращена была лицемъ и къ южному пути, и къ сѣверному; потому что она, и совокупно съ сокровищницею жрецовъ, содержавшихъ стражу храма, смотрѣла на южный путь, и однако же безъ сокровищницы этихъ же жрецовъ сокровищница тѣхъ жрецовъ, которые содержали стражу олтаря, смотрѣла на путь

сѣверный. Но что это значитъ, возлюбленнѣйшіе братіе? Что таинственнаго мы можемъ видѣть въ этихъ словахъ, если не то, что по предыдущему духовный слушатель уже разумѣетъ, что тѣ жрецы высшаго чина, которые стоятъ на стражѣ храма, взираютъ на одинъ только путь полуденный, потому что, будучи заняты одними только упражненіями духовными, всегда тщательно устремляютъ вниманіе на то, что составляетъ сущность любви къ Богу; но тѣ жрецы низшаго чина, которые преимущественно занимаются истребленіемъ грѣховъ въ людяхъ нечестивыхъ, обращаютъ взоры и на путь сѣверный, для того, чтобы видѣть въ душѣ согрѣшающихъ, какой въ нихъ холодъ безчувственности, и словами обличенія доводя ихъ до слезъ покаянія, сожигать какъ бы мяса на олтарѣ Господнемъ? Взираютъ вмѣстѣ съ великими жрецами и на путь полуденный; потому что, сколько касается лично ихъ самихъ, они пламенѣютъ огнемъ любви, и объяты пламенемъ любви къ Богу. Но поелику часто исправляютъ грѣхи нечестивыхъ, то обращаютъ взоры и къ пути сѣверному. Впрочемъ о тѣхъ и другихъ чинахъ жрецовъ присовокупляется: *они суть сыны Садоковы, приступающіе отъ сыновъ Левіиныхъ къ Господу, чтобы служить Ему* (Іезик. XL, 46. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

15. Садокъ по латыни значитъ праведный. Но кто праведенъ, если не Тотъ, Кому говорится: *праведенъ еси, Господи, и прави суди Твои* (Псал. CXVIII, 137)? Кто же сыны праведнаго, если не тѣ, о которыхъ написано: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* (Іоан. 1, 12)? Но Левій значитъ принятый. Кто же принятъ отъ Господа, если не вѣрный тотъ народъ, который чрезъ таинства вѣры отдѣленъ отъ невѣрующихъ? Слѣдовательно, всѣ тѣ, которые постоянно стремятся къ духовнымъ дѣламъ, суть праведники. И отъ сыновъ народа принятаго приступаютъ къ Господу, чтобы служить Ему; потому что даже изъ самыхъ вѣрующихъ избираются тѣ, которые приступали бы къ служенію всемогущему Богу, и для наученія народа имѣли бы небесную ревность.

16. Но намъ тщательно надобно изслѣдовать, кто суть тѣ, которые служатъ Господу. Ибо не всѣ тѣ, которые читаютъ, не всѣ тѣ, которые проповѣдуютъ, не всѣ тѣ, которые раздаютъ собственность, не всѣ тѣ, которые чрезъ воздержаніе плоти обуздываютъ тѣло, служатъ Господу. Ибо тѣ, которые читая и проповѣдуя, домогаются себѣ славы, щедро раздавая свою собственность, и умерщвляя тѣло воздержаніемъ, желаютъ себѣ прославленія отъ лю-

дей, служатъ себѣ, но не Господу. Противъ этого Господь чрезъ Псалмопѣвца говоритъ: *ходяй по пути непорочну, сей Ми служаше* (Псал. С, 6). Ибо тотъ имѣетъ пятно на пути, кто въ добромъ дѣлѣ, которое творитъ, предполагаетъ себѣ награду въ земной славѣ, кто желаетъ получить награду въ этомъ мірѣ, и чернитъ въ очахъ Божіихъ видъ добраго дѣла пятномъ недобраго намѣренія. Иной, на примѣръ, кипитъ ревностію строгости, сильно обличаетъ пороки нечестивыхъ; но если онъ имѣетъ побужденіе къ этому дѣлу не въ любви къ всемогущему Богу, а въ собственной ревности, то въ этомъ служитъ себѣ, а не Господу. Другой съ кротостію переноситъ многое, неправедно содѣваемое, для того, чтобы не было видимо, что онъ гордъ. Слѣдовательно, онъ потому, что не хочетъ быть справедливымъ ради Господа, заботливостію о своей кротости служитъ себѣ, а не Господу. Итакъ остается, чтобы мы, трудимся ли въ служеніи слову, раздаемъ ли нашу собственность нуждающимся, укрощаемъ ли плоть воздержаніемъ, ревнуемъ ли, переносимъ ли иногда обиды съ терпѣніемъ и кротостію, съ особенною строгостію обсуживали свое намѣреніе, потому что все, что мы дѣлаемъ, должны дѣлать не для себя, но по усердію къ Господу, дабы тѣмъ, что мы дѣлаемъ, не служить болѣе

себѣ, нежели Господу. Ибо не Господу, а себѣ служили тѣ, о которыхъ Павелъ говоритъ: *всѣ ищутъ своего, а не того, чего требуетъ Іисусъ Христосъ* (Филип. II, 21 по русскому переводу). Но тотъ же Павелъ съ избранными братіями спѣшилъ служить не себѣ, но Господу, и жизнію и смертію, говоря: *никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, живемъ для Господа; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ мы, или умираемъ, всегда Господни* (Рим. XIV, 7. 8. по русскому переводу). Ибо святые для себя ни живутъ, ни умираютъ. Не живутъ для себя, потому что чрезъ все, что они дѣлаютъ, домогаются приращеній духовныхъ, и молясь, проповѣдуя, занимаясь святыми дѣлами, они желаютъ умножать число гражданъ небеснаго отечества. Не умираютъ для себя, потому что въ виду людей они своею смертію прославляютъ Бога, къ Которому спѣшатъ достигнуть даже смертію. Итакъ въ смерти святыхъ надобно намъ обращать вниманіе не на то, сколько было имъ поношенія отъ невѣрныхъ, но на то, какая слава Господня возрасла въ сердцѣ вѣрующихъ. Если бы они искали своей славы, то въ смерти вѣрно устрашились бы терпѣть столько безчестія. Но никто изъ нихъ ни живетъ для себя, ни умираетъ для себя, потому

что ни въ жизни ни въ смерти они не ищутъ своей славы. Посмотримъ, для себя ли умеръ тотъ самый первый Пастырь Церкви, который жилъ не для себя. Пусть вопросятъ товарища его Іоанна, и пусть сей на основаніи словъ Господнихъ говоритъ о смерти того же самаго пастыря: *сіе же рече, назнаменуя, коею смертію прославитъ Бога* (Іоан. XXI, 19). Слѣдовательно, не для себя умеръ тотъ, кто смертію прославилъ Бога. Итакъ поучимся, братіе мои, тщательно обсуживать свое намѣреніе во всемъ, что мы дѣлаемъ, и не искать своего, если желаемъ служить всемогущему Богу. Но поелику мы сказали, что изъ вѣрующаго народа избираются на служеніе всемогущему Богу сыны Садоковы: то уже-ли въ томъ же народѣ нѣтъ многихъ, которые оказались бы совершенно живущими по заповѣдямъ Божіимъ?—Рѣшительно есть; ибо присовокупляется: *и измѣрилъ притворъ въ долготу сто локтей, и въ широту сто локтей, въ квадратъ* (Іезик. XL, 47. по буквальному переводу съ Латинскаго подлинника).

17. Мы часто уже говорили, что долготою означается долготерпѣніе надежды а широтою—обширность любви. Впереди же гораздо выше (бесѣд. VI, 18. 19) сказано, что сотое число, въ которомъ десять помножаются на десять, означаетъ верхъ

совершенства. Итакъ что значитъ притворъ духовнаго зданія, если не обширность вѣрующихъ народовъ? Но не пусты въ сердцахъ вѣрующихъ и долготерпѣніе надежды и широта любви, ибо онѣ чрезъ вѣру совершаютъ то, что могутъ. Поэтому чрезъ Павла говорится: *во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра дѣйствующая любовію* (Галат. V, 6. по рускому переводу). Итакъ, если въ жизни вѣрующихъ до нѣкоторой степени во всѣхъ совершенно долготерпѣніе надежды, совершенна обширность любви, совершенна увѣренность вѣры, совершенна ревность къ подвигамъ: то притворъ храма имѣетъ квадратъ во сто локтей. Въ мѣрѣ же квадрата нѣтъ ни одной стороны болѣе, и нѣтъ ни одной менѣе, но всѣ вмѣстѣ четыре стороны имѣютъ равное протяженіе; потому что и самыя тѣ добродѣтели, о которыхъ мы сказали, т. е. вѣру, надежду, любовь и дѣятельность, доколѣ мы живемъ въ этой жизни, мы находимъ въ себѣ самихъ равными ихъ одну другой. Но любовь называется большею надежды и вѣры потому, что послѣ того, какъ являются предъ лице нашего Создателя, надежда и вѣра преходятъ, а любовь остается. Ибо нынѣ, на сколько мы вѣруемъ, на столько любимъ; и на сколько любимъ, на столько надѣемся. О вѣрѣ же и дѣятельности Апостолъ Іоаннъ говоритъ:

глаголяй, яко познахъ Его (Бога), *и заповѣди Его не соблюдаетъ, ложь есть* (1 Іоан. II, 14). Потому что познаніе Бога принадлежитъ вѣрѣ, а соблюденіе заповѣдей—дѣятельности. Итакъ, когда есть сила, время и мѣсто для дѣятельности, тогда всякій трудится на столько, на сколько позналъ Бога; и показываетъ, что на столько позналъ Бога, на сколько творитъ добра ради Бога. Итакъ добродѣтели вѣрующаго народа измѣряются квадратомъ; потому что всякой, занимающійся дѣятельною жизнію, на столько вѣруетъ, на сколько надѣется, и и любитъ, и дѣйствуетъ; на столько надѣется, на сколько вѣруетъ, дѣйствуетъ и любитъ; на столько любитъ, на сколько вѣруетъ, надѣется и дѣйствуетъ; на столько дѣйствуетъ, на сколько вѣруетъ, любитъ и надѣется. Такъ какъ въ народѣ святой Церкви есть много и крѣпкихъ по вѣрѣ, и долготерпѣливыхъ по надеждѣ, и обширныхъ любовію, и ревностныхъ въ дѣятельности: то притворъ храма имѣетъ мѣру сто локтей въ квадратъ.

18. Ибо, чтобы намъ сказать что либо и о добродѣтеляхъ ихъ, то мы часто видимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ благоразумными по разумѣнію, стойкими въ несчастіи, справедливыми на дѣлѣ, умѣренными въ удовольствіяхъ, и мѣрно со всею ревностію держащихся отличія. Когда они держатся мудрости, му-

жества, правосудія и умѣренности, или, какъ нѣкоторымъ угодно перечислять ихъ, мудрости, умѣренности, мужества и правосудія, то мѣру духовнаго притвора имѣютъ въ квадратъ. Ибо вотъ самыя добродѣтели, которыя, по нашему слову, имѣютъ добрые и вѣрующіе, состоятъ въ такомъ квадратѣ, что одна за другую не выступаетъ. Потому что великая добродѣтель есть мудрость; но если она менѣе умѣренна въ наслажденіяхъ, менѣе мужественна въ опасностяхъ, менѣе правосудна въ дѣлахъ, то вѣрно менѣе мудра. Велика добродѣтель есть умѣренность; но если она менѣе разумѣетъ, чѣмъ умѣрять себя, если менѣе можетъ выдерживать несчастія мужествомъ, и въ страхѣ упадаетъ духомъ, если она по своей опрометчивости рѣшается иногда на дѣла несправедливости, то менѣе умѣренна. Велика добродѣтель мужество; но если оно менѣе разумѣетъ, какія блага охранять, какому злу противостоять, если менѣе умѣряетъ себя въ желаніи наслажденія, но побѣждается услажденіемъ, если менѣе держится дѣлъ справедливости, и препобѣждается иногда господствомъ несправедливости, то оно менѣе мужественно. Велика добродѣтель правосудіе; но если оно менѣе, нежели сколько должно, дѣлаетъ различіе между дѣлами справедливыми и несправедливыми, если менѣе умѣряетъ сердце въ наслажденіи

міромъ, если менѣе укрѣпляетъ себя противъ несчастій, то менѣе правосудно. Итакъ пусть жизнь совершенныхъ вѣрующихъ измѣряется квадратомъ, и одна сторона духовнаго притвора пусть имѣетъ столько, сколько прочія другія; потому что всякой столько будетъ мудръ, сколько будетъ умѣренъ, мужественъ и справедливъ; столько умѣренъ, сколько мудръ, мужественъ и справедливъ; столько мужественъ, сколько мудръ, умѣренъ и справедливъ; столько справедливъ, сколько мудръ, умѣренъ и мужественъ. Между тѣмъ есть еще многіе между ними, которые живутъ по плоти. Эти хотя быть можетъ не знаютъ письмени, и заповѣдей Божіихъ читать не могутъ, однако же въ обращеніи со многими вѣрующими вѣрно видятъ тѣ добродѣтели, которымъ подражать должны. Вотъ въ Церкви раздаются звуки Святаго Евангелія и Апостоловъ, вотъ ежедневно представляются взорамъ всѣхъ примѣры людей добродѣтельныхъ. Они не могутъ говорить: мы не видали того, чему бы должны были подражать. Поэтому и присовокупляется: *и олтарь предъ лицемъ храма* (Іезик. XL, 47. по буквальному переводу съ латинскаго подлинника).

19. Что есть храмъ, если не народъ вѣрующій? Такъ какъ чрезъ Павла ученикамъ Апостольскимъ говорится: *храмъ бо Божій святъ есть, иже*

есте вы (1 Кор. III, 17). И что значитъ олтарь Божій, если не душа людей добродѣтельныхъ? Они, памятуя о грѣхахъ своихъ, смываютъ пятна слезами, плоть умерщвляютъ воздержаніемъ, ни въ какія дѣла міра сего не вмѣшиваются, раздаютъ свое имѣніе бѣднымъ, и не желаютъ имѣть того, чего не имѣютъ. Поэтому справедливо сердце ихъ называется олтаремъ Божіимъ, на которомъ отъ скорби сокрушенія горитъ огнь, и сожигается плоть. И неужели мы, возлюбленнѣйшіе братіе, ежедневно не видимъ таковыхъ въ святомъ этомъ вѣрующемъ народѣ, какъ бы въ притворѣ храма? Ужели не взираемъ непрестанно на жизнь ихъ, предложенную въ примѣръ для насъ? Итакъ олтарь предъ лицемъ храма, когда многіе поставлены на виду святой Церкви такіе, которые, памятуя о вѣчномъ судѣ, ежедневно въ плачѣ сокрушенія закалаютъ самихъ себя въ жертвоприношеніе Богу. Они, какъ выше сказано, очищаютъ тѣла, поколику исполняютъ то, что говорится чрезъ учителя языковъ: *представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. XII, 1). Потому что жертва убивается для того, чтобы быть принесенною. Но жертва живая есть тѣло, изнуренное ради Господа. Оно и жертвою называется, и живою, потому что и живо для добродѣтелей, и убито для пороковъ. Жертва

оно именно потому, что уже мертво для міра сего по дѣламъ нечестивымъ; а живо потому, что дѣлаетъ всѣ добродѣтели, которыя можетъ.

20. Но поелику подъ именемъ олтаря у насъ привзошло слово о пламени сокрушенія: то я считаю необходимымъ показать, какое должно быть различіе этого самаго сокрушенія. Потому что одно сокрушеніе есть то, которое раждается отъ страха, а другое то, которое раждается отъ любви; потому что иное значитъ—бѣгать отъ наказаній, и иное—желать наградъ. Поэтому-то закономъ повелѣвается, чтобы даже въ Скиніи было два олтаря, одинъ именно внѣшній, а другой внутренній; одинъ въ притворѣ, другой предъ ковчегомъ; одинъ тотъ, который былъ сдѣланъ изъ мѣди, другой тотъ, который покрытъ золотомъ (Исх. XXXIX, 37. 38. XL. 5 и далѣе). Но на олтарѣ мѣдномъ сожигаются мяса, а на олтарѣ золотомъ курятся ароматы. Что это значитъ, возлюбленнѣйшіе братіе, что внѣ сожигаются мяса, внутри ароматы, если не то, что мы видимъ ежедневно; потому что два рода сокрушенія, такъ какъ одни мучатся еще отъ страха, а другіе уже изъ любви проливаютъ слезы? Ибо многіе, памятуя о грѣхахъ своихъ, когда устрашаются вѣчныхъ наказаній, тогда ежедневно обливаютъ себя слезами. Они убиваютъ то зло, которое сдѣлали, и ог-

немъ сокрущенія сожигаютъ тѣ пороки, которыхъ приражения доселѣ еще ощущаютъ въ сердцѣ. Что жь они такое, если не мѣдный олтарь, на которомъ сожигаютъ мяса, потому что ими доселѣ еще очищаются дѣла плотскія?

21. Но другіе, будучи свободны отъ пороковъ, или уже омывши ихъ продолжительными слезами, горятъ пламенемъ любви въ слезахъ сокрушенія, сердечными очами видятъ впереди награды небеснаго отечества, желаютъ быть уже среди вышнихъ гражданъ. Продолжительность странствованія ихъ кажется имъ жестокимъ рабствомъ. Они желаютъ видѣть Царя въ славѣ Его, и ежедневно не перестаютъ плакать изъ любви къ Нему (Ис. XXXIII, 17). Что такое они, если не золотой олтарь, въ сердцѣ которыхъ зажжены ароматы, потому что горятъ добродѣтели? Хорошо же говорится о томъ же олтарѣ, что онъ имѣлъ положеніе предъ завѣсою *ковчега во святая святыхъ.* Потому что ковчегомъ завѣта содѣлался для насъ Самъ Тотъ, о Которомъ, какъ мы знаемъ, написано: *въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. II, 3). Ковчегъ за завѣсой есть Искупитель нашъ на небѣ. Но олтарь золотой, на которомъ курится фиміамъ предъ завѣсою, суть сердца святыхъ, которыя, будучи воспламенены великими добродѣтелями изъ любви къ

Богу, пламенѣютъ святымъ стремленіемъ къ Тому, Кого еще не могутъ видѣть открытымъ лицемъ. Поелику между ковчегомъ и олтаремъ есть завѣса: то это значитъ, что то препятстіе нашего повреждeнія, которое еще отдѣляетъ насъ отъ видѣнія Бога, не велико. Но доколѣ мы находимся еще предъ завѣсою, намъ должно горѣть, какъ бы возженному фиміаму, пламенемъ любви. Чрезъ слезы сокрушенія мы не должны желать ничего земнаго, ничего преходящаго. Для насъ достаточно должно быть Того Единаго, Который все сотворилъ.—Прослѣдимъ по желанію все, чтобы собрать душу воедино. Не страхомъ уже наказаній, не воспоминаніемъ о порокахъ, но пламенемъ любви объятые, будемъ горѣть въ слезахъ съ запахомъ добродѣтелей.

22. Эта молитва избранныхъ была уже предвидѣна, когда въ похвалѣ невѣстѣ было сказано: *кто сія восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ, отъ всѣхъ благовоній мvроварица* (Пѣсн. пѣсн. III, 6)? Потому что святая Церковь избранныхъ, когда по пламенной любви высится въ святыхъ молитвахъ надъ симъ міромъ, восходитъ чрезъ пустыню, которую оставляетъ пустою. Но какъ она восходитъ, сказано: *яко стебло дыма кадящее смирну и ливанъ.* Дымъ происходитъ отъ горенія, какъ чрезъ Псалмопѣвца говорится: *да ис-*

правится молитва моя, яко кадило (жертвокуреніе) *предъ Тобою* (Псал. CXL, 2). Дымъ обыкновенно выжимаетъ слезы. Слѣдовательно, дымъ изъ ароматовъ значитъ умилительную молитву, составленную изъ добродѣтелей любви. Впрочемъ эта молитва называется *стебломъ дыма*, потому что, умоляя объ одномъ только небесномъ, имѣетъ такое прямое направленіе, что рѣшительно не уклоняется къ прошенію земнаго и временнаго. И замѣчательно, что она называется, не лозою, но *стебломъ* (лозишкою), потому что иногда въ жару сокрушенія сила любви бываетъ такъ тонка, что ее не можетъ понять тотъ самый духъ, который заслужилъ имѣть ее чрезъ озареніе.

23. Но хорошо говорится: *кадящее смирну и ливанъ*. Ибо ладонъ по закону Господню зажигается при жертвоприношеніи. Смирною же бальзамируются тѣла умершихъ, дабы онѣ не были вредимы отъ червей. Слѣдовательно, жертвоприношеніе смирны и ливана (ладона) приносятъ тѣ, которые и тѣло изнуряютъ для того, чтобы не обладали ими пороки поврежденія, и приносятъ благоухающую предъ лицемъ Господа жертву любви своей, и предаютъ самихъ себя Богу въ святыхъ добродѣтеляхъ. Поэтому-то и тамъ присовокупляется: *отъ всѣхъ благовоній мѵроварца*. Благовоніе мѵроварца есть

добродѣтель хорошо дѣйствующаго. И надобно замѣтить, что добродѣтели хорошо дѣйствующихъ называются не мастями, но благовоніями. Ибо когда мы дѣлаемъ что либо доброе, тогда приносимъ въ жертву масти. А когда мы обсуживаемъ даже самое то добро, которое дѣлаемъ, и при тщательномъ обсужденіи обращаемъ вниманіе на то, чтобы въ немъ не было чего либо нехорошаго: тогда какъ бы изъ мастей извлекаемъ благовонія, чтобы тонѣе курить намъ предъ Господомъ молитву свою съ разборчивостію и любовію.

24. Вотъ, возлюбленнѣйшіе братіе, мы, по милости Божіей, прояснили это предъ вами, какъ могли. Но никто да не укоряетъ меня за то, если я послѣ сей бесѣды умолкну; потому что, какъ всѣ вы видите, наши напасти увеличились до чрезмѣрности: со всѣхъ сторонъ мы окружены мечами, со всѣхъ сторонъ угрожаетъ намъ опасность смерти. Одни возвращаются къ намъ съ оторванными руками, другіе плѣнены, о третьихъ слышно, что они убиты. Я уже нахожусь вынужденнымъ удержать языкъ отъ объясненія, потому что скорбитъ душа моя о жизни моей (Іов. X, 1). Пусть уже никто не проситъ отъ меня объясненія святаго Писанія, потому что *обратишася въ плачь гусли моя, пѣснь же моя въ рыданіе мнѣ* (Іов. XXX, 31). Око сердца уже

не простираетъ въ проясненіе таинствъ, потому что *воздрема душа моя отъ унынія* (Псал. CXVIII, 28). Уже не сладостно для души чтеніе, *яко забыхъ снѣсти хлѣбъ мой отъ гласа воздыханія моего* (Псал. CI, 5). Но кому не хочется жить, тотъ можетъ ли возвѣщать о таинствахъ въ смыслахъ Св. Писанія? И я, который ежедневно принужденъ бываю пить горькое, могу ли когда либо подносить питье сладкое? Что жь теперь остается, если не то, чтобъ мы среди ударовъ, которые терпимъ за свои беззаконія, со слезами благодарили Господа? Ибо Онъ, Который сотворилъ насъ, содѣлался и Отцемъ для насъ чрезъ духа усыновленія, дарованнаго намъ. И Онъ иногда питаетъ дѣтей хлѣбомъ, а иногда вразумляетъ ихъ розгою; потому что чрезъ скорби и награды воспитываетъ ихъ къ наслѣдію нескончаемому. Итакъ да будетъ слава всемогущему Господу нашему Іисусу Христу, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ въ единеніи Святаго Духа, Богъ, чрезъ всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

Конецъ,

и Богу слава, Емуже честь и держава всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.